

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Шамсунов С. Х.	
<i>Проблемные аспекты деятельности персонала учреждений и органов уголовно-исполнительной системы</i>	4
Емельянов С. Н.	
<i>Ведомственная подготовка специалистов для учреждений и органов ФСИН России в условиях перехода на двухуровневую систему высшего профессионального образования: за и против</i>	8
Морозов В. М.	
<i>Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы нормативно-правового обеспечения и поиск путей устранения угроз</i>	11
Андреев О. В., Алексеева М. И.	
<i>Формирование нравственности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы как важнейшее направление подготовки специалистов ФСИН России</i>	14
Баландин Д. А.	
<i>Отдельные проблемы проведения государственного финансового контроля в сфере оперативно-розыскной деятельности</i>	18
Виноградов В. В.	
<i>Проблемы взаимодействия социальной службы пенитенциарного учреждения с государственными и общественными организациями</i>	20
Дружинина С. В.	
<i>Комплексный анализ содержания и уровня организационной культуры кадровых подразделений уголовно-исполнительной системы</i>	24
Зауторова Э. В.	
<i>Опыт взаимодействия социальной службы исправительных учреждений Вологодской области с общественными организациями</i>	28
Иванова А. А.	
<i>Пенитенциарный подростковый экстремизм и его социальная детерминация</i>	30
Ирисханов А. З.	
<i>Некоторые аспекты проблемы определения механизма развития пенитенциарных преступлений</i>	34
Казакова Е. Н.	
<i>Условно-досрочное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы: проблемы и пути их решения</i>	40
Карпов Э. С.	
<i>Проблемы правового регулирования ведомственного финансового контроля в учреждениях и органах ФСИН России</i> ..	49
Колесникова Н. Е.	
<i>Групповая психокоррекционная работа как возможность ресоциализации лиц, отбывающих наказание</i>	53
Кудрявцев А. В.	
<i>Оперативно-розыскные правоотношения: сущность и юридическое своеобразие</i>	55
Куркина И. Н.	
<i>Международное сотрудничество пенитенциарных систем: современное состояние и перспективы развития</i>	61
Лапшин В. Е.	
<i>Направления профилактической работы с осужденными, склонными к суициду</i>	63
Меркурьев В. В., Богачевская Е. А.	
<i>Проявления организованной преступной деятельности в пенитенциарных учреждениях России начала XXI в.</i>	64
Пикин И. В.	
<i>Международные гарантии как составная часть системы юридических гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц в сфере исполнения наказания</i>	71
Рузевич О. Р.	
<i>Угроза применением насилия в отношении осужденного и сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей: проблемы теории и практики</i>	74
Смирнов А. М.	
<i>Изменение срока лишения свободы в процессе его отбывания как инструмент стимулирования правоупотребительного поведения осужденных и достижения целей уголовного наказания</i>	79
Сорокин М. В.	
<i>Специфика социальной работы с осужденными, содержащимися в тюрьмах УИС России</i>	82
Фатхуллин Р. Р.	
<i>Соввершенствование оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России</i>	85
Щербаков Г. В.	
<i>Формы сотрудничества социальной службы исправительного учреждения с государственными и общественными организациями в рамках социальной реабилитации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы</i>	89

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Александров А. А. <i>Современное законодательство об исполнительном производстве: проблемы и перспективы</i>	92
Алексеев А. П. <i>Из истории возникновения правовой системы охраны интеллектуальной собственности</i>	94
Баранова М. В. <i>Пределы права рекламного средства массовой информации на освещение деятельности правоохранительных структур (критические заметки на полях приказа Федеральной службы исполнения наказаний от 29 февраля 2008 г. № 128)</i>	96
Барнина Ю. С. <i>Механизм продления действия правовых актов</i>	101
Блинов Ю. С. <i>Формирование понятий в оперативно-розыскной деятельности</i>	107
Богатырев В. В. <i>Роль телевидения в формировании глобального сознания</i>	110
Головинская И. В. <i>Соблюдение интересов правосудия при прекращении уголовных дел мировым судьей</i>	114
Грачева Ю. В. <i>Правовые связи или регулятивные уголовно-правовые отношения?</i>	119
Гудков А. И. <i>Содержание алиментного обязательства в современном отечественном законодательстве</i>	123
Дегтева Д. В. <i>Причины, условия и правовые последствия маргинальности в России</i>	126
Зеленин Д. Н. <i>Особенности совершения мошенничества и сопряженных с ним преступлений в сфере отчуждения жилья</i>	130
Изосимов С. В. <i>Конституционное право человека на труд и его обеспечение уголовно-правовыми средствами</i>	134
Иринчеев В. В., Никитин Д. Н., Лагерь И. В. <i>Применение метода частотного анализа для прогнозирования динамики регистрируемой преступности на краткосрочную перспективу (по данным уголовной статистики УВД по Владимирской области)</i>	141
Коломытцева О. Н. <i>Влияние компьютерных технологий на развитие современной демократии</i>	144
Коломытцева О. Н., Коломытцева Л. Н. <i>Деятельность Общественной палаты РФ по ограничению государственной власти</i>	148
Колосов А. С., Колосова Т. Е. <i>Гражданско-правовая (имущественная) ответственность адвоката перед доверителем</i>	151
Красильщиков А. В. <i>Правовые формы политического влияния экономических организаций в процессе перехода России на инновационный путь развития</i>	154
Кужиков А. Ю. <i>Нравы в системе социального регулирования общественных отношений</i>	158
Кулагин А. В. <i>Структурные элементы правового воспитания сотрудников правоохранительных органов</i>	161
Левит В. О. <i>Дефиниции в актах официального толкования: постановка проблемы</i>	163
Малютина О. А. <i>Совершенствование языка протокола следственного действия</i>	165
Маслов Д. Е. <i>Некоторые общетеоретические проблемы подготовки и реализации криминалистических рекомендаций в борьбе с экономическими преступлениями</i>	170
Матюшенков Д. А. <i>Актуальные проблемы раскрытия хищений автотранспортных средств, совершенных организованными группами</i>	172
Невский Н. Н. <i>Перспективы развития законодательства об обращении с жертвами преступлений в России</i>	178
Никитюк С. М. <i>Стоимость как правовая категория</i>	180
Омельянюк Г. Г., Москвина Т. П. <i>Законодательное обеспечение судебно-экспертной деятельности в области экологической безопасности</i>	184
Поводова Е. В. <i>Государственная регистрация права собственности на недвижимое имущество</i>	187

Савельева В. С.	
<i>Некоторые актуальные вопросы теории и практики квалификации убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах</i>	192
Савин А. А.	
<i>Основные направления правовой политики Российского государства об охране морских живых ресурсов (историко-правовой аспект)</i>	201
Сеидов М. Ш.	
<i>Подзаконные нормативные акты в системе источников права и правового регулирования</i>	204
Тараканов И. А.	
<i>Проблема доказывания правомерности оборонительных действий при необходимой обороне от группового посягательства</i>	211
Ткачук Т. А.	
<i>Место и значение реконструкции в розыскной деятельности следователя</i>	214
Фортова Л. К., Баринаева А. Н.	
<i>Причины агрессии в подростковом возрасте</i>	217
Хартанович К. В.	
<i>Экономика и право: диалектика взаимосвязи</i>	219
Шаханов В. В., Лавров В. А., Пахомов М. С.	
<i>Юридически значимое молчание и конклюдентность в праве: проблемы использования</i>	221
Шашин Д. Г.	
<i>Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в России и Казахстане: сходства и различия</i>	226
Эндреев М. М.	
<i>Современное состояние информационно-поисковых систем в раскрытии и расследовании преступлений</i>	228

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Агарков А. В.	
<i>Использование провокации в деятельности органов политического сыска Российской империи</i>	233
Амосова О. С.	
<i>Из истории городского сословия в России</i>	236
Глухова А. В.	
<i>Пенитенциарное законодательство России в период правления Петра I</i>	238
Ерин Д. А., Бубнова Ю. Г.	
<i>Кадровое обеспечение промышленной милиции Владимирской губернии (1920–1921 гг.)</i>	240
Захаров М. В., Непсо С. В.	
<i>Благотворительные общества Кубани в пенитенциарной системе второй половины XIX в.</i>	243
Ключников М. И.	
<i>И. Я. Фойницкий о праве и неизбежности наказания</i>	248
Краев Д. Н.	
<i>Особенности регистрации и учета населения органами внутренних дел в 1932–1945 гг. (на примере Кировской области)</i>	250
Лукашин М. В.	
<i>Некоторые аспекты выявления и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия времен Великой Отечественной войны</i>	255
Попович А. В.	
<i>Правовое регулирование института каторги и ссылки в Российской империи в XIX – начале XX вв.</i>	257
Федотова И. Н.	
<i>Тюремная благотворительность во Владимирском крае в 50–70-е гг. XIX в.</i>	263
Филиппова Л. Е.	
<i>Становление кадровой политики исправительно-трудовой системы России в первые годы советской власти (1917–1924 гг.)</i>	272
Чучаев А. А.	
<i>Г. И. Солнцев: имя в истории</i>	277

ПРЕСТУПНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, КРИМИНОЛОГИЯ: ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ

Горячев М. А.	
<i>Вопросы совершенствования законодательной формулы посредственного исполнения</i>	287
Пхитиков А. Ю.	
<i>Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступление, связанные с незаконным оборотом спиртных напитков (на примере Кабардино-Балкарской Республики).....</i>	291

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

С. Х. Шамсунов,
*заместитель директора ФСИН России
доктор юридических наук, профессор*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России наиболее острой остается проблема кадрового обеспечения ее деятельности. Решение указанной проблемы является не только необходимым и важнейшим условием нормального функционирования отдельно взятого структурного подразделения (исправительного учреждения, следственного изолятора), но и гарантом повышения эффективности деятельности всей системы исполнения наказаний в целом.

Интеграция Российской Федерации с европейским сообществом, ратификация ряда важнейших правовых документов актуализировали задачу приведения уголовно-исполнительной системы в соответствие с высокими требованиями международных стандартов обращения с заключенными. Выполнение обязательств, принятых при вступлении России в Совет Европы, в первую очередь в сфере обеспечения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и осужденных к уголовному наказанию в виде лишения свободы, в конечном итоге напрямую связано с профессионализмом работников уголовно-исполнительной системы.

В частности, одиннадцатого января 2006 г. на заседании Совета Европы были приняты Европейские пенитенциарные правила, отражающие гуманизацию пенитенциарной политики его государств-членов¹. Комитет Министров рекомендовал последним руководствоваться данными Правилами в про-

цессе реализации меры процессуального принуждения в виде содержания под стражей и исполнения наказаний, связанных с изоляцией от общества. Кроме того, ряд положений указанных Правил регулируют вопросы, связанные с подбором персонала для работы в исправительных учреждениях. Так, п. 76 Правил гласит: «Персонал должен тщательно подбираться, иметь надлежащую подготовку... и... статус, пользующийся уважением в гражданском обществе».

Вместе с тем некоторые исследователи отмечают, что в настоящее время при проведении кадровой политики в деятельности уголовно-исполнительной системы до сих пор остаются нерешенными противоречия между:

- потребностью учреждений и органов пенитенциарной системы в высококвалифицированных юристах, психологах, педагогах, социальных работников и недостаточным их количеством;
- высокой требовательностью к профессиональным умениям и навыкам сотрудников уголовно-исполнительной системы и низким уровнем их подготовки в процессе обучения;
- жесткими требованиями служебных взаимоотношений власти и подчинения и необходимостью демократизации, гуманизации отношений с коллегами, а также подозреваемыми, обвиняемыми в совершении преступлений и осужденными;
- обязательным умением быстро приспосабливаться к специфике несения службы в исправительных учреждениях и недостаточной разработанностью организационно-правовых и психолого-педагогических основ адаптации к новым условиям жизнедеятельности².

¹ См.: http://www.prison.org/law/cur_pr.shtml.

² См., напр.: Огородников В. И. Управление персоналом в условиях реформирования УИС Минюста России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 4.

Кроме того, анализ практики деятельности уголовно-исполнительной системы и общественного мнения также свидетельствует о невысоком престиже службы в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания.

В последнее время руководство Российской Федерации уделяет большое внимание формированию положительного облика сотрудника правоохранительных органов. В частности, при содействии ФСИН России в средствах массовой информации подготовлены и размещены многочисленные сообщения о функционировании исправительных учреждений и следственных изоляторов, отражающие сложность и риск профессии работника уголовно-исполнительной системы; активно осуществляется научно-исследовательская деятельность по разработке организационно-правовых мер совершенствования кадрового обеспечения системы исполнения наказаний; награждаются государственными, ведомственными орденами и медалями сотрудники, самоотверженно исполняющие служебный долг, проявившие смелость и решительность при ликвидации чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и криминального характера, а также во время участия в контртеррористических операциях.

Данные меры способствуют выработке адекватного отношения общества к работнику уголовно-исполнительной системы, популяризации этой профессии в отличие от телевизионных сериалов, таких как «Острог», «Зона», превозносящих традиции и обычаи криминальной субкультуры и открыто порочащих сотрудников исправительных учреждений.

Также одной из важнейших проблем организации кадровой политики в уголовно-исполнительной системе является состояние социальной и правовой защиты работников учреждений и органов, исполняющих наказания.

К сожалению, необходимо отметить недостаточный уровень заработной платы персонала исправительных учреждений и материальной компенсации социальных льгот, отмененных в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федера-

ции и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ¹. В частности, сотрудник в первоначальном звании лейтенанта в уголовно-исполнительной системе получает денежное довольствие, равное 71 % довольствия, получаемого сотрудником МВД или МЧС². Особенно низок уровень материального положения вольнонаемных рабочих и служащих, а также сотрудников из числа младшего инспекторского состава подразделений режима, безопасности, охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России.

Кроме того, по состоянию на 1 июля 2006 г. нуждаются в улучшении жилищных условий 40 489 работников уголовно-исполнительной системы, из них 35 289 аттестованных, причем 30 % от их числа состоят на учете свыше 10 лет. Также нерешенной остается проблема медицинского страхования для тысяч работников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Отсутствие достаточной социальной защищенности работников и членов их семей, сопряженное с высокими нервно-психологическими нагрузками, значительным риском для здоровья, неудовлетворенностью условиями прохождения службы, невысоким общественным рейтингом профессии, обуславливают большую текучесть кадров, неукомплектованность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы аттестованными сотрудниками, а также рабочими и служащими.

По данным ФСИН России, численность старшего и среднего начальствующего состава по состоянию на 1 января 2008 г. со-

¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

² См.: Концепция развития кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы на период до 2011 года. Утв. директором ФСИН России Ю. И. Калинин 14 сент. 2007 г.

ставляет 125 709 чел., или 97 % от штатной численности. По сравнению с аналогичным показателем прошлого года (по состоянию на 1 января 2007 г. – 124 086 чел.) она несколько увеличилась. Количество должностей, замещенных рядовым и младшим начальствующим составом, также несколько возросло и по состоянию на 1 января 2008 г. составляет 126 133, или 97,9 % от штатной численности (по состоянию на 1 января 2007 г. – 124 901).

Однако, несмотря на увеличение замещенных должностей аттестованными сотрудниками, снижается число гражданских служащих с 86 196 в 2006 г. до 84 468 в 2007 г., что составляет 89,1 % от штатной численности.

Отсутствие стабилизации кадров в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, неукомплектованность рабочих мест исполнителями обуславливают следующие негативные последствия:

- увеличение нагрузки на высококвалифицированных специалистов;
- ухудшение морально-психологического климата в коллективе;
- совмещение постов, которое категорически запрещается;
- отсутствие достаточного опыта несения службы, особенно у младшего инспекторского состава отделов режима, безопасности, охраны. Причиной этому может служить тот факт, что вследствие невысокой заработной платы происходит отток высококвалифицированных кадров, и подразделения комплектуются сотрудниками, не имеющими достаточного уровня специального образования, а также необходимого опыта практической деятельности;
- как следствие вышеизложенного – недостаточный профессиональный уровень младшего инспекторского состава, не всегда удовлетворительное знание своих прав и должностных обязанностей, а также действий при чрезвычайных обстоятельствах.
- незнание либо слабое знание специфики деятельности исправительных учреждений и порядка несения службы, приводящие к нарушениям служебной дисциплины, административным правонарушениям и даже преступлениям со стороны сотрудников, а также в отношении их. По данным

ФСИН России, на 1 января 2008 г. за нарушения дисциплины и совершение проступков из уголовно-исполнительной системы уволено 68 сотрудников старшего и среднего начальствующего состава, 175 – рядового и младшего начальствующего состава, а также 22 сотрудника в связи с осуждением их судами. Кроме того, Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1 гарантируется защита персональных данных о сотрудниках уголовно-исполнительной системы и членах их семей¹. В то же время некоторые работники, слабо знающие свои права и обязанности, сознательно размещают личные фотографии и информацию о своей принадлежности к правоохранительным органам, адресе, составе семьи на сайтах Интернета, что способствует возрослому числу угроз в адрес личного состава уголовно-исполнительной системы и нападениям на сотрудников;

– увеличение числа женщин – младших инспекторов ввиду низкой заработной платы для замещения должностей мужчинами. В отсутствие специальных средств при несении службы на внутренних постах создается реальная угроза жизни и здоровью этих женщин, так как уровень их физической подготовки намного ниже, чем у мужчин. На внешних постах сотрудники несут службу с огнестрельным оружием, что для женщин при недостатке соответствующей подготовки может стать серьезной проблемой.

Указанные негативные последствия стабилизации кадров уголовно-исполнительной системы вызывают необходимость проведения следующих мероприятий по их устранению и совершенствованию организации кадрового обеспечения:

1) осуществление контроля за прохождением в полном объеме обязательной практики всех вновь зачисленных сотрудников на должности под руководством опытных наставников;

2) систематическое проведение занятий с сотрудниками и обязательная проверка знания должностных обязанностей и дейст-

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; Рос. газ. 2007. 23 июня.

вий при чрезвычайных ситуациях с практической отработкой различных вводных;

3) чтение лекций по правовым вопросам с изучением основных законодательных и ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность уголовно-исполнительной системы, а также специфики исправительных учреждений и особенностей категорий лиц, в них содержащихся;

4) систематическое принятие зачетов по знанию нормативных правовых актов, регулирующих деятельность уголовно-исполнительной системы, должностных обязанностей, а также владению приемами физической, боевой и огневой подготовки;

5) качественное проведение инструктажей с заступающими на службу сотрудниками дежурных, дневной смен, караулов.

В целях совершенствования кадрового обеспечения деятельности исправительных учреждений, разрешения указанных проблем и повышения престижа работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы также необходимо:

1) продолжать работу по качественному укомплектованию исправительных учреждений кадрами, повышению их профессионального уровня, созданию необходимых условий для несения службы и отдыха, строительству жилья для сотрудников и членов их семей;

2) обеспечивать результативную индивидуальную воспитательную работу с персоналом представителями кадрового, воспитательного аппарата, психологических служб, социальных работников. Цель индивидуальной воспитательной работы заключается в оптимизации сроков адаптации молодых сотрудников на службе, формировании у них профессионально значимых и морально-волевых качеств, повышении профессиональной компетенции, профилактике деформации личности, создании компенсирующих условий во внеслужебное время для расширения социальных связей и интересов и достигается путем активного использования института наставничества; проведения бесед, психологического консультирования, обучения; деятельности судов чести, проведения офицерских собраний, активизации деятельности совета ветеранов и т. д.;

3) продолжать работу по направлению работников уголовно-исполнительной системы на переподготовку и повышение квалификации в образовательные учреждения среднего и высшего профессионального образования ФСИН России;

4) поощрять инициативу сотрудников по получению ими среднего и высшего специального образования в федеральных государственных образовательных учреждениях ФСИН России;

5) повышать эффективность взаимодействия руководителей территориальных органов уголовно-исполнительной системы и исправительных учреждений с органами власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, благотворительными фондами и общественными организациями по вопросам привлечения их к решению социальных проблем работников;

6) улучшать работу по профилактике правонарушений, преступлений и нарушений служебной дисциплины со стороны персонала уголовно-исполнительной системы, а также случаев суицида и злоупотребления алкогольными напитками.

Таким образом, в кадровом обеспечении уголовно-исполнительной системы существует ряд проблем, связанных с комплектованием ее работниками, их профессиональным и образовательным уровнем, организацией несения службы рабочими, служащими, сотрудниками из числа младшего инспекторского и офицерского состава, требующих скорейшего разрешения в целях совершенствования функционально-организационного механизма деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов в современных условиях.

Библиографический список

1. Огородников, В. И. Управление персоналом в условиях реформирования УИС Минюста России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003.

2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316 ; Рос. газ. – 2007. – 23 июня.

С. Н. Емельянов,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

**ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДГОТОВКА
СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ И
ОРГАНОВ ФСИН РОССИИ В УСЛОВИЯХ
ПЕРЕХОДА НА ДВУХУРОВНЕВУЮ СИСТЕМУ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ЗА И ПРОТИВ**

Интеграция Российской Федерации в европейское сообщество обусловила необходимость определения в числе основных условий усиления политической и экономической роли России и повышения благосостояния ее населения обеспечения конкурентоспособности страны. Данное положение послужило отправной точкой для реформирования всех сфер деятельности государственных институтов, поскольку в современном мире, идущем по пути глобализации, способность быстро адаптироваться к условиям международной конкуренции становится важнейшим фактором успешного и устойчивого развития. Система высшего профессионального образования не стала исключением. Девятнадцатого сентября 2003 г. Россия подписала Декларацию о создании общеевропейского пространства высшего образования (принята в г. Болонии 19 июня 1999 г. (далее: Болонская декларация) и официально присоединилась к процессу формирования единого общеевропейского образовательного пространства. В этой связи было принято решение перевести ступени отечественного высшего профессионального образования на двухуровневую систему в соответствии с европейской моделью, согласно которой первый уровень высшего профессионального образования – подготовка бакалавров (бакалавриат) и второй – подготовка магистров (магистратура).

Справедливости ради следует отметить, что до подписания Болонской декларации в России была создана многоступенчатая система высшего профессионального образования, в соответствии с которой в образовательных учреждениях реализовывались (реализуются) профессиональные образовательные программы трех ступеней: первая ступень – подготовка бакалавров, вторая – подготовка дипломированных специалистов, третья – подготовка магистров. Причем вторая ступень и в настоящее время остается самой распространенной. Образовательные про-

граммы подготовки дипломированных специалистов относятся в нашей стране к числу традиционных, наиболее адаптированных к отечественному рынку труда и соответственно являются наиболее востребованными. Вместе с тем Россия подписала соглашение, взяла на себя обязательство и переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования практически был предрешен. Образовательное сообщество по-разному восприняло данное решение, однако его исполнение после внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство уже не подлежало сомнению и стало обязательным для всех. Таким образом, все без исключения образовательные учреждения высшего профессионального образования страны независимо от ведомственной принадлежности обязаны перейти на двухуровневую систему подготовки кадров. Сегодня можно лишь предположить, какие преимущества или недостатки повлечет за собой этот переход. Тем не менее некоторые из них уже отчетливо просматриваются. Именно об этом хотелось бы поговорить более подробно.

Анализ проекта федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (далее: Проект) по специальности 030500 – юриспруденция, принятого за основу на заседании президиума учебно-методического объединения (УМО) по юридическому образованию вузов Российской Федерации 7 декабря 2007 г., показывает, что область профессиональной деятельности выпускников по данному направлению подготовки включает в себя разработку, реализацию правовых норм; обеспечение законности и правопорядка (подп. 3.3). Данное положение свидетельствует о том, что переход на федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения сохранит юриспруденцию за ведомственными вузами правоохранительных органов, в том числе находящихся в ведении Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), в качестве основного направления подготовки. Это подтверждается и определением в качестве объектов профессиональной деятельности выпускников (подп. 3.4 Проекта) общественные отношения в сфере реализации правовых норм, обеспечения законности и правопорядка.

Вместе с тем анализ видов профессиональной деятельности, предусмотренных подп. 3.5 Проекта, показывает, что их перечень, несмотря на определенную универ-

сальность для отдельных профессиональных групп сотрудников ФСИН России, имеет вполне определенное адресное значение. Так, например, для бакалавров предусмотрены следующие виды профессиональной деятельности: нормотворческая, правоприменительная, правоохранительная и консультативная (подп. 3.5.1 Проекта). Данный перечень практически полностью охватывает основные направления деятельности ФСИН России. Обучение сотрудников в подведомственных ей (деятельности) вузах позволит выпускникам на практике на высоком профессиональном уровне решать поставленные перед ней задачи во всех подразделениях и службах исправительных учреждений и учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Вместе с тем Положение о Федеральной службе исполнения наказаний в числе основных задач предусматривает управление территориальными органами ФСИН России и непосредственно подчиненными подразделениями (подп. 8 п. 3 указанного Положения). Решение подобных задач не предусмотрено видами профессиональной деятельности бакалавра.

Следует также обратить внимание на то, что в состав уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) входит 758 исправительных колоний, 216 следственных изоляторов, 7 тюрем, 62 воспитательные колонии, 2445 уголовно-исполнительных инспекций, 9 образовательных учреждений (7 – высшего профессионального образования, 1 – среднего профессионального образования, 1 – дополнительного профессионального образования) с 7 филиалами, 2 научно-исследовательских института с 3 филиалами, свыше 20 учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России. Кроме того, необходимо учитывать, что Центральный аппарат ФСИН России включает в себя 24 структурных подразделения, руководство 17 из которых предусмотрено сотрудниками, имеющими специальные звания высшего начальствующего состава. В данном случае легко представить примерную потребность ФСИН России в управленческих кадрах. При этом организационно-управленческая деятельность как вид профессиональной деятельности выпускника предусмотрена лишь для магистратуры (подразд. «д» подп. 3.5.2 Проекта). Данное положение свидетельствует о необходимости при переходе на двухуровневую систему высшего профессионального образования лицензирования основных про-

фессиональных образовательных программ, как по уровню подготовки бакалавров, так и по уровню подготовки магистров. О пользе сказанного также свидетельствует потребность образовательных и научно-исследовательских учреждений ФСИН России в научно-педагогических и научных кадрах, что предусмотрено лишь в перечне видов профессиональной деятельности магистров (подп. 3.5.2 Проекта: подразд. «е» – научно-исследовательская и подразд. «ж» – педагогическая).

Более того, согласно требованию Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ в адъюнктуру образовательных учреждений или научных организаций на конкурсной основе принимаются граждане, имеющие высшее профессиональное образование, подтвержденное дипломом специалиста или дипломом магистра.

Таким образом, наличие диплома бакалавра будет давать возможность выпускнику вуза замещения должностей начальствующего состава учреждений и органов ФСИН России за исключением руководящих, а также должностей профессорско-преподавательского состава и научных работников, замещение которых потребует наличие диплома магистра. Для поступления в адъюнктуру сотруднику ФСИН России потребуются наличие диплома специалиста либо диплома магистра. Данное положение обуславливает необходимость научно обоснованного определения потребности учреждений и органов ФСИН России в кадрах соответствующих категорий сотрудников с целью определения перечня учебных заведений ФСИН России, а также количества приемных мест для организации обучения по уровню подготовки магистра.

Вместе с тем среди факторов, определяющих качество подготовки специалиста той или иной квалификации, одним из основных является содержание образовательного процесса. Анализ структуры основной образовательной программы бакалавра показывает, что в ней циклы дисциплин специализации и специальных дисциплин отсутствуют. Перечни учебных дисциплин гуманитарного, социального и экономического, а также профессионального циклов определены, в том числе их базовой и вариативной частей, что сводит практически к нулю возможность включения в учебный план дисциплин специализации (организация режима и охраны в исправительных учреждениях, оперативно-

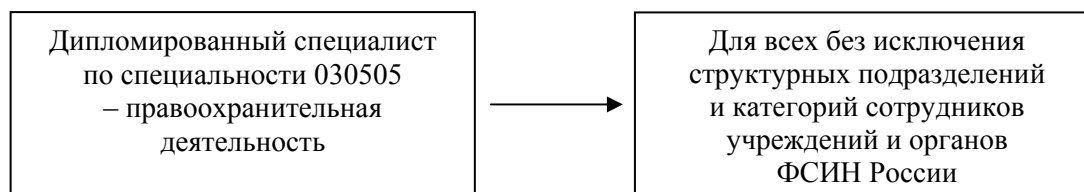
розыскная деятельность, пенитенциарная педагогика и т. п.). Это значит, что выпускник образовательного учреждения с дипломом бакалавра будет иметь возможность прохождения службы в подразделениях учреждений и органов ФСИН России, служебная деятельность которых не требует специальной подготовки (юридическая служба, управление (отдел) кадров и т. п.) и практически не будет готовым к самостоятельному несению службы в оперативном, режимном подразделении, подразделении охраны, конвоирования, т. е. основных службах учреждений и органов ФСИН России. Для этого его необходимо будет направить на переподготовку и готовить к прохождению службы уже в конкретном подразделении, что называется адресно. Хотя возможен и другой вариант. Законодательство об образовании сохранило возможность подготовки дипломированных специалистов в соответствии с перечнем специальностей, утвержденных Правительством Российской Федерации (ч. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»). С 2001 г. в образовательных учреждениях МВД России реализу-

ется специальность 030505 – правоохранительная деятельность, государственный образовательный стандарт по которой утвержден Министерством образования и науки Российской Федерации 27 декабря 2005 г. В структуру основной образовательной программы включены необходимые циклы специальных дисциплин и дисциплин специализации, в рамках которых возможно обучение сотрудников для учреждений и органов ФСИН России, что позволит обеспечить их качественную подготовку для самостоятельного несения службы и выполнения на высоком профессиональном уровне стоящих перед ФСИН России задач. Квалификационная характеристика выпускника, а также законодательство об образовании позволяют ему проходить службу на различных должностях в подразделениях правоохранительных органов, в том числе на руководящих, а также продолжать образование в аспирантуре (адъюнктуре). Таким образом, переход образовательных учреждений, подведомственных ФСИН России, на двухуровневую систему высшего профессионального образования возможен с учетом следующих вариантов:

1-й вариант:

2-й вариант:

Какой из рассмотренных вариантов наиболее приемлем, наверное, покажет время, но уже сегодня необходимо провести очень серьезную аналитическую работу с прогнозами на перспективу и экономическими расчетами затрат. Только в этом случае ведомственное профессиональное образование будет обеспечивать получение обучающимися профессии и соответствующей квалификации (требование п. 3 ст. 14 Закона РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1), а также соответствовать требованиям по формированию кадрового состава государственной

службы (ст. 11 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ).

Библиографический список

1. Декларация о создании общеевропейского пространства высшего образования : [принята в г. Болонии 19 июня 1999 г.] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федяева, А. Двухуровневая система высшего образования: за и против / А. Федяева, О. Сидельникова // <http://www.kursk-city.ru/news.php?date=2007-03-12&id=11271>.

В. М. Морозов,
*декан факультета
внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
доктор социологических наук, профессор*

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПОИСК ПУТЕЙ УСТРАНЕНИЯ УГРОЗ

Состояние отечественной экономики, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, социально-политическая поляризация российского общества и криминализация общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма, обострение межнациональных и осложнение международных отношений создают широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны¹.

Система обеспечения национальной безопасности основывается на национальных

интересах Российской Федерации, представляющих собой совокупность интересов личности, общества, государства в экономической, внутривластной, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах.

В связи с этим усилия Российского государства и общества в сфере обеспечения безопасности направлены: на защиту конституционных прав и свобод, личной безопасности, материальных и духовных ценностей, демократии, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России; на обеспечение законности и правопорядка.

Нормативно-законодательное обеспечение этих составляющих национальной безопасности является основным условием демократического развития процессов самоорганизации общества и государственной гарантии стабильности Российской Федерации в современном мире. Следует признать, что проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности могут быть разрешены лишь в течение длительного времени и благодаря целенаправленным усилиям всех государственных органов и общественных объединений.

¹ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 17 дек. 1997 г. № 1300: в ред. от 10 янв. 2000 г. № 24 // Рос. газ. 2000. 18 янв.

В настоящее время создана правовая база для обеспечения национальной безопасности страны: Федеральным Собранием приняты новые федеральные конституционные и федеральные законы, а Президентом и Правительством Российской Федерации изданы нормативные правовые акты, регулирующие правоотношения в различных сферах национальной безопасности. Кроме того, были внесены поправки и изменения в федеральные конституционные и федеральные законы, регулирующие правоотношения, связанные с вопросами национальной безопасности¹.

Наиболее значительным изменениям подверглись Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации.

Ратифицированы многие международные акты, регулирующие участие России в обеспечении международной и региональной безопасности.

В то же время принятие этих актов не решило большинство правовых проблем в регулировании вопросов национальной безопасности в Российской Федерации.

Современное положение России, обусловленное характером ее нынешнего общественно-политического и экономического развития, ставит перед государством и обществом важные задачи по совершенствованию законодательства в интересах укрепления национальной безопасности страны.

Мониторинг действующего законодательства в сфере национальной безопасности выявил отсутствие в нем системности. Отдельные законы страдают противоречивостью и декларативностью, что не позволяет эффективно и целенаправленно осуществлять их исполнение.

В целях совершенствования законодательного обеспечения правоохранительной

деятельности необходимы скоординированные усилия всех ветвей и уровней власти, нацеленные на коренное изменение криминогенной ситуации в стране, создание условий для эффективной борьбы с преступностью и терроризмом, свидетельствующих о неотвратимости наступления ответственности за совершение преступлений, обеспечение надежной защиты конституционных прав и свобод граждан.

Приоритетным направлением совершенствования законодательного обеспечения правоохранительной деятельности должны стать скоординированные действия правоохранительных органов и силовых министерств, нацеленные на защиту прав и свобод человека и гражданина в условиях различных форм собственности.

Кроме того, требуют законодательного урегулирования вопросы, касающиеся государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному производству; правовой защиты лиц, оказывающих негласную помощь правоохранительным органам в борьбе с организованной преступностью, коррупцией, незаконным оборотом наркотиков, оружия и другими особо тяжкими правонарушениями.

Гарантий реализации требует продекларированное право граждан, потерпевших от преступных действий, незаконных действий (бездействия) органов (лиц) государственной власти, на государственную компенсацию причиненного материального, морального и иного ущерба, при этом компенсация причиненного ущерба должна осуществляться государственными органами в минимально короткие сроки, независимо от установления или неустановления виновного (преступника) в правонарушении.

Насущной потребностью в последнее время становятся преодоление криминализации реального сектора экономики и защита всех форм собственности.

Приоритетным направлением национального законодательства является разработка основ законодательной государственной политики в области борьбы с терроризмом. Серьезным недостатком в этом направлении выступает отсутствие научного прогнозирования террористических угроз.

Изложенный ряд современных проблем безопасности государства, включает ог-

¹ См., напр.: О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 янв. № 24 // Рос. газ. 2000. 18 янв.; О Концепции федеральной целевой программы «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2009–2013 гг.): Распоряжение Правительства РФ от 28 янв. 2008 г. № 74-р // СЗ РФ. 2008. № 5. Ст. 434; О противодействии терроризму: Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта; О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1: в ред. от 26 июня 2008 г. // Рос. газ. 1992. 6 мая; Об обороне: Федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ: в ред. от 14 июля 2008 г. // Рос. газ. 1996. 6 июня.

ромный комплекс не только военных, но и экономических, правовых и социальных задач. Их решение требует комплексного анализа, работы специалистов высочайшего класса и коллегиального обсуждения.

Поиски путей устранения угроз национальной безопасности объединяют усилия не только всех ветвей государственной власти, но и представителей общественных объединений, науки и образования.

В немалой степени этому способствует активная работа Владимирского регионального отделения Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка (далее: Академия) и Владимирского юридического института.

Региональное отделение Академии объединяет руководителей силовых структур области, учебных и научных центров, видных ученых-правоведов, экономистов, производственников, работников социальной сферы. Их научные труды в области экономики, обороны, юриспруденции, права, педагогики, психологии, социологии, политологии вносят заметный вклад в российскую науку, помогают готовить новый отряд ученых в действующие диссертационные советы российских вузов, в совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Владимирском юридическом институте.

Одной из главных задач регионального отделения Академии является проведение научных исследований, направленных на решение вопросов безопасности, обороны и правопорядка. За последние 7 лет учеными области было подготовлено и опубликовано большое количество учебных и научных изданий по проблемам борьбы с организованной преступностью и терроризмом, защиты жизни человека в современных условиях, деятельности правоохранительных органов; проведены научные экспертизы законопроектов «Об обороте пневматического оружия на территории Владимирской области», «Об альтернативной военной службе»; внесены предложения в региональную программу по предупреждению, раскрытию и расследованию тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан, целевую программу «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту», Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

В целях разрешения не менее важной задачи – экологическая безопасность Владимирской области, на территории которой расположены предприятия оборонной и химической промышленности, – сотрудники Всероссийского научно-исследовательского института защиты животных, завода биопрепаратов, ученые регионального отделения Академии выработали комплекс специальных мер по обеспечению защиты этих и многих других предприятий от террористической угрозы.

Члены Владимирского регионального отделения Академии вносят вклад в разработку программы действий органов исполнительной власти региона в чрезвычайных ситуациях для предотвращения негативных последствий, подобных трагедии в Беслане.

Отделение также работает над решением задач по укреплению правопорядка и социально-политической стабильности в обществе, развитию федерализма и местного самоуправления. Для этого используются общественные приемные, в которых преподаватели и курсанты Владимирского юридического института разъясняют гражданам их права и обязанности, своевременно знакомят с изменениями в российском законодательстве. Такая работа направлена на реализацию программы «Повышение правовой культуры населения Владимирской области на 2006–2010 годы».

Важное место в решении проблем национальной безопасности занимает вузовская наука. Научные исследования, проводимые сотрудниками Владимирского юридического института, который является приоритетным вузом в разработке проблем оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, носят прикладной характер и эффективно применяются в работе подразделений органов и учреждений силовых структур.

Жизнь диктует новые требования к профессионализму лиц, на которые законом возложена обязанность обеспечивать права, свободы и законные интересы граждан. Сегодня, как никогда ранее, высока цена ошибки. Не случайно на самом высоком уровне поднят вопрос о личной ответственности представителей правоохранительных органов за допущенные в работе ошибки, которые нередко являются след-

ствием отсутствия профессионализма, а значит, некачественной подготовки выпускников ведомственных вузов. А ведь перед ними стоит задача гарантировать безопасность как свою личную, так и страны в целом. Для этого необходимо создать все условия для всестороннего и качественного преподавания юридических дисциплин будущим юристам. Именно этим целям подчинена деятельность Владимирского юридического института.

Курсанты, студенты и слушатели полученные в стенах вуза знания закрепляют на практике, активно участвуют в работе конференций различного уровня, «круглых столов», посвященных насущным проблемам законодательства, судостроительства и судопроизводства.

Несомненно, такая целенаправленная и организованная работа служит залогом того, что в органы прокуратуры, суды, юридиче-

ские службы, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы придут высокопрофессиональные кадры.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что для создания эффективной системы обеспечения национальной безопасности и укрепления территориальной целостности нашего государства необходимо объединить усилия и законодателей, и ученых, и практических работников.

Библиографический список

1. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 10 янв. 2000 г. № 24 // Рос. газ. – 2000. – 18 янв.

2. *Шаваев, А. К.* Национальная безопасность как сложная комплексная система, ее сущность и структура / А. К. Шаваев // Безопасность. – 1999. – № 1–2.

О. В. Андреев,

заместитель декана

факультета внебюджетного образования ВЮИ ФСИН России

М. И. Алексеева,

доцент факультета внебюджетного образования ВЮИ ФСИН России

кандидат педагогических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ФСИН РОССИИ

Нравственными основами деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в соответствии с требованиями международной пенитенциарной практики являются общечеловеческие ценности, среди которых важнейшее место занимают жизнь человека, его права, достоинство, гуманизм, справедливость, милосердие, сострадание. Некоторые из них закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве и поэтому обязательны к исполнению сотрудниками, а отступление от них влечет юридическую ответственность, другие выступают показателем нравственности и определяют моральную оцен-

ку деятельности работников пенитенциарной системы.

Несомненно, пенитенциарные работники должны быть образцом бескомпромиссного утверждения законности и требований морали. Однако не всегда используемые сотрудниками средства и методы работы адекватны реальным потребностям защиты прав человека, а иногда эти методы даже не соответствуют нормативным актам. В частности, по-прежнему не снижается количество случаев привлечения сотрудников к различным видам юридической ответственности (включая уголовную) за грубые нарушения законности и служебной дисциплины, несмотря на то, что наделенные государством большой властью при выполнении важнейших профессиональных задач пенитенциарные работники лишены этой же властью прав на недисциплинированность, жестокость, грубость, душевную черствость, равнодушие и безразличие к судьбам других людей. Должностные правонарушения и преступления, совершаемые сотрудниками, подрывают нравственные, правовые и социальные основы функционирования не только органов, исполняющих наказания, но и государства в целом.

Современное гражданское общество не может развиваться вне моральных катего-

рий, таких как: гуманизм, справедливость, совесть, честь, добро, человеческое достоинство, свобода и ответственность. При этом в демократическом гражданском обществе роль морального потенциала права и этических основ законности значительно возрастает.

Строгое следование нормативно-правовым предписаниям является отличительной особенностью пенитенциарной деятельности, в которой правовые и моральные требования находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Мораль как бы задает идеальные масштабы функционирования, ориентирует на воплощение правовых норм. Но, как известно, идеалы не обладают повелительной силой, а лишь предполагают возможность доведения существующей нормы до совершенства. Право же формирует социально-целесообразные и реально достижимые средства обеспечения общественного порядка. Результат данного взаимодействия – нравственные нормы и принципы, которые являются исходными ориентирами, определяющими ответственное отношение сотрудников к служебным обязанностям.

Основополагающий документ пенитенциарной службы – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ) – законодательно закрепляет важнейшие нравственные принципы: законность; гуманизм; демократизм; равенство осужденных перед законом; рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения (ст. 8 УИК РФ). Прочные знания данных основ деятельности и глубокая убежденность в необходимости следования им – первостепенная обязанность каждого сотрудника независимо от звания и занимаемой должности. Пренебрежение и откровенное нарушение законных требований в уголовно-исполнительной системе не просто дискредитируют ее сотрудников, а имеют повышенную опасность, провоцируют возможность ответной реакции, которая может привести к злостному неповиновению требованиям администрации, массовым беспорядкам, захвату осужденными заложников, серьезным негативным последствиям не только для учреждения, но и для общества.

Еще раз подчеркнем, что пенитенциарный работник не имеет права на неоправданную грубость, агрессивность, злость, душевную черствость и равнодушие. Следовательно, к сотрудникам уголовно-исполнительной системы в соответствии с деонтологическим (обязательным) характером профессиональной морали, непосредственно влияющим на интересы, права, судьбы осужденных (заключенных), их близких, родственников, других граждан, предъявляются особые нравственные требования, а именно: отношение к человеку как к высшей ценности; уважение и защита прав, свобод и человеческого достоинства; соблюдение законности; дисциплинированность; глубокое понимание своей социальной значимости и ответственности перед гражданами, обществом и государством; безупречность личного поведения на службе и в быту; профессиональное и нравственное самосовершенствование.

Знание специфики профессиональной морали, сущности и основного содержания важнейших нравственных принципов – обязательное требование, предъявляемое к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, выполняющим нелегкие задачи исправления осужденных и подготовки их к жизни после освобождения. Сформированное нравственное сознание пенитенциарного работника наряду с узкоспециальными профессиональными умениями и навыками позволяет ему противостоять негативным явлениям, неизбежно возникающим в его повседневной деятельности. Именно поэтому бесспорным и общепризнанным сегодня является утверждение, что эффективность реализации служебных задач сотрудниками пенитенциарной системы зависит не только от профессиональной подготовленности, знания нормативной базы, требовательности руководителей, но и от уровня нравственности и общей культуры специалистов. Современный пенитенциарный работник «должен быть справедливым, гуманным, терпеливым, делать все, чтобы приумножать авторитет уголовно-исполнительной системы»¹.

¹ Козлов П. Работа с личным составом // Преступление и наказание. 2004. № 3. С. 14.

Таким образом, нравственные качества – неотъемлемая составляющая профессионального облика современного сотрудника уголовно-исполнительной системы. Данное обстоятельство настоятельно требует создания условий для формирования у будущих специалистов гуманистических убеждений уже на этапе получения ими профессионального образования. В этой связи значительно возрастает роль образовательных учреждений, осуществляющих как общеспециальную, так и, что не менее важно, общекультурную и нравственную подготовку персонала ФСИН России.

С первых лет обучения курсанты и слушатели должны получить глубокие, всесторонне обоснованные знания, свидетельствующие, что преимущественная ориентация на карательно-принудительные методы в обращении с осужденными ведет к повышению потенциала жестокости всего общества, поэтому важна не степень суровости наказания, а его неотвратимость. Чрезмерно суровое наказание, жестокое обращение с лицами, лишенными свободы, не дают им возможности осознать вину, встать на путь исправления, вернуться в общество гражданами, не представляющими опасности для других. Именно поэтому формирование у курсантов и слушателей отношения к человеку как высшей ценности, уважения его прав, свобод и достоинства, понимания значимости своей профессии, ответственности за общественную безопасность, охрану жизни, здоровья, правовую защищенность граждан стоит в ряду первоочередных образовательных задач.

При этом следует иметь в виду, что становление соответствующей гуманистической позиции будущего пенитенциарного работника не может быть обеспечено путем внедрения в традиционный образовательный процесс отдельных мер по его оптимизации. Необходима единая принципиальная и содержательная гуманистическая основа, взаимообусловленность и взаимодополняемость теоретической и практической составляющих образования, преемственность подготовки на всех курсах, интеграция аудиторной и внеаудиторной деятельности. Образовательный процесс в вузе должен научить курсантов и слушателей лучшим образцам профессионального поведения.

Признаем, что становление профессиональной гуманистической позиции, базисом которой является нравственное сознание, сопряжено с рядом трудностей. Однако такое становление не только необходимо, но и принципиально возможно, и основную роль в этом процессе играют не внешние, а внутренние факторы. Практика показывает, что «пережив» опыт гуманистического взаимодействия с преподавателями и сокурсниками, обучающийся переносит сложившийся стереотип поведения в другие, в том числе профессиональные, ситуации, так как «нельзя гуманизировать человека извне, нельзя сформировать у него гуманистические убеждения, лишь изнутри можно создать условия,... в которых человек сам придет к этим убеждениям, свободно выберет их»¹.

Реализация данных идей в образовательных учреждениях ФСИН России позволит сформировать важнейшие нравственные качества, обеспечивающие эффективность будущей профессиональной деятельности курсантов и слушателей: гуманистическую направленность (признание себя и других личностями, уважение достоинства каждого), эмпатию (стремление и умение сочувствовать, проникать во внутренний мир человека), диалогичность (способность слышать и понимать иные точки зрения), глубоко осознанную дисциплинированность, самовоспитание и самосовершенствование.

Уточним, что образовательные учреждения ФСИН России – это не просто место, где обучающиеся приобретают профессиональные знания, это особое пространство и время, в которых протекают их взросление и мужание. Причем отличительная особенность данных учреждений заключается в том, что нравственное воспитание курсантов и слушателей происходит в рамках жесткой регламентации и строгого уставного порядка, которые, в свою очередь, выступают важными условиями и средствами самовоспитания. Поэтому качество выполнения приказов и распоряжений начальствующего и преподавательского состава является своеобразным мерилом дисципли-

¹ Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М., 2005. С. 31.

нированности и моральной ответственности курсанта, слушателя, сотрудника¹.

В уголовно-исполнительной системе дисциплина представляет собой юридически закреплённые нравственные требования сознательного и безусловного выполнения сотрудниками установленного служебного порядка. Её обязательное наличие объясняется необходимостью подчинения действий всех сотрудников единым профессиональным задачам, решить которые невозможно без беспрекословного выполнения правил и предписаний. Процесс формирования дисциплинированности связан с приложением определенных усилий, воли и настойчивости и руководителями (воспитателями), и подчиненными (воспитанниками). Дисциплинированность для пенитенциарных сотрудников – важнейший элемент их нравственной зрелости. Еще И. Кант утверждал, что «дисциплина – добровольное подчинение человека законам человечности».

Следовательно, главными задачами образовательных учреждений ФСИН России должны стать: формирование у личного состава сознательного отношения к выполнению служебного долга; организация профилактической работы по предупреждению правонарушений; воспитание курсантов и слушателей на положительных примерах и лучших служебных традициях. Высокий моральный облик, непримиримость к злу и несправедливости, внешняя и внутренняя культура – вот лучшие черты современного пенитенциарного работника, составляющие залог укрепления законности и правопорядка в обществе.

Процесс реформирования пенитенциарной системы России актуализировал проблемы защиты гражданских прав, законных интересов и безопасности осужденных, создания нормальных условий для отбывания ими наказаний и стимулирования их правопослушного поведения. Бесспорно, успех реформы непосредственно зависит от уровня профессиональной компетентности, образованности, культуры и нравственности специалистов и является

залогом укрепления законности и правопорядка в обществе.

Именно поэтому особое значение приобретают сегодня задачи становления не только информационной и технологической составляющих профессионализма, но и, что не менее важно, – духовно-нравственной его основы. В результате появляется возможность добиться реального усиления гуманистической направленности пенитенциарной деятельности.

Конечной целью образовательного процесса при этом становится обеспечение качественно новой модели подготовки специалистов, умеющих самостоятельно добывать знания, владеющих коммуникативными технологиями, обладающих мировоззренческими ценностями, творческим мышлением, нравственным сознанием, такими значимыми для пенитенциарного работника качествами, как следование долгу, справедливость, порядочность, умение воспринимать чужую боль, способность верить в человека, выдержка, самообладание, неукоснительное соблюдение законности.

Гуманистическое отношение к другому человеку – это не только показатель нравственной воспитанности того, кто такое отношение проявляет, но и важнейший резерв для дальнейшего духовного обогащения и совершенствования личности – носительницы данного отношения. Именно такие профессионалы нужны современному российскому обществу.

Библиографический список

1. Букреев, В. И. Этика права: От истоков этики и права к мировоззрению : учеб. пособие / В. И. Букреев, И. Н. Римская. – М., 2000.

2. Никитин, А. М. Подготовку специалистов, научное обеспечение деятельности УИС – на уровень современных требований / А. М. Никитин // Преступление и наказание. – 2003. – № 12.

3. Профессиональная этика сотрудника уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие / авт.-сост. : О. В. Андреев, М. И. Алексеева ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2007.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.]. – М., 2007.

¹ См.: Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов: Учеб. пособие / Под ред. А. В. Опалева, Г. В. Дубова. М., 2001. С. 282–283.

Д. А. Баландин,
*начальник кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время вопросам государственного финансового контроля со стороны руководителей соответствующих органов исполнительной власти и ученых уделяется большое внимание¹. Мы также считаем актуальным и несомненно необходимым существование этого экономико-правового института. В рамках же данной статьи полагаем возможным обратиться к правовым и организационным проблемам такого особого направления государственного финансового контроля, как государственный финансовый контроль в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД)². Анализ сведений, содержащихся в ведомственной структуре расходов федерального бюджета за 2003–2008 гг., показывает, что на финансовое обеспечение ОРД ежегодно расходуются сотни миллионов рублей³.

¹ См., напр.: *Пансков В. Г.* О некоторых вопросах государственного финансового контроля в стране // *Финансы*. 2002. № 5. С. 56; *Каратонов М. Е.* «Насущные» проблемы развития и повышения эффективности государственного финансового контроля // *Финансовое право*. 2006. № 11. С. 11–16; *Синева Е. Н.* Законодательное обеспечение деятельности органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля // *Государство и право*. 2006. № 3. С. 90–93; *Бубнова О. Ю.* Бюджетный контроль в Российской Федерации: его цели и задачи в условиях социального государства // *Государство и право*. 2007. № 6. С. 105–108.

² Эти вопросы мы рассмотрим на примере оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

³ См.: О федеральном бюджете на 2003 год: Федер. закон от 24 дек. 2002 г. № 176-ФЗ // *СЗ РФ*. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5132; О федеральном бюджете на 2004 год: Федер. закон от 23 дек. 2003 г. № 186-ФЗ // *СЗ РФ*. 2003. № 52 (ч. 1). Ст. 5038; О федеральном бюджете на 2005 год: Федер. закон от 23 дек. 2004 г. № 173-ФЗ // *СЗ РФ*. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5277; О федеральном бюджете на 2006 год: Федер. закон от 26 дек. 2005 г. № 189-ФЗ // *СЗ РФ*. 2005. № 52 (ч. 2). Ст. 5602; О федеральном бюджете на 2007 год: Федер. закон от 19 дек. 2006 г. № 238-ФЗ // *СЗ РФ*. 2006. № 52 (ч. 2). Ст. 5504; О федеральном бюджете на 2008 год и на плановый период 2009 и 2010 годов: Федер. закон от 24 июля 2007 г. № 198-ФЗ // *СЗ РФ*. 2007. № 31. Ст. 3995.

и соответственно данному направлению работы правоохранительных органов следует уделять серьезное внимание, в том числе и вопросам финансового контроля за расходованием денежных средств.

С учетом вышеизложенного мы предприняли попытку обозначить отдельные проблемы государственного финансового контроля в сфере ОРД, которые были выявлены нами путем анализа законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих общественные отношения в сфере государственного финансового контроля, ОРД, а также анкетирования оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) из 18 субъектов Российской Федерации⁴.

1. В соответствии со ст. 19 «Финансовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ⁵ контроль за расходованием финансовых средств, выделенных на ОРД, осуществляется руководителями государственных органов, в состав которых входят оперативные подразделения, осуществляющие ОРД, а также специально уполномоченными на то представителями Министерства финансов Российской Федерации. Можно предположить, что в данном случае специально уполномоченными представителями Министерства финансов Российской Федерации являются работники подведомственных вышеуказанному министерству следующих федеральных служб: Федеральной службы финансово-бюджетного надзора и Федерального казначейства, так как само Министерство финансов Российской Федерации в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации «Вопросы Министерства финансов Российской Федерации» от 7 апреля 2004 г. № 185⁶ контрольными (надзорными) функциями не обладает. Здесь также считаем уместным представить отдельные результаты анкетирования. Так,

⁴ Анкетированием были охвачены представители следующих субъектов РФ: республики Башкортостан, Марий Эл, Чувашия, Удмуртия, Пермский край, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Курская, Липецкая, Нижегородская, Пензенская, Смоленская, Тамбовская, Ярославская области и г. Москва.

⁵ См.: *СЗ РФ*. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁶ См.: *Рос. газ*. 2004. 13 апр.

88 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений УИС считают, что в целом финансовый контроль за расходованием финансовых средств, выделенных на ОРД, является достаточным; 50 % респондентов указали, что в исправительном учреждении (территориальном органе УИС), где они проходят службу, финансовый контроль осуществлялся со стороны подразделений Федеральной службы финансово-бюджетного надзора; 10 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений отметили, что в исправительном учреждении (территориальном органе УИС), где они проходят службу, рассматриваемый финансовый контроль осуществлялся со стороны подразделений Федерального казначейства, и лишь 5 % тех же сотрудников подтвердили, что в исправительном учреждении (территориальном органе УИС), где они проходят службу, финансовый контроль осуществлялся со стороны подразделений Счетной палаты Российской Федерации.

2. Согласно ст. 19 «Финансовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ничего не говорится о контрольно-ревизионных подразделениях правоохранительных органов в целом и контрольно-ревизионных подразделениях УИС, в частности. Однако данные подразделения активно осуществляют финансовый контроль за расходованием денежных средств, выделяемых на ОРД органов и учреждений УИС, о чем свидетельствуют и результаты анкетирования: 80 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений отметили, что в исправительном учреждении (территориальном органе УИС), где они проходят службу, финансовый контроль за расходованием денежных средств, выделяемых на ОРД, осуществлялся со стороны контрольно-ревизионных подразделений территориального органа ФСИН России.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность ревизоров УИС, является приказ ФСИН России «Об утверждении Положения о ведомственном финансовом контроле в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний» от 11 августа 2005 г. № 712. Анализ данного документа позволяет нам усомниться в правомерности деятельности сотрудников контрольно-ревизионных подразделений по контролю за расходованием денежных средств, выделяемых на ОРД ФСИН России.

Дело в том, что, во-первых, приказ ФСИН России от 11 августа 2005 г. № 712 не прошел регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации и не был опубликован в соответствующих печатных изданиях. Согласно же постановлению Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 13 августа 1997 г. № 1009¹, а также в соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 4 мая 2007 г. № 88² приказ ФСИН России от 11 августа 2005 г. № 712 в обязательном порядке должен проходить регистрацию, в противном случае возникает сомнение в его легитимности.

Во-вторых, в разд. 3 вышеуказанного приказа ФСИН России «Виды, сроки, задачи и цели проведения ревизий и проверок» говорится о ревизии финансово-хозяйственной деятельности службы «Л», а в разд. 4 «Система ведомственного финансового контроля ФСИН России» — о координации взаимодействия ревизионных служб по линии управления «Л». Однако в структуре ФСИН России ни службы «Л», ни управления «Л» не существует, а функционирует федеральное государственное учреждение «Управление оперативно-технических и поисковых мероприятий ФСИН России».

Изучая отдельные стороны и результаты проведения государственного финансового контроля в сфере ОРД, нами в процессе анкетирования также было установлено, что наиболее распространенными нарушениями в сфере расходования денежных средств, выделяемых на ОРД учреждений и органов УИС, являются ошибки в оформлении документов при расходовании денежных средств, на это указали 90 % респондентов.

Таким образом, в целях упорядочения общественных отношений в сфере государственного финансового контроля, устранения дублирования в деятельности уполномоченных в этой сфере государственных органов, уточнения их правового положения полагаем необхо-

¹ См.: Рос. газ. 1997. 21 авг.

² См.: там же. 2007. 24 мая.

димым внести ряд предложений по совершенствованию правовых и организационных основ финансового контроля в сфере ОРД.

1. Разделяя мнение ряда ученых¹ и не претендуя в целом на научную оригинальность, считаем целесообразным принять единый Федеральный закон «О государственном финансовом контроле в Российской Федерации», в котором следует обязательно предусмотреть раздел (главу), посвященный контролю за расходованием финансовых средств, выделяемых на ОРД.

2. Внести соответствующие изменения в приказ ФСИН России «Об утверждении Положения о ведомственном финансовом контроле в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний» от 11 августа 2005 г. № 712 и реализовать процедуру его регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации. Последнее позволит снять конфликтные ситуации во взаимоотношениях ревизоров и сотрудников оперативных подразделений УИС, возникающие в процессе контроля за расходованием финансовых средств, выделяемых на ОРД.

3. Часть 3 ст. 19 «Финансовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности» Феде-

рального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» изложить в следующей редакции: «Контроль за расходованием финансовых средств, выделенных на оперативно-розыскную деятельность, осуществляется руководителями государственных органов, в состав которых входят оперативные подразделения, контрольно-ревизионными подразделениями данных органов, федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, а также Счетной палатой Российской Федерации».

Библиографический список

1. Бубнова, О. Ю. Бюджетный контроль в Российской Федерации: его цели и задачи в условиях социального государства / О. Ю. Бубнова // Государство и право. – 2007. – № 6.

2. Конюхова, Т. В. К вопросу о концепции проекта федерального закона «О финансовом контроле» / Т. В. Конюхова // Журн. рос. права. – 2006. – № 6.

3. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон : [от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ] // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

В. В. Виноградов,

начальник факультета

очно-го обучения

ВЮИ ФСИН России

кандидат педагогических наук

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Одной из основных задач в сфере борьбы с преступностью является предупреждение рецидива преступлений, поскольку, как показывает уровень преступности в России, каждое третье преступление совершается сегодня лицами, ранее уже совершавшими преступления.

¹ См., напр.: Синева Е. Н. Законодательное обеспечение деятельности органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля // Государство и право. 2006. № 3. С. 90–93; Бубнова О. Ю. Бюджетный контроль в Российской Федерации: его цели и задачи в условиях социального государства // Государство и право. 2007. № 6. С. 105–108 и др.

Общая неблагоприятная криминогенная обстановка в стране привела к тому, что в преступную деятельность оказались вовлеченными значительное количество людей, не имеющих устойчивых антиобщественных наклонностей и нарушивших закон вследствие неблагоприятного стечения разнообразных личных и социальных обстоятельств. Поэтому в исправительных учреждениях (далее: ИУ), где они отбывают наказание в виде лишения свободы, в соответствии с требованиями международных стандартов с ними должна проводиться социальная работа, направленная на формирование социальных навыков правоупотребительного поведения и оказание им социальной помощи, поддержки и защиты.

Как известно, большинство осужденных после освобождения из мест лишения свободы нередко оказываются морально и психологически не подготовленными к жизни на свободе, испытывают серьезные трудности в трудовом и бытовом устройстве и в конечном итоге оказываются предоставленными самим себе. В этих условиях лица, совершившие преступления по неосторожности,

вновь могут встать на противоправный путь и оказаться в местах лишения свободы. Данные обстоятельства обуславливают *необходимость проведения работы по социальному сопровождению бывших осужденных за пределами ИУ, способствующей их успешной адаптации в обществе и реабилитации.*

Исходя из этого социальная работа с лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы, должна осуществляться на двух уровнях специально созданными для этого службами:

- в структуре ИУ – для подготовки лиц, отбывающих наказание, к предстоящему освобождению;

- за пределами ИУ – для приема освобожденных лиц, оказания им необходимой социально-педагогической и психологической поддержки, помощи в трудовом и бытовом устройстве, а также осуществления определенного профилактического контроля их поведения в течение первого времени после освобождения.

Следует отметить, что проблема социальной реабилитации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, является сегодня приоритетным направлением в деятельности социальной службы ИУ. Группы социальной защиты осужденных (далее: ГСЗО), созданные в большинстве пенитенциарных учреждений, функционируют в соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» от 30 декабря 2005 г. № 262. Основные задачи такой группы заключаются в выявлении и решении социальных проблем осужденных; подготовке их к освобождению; содействии в восстановлении и укреплении социально полезных связей осужденных, их трудовом и бытовом устройстве и пенсионном обеспечении; принятии мер по получению документов, удостоверяющих личность осужденного, подтверждающих его право на социальное обеспечение; привлечении специалистов служб социальной защиты населения к оказанию различных видов помощи осужденным, а также общественности – к решению социальных проблем осужденных.

В соответствии с данными задачами ГСЗО в ИУ является центром его взаимодействия с государственными и общественными организациями.

Вместе с тем на практике существует ряд проблем, без решения которых основные задачи социальной службы ИУ становятся трудно выполнимыми. Эти проблемы были выявлены нами в результате анализа отчетной документации органов уголовно-исполнительной системы, собеседования и проведения активных форм занятий со слушателями – сотрудниками социальных служб ИУ, научных публикаций по проблемам современной пенитенциарной социальной работы¹, посещений российских и зарубежных ИУ. Рассмотрим подробнее некоторые из указанных проблем.

1. Проблема целостности в организации социальной службы в рамках уголовно-исполнительной системы.

Суть данной проблемы заключается в том, что в большинстве исправительных учреждений отсутствует должное понимание со стороны администрации значимости деятельности ГСЗО, а ее сотрудники привлекаются к посторонней от функциональных обязанностей деятельности.

В различных пенитенциарных учреждениях одинаковые должности сотрудников ГСЗО называются по-разному: специалист ГСЗО, специалист по социальной работе, инспектор ГСЗО и УТСО и т. д. В состав социальной службы в одном ИУ могут входить аттестованные сотрудники, в другом – неаттестованные, в третьем – и те и другие.

Очень часто при формировании штатов ГСЗО в ИУ нарушается норматив ее комплектования: 300–400 осужденных на одного специалиста по социальной работе. Так, согласно отчетам 2005–2006 гг. нагрузка на одного специалиста ГСЗО в ИУ составляла в среднем около 700 человек и тенденций ее снижения не намечается².

Кроме того, в отдельных территориальных УФСИН отсутствуют специалисты, координирующие и курирующие работу социальных служб ИУ и помогающих в ее организации, не хватает специалистов по социальной работе в ИУ с соответствующим образова-

¹ См., напр.: Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2007.

² См.: Социальная работа с осужденными в учреждениях УИС: Сб. материалов передового опыта. М., 2006. С. 35.

ем и специализацией именно для уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, проблема целостности в организации социальной службы в уголовно-исполнительной системе стоит очень остро, ее решение мы видим в выстраивании единой социальной службы от уровня ИУ до уровня центрального аппарата управления ФСИН России по аналогии с психологической службой, которая сейчас успешно функционирует и развивается в рамках уголовно-исполнительной системы.

2. Проблема создания специальных служб за пределами ИУ с целью оказания социальной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, и постпенитенциарной реабилитации бывших осужденных. Эти службы должны оптимально использовать потенциал институтов гражданского общества, общественных организаций и религиозных конфессий, а также уже сложившийся международный опыт в данном направлении.

На решение этой проблемы направлены законопроекты «О социальной помощи лицам, освобожденным от наказания, и контроле их поведения» и «Об основах социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы». Оба законопроекта подготовлены ФСИН России.

Первым законопроектом определяются: порядок оказания помощи в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобожденным от наказания; компетенция и направления деятельности органов местного самоуправления по оказанию такой помощи; квота рабочих мест для данной категории лиц на предприятиях; порядок создания органами местного самоуправления центров социальной реабилитации, ночлежных домов, специальных фондов материальной помощи.

Второй законопроект направлен на оказание постпенитенциарной помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы, приведение российского законодательства в соответствие с требованиями международных стандартов и норм, ликвидацию несовершенства государственно-правового механизма регулирования института социальной помощи. Законопроект устанавливает правовые, организационные принципы и основные направления оказания социальной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, определяет их пра-

вовое положение, а также компетенцию и обязанности государственных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления в решении данных вопросов.

Следует отметить, что первый законопроект был снят с рассмотрения из-за отсутствия средств на его реализацию, второй теперь, возможно, будет принят к рассмотрению уже вновь избранным составом Государственной Думы ФС РФ.

Таким образом, исходя из анализа данных проблем, становится очевидным, насколько сложным и разносторонним должно быть взаимодействие ГСЗО с государственными и общественными организациями, так как в настоящее время в российской пенитенциарной системе отсутствует единая социальная служба (она еще находится в стадии становления) и не разработана в полном объеме нормативно-правовая база социально-технологического механизма этого взаимодействия.

3. Проблемы взаимодействия социальной службы с государственными организациями в осуществлении трудового и бытового устройства осужденных. В основном эти проблемы порождаются формальным отношением указанных организаций к их решению. В частности, анализ запросов, направляемых социальными службами ИУ в различные государственные организации, показывает, что без ответа остаются от 40 до 50 % всех запросов, повторные запросы имеют почти такую же эффективность.

Успешное трудовое и бытовое устройство освобождающихся осужденных обеспечивает наличие: паспорта; регистрации по месту жительства; общего образования; профессии, пользующейся спросом на рынке труда; документов об общем и профессиональном образовании; возможности трудоустройства; социально полезных связей (устойчивых позитивных отношений с близкими родственниками, ближайшим социальным окружением, трудовым коллективом, в котором работал до осуждения, и т. п.); реальной жилплощади для проживания.

Данный перечень демонстрирует, насколько трудоемкой и многогранной должна быть *посредническая деятельность* социального работника ИУ в решении проблемы трудового и бытового устройства отдельно взятого осужденного. В качестве

примера рассмотрим процесс паспортизации осужденных.

Значительную часть времени социальных работников занимает работа по розыску, оформлению отсутствующих и замене паспортов, срок действия которых истек. По отчетным данным ФСИН России за 2005–2006 гг., сотрудниками ГСЗО были приняты меры по получению паспортов для 65 % осужденных. Это означает, что 35 % осужденных освобождены из ИУ, не имея паспорта¹. Причины такой ситуации заключаются в следующем:

- длительные сроки установления гражданства осужденных, обусловленные нежеланием паспортно-визовой службы решать эти вопросы в законодательном порядке (приказ МВД России от 15 сентября 1997 г. № 605, возложивший функции по проверке гражданства РФ на подразделения паспортно-визовой службы), в силу чего установлением гражданства при оформлении документов для получения паспорта вынуждены заниматься социальные службы ИУ;

- затягивание паспортно-визовыми службами сроков оформления паспортов даже при наличии всех необходимых документов, вследствие чего часть осужденных, у которых небольшие сроки отбывания наказания, не успевают их получить;

- несвоевременность представления органами исполнительной власти по запросам ИУ необходимых документов для оформления паспортов.

Проблема паспортизации осужденных частично могла бы быть решена при условии поступления подозреваемых и обвиняемых в СИЗО с документами, удостоверяющими их личность. Дело в том, что по данным ФСИН России, в 2005–2006 гг. в ИУ было этапировано 57 % осужденных, у которых отсутствовали паспорта. Как правило, потеря паспортов происходит на стадии дознания или предварительного следствия, поскольку в настоящее время действующие нормативные акты не регламентируют приобщения документов, удостоверяющих личность, к протоколам задержания или постановлениям о привлечении лица в качестве обвиняемого. В связи с

этим ФСИН России подготовлен и направлен в Минюст России проект федерального закона «О внесении изменения в статью 95 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», предусматривающего приобщение органами предварительного следствия паспортов подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, к их личным делам. Пока же проблема паспортизации у работников социальной службы ИУ отнимает значительную часть времени и сил.

Аналогичным образом решаются и другие социальные проблемы осужденных, такие как оформление пенсий по старости и инвалидности, предоставление различных льгот, восстановление социально полезных связей осужденных и др.

4. Проблема недостаточной информированности социальной службы ИУ о деятельности и функциях государственных и общественных организаций в отношении осужденных. Особенно это проявляется в тех регионах, где на уровне территориального УФСИН России отсутствуют координаторы социальной работы в ИУ. Решить данную проблему, на наш взгляд, можно путем создания территориальных информационных банков, в которых будет содержаться вся информация о таких государственных и общественных организациях и о возможном взаимодействии с ними по тем или иным направлениям деятельности социальной службы ИУ.

Дело в том, работа социальной службы ИУ носит многоплановый характер, она не может обойтись без привлечения и взаимодействия как государственных, так и общественных структур, которым приходится постоянно контактировать друг с другом. Поэтому сегодня на первый план выходит проблема *координации их усилий на федеральном уровне*.

Таким образом, в условиях осознания государством и обществом приоритетов, связанных с использованием и развитием человеческого ресурса страны, восприятия пенитенциарного сообщества как составной части гражданского общества *актуализируется проблема социальной работы с осужденными в ИУ*, основная цель которой заключается в том, чтобы вернуть обществу людей, способных активно и правопослушно жить и работать в нем.

¹ См.: Социальная работа с осужденными в учреждениях УИС. С. 40.

Библиографический список

1. Морозов, В. М. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / В. М. Морозов, В. В. Виноградов. – Владимир, 2006.

2. Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория

и практика : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Вологда, 23–24 апр. 2007 г. – Вологда, 2007.

3. Социальная работа с осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы : сб. материалов передового опыта. – М., 2006.

С. В. Дружинина,

*соискатель Академии права
и управления ФСИН России*

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ И УРОВНЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАДРОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Работа по совершенствованию организационной культуры кадровых подразделений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), как и системы в целом, осуществляется в несколько этапов. На первом этапе проводится комплексный анализ сложившейся организационной культуры по основным структурным элементам. Такое диагностирование, по нашему мнению, позволит выявить сильные и слабые стороны культуры, факторы, определяющие степень ее соответствия современным требованиям.

Второй этап предусматривает разработку на основе проведенного анализа эталонной модели организационной культуры, базирующейся на ценностях, нормах и принципах, вытекающих из требований реформирования УИС.

И, наконец, третий этап – это создание механизма практической реализации эталонной модели, включающей комплекс мероприятий по социализации трудового коллектива кадрового подразделения в новом культурном пространстве.

При выделении характеристик, определяющих организационную культуру, в настоящее время используют три подхода в ее изучении: символический, когнитивный и систематический¹.

Суть первого подхода состоит в следующем:

– смысл и интерпретация того, что происходит в организации, важнее того, что происходит в действительности;

– нестабильность и неопределенность, распространенные в большинстве организаций, препятствуют рациональному решению проблем;

– люди используют символы для уменьшения неопределенности и установления ориентиров поведения при столкновении с нестабильностью.

По мнению сторонников этого подхода (П. Рилей² и др.), применение символов (эмблем, флагов, мифов, привычек, обычаев и т. п.) имеет смысл только в том случае, если все члены организации понимают их значение одинаково, что определяется в первую очередь существующими культурными ценностями.

Сторонники когнитивного подхода к изучению культуры сосредотачивают свое внимание на общей системе знаний, верований и правил, определяющих соответствующие формы поведения³. С этой точки зрения организационная культура представляет собой приобретенные смысловые системы, передаваемые посредством естественного языка и других символических средств, которые выполняют репрезентативные, директивные и аффективные функции, а также способны создавать культурное пространство и особое ощущение реальности.

При систематическом подходе используются два главных направления определения культуры: 1) культура – это наблюдае-

² См.: Riley P. Spinning on symbolism: The spinning metaphor and dialectical tensions. Special Issue: Organizational symbolism // Journal of Management. 1985. Vol. 11.

³ См.: Занковский А. Н. Анализ базовых «координат» организационных культур. Когнитивные репрезентации организационных понятий в сознании российских и японских менеджеров // Психолог. журн. 1996. № 36, т. 17.

¹ См.: Галунский И. И. Организационная культура в деятельности органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 67.

мые образцы поведения членов сообщества, речь и способы использования материальных объектов; 2) культура – это то, что распространено в умах членов сообщества, т. е. верования, ценности и идеи, которые объединяют людей. Следует отметить, что в литературе предпринимаются попытки разработать концепции, объединяющие эти два подхода и трактующие культуру как сложное «естественно-искусственное» образование¹.

При описании содержания и уровня организационной культуры кадровых подразделений УИС используется систематический подход, в частности, метод, предложенный Ф. Харрисом, Р. Мораном, а также отечественными учеными В. А. Спиваком и А. А. Погорадзе².

Ф. Харрис и Р. Моран предлагают рассматривать десять характеристик организационной культуры:

- 1) осознание себя и своего места в организации;
- 2) коммуникационная система и язык общения;
- 3) внешний вид, одежда и представление себя на работе;
- 4) что и как едят люди, привычки и традиции в этой области;
- 5) осознание времени, отношение к нему;
- 6) взаимоотношения между людьми;
- 7) ценности и нормы;
- 8) вера во что-то или отношение к чему-то (вера в руководство, успех, свои силы, взаимопомощь, этичное поведение, справедливость, отношение к коллегам);
- 9) процесс развития работника и научение;
- 10) трудовая этика и мотивирование (отношение к работе и ответственность, качество работы, ее оценка и вознаграждение и т. д.).

Несколько иной подход к рассмотрению структуры культуры предлагает В. А. Спивак. Справедливо полагая, что распространенный на Западе в настоящее время подход к организационной культуре, базирующейся на моделях стран с развитым рынком, является не вполне адекватным российской действительности, в связи с чем

он предлагает вернуться к отечественному опыту формирования структуры организационной культуры.

А. А. Погорадзе рассматривает культуру производства как сложное явление, объединяющее человека, культуру, науку, технику и производство.

Таким образом, структура организационной культуры, по А. А. Погорадзе и В. А. Спиваку, включает в себя культуру: условий труда; средств труда и трудового процесса; управления; работника; межличностных отношений (коммуникаций) в трудовом коллективе.

При проведении комплексного анализа организационной культуры мы использовали указанные подходы, один из которых более тяготеет к образу мышления, чувствам, ценностям сотрудников, другой – теории организации и практике менеджмента.

По нашему мнению, при определении организационной культуры кадровых подразделений УИС недостаточно исходить только из общих ценностей и норм.

Итак, одной из важнейших характеристик организационной культуры кадровых подразделений УИС является то, как осознают ее сотрудники себя и свое место в организации. Большинство опрошенных (94 %) кадровая работа устраивает; для 74 % респондентов выбор профессии сотрудника УИС был осознанным; 76 % – любят выполняемую работу, в том числе 30 % из них видят в ней возможность реализовать свой творческий потенциал, 43 % – возможность служить обществу, людям, 3 % считают, что воздействуют на общий процесс исправления осужденных; 10 % опрошенных считают, что эта работа поможет им в реализации потребности в самоутверждении, реализации своих способностей; 14 % отметили, что работают ради обеспечения благополучия семьи.

Таким образом, глубокая заинтересованность, самоотдача в работе часто выступают как духовные критерии делового успеха. Многие из сотрудников кадровых служб осознают необходимость выполняемой ими работы и высокую ответственность за нее. К этому следует добавить, что 63 % опрошенных указывают на высокий уровень развития у них взаимной ответственности, 30 % считают, что это качество у них развито средне и лишь у 7 % оно развито сла-

¹ См., напр.: Спивак В. А. Корпоративная культура. СПб., 2001. С. 76.

² См.: Погорадзе А. А. Культура производства: сущность и фактура развития. Новосибирск, 1990. С. 47.

бо. Высоко ценят взаимную требовательность 60 % опрошенных и считают, что это качество у них развито сильно, 40 % респондентов отмечают, что взаимная требовательность друг к другу у них недостаточна. Почти полное единодушие имеется в оценке взаимопомощи кадровых работников: 94 % респондентов высоко ценят взаимную деловую помощь и в случае необходимости готовы оказать ее коллегам при выполнении служебных заданий, а также указать на недостатки в работе.

Полная и достоверная картина организационной культуры кадровых подразделений невозможна без понимания того, на каком уровне находится взаимодействие между коллегами подразделений кадровой службы и с руководством в процессе их деятельности. Правильное взаимодействие сотрудников кадровых подразделений предполагает высшую упорядоченность и целенаправленность их творческих возможностей. Опрос показал, что большинство респондентов вполне грамотно расставляют приоритеты в своей управленческой деятельности и в целом успешно с ней справляются, при этом достаточно трезво оценивая собственные успехи. Лучше всего, судя по их оценкам, им удаются как раз те аспекты кадровой работы, которые являются важнейшими составляющими управленческой деятельности, в частности, взаимодействие с другими правоохранительными органами.

Важное место в формировании организационной культуры кадровых подразделений отводится культуре управления, которую определяют методы управления, стиль руководства, индивидуальный подход, восприятие персонала как главного достояния кадровой службы. Сюда же относятся профессионализм кадровых работников, коммуникативная компетентность, применяемые методы стимулирования и повышения уровня удовлетворенности трудом. В ходе анализа данных опроса кадровых работников особое внимание было обращено на то, как респонденты оценивают состояние профессионализма в своих подразделениях; какие факторы, по их мнению, способствуют развитию профессионализма кадрового работника; какие качества кадрового работника, связанные с профессионализмом, способствуют успешной его работе и, на-

конец, какие причины тормозят и что мешает развитию профессионализма в кадровых подразделениях.

Важным аспектом анализа организационной культуры кадровых подразделений является представление работников о том, как соотносится выполняемая ими работа с их квалификацией и, следовательно, каким образом должно осуществляться обучение и научение персонала кадровых служб.

Также одним из показателей уровня организационной культуры кадровых подразделений является культура межличностных отношений (коммуникаций) в трудовом коллективе, которая определяет социально-психологический климат, наличие чувства коллективизма, взаимопомощи, признание всеми кадровыми работниками ценностей УИС. Характер социального микроклимата в коллективе определяется в первую очередь тем, как сотрудники воспринимают друг друга. Одним из центральных мест в управлении персоналом и формировании социального микроклимата занимают конфликты – одна из наиболее распространенных форм организационного взаимодействия и других взаимоотношений работников. Подсчитано, что на конфликты в коллективе и их переживания уходит около 15 % рабочего времени. Еще больше времени затрачивается на урегулирование этих конфликтов и управление ими, в некоторых организациях руководители теряют на это до половины рабочего времени. Следовательно, для понимания содержания и уровня организационной культуры кадровых подразделений УИС важно знать, какое место конфликты занимают в повседневной жизни кадровых служб. Организационная культура же действует как ресурс, который помогает эффективно использовать цивилизованные методы разрешения конфликтов и трудовых споров, большинство которых обусловлено недостатками кадровых технологий, организации труда, несовершенства нормативной базы. Среди причин, вызывающих конфликты и разногласия, выделяются следующие:

– коммуникационные проблемы, слабая информированность, несогласованность целей и информационных потоков между подразделениями, нечеткое распределение полномочий;

– напряженность в работе, однообразие, неудачные графики работы, порождающие негативные психологические состояния;

– дисциплинарные проблемы: неисполнительность сотрудников, непонимание своих обязанностей, игнорирование распоряжений начальников, незаинтересованность в работе;

– неопределенная позиция руководства: непонимание и несправедливость с их стороны, необъективные критерии вознаграждения и карьерного продвижения;

– личностные особенности отдельных сотрудников: заносчивость, скверный характер, чрезмерная амбициозность, невоспитанность, конфликтность, зависть, нежелание считаться с другими, преследование своих целей.

Необходимо отметить, что организационная культура кадровых подразделений УИС может быть признана сформировавшейся и непротиворечивой, поскольку в ее структуре доминируют общепризнанные ценности и нормы.

Будучи органичной частью организационной культуры УИС, она становится одним из стратегических направлений развития органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, в сфере совершенствования трудовых отношений, позволяющих снимать возможное социальное напряжение в коллективах.

Можно утверждать, что организационная культура в совокупности всех ее элементов влияет на направленность поведения сотрудников, эффективность деятельности кадровых служб и формирует определенные образцы поведения. При этом она может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на эффективность деятельности подразделений.

Кроме того, организационная культура кадровых подразделений УИС – полиструктурное образование, она как бы пронизывает кадровые подразделения и формирует в них определенный социально-психологический климат. В ней присутствует приоритет групповых интересов над личными, что позволяет говорить об идентификации сотрудников с организацией.

Также организационная культура кадровых подразделений УИС имеет свои нормативные, стилевые и функциональные особенности, способствующие оказанию практической помощи в формировании и реализации кадрово-

го потенциала. Главная особенность организационной культуры кадровых подразделений заключается в том, что она принимает активное участие в формировании и совершенствовании организационной культуры УИС, является основным координатором и обеспечивает взаимодействие с другими функциональными подразделениями в решении этой задачи.

Большое внимание в организационной культуре кадровых подразделений УИС уделяется развитию профессионального и творческого потенциала сотрудников, формированию профессиональной этики, поддержанию личной ответственности за качество работы кадровых служб. При этом требования к профессионализму кадровых подразделений изменяются в зависимости от требований кадровой политики, степени специализации по видам кадровых действий, разработанности кадровых технологий.

Эффективность организационной культуры кадровых подразделений определяется качеством работы с персоналом на всех уровнях управления в УИС России и показателем удовлетворенности системой организации труда и трудовых отношений в самих кадровых службах.

При этом содержание организационной культуры для сотрудников кадровых подразделений остается во многом неосознанным. Только специальное исследование позволяет раскрыть ее во множестве проявлений. Ввиду того, что организационная культура имеет существенное значение для функционирования кадровых подразделений и оказывает влияние как на изменения кадровой стратегии, так и повседневную работу по управлению персоналом, перед руководством УИС стоит задача разъяснить каждому сотруднику этих подразделений содержание и особенности организационной культуры и ее значение в повышении эффективности деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Библиографический список

1. *Галунский, И. И.* Организационная культура в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
2. *Спивак, В. А.* Корпоративная культура / В. А. Спивак. – СПб., 2001.
3. *Погорадзе, А. А.* Культура производства: сущность и фактура развития / А. А. Погорадзе. – Новосибирск, 1990.

Э. В. Зауторова,
доцент кафедры
юридической психологии и педагогики
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
кандидат педагогических наук

**ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ**

Основными направлениями гуманизации и демократизации уголовно-исполнительной системы являются содействие сохранению социальных связей осужденных с родственниками, развитие общественно полезной инициативы и творческого мышления лиц, лишенных свободы, повышение их культурного, эстетического уровня, создание условий для получения ими среднего образования и специальностей. В целях реализации данных направлений в воспитательной и социальной практике исправительных учреждений используются различные формы и методы воздействия на осужденных, осуществляется поиск новых, наиболее эффективных, путей для решения задач исполнения наказаний. Активное участие в данном процессе принимают общественные организации, как отечественные, так и зарубежные.

Проблема взаимодействия уголовно-исполнительной системы с различными общественными институтами является одной из основных с момента образования этой системы. Сегодня в различных субъектах Российской Федерации накоплен положительный опыт взаимодействия учреждений, исполняющих наказания, с различными общественными и религиозными организациями.

Деятельность большинства организаций, с которыми осуществляется тесная взаимосвязь, заключается в следующем: организация и проведение благотворительных мероприятий; разработка и реализация благотворительных программ. Общественные организации оказывают социально-психологическую, материальную и иную помощь осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, а также бывшим осужденным, нуждающимся в психолого-педагогической и социальной поддержке.

По нашему мнению, совместная деятельность пенитенциарных учреждений и общественных организаций должна строиться на принципах гуманности, доступности, адресности, добровольности, конфиденциальности, профилактической направленности и стимулирования осужденных и основываться на реализации конкретных программ. Исходя из этого активная и квалифицированная помощь общественных организаций сегодня позволяет рассматривать их в качестве субъекта воспитательной работы.

В качестве примера совместной деятельности органов, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, с общественными формированиями рассмотрим опыт в данной сфере исправительных учреждений Вологодской области. Так, уже в течение нескольких лет они осуществляют взаимодействие с некоммерческим благотворительным фондом социальной реабилитации «Доверие», региональным общественным движением «Совет солдатских матерей», региональной общественной организацией по защите прав обездоленных – реабилитационным центром «Калина красная», Вологодским областным отделением общероссийского движения женщин России.

Совместная деятельность указанных общественных формирований осуществляется по социально-правовому и нравственно-эстетическому воспитанию лиц, лишенных свободы, содействию исправительным учреждениям Вологодской области в организации досуга и быта осужденных различных категорий. Наиболее сложной проблемой, как показывает практика, является помощь осужденным после освобождения. Люди, которые провели в местах лишения свободы много времени и у которых нет ни жилья, ни родственников, ни специальности, к сожалению, часто остаются без всякой поддержки. Поэтому особое внимание данные организации уделяют осужденным «группы риска», т. е. тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Инвалидам, пенсионерам, больным осужденным, а также не имеющим определенного места жительства и работы, переведенным из воспитательных колоний в исправительные учреждения оказываются конкретная помощь и поддержка.

Кроме того, за последние три года общественные организации подготовили и провели следующие воспитательные мероприятия, способствующие социальной реабилитации и адаптации лиц, нуждающихся в психолого-педагогической поддержке:

- уроки по приобщению осужденных к духовно-нравственным ценностям («Временное и вечное в жизни», «Библия в искусстве», «Летние церковные праздники» и др.);

- смотры художественной самодеятельности и творчества осужденных;

- выпуск сборника творческих работ несовершеннолетних осужденных «Милая моя» (стихи, проза и рисунки воспитанников о маме, сестре, подруге), а также сборника творческих работ осужденных «60-летию Победы посвящается»;

- акция «Рождество за решеткой» (конкурсы и викторины, новогодние подарки для воспитанников колонии);

- акция «Память сердца», посвященная Дню защитника Отечества и Дню Победы;

- акция «Сделай жизнь красивой», основная идея которой заключалась в украшении территории жилой зоны и жилого помещения отряда;

- шашечно-шахматные турниры в учреждениях строгого режима ФГУ ИК-12 и ИК-17, а также в воспитательной колонии с участием мастеров спорта по шахматам;

- беседы на социально-правовую тематику с различными категориями осужденных («Гражданин и Отечество», «Твои права и обязанности», «Право на труд» и др.).

После каждого мероприятия проводились заседания «круглого стола» с их организаторами и участниками. Важно отметить, что все вышеуказанные мероприятия проводились совместно со средствами массовой информации: освещались в газетах «Премьер», «Вологодская неделя», «Красный север», «Русский север», на телевизионных каналах TV-7, РЭН-TV, в радиопрограммах «Трансмит» и «Премьер».

Анализ совместной деятельности сотрудников исправительных учреждений и общественных организаций показывает, что она дает положительные результаты: данные мероприятия способствуют формированию здоровой микросреды в учреждении; позволяют активизировать коллективную деятельность секции социальной помощи

осужденным (как в отрядах, так и на уровне колонии); оказывают помощь в организации работы по подготовке правонарушителей к освобождению, бытовом устройстве; положительно влияют на эффективность процесса исправления, социальной адаптации лиц, лишенных свободы. Такая деятельность предоставляет осужденным больше шансов изменить свое отношение к жизни, к себе, родным людям, «расшевелить» в своих душах чувства сострадания, раскаяния в совершенном преступлении.

При этом значительно повышается уровень социализации осужденного как результат активного усвоения и воспроизводства им социального опыта, включающего в себя социальное познание себя, мира, общества; приобретение навыков общения, самообслуживания, трудовой и профессиональной деятельности; социальную адаптацию и социальное преобразование себя и социальной действительности. Данные изменения в личности осужденного происходят под влиянием целенаправленного воспитания в условиях исправительного учреждения.

В связи с этим необходимо усилить совместную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы и общественных организаций, что позволит не только оказать помощь осужденным, но и добиться от них законопослушания. Кроме того, данная деятельность будет способствовать скорейшему «выздоровлению» преступников, формированию у них стремления своим поведением приближать срок освобождения и возвратиться к нормальной жизни в обществе.

Впереди много планов совместной работы: прогнозирование поведения осужденных в исправительном учреждении и после освобождения; составление индивидуальных программ их ресоциализации, укрепления положительных связей с внешней социальной средой и семьей; изучение социально-психологической работы с осужденными в регионах России и за рубежом; осуществление и обобщение отечественного и международного опыта в данном направлении и т. д.

Таким образом, совместная деятельность социальной службы исправительных учреждений с общественными организациями представляет собой их взаимодействие по

обеспечению социальной помощи, поддержки, защиты осужденных в целях их изменения в период отбывания наказаний и ресоциализации после освобождения, что значительно способствует эффективности воспитательного процесса в местах лишения свободы.

А. А. Иванова,
*доцент кафедры гражданского права
и гражданского процесса
Нижегородского филиала
Государственного университета –
Высшей школы экономики
кандидат юридических наук*

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ

В последнее время молодежный экстремизм в воспитательных колониях поражает враждебной дерзостью и организованностью осужденных подростков. Под «пенитенциарным экстремизмом несовершеннолетних» подразумеваются, главным образом: преступления экстремистской направленности, т. е. преступления против личности, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и прочих по мотивам идеологической и политической (имеется в виду идеология и политика преступных сообществ¹) ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (в данном случае – определенной категории осужденных или такой профессиональной группы, как сотрудники уголовно-исполнительной системы).

Так, 6 ноября 2007 г. в Тольятти прошла акция неповиновения в колонии для подростков². Осужденные жаловались на режим и ходьбу строем. Подобную организацию беспорядков можно оценить как проявление бравады положением осужденных.

В ночь с 4 на 5 ноября 2007 г. в Жигулевской воспитательной колонии ГУФСИН России по Самарской области также про-

Библиографический список

1. Основы социальной работы / отв. ред. П. Д. Павленок. – М., 2006.

2. Лузгин, С. А. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе / С. А. Лузгин [и др.] ; под общ. ред. Ю. И. Калинина. – Рязань, 2006.

изошли массовые беспорядки, во время которых осужденные подожгли ряд зданий, расположенных на территории колонии, и не подчинялись требованиям внутреннего распорядка³.

Недавние события в Кировградской воспитательной колонии, случившиеся 16 октября 2007 г. (причем не в первый раз в этой колонии), уже нельзя назвать простой демонстрацией⁴. Действия осужденных отличались организованностью, слаженностью, жестокостью, насилием, что привело к жертвам из числа сотрудников колонии, разрушению ненавистных воспитанникам зданий, таких как административный штаб и школа. Однако православный храм при этом не пострадал.

Очевидно, что назрела острая необходимость ответить на вопросы: в чем причины подобных массовых бунтов в воспитательных колониях?; что заложено в их основе: спонтанный возрастной экстремизм, акт самоутверждения молодых осужденных, демонстрация приверженности к преступной среде или война озлобленных подростков против мира взрослых, ущемляющих их свободу?; а, может быть, эти дети оказались своеобразным оружием старших заключенных, утверждающихся во власти криминалитета?

Подчеркнем, что ответы на эти вопросы имеют большое значение, поскольку позволяют судить о детерминации такой категории пенитенциарных преступлений, которые следует отнести к преступлениям экстремистской направленности. Несовершеннолетних преступников-экстремистов можно отнести, главным образом, к второстепенным массовым участникам, которых привлекают в преступные действия криминальные авторитеты. Но при определенных их негативных личностных качествах (на-

¹ См., напр.: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 371.

² См.: Куликов В. Детский авторитет // Рос. газ. 2007. 7 нояб.

³ См.: <http://www.rg.ru/2007/11/06/>.

⁴ См.: Севергин И. Колониальные войны // Рос. газ. Неделя. 2007. 1 нояб.

пример, правовом нигилизме) и соответствующем криминальном опыте вполне можно ожидать «превращения» их в убежденных правонарушителей-экстремистов, авантюристов и т. п.

В частности, среди осужденных, содержащихся в Кировградской воспитательной колонии, больше половины отбывают наказания за совершение тяжких преступлений, около 10 % – убийства, в их числе подросток, на счету которого девять (!) человеческих жизней.

Сотрудники воспитательных колоний характеризуют нравы осужденных подростков по сравнению с взрослыми преступниками как более жестокие и бесчеловечные. Такие несовершеннолетние не только стали устойчивой частью преступной среды, но начинают влиять на характер ее субкультуры. Безусловно, в этом есть определенная роль самой среды, в которой находятся подростки, отбывающие наказание в виде лишения свободы.

По мнению министра юстиции РФ, условия жизни несовершеннолетних в воспитательных колониях должны быть более гуманными¹, в связи с чем были утверждены новые правила внутреннего распорядка в воспитательных колониях. Однако самарский предприниматель Владимир Абрамов, проведенный два года в Жигулевской воспитательной колонии в качестве осужденного, считает, что мягкость персонала колонии только способствует возникновению бунтов несовершеннолетних воспитанников². Очевидно, что вопрос смягчения и ужесточения дисциплины, как и смягчения и ужесточения наказания, является спорным и вряд ли предполагает однозначный ответ.

Последние два года в России применяются обязательные работы как вид наказания за преступления небольшой тяжести³. Кроме того, директор ФСИН России Ю. И. Калинин предлагает увеличить число альтернативных видов наказаний, поскольку их применение в отношении несовершеннолетних будет способствовать достижению воспитательно-трудового эффекта.

¹ См.: Куликов В. За решетку с авансом // Рос. газ. 2006. 18 окт.

² См.: <http://www.rg.ru/2007/11/06/>.

³ См.: Калинин Ю. На работу, как в тюрьму // Рос. газ. 2007. 13 марта.

Если же подростки станут уклоняться от труда, то меру взыскания можно заменить более строгой. Главное – не оставлять безнаказанным никакое правонарушение. Незначительных преступлений не бывает.

Однако причины массовых беспорядков нельзя сводить только к условиям отбывания наказания и личностным конфликтам, поскольку, как представляется, они гораздо глубже. Для того, чтобы помощь несовершеннолетним осужденным в дальнейшей ресоциализации была эффективной и в обозримом будущем они не вернулись в колонию, следует изучать более отдаленные детерминанты, в силу которых у подростков формируется делинквентность.

Нельзя расценивать осужденных несовершеннолетних преступников только как детей, исключительно случайно попавших в беду. Проблема делинквентного поведения подростка непосредственно связана, во-первых, с проблемой педагогической запущенности и, во-вторых, социальной запущенности, проявляющейся в его отчуждении от позитивно влияющих институтов социализации (семьи, школы). Подросток становится преступником не одномоментно, поэтому очень важно правильно определить профилактические меры, которые следует применить в отношении несовершеннолетних, чтобы остановить их прежде, чем они встанут на преступный путь.

Мы провели опрос учителей, студентов, учащихся одной из общеобразовательных школ и их родителей с целью выяснить причины делинквентного поведения детей и проявлений жесткости к окружающим, а также возможности воспитательно-профилактической работы с несовершеннолетними⁴. Постановку подростков на профилактический учет назвали действенной мерой 71 % опрошенных учителей, 56 % студентов юридических вузов, 37 % родителей, 35 % подростков. Свое мнение респонденты обосновали тем, что в этом случае за поведением несовершеннолетних будет осуществляться контроль, а это способствует сдерживанию преступности, поскольку многие правонарушители осознают свою

⁴ См.: Иванова А. А. Педагогическая профилактика в системе предупреждения преступлений: Моногр. Н. Новгород, 2006. С. 84–87.

вину, могут исправиться, если вовремя оказать им помощь. Другая часть респондентов считают, что постановка на учет – неэффективная мера (41 % родителей, 29 % студентов, 22 % учителей, 20 % подростков), так как она не осознается подростками, и те, кого ставят на учет, неисправимы. Кроме того, по мнению этой части опрошенных, среди несовершеннолетних данная мера является своеобразным престижем и приводит к негативным результатам. Незначительная часть респондентов назвала контроль причиняющим вред (9 % подростков, по 2 % учителей и родителей, 1 % студентов), поскольку он отрицательно влияет на детскую психику, способствует выработке комплексов и подчеркивает всю будущую жизнь.

Респонденты, которые положительно относятся к контролю, на первое место по эффективности поставили семейный контроль, на второе – контроль со стороны комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и милиции, на третье – педагогический. Существует мнение, что необходимо объединить возможности всех субъектов профилактики, организовать комплексный контроль с тем, чтобы сообщая достигнуть высокой эффективности. Только совместные усилия всех заинтересованных сторон приведут к положительным результатам, в обществе должны быть созданы все условия для воспитания у детей ответственности за свое поведение.

Бесспорным является тот факт, что основополагающее место в системе детерминации преступности несовершеннолетних занимают, прежде всего, упущения и недостатки в их нравственно-правовом воспитании. В условиях кризиса семьи правовую социализацию подросткам призвана дать общеобразовательная система. Однако, если в школьном воспитании есть какие-либо недостатки, то это может стать наиболее криминогенным фактором, представляющим серьезную опасность для нравственно-правовой устойчивости несовершеннолетних, на что указали родители (80 %), сотрудники милиции (70 %) и студенты (52,4 %), в свою очередь, педагогические работники дали умеренную оценку данному фактору (40 %)¹.

¹ См.: *Иванова А. А.* Указ. соч. С. 61.

Директор ФСИН России Ю. И. Калинин отмечает, что в колонии поступает молодежь, не умеющая ни читать, ни писать, для которой надо открывать начальные классы. В связи с этим необходимо развивать образовательные программы в исправительных учреждениях. Однако наряду с этим среди осужденных есть желающие обучаться в высших учебных заведениях². Сегодня осужденным стал доступен Интернет, в частности, получение правовой информации и консультаций на специальных сайтах, а в школе при Икшанской воспитательной колонии ведется правовое обучение осужденных несовершеннолетних. На занятиях подростков знакомят с их правами и обязанностями³.

Следует отметить, что в следственных изоляторах и колониях Архангельской области многие осужденные, имея огромные пробелы в знаниях, осознают, что получение образования – одна из возможностей повышения своего социального положения, которое способно помочь им адаптироваться после освобождения. Показателен, например, тот факт, что пятеро осужденных, содержащихся в колонии в Архангельской области дистанционно учатся в вузах Москвы и Санкт-Петербурга⁴.

В Бобровской детской воспитательной колонии Воронежской области отбывают наказания в основном осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, но и здесь каждый воспитанник помимо школьного образования имеет возможность получить специальность в профессиональном училище. В то же время сотрудники колонии, основываясь на личном опыте, отмечают пагубность излишней гуманизации системы исправления, приводящей к тому, что бывшие осужденные, в том числе досрочно освобожденные, возвращаются обратно в колонию за совершение новых преступлений⁵.

В настоящее время требуются новые нестандартные профилактические меры, способные оказать положительное влияние на каждого подростка, заставить их прочувст-

² Источник: *Куликов В.* Дед Мороз идет в тюрьму // Рос. газ. 2006. 26 дек.

³ См.: *Куликов В.* За решетку с авансом.

⁴ См.: *Чистякова А.* Заключенный с аттестатом // Рос. газ. 2007. 6 апр.

⁵ См.: *Лежанина Е.* Здесь быстро кончается детство // Там же. 2007. 22 нояб.

зовать, как плохо там, куда некоторые из них буквально стремятся попасть, мечтая о романтике преступного мира и представляя себя героем. Например, необычное мероприятие провела инспекция по делам несовершеннолетних УВД по Амурской области совместно с УФСИН по Амурской области. Группе подростков в возрасте от 11 до 16 лет, как законопослушным, так и имеющим условный срок, устроили экскурсию в следственный изолятор¹. Почему бы подобные эксперименты не проводить повсеместно, осуществляя по возможности посещение воспитательных и исправительных колоний? Воспитательный эффект от подобных мероприятий будет гораздо выше профилактических бесед.

С 1 сентября 2007 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с установлением обязательности общего образования» от 21 июля 2007 г. № 194-ФЗ², который, по замыслу разработчиков ориентирован в первую очередь на неблагополучных подростков. Чтобы выяснить, каковы могут быть последствия удерживания в школе в течение двух дополнительных лет отстающих учеников и не желающих учиться подростков, мы провели опрос учителей, родителей и учащихся общеобразовательных учреждений г. Нижнего Новгорода. На вопрос о том, будет ли способствовать обязательность «отсидживания» в школе 11 классов учащимися с низкой мотивацией к учебе их дальнейшему образованию в ПТУ, колледжах, большинство учителей, 70 % родителей и 50 % учащихся ответили отрицательно. Это мнение можно объяснить следующим образом: во-первых, до вступления в силу нового закона учащиеся, окончившие 9 классов и не желающие продолжать обучение в школе, поступали в учреждения среднего профессионального образования, получали профессию, устраивались на работу, а значит, начинали раньше обеспечивать себя, самостоятельно удовлетворять свои потребности, реализовать себя во взрослой жизни, чем их сверстники, которым предстояла учеба в 10–11 классах и затем – в вузах.

¹ См.: Шимкус М. Экскурсия в камеру // Рос. газ. 2007. 11 июля.

² См.: Рос. газ. 2007. 25 июля.

Во-вторых, обучение в старших классах школы требует от родителей учащихся достаточно высоких материальных затрат. В-третьих, выпускник 11-го класса школы с большей вероятностью продолжит учебу в вузе, чем в среднем специальном учебном заведении. Не приведет ли это к катастрофической нехватке высококвалифицированных рабочих в России? Как отразится введение в действие этого Закона на начавшейся в России модернизации начального и среднего профессионального образования? Следует отметить, что новый закон уже привел к сокращению численности учащихся профессионально-технических училищ и колледжей в 2007/2008 учебном году³. Член-корреспондент Российской академии образования А. Абрамов считает, что названные выше изменения в законодательстве об образовании перекрыли школьникам дорогу в профессионально-технические училища⁴. И с ним трудно не согласиться.

Возникает вопрос, не произойдет ли увеличение количества беспризорных и безнадзорных детей за счет тех, которые не хотят учиться в школе и теперь не смогут учиться в средних специальных учебных заведениях после 9-го класса? Большинство опрошенных нами учителей, 80 % родителей и 44 % учащихся отрицательно оценили попытки государства решить эту проблему. По их мнению, новый Закон не сможет способствовать привлечению в школу детей, уклоняющихся от учебы.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, образовательное учреждение – это важный субъект педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних, осуществляющий правовую социализацию подростков; с другой стороны, существуют педагогические противоречия, обусловленные несоответствием социальных, экономических, психологических, материальных и других условий

³ Несмотря на то, что закон вступил в силу с 1 сентября 2007 г., руководство профессионально-технических училищ и техникумов в Татарстане получило предписание Минобрнауки о зачислении только выпускников полной средней школы. Поэтому бывшим выпускникам девятых классов руководство училищ и техникумов вернуло аттестаты и предписало вновь сесть за школьные парты.

⁴ См.: Не хочу учиться. А надо, Федя, надо! // Труд. 2007. 29 авг.

оптимальному построению педагогического процесса, а также реально существующих личных качеств участвующих в педагогическом процессе лиц требуемым, криминологическая информация о которых имеет большое значение для успешной борьбы с преступностью и профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Новый Закон возлагает на школу новые обязанности в части создания условий для получения обучающимися общего образования, при этом лишая возможности решением педагогического коллектива оставлять неуспевающих на повторное обучение.

Создание малочисленных классов из несовершеннолетних девиантов, акцент на самообразование подростков, упорно не желающих учиться, вряд ли смогут способствовать повышению их образовательного уровня. Кроме того, отсутствие условий для претворения в жизнь положений выше-названного Закона, разрыв между ними и реальными возможностями современной школы едва ли приведут к снижению количества совершаемых правонарушений несовершеннолетними. Дети из неблагополучных семей, не имеющие возможности и не желающие учиться в школе, реально могут стать безнадзорными, оказаться на ули-

це, пополнить ряды правонарушителей и несовершеннолетних преступников.

Закон содержит положения, касающиеся образования несовершеннолетних осужденных. В частности, предписывая администрации исправительных учреждений способствовать их учебе. Непростая ситуация в воспитательных колониях усугубляется наличием проблем с персоналом: отсутствие квалифицированных специалистов, низкая заработная плата и т. д.

Необходимо учесть, что во многом новый Закон остается декларацией, так как не предусматривает никаких санкций за его неисполнение, в связи с чем возникает опасение, что его введение окажется подобным действию бумеранга и обернется ростом преступности несовершеннолетних.

Библиографический список

1. *Иванова, А. А.* Педагогическая профилактика в системе предупреждения преступлений : монография / А. А. Иванова. – Н. Новгород, 2006.
2. *Куликов, В.* За решетку с авансом / В. Куликов // Рос. газ. – 2006. – 18 окт.
3. *Юридическая педагогика : учеб. для студентов вузов / под ред. В. Я. Кикотя, А. М. Столяренко.* – М., 2004.

А. З. Ирисханов,

начальник УФСИН по Чеченской Республике

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анализируя причины преступности, в первую очередь необходимо выяснить, что способствует этому процессу изнутри. Следует признать, что отсутствие внутренних стимулирующих преступность факторов неизбежно привело бы ее к самоуничтожению.

Преступности, как и всякому социальному явлению, присущи свои внутренние механизмы развития. По мнению ученых, она обладает своей историей и внутренней логикой развития, способностью оказывать обратное воздействие на причины и условия. Криминалитет умело использует в своих целях негативные социальные процессы и нередко успешно вырабатывает

контрмеры позитивному социальному воздействию.

С точки зрения Г. А. Аванесова, в данном случае действует схема «замкнутого круга», когда «преступность выступает в качестве своей собственной причины, порождает самое себя, воспроизводит себя, создает и упрочняет почву, на которой произрастают преступления»¹.

Эффект самовоспроизводства преступности, в частности, пенитенциарной, присутствует в самом факте ее существования в обществе, так как уже одним этим она заражает, разлагает, вовлекает в преступления неустойчивых лиц.

¹ *Аванесов Г. А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 189; см. также: Криминология / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 89, 170, 264; *Долгова А. И.* Системно-структурный характер преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1984. Вып. 41. С. 13.

Мы разделяем мнение отечественных криминологов, что преступники (если оставить за пределами анализа случайных и ситуативных) часто стремятся к расширению круга преступных связей, вовлечению в него новых лиц, передаче преступного опыта, чем обеспечивают сохранение и поддержание криминальных традиций и обычаев, которые в первую очередь направлены на сплочение уголовной среды¹. Это наглядно прослеживается в местах лишения свободы. Указанные обстоятельства имеют большое значение для познания преступности как динамичной системы, которой присущи элементы саморазвития.

Отмечая динамизм общей и пенитенциарной преступности, мы приходим к выводу, что нельзя игнорировать определенный элемент стабильности в ней. Преступность – явление крайне консервативное. Изменяясь с течением времени количественно и качественно в ту или иную сторону, она, безусловно, меняет как свою форму, так и содержание, однако ее суть остается прежней². Поскольку согласно диалектике сущность преступности проявляется в ее отношениях к другим сущностям, ее природу как социального явления следует искать не в особенностях проявлений преступности, а в ее отношениях к другим социальным процессам и явлениям³. Таким образом, изменение социальных условий приводит к изменению свойств преступности, а не ее сущности.

Как разновидность общего понятия преступления, имеющего место в уголовном праве, пенитенциарное преступление обладает всеми его признаками: общественной опасностью, уголовной противоправностью, виновностью и наказуемостью. Однако эти

признаки имеют определенную специфику, обусловленную характером противоправного поведения лиц, лишенных свободы.

Уголовно-исполнительное законодательство РФ имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Сравнительный анализ ч. 1 ст. 1 УИК РФ и ч. 2 ст. 43 УК РФ позволяет констатировать, что цели наказания, изложенные в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, по своему содержанию совпадают. Это является свидетельством взаимосвязи указанных отраслей законодательства на уровне социальных задач, определяемых политикой борьбы с преступностью.

Отсюда вполне объяснимо, что существование преступности в исправительных учреждениях – следствие повышенной опасности поведения злостных правонарушителей из среды лишенных свободы и объективного социально-психологического явления – криминальной субкультуры. В первую очередь это относится к умышленному применению насилия в отношении сотрудников учреждений и принуждению осужденных к соблюдению преступных традиций и обычаев, подчинению криминальным группировкам и преступным авторитетам.

Общеизвестно, что общественная опасность преступления выражается в причинении либо создании угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам личности, общества и государства. Отдельные пенитенциарные преступления также причиняют вред названным интересам. В качестве примеров можно привести следующие: насильственные действия в отношении сотрудника места лишения свободы (ст. 321 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ). По нашему мнению, общественная опасность указанных и иных уголовно наказуемых действий определяется тем, что они препятствуют нормальной работе исправительных учреждений, достижению целей наказания, а в отдельных случаях могут привести к другим особо тяжким преступлениям, в том числе массовым беспорядкам и побегам, захватам заложников и убийствам при отягчающих обстоятельствах. Эти преступления мешают укреплению режима содержания осужденных, привлечению их к общественно полезному труду, проведению с ними воспитательной рабо-

¹ См., напр.: *Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д.* Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1980; *Волошина Л. Л.* О системном подходе к изучению сущности преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 15; *Стручков Н. А.* Преступность как социальное явление. Л., 1979; Курс советской криминологии: Предмет. Методологии. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985; *Дымов Г. А.* Предупреждение и раскрытие корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними: Моногр. Владимир, 2005.

² См.: *Бахтин А. П.* Организация и осуществление надзора за осужденными // Вестник УИС. 2002. № 5. С. 12–15.

³ См.: *Раска Э. Э.* Борьба с преступностью и социальное управление: Теоретические и методические аспекты. Таллин, 1985. С. 45.

ты, подрывают роль и значение самостоятельных организаций осужденных.

Преступная субкультура конца XX – начала XXI вв. характеризуется двумя существенными обстоятельствами: во-первых, вытеснением прежних «воров в законе» и присущих им взглядов и традиций, которые не изолируются от социальной среды, а глубоко в нее проникают, паразитируя на социальных институтах; во-вторых, сближением этой субкультуры с нравами современного кризисного общества, где идет война «всех против всех»¹.

На наш взгляд, общественная опасность пенитенциарных преступлений особенно велика потому, что их совершают лица, уже отбывающие наказание. На повышенную общественную опасность рецидивной преступности, по сравнению с первичной, неоднократно указывалось в юридической литературе². Преступность со стороны осужденных, отбывающих лишение свободы, имеет существенные особенности по своей структуре, а само преступление в исправительных учреждениях отличается повышенной общественной опасностью по сравнению с аналогичными действиями, совершаемыми за ее пределами. Структура пенитенциарной преступности обусловлена изоляцией виновных от общества. Нельзя не согласиться с тем, что при совершении лицом пенитенциарного рецидива его судимость должна влиять на оценку степени общественной опасности совершенного им преступления. То обстоятельство, что рецидив имеет место в период отбывания лишения свободы, еще более повышает его общественную опасность, поскольку каждое совершенное правонарушение в отношении другого осужденного, а тем более сотрудника уголовно-исполнительной системы оказывает крайне отрицательное воздействие на возможности достижения целей наказания³. Го-

сударственная оценка повышенной опасности пенитенциарного рецидива нашла отражение, например, в санкциях уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ч. 2 и 3 ст. 321 УК РФ). Они более суровы, нежели санкции за аналогичные преступления, совершенные вне мест лишения свободы (ст. 318 УК РФ).

В юридической литературе отмечается, что борьба с пенитенциарным рецидивом существенно ограничивает уровень преступности, обуславливает ее качественное смягчение (поскольку повторное совершение преступлений часто связано с переходом к более тяжким видам), а также препятствует формированию вокруг рецидивистов новых преступных групп⁴. Проведенные исследования показали, что осужденным, против которых направлены объединенные действия преступных группировок, труднее противостоять насилию и угрозам с их стороны, а администрации сложнее изобличить и обезвредить такие группы. Преступления, совершаемые ими, обычно влекут более тяжкие последствия, свидетельствующие об особой жестокости преступников.

В связи с этим определенным интерес вызывает мнение П. А. Фефелова о том, что общественная опасность преступного деяния заключается как в причинении или возможности причинения объективного вреда, так и в антиобщественном прецеденте и негативной ценностной ориентации виновного⁵. Необходимо отметить, что все социально значимые поступки людей как личностей обладают свойствами социального прецедента. Он ориентирует на оценку каждого поступка человека в качестве справедливого или несправедливого, полезного или вредного, законного или незаконного и делает возможным стимулирование положительных поступков членов общества, с одной стороны, и активизацию борьбы с антиобществен-

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 106.

² См., напр.: Яковлев А. М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964; Солопанов Ю. В., Квашиш В. Е. Рецидив и рецидивисты. М., 1971. С. 62; Блужштейн Ю. Д. и др. Профилактика преступлений: Учеб. пособие. Минск, 1986. С. 193–194; Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: Учеб. / Под ред. Л. И. Беляевой. М., 2003. С. 178.

³ См.: Назаров С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Моногр. / Под ред. А. А. Магомедова. Владимир, 2002. С. 15.

⁴ См.: Миньковский Г. М. Социальное планирование в сфере борьбы с преступностью и проблемы борьбы с рецидивом // Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. С. 18. О понятии пенитенциарного рецидива см.: Старков О. В. Криминология. М., 2004. С. 76–77.

⁵ См.: Фефелов П. А. Общественная опасность преступного деяния // Сов. государство и право. 1977. № 5. С. 135–138.

ственными проявлениями, в частности, преступлениями, – с другой. С использованием категории социального прецедента все человеческие поступки с точки зрения социальной значимости могут рассматриваться как общественно полезные, общественно вредные или общественно опасные.

На наш взгляд, общественная опасность преступной деятельности заключается прежде всего в том, что она несет в себе негативную ценностную ориентацию, способна служить прецедентом (примером) для повторения подобной деятельности в будущем, в том числе другими лицами, и тем самым причинить серьезный ущерб положительным ценностным ориентациям членов общества.

Теория и практика показывают, что социальное содержание пенитенциарного преступления в большей степени проявляется в противодействии злостных нарушителей порядка отбывания наказания администрации исправительных учреждений и принуждении ими других осужденных к подчинению криминальной субкультуре, преступным группировкам и криминальным авторитетам путем физического или психического насилия.

Изучение криминальных проявлений в местах лишения свободы показало, что противоправное поведение осужденных охватывает обширный спектр различных по характеру (качеству) деяний: от общеуголовных преступлений, в частности, связанных с посягательством на личность, имущество, общественный порядок и другое, до противоправных деяний, субъектом которых может быть только лицо, лишенное свободы. В объективной реальности для среды лиц, лишенных свободы, характерны:

1) конфликты между отдельными осужденными (заключенными под стражу) и их сообществами, перерастающие в преступления;

2) конфликты отдельных осужденных (заключенных) и их сообществ с администрацией исправительных учреждений (ИУ) и следственных изоляторов (СИЗО), перерастающие в преступления;

3) незаконные действия с вещами и предметами, запрещенными для передачи осужденным (заключенным) в ИУ, СИЗО.

Установлено, что пенитенциарные конфликты между отдельными осужденными и их обществами, часть из которых подпадает под действие уголовного закона, возникают

в связи с тем, что некоторые лица умышленно не исполняют свои обязанности, установленные для них правила поведения, в частности, требования быть вежливыми друг к другу. Чаще всего это проявляется в форме угроз, оскорблений, избиений лиц, содержащихся в СИЗО, ИУ, либо драк, клеветы, оговоров осужденных (заключенных). Анализ подобного рода ситуаций позволяет в первую очередь выделить конфликты, отличающиеся скоротечным развитием событий, когда виновные практически не осмысливают происходящее и импульсивно руководствуются исключительно эмоциями. Большая часть этих противоправных деяний совершается под воздействием алкоголя, наркотических средств или психотропных веществ. Такие конфликты носят затяжной характер. На их возникновение влияют различные нарушения режима. Противоречия возникают, например, когда осужденные, входящие в состав самостоятельной организации лиц, лишенных свободы, либо занимающих определенную должность в ИУ, которая может замещаться осужденными (бригадиры, завхозы, дневальные и т. п.), несправедливо притесняют другого осужденного либо в неприемлемой форме предъявляют к нему законное требование. Вражда между лицами, лишенными свободы, также может возникнуть из-за клеветы, распространения порочащих осужденного слухов (например, о том, что он является пассивным гомосексуалистом, ворует личные вещи, продукты питания и т. д.). Встречаются ситуации, когда некоторые осужденные отказываются исполнить «долг чести», т. е. проигрыш в карты. Характерно, что такие осужденные, с одной стороны, являются объектами угроз и насильственных посягательств; с другой – сами обладают повышенной агрессивностью и могут расправиться с вымогателями или «кредиторами». Отдельные представители данной категории осужденных стремятся разрешить конфликт своеобразным способом – путем уничтожения или повреждения имущества ИУ с тем, чтобы добиться перевода в другое учреждение. Одновременно затяжные пенитенциарные конфликты могут быть обусловлены проблемами, связанными с неформальными нормами поведения, действующими в местах лишения свободы. Здесь следует учи-

тивать специфику социально-психологической атмосферы в этих местах. Сосредоточение большого количества лиц, осужденных в основном за корыстные, насильственно-корыстные и насильственные, чаще всего тяжкие и особо тяжкие, преступления, влияет на атмосферу в ИУ и определяет мотивы поведения их обитателей.

Помимо индивидуальных для этих учреждений характерны и групповые криминальные конфликты. Известно, что в учреждениях уголовно-исполнительной системы существует специфическая неформальная самоорганизация осужденных. Основной причиной этого явления следует признать изоляцию данной категории граждан от прежнего социального окружения, пребывание их на ограниченной территории либо в замкнутом пространстве. Представляется, что процесс неформальной самоорганизации не может существовать без ролевых и статусных конфликтов. Более того, в условиях ИУ специфичная неформальная самоорганизация осужденных испытывает на себе сильное влияние профессиональной криминальной среды. В итоге антиобщественная среда и субкультура предоставляют профессиональной преступности возможность успешного функционирования и развития. При этом большое значение имеет организующая роль воровских законов, пропаганда преступного образа жизни, усвоение жаргона, фольклора, символики и т. п.

В свою очередь, неизбежность пенитенциарных конфликтов между отдельными осужденными (заключенными под стражу) и администрацией ИУ и СИЗО продиктована традиционной напряженностью в отношениях между указанными субъектами. Это вполне объяснимо, так как администрация ИУ для лиц, содержащихся в местах лишения свободы, ассоциируется с правоохранительными органами, субъективно воспринимаемыми как причина их «страданий». Эти отношения довольно сложные, поскольку большинство осужденных (заключенных) не желают общаться с персоналом указанных учреждений. Вместе с тем нельзя не признать, что на фоне в основном спокойной обстановки имеет место агрессия со стороны отдельных осужденных в форме неповиновения, оскорбления, угроз и насилия в отношении представителей администрации. Нередко подобные действия являются своеобразным ответом на законные

требования персонала учреждений соблюдать режимные требования. Иногда насилие и неповиновение – это реакция на меры пресечения, применяемые администрацией учреждений в ситуациях задержания и изоляции нарушителей режима, как правило, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, либо изъятие предметов, запрещенных для использования лицами, лишенными свободы.

В ряде случаев причинами подобных противоправных деяний являются нарушения определенных прав осужденных, грубость отдельных сотрудников уголовно-исполнительной системы, ошибочная практика использования в отношении нарушителей режима таких наиболее суровых мер взыскания, как водворение в штрафной изолятор и перевод в помещение камерного типа. Если предпочтение отдается силовым методам воздействия на осужденных, а меры взыскания неадекватны характеру проступков, неизбежна ответная негативная реакция. Поэтому строгость должна сочетаться с внимательным отношением к законным нуждам осужденных, однако исключать либеральность, порождающую обстановку безнаказанности и распушенности; нежелательны также колебания в сторону то ужесточения дисциплинарной практики, то ее необоснованного смягчения.

На наш взгляд, ошибочно абсолютизировать указанные выше недостатки в деятельности пенитенциарных учреждений и считать их единственными причинами конфликтов с осужденными. В основном персонал этих учреждений добросовестно, с риском для здоровья и жизни, выполняет свой служебный долг. Следует заметить, что само общение с современным контингентом лиц, лишенных свободы, потенциально таит в себе опасность для сотрудников, так как значительно возрос общий уровень криминогенности осужденных, увеличилась прослойка потенциальных нарушителей режима, более разнообразными стали методы противодействия администрации ИУ. Это может привести к опасным ситуациям, которые на практике часто возникают при активизации борьбы с негативной деятельностью лидеров криминальной среды и их окружения. Озлобление и недовольство последних может привести к конфликту, разрешаемому в форме групповых неповиновений, хулиганских действий, а также массовых беспорядков.

Таким образом, уголовно-противоправное поведение лиц, лишенных свободы, весьма своеобразно и его субъектами могут быть лишь осужденные в ИУ. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, рассмотренная разновидность преступности включает такие сугубо пенитенциарные деяния, как побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) и уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ). При этом побег продолжает занимать в структуре пенитенциарной преступности значительное место.

Во-вторых, анализируемое явление охватывает группу общественно опасных деяний, предполагающих противодействие правоохранительным органам, ведущим борьбу с преступностью. В условиях пенитенциарных учреждений они приобретают форму действий, дезорганизующих деятельность этих учреждений: умышленного уничтожения имущества путем поджогов, захватов заложников, массовых беспорядков, иных групповых эксцессов. Характерная черта таких преступлений – исключительная тяжесть их последствий.

К наиболее опасным посягательствам данной группы следует отнести преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, непосредственным объектом которого выступает нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Именно в этом качестве оно обладает свойством специальной противоправности, что ставит его в один ряд с побегами и уклонением от отбывания лишения свободы.

В-третьих, противоправное поведение лиц, лишенных свободы, имеет в ряде случаев форму общеуголовных преступлений (убийство, причинение вреда здоровью, оскорбление, насильственные действия сексуального характера, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, побои и т. д.). Источником данных правонарушений является микросреда лиц, изолированных от общества, отличающаяся неформальными нормами, которые отражаются на линии поведения практически каждого осужденного.

В-четвертых, анализируемая разновидность преступности включает незаконные действия осужденных с наркотиками, а также иными предметами, запрещенными к

передаче и обращению в ИУ. Поскольку в современных условиях в данных учреждениях сбывают наркотики, спиртное и т. п., указанные деяния будут оставаться фактором, дестабилизирующим обстановку в местах лишения свободы.

В-пятых, пенитенциарная преступность – это совокупность преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы. Это означает, что пенитенциарные преступления представляют собой особую разновидность повторности действий, так как они происходят в пределах или в сфере функционирующего ИУ.

В-шестых, пенитенциарное преступление в сущности является внешним проявлением одноименного конфликта, специфика которого предопределяется, прежде всего, противостоянием двух категорий физических лиц – осужденных и потерпевших, в качестве которых могут выступать другие осужденные, сотрудники уголовно-исполнительной системы, вольнонаемный персонал учреждений.

Таким образом, к контрсубъектам пенитенциарного преступления относятся те основные его участники, коренные интересы которых прямо противоположны, а их законные и противозаконные действия происходят в рамках государственных исправительных учреждений и соответствующего локального социального пространства их функционирования.

В-седьмых, объективной стороной пенитенциарного преступления выступает своеобразное, внешне выраженное, публично проявляющееся противоборство лиц, осужденных к лишению свободы, на фоне правомерной и неправомерной деятельности в функционировании ИУ и в рамках охранительных юридических отношений.

Библиографический список

1. Аванесов, Г. А. Криминология и социальная профилактика / Г. А. Аванесов. – М., 1980.
2. Дымов, Г. А. Предупреждение и раскрытие корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними : монография / Г. А. Дымов. – Владимир, 2005.
3. Кудрявцев, В. Н. Преступность и нравы переходного общества / В. Н. Кудрявцев. – М., 2002.

Е. Н. Казакова,
докторант Академии управления МВД РФ
кандидат педагогических наук, доцент

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Одним из оснований освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы по действующему законодательству является условно-досрочное освобождение (ч. 1, 2, 5 ст. 79 УК РФ; п. «в» ст. 172 УИК РФ). Основаниями условно-досрочного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы являются (ч. 5 ст. 79 УК РФ):

- судебное решение о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в дальнейшем отбывании наказания;
- отсутствие у осужденного злостных нарушений режима в течение предшествующих трех лет;
- фактически отбывтый осужденным срок наказания не менее двадцати пяти лет лишения свободы;
- несовершение осужденным тяжких и особо тяжких преступлений в период отбывания наказания.

Принятие судебного решения осуществляется на основании ходатайства самого осужденного о предоставлении ему условно-досрочного освобождения и сведений, подтверждающих его исправление (частичное или полное возмещение вреда, причиненного преступлением, раскаяние в содеянном и др.). Существенное значение при этом имеет оценка администрации исправительного учреждения поведения осужденного в период отбывания наказания.

Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на освобождаемое лицо дополнительные обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ. Выполнение этих обязанностей при условии их возложения – неотъемлемая часть условно-досрочного освобождения. Контроль за поведением условно освобожденного осуществляется «уполномоченным специализированным государственным органом» (ч. 6 ст. 79 УК РФ). Условно-досрочное освобождение может быть отменено:

- а) по усмотрению суда в случаях:
 - нарушения условно освобожденным общественного порядка, за которое на него было

наложено административное взыскание, или злостного уклонения от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения;

- совершения условно освобожденным преступления по неосторожности;

- б) при совершении условно освобожденным умышленного преступления.

Условно-досрочное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы основано на идее исправимости самой асоциальной категории осужденных. При этом социально-правовой смысл института условно-досрочного освобождения в России по сути своей не изменился с начала XX в. Так, по словам А. Ф. Кони, условно-досрочное освобождение «...есть своего рода право арестанта, добываемое таким поведением, которое дает уверенность в будущем добропорядочном образе его жизни. Оно требует взаимодействия и арестанта, и тех лиц или учреждений, которые прикосновенны к тюремному делу и которым принадлежит почин в вопросе о досрочном освобождении. Оно есть осуществление раз установленного нормального, а не чрезвычайного порядка вещей»¹.

Однако до настоящего времени в России, как и во всем мире, пожизненное лишение свободы и, в частности, условно-досрочное освобождение от отбывания данного наказания обсуждаются так же, как и высшая мера наказания². Применение этого вида наказания непосредственно затрагивает интересы потерпевших от преступлений, влияет на ближайшее социальное окружение осужденного, а также на формирование «общественной морали и правового сознания населения»³. Сохраняя жизнь особо опасному преступнику, государство предоставляет ему возможность возвращения к нормальной жизни в обществе. А законопослушный потерпевший, чьи права по-прежнему нарушаются и, как правило, остаются не возмещенными, «...медленно перемещается на периферию уголовного правосу-

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 386.

² См., напр.: Варужан Карапетян может быть отпущен из тюрьмы Сен Мор // AZG Armenian Daily # 54, 03/24/2001. <http://www.armenia.ru/azg/20010326/2403200103.html>.

³ Шмаров И. В. Пожизненное лишение свободы как комплексная правовая, нравственная и психолого-педагогическая проблема // Проблемы острова помилованных убийц: Метод. сб. Вологда, 1996. С. 5.

дия»¹. На первый взгляд – это несправедливо, поскольку прямой обязанностью государства является обеспечение безопасности граждан, а не сохранение жизни лицам, совершившим преступные деяния, приведшие к смерти потерпевших, а также возмещение ущерба, причиненного преступлением. Однако применение смертной казни или отмена возможности условно-досрочного освобождения при пожизненном лишении свободы также не решит эти проблемы.

Здесь допустим только уголовно-правовой компромисс: условно считать возмещение осужденным морального и материального ущерба потерпевшим от преступлений, расходов, понесенных государством на его содержание, а также исправление этих лиц восстановлением прав, нарушенных преступлением. Поэтому возможность условно-досрочного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы будет обоснованной только в случае повышения эффективности данного института в части разрешения этих проблем в законодательстве и практике. По тому, насколько действенно будет реализована эта мера, можно судить о реальных правовых приоритетах в современной уголовной политике России.

Правовое регулирование института условного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы – сложный процесс, поскольку этот институт в современных условиях не применялся и вопросов для научной проработки достаточно много. Неоднократные за последние годы изменения УК РФ, УИК РФ, регулирующих условно-досрочное освобождение, «...подчеркивают актуальность проблемы поиска оптимальных правовых форм освобождения от наказания...»², в том числе и для пожизненного лишения свободы. В этой связи в юридической литературе даже высказывались предложения о разработке и принятии федерального закона, регламентирующего порядок предоставления и реализации условно-досрочного освобождения³. Од-

нако дискуссионными продолжают оставаться вопросы возможности понятия и применения условно-досрочного освобождения, неоднозначен подход ученых-пенитенциаристов и теоретиков уголовного права относительно оснований применения данной формы освобождения от наказания и обязательности его применения к осужденным и др.

Существуют различные точки зрения на правовую природу условно-досрочного освобождения. В основном данный институт рассматривается как поощрительная мера уголовно-правового характера⁴, как часть наказания⁵ и как вид освобождения от наказания⁶. Так, например, по мнению М. А. Ефимова, условно-досрочное освобождение является «заключительной стадией в отбывании лишения свободы», поскольку и после освобождения из мест заключения карательное воздействие продолжается⁷. С. Я. Улицкий рассматривает природу этого института как меру поощрения осужденных. По его мнению, условно-досрочное освобождение – это «...установление факта достижения целей уголовного наказания»⁸. Автор полагает, что все эти точки зрения справедливы и характеризуют отдельные стороны института условно-досрочного освобождения как в целом, так и относительно его применения при пожизненном лишении свободы.

Специфика условно-досрочного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы, как уже было сказано выше, обусловлена противоречием между защитой прав осужденных, совершивших особо

⁴ См., напр.: Щерба Д. А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики. Владивосток, 2007. С. 10–11.

⁵ См., напр.: Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1983. С. 141.

⁶ См., напр.: Водяников Д. П., Кузнецова Л. В. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания более мягким: Учеб. пособие. М., 1981. С. 7.

⁷ См.: Ефимов М. А. Условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким. Свердловск, 1969. С. 4; Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Общая часть: В 2 т. М., 1929. С. 359; Трайнин А. Н. Общая часть уголовного права. М., 1929. С. 485.

⁸ Улицкий С. Я. Некоторые теории юридической природы условно-досрочного освобождения в советском праве // Учен. зап. ДВГУ. 1968. Т. 11. С. 89–90; он же. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и замена им наказания более мягким. Алма-Ата; М., 1964. С. 6.

¹ Бойко А. И. Потерпевший от правосудия // Законодательство. 2003. № 11.

² Воронин О. В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 3.

³ См.: Спицын В. В. Условно-досрочное освобождение в учреждениях УИС // Преступление и наказание. 2003. № 5. С. 21.

опасные преступные деяния, и прав потерпевших от преступлений. Поскольку результатом преступных деяний, совершенных этой категорией осужденных, является смерть жертвы, то восстановление прав, нарушенных преступлением в принципе невозможно. Однако возмещение материального и морального вреда, причиненного преступлением, в законодательном порядке предусмотрено, поэтому пожизненное лишение свободы и тем более возможность условного освобождения от его отбывания – это не только поощрительная мера, часть наказания, вид освобождения, но и *уголовно-правовой компромисс между осужденным, государством и потерпевшим*.

Применение пожизненного лишения свободы предполагает не только возмездие за совершенное преступление, но и исправление осужденного, несмотря на то, что до настоящего времени в теории и практике пожизненного лишения свободы этот вопрос остается дискуссионным¹. При этом возможность условно-досрочного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы является *основным стимулом исправления* осужденных. Так, опрос осужденных² показал, что большинство из них (69,3 %) надеются реализовать свое право либо на условно-досрочное освобождение, либо на помилование или амнистию; 20,90 % возлагают надежду только на условно-досрочное освобождение, 8 % – на пересмотр приговора, поскольку не считают наказание справедливым и лишь 1,8 % осужденных не надеются на освобождение.

Однако исследования в области психологии и педагогики показывают, что стимулы процесса исправления осужденных, находящиеся в отдаленной перспективе, оказывают значительно меньший эффект, чем ближайшие перспективы³. В связи с чем существенное значение для формирования у осужденного мотивации к исправлению, его готовности к представлению на

условно-досрочное освобождение имеет оценка личности и поведения осужденного в различные периоды отбывания наказания⁴. Вместе с тем знание динамики изменения отношения осужденного в зависимости от отбытого срока: к совершенному преступлению; наказанию; труду; необходимости возмещения вреда, причиненного преступлением; участию в каких-либо образовательных, психотерапевтических или коррекционных программах и т. д., – является основой прогноза индивидуального поведения осужденного, способствующего реализации превентивной функции наказания.

Проведение ежегодных аттестаций осужденных при условии, что они являются обязательным элементом их условно-досрочного освобождения, будет способствовать созданию дополнительных стимулов к исправлению осужденных. При этом автор статьи поддерживает точку зрения профессора А. С. Михлина о том, что досрочное освобождение должно быть допустимо лишь в том случае, если осужденный не менее половины отбытого срока, необходимого для принятия решения об условном освобождении, в целом характеризовался положительно⁵. Аттестация осужденного должна включать в себя заключения различных специалистов, каждый из которых несет персональную ответственность по своему направлению деятельности за объективность оценки осужденного. Это также позволит избежать проблемы коррупции, которая существовала в пенитенциарной системе во все времена и, как отмечал А. Ф. Кони, всегда вносила «новую язву в тюремную жизнь»⁶.

Условно-досрочное освобождение в отношении данной категории осужденных будет оправдано в том случае, если отбывание обязательной части наказания обеспечивает фактическую возможность исправления осужденных. Отсюда следует, что изучение целесообразности установленного в законе необходимого для возможного условно-досрочного освобождения размера отбытого срока наказания имеет существенное значение в развитии данного института.

В настоящее время двадцатипятилетний срок возможного условно-досрочного освобождения является предметом дискуссии

¹ См. подробнее: Казакова Е. Н. Значение социальной работы в исправлении осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в Российской Федерации, и проблемы ее правового регулирования // Уголовно-исполнительная система. 2007. № 3.

² Исследование проводилось в 2006 г. Выборка составила 217 респондентов.

³ См.: Михлин А. С. Проблемы условно-досрочного освобождения. М., 1982. С. 75.

⁴ См.: там же. С. 76–77.

⁵ См.: там же. С. 79.

⁶ Кони А. Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 387.

многих ученых и практиков. Так, существует мнение отдельных авторов о сокращении срока возможного условно-досрочного освобождения до пятнадцати лет¹. Напротив ряд ученых предлагают для лиц, совершивших три и более убийств без смягчающих обстоятельств, вообще исключить такую возможность. Результаты опросов сотрудников исправительных учреждений, исполняющих данный вид наказания, подтверждают именно эту точку зрения. Лишь 10 % из них отмечают необходимость снижения возможного срока условно-досрочного освобождения до двадцати лет и 5 % – до пятнадцати лет (выборка составила 125 респондентов).

В международном уголовном праве и законодательствах зарубежных стран также существуют различные подходы к определению срока возможного условно-досрочного освобождения для пожизненно заключенных. Так, п. 12 резолюции (76) 2 Комитета министров Совета Европы «Об обращении с лицами, приговоренными к длительным срокам заключения» от 17 февраля 1976 г.² содержит рекомендацию о пересмотре приговора к пожизненному лишению свободы после отбывания срока от восьми до четырнадцати лет, при этом пересмотр должен повторяться через регулярные промежутки времени. В тюрьмах Англии и Уэльса за период с 1901 по 1950 г. средний срок, отбываемый данной категорией заключенных, был равен восьми годам. Шестьдесят восемь пожизненно заключенных фактически отбыли менее трех лет, и только один – более двадцати лет. Кроме того, согласно статистическим данным, средний отрезок времени, отбывтый пожизненно заключенными, которые были освобождены в 1997 г., увеличился до 13,8 лет, а 296 заключенных отбыли более 20 лет³. В некоторых странах, например в Турции и Украине, для таких осужденных не предусмотрена возможность условно-досрочного освобождения, к ним может применяться только помилование.

В России срок возможного условно-досрочного освобождения от отбывания нака-

зания для данной категории осужденных был установлен без какого-либо научного анализа и поэтому до настоящего времени остается дискуссионным. Действительно неясно, почему законодатель считает, что именно двадцатипятилетний срок будет способствовать исправлению осужденных, а не какой-либо другой. Так, в случае назначения наказания в виде лишения свободы на восьмилетний срок, предусмотренный в санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ, осужденный может исправиться и быть условно освобожден по отбытии пяти с небольшим лет назначенного наказания. При этом получается, что при отбывании пожизненного лишения свободы за аналогичное преступление осужденный может исправиться и стать безопасным для общества не менее чем через двадцать пять лет.

Определение и законодательное закрепление оптимального срока возможного условно-досрочного освобождения осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, напрямую зависит от эффективности исправительного воздействия в зависимости от отбытого срока. В ходе проведенного автором исследования было установлено, что в условиях пожизненного лишения свободы результативность исправительного воздействия начинает снижаться по отбытии осужденным от семи до десяти лет наказания. При отбывании свыше десяти лет назначенного срока у большинства осужденных утрачивается чувство вины за совершенное деяние, наблюдается при этом явный регресс социально значимых качеств, формируется пассивное отношение к исправительному воздействию. По истечении пятнадцати лет наказания эти негативные явления существенно прогрессируют. Вместе с тем с учетом возраста осужденных перспектива их условно-досрочного освобождения представляется бессмысленной, поскольку они не будут социально востребованы в случае освобождения. Таким образом, анализ показывает, что оптимальным будет срок возможного условно-досрочного освобождения по отбытии *от семи до пятнадцати лет наказания*. При этом пересмотр должен повторяться через определенные промежутки времени, но не менее чем через год.

Безусловно, наряду с выявлением периода наибольшей эффективности исправительного воздействия, для решения вопроса об установлении оптимальных сроков возможного условно-досрочного освобожде-

¹ См.: Пономарев П., Максимов В. Проблемы уголовно-правового регулирования пожизненного лишения свободы // Законность. 1993. № 4. С. 8.

² См.: http://www.echr-base.ru/res76__2.jsp.

³ См.: Чайка Ю. Я. Исполнение судебных решений в соответствии с европейскими стандартами: Докл. министра юстиции РФ Ю. Я. Чайки на 24-й Конф. Европ. министров юстиции. М., 2005. С. 8.

ния являются значимыми криминологические и уголовно-исполнительные характеристики осужденных. На основе классификации осужденных, отбывающих данный вид наказания, можно установить возможные сроки условно-досрочного освобождения в зависимости от их принадлежности к определенной категории.

О необходимости классификации осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, с целью определения возможности их условно-досрочного освобождения, говорили Ю. М. Антонян и В. А. Верещагин. На основании результатов исследования криминологических, психологических и уголовно-исполнительных характеристик исследователи предложили «дифференцировать назначение и исполнение пожизненного лишения свободы на основе законодательного закрепления классификации самых опасных преступников – "особо опасных" и "наиболее опасных"»¹. Последней категории ученые предлагают это право отменить.

По действующему законодательству условно-досрочное освобождение применяется к любой категории лиц. Соображения только общей превенции не являются основанием для неприменения условного освобождения при пожизненном лишении свободы. Безусловно, исключительная тяжесть преступлений и высокая степень криминализации осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, предопределяет и ужесточение требований к возможному их условно-досрочному освобождению. Однако лишение их этой возможности в силу высокой стоимости данного вида наказания, социально неоправдан и нецелесообразен, а также противоречит международным нормам². Так, А. Ф. Кони полагал, что все категории осужденных, независимо от степени опасности совершенных деяний, *на определенных условиях имеют право на условно-досрочное освобождение.* Поскольку это необходимо для исправления осужденных, то его применение логично и оп-

равданно. Непонимание этого ведет к непоследовательности в исполнении наказаний, которая, по его мнению, является «наибольшей ошибкой в управлении»³.

Автор также считает, что перспектива возможного условного освобождения должна быть у всех осужденных. Однако дифференциация назначения и исполнения пожизненного лишения свободы посредством различных сроков возможного условно-досрочного освобождения не может быть основана на законодательно закрепленной классификации осужденных. *Срок возможного условно-досрочного освобождения при пожизненном лишении свободы должен устанавливаться судом на этапе назначения наказания, в зависимости от характера результата совершенного преступного деяния.* Дифференциация уголовной ответственности с помощью количественных показателей возможного срока условно-досрочного освобождения, классификации преступных деяний, за совершение которых предусмотрен данный вид наказания, будет способствовать индивидуализации ответственности каждого осужденного и соответственно повышению эффективности исправительного воздействия в период отбывания наказания.

Возможность условно-досрочного освобождения ни в коей мере не должна умалять значения общепредупредительной цели пожизненного лишения свободы. В соответствии с п. 10 резолюции (76) 2 Комитета министров Совета Европы решение об условном освобождении осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, должно приниматься «с соблюдением предусмотренных законом требований в отношении продолжительности отбытого срока наказания», а также при появлении возможности «прогноза положительного поведения заключенного». При представлении осужденного к условно-досрочному освобождению персонал исправительных учреждений должен быть уверен в том, что дальнейшее исправление условно освобожденных возможно и на каких условиях. В этих целях должно быть подготовлено заключение, основу которого составляет социальная, психологическая и уголовно-исправительная характеристика осужденного. В ней в обязательном порядке долж-

¹ Антонян Ю. М., Верещагин В. А. Убийцы, отбывающие пожизненное лишение свободы // Государство и право. 1999. № 11. С. 48.

² См.: Recommendation Rec(2003)23 of the Committee of Ministers to member states on the management by prison administrations of life sentence and other long-term prisoners. Adopted by the Committee of Ministers. Oct., 9.2003. Council of Europe. Committee of ministers. 12 p.

³ Кони А. Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 394.

ны содержатся выводы относительно готовности осужденного к условно-досрочному освобождению и прогноз возможного рецидива преступления.

Оценка администрации исправительного учреждения осужденного должна содержать в своей основе официальные выводы психолога, социального работника, врачей (психиатр, терапевт) и оперуполномоченного. При этом необходимо учитывать не только раскаяние осужденного в содеянном, но и его участие в социальных и психокоррекционных программах реабилитации, уровень развития у них социально одобряемых стереотипов поведения, наличие профессии, социально полезных связей и пр.

Существенное значение в решении вопросов условно-досрочного освобождения осужденных от отбывания пожизненного лишения свободы имеет участие общественности. Привлечение к уголовно-исполнительному процессу широких слоев общественности, в том числе попечительских советов, благотворительных фондов и организаций, религиозных конфессий и др., способствует ресоциализации и социальной адаптации осужденных. Поэтому мнение об осужденном представителей данных социальных институтов, участвующих в исправительном процессе, позволит более объективно подходить к решению вопроса о его возможном условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Огромное влияние на процесс исправления осужденного в период отбывания наказания и подготовку к освобождению оказывают его родные и близкие. Поэтому предварительная проработка вопроса о возможном условно-досрочном освобождении осужденного и перспективы его постепенной адаптации с данной категорией граждан особенно актуальна, равно как и их мнение на этот счет.

Автор статьи солидарен с А. Ф. Кони в том, что «...ощущения и впечатления потерпевшего от преступления, недовольного слабостью уголовной репрессии, никогда не могут и не должны служить директивой для законодателя»¹. Однако для принятия судом решения о предоставлении условно-досрочного освобождения имеет значение отношение осужденного к потерпевшему(им), поскольку в наибольшей степени в

данном случае затрагивает его интересы в сравнении с другими категориями граждан. При этом наиболее острым вопросом является возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением.

Суды вправе с целью закрепления результатов исправительного воздействия возложить на лицо обязанность возместить ущерб по исполнительным листам. Однако проблема злостного уклонения от возврата денежных долгов жертвам преступлений осужденными всех категорий в настоящее время весьма злободневна. В исправительных учреждениях возможности взыскивать долги весьма ограничены из-за низкой трудовой занятости осужденных, низких зарплат работающих осужденных и «остаточного» принципа таких удержаний². Особенно остро этот вопрос стоит в отношении осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы. Поэтому условно-досрочно освобожденные обязаны трудиться.

Принятию решения о предоставлении условно-досрочного освобождения будет в значительной мере способствовать социально-правовая и психологическая готовность к этому самих осужденных. Не случайно В. М. Трубников указывает «на необходимость выработки у осужденных в процессе исполнения и отбывания наказания адаптационных знаний и личностных качеств, облегчающих впоследствии их социальную адаптацию»³. В ходе исследования было выявлено, что большинство осужденных (80 %) считают себя вполне готовыми к жизни на свободе. Однако результаты социологических и психологических исследований свидетельствуют об обратном, поскольку демонстрируют низкий уровень развития у осужденных социально значимых качеств и свойств на фоне высокого уровня их социальной депривации и дезадаптации.

Отдельные ученые период условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а именно процесс социализации личности за пределами исправительного учреждения, очень точно называют постизоляцией⁴. Она

² См.: Выростаikin В. Досрочно освобождать достойных // Преступление и наказание. 2005. № 1. С. 23.

³ Трубников В. М. Социальная адаптация освобожденных от отбывания наказания. Харьков, 1990. С. 26.

⁴ См.: Маковик Р. С., Бессараб Н. Р. Изоляция личности в российском праве и законодательстве: Учеб. М., 2007. С. 226–227.

¹ Кони А. Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 381.

характеризуется тем, что социально-правовое и социально-психологическое состояние личности условно освобожденного predeterminedено депривацией социально полезных связей в период отбывания наказания, а также правоограничениями постпенитенциарного и/или постлечебного характера, ведущие к частичному ограничению конституционных прав.

При этом выход на свободу для многих осужденных будет сопряжен с не меньшими испытаниями, чем жизнь в исправительном учреждении. Нет работы, никто не ждет, просто некуда идти. Статья 182 УИК РФ лишь в общем виде определяет, что условно освобожденные от наказания имеют право на трудовое и бытовое устройство. Думается, что мало кто из категории освободившихся от отбывания пожизненного наказания будет востребован обществом, родными и близкими. Во всяком случае в отношении категорий лиц, совершивших особо опасные деяния, эта проблема была всегда. Как правило, они могут надеяться только на помощь государства¹.

Так, в рамках работы программы «Врачи без границ» было установлено, что почти четверть всех бездомных в России – бывшие осужденные. Люди, которые освобождаются из мест заключения, практически не получают никакой социальной поддержки, а многие из них оказываются без работы и жилья. Из-за отсутствия государственной программы реинтеграции в общество и разрушения системы социальной поддержки в стране люди часто не могут вернуться к нормальной жизни многие годы. Сотрудники уголовно-исполнительной системы полагают, что одной из основных задач реализации института условно-досрочного освобождения вообще является функционирование центров социальной адаптации, которые заботились бы о ресоциализации освободившихся. В свою очередь, дома социальной адаптации, открывшиеся во многих городах России, помогают отбывшим наказание пережить самые трудные недели². Однако эти социальные центры не приспособлены для реинтеграции бывших особо опасных преступников в общество, поскольку имеют другие, более общие, социальные функции.

¹ См.: Грибов В. Переходный дом и его обитатели // Преступление и наказание. 1993. № 7. С. 40–41.

² См.: Пичугина Н. Шанс для отверженных // Преступление и наказание. 1996. № 10. С. 50.

Условно освобожденные попадают в необычную для них обстановку, поскольку практически сразу расширяется круг их социальных функций и ролей, к выполнению которых в период отбывания наказания осужденные, как правило, были не подготовлены. Такие задачи, как: забота о приобретении и содержании жилья, питании и одежде, поиск работы, распределение заработка, личного времени, после освобождения являются для них трудно разрешимыми, особенно на фоне не всегда адекватного отношения к ним окружающих.

Вышеизложенные трудности в адаптации данной категории условно освобожденных способствовали возникновению в научных кругах идеи поэтапного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы. Так, отдельные авторы предлагают, например, освобождение от данного вида наказания через колонию-поселение³. Другие считают, что целесообразно вместо условно-досрочного освобождения законодательно закрепить возможность замены пожизненного наказания на ограничение свободы от трех до пяти лет⁴. Актуальным является предложение об установлении испытательного срока для этой категории условно освобожденных⁵. При всем том все едины во мнении, что режим полусвободы на первом этапе условно-досрочного освобождения необходим, поскольку будет способствовать в большей степени адаптации этих лиц к реальной социальной действительности после длительной и жесткой изоляции.

Условное освобождение, связанное с обязательным привлечением к труду, способствует постепенному приучению лица к жизни на свободе⁶. Например, в советский период уголовное и исправительно-трудовое законодательство предусматривало такой вид осво-

³ См.: Дьяченко Р. А. Условно-досрочное освобождение и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. С. 17.

⁴ См.: Антонов О. А. Правовое регулирование назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1998. С. 16.

⁵ См.: Михлин А. С. Смертная казнь: право на помилование и «право на смерть» // Законность. 1995. № 10. С. 44; он же. Заключен пожизненно // Рос. юстиция. 1995. № 7. С. 25.

⁶ См.: Михлин А. С. Проблемы досрочного освобождения от наказания. М., 1982. С. 76.

бождения от наказания, как «условное освобождение с обязательным привлечением к труду»¹. Однако этот вид освобождения просуществовал недолго, поскольку в данный период развития общества труд был обязательен для всех граждан без исключения. Однако в настоящее время, когда труд является правом, а не обязанностью, вполне обоснованно вменить в основные обязанности условно освобожденного труд, с учетом необходимости возмещения осужденным вреда, причиненного преступлением. Это значительно облегчит социальную адаптацию и реинтеграцию в общество лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания пожизненного лишения свободы.

Немаловажное значение в повышении эффективности условно-досрочного освобождения имеет «установление действенного контроля и надзора компетентных государственных органов и общественности за поведением освобождаемых»². При этом контроль – это организованное наблюдение за условно освобожденным и его изменениями, а надзор – проверка выполнения предусмотренных требований. Это будет способствовать предотвращению правонарушений и оказанию социальной помощи условно освобожденным, обеспечению проверки правильности принятого решения об условно-досрочном освобождении, закреплении результатов исправительного воздействия. При этом контроль и надзор должны носить системный, а не эпизодический характер, а их степень должна снижаться в зависимости от истекшего срока условно-досрочного освобождения.

Действующее законодательство (ст. 183 УИК РФ) предусматривает контроль за лицами, освобожденными от отбывания наказания только правоприменительными структурами. Однако этого недостаточно для эффективной ресоциализации лиц, условно освобожденных от отбывания пожизненного лишения свободы. Автор полагает, что целесообразно было бы использовать уже имеющийся в российской практике опыт общественного контроля

за данной категорией граждан. Так, согласно ст. 106 ИТК РСФСР наблюдение за лицами, освобожденными условно-досрочно от отбывания наказания, организовывалось исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов и непосредственно осуществлялось общественными организациями и трудовыми коллективами по месту работы или учебы, а также по месту жительства этих лиц под контролем наблюдательных комиссий. Работа каждого члена наблюдательной комиссии строилась «...на началах добровольности, бесплатности...» и выполнялась, как правило, в свободное от основной работы время, т. е. на общественных началах. Поскольку такая практика, несмотря на формальный подход в большинстве случаев, себя оправдывала³, имеет смысл проработать вопрос общественного контроля за условно освобожденными на данном этапе развития института пожизненного лишения свободы.

Наряду с этим на ранних этапах условного освобождения можно использовать зарубежный опыт организации контроля за условно освобожденными, например, посредством электронной системы наблюдения, созданием «полудомашних» условий досрочного освобождения и др. Так, Н. Кристи считает, что электронный контроль, по сравнению с другими организационными формами, более эффективен и гуманен по отношению к условно освобожденным⁴. Канадский опыт работы с данной категорией условно освобожденных свидетельствует о том, что эффективной социальной адаптации и реабилитации в большей степени способствует наличие помощников по социальной адаптации, контролирующих эти процессы⁵. Все это требует дополнительного изучения и применения с учетом российских социально-экономических и социально-психологических условий реализации данного института при пожизненном лишении свободы. Обобщение зарубежного опыта контроля и надзора за условно освобожденными от пожизненного лишения свободы и его использование в

¹ Михлин А. С. Условное освобождение – важный этап приобщения осужденных к честной трудовой жизни. М., 1979. С. 3.

² Сабанин С. Н. Проблемы повышения эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. С. 15.

³ См.: Наташев А. Е. Наблюдательные комиссии и их роль в осуществлении советской исправительно-трудовой политики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962. С. 5, 8.

⁴ См.: Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 40.

⁵ См.: Life Imprisonment. John Howard Society of Alberta. Alberta, 1998. P. 8–10.

полной мере будут способствовать разработке комплексного и дифференцированного подхода к его организации и как следствие социальной адаптации и реинтеграции в общество лиц, условно освобожденных от отбывания пожизненного лишения свободы¹.

При условно-досрочном освобождении от отбывания пожизненного лишения свободы дискуссионным является вопрос о не отбытой части наказания. Так, ч. 7 ст. 79 УК РФ применена быть не может, поскольку осужденный пожизненно в принципе должен отбывать наказание до конца жизни. Отдельные ученые полагают, что считать таким сроком всю оставшуюся жизнь тоже нельзя, так как судимость у лиц, отбывших наказания за особо тяжкие преступления, погашается по истечении восьми лет после условного освобождения (п. «д» ч. 3 ст. 86 УК РФ). Поэтому суд должен установить испытательный срок, который должен быть регламентирован в законе (например, десять лет, в течение которых будет проверена обоснованность условно досрочного освобождения)².

Тем не менее автор статьи не разделяет эту точку зрения, полагая, что вопрос о снятии судимости с данной категории условно освобожденных должен решаться иначе. Поскольку условное освобождение «...предполагает полное, хотя и условное, освобождение от фактического отбывания наказания»³, то данная категория лиц должна находиться под приговором всю оставшуюся жизнь. В силу того, что наказание должно быть соразмерным преступлению («жизнь за жизнь»), а объектом карательного воздействия при наказаниях являются личные блага, относящиеся к личной свободе гражданина, нет ничего неприемлемого в том, что срок наказания может стать пожизненным, как в условиях лишения свободы, так и при условном освобождении от отбывания наказания. При всем том в целях создания для этих лиц социальной перспективы при условии возмещения вреда, причиненного преступлением, включая возмещение ущерба потерпевшим и расходы, понесенные государством на испол-

нение наказания, по истечении не менее восьми лет осужденный в судебном порядке может решить вопрос о снятии судимости. Автоматическое же снятие судимости с этой категории осужденных неприемлемо.

На основании вышеизложенного автор сформулировал следующие выводы и предложения.

1. Условно-досрочное освобождение при пожизненном лишении свободы в первую очередь должно рассматриваться как часть наказания, по своей социально-правовой сущности быть условным и длиться всю оставшуюся жизнь. В случае восстановления нарушенных преступлением прав, путем уголовно-правового компромисса (т. е. через возмещение ущерба), необходимо предусмотреть дополнительные условия для возможного снятия судимости с данной категории осужденных по истечении восьмилетнего срока условного освобождения.

2. В принятии судом решения о возможности предоставления условно-досрочного освобождения этой категории осужденных должны полноправно участвовать потерпевшие (или их представители) и общественность. Для усиления роли этих субъектов в принятии решения об условном освобождении пожизненно осужденных и повышении степени объективности этого решения целесообразно создать региональные советы по условно-досрочному освобождению лиц, отбывающих наказания за совершение особо тяжких преступлений против личности и общественной безопасности.

3. Установленный законодательством двадцатипятилетний срок возможного условно-досрочного освобождения должен быть максимальным, минимальный срок необходимо понизить как минимум до семи лет. Это будет способствовать дифференциации уголовной ответственности, снижению негативного воздействия условий изоляции на личность и поведение осужденных, а также уменьшению финансовых затрат на исполнение данного вида наказания. С целью более глубокой дифференциации уголовной ответственности на этапе назначения наказания, в зависимости от степени общественной опасности лиц, совершивших преступление, необходимо установить различные сроки возможного условно-досрочного освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы для различных категорий осужденных.

¹ См.: Коваль М. И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 13.

² См.: Михлин А. С. Пожизненное лишение свободы как вид уголовного наказания / Рос. юстиция. 2002. № 5. С. 33.

³ Скибицкий В. В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. Киев, 1987. С. 151.

4. Подготовка к условному освобождению от отбывания пожизненного лишения свободы должна осуществляться путем последовательного снижения степени изоляции в период отбывания наказания и поэтапного освобождения осужденных, предоставляя им возможность выхода за пределы исправительных учреждений с сопровождением и без сопровождения.

Наряду с вышеизложенным развитие института условно-досрочного освобождения при пожизненном лишении свободы требует дальнейшей теоретической и законодательной проработки таких вопросов, как: организационно-правовое обеспечение контроля и надзора за условно освобожденными; создание системы мер по оказанию им помощи в

социальной адаптации и реинтеграции в общество условно освобожденных от отбывания пожизненного лишения свободы и др.

Библиографический список

1. *Воронин, О. В.* Производство по рассмотрению и решению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004.

2. *Спицын, В. В.* Условно-досрочное освобождение в учреждениях УИС / В. В. Спицын // Преступление и наказание. – 2003. – № 5.

3. *Щерба, Д. А.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики / Д. А. Щерба. – Владивосток, 2007.

Э. С. Карпов,

*преподаватель кафедры экономических и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ ФСИН РОССИИ

В настоящее время среди ученых отсутствует единая точка зрения относительно ведомственного финансового контроля. С одной стороны, он вызывает обоснованную критику, так как существуют определенные проблемы, связанные с его независимостью; с другой – ведомственный финансовый контроль имеет достаточно значимое превентивное воздействие.

Структура, наименование, численность и подчиненность подразделений, осуществляющих ведомственный финансовый контроль, неоднократно изменялись. В период, когда места лишения свободы находились в ведении Министерства внутренних дел, ведомственный финансовый контроль осуществляли контрольно-ревизионные подразделения МВД СССР, затем МВД России. При этом правовое его регулирование осуществлялось приказами Министерства внутренних дел. Формирование самостоятельной системы ведомственного финансового контроля в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) началось после ее передачи в ведение Министерства юстиции Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ «О передаче уго-

ловно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» от 28 июля 1998 г. № 904¹. Первоначально в Управлении бухгалтерского учета и отчетности ГУИН Минюста России в соответствии с Приказом Министерства юстиции РФ от 2 ноября 1998 г. № 1170-к был создан Контрольно-ревизионный отдел. Первым самостоятельным, напрямую подчиняющимся начальнику Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ, контрольно-ревизионным подразделением стало Управление ревизий и финансового контроля, образованное в соответствии с Приказом Министерства юстиции РФ от 10 августа 2000 г. № 1276-к. В 2005 г. на базе данного Управления в соответствии с Приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 12 июля 2005 г. № 645 была образована Главная контрольно-ревизионная инспекция (на правах управления).

Первые правовые документы, регламентирующие осуществление ведомственного финансового контроля в подразделениях УИС, были приняты во время существования Контрольно-ревизионного отдела. В качестве примера таких документов можно привести следующие:

– Методические рекомендации по организации и проведению инвентаризаций материальных ценностей и проверок финансового хозяйства учреждений (предпри-

¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3841.

ятий) внутренними проверочными комиссиями (письмо Главного управления исполнения наказаний Минюста РФ от 25 августа 1999 г. № 18/4-484);

– Инструкция по проведению ревизии финансово-хозяйственной деятельности УИН, ГУИН и УЛИУ Минюста России (письмо Главного управления исполнения наказаний Минюста РФ от 3 июля 2000 г. № 18/17/2-405 (в ред. от 24 ноября 2003 г.).

Наибольшее количество правовых актов, регламентирующих осуществление ведомственного финансового контроля, было принято в период функционирования Управления ревизий и финансового контроля при Главном управлении исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации.

После образования Управления ревизий и финансового контроля был разработан и принят важнейший нормативный правовой акт – Приказ ГУИН Минюста России «Об организации и осуществлении ведомственного финансового контроля в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции Российской Федерации» от 29 марта 2001 г. № 55, утверждающий Положение о ведомственном финансовом контроле в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции Российской Федерации. Приказом ГУИН Минюста России от 12 сентября 2003 г. № 284 было утверждено Положение об Управлении ревизий и финансового контроля при Главном управлении исполнения наказаний Минюста России.

Кроме того, в качестве примера можно перечислить следующие правовые документы, принятые во время функционирования Управления ревизий и финансового контроля, регламентирующие осуществление отдельных направлений ведомственного финансового контроля в органах и учреждениях УИС:

– Методические указания по организации финансового контроля в Главном управлении исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации (письмо Главного управления исполнения наказаний Минюста РФ от 15 марта 2001 г. № 18/54-133);

– Методические рекомендации по проведению ревизии финансово-хозяйственной и производственной деятельности управлений лесных исправительных учреждений (УЛИУ) ГУИН Минюста России (письмо Главного управления исполнения наказаний Минюста РФ от 14 марта 2002 г. № 18/54-146 (в ред. от 4 декабря 2003 г.);

– Инструкция по проведению ревизий по пенсионному обеспечению и социальному обслуживанию лиц, проходивших службу, и членов их семей в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Минюста России (письмо Главного управления исполнения наказаний Минюста РФ от 18 сентября 2002 г. № 18/54-529 (в ред. от 5 декабря 2003 г.);

– Методическое пособие по правильности начисления денежного довольствия сотрудникам уголовно-исполнительной системы при проведении документальных ревизий в учреждениях и органах УИС Минюста России (письмо Главного управления исполнения наказаний Минюста РФ от 17 ноября 2003 г. № 18/54/5-1031).

После образования Главной контрольно-ревизионной инспекции Федеральной службы исполнения наказаний количество принимаемых правовых актов, регламентирующих осуществление ведомственного финансового контроля в УИС, сократилось. Одинадцатого августа 2005 г. был издан приказ ФСИН России № 712 «Об организации и осуществлении ведомственного финансового контроля в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний», утверждающий Положение о ведомственном финансовом контроле в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний и отменяющий действие приказа ГУИН Минюста России «Об организации и осуществлении ведомственного финансового контроля в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции Российской Федерации» от 29 марта 2001 г. № 55.

Таким образом, за время существования системы ведомственного финансового контроля в УИС было принято достаточно большое количество правовых актов, регламентирующих осуществление ведомственного финансового контроля. Однако при рассмотрении данных правовых актов возникает вопрос об их правовой природе: являются ли они нормативными правовыми актами или нет? В ответе на указанный вопрос необходимо обратиться к документам, регламентирующим порядок подготовки, издания и регистрации нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти.

В соответствии с приказом Минюста РФ «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной

власти и их государственной регистрации» от 4 мая 2007 г. № 88¹ при подготовке нормативных правовых актов рекомендуется использовать постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД. В данном документе приводятся следующие определения нормативного правового акта и правовой нормы.

Нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм.

В свою очередь, под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение.

Согласно пункту 5.2 Регламента Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденного приказом ФСИН России «Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний» от 19 мая 2006 г. № 245, «правовые акты издаются ФСИН России в пределах своей компетенции в виде приказа или в ином установленном законодательством Российской Федерации виде в соответствии с утверждаемыми Правительством Российской Федерации правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»².

В соответствии с постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 13 августа 1997 г. № 1009³ нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. Издание нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм не допускается.

Кроме того, в Методических рекомендациях о порядке подготовки и оформления нормативных правовых актов и других до-

кументов в Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденных распоряжением ФСИН России от 8 июля 2006 г. № 177-р, отмечено, что нормативные правовые акты могут издаваться только в виде приказов, распоряжений, правил, инструкций, наставлений и положений. Акты, изданные в ином виде, не должны носить нормативный правовой характер.

Согласно абзацу 3 п. 3 Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации государственной регистрации подлежат все нормативные правовые акты, изданные федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений.

Пункт 15 Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации содержит перечень правовых актов, не подлежащих государственной регистрации. К ним относятся: индивидуальные правовые акты; акты, которыми решения вышестоящих государственных органов доводятся до сведения органов и организаций системы федерального органа государственной власти; акты, направленные на организацию исполнения решений вышестоящих органов или собственных решений федеральных органов исполнительной власти и несодержание новых правовых норм; акты рекомендательного характера и др. Иными словами, правовые акты, не подлежащие государственной регистрации, носят локальный или индивидуальный характер.

Следует отметить, что преобладающее количество правовых актов называются «методические рекомендации», «методическое пособие». Наименования «инструкция», «типовое положение», «положение» применяются достаточно редко. Однако большинство из них, за исключением положений о ведомственном финансовом контроле, приказами или распоряжениями не утверждены. В качестве реквизитов они имеют только номера исходящих писем. Возможно, что эти правовые акты следует причислить не к нормативным, а к индивидуальным правовым актам, которые не содержат новых правовых норм, носят рекомендательный характер и не подлежат государственной регистрации. Вместе с тем детальный

¹ См.: Рос. газ. 2007. 24 мая.

² См.: Бюл. нормат. актов федер. органов исполн. власти. 2006. № 26.

³ См.: СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

их анализ показал, что это не так. Исходя из содержания указанных правовых актов, они носят не рекомендательный, а обязательный характер, так как регламентация порядка проведения ревизий не может в принципе носить рекомендательного характера. Они не направлены на разъяснение каких-либо нормативных правовых актов, обладающих большей юридической силой, так как не содержат ссылок на них. Исходя из своего содержания, все вышеперечисленные правовые акты носят нормативный характер, так как они устанавливают нормы права, регламентирующие порядок проведения ревизий и иных проверочных мероприятий ведомственного финансового контроля в учреждениях и органах ФСИН России. Все данные нормы права рассчитаны на многократное применение, носят постоянный характер. Соответственно все вышеперечисленные правовые акты по своему содержанию являются нормативными правовыми.

Таким образом, по своей внешней форме выражения вышеприведенные методическое пособие, методические рекомендации, методические указания, инструкции, типовое положение не соответствуют требованиям Регламента Федеральной службы исполнения наказаний, Правилам подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, а также Методическим рекомендациям о порядке подготовки и оформления нормативных правовых актов и других документов в Федеральной службе исполнения наказаний. Они не утверждены в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций или положений, а также не зарегистрированы в установленном порядке. Соответственно возникает вопрос об их юридической силе и о законности их действия.

Предлагая варианты решения данной проблемы, на наш взгляд, основным источником информации следует считать Методические рекомендации о порядке подготовки и оформления нормативных правовых актов и других документов в Федеральной службе исполнения наказаний, в которых раскрываются требования к содержанию нормативных правовых актов, издаваемых в Федеральной службе исполнения наказаний.

В частности, приказ издается по наиболее важным вопросам функционирования УИС, правового регулирования различных направлений служебной деятельности, прохождения службы.

Положения регламентируют деятельность конкретных подсистем УИС. В положении систематизированно определяются порядок ее образования, полномочия, организация работы и порядок действий учреждений и органов УИС, их структурных подразделений.

Инструкции, наставления и правила регулируют основные виды (формы) оперативно-служебной деятельности и работу конкретных категорий сотрудников. Инструкции и наставления содержат нормы, устанавливающие субъектов, порядок, способы и методы осуществления того или иного вида деятельности. Правила устанавливают порядок осуществления отдельного вида деятельности.

Издаваемые нормативные правовые акты в виде положения, наставления, инструкции, правил утверждаются приказами. Запрещается издавать нормативные правовые акты в виде писем, телеграмм и методических рекомендаций¹.

В соответствии с действующими Методическими рекомендациями о порядке подготовки и оформления нормативных правовых актов и других документов в Федеральной службе исполнения наказаний возможно пересмотреть указанные нормативные правовые акты и переиздать их в форме инструкций, наставлений или правил, или в виде единого положения о ведомственном финансовом контроле, подробно регламентирующем все стороны контрольной деятельности.

По нашему мнению, последний вариант является наиболее предпочтительным. Подтверждение правильности выбора подобного пути закреплено также в Методических рекомендациях о порядке подготовки и оформления нормативных правовых актов и других документов в Федеральной службе исполнения наказаний, согласно которым планирование подготовки проектов нормативных правовых актов осуществляется с учетом необходимости сосредоточения усилий на разработке комплексных нормативных правовых актов, сведения до минимума количества локальных, частных нормативных правовых актов².

Таким образом, в настоящее время существует необходимость в разработке единого

¹ См.: Методические рекомендации о порядке подготовки и оформления нормативных правовых актов и других документов в Федеральной службе исполнения наказаний: приложение к распоряжению ФСИН России от 8 июля 2006 г. № 177-р.

² См.: там же.

комплексного Положения о ведомственном финансовом контроле в учреждениях и органах ФСИН России, которое должно включить в себя все имеющиеся нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные стороны финансово-контрольной деятельности. Указанное Положение необходимо утвердить Приказом Министра юстиции Российской Федерации как органа, уполномоченного издавать нормативные правовые акты. При его разработке следует привлечь различных специалистов, учесть опыт подобных нормативных правовых актов в других федеральных органах исполнительной власти. Наличие единого, юридически грамотного, проработанного нормативного правового акта позволит поднять уровень финансового контроля в учреждениях и органах ФСИН России на кардинально новый уровень.

Н. Е. Колесникова,

*преподаватель кафедры ресоциализации
и трудовой адаптации осужденных
Псковского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний*

ГРУППОВАЯ ПСИХОКОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ

В настоящее время нет единого взгляда на проблему ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Так, Ю. В. Жулева рассматривает ресоциализацию как «возобновление или повторность действий и как противодействие асоциальной деградации личности»¹; В. М. Трубников под ресоциализацией в широком смысле понимает «процесс исправления и перевоспитания судимых лиц»². Ученые-пенитенциаристы выделяют следующие стадии ресоциализации. Например, А. Ф. Степанюк и В. М. Трубников включают в нее 2 этапа – пенитенциарный и постпенитенциарный; В. Ю. Южанин добавляет к ним допенитенциарный период; М. С. Рыбак называет 5 стадий ресоциали-

¹ Жулева Ю. В. Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания: Сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Рязань, 1999. С. 4.

² Трубников В. М. Социальная адаптация освобожденных от наказания. Харьков, 1990. С. 47.

Библиографический список

1. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : постановление Правительства РФ от 13 авг. 1997 г. № 1009 // СЗ РФ. – 1997. – № 33. – Ст. 3895.

2. Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : приказ Минюста РФ от 4 мая 2007 г. № 88 // Рос. газ. – 2007. – 24 мая.

3. Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний : приказ ФСИН России от 19 мая 2006 г. № 245 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполн. власти. – 2006. – № 26.

зации осужденных. Существуют также другие точки зрения³.

Нами были проведены психодиагностическое обследование осужденных и групповая работа с ними с последующим анализом результатов на базе учреждения ФГУ ИК-4 УФСИН России по Псковской области. Была поставлена задача, заключающаяся в поиске эффективной социально-психологической технологии психокоррекционной работы с осужденными. Для сбора и хранения информации использовалась специально разработанная карта учета, заполняемая в ходе работы с осужденным. Карта содержит две части: первая позволяет получить представление о социальном статусе осужденного; вторая содержит информацию о психологических особенностях его личности, полученную в результате тестирования. Психологическое исследование особенностей личности проводилось по методикам определения уровня депрессии В. А. Жмурова, направленности контакта К. Томаса, теста на исследование самооценки В. Волкова, методике изучения качественных эмоциональных характеристик Л. А. Рабинович⁴.

³ См., напр.: Баранов Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006. С. 40–41.

⁴ См.: Головей Л. А., Рыбалко Е. Ф. Практикум по возрастной психологии. СПб., 2001.

Психологическая диагностика позволила выявить зоны неблагополучия клиентов-осужденных и соответственно разработать направления социально-психологического воздействия. В данном случае таковыми для осужденных явились: характер взаимоотношений в семье; особенности общения со сверстниками и значимыми лицами; взаимоотношения с женщинами; отношение к закону.

Следующим этапом социально-психологического взаимодействия является составление индивидуальных и групповых программ, где нашли отражение 4 основные сферы конфликтного или психотравмирующего воздействия, в результате которого личность выбирала путь делинквентного развития и осуждалась обществом к отбыванию наказания. Тематика и количество встреч по каждой теме определялась сходством проблем осужденных. Построение данной программы базировалось на социально-психологических принципах: доверия и психологической безопасности участников; активности и ответственности участников за процесс и результат обучения; партнерского общения и взаимного сотрудничества; признания индивидуальности, уникальности каждого участника; конструктивной обратной связи, безоценочного общения; конфиденциальности личной информации.

Основные цели программы:

- развитие позитивного осознания себя;
- развитие эмоциональной сферы;
- получение позитивного опыта взаимодействия с миром;
- стимулирование понимания не только самого себя, но и других людей;
- способствование личностному росту и максимальному использованию своих возможностей в жизни;
- формирование реалистической положительной самооценки и готовность нести ответственность за свой собственный выбор и свое поведение.

Реализация указанных целей предопределила постановку и решение следующих задач: формирование знаний в области коммуникативной компетентности и позитивного разрешения конфликтных ситуаций в общении; выработка адекватных представлений о коммуникативной толерантности и асертивным поведении; расширение круга социально-психологических знаний по проблемам самосознания и рефлексии; активизация про-

цесса самопознания и понимания других людей; расширение способов стабилизации собственного эмоционального состояния, повышение стрессоустойчивости и эмоциональной стабильности; фиксирование полученных умений и навыков в дневниках наблюдений и реализация их в деятельности.

Работа в группах проводилась следующим образом:

Блок № 1 «Я и моя семья»

Основные проблемы сводятся к неразрешенным детским проблемам взаимодействия с родителями, неумению строить партнерские отношения со взрослыми, дефициту доверия к миру.

Исходный принцип работы в группе: ребенок, лишенный родительской опеки или получивший опыт жестокого обращения в семье, имеет право выбирать, каким ему быть – похожим на своих родителей или отличаться от них. Он не обязан быть лучше.

Блок № 2 «Я и мои сверстники»

Основные проблемы заключаются в понимании зеркальной природы общения.

Исходный принцип: природа общения носит зеркальный характер.

Блок № 3 «Женщины в моей жизни»

Основная проблема состоит в неумении осужденных строить отношения с противоположным полом, использовании одного и того же неэффективного сценария взаимодействия; в результате возникают искаженные представления о другой половине человечества, согласно которым действует личность.

Исходный принцип: Я – мужчина, она – женщина. Мы складываем усилия и получаем удовольствие. Мы разные, но равноценные.

Блок № 4 «Я и Закон»

Основная проблема сводится к тому, что осужденный не может, не хочет и не умеет считаться с интересами других людей и часто искренне удивляется тому, что общество наказывает его изоляцией.

Исходный принцип: свобода – это признание необходимости действовать в рамках закона, в ином случае человек ограждается решеткой¹.

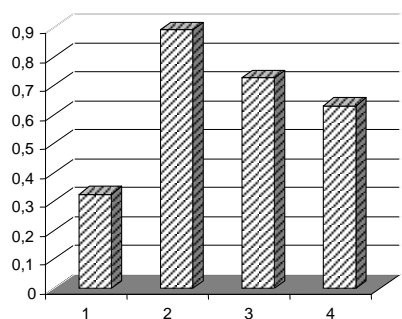
В качестве примера изменений, происходящих с осужденными, можно привести сравнение результатов повторной психодиагно-

¹ См.: Колесникова Н. Е., Манойлова М. А. Социально-психологические факторы развития эмоциональной сферы осужденных: Науч.-метод. пособие. Псков, 2006.

стики лиц, участвующих в групповой работе, и контрольной группы, позволяющее выявить различия в уровне самооценки (диаграмма 1).

Диаграмма 1

РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ САМООЦЕНКИ, ВТОРОЙ ЗАМЕР

1 – К-группа, 2 – первая группа,
3 – вторая группа, 4 – третья группа

Участники групповой психокоррекционной работы продемонстрировали более высокие достижения по показателю «самооценка» по сравнению с контрольной группой.

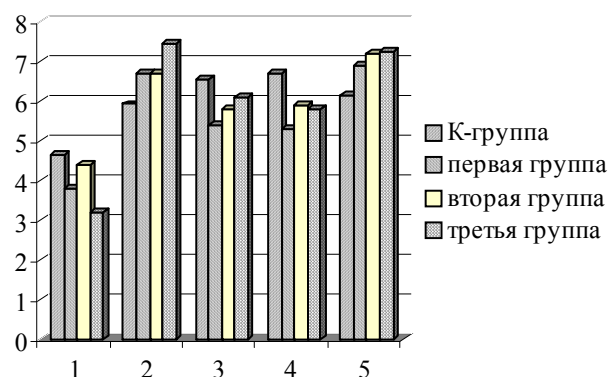
В стратегиях поведения в конфликтах также получены заметные изменения и обнаружены статистически значимые различия между показателями участников групповой работы и остальными испытуемыми (диаграмма 2). Наиболее востребованными стратегиями осужденных, посещавших группу, стали «сотрудничество», в котором учитываются интересы всех участвующих в переговорах сторон, и «компромисс». В контрольной группе наиболее используемыми стратегиями по-прежнему остались «избегание» и «приспособление».

Несмотря на то, что эмоциональный фон настроения во всех группах испытуемых остался прежним (т. е. основной фон настроения окрашен радостью), уровень депрессии у участников групповой работы

заметно снизился по сравнению с испытуемыми контрольной группы.

Диаграмма 2

РАЗЛИЧИЯ В СТРАТЕГИЯХ ПОВЕДЕНИЯ
В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ, ВТОРОЙ ЗАМЕР

1 – соперничество, 2 – сотрудничество,
3 – избегание, 4 – приспособление, 5 – компромисс

Таким образом, эффективность примененной нами социально-психологической технологии психокоррекционной работы с осужденными в условиях группового общения и взаимодействия является результативной. Это предполагает ее активное внедрение в работу пенитенциарных психологов.

Библиографический список

1. Баранов, Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю. В. Баранов. – СПб., 2006.
2. Колесникова, Н. Е. Социально-психологические факторы развития эмоциональной сферы осужденных : науч.-метод. пособие / Н. Е. Колесникова, М. А. Манойлова. – Псков, 2006.
3. Трубников, В. М. Социальная адаптация освобожденных от наказания / В. М. Трубников. – Харьков, 1990.

А. В. Кудрявцев,
старший преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

При анализе сущности оперативно-розыскной деятельности определенный инте-

рес вызывает категория «правоотношение». В определении данного понятия существует несколько точек зрения.

Правоотношение – это объективно возникающая в обществе в соответствии с законом или даже до закона особая форма социального взаимодействия, участники которого обладают взаимными, корреспондирующими правами и обязанностями и реализуют их в целях удовлетворения своих потребностей и интересов в особом по-

рядке, не запрещенном государством или гарантированном и охраняемом им в лице определенных органов¹.

По мнению В. К. Бабаева, правоотношение – это отношение в связи с правом и на основе права; общественное отношение, т. е. отношение между людьми, неразрывно связанное с их деятельностью, поведением; отношение, которое возникает вследствие воздействия норм позитивного права на поведение людей; связь между людьми посредством субъективных прав и юридических обязанностей; отношение, охраняемое государством².

В. Н. Хропанюк считает правоотношением такое общественное отношение, в котором стороны связаны между собой взаимными юридическими правами и обязанностями, охраняемыми государством³.

С точки зрения Л. С. Явича, правоотношение представляет собой специфическое качество юридической формы фактических отношений⁴, т. е. исторически сформировавшиеся из сферы так называемых естественных прав и отношений, традиций, обычаев, облаченные в форму нормативных предписаний правила поведения людей.

С. А. Комаров и А. В. Малько отмечают, что правоотношение – это урегулированная нормами права общественная связь, участники которой имеют соответствующие субъективные права и юридические обязанности. Если норма права – статическое состояние правового регулирования, то правоотношение – динамическое⁵.

Известный ученый в области права и государства С. С. Алексеев свое мнение по данному вопросу формулирует следующим образом: правоотношение – это средство «перевода» общих предписаний юридических норм в плоскость субъективных юри-

дических прав и обязанностей для данных субъектов⁶.

По мнению Э. Абашина, «взаимоотношения людей друг с другом, хотя и охватываются рамками конкретных правоотношений, но практически непредсказуемы, поскольку ни одно правоотношение не учитывает эмоциональных характеристик участвующих в нем лиц, чью-то оплошность, непредусмотрительность, наконец, злой умысел, а также неподконтрольность природных факторов»⁷.

Таким образом, под правоотношениями в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) подразумевается специфическая область общественных отношений, возникающих на основе норм позитивного права, охраняющихся государством, участники которых имеют соответствующие субъективные права и юридические обязанности.

Содержанием общественного отношения является поведение его участников. Если это поведение отклоняется от требований правовой нормы, то и само общественное отношение отклоняется от своей модели – юридического отношения. В контексте рассматриваемого вопроса следует отметить, что правоотношения в области ОРД отличаются определенной спецификой, обусловленной ее особым правовым статусом.

Первое определение ОРД дал в 1966 г. А. Г. Лекарь: «ОРД – основанная на законодательных и подзаконных актах система разведывательных (поисковых) мероприятий, осуществляемых преимущественно негласными средствами и методами в целях предотвращения, раскрытия преступлений и розыска скрывшихся преступников»⁸. В отечественном законодательстве первое упоминание об ОРД (в формулировке «оперативно-розыскные меры») содержится в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятых 25 декабря 1958 г., в соответствии с которой на органы дознания было возложено «принятие необходимых опера-

¹ См.: Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 38.

² См.: Курс лекций по общей теории права / Под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 405–407.

³ См.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Учеб. пособие для вузов / Под ред. В. Г. Стрекозова. М., 1993. С. 227, 232.

⁴ См.: Явич Л. С. Право и общественные отношения. М., 1971. С. 34.

⁵ См.: Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права: Учеб.-метод. пособие. М., 1999. С. 332–333.

⁶ См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1996. С. 131.

⁷ Абашин Э. Возмещение вреда: Учеб.-практ. пособие. М., 2000. С. 4.

⁸ Источник: Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность в схемах. М., 2001. С. 10.

тивно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступлений и лиц, их совершивших». Аналогичное понятие было инкорпорировано в ч. 1 ст. 118 УПК РСФСР. На основании данной статьи под ОРД понималась «основанная на законе и регламентируемая подзаконными нормативными актами система разведывательно-поисковых мероприятий, осуществляемых специальными субъектами преимущественно негласными средствами и методами в целях эффективной борьбы с преступностью»¹. Введение законодательной регламентации ОРД в России впервые было осуществлено в 1992 г. в связи с принятием Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 г. № 2507-1 и получило свое развитие в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Согласно ст. 1 данного Закона «оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств»².

Следует отметить, что отсутствие до 1992 г. норм закона, регулировавших общественные отношения в области ОРД, позволяло облекать их в правовую форму. Поскольку общепризнанным является наличие естественных прав человека, коренящихся в его природе, требованиях разума, то существуют и правоотношения без соответствующих им норм позитивного права. Естественное право, по мнению профессора В. К. Бабаева, выражается в совокупности прав и свобод, обусловленных природой человека. К таким правам представители данной теории относят: право человека на свободу, общение с себе подобными, продолжение рода, жизнь и нор-

мальные условия человеческого существования, собственность, охрану своей жизни и здоровья со стороны общества и государства. В свою очередь, закономерными являются вытекающие из этих прав обязанности – не причинять ущерба другим людям, обществу и государству³.

Кроме того, ОРД направлена на обеспечение естественных прав человека. Необходимо отметить, что без использования возможностей указанной деятельности невозможно эффективно защищать данные права.

В связи с этим К. К. Горяинов отмечает, что ОРД – это основанный на законе вид социально полезной государственной деятельности уполномоченных субъектов, представляющий собой систему применения специальных сил, средств и методов гласного и негласного характера с целью защиты человека, общества и государства от преступных посягательств при условии существенного затруднения или невозможности достижения этой цели иными законными путями. Поэтому можно говорить об исключительном, вынужденном характере данной деятельности и законодательном закреплении ограничительного ее применения⁴.

Таким образом, сыскная деятельность в развитии общества имела место задолго до появления какого-либо права или юридических знаний вообще. А. Ю. Шумилов считает ОРД одной из древнейших и «вечных» функций государства⁵, основываясь на том, что Р. У. Роуан говорил о 33 веках секретной службы⁶, а А. Даллес, ссылаясь на древнего китайского философа Сунь Цзы, отмечал, что еще в V в. до новой эры практиковалось применение агентуры⁷.

В связи с этим неясно, почему ОРД как одна из древнейших и наиболее эффективных форм обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств не получила своевре-

³ См.: Курс лекций по общей теории права. С. 113.

⁴ См.: Горяинов К. К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в УИС // Оперативник (сыщик). 2006. № 1. С. 16.

⁵ См.: Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскное право: иллюзия или реальность // Правоведение. 1994. № 4. С. 44–51.

⁶ См.: Роуан Р. У. Очерки секретной службы. СПб., 1992.

⁷ См.: Даллес А. Искусство разведки. М., 1992.

¹ Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Термины и определения. Киев, 1988. С. 12–13.

² См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

менного и соответствующего развития своих теоретических положений. В ответе на данный вопрос М. А. Шматов выделил следующие основания.

1. Рассматривая общественную жизнь как естественно-исторический процесс, исходя из положения об объективной связи явлений природы и общества, можно сделать вывод о том, что на первоначальном этапе становления общества и развития общественных отношений было достаточно розыскных познаний и сыскного практического опыта для регулирования общественных отношений в сфере борьбы с преступностью. Однако с развитием государства и общества изменялась и усложнялась преступная деятельность, для борьбы с которой потребовались дополнительные познания, в том числе из других областей общественного развития.

2. Развитие правовых знаний привело к постепенному отказу от теории формальных доказательств, где основным средством доказывания была пытка. Переход к состязательному процессу предопределил решение двух фундаментальных проблем: а) разработку теоретических основ деятельности по расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел; б) разработку средств и методов по выявлению информации о преступлении. Это, в свою очередь, повлекло за собой появление науки уголовного процесса и уголовно-процессуального законодательства (а впоследствии и теории ОРД как отдельной отрасли знаний – А. К.).

3. Общеизвестно, что исторически одним из первых направлений развития криминалистики было исследование возможностей идентификации личности, разработка методов криминалистической (уголовной) регистрации. Указанные методы предназначались в первую очередь для обеспечения эффективности розыскной деятельности, уголовного сыска и были приняты на вооружение именно сыскной полицией. Таким образом, с развитием криминалистики постепенно формировались и теоретические основы ОРД¹.

Являясь юридической наукой, обслуживающей практику, теория ОРД входит в

систему научного знания, практические рекомендации которой в совокупности рассматриваются как важное средство в системе наук, изучающих сферу противодействия преступности. В связи с этим можно согласиться с общепринятым мнением относительно того, что именно в этом проявляется общая интегративная тенденция современной науки, которая становится эффективным фактором воздействия на практику.

Ознакомление с современными отраслями знания подтверждает, что теория ОРД как научная дисциплина пользуется идеями, теориями, методами, фактологией и другими данными значительного числа наук и взаимодействует со многими из них. Достижения различных наук прямо или посредством оперативно-розыскной теории и других дисциплин используются в практической сфере раскрытия и расследования преступлений.

Специфика прикладной роли теории ОРД объясняет наличие широкого спектра ее межнаучных связей. Будучи органически связанной с науками уголовно-правового цикла, оперативно-розыскная теория, разрабатывая свои специфические приемы и методы обнаружения, пресечения, предупреждения и раскрытия преступлений, должна руководствоваться уголовно-правовыми нормами, учением о преступлении и его стадиях, а при разработке методических рекомендаций по документированию преступных действий – учитывать положения теории доказательств в уголовном процессе. Проблемы разработки тактических приемов проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий являются общими и для криминалистики, и для теории ОРД².

Таким образом, специфика правоотношений в области ОРД в числе других обусловливается ее комплексным характером, а также интегрированностью в общую систему юридических наук, в особенности занимающихся разработкой проблем противодействия преступности.

Юридическое своеобразие правоотношений проявляется в следующем:

– их участниками могут быть только субъекты права, т. е. лица, обладающие правосубъектностью;

¹ Подробнее см.: Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук (по материалам органов внутренних дел): Дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 84–86.

² См.: там же. С. 88.

– основная масса правоотношений без предусматривающих их юридических норм не возникает;

– для правоотношений характерна специфическая связь сторон в форме взаимных прав и юридических обязанностей;

– в основе возникновения правоотношений лежит юридический факт (фактический состав);

– правоотношения, возникающие на основе юридических норм, гарантируются и охраняются государством¹.

По нашему мнению, применительно к указанным особенностям следует проанализировать структуру оперативно-розыскных правоотношений, куда входят субъекты, объект и содержание.

Все участники правоотношений в области ОРД обладают правосубъектностью. К ним можно отнести лиц, наделенных в соответствии с законодательством правом осуществления данного вида деятельности; лиц, являющихся объектами осуществления оперативно-розыскных мероприятий; лиц, привлекаемых в установленном законом порядке к участию в ОРД.

На наш взгляд, следует отметить динамику развития оперативно-розыскного законодательства. Что касается пробелов законодательной регламентации, то ОРД не является исключением, о чем свидетельствует ряд публикаций последнего времени².

Для оперативно-розыскных правоотношений характерна специфическая связь сторон в форме взаимных прав и юридических обязанностей. В связи с этим необходимо выделить ряд особенностей данной деятельности, основной из которых является возможность наряду с гласной использовать негласную форму ее осуществления. Именно негласность мероприятий, проводимых оперативными подразделениями различных ведомств, вызывает недовольство противников ОРД. Имея в наличии узаконенный арсенал средств негласного контроля за человеком, оперативные работни-

ки используют его часто для иных целей, нежели борьба с преступностью, что с учетом количества субъектов, наделенных правом осуществления ОРД (за человеком возможен тотальный контроль), безусловно, не может не вызывать осуждения со стороны общественности.

Следует отметить, что в современном мире прослеживается тенденция к расширению диапазона возможностей оперативных подразделений. Так, в последние годы США, государства, входящие в Евросоюз, и некоторые другие страны значительно расширили полномочия правоохранительных органов и спецслужб по осуществлению ОРД, разведывательной и контрразведывательной деятельности. Это предопределило необходимость совершенствования правового обеспечения ОРД, ее технического оснащения, развития форм и методов проведения оперативно-розыскных мероприятий по всем направлениям противодействия преступности.

Мы разделяем мнение о том, что возможность проведения ОРД не является проявлением тоталитарных начал в государственном строительстве, а порождена крайней необходимостью контроля в сфере борьбы с опасными и тяжкими по последствиям формами преступных проявлений, обеспечения надлежащего режима при исполнении уголовных наказаний. Предупреждение преступлений, их своевременное раскрытие, обеспечение безопасности граждан, подозреваемых и осужденных, персонала мест лишения свободы – все эти цели и задачи ОРД насыщены высоким нравственным содержанием. Проблема якобы существующего противоречия между социальной обусловленностью, правомерностью ОРД, с одной стороны, и нравственными принципами, нарушением прав и свобод граждан, с другой, создается искусственно либо в силу непонимания назначения, сущности и необходимости ОРД, либо умышленно с тем, чтобы ее разрушить, запретить³.

Негласные оперативно-розыскные мероприятия не подрывают режима правового государства. Конституция РФ допускает возможность ограничения прав и свобод граждан при определенных условиях. Согласно ч. 3 ст. 55 Основного закона, права и свободы человека и гражданина могут быть

¹ См., напр.: *Бажанов С. В.* Уголовно-процессуальная политика, экономика и право: Моногр. / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2003. С. 201–202.

² См., напр.: *Билоус Е. Н., Васильев Н. Н., Харченко С. В.* Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: проблемы и противоречия // Государство и право. 2006. № 11. С. 21–31.

³ См.: *Горяинов К. К.* Указ. соч. С. 17.

ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Международные правовые акты также предусматривают допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина (Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., Европейская конвенция «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г.).

По нашему мнению, избежать злоупотребления использованием негласных сил и средств ОРД возможно лишь путем дальнейшего совершенствования оперативно-розыскного законодательства, а также создания (усовершенствования) механизмов контроля за данной деятельностью. При этом вряд ли у специалистов в области теории ОРД вызывает сомнение необходимость подробнейшей регламентации указанной деятельности в силу наделения ее инструментами, позволяющими негласно вторгаться в сферу, называемую частной жизнью лица.

Следует отметить, что в основе возникновения правоотношений в области ОРД лежит юридический факт. В данном случае речь идет об основаниях для проведения оперативно-розыскных мероприятий, указанных в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В научной среде дискуссии подвергается расширение перечня указанных оснований. Однако их правовая регламентация позволяет делать вывод о фактическом составе оперативно-розыскных правоотношений.

Правоотношения в области ОРД, возникающие на основе норм оперативно-розыскного законодательства, гарантируются и охраняются государством. По нашему мнению, согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» указанные гарантии, во-первых, проявляются в строгом ограничении круга субъектов, наделенных правом осуществления ОРД (ст. 13); во-вторых, перечень оперативно-розыскных мероприятий, посредством проведения которых преимущественно осуществляется данный вид деятельности,

указан в данном Законе и является исчерпывающим (ст. 6). Кроме того, при их проведении имеется целый ряд ограничений, отраженных в действующем законодательстве (ст. 7, 8, 9 указанного Закона). В-третьих, в законодательстве закреплён ряд условий привлечения лиц к содействию при осуществлении ОРД, что гарантирует и защищает интересы указанных лиц (ст. 17, 18 Закона); в-четвертых, предусмотрены меры социальной и правовой защиты должностных лиц, осуществляющих данный вид деятельности (ст. 16 Закона); в-пятых, за осуществлением ОРД ведется контроль нескольких видов, а также прокурорский надзор (ст. 20, 21, 22 Закона). При этом должностные лица, их осуществляющие, имеют весьма широкие полномочия. Все это позволяет сделать вывод о государственных гарантиях и охране правоотношений в области ОРД. Следует заметить, что в данном направлении государственной деятельности имеются проблемы, требующие своего разрешения, однако они должны рассматриваться в рамках отдельной статьи.

Таким образом, общественные отношения, возникающие в области ОРД, являются правоотношениями и обладают спецификой, обусловленной особым правовым статусом данного вида социально полезной деятельности, а также комплексным характером самой ОРД, ее интегрированностью в общую систему юридических наук. Под правоотношениями в ОРД подразумевается специфическая область общественных отношений, возникающих на основе норм позитивного права, охраняющихся государством, участники которых имеют соответствующие субъективные права и юридические обязанности.

Библиографический список

1. *Алексеев, С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М., 1996.
2. Курс лекций по общей теории права. Лекция 18: Правовые отношения / под общ. ред. В. К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993.
3. *Шматов, М. А.* Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук (по материалам органов внутренних дел) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2000.

И. Н. Куркина,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Начало осуществления международного сотрудничества правоохранительных органов в сфере исполнения наказаний относят к середине XIX в. Первыми формами его реализации были международные тюремные конгрессы (аналог современных международных конференций), на которых обсуждались вопросы, касающиеся исполнения наказаний, средств исправления, обращения с заключенными, предотвращения рецидивных явлений и т. п.

В ходе таких дискуссий государства пришли к пониманию того, что без взаимодействия, обмена как положительным, так и отрицательным опытом, накопленным в пенитенциарной сфере, проблематично эффективно бороться с преступностью. Однако идея международного сотрудничества возникла гораздо раньше – в конце XVII – начале XVIII в. – с момента образования Пенсильванской и Оборнской тюремных систем¹. В то время передовые ученые выступали за реформу мест лишения свободы совместными усилиями международного сообщества. Внимание прогрессивной общественности было обращено на содержание заключенных в тюрьмах: отсутствие элементарных бытовых условий, жестокое, а нередко и просто бесчеловечное отношение со стороны тюремной администрации – все это не только не способствовало исправлению, а наоборот, калечило души арестантов, превращая их в закоренелых преступников. В разных странах началось широкое общественное движение за изменение подходов и принципов исполнения наказаний. Все чаще стали звучать идеи гуманизации в отношении пенитенциарной системы, подразумевавшие необходимость изменения самих целей наказания, а также положения заключенных.

Общественное мнение сыграло решающую роль в преобразовании тюремных систем.

Каждая страна в ходе реформ столкнулась с серьезным кругом проблем, которые касались вопросов труда арестантов, их религиозно-нравственного воспитания, образования, подготовки к освобождению, организации режима содержания, подготовки сотрудников и др.

Поэтому в XIX в. назрела потребность в международном сотрудничестве пенитенциарных систем, что и привело к созданию международных пенитенциарных конгрессов². Первый тюремный конгресс состоялся в 1846 г. во Франкфурте (Германия) и носил ознакомительную направленность с национальными и международными пенитенциарными проблемами. На втором конгрессе, проходившем в 1847 г. в Брюсселе (Бельгия), было принято решение о ежегодности их созывов. Однако в связи с революционными событиями во Франции третий конгресс был созван лишь в 1857 г. во Франции, где предметно обсуждались некоторые пенитенциарные проблемы и пути их решения. К сожалению, эти мероприятия носили неофициальный характер, а их решения не получали практической реализации.

Дальнейшим шагом к укреплению международного сотрудничества было основание в 1889 г. Международного союза криминалистов, на съездах которого ставились и тщательно обсуждались вопросы, вызывавшие большой интерес и являвшиеся принципиальными для пенитенциарной системы: условное осуждение, предотвращение рецидива преступлений, особенно исполнения наказаний и др.³

В России также существовала национальная группа этого союза, которая внесла большой вклад в разработку следующих вопросов: развитие законодательства о защите прав детей; условно-досрочное освобождение; подготовка заключенных к освобождению; организация помощи лицам, вышедшим из заключения, в особенности, несовершеннолетним; условное осуждение.

Основными направлениями гуманистических начинаний являлись вопросы, связанные с необходимостью разработки основ подготовки заключенных к освобождению, помощи им в адаптационный период. Это называлось тогда патронажем. Данные проблемы стали самостоятельным предметом рас-

¹ См.: Городинец Ф. М., Малинин В. Б., Смирнов Л. Б., Спицнадель В. Б. Уголовно-исполнительное право: Учеб. пособие / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2000. С. 116–117.

² См.: там же. С. 118–120.

³ См.: там же. С. 9–10.

смотрения международных конгрессов патронажа, где основное внимание уделялось вопросам защиты детей, помощи освобожденным из мест заключения, попечения о нищенствующих, бродягах, душевнобольных.

Международное сотрудничество в области тюремного дела активно развивалось до 1914 г., когда началась Первая мировая война. Возобновилось оно в 1925 г., но было снова прервано в годы Второй мировой войны.

Следующей вехой пенитенциарного сотрудничества стали 1950-е гг. В этот период проблемы обращения с заключенными рассматриваются и решаются с позиций прав человека, что придает сотрудничеству качественно новый, более глобальный характер. Организующим и координирующим международные связи центром становится Организация Объединенных Наций.

Начинается разработка международной нормативно-правовой базы: стандартов, правил, руководящих начал, утверждаемых в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, Экономического и социального совета, соглашениях, декларациях, конвенциях.

Были выработаны Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.)¹, определен статус пенитенциарного персонала, регламентирована организация труда, принята резолюция «О пенитенциарных и исправительных учреждениях открытого типа». Труд осужденных перестал рассматриваться как дополнительное наказание, став средством исправления. Особое внимание уделялось персоналу пенитенциарных учреждений, принципам подбора кадров.

Таким образом, в этот период основным направлением международного сотрудничества в области пенитенциарных систем стала разработка международных норм, стандартов, правил, руководящих начал, закрепленных в различных соглашениях, конвенциях. В данных документах был отражен многолетний опыт международного сотрудничества разных стран.

Современная пенитенциарная наука и практика немыслимы без международного сотрудничества, его значимость неизбежно возрастает из года в год, так как очевидны глобализация и транснационализация преступности во всем мире, борьба с которой

требует объединения усилий всех государств. На современном этапе сотрудничество государств осуществляется по нескольким направлениям:

1. Выработка единых подходов к нормативно-правовой базе, регламентирующей основополагающие вопросы взаимодействия различных государств в решении вопросов уголовного и уголовно-исполнительного права.

В России особый интерес к документам международного сообщества объясняется тем, что на протяжении многих десятилетий государство находилось в изоляции, не имея достаточной информации о международной практике реализации принципов исполнения наказания.

2. Поиск путей наиболее эффективной организации исполнения наказаний в виде лишения свободы, а также средств воздействия на осужденных.

Сегодня остается открытой проблема оценки степени исправления осужденных, создания оптимальных условий для плавного перехода от тюремной субкультуры к жизни после освобождения из пенитенциарного учреждения, оказания освобожденному достаточной помощи в адаптации к жизни на свободе.

3. Разработка единых подходов в сфере подготовки специалистов для пенитенциарной системы.

Разные модели образования часто препятствуют эффективному сотрудничеству правоохранительных органов, порождая непонимание и усложняя борьбу с международной преступностью. Практика деятельности исправительных учреждений в России показывает, что процесс их реформирования происходит весьма болезненно. Большинство сотрудников колоний и тюрем сохраняют психологию неприятия осужденных в качестве лиц, с которыми в значительной мере необходимо сотрудничество. В связи с этим весьма актуальной становится проблема подготовки кадров в соответствии с принятыми международными стандартами.

Подводя итоги, необходимо отметить тот факт, что обновление российского общества в целом и пенитенциарной системы, в частности, проходит на фоне интеграции с мировым сообществом, свидетельством тому являются следующие факты: вступление России в 1996 г. в Совет Европы и принятие на себя обязательства последовательно реализовать в законодательстве и практике общепризнанные между-

¹ См.: Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М., 1990.

народные нормы, касающиеся обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне. – Рязань, 1977.

В. Е. Лапшин,

первый заместитель начальника

Ивановского института Государственной противопожарной службы МЧС России

кандидат юридических наук

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ, СКЛОННЫМИ К СУИЦИДУ

Исследование причин суицидального поведения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, показало, что в генезисе его формирования преобладает психотравмирующее воздействие на осужденных отчужденности и одиночества как относительного подобия смерти. Осужденный воспринимает окружающий мир как чужой и враждебный, он чувствует себя изолированным, одиноким, ненужным и ничтожным. В то время как в процессе общения формируется личность, ее детерминированность, осуществляется межличностное взаимодействие. Исходя из этого целесообразно выделить в качестве одного из основных направлений профилактики суицида в пенитенциарной системе социально-психологическую адаптацию осужденных к условиям отбывания наказаний.

Реализация данного направления, на наш взгляд, предполагает осуществление следующих профилактических мероприятий:

1. На каждого вновь прибывшего в исправительное учреждение осужденного необходимо составить психологический портрет с обязательным указанием наличия или отсутствия склонности к суицидальному поведению; завести индивидуальную карту с подробным анамнезом жизни и болезней, пережитых психических травм, сведений о составе семьи, близких родственниках, страдающих психической патологией (психопатией, эпилепсией, шизофренией и т. д.).

2. Психологическая служба пенитенциарного учреждения должна проводить беседы, лекции, консультации с осужденными, чтобы выявить лиц с суицидальными наклонностями

2. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие / Ф. М. Городинец [и др.] ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб., 2000.

3. Шмаров, И. С. С позиции международных актов / И. С. Шмаров // Воспитание и правопорядок. – 1990. – № 8.

и устранить ауто- и гетероагрессию. С этой же целью в исправительном учреждении целесообразно использовать негласный аппарат. Осужденных, высказывающих мысли о суициде, находящихся в состоянии депрессии, связанной с распадом семьи, смертью близкого человека, обнаружившимся тяжелым заболеванием, должны взять на специальный учет психолог, социальный работник, начальник отряда, оперуполномоченный, чтобы проводить с такими лицами индивидуальную работу. Критерий результата – улучшение психического состояния осужденного.

3. Пересмотр распорядка дня с целью максимального сокращения пребывания осужденных в одиночестве также является одной из мер предупреждения суицида в пенитенциарных учреждениях. Доступ в места, где осужденные могут уединяться, необходимо закрыть. Начальники отрядов, психологи, социальные работники обязаны следить за тем, чтобы все осужденные посещали организуемые для них массовые мероприятия.

4. В целях превенции суицида среди осужденных на окна жилых и производственных помещений, находящихся выше второго этажа, необходимо установить решетки, закрыть выходы на крыши, оградить пожарные лестницы, дымовые трубы и иные строения.

5. Правила внутреннего распорядка должны выполняться осужденными неукоснительно: нельзя допускать хранения ими всех видов огнестрельного оружия, ножей, заточек, топоров и других колюще-режущих предметов.

6. С целью предотвращения суицида путем отравления, необходимо обеспечить в пенитенциарных учреждениях строгий учет ядовитых химических веществ, используемых на производстве. К работе с такими веществами нельзя допускать осужденных, склонных к суициду.

7. Суициды, совершающиеся в исправительных учреждениях, достаточно часто обусловлены психическими девиациями осужденных (мобильностью психики, психопатиями, неуравновешенностью, экспло-

живностью и т. д.). В связи с этим следует установить врачебный надзор за лицами, подверженными суицидальному риску.

8. В целях предотвращения имитации суицида в пенитенциарных структурах необходимо запретить просмотр телевизионных программ, в которых демонстрируются сцены насилия или саморазрушения.

9. В любом пенитенциарном учреждении следует обеспечить осужденным возможность общения с представителями религиозных конфессий.

10. Наиболее склонными к совершению суицида являются следующие категории осужденных:

- отбывающие наказания за насильственные преступления (изнасилования, убийства и пр.);
- не имеющие родственников и близких;
- имеющие проблемы со здоровьем или страдающие тяжелыми заболеваниями (онкопатология, туберкулез, СПИД);
- инвалиды первой и второй групп;
- ведущие паразитический образ жизни, аддикты, эмоционально-мобильные;
- имеющие долги перед осужденными;
- осужденные впервые;
- совершающие действия саморазрушительного характера;

В. В. Меркурьев,

*ведущий научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры РФ
доктор юридических наук, профессор*

Е. А. Богачевская,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРОЯВЛЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ НАЧАЛА XXI в.¹

Организованная преступность понимается в криминологии как одно из проявлений общеуголовной преступности. Организованность означает свойство преступности проявлять себя в системных, упорядоченных формах.

¹ Авторы рассчитывают на активное обсуждение проблем, затрагиваемых в данной статье, на страницах Вестника Владимирского юридического института.

– ранее совершавшие суицидальные попытки.

Отсюда одним из важнейших направлений профилактики суицидального поведения осужденных в исправительном учреждении является психотерапия, в частности, логотерапия, концепция которой была разработана австрийским психиатром и психологом В. Э. Франклом, позволяющая диагностировать суицидальность посредством метода свободных ассоциаций.

Логотерапия В. Э. Франкла помогает выявить мотивацию аутоагрессивного поведения осужденных, что, в свою очередь, дает возможность определить ведущие тенденции в работе с потенциальными суицидентами.

Полагаем, обозначенные нами превентивные мероприятия будут способствовать снижению суицидальных тенденций в пенитенциарных учреждениях.

Библиографический список

1. *Антонян, Ю. М.* Насилие среди осужденных / Ю. М. Антонян, И. Б. Бойко, В. А. Верещагин. – М., 1998.

2. *Ковалев, О. Г.* Психология суицидального поведения осужденных / О. Г. Ковалев, Н. П. Тимонин. – Владимир, 2002.

В местах изоляции от общества, прежде всего в исправительных учреждениях (далее: ИУ), к проявлениям организованной преступности следует отнести:

- организованные преступления, совершаемые с заранее обдуманым умыслом, планируемые и приготавливаемые (как правило, трудно раскрываются и предупреждаются);
- организованная преступная деятельность в местах лишения свободы – целостная система организованных преступлений, подчиненных достижению единой цели;
- организованные преступные формирования, подчиненные «ворам в законе», как коллективные субъекты организованных преступлений и организованной преступной деятельности.

То есть организованная преступность в ИУ – это сложная система организованных преступных формирований, их отношений и деятельности.

При анализе организованной пенитенциарной преступности подлежат изучению следующие ее конкретные проявления:

1) преступные формирования и их системные взаимодействия;

2) организованные преступления и организованная преступная деятельность таких формирований и их участников;

3) координирующие и управляющие структуры, обеспечивающие совместное достижение широких криминальных интересов (лоббирование выгодного преступникам уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, поддержание и распространение преступной идеологии, распоряжение общими средствами формирования, раздел сфер влияния и др.), совместное противостояние закону, учреждениям и органам, исполняющим уголовные наказания, и другим органам правопорядка.

Согласно точке зрения профессора А. И. Долговой, которую мы поддерживаем, в России выделяются два основных криминологических типа организованных преступных формирований¹.

Первый тип – криминальная организация. Это формирования, создаваемые и функционирующие на базе совместного совершения преступлений. Такие формирования различаются по видам, количеству лиц, степени устойчивости, сплоченности их участников, характеру преступной деятельности, способам разграничения преступных ролей и формам иного обеспечения их деятельности. К данному типу можно отнести следующие виды преступных формирований:

1) организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК РФ);

2) незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ);

3) банда (ст. 209 УК РФ);

4) преступное сообщество (преступная организация) (ст. 210 УК РФ);

5) объединение, посягающее на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ);

6) экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ);

7) экстремистская организация (ст. 282.2 УК РФ).

В ст. 77-1 УК РСФСР 1960 г. говорилось о таком специфическом виде преступного формирования, как преступная группировка, функционирующая в местах лишения свободы.

Второй тип – криминальное сообщество. Это формирование, выполняющее координирующие, организационно-управленческие функции по отношению к криминальным ор-

ганизациям (преступным формированиям первого типа), а также профессиональным преступникам; обеспечивающее интересы той части населения, которая решает свои проблемы вне закона. Таковым, например, является сообщество «воров в законе». «Воры в законе» – это не обязательно те, кто совершает кражи. В русском языке слово «вор» имеет и более широкое значение – неправомерно действующий человек². То есть «воры в законе» являются лидерами криминальной среды.

Иногда участники формирований второго типа при решении конкретных задач принимают совместное решение о преступлении и тогда они одновременно начинают представлять собой либо организованную группу, либо иную криминальную организацию первого типа.

Таким образом, организованное преступное формирование есть обобщенное название разных криминальных организаций – коллективных субъектов организованных преступлений, организованной преступной деятельности и криминальных сообществ – субъектов широкой криминальной организационно-управленческой деятельности.

По мнению В. М. Анисимкова, в 80-е гг. прошлого столетия активные носители криминальной идеологии появились во всех колониях всех видов режима³. Крайне разнообразной стала и палитра совершаемых «ворами» преступлений. Так, например, по данным исследований Академии МВД РФ, в 1989 г. 17 % «воров в законе» имели на своем счету изнасилования, что по старым «воровским законам» было абсолютно несовместимо с их званием. Вокруг «воров» концентрировались и иные авторитеты («фрайера», «смотрящие», «стремящиеся» и пр.), причем их число неизменно росло. В 1989 г. в исправительно-трудовых учреждениях было выявлено и поставлено на учет 5,9 тыс. криминальных авторитетов, что на 10,4 % больше, чем в 1988 г., при уменьшении общей численности осужденных за этот период на 12 %. Установлено 2,5 тыс. группировок осужденных отрицательной направленности (в 1988 г. – 2,3 тыс.). Качественные изменения в структуре и ценностных ориентациях осужденных незамедлительно сказались на росте преступности⁴.

² См.: Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003. С. 107.

³ См.: там же. С. 152.

⁴ См.: там же. С. 153.

¹ См.: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.

Несмотря на то, что в конце 1990-х гг., в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, условия отбывания наказания становятся менее опасными, обеспечение безопасности осужденных продолжает оставаться актуальной проблемой и в начале XXI в. Это объясняется тем, что лица, находящиеся в местах лишения свободы, подвергаются разного рода опасности, связанной не только с возможностью причинения вреда жизни и здоровью осужденного, но и способной негативным, нередко необратимым, образом изменить личность.

Особое место в период отбывания наказания принадлежит такому виду опасности, как криминальное насилие со стороны осужденных или персонала ИУ. И хотя в об-

щей структуре преступности эти деяния составляют лишь третью часть, однако по своему содержанию они отличаются высокой степенью общественной опасности и особой жестокостью, тем самым существенно осложняя деятельность УИС.

Анализ полученных нами сведений за последние десять лет позволяет констатировать следующее: пик регистрируемой пенитенциарной преступности пришелся на 1997 г., когда было зарегистрировано 2008 преступлений. С 1998 по 2003 г. сохраняется тенденция к снижению числа регистрируемых преступлений. В 2005 г. по сравнению с 1997 г. (т. е. за восемь лет) общее количество зарегистрированных в ИУ преступлений уменьшилось в 2 раза (табл. 1).

Таблица 1

Динамика общей регистрируемой преступности в УИС и наиболее опасных ее видов,
а также числа предотвращенных преступлений
против личности в местах лишения свободы
в 1997–2006 гг.

Наиболее опасные насильственные преступления, совершаемые в ИУ	Год									
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Убийство (ст. 105 УК РФ) и покушение на убийство	45	45	55	58	54	33	14	23	26	39
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	129	129	123	98	77	60	35	36	51	61
Дезорганизация деятельности ИУ (ст. 321 УК РФ)	96	69	69	47	21	11	99	119	195	269
Предотвращено преступлений против личности	18164	31332	49907	65397	63712	50581	77564	77860	94366	41157
Всего зарегистрировано преступлений в ИУ	2008	1571	1374	1091	1003	723	726	835	1019	1361

Результаты проведенного нами исследования позволяют выделить четыре группы наиболее распространенных в ИУ преступлений: 1) против правосудия (37,8 %); 2) против порядка управления (19,1 %); 3) против личности (14,5 %); 4) против здо-

ровья населения и общественной нравственности (9,9 %).

В течение последних нескольких лет доля основных насильственных преступлений в структуре пенитенциарной преступности сильно изменилась (табл. 2).

Доля основных насильственных преступлений, совершенных в ИУ,
в общей структуре пенитенциарной преступности
за 1997–2005 гг., %

Статья УК РФ	Год								
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
105	2,24	2,54	3,09	4,63	4,67	4,56	1,93	2,78	2,55
111	7,27	7,28	7,92	7,83	6,66	8,30	4,83	4,36	5,00
112	–	–	–	–	–	–	–	–	4,51
132	–	–	–	–	–	–	0,1	–	–
206	0,05	0,11	0,06	0,08	0,09	0,28	0,14	0,12	0
213	3,09	3,78	2,70	2,88	2,85	2,63	0,97	0,36	0
313 (ч. 3)	9,71	15,90	13,96	15,58	11,67	16,74	8,15	11,02	9,03
321	4,78	3,90	4,44	3,75	1,82	1,52	13,67	14,41	19,14
<i>Итого</i>	27,14	33,51	32,17	34,75	27,76	34,03	29,80	33,05	40,23

Так, продолжает оставаться высоким уровень нападений на сотрудников УИС в связи с исполнением ими служебных обязанностей, в том числе осуществляющих конвоирование в ИУ и СИЗО.

Таким образом, несмотря на снижение числа регистрируемых в ИУ преступлений, в структуре пенитенциарной преступности наблюдаются и некоторые опасные тенденции:

- во-первых, на фоне снижения количественных показателей общей регистрируемой преступности в местах лишения свободы с 1997 по 2005 г. обнаруживается стабильный рост удельного веса насильственных преступлений (с 27,14 до 40,23 %);

- во-вторых, растет удельный вес преступлений, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (с 4,8 до 19,4 %), побегов с применением насилия (с 9,71 до 11,02 %);

- в-третьих, сложившаяся ситуация свидетельствует о все большей склонности осужденных к совершению наиболее общественно опасных преступлений и о периодическом ослаблении борьбы с хулиганством;

- в-четвертых, приведенные нами данные о динамике регистрируемого насилия в местах лишения свободы и структуре пенитенциарной преступности позволяют заключить, что насильственные преступления с учетом побегов с применением насилия составляют более трети (40,2 %) от общего числа совершаемых в ИУ преступлений;

- в-пятых, после 1997 г. наблюдается постоянное снижение регистрации насильственных преступлений в ИУ, хотя и тогда по

удельному весу они превышали удельный вес насилия в структуре всей преступности в стране, а не только при исполнении наказаний в 1,5 раза.

Однако постоянный рост насильственных преступлений в России за тот же период привел к тому, что в 2001–2005 гг. в результате сложных корреляций насилие вышло за пределы мест лишения свободы, в результате чего по сравнению с регистрируемой пенальной общая преступность в стране теперь тоже стала на треть насильственной. Несомненно, что подобная характеристика качественных аспектов развития насилия во время исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы и его влияния на общую преступность в стране является одной из закономерностей пенитенциарной преступности в целом.

Исследование пенитенциарной преступности показало, что даже такое наказание, как лишение свободы не гарантирует предупреждения рецидива насильственных преступлений. Увеличение доли дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества, в общей структуре пенитенциарной преступности до 19 % в 2005 г. на фоне относительно стабильных показателей удельного веса двух наиболее опасных видов насильственных преступлений против личности свидетельствует о новом этапе обострения криминогенной обстановки в пенитенциарных учреждениях России.

За последние десять лет в России во много раз увеличилась социальная опасность психи-

ческого насилия, соединенного с физическим¹. Кроме того, нельзя не отметить, что насилие в местах лишения свободы стало более жестоким и бескомпромиссным. Акты насилия выступают привычным поведенческим стереотипом, в связи с чем в ИУ происходит увеличение тяжких и особо тяжких преступлений против личности и порядка управления.

Учету, на наш взгляд, подлежит также то обстоятельство, что насилие в местах лишения свободы никогда не принимает сугубо объективного характера уже потому, что восприятие жестокости во многом предопределяется временем и местом. Многочисленные исследования субъективного ощущения опасности, страха подтверждают гипотезу, согласно которой нет прямой зависимости между характеристиками действия и его восприятием как насильственного.

Насилие в местах лишения свободы становится нормой жизни, к нему привыкают. Культ насилия насаждается не только обычаями и традициями преступной среды, в условиях ИУ насилие нередко рассматривается осужденными как способ существования, подавления одной, как правило, отрицательной частью осужденных другой, не способной противостоять притеснениям, лишениям, унижениям².

Институциональное решение пенитенциарных конфликтов в тюремной среде часто оказывается невозможным по двум причинам:

1) акцент на обеспечение безопасности исключает желание сотрудников режимной части учреждений вмешиваться во все конфликты между осужденными. Они участвуют лишь в разрешении серьезных конфликтов, которые рискуют поставить под сомнение эффективность усилий по поддержанию порядка в ИУ. Однако сотрудники ИУ нередко недооценивают перспективы эскалации конфликтов между осужденными (заключенными);

¹ Оно стало самым распространенным способом совершения преступлений в сфере организованной преступности, значительно увеличилось среди осужденных в местах лишения свободы, стало одним из обычных способов раскрытия преступлений в сфере деятельности оперативных отделов ИУ и правоохранительных органов вообще. – *Примеч. авт.*

² См.: Костюк М. Ф. Насилие в местах лишения свободы (социально-правовой аспект) // Законность. 1998. № 2. С. 5.

2) существование стратификационной структуры осужденных препятствует институционализации конфликтов, так как это исключает одинаковое отношение к сторонам конфликта и поиск справедливого решения, не зависящего от их групповой принадлежности, как легальной, так и нелегальной. Напротив, некоторые неформальные категории превращаются в «привилегированные» объекты насильственных действий, служа тем самым своеобразным громоотводом для генерируемой повседневной жизнью в ИУ агрессивности.

Следовательно, пенитенциарные конфликты становятся постоянным источником неинституционализированного (криминального) насилия, управление которым осуществляется способами, весьма далекими от цивилизованных. Повсеместный характер насилия препятствует его адекватному восприятию: внимание привлекают лишь особенно жестокие события, в то время как насилие словами, жестами и даже физическими действиями, которые в обычной ситуации воспринимаются как преступления, становятся в ИУ обыденным явлением. В этом заключается особенность социальной организации пенитенциарного социума, которую необходимо учитывать.

Очевидно, что криминогенная ситуация в местах лишения свободы в ближайшие годы будет иметь тенденцию к осложнению. Для этого имеются все основания:

1) не произошло сколь-нибудь заметных изменений в причинном комплексе пенитенциарной преступности;

2) продолжается усиление криминогенности осужденных, что приводит к росту числа преступлений, совершаемых ими в местах лишения свободы, и прежде всего тяжких и особо тяжких насильственных посягательств, доля которых на протяжении последних десяти лет не опускается ниже 30 %;

3) пусть незначительный, но все же положительный результат дали меры по наведению порядка в регистрации и учете преступлений, совершаемых в ИУ. Наступательная позиция руководства ФСИН и в первую очередь директора Ю. И. Калинина вселяет уверенность, что можно добиться коренного перелома;

4) изменения в законодательстве, принятые федеральными законами в целях гума-

низации уголовной и уголовно-исполнительной политики (например, Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹), существенно повлияли на обстановку в УИС только на первоначальном этапе;

5) среди факторов, негативно сказывающихся на работе ИУ, нужно назвать повышение уровня криминальной активности осужденных, снижение уровня их правовой ответственности, увеличение числа осужденных с психическими аномалиями, которые требуют проведения индивидуальной воспитательной работы.

Таким образом, многие специалисты характеризуют ситуацию, сложившуюся в начале столетия в ИУ, как криминогенно сложную. Содержащийся в местах лишения свободы криминализированный слой осужденных резко изменился². Криминальные процессы, происходящие в их среде, приобретают структурно организованные формы. Существование группировок «воров в законе», распространенность воровских традиций, доминирование криминальной идеологии, насилие со стороны осужденных отрицательной направленности над другими осужденными, грубое и открытое противодействие персоналу ИУ дестабилизируют оперативную обстановку в них, затрудняют процесс исполнения наказаний.

Организованные нарушения установленного порядка отбывания наказаний, по мнению профессора Н. П. Барабанова, стали представлять собой массовое явление не только в масштабе УИС, но и в отдельно взятом ИУ. Они создают криминогенную напряженность и свидетельствуют о существующем противодействии правовым установлениям порядка отбывания осужденными наказания и несоблюдении требований правил внутреннего распорядка. Это открытая, видимая форма криминогенности, которая и оценивается в виде состояния оперативной обстановки в ИУ³.

¹ См.: СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² Сложность криминальной обстановки детерминруется не только ростом преступности, но и изменением качества и характера совершаемых преступлений.

³ См.: Барабанов Н. П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов: Моногр. Рязань, 2003. С. 117.

Однако предупредительная деятельность не достигает желаемой цели без определения ситуации «изнутри», ее латентных сторон, составляющими которых являются уголовно-профессиональная характеристика среды осужденных, а также субкультура, от которых и зависит противоправность поведения осужденных.

Результаты проведенного профессором Н. П. Барабановым социологического исследования, респондентами которого стали оперативные работники ИУ, свидетельствуют, что преступные группировки в местах лишения свободы, их лидеры, «воры в законе» и авторитеты осуществляют различные виды противоправной деятельности, в том числе:

- противодействие оперативным аппаратам путем ведения контрразведывательной работы;

- установление неконтролируемых администрацией ИУ каналов связи с преступной средой на свободе для продолжения выполнения своих криминальных функций, обеспечения особого положения в среде осужденных, доставки в учреждение денег, спиртных напитков, наркотиков, обмена информацией, используемой в криминальных целях; с осужденными других ИУ, регионов;

- подрыв авторитета персонала ИУ путем выявления недостатков, нарушений, просчетов в деятельности, провоцирования отдельных сотрудников на нарушения законности, создание конфликтных ситуаций во взаимоотношениях с осужденными;

- выполнение функций по разрешению конфликтов среди осужденных, наложение карательных санкций;

- распространение ложных слухов, дезинформации в среде соперничающих группировок и основной массе осужденных;

- санкционирование совершения преступлений в отношении неугодных лиц, наказание виновных;

- оказание воздействия на вновь прибывших осужденных, навязывание им криминальной идеологии, противоречащего требованиям уголовно-исполнительного законодательства поведения;

- выявление среди персонала лиц, не устойчивых к подкупу, вступлению в противоправные связи;

- препятствование получению сотрудниками достоверной информации о ситуации в среде осужденных;

– выполнение требований персонала с целью обеспечения создания наиболее благоприятных условий для осужденных, входящих в преступные группировки;

– создание атрибутов, подчеркивающих превосходство, авторитет, особое положение в среде осужденных (занятие лучших мест в общежитиях, устройство на престижные рабочие места и должности: в столовую, баню, парикмахерскую, комнаты длительных свиданий, бригадами, нарядами; ношение одежды неустановленного образца; наличие продуктов питания и предметов первой необходимости в представительном ассортименте; отличающаяся линия поведения, формы общения; жаргон; татуировки; клички) и др.¹

Сосредоточение в местах лишения свободы лиц с ярко выраженной криминогенной направленностью, по мнению С. В. Назарова, значительно повлияло на социально-психологическую обстановку в колониях и тюрьмах². В них укрепилась криминальная субкультура и возродились преступные группировки «воров в законе». Отрицательный отпечаток на деятельность ИУ накладывает то, что примерно 65 % преступлений против жизни и здоровья совершаются при свидетелях с целью запугивания основной массы осужденных. Особенностью подобных преступлений являются жестокость и цинизм.

Существование неформальных санкций за нарушение неписаного тюремного закона, в том числе в виде лишения жизни осужденного, подтвердили результаты опроса сотрудников УИС в период повышения ими квалификации во Владимирском юридическом институте, проведенного в ноябре – декабре 2002 г., которые выступили в качестве экспертов по ряду вопросов исследования преступной субкультуры переходного общества³.

¹ См.: Барабанов Н. П. Указ. соч. С. 117–118.

² См.: Назаров С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Моногр. / Под ред. А. А. Магомедова; ВЮИ Минюста России. Владимир, 2002. С. 75.

³ Сотрудники представляли 23 региона страны (республики Башкортостан, Удмуртия, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Краснодарский, Красноярский, Ставропольский края, Вологодская, Курганская, Ростовская, Саратовская, Екатеринбургская, Тульская, Брянская, Калужская, Кировская, Мурманская, Липецкая, Пермская области, Ханты-Мансийский автономный округ и г. Москва).

Характеризуя психологию преступной субкультурной среды не только групп, но и одиночек, Ю. М. Антонян отмечает, что подобные лица чрезвычайно чувствительны к касающимся их ситуациям, «подозрительны, у них затруднена правильная оценка событий, которая легко меняется под влиянием аффективных переживаний... Любые затруднения рассматриваются ими как результат враждебных действий со стороны других людей, которых обычно и обвиняют в своих неудачах»⁴.

По мнению М. Ф. Костюка, наиболее криминогенна группа в возрасте 18–24 лет, которые чаще других совершают преступления в ИУ. Они составляют основную массу преступников, содержащихся в местах лишения свободы. Ими совершено 33,7 % от всех преступлений⁵.

Результаты исследования личных дел 148 осужденных за насильственные преступления, содержащихся в ИУ Владимирской, Ивановской, Кемеровской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Рязанской, Свердловской областей, Краснодарского края и Республики Татарстан, а также результаты анкетирования 390 осужденных отрицательной направленности (контрольная группа), склонных к нарушениям режима содержания и насильственным действиям (побег, суицид, захват заложников, членовредительство, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), и 150 насильственных пенитенциарных преступников подтвердили, что от 50 до 80 % осужденных, отбывающих наказание в ИУ с различными режимами содержания, находятся под влиянием тюремной субкультуры, насаждаемой преступными авторитетами. Основная масса осужденных, не принадлежащих к их числу (более 90 %), испытывает постоянное чувство тревоги за личную безопасность и считает главным условием ее обеспечения соблюдение обычаев и традиций тюремной субкультуры.

Неслучайно В. М. Анисимков, детально исследовавший проблему безопасности осужденных в ИУ, отмечал, что «поведение свидетеля, потерпевшего, иных лиц нередко дикту-

⁴ Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995. С. 201.

⁵ См.: Костюк М. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 11.

ется влиянием угрожающего антиобщественного воздействия со стороны его субкультурного окружения, а не официальным законом»¹.

Изучение материалов уголовных дел о насильственных преступлениях, совершенных в ИУ Владимирской области, и карточек учета преступлений, совершенных в ИУ России за период с 2001 по декабрь 2005 г., показало прямую или опосредованную связь совершенного насильственного преступления с соблюдением неформальных норм поведения, обусловленных тюремной субкультурой и так называемыми правилами-заповедями арестантов в 68 % случаев.

При этом чаще всего жертвами посягательств являлись вновь прибывшие в места лишения свободы осужденные, а также лица, которые своевременно не выплатили карточные долги, оказывали помощь администрации ИУ в пресечении правонарушений или органам правосудия в раскрытии преступлений, отказывались выполнять требования «блатарей» или причинили иной ущерб криминальному сообществу².

Опасность уголовных традиций и обычаев, помимо прочего, состоит еще и в том, что они, как отмечают специалисты, постоянно изменяются, приспособляются, «реформируются» в зависимости от ситуации, т. е.

И. В. Пикин,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ГАРАНТИИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Согласно принятой в литературе терминологии под международными юридическими гарантиями обеспечения прав и законных интересов субъектов правоотношений следует понимать международно-правовые обязательства, развивающие и кон-

чрезвычайно жизнеспособны. Они постоянно оберегаются представителями преступной «элиты», готовой в любое время на самые жестокие формы защиты криминальных ценностей от позитивных факторов, мешающих ей в достижении преступных целей.

Таким образом, преступная субкультура организованных групп – не экзотический элемент современных нравов, а опасное социально-психологическое явление, способное самым отрицательным образом воздействовать на многие стороны общественной жизни и прежде всего в местах лишения свободы, снижая уровень защищенности человека от угроз социогенного характера.

Библиографический список

1. *Барабанов, Н. П.* Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов : монография / Н. П. Барабанов ; Акад. права и упр. Минюста России. – Рязань, 2003.

2. *Назаров, С. В.* Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография / С. В. Назаров ; под ред. А. А. Магомедова ; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2002.

кретизирующие принцип уважения прав человека. Это обязательства государств не только предоставлять лицам, находящимся под их юрисдикцией, определенные права и свободы, но и не посягать на них, т. е. это набор тех прав, свобод и интересов, без наличия и реализации которых не представляется возможным быть человеком³.

Особое место в формировании юридических гарантий обеспечения правового статуса личности принадлежит Организации Объединенных Наций (ООН). Важное значение в данной сфере имеют резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Однако они носят рекомендательный характер и, следовательно, не налагают на государства каких-либо юридических обязательств. Вместе с тем в силу высокого морально-поли-

¹ *Анисимков В. М.* Антиобщественные традиции и обычаи «преступного мира» среди осужденных в местах лишения свободы и проблемы борьбы с ними. М., 1991. С. 165.

² См.: *Назаров С. В.* Указ. соч. С. 75.

³ Подробнее см.: *Бережков А. Г.* Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991. С. 62–65; *Кучинский В. А.* Личность, свобода, право. М., 1978. С. 27–30.

тического статуса рассматриваемых документов положения некоторых из них приобрели статус международных обычаев. В качестве примера можно привести Всеобщую декларацию прав человека, в которой впервые были перечислены права и свободы, относящиеся к категории прав человека.

Формирование международно-правовых стандартов в области защиты прав и свобод человека и обеспечения его обязанностей, в совокупности формирующих индивидуальный правовой статус, происходит как на уровне всего мирового сообщества под эгидой ООН, так и на региональном уровне в рамках взаимодействия ряда государств с учетом стандартов ООН.

Следовательно, юридические гарантии обеспечения индивидуального правового статуса также формируются как на уровне международного сообщества в целом в рамках универсальных международных организаций ООН и ее специализированных учреждений, так и на региональном уровне в рамках региональных международных организаций. Характерное различие указанных юридических гарантий состоит в отсутствии механизма реализации норм, декларированных в универсальных международно-правовых документах, и наличии указанного механизма в международных актах регионального характера.

Международные юридические гарантии обеспечения правового статуса личности закреплены различными международно-правовыми актами, особое место среди которых занимает Устав ООН, являющийся важнейшим международно-правовым документом, положения которого обязательны для всех государств. Значение Устава ООН состоит также в том, что он – не только основополагающий документ, регулирующий жизнедеятельность международной организации безопасности народов, но и первый в истории человечества универсальный международный договор, в преамбуле которого в качестве одной из основных целей мирового сотрудничества провозглашена защита прав человека.

Пункт 3 ст. 1 Устава ООН закрепляет положение, в соответствии с которым данная организация способствует осуществлению международного сотрудничества государств, разрешению международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера, поощ-

рению и развитию уважения к правам человека и основным свободам.

Анализ международно-правовых и национальных норм, выступающих юридическими гарантиями обеспечения правового статуса личности в международном плане, позволяет утверждать, что такой вид правозащитной деятельности является формой практической реализации важнейшего принципа современного международного права – принципа всеобщего уважения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Особое значение для формирования международно-правовой системы юридических гарантий обеспечения реализации прав, свобод и исполнения обязанностей граждан имеет решение государств о признании обязательной юрисдикции Международного суда ООН, поскольку в данном случае они обязаны:

- признать применение международных контрольных механизмов в сфере защиты прав и свобод человека;
- ликвидировать противоречия между предписаниями международных и национальных норм, регламентирующих защиту прав и свобод человека и исполнение возложенных на него обязанностей;
- разработать и ввести в действие правовые акты в соответствии со стандартами в области обеспечения правового статуса личности (свобода въезда и выезда, передвижения, ассоциаций и т. д.);
- участвовать в выработке механизмов организации и осуществления международно-правовой защиты прав и свобод человека;
- совершенствовать национальную законодательную базу социально-правовой защиты правового статуса личности;
- обеспечивать граждан информацией об их правах и свободах, а также о порядке реализации, защиты и восстановления этих прав и свобод.

По нашему мнению, международно-правовые юридические гарантии обеспечения правового статуса личности выступают в качестве специфического правоохранительного механизма. Они характеризуются сложной структурой, элементами которой являются:

- наличие юридической базы (конвенции, пакты, договоры, декларации);
- специальный механизм организации и осуществления правозащитной деятельности;

– согласованная совокупность рекомендаций государства относительно соблюдения, реализации международных стандартов прав и свобод человека;

– ответственность государств за отступление от соблюдения признанных международным сообществом стандартов правового статуса личности (политических, гражданских, экономических, культурных, социальных, личных);

– доступные и эффективные средства, способы и методы правозащитной деятельности;

– постоянно действующий контрольный механизм ООН;

– принципы международно-правового правозащитного механизма.

Анализируя содержание международно-правовых гарантий обеспечения правового статуса личности, следует отметить, что они являются производными от некоторых принципов современного международного права: суверенного равенства государств; разрешения международных споров только мирными средствами; неприменения силы и угрозы ее применения; невмешательства во внутренние дела; добросовестного исполнения международных обязательств; ответственности государств за нарушение международных обязательств; территориальной целостности государств и неприкосновенности их государственных границ¹.

Юридическими гарантиями обеспечения правового статуса личности являются следующие принципы:

– обязанности оказания международно-правовой помощи и осуществления защиты;

– презумпции невиновности граждан до вступления в силу обвинительного приговора либо решения, постановления суда;

– примата международно-правовых норм, относящихся к защите прав и свобод человека перед национальными нормами;

– самоопределения народов и наций;

– равенства граждан вне зависимости от пола, расы, вероисповедания, политических взглядов.

Главная особенность гарантий международно-правового обеспечения правового статуса личности в сфере исполнения наказаний заключается в том, что они являются правовой

базой, основой для международного и национального правозащитного законодательства и одновременно служат критериями соблюдения законности в сфере правозащитной деятельности. В случае отступления от них государства могут быть подвергнуты международно-правовому воздействию со стороны соответствующих международных органов и организаций, вплоть до применения вооруженной силы.

Одной из особенностей международно-правовых гарантий обеспечения правового статуса личности в сфере исполнения наказаний, направленной на обеспечение исполнения обязанностей, является закрепление в международном праве ограничений реализации субъективных прав в силу определенных чрезвычайных обстоятельств, к которым могут быть отнесены: вооруженные конфликты (как межгосударственные, так и локальные); стихийные бедствия (наводнения, землетрясения, тайфуны, эпизоотии, пожары, голод); катастрофы техногенного характера и т. д.

Соответственно международными гарантиями обеспечения правового статуса личности предусмотрен не только перечень неотъемлемых прав, свобод человека, но и возможные ограничения. Однако их введение четко оговорено и в любом случае должно осуществляться на основании закона и в соответствии с законодательно закрепленными процедурами.

Исследование понятия, содержания, становления и закрепления международных гарантий обеспечения правового статуса личности в сфере исполнения наказаний в международном и национальном праве позволяет подробно остановиться на порядке и особенностях организации и осуществления международно-правовой защиты граждан, проследить пути, средства и способы внутригосударственной имплементации механизма международно-правовой защиты граждан с тем, чтобы активнее и эффективнее использовать ее в процессе правозащитной деятельности.

Библиографический список

1. *Бережков, А. Г.* Права личности : некоторые вопросы теории / А. Г. Бережков. – М., 1991.

2. *Калиниченко, П. М.* Новый этап в развитии права европейского союза : Договор о присоединении 2003 г. / П. М. Калиниченко // Рос. юстиция. – 2004. – № 4.

3. *Кучинский, В. А.* Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. – М., 1978.

¹ См.: *Калиниченко П. М.* Новый этап в развитии права европейского союза: Договор о присоединении 2003 года // Рос. юстиция. 2004. № 4. С. 14–17.

О. Р. Рузевич,
*ассистент кафедры уголовного права и процесса
факультета права и психологии
Владимирского государственного университета*

**УГРОЗА ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ
В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННОГО
И СОТРУДНИКА МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
ИЛИ МЕСТА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Ответственность за угрозу применением насилия в отношении осужденного, а также сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности (либо его близких), предусмотрена ст. 321 УК РФ.

В УК РСФСР существовала сходная норма, которая устанавливала ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 77¹). Она была введена в действие Законом РСФСР от 25 июля 1962 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР». Согласно первоначальной редакции ст. 77¹ УК РСФСР уголовному преследованию подлежали особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления, терроризирующие в местах лишения свободы тех заключенных, кто встал на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие в этих целях преступные группировки или активно участвующие в таких группировках. Впоследствии Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1984 г. были криминализованы аналогичные действия иных лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы¹.

Объект рассматриваемого состава преступления в науке уголовного права определяется по-разному.

Так, одни ученые, причисляя данное преступление к посягательствам на представителей власти², другие – к деяниям, посягающим на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безо-

пасности³, третьи – к общественно опасным нарушениям нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, в качестве основного непосредственного объекта выделяют нормальную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, а дополнительного – личную безопасность и здоровье ее сотрудников и осужденных.

Общепринятой является точка зрения, согласно которой указанные в ст. 321 УК РФ действия направлены против порядка управления в сфере исполнения наказания⁴.

Не вступая в дискуссию, отметим один существенный момент, связанный с определением основного объекта указанного деяния.

Общим признаком деяний, образующих систему преступлений против порядка управления, является наличие властных (управленческих) полномочий у одного из субъектов отношений (должностного лица, представителя власти). Отсутствие таких полномочий у обеих сторон отношений должно, как нам представляется, свидетельствовать об общем, а не специальном (управленческом) характере таких отношений.

Исходя из вышеизложенного предлагаем свою точку зрения относительно установления объекта состава преступления, закрепленного в ст. 321 УК РФ.

Всякая управленческая деятельность предполагает целенаправленное упорядочивающее воздействие одного субъекта на другой, при этом праву одного (управляющего) требовать выполнения его предписаний корреспондирует обязанность другого (управляемого) это предписание исполнить. Такие отношения, построенные по принципу субординации – подчинения, призваны урегулировать поведение людей в тех или иных сферах общественной жизни (администрирование, производство, охрана общественного порядка и т. п.). Однако не нужно понимать обязанность граждан следовать обязательным предписаниям управляющих – органов власти и их представи-

¹ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449; 1984. № 5. Ст. 168.

² См.: Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999. С. 734, 741.

³ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. С. 417, 428–429.

⁴ См., напр.: Новое уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1996. С. 344.

телей – как претерпевание ими неблагоприятных последствий своих незаконных действий. Наоборот, это нормальный процесс осуществления государственной власти.

Относительно осужденных в местах лишения свободы речь идет о претерпевании ими последствий своих действий, признанных судом преступными, и возникшей у них в связи с этим обязанности выполнять законные требования сотрудников мест лишения свободы по реализации судебных актов. Таким образом, если и можно говорить об управленческих отношениях между сотрудниками мест лишения свободы и осужденными, то только в связи с исполнением приговора суда, вступившим в законную силу.

Такого рода отношения, по мнению некоторых специалистов, являются разновидностью отношений в сфере правосудия¹. Например, в стадии исполнения приговора судом решаются следующие вопросы: об отсрочке исполнения наказания, об условно-досрочном освобождении от наказания, о переводе осужденного из воспитательной колонии в исправительную колонию. Поэтому деятельность органов уголовно-исполнительной системы, направленная на достижение целей исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений и определенная задачами уголовного законодательства, «роднит» между собой правосудие и исполнение наказаний.

В связи с этим целесообразнее было бы поместить рассматриваемый состав в главу о преступлениях против правосудия. В противном случае возникает двойственность в правовой регламентации незаконных действий, осуществленных в отношении судебных приставов-исполнителей, также исполняющих судебные акты², и сотрудников мест лишения свободы, обеспечивающих исполнение приговоров по уголовным делам. В

¹ См.: *Перлов И. Д.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 19–20; *Швецов В. И.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1982. С. 10; *Свиридов М. К.* Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978. С. 96–97.

² Согласно ст. 13, 428 ГПК РФ, ст. 392, 393 УПК РФ подлежат исполнению судебными приставами-исполнителями: 1) решения и определения судов по гражданским делам; 2) судебные приказы; 3) приговоры, определения и постановления судов по уголовным делам в части имущественных взысканий и др.

первом случае ответственность предусмотрена ч. 2 ст. 296 УК РФ, а во втором – ч. 2 ст. 321 УК РФ. Хотя и те, и другие обеспечивают реализацию судебных актов, содействуют реализации целей и задач правосудия.

Аналогичные аргументы приводят и другие ученые, занимающиеся указанной проблемой. Так, А. И. Друзин и А. И. Чучаев делают вывод, что преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, нарушает «не просто нормальную деятельность учреждения уголовно-исполнительной системы, а те ее составляющие, которые направлены на достижение целей и задач правосудия»³.

Кроме того, нет никаких оснований для признания управленческими отношений между осужденным, оказывающим содействие администрации учреждения уголовно-исполнительной системы, и осужденным, угрожающим первому совершением насильственных действий из мести за такое сотрудничество.

Таким образом, деяние, предусмотренное ст. 321 УК РФ, входит в группу преступлений, посягающих на отношения, обеспечивающие реализацию судебных актов, и покусается на два непосредственных объекта:

- 1) основной – отношения, охраняющие нормальную законную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества;
- 2) дополнительный – отношения, обеспечивающие физическую и психическую неприкосновенность осужденных, сотрудников мест лишения свободы и мест содержания под стражей⁴.

Кроме объекта преступления, дискуссионной является и проблема определения круга потерпевших от деяния, указанного в ч. 1 и 2 ст. 321 УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 321 УК РФ потерпевшими могут быть только осужденные. В соответствии со ст. 47 УПК РФ осужденный – это обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор. Следовательно, потерпевшими по ч. 1 ст. 321 УК РФ не могут быть признаны подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся под стражей в учреждениях уголовно-исполни-

³ Чучаев А. И., Друзин А. И. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (проблемы законодательного регулирования) // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 4. С. 34–35.

⁴ См.: там же. С. 36.

тельной системы, в отношении которых проводится предварительное расследование. Кроме того, в данной статье ничего не говорится о применении насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо угрозе применением насилия в отношении близких подозреваемого и обвиняемого. Поэтому посягательства на личность подозреваемого и обвиняемого и их близких должны быть квалифицированы по соответствующим статьям о преступлениях против личности.

Таким образом, невключение в круг потерпевших от данного преступного деяния подозреваемых, обвиняемых и близких им лиц, а также близких осужденному лиц является законодательным пробелом. Психическое воздействие в целях воспрепятствования исправлению осужденного или из мести за оказанное подозреваемым, обвиняемым и осужденным содействие администрации органа или учреждения уголовно-исполнительной системы возможно как путем угрозы применением насилия к самому подозреваемому, обвиняемому и осужденному, так и их близким. Исходя из этого следует дополнить ч. 1 ст. 321 УК РФ указанием на подозреваемых, обвиняемых и их близких, а также близких осужденному лиц как возможных потерпевших от посягательства, влекущего нарушение нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Согласно распространенной точке зрения потерпевшими по ч. 2 ст. 321 УК РФ следует считать лиц, имеющих специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы; «рабочие и служащие учреждений, исполняющих наказание, к сотрудникам этих учреждений не относятся, поэтому посягательства на их личность должны быть квалифицированы по соответствующим статьям о преступлениях против личности»¹.

При этом в соответствии со ст. 24 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5374-1², п. 12.1 Инструкции о порядке применения По-

ложения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденной приказом Минюста России от 26 апреля 2002 г. № 117³, ст. 22–33 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1⁴, к лицам, имеющим специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы, относятся:

1) рядовые внутренней службы, младшие сержанты внутренней службы, сержанты внутренней службы, старшие сержанты внутренней службы, старшины внутренней службы, прапорщики внутренней службы, старшие прапорщики внутренней службы (рядовой и младший начальствующий состав);

2) младшие лейтенанты внутренней службы, лейтенанты внутренней службы, старшие лейтенанты внутренней службы, капитаны внутренней службы, майоры внутренней службы, подполковники внутренней службы, полковники внутренней службы (средний и старший начальствующий состав);

3) генерал-майоры внутренней службы, генерал-лейтенанты внутренней службы, генерал-полковники внутренней службы (высший начальствующий состав).

На самом деле, если руководствоваться разъяснением Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» от 21 июня 1985 г. № 10, то ответственность за указанные в ст. 321 УК РФ незаконные действия наступает как в случае их применения к сотрудникам мест лишения свободы или места содержания под стражей, так и к лицам, осуществляющим в местах лишения свободы общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, медицинское обслуживание, административному и инженерно-техническому персоналу, руководящему производственной деятельностью осужденных, в связи с их служебной деятельностью (п. 2)⁵.

¹ Смышляев В. В. Уголовно-правовой механизм реализации лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2000. С. 167, а также: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 2000. С. 795.

² Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

³ См.: Рос. газ. 2002. 29 мая.

⁴ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70.

⁵ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 235–236.

Важно отметить и то обстоятельство, что в соответствии с п. 3 не действующего ныне постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам об ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» от 3 декабря 1962 г. № 16 уголовно-правовой охране подлежали не только представители администрации исправительно-трудовых учреждений, но и вольнонаемный состав, осуществляющий в местах лишения свободы политико-воспитательную работу и медицинское обслуживание¹.

На наш взгляд, нет никаких оснований для игнорирования специального статуса лиц, осуществляющих функции педагогических и медицинских работников, и непредоставления особых гарантий неприкосновенности их личности. Изучение опыта работы учреждений уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, позволяет сделать вывод, что любое посягательство на жизнь и здоровье рабочего или служащего названного учреждения неизбежно влечет за собой нарушение его нормальной деятельности. К тому же сотрудники уголовно-исполнительной системы могут защитить себя, используя физическую силу, специальные средства и оружие (ст. 86 УИК РФ), а персонал такими средствами защиты не обладает, поэтому нуждается в уголовно-правовой охране.

На основании результатов проведенного нами опроса лиц, осуществляющих функции педагогических и медицинских работников, которые осуществляют свою деятельность в следственных изоляторах Владимирской области (ФГУ ИЗ-33/1 (г. Владимир), ФГУ ИЗ-33/2 (г. Кольчугино) и ФГУ ИЗ-33/3 (г. Александров) УФСИН России по Владимирской области), можно сделать вывод, что посягательств на психическую неприкосновенность указанных лиц осуществляется не меньше, чем на аттестованных сотрудников данных учреждений.

Из 100 опрошенных сотрудников различных служб и подразделений следственных изоляторов Владимирской области (сотрудников отдела режима, оперативно-

го отдела, воспитательного отдела и отдела охраны) в течение 2007 г. в отношении 73 высказывались угрозы применением насилия, не опасного для жизни и здоровья данных сотрудников в связи с осуществлением ими служебной деятельности, из них: 52 чел. – сотрудники отдела режима (младшие инспекторы) (71,23 %), 12 чел. – сотрудники воспитательного отдела (16,44 %), 7 чел. – сотрудники отдела охраны (9,6 %), 2 чел. – сотрудники оперативного отдела (3,73 %).

Из 100 опрошенных вольнонаемных работников данных учреждений в отношении 69 высказывались угрозы применением насилия, не опасного для жизни и здоровья данных работников в связи с выполнением ими профессиональных функций, из них: 59 чел. – работники медицинской части (85,5 %), 7 чел. – работники отдела специального учета (10,1 %), 3 чел. – библиотекари (4,4 %).

В связи с вышеизложенным предлагаем наряду с сотрудниками мест лишения свободы и мест содержания под стражей признавать потерпевшими и персонал учреждений, исполняющих наказания, понимая под ним работников уголовно-исполнительной системы, состоящих в штатах учреждений, исполняющих наказания, объединений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, федеральных государственных унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы и следственных изоляторов, входящих в уголовно-исполнительную систему (ч. 2 ст. 24 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»).

Отметим, что проблемы определения объекта преступного посягательства, наказуемого по ст. 321 УК РФ, и круга потерпевших во многом обусловлены трудностями при установлении видов учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, усугубленными применением в тексте уголовного закона различных терминов: «учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества», «учреждение или орган уголовно-исполнительной системы», «места лишения свободы или места содержания под стражей».

Учреждения уголовно-исполнительной системы входят в уголовно-исполнительную систему Министерства юстиции Российской Федерации и предназначены для испол-

¹ См.: Уголовный кодекс РСФСР: с постатейными материалами. М., 1983. С. 195.

нения наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, ареста, лишения свободы, смертной казни (ч. 11, 14 ст. 16 УИК РФ).

Территориальные органы уголовно-исполнительной системы осуществляют руководство подведомственными учреждениями, исполняющими наказания, а также специальными подразделениями уголовно-исполнительной системы по конвоированию (ст. 7 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»).

Центральный орган уголовно-исполнительной системы является самостоятельным структурным подразделением Министерства юстиции Российской Федерации и обеспечивает организацию исполнения законодательства РФ по вопросам деятельности уголовно-исполнительной системы. В этих целях он создает, реорганизует и ликвидирует предприятия учреждений, исполняющих наказания, а также предназначенные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы предприятия, научно-исследовательские, проектные, лечебные, учебные и иные учреждения (ст. 8 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»).

Как видим, задачи по непосредственному исполнению наказаний возложены законом только на учреждения уголовно-исполнительной системы.

Законодатель конкретизирует виды наказания, связанные с изоляцией от общества. К ним относятся: арест, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы.

Виды учреждений, исполняющих названные наказания, указаны в УИК РФ. К ним относятся:

- 1) арестные дома (для исполнения наказания в виде ареста);
- 2) воспитательные колонии;
- 3) лечебные исправительные учреждения;
- 4) исправительные колонии (колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого или особого режима; исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы);
- 5) тюрьмы;

6) следственные изоляторы¹.

Дисциплинарные воинские части и гауптвахты, в которых отбывают наказания военнослужащие, к учреждениям уголовно-исполнительной системы не относятся (ч. 14 ст. 16 УИК РФ).

Места лишения свободы в УИК РФ не названы, закон оперирует другим термином – «места отбывания лишения свободы», что означает место дислокации данного учреждения уголовно-исполнительной системы.

Местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых по смыслу ст. 7 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ² являются:

- 1) следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации;
- 2) изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел;
- 3) изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности.

Кроме того, в случаях, предусмотренных настоящим законом, местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых могут являться учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы, и гауптвахты (ст. 10, 11).

В Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» разъяснено, что на территориях учреждений, исполняющих наказания, могут оборудоваться специальные помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов, для содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу. Перечень таких учреждений утверждается министром

¹ В исключительных случаях лица, осужденные к лишению свободы, ранее не отбывавшие лишение свободы, которым отбывание наказания назначено в исправительной колонии общего режима, могут быть с их согласия оставлены в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77 УИК РФ).

² См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

юстиции РФ по согласованию с Генеральным прокурором РФ (ст. 5.1).

Если задержание по подозрению в совершении преступления осуществляется капитанами морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, или руководителями геологоразведочных партий и зимовок, удаленных от мест расположения органов дознания, главами дипломатических представительств и консульских учреждений РФ, то подозреваемые содержатся в помещениях, которые определены указанными должностными лицами и приспособлены для этих целей.

Полагаем, что в целях унификации терминов, используемых в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, следует заменить термины: «сотрудник места лишения свободы» и «сотрудник места содержания под стражей» на единый – «сотрудник учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества».

На основании изложенного предлагаем исключить из гл. 32 «Преступления против порядка управления» УК РФ состав преступления, предусмотренного ст. 321, и поместить его в гл. 31 «Преступления против правосудия» уголовного закона в новой редакции:

«1. Угроза убийством, применением насилия, причинением вреда здоровью или

иным правоохраняемым интересам в отношении подозреваемого, обвиняемого и осужденного, а равно их близких с целью воспрепятствовать их исправлению или из мести за исполнение ими общественной обязанности, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, –

наказывается...

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в отношении сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, а равно его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, –

наказывается...».

Библиографический список

1. Смышляев, В. В. Уголовно-правовой механизм реализации лишения свободы : Дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2000.

2. Чучаев, А. И. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (проблемы законодательного регулирования) / А. И. Чучаев, А. И. Друзин // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2002. – № 4.

А. М. Смирнов,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России

ИЗМЕНЕНИЕ СРОКА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ПРОЦЕССЕ ЕГО ОТБЫВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ И ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Лишение свободы является одним из двенадцати видов наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ 1997 г. Содержание этого одного из наиболее суровых видов наказаний состоит в принудительной изоляции осужденного путем помещения его в предназначенные для этого исправительные учреждения на срок, установленный приговором суда, со специальным режимом содержания.

Лишение свободы обладает наибольшим числом правоограничений для осуж-

денного, а следовательно, повышенной по отношению к другим видам наказания репрессивностью. Оно предусматривается в законе и применяется судом в случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений к лицам, либо ранее уже осуждавшимся к этому наказанию, либо вообще неоднократно судимым и т. п. Лишение свободы назначается в качестве наказания, когда его цели не могут быть достигнуты более мягкими мерами уголовно-правового воздействия, а исправление лица возможно лишь в условиях строгой изоляции и специального режима¹.

Условия и сам процесс исполнения наказания в виде лишения свободы порождают, по мнению некоторых ученых, ряд противоречий, одним из которых является несоответствие достаточных (или недостаточных) для исправления сроков наказания фактически на-

¹ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 382.

значенным судами¹. Действительно, вынесение соразмерного и справедливого наказания – довольно сложная задача для суда. Суд не всегда может учесть все факторы, способные оказать влияние на достижение целей уголовного наказания, и назначить в каждом конкретном случае достаточно необходимый (соразмерный) срок лишения свободы. При этом следует учитывать и то, что с осужденным после объявления ему приговора и в процессе отбывания наказания происходят такие изменения, о которых вряд ли предполагает судья.

В связи с этим вопрос об изменении срока лишения свободы в процессе его исполнения является важным и актуальным. Представляется, что продолжительность изоляции человека от общества может и должно как сокращаться, так и увеличиваться в зависимости от степени достижения его целей. По нашему убеждению, это будет являться мощным средством совершенствования системы стимулирования правопослушного поведения осужденных во время отбывания наказания и достижения поставленных перед наказанием целей.

Предпосылки для этого уже есть в российском уголовном законодательстве. Имеются в виду правовые институты условно-досрочного освобождения (далее: УДО) и замены наказания более мягким. УДО предполагает право суда освободить осужденного от отбывания оставшейся части срока лишения свободы (ч. 3 ст. 79 УК РФ), если он сумел доказать администрации исправительного учреждения и суду, что для своего исправления он не нуждается в полном отбывании назначенного судом срока наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ). Замена неотбытой части наказания более мягким его видом предоставляется судом осужденному с учетом его поведения в период отбывания наказания (ч. 1 ст. 80 УК РФ) также по отбытии определенной части от общей продолжительности срока изоляции (ч. 2 ст. 80 УК РФ).

Однако мы считаем, что подобная ситуация сразу порождает ряд вопросов. Если при достижении цели наказания срок лишения свободы может сокращаться, а в некоторых случаях значительно, то почему он не способен также и увеличиваться, если

цели наказания в отношении конкретного осужденного в процессе его отбывания не достигнуты вообще? Есть ли смысл освобождать от отбывания наказания осужденного, который остается социально опасным к моменту окончания срока наказания и дает достаточные основания полагать, что будет продолжать свою преступную деятельность в дальнейшем? Практика показывает, что освобождение подобных осужденных является основой рецидивной и профессиональной преступности, развивающейся в последнее время.

Наше исследование показало, что более чем 1/3 осужденных на длительные сроки лишения свободы после освобождения попадают в ситуацию зависимости от конкретной жизненной ситуации. То есть вероятность срабатывания положительных установок, заложенных в период отбывания наказания, будет чрезвычайно мала. 12,9 % осужденных данной группы считают, что их образ жизни будет зависеть от экономического и социального положения на свободе; для 1,7 % криминальный образ жизни стал нормальным явлением; и только 29,9 % осужденных исследуемой категории с уверенностью смогли ответить, что они полностью исправились, осознали вину в совершенном преступлении и никогда больше не совершат общественно опасные деяния.

В этой связи мы считаем, что правовая регламентация вопроса об оставлении осужденного в исправительном учреждении из соображений обеспечения безопасности общества и необходимости продолжения исправительного процесса в отношении его будет обоснованной и справедливой. В мировой пенитенциарной практике есть подобные факты. В качестве примера можно привести существующую в Англии и Уэльсе систему продления срока лишения свободы за дисциплинарные проступки во время отбывания наказания на основании решения судьи по дисциплинарным делам. Данный институт был введен в августе 2002 г. В основе его деятельности лежит практика продления срока изоляции от общества начальником тюрьмы осужденному за грубое нарушение дисциплины (нападение на сотрудника, угрожающее поведение, бранная, оскорбительная речь и т. п.). Данная система, по мнению сотрудников пени-

¹ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ / Отв. ред. А. И. Зубков. М., 1997. С. 232.

тении учреждений, способствует повышению эффективности тюремной дисциплины, стимулированию хорошего поведения и исправления¹.

Некоторые отечественные ученые поддерживают идею создания подобной системы в России, видя положительные стороны в судебном продлении срока отбывания наказания осужденным, которые продолжают оставаться общественно опасными².

Практическим подтверждением возможности введения системы изменения срока изоляции от общества в зависимости от поведения осужденного во время отбывания лишения свободы и достижения целей наказания в России могут быть результаты проведенного нами исследования. Положительный ответ на вопрос о необходимости создания данной системы дали 77,5 % опрошенных нами работников уголовно-исполнительной системы и 95,7 % лиц из числа гражданского населения.

На основании этого мы предлагаем дополнить ч. 1 ст. 115 УИК РФ «Меры взыскания, применяемые к осужденным к лишению свободы» пунктом «ж» следующего содержания: «Продление осужденным, являющимся злостными нарушителями установленного порядка наказания и продолжающим оставаться социально опасными, срока лишения свободы»; и ст. 117 УИК РФ «Порядок применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы» частью 9 следующего содержания: «Продление срока лишения свободы осужденным, указанным в п. «ж» ч. 1 ст. 115 настоящего Кодекса, осуществляется на время, определенное судом, на тех же условиях отбывания наказания».

Следует отметить, что продление срока лишения свободы в данном случае будет иметь правовой статус меры взыскания, а не повторного наказания, поскольку будет налагаться по результатам поведения осужденного, позволяющим судить о его ис-

правлении и достижении целей уголовного наказания.

Применение данного взыскания необходимо ограничивать пределами временных рамок, установленных законодателем в санкции конкретной статьи Особенной части УК РФ, по которой было квалифицировано деяние. В случае совокупности преступлений или приговоров продление срока лишения свободы следует осуществлять до максимально возможного срока изоляции от общества, который может быть назначен в каждом конкретном случае согласно правилам назначения наказания, предусмотренным ст. 69 и 70 УК РФ.

Решение вопроса о продлении срока лишения свободы, как нам представляется, целесообразно будет возложить на специальные пенитенциарные суды, необходимость создания и круг профессиональных обязанностей которых широко обсуждается в настоящее время в отечественной науке и практике уголовно-исполнительных правоотношений³.

При освобождении лица, в отношении которого срок нахождения в местах лишения свободы был продлен до максимально возможных пределов, и недостижении цели наказания в полном объеме за ним следует установить жесткий административный надзор. При совершении данным лицом умышленного тяжкого или особо тяжкого общественно опасного деяния после освобождения повторно, суду целесообразно, как нам представляется, применить наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Библиографический список

1. Добрынина, М. Л. Правовое положение осужденных в местах лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.

2. Смирнов, С. Н. Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения при исполнении наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2003.

³ См.: Добрынина М. Л. Правовое положение осужденных в местах лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 19.

¹ См.: Дело «Эзе (Ezeh) и Коннорс (Connors) против Соединенного Королевства» // <http://www.echr.coe.int>.

² См.: Смирнов С. Н. Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения при исполнении наказания в виде лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 17.

М. В. Сорокин,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ В ТЮРЬМАХ УИС РОССИИ

В современном российском обществе человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Среди них важное место занимают социально-экономические права и свободы, являющиеся основой всех политических и гражданских прав.

Проблема реализации социально-экономических прав особенно актуальна для мест лишения свободы, где предусмотрен наиболее полный по сравнению с другими видами наказаний объем правоограничений граждан. До недавнего времени он был максимальным. Положение изменилось с принятием в 1997 г. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ). В нем правовому положению осужденных посвящена самостоятельная глава. Кроме того, в УИК РФ впервые гарантировано право на социальное обеспечение осужденных, в том числе осужденных к лишению свободы.

До принятия УИК РФ право на социальное обеспечение распространялось на осужденных в ограниченном объеме, тем самым ставя осужденных пенсионеров и инвалидов в неравные, более худшие, условия существования по сравнению с остальными. С принятием Конституции РФ в 1993 г. был поставлен на повестку дня вопрос о конституционности существующих ограничений в социальном обеспечении названной категории осужденных, вследствие чего был создан важный прецедент – отменено правоограничение в пенсионном обеспечении осужденных (ст. 39 Конституции РФ).

Существенным фактором обновления российского уголовно-исполнительного законодательства стала более тесная связь Российской Федерации с мировым сообществом, естественным результатом которой явилось вступление России в Совет Европы. Необходимость принятия нового уголовно-исполнительного законодательства была обусловлена тем, что оно должно бы-

ло учесть положения международных правовых актов о правах человека, таких как: Всеобщая декларация прав человека¹, международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах»², Европейских пенитенциарных правил³ и др., – не предусматривающих ограничений в социальном обеспечении заключенных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях.

Одновременно Россия приняла на себя обязательства более последовательно реализовывать в законодательстве и практике общепризнанные международные нормы, составляющие юридическую основу деятельности мирового сообщества, и прежде всего положения, касающиеся обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на социальное обеспечение. В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых I Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г., отмечено, что «законодателью следует принять меры к тому, чтобы осужденные во время и после отбывания наказания сохраняли бы максимум прав в области социального обеспечения, социальных льгот и иных гражданских интересов»⁴.

Сохранение максимума прав в области социального обеспечения осужденных, как это рекомендуется в основополагающих международных документах, является выражением принципов гуманизма и социальной справедливости в уголовно-исполнительном праве и праве социального обеспечения.

Социальная защита граждан позволяет сохранить людям нравственные устои, культуру, преодолеть пессимизм, снизить рост преступности, помочь каждому гражданину не потерять человеческое достоинство, уважение к себе и другим. Более полная защита прав осужденных, создание благоприятных условий для их исправления с широким привлечением к этой деятельности общественных формирований, правозащитных организаций, средств массовой информации позволяют обеспечить полную реализацию гарантий прав осужденных во время отбывания наказания, а также в период подготовки к освобождению и после.

¹ См.: Рос. газ. 1995. 5 апр.

² См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 1994. № 12.

³ См.: http://www.prison.org/law/eur_pr.shtml.

⁴ См.: Рос. юстиция. 1992. № 2, 3.

Согласно Концепции развития социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях на период до 2010 года, утвержденной 4 августа 2006 г. директором ФСИН России Ю. И. Калинин, одним из основных направлений совершенствования этой деятельности является ее дифференциация, учитывающая вид исправительного учреждения и особенности категорий осужденных.

Данной Концепцией впервые провозглашено единство социальной, психологической и воспитательной работы. Сегодня эти направления деятельности рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга. Необходимо исходить из того, что целью исполнения наказания в отношении всех категорий осужденных является их исправление, которого можно достичь лишь при ресоциализации лиц, отбывающих наказания за преступные действия.

В настоящее время на территории Российской Федерации функционируют 7 тюрем. Согласно статистической отчетности на конец 2006 г. в тюрьмах уголовно-исполнительной системы содержалось 4072 осужденных, подозреваемых, обвиняемых. На тюремном виде режима содержалось 2144 осужденных: в помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов (далее: ПФРСИ) при тюрьмах, – 1596 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Современное уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации относит тюрьму к одному из самостоятельных видов исправительных учреждений (ч. 9 ст. 16, ч. 1 ст. 74 УИК РФ). Эти учреждения являются важнейшим звеном уголовно-исполнительной системы, поскольку в них установлены наиболее жесткие условия отбывания наказания. Различие тюрем от других исправительных учреждений заключается прежде всего в том, что в них осужденные постоянно содержатся в запираемых камерах, чем устанавливается самая высокая степень изоляции данных лиц от общества. Поэтому в тюрьмах отбывают наказания лица, совершившие наиболее опасные преступления. Таковыми являются осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений, при особо опасном рецидиве преступлений (ч. 2 ст. 58 УК РФ), а также осужденные, являющиеся злостными нарушителями установленного порядка отбывания нака-

зания, переведенные из исправительных колоний (п. «в» ч. 4 ст. 78, ч. 1 ст. 130 УИК РФ).

Отличие тюрем от иных исправительных учреждений проявляется также в особом порядке направления в них осужденных. По общему правилу, осужденные к лишению свободы отбывают наказания в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Однако в связи с ограниченным количеством имеющихся тюрем в уголовно-исполнительной системе порядок направления осужденных для отбывания в них наказания специально регламентируется ч. 4 ст. 73 УИК РФ, согласно которой они направляются для отбывания наказания по месту нахождения тюрем, определяемому федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

Особое положение тюрем в уголовно-исполнительной системе обусловлено также тем, что там концентрируются отрицательно характеризующиеся осужденные из различных исправительных учреждений, в том числе лидеры и авторитеты уголовно-преступной среды, которые пытаются оказать противодействие администрации учреждения, распространяют воровские традиции среди основной массы осужденных.

Социальная работа с осужденными должна строиться на совместной заинтересованности специалиста и осужденного в конечных результатах взаимодействия, а также на принципе добровольности. Социальная помощь не может оказываться вопреки воле осужденного. В связи с вышеперечисленными признаками социальная работа с отрицательно характеризующимися осужденными практически не ведется, так как все они придерживаются традиций «воровского мира» и неформальной формы поведения, а данной категории осужденных обращаться для решения своих личных вопросов к представителям администрации учреждения не приветствуется.

Из тюрьмы освобождаются по отбытии наказания, назначенного по приговору суда, немногие осужденные, в основном осужденные отряда по хозяйственному обслуживанию. Остальные категории осужденных отбывают в тюрьме лишь часть срока наказания по приговору или по определению суда с последующим переводом в исправительные колонии разных видов режима для отбывания оставшейся части срока наказания.

Поэтому социальная работа, направленная на подготовку осужденных к освобождению, уместна в основном в отношении осужденных, оставленных в тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (в порядке ст. 77 УИК РФ это – лица, осужденные впервые к лишению свободы в исправительных колониях общего режима, оставленные в тюрьме с их письменного согласия).

Социальные работники должны оказывать помощь этим категориям осужденных в трудовом и бытовом устройстве после освобождения в соответствии с приказами Минюста России от 13 января 2006 г. № 2¹ и от 30 декабря 2005 г. № 262².

В отношении осужденных, находящихся на тюремном режиме, осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, подсудимых (в случае функционирования на территории тюрьмы ПФРСИ) социальные работники должны помогать:

- в налаживании и поддержании социально полезных связей;
- оформлении и переводе пенсий;
- получении и обмене паспортов;
- подтверждении и восстановлении трудового стажа;
- оформлении трудовых книжек;
- оформлении больничных листов;
- оформлении регистрации брака;
- решении вопросов трудового и бытового устройства после освобождения;
- социальном просвещении.

Лица, отбывающие наказания в тюрьмах, представляют собой различные категории осужденных, классификация которых не ограничивается только прибывшими в тюрьму из зала суда для отбывания назначенного срока наказания. Условия покамерного размещения позволяют содержать подозреваемых, обвиняемых и осужденных, больных различными заболеваниями (ту-

беркулез, ВИЧ-инфекция, психические расстройства, алкоголизм, наркомания и т. п.).

Уголовно-правовые, криминологические, социально-демографические и уголовно-исполнительные характеристики лиц, содержащихся в тюрьмах, также обладают определенной спецификой. Так, в тюрьмах могут содержаться осужденные с особо опасным рецидивом преступлений, лица, которым смертная казнь в порядке помилования была заменена на пожизненное лишение свободы. Все они обладают индивидуально определенными психологическими и социальными признаками, которые необходимо учитывать в работе специалистов по социальной защите осужденных, трудовому и бытовому устройству таких лиц.

Специфическими чертами проведения социальной работы с осужденными, содержащимися в тюрьмах, являются:

- индивидуальная работа с осужденными;
- обеспечение безопасности сотрудников группы по социальной защите осужденных. Большинство должностей социальных работников замещаются женщинами, что в условиях тюрьмы также создает определенные трудности, так как при посещении режимной территории необходимо сопровождение, т. е. сотрудники-мужчины, несущие службу в отделе режима и выделяемые в сопровождение, на определенный промежуток времени отрываются от выполнения своих непосредственных функциональных обязанностей;
- широкая распространенность тюремной, криминальной субкультуры (понятия, нормы, обычаи, традиции);
- криминогенное межличностное общение, а также ограниченность нормального общения;
- высокая степень конфликтности среды, распространенность криминальных способов разрешения противоречий, различных форм насилия и притеснения;
- неблагоприятный социально-психологический фон жизнедеятельности, гнетущая обстановка, психологически подавляющая личность, и минимальные субъективные возможности для ее улучшения;
- повышенный риск быть подвергнутым насилию, оскорблению, ущемлению человеческого достоинства, опасность для физического и психического здоровья³;

¹ См.: Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 13 янв. 2006 г. № 2 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. 2006. № 7.

² См.: Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 30 дек. 2005 г. № 262 // Бюл. Минюста РФ. 2006. № 3.

³ См.: Социальная работа в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие / С. А. Лузгин, М. И. Кузнецов, В. Н. Казанцев и др.; Под общ. ред. Ю. И. Калинина. 2-е изд., испр. Рязань, 2006.

- наличие в одном учреждении различных категорий осужденных;
- отсутствие наглядной агитации (стендов информации), разъясняющей законодательство в области социального обеспечения;
- отсутствие возможности заниматься в «Школе подготовки осужденных к освобождению»;
- осложнение при выявлении лиц, не желающих получить документы, удостоверяющие личность осужденного, а также подтверждающие его право на социальное обеспечение;
- повышенное внимание со стороны представителей различных международных организаций к проблемам проведения социальной работы в учреждениях тюремного типа;
- отсутствие самодеятельных организаций осужденных;
- осложнение в получении образования и профессиональной подготовки осужденных, содержащихся в тюрьмах;
- недостаточное число должностей социальных работников, ведущее к значительному увеличению нагрузки и снижению эффективности социальной работы.

По-прежнему острой остается проблема трудового и бытового устройства лиц, отбывших наказания. Сегодня специалист по социальной работе не способен реально влиять на ее решение. Особенно негативно это обстоятельство сказывается на трудо-

устройстве отбывших наказания в учреждениях, находящихся вне территории их проживания до осуждения. Самое большее, что могут сделать в данном случае сотрудники социальной службы, – направить запрос в органы занятости населения по месту постоянного жительства освобождающегося.

Приходится констатировать, что в настоящее время в стране практически нет специальных органов и служб, целенаправленно занимающихся трудовым и бытовым устройством лиц, отбывших наказания в местах лишения свободы.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний : материалы науч.-практ. семинара. – Рязань, 2005.
2. Материалы встречи руководителей группы Совета Европы по тюремной программе (РРММ) и семинара «Подготовка к освобождению и социальная реинтеграция заключенных», 22–24 марта 2005 г., г. Орел / под общ. ред. Ю. И. Калинина. – Рязань, 2005.
3. Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 23–24 апр. 2007 г., Вологда. – Вологда, 2007.
4. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / С. А. Лузгин [и др.] ; под общ. ред. Ю. И. Калинина. – 2-е изд., испр. – Рязань, 2006.

Р. Р. Фатхуллин,
начальник кафедры
уголовно-правовых и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

Одним из негативных последствий проведения в России экономических, социальных и политических реформ в начале 90-х гг. прошлого века стало создание благоприятной среды для роста преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее: наркотики).

Общее число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в том числе в пенитенциарных учреждениях, составило в 2002 г. – 189,6 тыс., 2003 г. – 181,7 тыс., 2004 г. – 181,8 тыс., 2005 г. – 175,2 тыс., 2006 г. – 212,0 тыс., 2007 г. – 231,2 тыс.¹ Согласно данным общероссийского мониторинга незаконно потребляют наркотики в нашей стране 5,99 млн человек².

¹ См.: Деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Статистический аспект. 2007 г. М., 2008. С. 4.

² См.: Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005–2009 годы: Федер. целевая программа, утв. Постановлением Правительства РФ от 13 сент. 2005 г. № 561 (с изм. от 23 марта 2006 г.) // СЗ РФ. 2005. № 38. Ст. 3820.

Полагаем очевидным тот факт, что увеличение количества лиц, употребляющих наркотики, и отсутствие адекватного противодействия этому социально-негативному явлению требуют усиления и активизации работы оперативных подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в исправительных учреждениях ФСИН России (далее: ИУ).

Следует отметить, что современное состояние данной деятельности в ИУ по-прежнему остается острой и злободневной проблемой. Как показывают исследования, многие осужденные, в частности, до 25 % наркоманов, содержащихся в колониях строгого режима, первичной наркотизации

были подвергнуты именно при отбывании наказания³.

В целом структура, состояние и динамика незаконного оборота наркотиков в ИУ отражает криминогенную ситуацию по России. Все происходящие процессы в нашей стране, связанные с незаконным оборотом наркотиков, одинаково влияют и на оперативную обстановку в ИУ, несмотря на «закрытость» последних. В последние годы здесь наблюдается устойчивый рост наркозависимых осужденных⁴. Например, только за 2006 г. прирост количества лиц, склонных к немедицинскому потреблению наркотиков, по сравнению с 2005 г. составил 18 % (табл. 1).

Таблица 1

Категория осужденных \ Год	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Состоят на учете как склонные к немедицинскому потреблению наркотиков в ИУ, чел.	96177	86200	37309	37304	43773	52972
Отбывают наказания за незаконный оборот наркотиков (сбыт), чел.	—	33692	28815	23039	25222	24027

В 2004 г. сокращение количества осужденных за наркопреступления в ИУ объясняется тем, что законодатель увеличил размер средних разовых доз наркотиков¹. На практике это привело к освобождению от уголовной ответственности лица, если доза героина, обнаруженная у него, составляет менее 1 г. В то же время действующая доза чистого героина для среднестатистического наркомана составляет около 0,003 г². Данное обстоятельство способствовало резкому сокращению привлечения к уголовной ответственности лиц, склонных к немедицинскому потреблению наркотиков. Как известно, фармакологические эффекты наркотиков зависят от их действующих доз, способов употребления, индивидуальной

восприимчивости субъекта, его предшествующего опыта употребления наркотиков, а также от обстоятельств употребления. С принятием Постановления Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76, отменившим ранее принятое Постановление по увеличению средней дозы наркотика, значительно сократились размеры средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ⁵. В связи с этим прогнозируется увеличение общего числа осужденных за незаконный оборот наркотиков в ИУ. По нашим оценкам, число осужденных за незаконный оборот наркотиков увеличится на 25–30 %.

По мнению некоторых ученых, количество наркотиков, поступающих незаконным путем в

¹ См.: Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 6 мая 2004 г. № 231 // СЗ РФ. 2004. № 19. Ст. 1898.

² О наркотических средствах и психотропных веществах более подробно см.: Симонов Е. А. и др. Наркотические средства и психотропные вещества, контролируемые на территории Российской Федерации / Под ред. В. В. Рогозина. М., 2003.

³ См.: Родичева Т. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.

⁴ См.: Отчет ФСИН России за 2007 г. М., 2008.

⁵ См.: Об утверждении крупных и особо крупных размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 7 февр. 2006 г. № 76 // Рос. газ. 2006. 11 февр.

ИУ, ежегодно возрастает на 15 %¹. Это подтверждается и результатами опроса, проведенного нами среди оперативных сотрудников ИУ. На вопрос «Возрастает ли количество поступающих незаконным путем наркотических средств и психотропных веществ в ИУ?» утвердительно ответили 56,1 % работников, 19,7 % считают, что оно остается на прежнем уровне, по мнению 7,6 % сокращается, затруднились ответить 16,7 %². Наряду с этим увеличивается и количество изымаемых наркотиков.

Вместе с тем ежегодное возрастание изъятия наркотиков в ИУ в 2002 г. – 39849,13 г, 2003 г. – 33553,7 г, 2004 г. – 31323,9 г, 2005 г. – 29645,6 г, 2006 г. – 42400 г, 2007 г. – 53368,932 г³, на наш взгляд, не может однозначно оцениваться как активизация предупреждения указанного вида преступлений. Оно может быть таковым только в том случае, если оперативные сотрудники ИУ совместно с другими правоохранительными органами в каждом случае изъятия наркотиков установят лиц, владеющих, распоряжающихся обнаруженными средствами и веществами, выявят их преступные связи.

Распространение наркотиков среди осужденных опасно тем, что в это преступление вовлекаются разные категории лиц на всем протяжении цепочки – от получения наркотиков до их сбыта. Достаточно высокая стоимость наркотиков, наркозависимость вынуждают осужденных неправомерным путем выискивать средства для их приобретения. И чтобы достать наркотики, осужденные вступают в запрещенные связи с персоналом ИУ.

В настоящее время факт изъятия наркотиков в ИУ не всегда получает уголовно-процессуальное оформление: фиксируются только те факты, которые, по мнению оперативных сотрудников, имеют реальную судебную перспективу. Кроме того, иногда на практике невозможно своевременно получить достоверную и точную информацию, а также пригласить понятых, чтобы зафиксировать факт изъятия наркотиков у лиц, прибывших, в частности, на свидание к осужден-

ным. Чтобы не допустить проноса наркотиков в ИУ, оперативные сотрудники в экстренном случае просто изымают их и прекращают свидание, а лицо, пытавшееся осуществить пронос, отпускается безнаказанно, поскольку факт изъятия юридически процессуального оформления не получил. Опрос оперативных сотрудников показал, что только 45,4 % реально привлекали осужденных к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Кроме того, уголовное дело по рассматриваемой категории преступлений может быть возбуждено только в том случае, если обнаружено и изъято вещество наркотического происхождения. Для определения наименования наркотика и его количества (вес, г) изъятое вещество отправляется на исследование в экспертно-криминалистическую лабораторию, по результатам которого в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством устанавливают, имеются ли основания к возбуждению уголовного дела.

Следует отметить, что в ИУ поступают наиболее распространенные и доступные по цене наркотики, находящиеся в незаконном обороте на территории нашей страны (табл. 2). Данный вывод подтверждается результатами проведенного нами опроса сотрудников оперативных подразделений ИУ. Так, например, большинство опрошенных считают, что в ИУ наиболее часто поступают марихуана, гашиш и героин.

Таблица 2

Наркотик	Доля от общего количества поступающих в ИУ наркотиков, %
Марихуана	68,2
Гашиш	51,5
Героин	51,5
Маковая соломка	19
Опий	16,7
Барбитураты	16,7
Эфедрин	6,82
ЛСД	6,9
Кокаин	3,8
Амфетамин	3,8
Морфин	3,0
Фенамин	1,5
Гидроморфон	1,5
Кодеин	0,8
Крэк	0,8

¹ См.: Девяшин Д. Г., Леонов С. Н., Молокова Т. М. Предупреждение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях: Учеб.-практ. пособие / Акад. права и управления, Том. фил. Томск, 2003. С. 39–40.

² В опросе принимали участие 252 сотрудника оперативных подразделений десяти территориальных органов ФСИН России.

³ См.: Отчет ФСИН России за 2002–2007 гг. М., 2008.

С нашей точки зрения, одной из главных причин неэффективности борьбы с незаконным оборотом наркотиков в ИУ является недостаточно высокий уровень профессионализма сотрудников данных учреждений, поскольку доля выявленных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных организованными преступными группами и преступными сообществами, продолжает оставаться крайне низкой. Это позволяет сделать вывод, что существующая система правоприменительной практики по-прежнему ориентирована не на борьбу с наркобизнесом и выявление его организаторов, а на уголовное преследование потребителей наркотиков. Данный вывод подтверждается привлечением к уголовной ответственности лиц, непосредственно употребляющих наркотики, у которых изымается их незначительное количество (в 66,6 % случаев – от 0,2 до 10 г)¹. Отсюда следует, что механизм поставки и сбыта наркотиков в ИУ хорошо законспирирован и четко организован. В связи с этим существует проблема перекрытия и ликвидации каналов и источников поступления наркотиков в ИУ, решение которой в первую очередь достигается изобличением лиц, чья преступная деятельность направлена на распространение указанных средств.

Таким образом, пресечение каналов поставки наркотиков в ИУ и выявление лиц, причастных к ней, являются одними из приоритетных направлений деятельности оперативных подразделений данных учреждений.

В процессе исследования нами установлены наиболее распространенные каналы доставки наркотиков в ИУ:

- через посылки и передачи – 55,3 %;
- с помощью вольнонаемных сотрудников – 55,3 %;
- аттестованных сотрудников – 53,8 %;
- приезжающих на свидания родственников – 53,8 %;
- путем переброса – 34,9 %;
- с помощью расконвоированных осужденных – 32,6 %;
- с использованием транспортных средств – 26,5 %;
- через корреспонденцию – 6,1 %.

¹ См.: Девяшин Д. Г., Леонов С. Н., Молокова Т. М. Указ. соч. С. 91.

Как следует из результатов исследования, в большинстве случаев наркотики поступают в ИУ при помощи персонала и родственников осужденных. С целью прикрытия этого канала поступления наркотиков, на наш взгляд, оперативным сотрудникам необходимо вести ежедневную работу.

Однако на практике факты обнаружения и изъятия наркотиков тщательно скрываются сотрудниками ИУ, чтобы не ухудшать отчетных показателей. Как известно, наличие наркотиков на территории ИУ расценивается как следствие плохой организации деятельности служб охраны, отдела безопасности и оперативного отдела и влечет за собой дисциплинарные взыскания, поскольку в настоящее время положительными показателями в работе оперативных подразделений признаются количество пресеченных попыток проноса, переброса, перевозки, пересылки наркотиков в ИУ. При таком положении осужденные прекрасно понимают, что останутся безнаказанными, и продолжают заниматься преступной деятельностью. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, необходимо пересмотреть перечень статистических показателей, характеризующих деятельность оперативных сотрудников ИУ.

Кроме того, в целях усиления борьбы с незаконным оборотом наркотиков в ИУ оперативному управлению ФСИН России совместно с образовательными учреждениями, а также опытными практическими сотрудниками территориальных органов и учреждений целесообразно: ежегодно готовить учебно-методические пособия о новых формах и методах обучения слушателей образовательных учреждений по проблемам борьбы с незаконным оборотом наркотиков; проводить специализированные семинары и научно-практические конференции, связанные с этой проблемой; разрабатывать рекомендации по совершенствованию тактики оперативно-розыскной деятельности в области противодействия незаконному обороту наркотиков; повышать профессиональный уровень профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений ФСИН России, специализирующихся на проблемах борьбы с незаконным оборотом наркотиков в ИУ; наладить взаимодействие с Федеральной службой РФ по контролю за оборотом наркотиков.

Таким образом, повышение эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотиков может быть достигнуто только путем комплексного использования оперативными подразделениями ИУ и ГУФСИН (УФСИН) России всех имеющихся в их арсенале сил, средств и методов.

Библиографический список

1. *Девяшин, Д. Г.* Предупреждение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях : учеб.-практ. пособие / Д. Г. Девяшин, С. Н. Леонов, Т. М. Моло-

кова ; Акад. права и управления, Том. фил. – Томск, 2003.

2. *Родичева, Т. П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

3. *Симонов, Е. А.* Наркотические средства и психотропные вещества, контролируемые на территории Российской Федерации / Е. А. Симонов [и др.] ; под ред. В. В. Рогозина. – М., 2003.

Г. В. Щербаков,

начальник кафедры

социальной психологии и социальной работы

Академии права и управления

Федеральной службы исполнения наказаний

кандидат психологических наук, доцент

ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОСВОБОЖДАЮЩИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Отбывание наказания в виде лишения свободы, как известно, связано с рядом негативных факторов, таких как: усвоение элементов криминальной субкультуры, ослабление семейных и родственных связей, утрата навыков рационального использования материальных ресурсов, неумение принимать позитивные решения в различных жизненных ситуациях. Данные факторы в совокупности с настороженным отношением со стороны окружающих людей нередко затрудняют социальную адаптацию лиц, освобожденных из исправительных учреждений (далее: ИУ), особенно в течение первых месяцев жизни на свободе.

В связи с этим во многих регионах в рамках социальной реабилитации освобождающихся из мест лишения свободы серьезное внимание уделяется сотрудничеству ИУ с различными государственными учреждениями, общественными и религиозными организациями. Так, при Управлении

социальной защиты населения Орловской области созданы две специализированные структуры, оказывающие помощь в социальной реабилитации освободившимся из мест лишения свободы – социальная гостиница и Ивановский специализированный дом-интернат для престарелых и инвалидов. Кроме того, при поддержке администрации Орловской области были организованы Центры социально-трудовой реабилитации «Надежда есть» (для лиц, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью) и «Эра милосердия» (для женщин, утративших социально полезные связи). В рамках такого сотрудничества гражданам, освободившимся из мест лишения свободы, предоставляются временное жилье и трудоустройство, психологическая поддержка и медицинская помощь.

Успешной социальной реабилитации осужденных способствует такая форма сотрудничества ИУ с общественными организациями, как посредничество, т. е. содействие достижению согласия между социальными субъектами для решения различных проблем одного из них и оказания ему помощи.

Специалист по социальной работе ИУ в качестве посредника в обязательном порядке выявляет соответствие требований освобождающегося осужденного профилю деятельности тех государственных структур, которые могут оказать ему профессиональную, компетентную помощь. Быть осведомленным о характере услуг, оказываемых населению различными организациями и учреждениями, входит в число обязанностей специалиста по социальной работе. Это по-

зволяет ему быстро реагировать на проблемы, оценивать их и информировать осужденных о том, кто и как им может помочь.

Посредническая деятельность осуществляется в том случае, если специалист по социальной работе не может предложить пути и средства решения проблемы осужденного самостоятельно в своем учреждении. С этой целью он обращается в соответствующие органы государственной, власти которые способны оказать необходимую помощь осужденному. В посреднической деятельности социального работника по подготовке осужденного к освобождению можно выделить четыре этапа:

- 1) определение проблемы освобождающегося осужденного, оценка возможностей ее решения;

- 2) оценка и выбор государственной организации, способной наилучшим образом решить проблему освобождающегося осужденного;

- 3) помощь осужденному в установлении контакта с соответствующими государственными организациями;

- 4) проверка результативности контакта, продвижения в решении проблемы.

В практической деятельности группа социальной защиты осужденных ИУ сотрудничает со многими организациями и службами с целью решения различных социальных проблем, возникающих у осужденных перед освобождением из пенитенциарного учреждения.

При этом наиболее тесное взаимодействие осуществляется с Федеральной миграционной службой (далее: ФМС России), Пенсионным фондом РФ и Управлением социальной защиты.

ФМС России организует оформление и обмен паспортов граждан РФ, консультирование осужденных по вопросам регистрации после освобождения. Данные консультации ведутся в ходе бесед с осужденными, проводимых сотрудниками ФМС России на территории ИУ.

Сотрудничество с Управлением Пенсионного фонда РФ заключается в оформлении пенсий осужденных, а также консультировании по вопросам назначения и перерасчета пенсий, изменений в действующем законодательстве, определяющих пенсионные и иные социальные выплаты.

В свою очередь, вопросы назначения социальных выплат рассматриваются в процессе сотрудничества с Управлением социальной защиты населения.

С центрами занятости решаются проблемы трудоустройства и консультирования по вопросам рынка труда (во многих регионах России действует совместное соглашение о консультировании осужденных и квотировании рабочих мест для освобождающихся из мест лишения свободы).

Наряду с этим осуществляется сотрудничество с органами местного самоуправления по избранному месту жительства осужденных для решения проблем, связанных с жильем и трудоустройством.

Так, например, в Республике Карелии действует социальная программа «Адресная социальная помощь освобождающимся из мест лишения свободы», в рамках которой предусмотрены мероприятия по подготовке осужденных к освобождению и их дальнейшей социальной реабилитации.

В целях оказания помощи осужденным в решении вопросов социальной реабилитации разрабатываются памятки для освобождающихся, содержащие разъяснения права на трудоустройство, рекомендации по решению других проблем.

С осужденными, не имеющими постоянного места жительства и утратившими социально полезные связи, в ИУ проводится работа по оказанию помощи в бытовом и трудовом устройстве. С этой целью за шесть месяцев до освобождения осужденные заполняют заявление о том, нуждаются они в трудовом и бытовом устройстве или нет. Таким образом, выявляются лица, которым необходима данная помощь. Затем в областные центры реабилитации направляются письма с ходатайством об оказании содействия осужденному в устройстве в выбранном им центре. В письме указываются дата окончания срока наказания осужденного, наличие у него паспорта, профессии, обстоятельства получения статуса бомжа.

Центры социальной реабилитации для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, могут создаваться при Управлениях внутренних дел, где освободившиеся осужденные, в частности, получают бесплатную регистрацию. В различных регионах открываются Центры социально-трудовой реабили-

литации для лиц, не имевших до осуждения определенного места жительства и постоянной работы. В целях ускорения процедуры приема освободившихся из ИУ в эти центры, а также во избежание повторного медицинского освидетельствования при приеме на работу осужденным выдается медицинская справка на предмет отсутствия заболеваний, являющихся противопоказанными для приема, и направление на трудоустройство.

Важное место в социальной реабилитации осужденных занимает сотрудничество ИУ с религиозными организациями. По договоренности с епархиальным управлением Русской Православной Церкви осужденные (из числа верующих и по их желанию) после освобождения из ИУ могут направляться в монастыри.

В настоящее время во многих субъектах Российской Федерации приняты специальные нормативные акты по социальной реабилитации освободившихся из мест лишения свободы, в Ивановской области и Санкт-Петербурге открыты общежития для граждан, освободившихся из ИУ. Федеральная служба исполнения наказаний намерена продолжать работу в данном направлении. С этой целью разработана новая программа по строительству реабилитационных центров для бывших осужденных. Первый такой Центр для освободившихся осужденных женщин и несовершеннолетних женского пола открыт в Москве при поддержке межрегионального благотворительного фонда помощи заключенным. Центр рассчитан на 500 человек, средний срок пребывания в нем составляет два месяца. К работе с бывшими осужденными женщинами и девочками-подростками будут привлекаться психологи. В Центре пла-

нируется организовать обучение бывших осужденных компьютерной грамотности, чтобы они сами смогли искать себе работу в базе данных по трудоустройству.

Полагаем, что комплексная помощь лицам, освобождающимся из мест лишения свободы, станет наиболее эффективной и продуктивной при условии укрепления и расширения межведомственных связей, более тесного сотрудничества Федеральной службы исполнения наказаний с органами внутренних дел, учреждениями здравоохранения, службами занятости, миграционной службой, благотворительными и религиозными организациями. Только в этом случае проводимые мероприятия смогут достичь цели успешной социальной реабилитации осужденных в обществе, развития и саморазвития их социального потенциала, становления у них независимого социального статуса, перехода от социального выживания к оказанию помощи себе и другим.

Библиографический список

1. Сусева, Е. В. Взаимодействие субъектов системы профилактики правонарушений в организации социальной адаптации граждан, освобождающихся из мест лишения свободы / Е. В. Сусева // Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика : тез. междунар. науч.-практ. конф., Вологда, 23–24 апр. 2007 г. – Вологда, 2007.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.]. – М., 2007.
3. О занятости населения в Российской Федерации : закон РФ : [от 19 апр. 1991 г. № 1032-1 : в ред. от 18 окт. 2007 г. № 230-ФЗ] // Рос. газ. – 1996. – 6 мая ; 2007. – 24 окт.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

А. А. Александров,

*заместитель начальника отдела анализа
и контроля исполнения бюджета
Министерства финансов Рязанской области
государственный советник РФ 3-го класса*

СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Радикальные социально-экономические и политические преобразования, происходящие в нашей стране, не могут не затрагивать Федеральную службу судебных приставов (далее: ФССП) как составную часть государственной системы. При этом проблемам исполнительного производства уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания, что приводит к крайне негативным последствиям, поскольку неисполнение судебных актов дискредитирует судебную систему в целом, а в результате – судебный акт как способ защиты нарушенных прав теряет свое значение. Практически каждый, кто сталкивался с проблемой исполнения судебного акта, убежден, что это одна из самых трудновыполнимых частей уголовного процесса.

Необходимость преодоления кризисных явлений, усиления защиты прав и свобод человека и гражданина, повышения эффективности борьбы с преступностью, обеспечения общественной безопасности предъявляет особые требования к организации и деятельности ФССП. В идеале каждый судебный акт, акт других органов и должностных лиц в случаях, предусмотренных федеральным законом, должны быть исполнены полностью и в срок. Это было и остается основной задачей данной Службы, решение которой и призвано обеспечить действующее законодательство об исполнительном производстве, особенностью которого является наличие единого общефедерального акта – Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ¹. Этот нормативный акт рассчитан на длительный период дей-

ствия и излагает в систематизированном виде конкретные правовые нормы, регулирующие вопросы обеспечения: соблюдения законов гражданами и должностными лицами; установленного порядка деятельности судов; исполнения судебных актов и актов других органов. Его принятие является примером комплексного решения важного для правоприменительной практики вопроса. На работу по правовому обеспечению деятельности территориального органа ФССП субъекта Федерации оказывает влияние проводимая в стране административная реформа.

Следует отметить, что до 1 февраля 2008 г. в России действовал Федеральный закон «Об исполнительном производстве» 1997 г. Уже первый год его работы показал несовершенство данного акта и его оторванность от правоприменительной практики. Проект новой редакции Закона был подготовлен еще в 2003 г., однако процесс его согласования затянулся на несколько лет. И только в октябре 2007 г. новая редакция Федерального закона «Об исполнительном производстве» была подписана Президентом РФ.

Новый Закон устраняет многочисленные пробелы и противоречия правового регулирования действующего законодательства об исполнительном производстве, не меняя при этом его концепции, и содержит ряд серьезных изменений действующего порядка принудительного исполнения судебных и иных актов, которые продиктованы реалиями современной жизни и отвечают современной динамике развития экономических отношений.

В целом рассматриваемый Федеральный закон направлен на повышение эффективности исполнения актов судов и иных уполномоченных органов при максимальном обеспечении прав и свобод граждан и организаций.

Следует отметить, что новый Закон сразу вызвал острую дискуссию как среди юристов-практиков, судебных приставов-исполнителей, так и среди ученых-правоведов.

Дело в том, что из блока законов, касающихся исполнительного производства («Об исполнительном производстве», «О судебных приставах» и «О внесении измене-

¹ См.: Рос. газ. 2007. 6 окт.

ний в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), был принят и вступил в силу только один. Это объясняется тем, что содержание остальных актов следует увязать с готовящимся Федеральным законом «О правоохранительной службе», который предполагает включить ФССП в состав правоохранительных органов, что в настоящее время является, бесспорно, логичным и правомерным шагом.

Новый Федеральный закон «Об исполнительном производстве», действующий уже практически полгода, без этих законов не может работать в полную силу. В частности, предусмотренное право пристава входить в квартиру и вести процедуры по аресту имущества должника даже в его отсутствие, на практике достаточно сложно реализовать. Если судебный пристав-исполнитель совершит подобные действия, о которых должник, конечно, должен быть предупрежден путем направления ему специального уведомления, то доказать правомерность, соотносимость и законность своих действий приставу, пока еще не являющемуся сотрудником правоохранительных органов, будет крайне сложно, даже несмотря на присутствие двух понятых. Разумеется, должник начнет рассылать жалобы на действия пристава в различные инстанции, обвиняя его в незаконных действиях, в том числе в воровстве. В результате приставу потребуется очень много времени и сил, чтобы оправдаться и «отписаться». В связи с этим такая форма принудительного взыскания задолженности не нашла и, по-видимому, не найдет широкого применения.

Очевидно, что нерешенным остается ряд проблем в ходе осуществления вновь полученных полномочий. Многие из них порождены конкуренцией ряда норм законов, что требует скорейшего устранения. Прежде всего необходимо внести соответствующее дополнение в диспозицию ст. 315 УК РФ в части расширения круга субъектов уголовной ответственности. Кроме того, требуются разъяснения Верховного Суда РФ по проблемам правовой конкуренции ст. 17.8 КоАП РФ «Воспрепятствование законной деятельности судебных приставов-исполнителей» и диспозиции ст. 315 УК РФ в части совершения деяния в форме воспрепятствования исполнению вступивших в законную силу приговора суда, решения или иного судебного акта. Необходимо также решить вопрос о принятии еди-

ных правил поведения граждан в суде, отсутствие которых значительно затрудняет квалификацию административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.3 КоАП РФ.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в целях совершенствования системы государственной службы в Российской Федерации готовится проект Федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации», в котором правоохранительную службу предусматривается отнести к органам государственной власти, в ведении которых находятся вопросы обеспечения установленного порядка деятельности судов, а также принудительного исполнения судебных решений и актов других органов. Кроме того, перечень правоохранительных органов в соответствии с проектом данного Федерального закона будет утверждаться Президентом РФ. С принятием такого Закона у ФССП появятся дополнительные возможности применения мер воздействия на тех, кто уклоняется от исполнения судебных решений (проведение, например, оперативно-розыскных мероприятий). Также пристав получит совершенно новые качественные возможности реализации своих полномочий, связанных с розыском должников, имущества, проведением работ по закреплению той информации, которую он сможет получать не скрытыми, а легальными способами. Решение вопроса о наделении ФССП правом осуществлять оперативно-розыскные мероприятия находится в прямой зависимости от принятия Федерального закона «О правоохранительной службе» и соответственного включения ФССП в состав правоохранительных органов. Кроме того, после принятия данного Закона будет возможно подготовить соответствующие изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»¹.

Библиографический список

1. Об исполнительном производстве : федер. закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ // Рос. газ. – 2007. – 6 окт.
2. Интернет-интервью с Н. А. Винниченко, директором Федеральной службы судебных приставов – главным судебным приставом Российской Федерации. – Режим доступа: www.fssprus.ru.

¹ См.: Интернет-интервью с Н. А. Винниченко, директором Федеральной службы судебных приставов – главным судебным приставом Российской Федерации // www.fssprus.ru.

Из истории возникновения правовой системы охраны интеллектуальной собственности

Рассмотрение содержания современной системы интеллектуальной собственности и глубокий анализ правовых и правоприменительных основ, гарантирующих и обеспечивающих защиту соответствующего права граждан невозможно без изучения истоков формирования данного явления.

Обращаясь к истории, необходимо отметить, что появление правовых систем охраны интеллектуальной собственности, первыми формами которой являлись изобретения и книги, было вызвано экономическими причинами. После изобретения в 1440 г. печатной технологии, а также возникновения полиграфической промышленности авторы многих изобретений и книг, лица, имеющие разрешение на использование изобретений и издание книг, несли значительные убытки, в том числе по причине более низких цен на интеллектуальный продукт, устанавливаемых перепечатниками. Именно с указанного времени перепечатка уже изданных книг стала считаться разбоем, грабежом, воровством, а лица, ее осуществляющие, назывались «пиратами», «каперами», «флибустьерами», «корсарами» и подлежали суду и наказанию через конфискацию всех экземпляров книги или штрафу за каждый экземпляр книги¹. Таким образом, именно пиратство результатов интеллектуальной деятельности, на наш взгляд, можно считать причиной и следствием возникновения всей системы интеллектуальной собственности.

Первым известным свидетельством правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности является принятый в 1476 г. в Венецианской республике Указ «О патентах», основной задачей которого была охрана изобретений и книг. В соответствии с данным Указом 3 января 1491 г. был выдан первый охранной документ (привилегия)

на книгу «Phoenix», автором которой был юрисконсульт Петр из Равенны. Следует заметить, что суть привилегии состояла в том, что она защищала не права автора, а интересы издателя, получившего право на воспроизведение, в отличие от автора, который никакими правами не наделялся. Я. А. Канторович справедливо говорил о том, что «с самого начала система имущественного авторского права обеспечивала интересы правообладателей, а не авторов»². С этого времени названные объекты интеллектуальной собственности становятся товаром как на внутреннем, так и внешнем торговых рынках.

Следующий период относится лишь к началу XVIII в. В Англии в 1709 г. был принят, а в 1710 г. вступил в силу Статут Анны, который, на наш взгляд, не вполне обоснованно считают первым в мире законом об авторском праве. Данный документ устанавливал правовую охрану изданных книг от перепечатки и меры, предпринимаемые к его нарушителям (конфискация незаконной (контрафактной) продукции и большие штрафы). С вступлением Закона в силу были введены следующие новые нормы охраны: а) обязательное внесение книги в реестр гильдии книгоиздателей; б) вступление издателя в право на опубликованное произведение на 14 лет с момента его регистрации и опубликования; в) возвращение права на издание к автору по истечении вышеозначенного периода сроком на последующие 14 лет и возможностью вновь уступить его любому иному лицу; г) прекращение авторского права по окончании второго 14-летнего срока, т. е. возможность использования произведения без каких-либо разрешений и ограничений; д) введение ограничения цен на книги ради общественных интересов³.

Следует отметить, что принципы Статута Анны положены в основу и получили свое развитие в современных законах об авторском праве в Британском содружестве наций и в США.

По нашему мнению, значение французской модели авторского права состоит в

² Там же. С. 72.

³ См.: Риверс Т. Справочник для вещателей о владении, приобретении, освобождении, взыскании и административном управлении. Лондон, 1998. С. 22.

¹ См.: Судариков С. А. Интеллектуальная собственность. М., 2007. С. 30.

признании личных неимущественных прав и придании им вечного и неотчуждаемого характера. Так, принятые во Франции Декрет «О праве на постановку и исполнение драматических и музыкальных произведений» (1791 г.) и Декрет «О праве собственности авторов на литературные произведения, композиторов, живописцев и рисовальщиков» (1793 г.)¹ запрещали перепечатку или воспроизведение произведений литературы и искусства в течение жизни автора, а наследники и иные правопреемники могли пользоваться авторским правом в течение 10 лет после смерти автора.

Достижения разных государств на протяжении ряда столетий в области авторского права оказали и продолжают оказывать влияние на его дальнейшее законодательное становление.

Уже в середине XIX в. были заключены двусторонние и многосторонние межгосударственные договоры о взаимной охране авторского права. Однако только в конце XIX в. вступил в силу первый международный договор в области авторского права – Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г.², нормы и положения которой стали основой международного права интеллектуальной собственности.

С точки зрения современной международной правовой охраны литературные и художественные произведения также признаются объектами интеллектуальной собственности, и в разных источниках, как правило, обозначаются как произведения интеллектуального труда, литературные и художественные произведения, все виды научных, литературных и художественных произведений, каким бы способом они ни были выражены, либо как «литературные произведения». В общий перечень данных произведений включены книги, журнальные статьи и другие письменные произведения, лекции, драматические, музыкально-драматические и кинематографические произведения, рисунки, картины, скульптуры, произведения прикладного искусства.

¹ См. подробнее: Дюма Р. Литературная и художественная собственность: авторское право Франции. М., 1989. С. 14.

² См.: Бюл. междунар. договоров. 2003. № 9.

Следует отметить, что принятые впоследствии международные договоры, во-первых, углубили содержание правоотношений, связанных с объектами творческой и интеллектуальной деятельности; во-вторых, расширили перечень объектов интеллектуальной собственности. Если ранее к ним относились в основном изобретения, товарные знаки, произведения литературы, науки и искусства, то впоследствии к данному перечню добавились: исполнения, фонограммы, фильмы, передачи организаций вещания, компьютерные программы, базы данных, географические указания, промышленные образцы, селекционные достижения и т. д.

Мы разделяем мнение С. А. Сударикова в том, что главная причина расширения охраняемых объектов интеллектуальной собственности экономическая, состоящая в стремлении правообладателей новых объектов получить монопольное право на их использование³.

В рамках настоящей статьи не затронуто современное состояние проблемы. Вместе с тем следует констатировать, что развитие науки, техники и культуры неизбежно приводит к появлению не только новых видов интеллектуальной собственности, способов использования ее результатов, но и новых способов совершения преступлений в данной области. В связи с этим, на наш взгляд, и законодательство в сфере интеллектуальной собственности, и эффективное его применение, и методика расследования данных нарушений и преступлений, и координация работы правоохранительных и контролирующих органов должны соответствовать требованиям современности и обеспечивать защиту прав отдельных граждан и государства в целом.

Библиографический список

1. Дюма, Р. Литературная и художественная собственность: авторское право Франции / Р. Дюма. – М., 1989.
2. Риверс, Т. Справочник для вещателей о владении, приобретении, освобождении, взыскании и административном управлении / Т. Риверс. – Лондон, 1998.
3. Судариков, С. А. Интеллектуальная собственность / С. А. Судариков. – М., 2007.

³ См., напр.: Судариков С. А. Указ. соч. С. 6.

М. В. Баранова,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Нижегородской академии МВД России
кандидат культурологии, доцент

**ПРЕДЕЛЫ ПРАВА РЕКЛАМНОГО СРЕДСТВА
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
НА ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР
(КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПРИКАЗА
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ
НАКАЗАНИЙ ОТ 29 ФЕВРАЛЯ 2008 г. № 128)**

Двенадцатого апреля 2008 г. в «Российской газете» были опубликованы Правила аккредитации журналистов средств массовой информации на освещение деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (далее: Правила), утвержденные приказом данного ведомства от 29 февраля 2008 г. № 128.

Сам факт подготовки и принятия этого интересного и в высшей степени полезного ведомственного документа заслуживает положительной оценки и свидетельствует о стремлении Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) к открытости, приверженности демократическим формам профессиональной деятельности. Правила демонстрируют не только желание данной службы упорядочить сложный и многогранный процесс общения со средствами массовой информации (далее: СМИ), но и определенную гражданскую смелость ее руководства.

В рамках настоящей статьи нас интересует ст. 11 Правил, в которой говорится: «Редакция СМИ в аккредитации может быть отказано, если сведения, содержащиеся в заявке, не соответствуют действительности, а также если по роду своей деятельности СМИ является специализированным (рекламным, справочным и т. д.)».

Содержание и технико-юридическое оформление вышеприведенной нормы права отличаются значительными дефектами, которые желательно после надлежащего мониторинга реализации приказа исправить.

Во-первых, вызывает сомнение факт использования в рассматриваемой юридической норме такого оператора деонтической модальности, как термин «может быть».

Причина этой логико-гносеологической ошибки понятна, вполне объяснима и извинительна. Дело в том, что само существо деонтической модальности в отечественной и зарубежной гуманитарной (особенно юридической) науке, исследовано недостаточно. Модальность – это выраженная в суждении в явном или неявном виде дополнительная информация о характере обоснованности суждения или типе зависимости между субъектом и предикатом, отражающая объективные отношения между предметами и их признаками¹.

Правовые нормы содержат почти все известные логике виды модальности – алетическую, эпистемическую и деонтическую. Проблема истинности, а значит, и эффективности юридических суждений о модальности крайне сложна. Ведь, по существу, речь идет о правовом согласовании «возможного и должного миров» при нормативном отражении действительности.

Операторы деонтической модальности («вправе», «может», «обязан», «разрешено», «должен», «запрещен») являются особенно трудным объектом как правотворческого, так и правореализационного познания. Эмпирическими исследованиями группы ученых обнаружено, что наиболее часто (в 78 % случаев) требуют специального разъяснения те элементы текста нормы права, которые обозначают деятельность, поступки².

Следовательно, именно «поведенческая» часть норм (а не оценочные понятия и обозначения субъектов и объектов) обладает относительно меньшей информативностью и в силу этого нуждается в наиболее тщательной семантической обработке нормоустановителем и правоприменителем. Деонтические операторы модальности допускают взаимную определимость. Поэтому одна и та же юридическая норма может быть сформулирована и как обязывающая, и как запрещающая. Точно так же взаимнообратимы правообязывание, правопредставление и управомочие.

¹ См.: Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 1982. С. 96.

² См.: Рабинович П. М. Проблемы понимания в правовом регулировании // Правоведение. 1988. № 5. С. 24–25; Баранов В. М. Истинность норм советского права (проблемы теории и практики). Саратов, 1989. С. 52–61.

В правотворческой практике эта взаимобратимость «деятельностных» категорий порой не учитывается. Нередки случаи, когда названные операторы модальности используются в юридических нормах не вполне точно, что непосредственно влияет на степень их истинности и уровень эффективности.

Логико-гносеологический и специально-юридический анализ ст. 11 Правил свидетельствует, что оператор модальности «может быть» используется в контексте документа не вполне обоснованно. В данном контексте вместо оператора «может быть» целесообразнее использовать более категоричный оператор – «должен». В качестве варианта можно применить другой императивный термин – «отказывается в аккредитации». Уровень демократии, гласности, требовательности, принципиальности, профессионализма ныне таков, что СМИ, допустившее подлог в документах, ни под каким предлогом не должно быть допущено к освещению деятельности ФСИН России, в которой нередко острые правовые и морально-психологические коллизии, деликатные нюансы взаимоотношений между осужденными, между осужденными и сотрудниками службы, между заключенными и внешней средой, семьей. От СМИ, сознательно представивших в заявке ложные сведения, вряд ли можно ожидать объективного, беспристрастного анализа и непредвзятого освещения столь тонкой правовой материи. Иная позиция объективно ведет к отступлению от принципа неотвратимости юридической ответственности, конкретным видом которой в нашем случае является отказ в аккредитации.

Предлагая замену в Правилах правового оператора модальности, мы имеем в виду общие перспективы развития отечественного права, тенденции демократизации и гуманизации законодательства о свободе печати, доступности информации.

Кроме того, оператор модальности «может быть» предполагает широкую свободу административного усмотрения. Под усмотрением в данном случае мы понимаем элемент правоприменительной деятельности, заключающейся в выборе мотивированного законного и обоснованного решения, совершаемого уполномоченным субъек-

том по конкретному делу в пределах, установленных нормой права¹.

Во-вторых, большинство граждан, среди которых немало должностных лиц, не знакомо с градацией СМИ и им сложно либо невозможно квалифицировать тот или иной журнал или газету в качестве специализированного издания. Так, далеко не все субъекты права изучили базовый закон о рекламе и вряд ли представляют объем понятия «реклама», а соответственно и «специализированное рекламное издание».

В п. 1 ст. 3 Федерального закона «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ² содержится дефиниция понятия «реклама», под которой понимается информация об объекте рекламирования, направленная на неопределенный круг лиц и призванная привлекать внимание потребителя к объекту рекламирования, формировать спрос на него, продвигать его на рынке. Следует обратить внимание и на содержащуюся в той же статье дефиницию понятия «социальная реклама», которая определяется как информация, направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также на обеспечение интересов государства. Являясь видом некоммерческой рекламы, т. е. не направленной на получение прибыли, социальная реклама вполне может стать полезным инструментом, проявляющим позитивные стороны деятельности ФСИН России.

Статья 16 Федерального закона «О рекламе» регламентирует объем рекламы в изданиях, не специализирующихся на сообщениях и материалах рекламного характера, 40 % объема одного номера. Это ограничение недействительно для периодических печатных изданий, которые зарегистрированы в качестве специализирующихся на сообщениях и материалах рекламного характера, что должно указываться на обложке и в выходных сведениях таких изданий. Опираясь на содержание этой статьи закона можно сделать вывод, что специализированное рекламное издание содержит более 40 % рекламной информации, однако не обязательно все 100 %.

¹ См.: Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 8.

² См.: СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

Таким образом, есть основания говорить о возможности размещения различной тематической информации даже и в специализированном рекламном издании.

По всей видимости, в Правилах надо либо сделать отсылку к юридическому акту, характеризующему специализированное СМИ, либо предложить собственную дефинитивную правовую норму, что представляется более предпочтительным и результативным. Сделать это можно, например, в примечании. В этом случае норма, содержащаяся в Федеральном законе «О рекламе», выступит объектом официальной ведомственной конкретизации.

Это необходимо не только для отражения специфики деятельности ФСИН России и определения возможных пределов ее освещения, но и для обеспечения точности, определенности правовой регламентации в рассматриваемой сфере.

Конституционный Суд РФ установил: «Из конституционных принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом вытекает обращенное к законодателю (и к любому другому субъекту правотворчества. – М. Б.) требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования. По смыслу приведенной правовой позиции, изложенной Конституционным Судом РФ в постановлении от 6 апреля 2004 г. 7-П, «принимаемые законы должны быть определенными как по содержанию, так и по предмету, цели и объему действия, правовые нормы – сформулированными с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ними свое поведение как запрещенное, так и дозволенное. Непонятное и противоречивое правовое регулирование порождает произвольное правоприменение, нарушающее эти конституционные принципы»¹.

Вышеприведенное постановление Конституционного Суда РФ интересно и еще с

одной стороны – в нем прямо подчеркивается регулятивная роль законодательных дефиниций, а сами они называются юридическими нормами. «Норма-дефиниция, – констатируется в документе, – воспринимается правоприменительной практикой как обладающая регулятивными функциями»².

В Правилах используется весьма неудачный технико-юридический прием – в скобках в качестве своеобразного примера предлагается перечень всего из двух видов изданий: рекламные и справочные. Отягощает правовую ситуацию то, что после этих двух видов СМИ, выбранных, надо полагать, произвольно и субъективно, помещается словосочетание «и т. д.». Кто именно и по каким критериям будет расширительно толковать этот перечень, неясно. Но вполне ясно наличие возможности злоупотребления служебным положением. Под «т. д.» при желании и умении можно подвести практически любое СМИ.

Полагаем, что для предотвращения таких злоупотреблений перечень СМИ в этой юридической норме должен быть исчерпывающим, что позволит исключить субъективизм при принятии решения в отказе от аккредитации. Однако для составления такого перечня требуется немалая предварительная работа с привлечением профессиональных журналистов и руководителей СМИ. Следует также учитывать, что большую сложность будет представлять постоянно растущий объем медиа-рынка в России. Стабильная политическая и экономическая ситуация в стране способствовала превращению газетно-журнальной индустрии в эффективный бизнес. По данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в настоящее время в России зарегистрировано 35,5 тыс. газет и еженедельников. При этом реально на рынке присутствуют 15 тыс. изданий. В 2007 г. было отпечатано 7,8 млрд экземпляров газет³.

В-третьих, спорным является нормативное решение ФСИН России о включении рекламных изданий в перечень СМИ, которым только по этому основанию может быть отказано в аккредитации журналистов.

¹ О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апр. 2008 г. № 7-П по делу о проверке конституционности абзаца второй статьи 1 Федерального закона // Рос. газ. 2008. 26 апр.

² Там же.

³ См.: Роспечать подводит итоги. На сайте ведомства опубликован доклад о состоянии рынка СМИ в прошлом году // Рос. газ. 2008. 30 апр.

Рекламные СМИ отличаются значительным многообразием. Как отмечалось выше, они содержат не только рекламные объявления, но и прочую информацию не рекламного характера, в том числе это может быть информационный посыл, позиционирующий ФСИН России и ее деятельность. Но не только в этом дело. Речь идет о принципиальной необходимости использования рекламы в правоохранительной деятельности вообще и в работе ФСИН России, в частности.

Возникает непростой, но предельно конкретный вопрос об определении направлений деятельности ФСИН России, которые целесообразно сделать объектом рекламирования для достижения уставных целей этой службы, либо, напротив, оградить от рекламного вмешательства. Иными словами, надо определить пределы возможного использования рекламы и ее технологий в деятельности ФСИН России. Пределами рекламирования в нашей трактовке и применительно к рассматриваемому предмету являются правовые рамки, установленные управомоченными субъектами с помощью разнообразных юридических средств, четко ограничивающие объем производства и степень распространения рекламной информации, которая касается деятельности всех элементов системы службы. При этом следует четко понимать, на кого рассчитана реклама. Например, если она нацелена на осужденных, то рекламное воздействие должно быть жестко дозированным, а приоритет необходимо отдавать «внедрению» позитивных качеств, чувства законности.

Понятно, что рекламному изданию нежелательно уподобляться «желтой прессе» и подавать в рекламном ключе образцы асоциального поведения, романтизированный преступный образ жизни, жаргон и инвективную лексику. Недопустимо также показывать некое «льготно-курортное» пребывание в местах лишения свободы «воров в законе».

Под жестким запретом должна находиться информация об охранных сооружениях, системах сигнализации, проводимых режимных мероприятиях, методах оперативной работы в пенитенциарных учреждениях. Не только журналистам, но и сотрудникам службы надо иметь в виду, что есть фильмы, книги, где показаны неординарные способы побега из мест лишения сво-

боды, уникальные в своем роде преступления. Привлечение подобного материала должно дозироваться, так как у асоциально настроенных слоев населения, в том числе заключенных, он может вызвать нездоровый интерес и стремление повторить «подвиг».

Иное дело – реклама, направленная на сотрудников ФСИН России. Ясно, что пределы рекламирования для этой категории граждан другие: им интересны передовые образцы службы, оригинальные технические находки, способствующие результативности работы.

Следует отметить, что при журналистском освещении деятельности службы весьма осторожно надо обращаться с материалами о новом оружии, взрывчатых веществах, ядохимикатах. Федеральный закон «О рекламе» в ст. 26 содержит подробную регламентацию рекламы продукции военного назначения и оружия, вводя строгое ограничение по средствам распространения и потребительской аудитории такой рекламы.

Таким образом, есть немало сторон деятельности ФСИН России, которые нуждаются в разумной и профессиональной рекламе.

Вряд ли можно сомневаться в том, что есть настоятельная потребность в массовой рекламе производственной жизни заключенных. Инновационные промышленно-технические идеи и разработки не могут быть надлежащим образом «продвинуты» без качественной рекламы. Очевидно, что реализация производимой системой ФСИН России разнообразной продукции, как и любой иной товар, нуждается в рекламировании. А при сокращении объемов производства, учитывая сопутствующие ему трудности перевоспитания заключенных, возникает острая потребность в рекламной деятельности. Например, Главное управление ФСИН России по Нижегородской области издает газету «Труд и законность» (выходит с 1 января 1980 г.), где систематически размещается рекламная информация о выпускаемой продукции. Такого же типа рекламную информацию нередко помещает ежемесячный общественно-политический и научно-методический пенитенциарный журнал «Преступление и наказание» (издается с 1960 г.).

В системе ФСИН России имеются высшие и средние учебные заведения. Чтобы

иметь возможность выбора лучших кандидатов на учебу, требуется системная рекламная деятельность. Профориентационная реклама должна воздействовать на потенциальных абитуриентов как можно раньше, желательно еще в период обучения в школе. Не вызывает сомнения также необходимость рекламирования трудоустройства специалистов в системе ФСИН России. Разместить такую рекламу (особенно о предоставляемых сотрудникам льгот) можно и в специализированных рекламных изданиях.

Следует отметить, что регулярное рекламное освещение успешной карьеры не только офицеров, но и гражданского персонала может и должно служить стимулирующим средством воспитания. Средствами рекламы возможна и весьма полезна подача информации о смотрах художественной самодеятельности, спортивных мероприятиях и достижениях как заключенных, так и сотрудников службы. Особая информация, которая не только может, но и должна быть отражена, касается домов ребенка в женских колониях. Сам факт их существования подтверждает реализацию принципа гуманизма, лежащего в основе деятельности ФСИН России.

В настоящее время на территории России зарегистрировано 758 исправительных колоний, 217 следственных изоляторов, 7 тюрем и 160 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов, в которых содержится 891,7 тыс. человек¹. Позитивные факты из жизни данной категории людей могли бы быть использованы в некоммерческой рекламе в воспитательных целях.

Высокоэффективным средством может стать публикация рекламного характера в специализированном рекламном издании и «на правах рекламы» в неспециализированном материалов по наиболее актуальным проблемам деятельности ФСИН России, особенно вызывающим большой общественный резонанс. Так, СМИ многократно подвергали критике «тюремное ведомство» и суд за факты досрочного освобождения из мест лишения свободы лиц, отбывающих наказания за преступления сексуального характера, совершенные в отношении

несовершеннолетних лиц. Однако сегодня ситуация начала изменяться в позитивном направлении. Так, спикер Совета Федерации Сергей Миронов публично заявил о необходимости ужесточения наказания для лиц, совершивших насилие над детьми². Директор ФСИН России Ю. И. Калинин дал указание по упорядочению процесса условно-досрочного освобождения педофилов. Известно, что этот контингент преступников в исправительных колониях ведет себя дисциплинированно. Они не входят в группировки отрицательной направленности, не вступают в конфликты с администрацией, выполняют все требования. Поэтому, когда подходит установленный законом срок, формально у них появляются все основания претендовать на условно-досрочное освобождение. Однако, исходя из того, что педофилы – люди с неизлечимой патологией, Ю. И. Калинин распорядился не поддерживать эту категорию осужденных при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении. Психологической службе ФСИН России было дано указание готовить психологические портреты таких заключенных. Кроме того, Ю. И. Калинин предложил обсудить вопрос о создании специальных центров, где педофилы находились бы под наблюдением³.

Эти весьма актуальные меры вполне могут быть предметом социального рекламирования так же, как популяризация и внедрение в массовое сознание информации об иных необходимых законодательных новациях в пенитенциарной системе. Подобный материал наглядно демонстрирует стремление всех звеньев ФСИН России максимально эффективно оградить детей от насилия.

Реклама с вкраплением информации о судьбах потерпевших от преступлений также может оказаться весьма действенной. Ролики о детях-сиротах, одиноких стариках могут вызвать у некоторой части заключенных чувство сострадания и хотя бы частичного раскаяния.

² См.: Ильин А. Право на защиту. Сергей Миронов предлагает ужесточить наказание для лиц, совершивших насилие над детьми // Рос. газ. 2008. 29 апр.

³ См.: Куликов В. «Черное досье» на маньяков и педофилов. Федеральная служба исполнения наказаний выступает против их досрочного освобождения // Рос. газ. 2008. 29 апр.

¹ См.: Рос. газ. 2008. 29 апр.

Другой немаловажной проблемой является ресоциализация лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Реклама случаев успешного устройства на работу может стать действенным средством мотивационного значения и его надо применять максимально часто.

Резюмируя изложенное, мы пришли к выводу, что ст. 11 Правил, предусматривая возможность отказа в аккредитации журналистов по неопределенному признаку «специализированности» издания, несоизмеренно ограничивает право рекламных СМИ на участие в освещении деятельности ФСИН России.

Ю. С. Барнина,

аспирант Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

МЕХАНИЗМ ПРОДЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Проблема действия правовых актов во времени¹ имеет важное теоретическое и практическое значение. С теоретической точки зрения эта тема актуальна потому, что позволяет рассмотреть одно из свойств правового акта – его юридическую силу. Для практиков точное определение временных границ действия правового акта также необходимо, поскольку «время является (наравне с пространством и кругом лиц) одним из параметров, которые определяют момент, вызывающий соответствующие юридические последствия»².

Проблема действия закона во времени затрагивается как в трудах по теории государства и права, так и в работах по отраслевым юридическим наукам. Значительное внимание уделяется рассмотрению обратной силы закона. Анализ теоретических источников показывает, что в некоторых ис-

Полагаем, что закрепленное в Правилах формально-юридическое препятствие для осуществления конституционного права на свободу слова целесообразно устранить и скорректировать ст. 11 с надлежащей определенностью.

Библиографический список

1. Об аккредитации журналистов средств массовой информации при Федеральной службе исполнения наказаний : приказ ФСИН России от 29 февр. 2008 г. № 128 // Рос. газ. – 2008. – 12 апр.

2. О рекламе : федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

следованиях в связи с рассмотрением вопроса о границах действия нормативных актов во времени частично затрагиваются отдельные аспекты такого понятия, как продление действия этих актов. При этом данный аспект проблемы в общей теории права не получил подробного освещения. Между тем указанные вопросы обстоятельно разрабатываются в науке международного права в рамках действия международных договоров.

Согласно выработанному в науке представлению о существовании правового акта как своеобразном пространственно-временном цикле его реализации³, действие акта во времени отражает его темпоральную характеристику, его «длительность».

В Толковом словаре русского языка имеются следующие интерпретации таких терминов, как: «длительность – продолжительность, протяженность во времени», «длиться – происходить на протяжении какого-нибудь времени, продолжаться»⁴. Именно с понятием «длительность» тесно связаны слова «продление», «продлить».

Продлить – сделать более длительным, увеличить срок чего-либо, продолжить, растянуть, пролонгировать⁵. Следователь-

¹ Заслуживает внимания тот факт, что нормативный правовой акт может содержать несколько норм с разными временными параметрами действия (см.: Бахрах Д. Н. Три способа действия во времени новых правовых норм и три способа прекращения действия старых норм // Государство и право. 2005. № 9. С. 5).

² Тенилова Т. Л. Время в праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 37.

³ См.: Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С. 225.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2003. С. 168.

⁵ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 608; Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка: в 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 203.

но, в качестве синонимов терминов «продление», «продлить» используются понятия «пролонгация», «пролонгировать» (от лат. *prolongo* – «удлиняю»)¹.

Таким образом, *продление действия правового акта* есть изменение (увеличение и т. п.) в установленном порядке срока его действия².

Продление может иметь место лишь в отношении правовых актов, принятых на определенный срок, но срок действия которых еще не закончился. Согласно принятой в теории права классификации правовых актов по сроку действия выделяются постоянные акты (или акты с неопределенным сроком действия), изданные на неопределенное время, на неопределенное количество повторяющихся действий и отношений. Правовой акт может быть также временным, т. е. принятым на какой-то срок, ограниченный какой-либо датой или отрезком времени³.

Принятие правового акта с заранее определенным (относительно определенным) сроком действия обусловлено историческими, политическими, экономическими, социальными и т. п. условиями, сложившимися в конкретном государстве или международном сообществе. Продление же правового акта также может быть продиктовано вышеобозначенными факторами, при действии которых проявляет себя потребность в последующем регулировании определенной области отношений указанным актом. Например, Закон Московской области «О Московском областном государственном правовом эксперименте в сфере местного самоуправления в Каширском районе Московской области» от 18 июля 1997 г. № 36/97-ОЗ⁴, действующий четыре года начиная с 1 января 1998 г. (ст. 3), был продлен до 1 января 2004 г. Законом Мос-

ковской области «О продлении срока Московского областного государственного правового эксперимента в сфере местного самоуправления в Каширском районе Московской области» от 30 октября 2001 г. № 162/2001-ОЗ⁵.

В науке международного права применительно к международным договорам выделяют их автоматическую пролонгацию (подобное условие о продлении формулируется в самом договоре) и пролонгацию по специальному соглашению между участниками договора⁶. Указанная практика вполне применима в рамках рассмотрения проблемы продления действия правовых актов в целом. Поэтому под механизмом продления понимаются все те обстоятельства, в соответствии с которыми условия пролонгации могут быть установлены новыми специальными актами (законами, соглашениями и т. д.) при внесении соответствующих изменений в срок действия «первичного» акта или путем издания специального «акта о продлении». Естественно, что условия автоматической пролонгации могут содержаться в самом действующем правовом акте, договоре или ином правовом соглашении.

От понятия «продление действия правовых актов» следует отличать некоторые смежные явления (например, «переживание», «возобновление» реализации акта, договора).

Выявление соотношения между указанными понятиями носит не только чисто теоретический, но и практический характер, поскольку неправильное понимание природы данных категорий ведет к юридическим ошибкам и иным погрешностям в сфере правового регулирования общественных отношений.

Согласно Толковому словарю русского языка соотношение – это взаимная связь между чем-либо, отношение⁷. Соотношение между двумя явлениями (процессами, состояниями и т. д.) подразумевает общие их свойства или различия, противоречия, взаимозависимость, иные связи. В данной ситуации производится определенная логи-

¹ См.: Большой словарь иностранных слов. М., 2003. С. 543.

² См. подробнее: *Барина Ю. С.* Продление действия нормативных правовых актов (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: Сб. науч. тр. / Отв. ред. проф. В. Н. Карташов. Ярославль, 2006. Вып. 6. С. 131–135.

³ См.: *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества: В 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 274; *Тилле А. А.* Время. Пространство. Закон. М., 1965. С. 29.

⁴ См.: Подмоск. изв. 1997. 31 июля.

⁵ См.: Вестн. Моск. обл. Думы. 2001. № 10.

⁶ См.: *Талалаев А. Н.* Право международных договоров: Действие и применение договоров. М., 1985. С. 43.

⁷ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 748.

ческая операция, которая заключается в сопоставлении понятий попарно и направлена на выявление их сходства, различия и т. д. Но для этого целесообразно прежде всего более подробно проанализировать каждый из сравниваемых юридических феноменов.

В онтологическом смысле основу такого явления, как *возобновление действия правовых актов*, составляет слово «возобновление». Толковый словарь русского языка термин «возобновить» трактует как: «1) начать снова; 2) отремонтировать, обновить, привести в прежнее состояние». Возобновиться значит начаться снова (о прекратившемся, прерванном, утраченном)¹. Синонимом термина «возобновление» является понятие «восстановление»². Поэтому в юридической литературе используются оба указанных выше понятия³. Юридическая практика также содержит примеры использования данных понятий в качестве синонимов⁴.

В международной юридической практике⁵ широко распространен термин «реновация» (от лат. *renovation* – обновление, возобновление)⁶.

Возобновление действия правового акта имеет место в тех случаях, когда правовой акт прекратил свое существование вследствие истечения срока действия или по иным причинам⁷. Кроме того, возобновле-

ние действия нормативных актов (договоров) может быть связано с тем, что по какой-либо причине (недостаточность финансирования, чрезвычайные обстоятельства и т. п.) юридическая сила актов на определенный срок приостанавливается, а затем восстанавливается⁸.

Возобновление приостановленного акта может происходить автоматически, как только истечет срок или отпадут обстоятельства, на основании которых было приостановлено действие этого акта⁹. В иных ситуациях для восстановления действия правового акта требуется издание специального акта.

Возобновление акта, реализация которого прекращена, не может быть произведено автоматически. Для восстановления действия необходимо издание соответствующего акта. Применительно к международной договорной практике восстановление (реновация)¹⁰ осуществляется по соглашению участников¹⁰.

В юридической практике встречаются ситуации, когда международный договор фор-

Следуя логике данного законодательного акта, необходимо сделать вывод о том, что действие акта, признанного неконституционным и утратившим свою силу, не может быть возобновлено. Аналогичный запрет косвенно содержится и в ч. 2 ст. 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (см.: СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532), согласно которой суд, установив, что оспариваемый нормативный правовой акт или его часть противоречит федеральному закону либо другому нормативному правовому акту, имеющим большую юридическую силу, признает данный акт недействующим полностью или в части со дня его принятия или иного указанного судом времени.

⁸ См.: *Карташов В. Н.* Указ. соч. С. 279.

⁹ Например, Законом Ивановской области «Об областном бюджете на 2005 год» от 29 дек. 2004 г. № 192-ОЗ (см.: Законы Иван. обл. и док. Законодат. Собр. 2004. № 21) действие Закона Ивановской области «Об областной целевой программе "Развитие искусства лаковой миниатюры поселка Палех и села Холуй на 2005–2007 годы"» от 25 окт. 2004 г. № 140-ОЗ (см.: Законы Иван. обл. и док. Законодат. Собр. 2004. № 15) было приостановлено на 2005 г. в части, не обеспеченной финансированием из областного бюджета. Соответственно с начала 2006 г. действие приостановленного закона было автоматически возобновлено.

¹⁰ См. подробнее о возобновлении действия международных договоров: *Лукашук И. И.* Действие международного договора во времени и пространстве // Журн. рос. права. 2005. № 4; *Талалаев А. Н.* Указ. соч. С. 46–47.

¹ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 93.

² См.: *Кожевников А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 112, 119.

³ См., напр.: *Карташов В. Н.* Указ. соч. С. 279; *Международное право: Учеб. / В. С. Верещетин, М. А. Коробова, С. А. Малинин и др. М., 1999. С. 166.*

⁴ См., напр.: О восстановлении действия лицензии страховых организаций: Приказ М-ва финансов РФ от 10 февр. 1997 г. № 28 // СПС «ГарантМаксимум». Несмотря на название в тексте приказа речь идет о возобновлении действия лицензий.

⁵ См., напр.: *Лукашук И. И.* Международное право. Особенная часть: Учеб. М., 2000. С. 91.

⁶ См.: Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. М., 2001. С. 525; Большой словарь иностранных слов. С. 577.

⁷ В указанном случае необходимо сделать следующую оговорку: возобновление действия правового акта возможно далеко не во всех случаях. Показательным примером может служить ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (см.: Рос. газ. 1994. 23 июля), согласно которой юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.

мально не утратил своей юридической силы, но по каким-либо причинам долго не применялся сторонами. Возникает вопрос о сроках его действия. В этом случае участники также прибегают к процедуре возобновления¹.

На основе анализа теоретических источников и материалов юридической практики можно сформулировать следующие **общие черты**, характеризующие сущность понятий «продление» и «возобновление (восстановление, реновация)» действия правового акта.

1. В правовой системе России продление действия юридического акта и возобновление действия акта являются относительно самостоятельными межотраслевыми, комплексными правовыми институтами.

2. Использование приемов продления действия и возобновления действия возможно в отношении различных видов правовых актов: нормативных, правоприменительных, интерпретационных, распорядительных, контрольных, регистрационных и т. д.

3. Продление и возобновление действия правовых актов могут быть рассмотрены как особые способы (приемы, методы и т. п.), которые составляют содержание юридической тактики и обеспечивают достижение целей правового регулирования не с помощью разработки нового правового акта, полностью идентичного по содержанию акту возобновляемому или продляемому, а путем издания специального акта (регламентирующего увеличение срока действия и т. п.), либо восстанавливают его действие и силу автоматически. Таким образом в определенном смысле достигается «экономия» трудовых, материальных, финансовых и иных ресурсов.

4. Тактика продления и возобновления действия правовых актов имеет своей целью осуществление регулирования той или иной сферы общественных отношений именно посредством правового акта, срок действия которого истекает или уже истек, либо действие которого приостановлено.

5. Продление или возобновление действия правовых актов (в случае издания специальных актов) может быть осуществлено лишь тем уполномоченным субъектом, в чью компетенцию входило издание продляемых актов или актов, действие которых возобновляется.

Несмотря на указанные выше сходства, можно выделить признаки, **отличающие** институт продления действия правовых актов от института возобновления их действия.

Во-первых, способы (приемы и т. п.) продления могут иметь место лишь в отношении правовых актов, принятых на определенный срок, т. е. срок, ограниченный какой-либо датой или отрезком времени. Для восстановления действия правового акта не имеет значения, к какому виду относится этот акт: является он принятым на определенный или неопределенный срок.

Во-вторых, наиболее важным, принципиальным, на наш взгляд, отличием является то, что продляемый правовой акт на момент его продления (в случае издания специального акта о продлении – на момент вступления в силу акта о продлении) должен быть действующим, т. е. срок действия правового акта не должен быть истекшим, указанный акт не должен быть отмененным, признанным недействующим или иным образом утратившим силу. Возобновление же его действия, напротив, возможно лишь в отношении акта, прекратившего свою реализацию по каким-либо причинам (за указанными выше исключениями).

Игнорирование названных различий свидетельствует о неправильном понимании природы рассматриваемых явлений, что ведет к ошибкам и другим погрешностям в юридической практике. Например, действие Федерального закона «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» от 20 ноября 1999 г. № 201-ФЗ² дважды продлялось. Первоначальный текст указывал, что он действует по 31 декабря 2000 г. (ст. 2). Федеральным законом «О продлении срока действия Федерального закона "О потребительской корзине в целом по Российской Федерации"» от 13 июля 2001 г. № 97-ФЗ срок действия указанного Федерального закона продлен до 31 декабря 2002 г.³ Однако срок действия закона продлен спустя полтора года после истечения срока, на который он был принят. Очевидно, что в указанном случае имеет место ошибка законодателя, а именно подмена понятием «продление» термина

¹ См.: Талалаев А. Н. Указ. соч. С. 47.

² См.: СЗ РФ. 1999. № 47. Ст. 5619.

³ См.: там же. 2001. № 29. Ст. 2952.

«возобновление», поскольку оно было осуществлено уже после длительного срока бездействия закона.

Подобные правотворческие ошибки характерны и для регионального законодательства. Так, согласно ст. 1 Закона Ивановской области «О продлении на 2001–2002 гг. заканчивающихся в 2000 г. сроков реализации Программы по усилению борьбы с преступностью в Ивановской области на 1998–2000 гг.» от 30 ноября 2001 г. № 79-ОЗ¹ срок реализации указанной программы был продлен по истечении почти одиннадцати месяцев после окончания срока ее действия.

Кроме того, категорию «продление» необходимо отграничивать от термина «*переживание*» правовым актом сроков своего действия.

На основе анализа теоретических источников, материалов правотворческой, правоприменительной и интерпретационной практики можно сделать следующие выводы относительно соотношения данных понятий.

Общей характеристикой указанных правовых явлений выступает следующее обстоятельство: продление правовых актов и их ультраактивность непосредственно связаны с темпоральным аспектом их действия.

«Переживание» (ультраактивность – от лат. *ultra* – далее, более, сверх, часть сложных слов, означающая: крайний, находящийся за пределами²) применительно к нормативным актам³ представляет собой один из типов действия нормативных правовых актов во времени⁴, который характеризует ситуацию, когда старый норматив-

ный акт, отмененный новым, в какой-то мере действует и после утраты своей юридической силы, продолжая регулировать отношения, которые возникли на его основе, и после даты вступления в силу нового акта. Он как бы «переживает» отведенный ему срок, в определенной степени продолжая регулировать отношения и после введения в действие нового нормативного акта⁵.

«Переживание» старого правового акта и его применение при разрешении спорных ситуаций позволяют осуществить наиболее плавный способ организации перехода от старых отношений к новым в целях обеспечения «стабильности и преемственности правового регулирования общественных отношений»⁶.

В целом продление действия правового акта и «переживание» актом сроков своего действия имеют общую конечную правовую цель: осуществление регламентации той или иной сферы общественных отношений именно посредством продляемого правового акта, срок действия которого истекает, или посредством акта, утратившего свою силу, в целях обеспечения стабильности правового регулирования.

Применительно к проблеме переживания правовым актом сроков своего действия А. А. Тилле указывает, что при ультраактивности «как бы продляется жизнь старого закона»⁷. Однако указанное объединение, смешение данных понятий можно провести довольно условно, лишь с оговоркой⁸, поскольку данные правовые явления отличаются друг от друга.

Выявление признаков, **отличающих** указанные понятия, позволяет более глубоко рассмотреть различные способы воздействия на общественные отношения.

Продление возможно лишь в отношении действующих правовых актов, принятых на определенный срок, причем если срок дей-

¹ См.: Законы Иван. обл. и док. Законодат. Собрания. 2001. № 16.

² См.: Современный словарь иностранных слов. С. 629.

³ В научной литературе в основном исследованию подвергнута проблема переживания своих сроков действия законом или нормативным правовым актом в целом (см.: *Алексеев С. С.* Общая теория права: Курс в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 246; *Бахрах Д. Н.* Действие норм права во времени: Теория, законодательство, судебная практика. М., 2004. С. 158–178; *Тилле А. А.* Указ. соч. С. 40, 197). При этом практически не изученными остаются вопросы «переживания» иных правовых актов.

⁴ См.: *Алексеев С. С.* Указ. соч. С. 241; *Бахрах Д. Н.* Действие норм права во времени: Теория, законодательство, судебная практика. С. 158–159; *Тилле А. А.* Указ. соч. С. 40.

⁵ См.: *Алексеев С. С.* Указ. соч. С. 246.

⁶ *Бахрах Д. Н.* Три способа действия во времени новых правовых норм и три способа прекращения действия старых норм. С. 10.

⁷ *Тилле А. А.* Указ. соч. С. 73.

⁸ В юридической литературе при определении понятия «переживание» указывается на то, что акт продолжает действовать «в какой-то мере» (см.: *Бахрах Д. Н.* Три способа действия во времени новых правовых норм и три способа прекращения действия старых норм. С. 8; *Алексеев С. С.* Указ. соч. С. 246).

ствия данных актов не истек, а акты не являются отмененными или иным образом утратившими силу.

О «переживании» правового акта можно говорить лишь применительно к акту, официально не действующему (отмененному, сроки действия которого истекли и т. п.), утратившему юридическую силу. Например, Закон РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» от 3 июля 1991 г. № 1531-1¹ был признан утратившим силу в связи с принятием Федерального закона «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ², однако данный закон был применен судом при рассмотрении конкретного спора (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 октября 2005 г. № 5983/05 по делу № А40-28071/04-52-321³).

При продлении действия правового акта он является действующим. При «переживании» правовой акт уже является утратившим свою силу, продолжая действовать «в какой-то мере» (в данном случае именно важен акцент на фразе «в какой-то мере»).

При исследовании проблемы действия во времени правового акта необходимо учитывать не только время, в течение которого акт находится в силе (сроки календарного действия), но и предметные пределы его осуществления (на какие факты, отношения этот акт распространяется)⁴. Указанные положения об ультраактивности находят отражение в формулировках правовых актов и юридической практике. Так, согласно ст. 233 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ⁵ данный закон применяется арбитражными судами при рассмотрении дел о банкротстве, производство по которым возбуждено после вступления его в силу. По делам, производство по которым возбуждено до вступления в силу настоя-

щего Федерального закона и до момента завершения процедуры банкротства (внешнего управления, конкурсного производства или мирового соглашения), введенной до вступления настоящего Федерального закона в силу, применяются нормы Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁶.

С указанным выше различием связано следующее обстоятельство, отличающее понятие «продление» от понятия «переживание» правового акта.

При продлении действия правового акта увеличиваются календарные сроки его действия. Так, Указом Президента Российской Федерации от 12 декабря 2005 г. № 1437⁷ был продлен срок реализации федеральной программы «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)» на 2006–2007 гг.

«Переживание» правового акта – это способ утраты правовым актом своей юридической силы, способ прекращения действия, когда календарные сроки действия данного акта заканчиваются (акт утрачивает юридическую силу), однако данный акт «в какой-то мере продолжает действовать».

Продляемый правовой акт распространяет свое действие как на общественные отношения, сложившиеся до его продления (т. е. увеличения срока его реализации), так и на отношения, возникшие на его основе после продления его действия.

Сфера же применения акта, «переживающего» сроки своего действия, ограничена лишь теми длящимися отношениями, которые возникли на основе данного акта в период, предшествующий утрате им юридической силы.

При продлении действия правового акта не появляется нового акта, регулирующего аналогичную сферу общественных отношений. При ультраактивности правового акта нередко издается новый акт, приходящий на смену акту, утратившему свою юридическую силу.

В заключение следует еще раз подчеркнуть теоретическую и практическую значимость рассмотренных в статье вопросов, поскольку отождествление указанных выше феноменов

¹ См.: Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.

² См.: СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3595.

³ См.: Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. 2006. № 3.

⁴ См.: Бахрах Д. Н. Действие правовой нормы во времени // Сов. государство и право. 1991. № 2. С. 12.

⁵ См.: СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁶ См.: там же. 1998. № 2. Ст. 222.

⁷ См.: там же. 2005. № 51. Ст. 5514.

ведет к возникновению ошибок и иных погрешностей в правотворческой и других разновидностях юридической практики.

Библиографический список

1. Бахрах, Д. Н. Действие норм права во времени: Теория, законодательство, судебная практика / Д. Н. Бахрах. – М., 2004.

Ю. С. Блинов,

старший научный сотрудник

научно-исследовательского отделения

факультета внебюджетного образования

ВЮИ ФСИН России

доктор юридических наук, профессор

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙ

В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Отдельное слово или группа слов содержит в себе информацию, которая воспринимается субъектом восприятия в том значении, которое адекватно смыслу, заложенному словом в сознание ранее. И. Ленгарт такое явление называет *антиципацией* (лат. *anticipatio*), т. е. заранее составленное представление о том, что означает слово или конструкция слов¹.

Следовательно, можно выработать отдельные конструкции слов, понятий, которые воспринимаются определенным кругом субъектов как содержащие только им понятный смысл. Для других, не входящих в этот круг лиц, такие понятия или не имеют смысла, или имеют иной смысл, или относятся к разряду не используемых. Именно на этом обстоятельстве основан жаргон и его синонимы – арго, сленг². Так, оперативно-розыскная энциклопедия дает толко-

2. Карташов, В. Н. Теория правовой системы общества. В 2 т. Т. 1 / В. Н. Карташов. – Ярославль, 2005.

3. Талалаев, А. Н. Право международных договоров: Действие и применение договоров / А. Н. Талалаев. – М., 1985.

4. Тенилова, Т. Л. Время в праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.

вание понятию «жаргон представителей преступного мира» и перечень работ, посвященных этому вопросу от 1912 г. до настоящего времени³.

Проблемой языка практики и теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел всегда уделялось должное внимание и в настоящее время к ней обращено внимание многих исследователей. В их числе: В. М. Аتماжитов, В. Г. Бобров, В. И. Елинский, И. А. Климов, А. Г. Маркушин, Г. К. Синилов⁴ и др.

Язык практики и теории оперативно-розыскной деятельности по определению А. Г. Маркушина, – «...это система ее общих и частных понятий, выраженных определениями и терминами... точность и ясность формулировок определений, четкое их языковое воплощение, правильное и единообразное употребление терминологии выполняют значительные коммуникативные и познавательные функции»⁵.

В исследованиях, посвященных языку оперативно-розыскной деятельности, как правило (и это вполне естественно), большее внимание уделяется развитию общена-

¹ См.: Ленгарт И. Процесс и структура человеческого учения. М., 1970. С. 287.

² Жаргон (фр. *jargon*) – речь какой-либо социальной или профессиональной группы, отличающаяся от общеразговорного языка особым составом слов или выражений, например, которыми пользуются все ученые соответствующей специальности; условный язык, понятный только в определенной среде; арго (фр. *argot*) – речь определенных социально замкнутых групп, например, воровских, школьных; сленг (англ. *sleng*) – слова или выражения, употребляемые людьми определенных возрастных групп, профессий (см.: Словарь иностранных слов. М., 1981. С. 183, 52, 473).

³ См.: Оперативно-розыскная энциклопедия / Авт.-сост. проф. А. Ю. Шумилов. М., 2004.

⁴ См.: Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. М., 2001. С. 7–31; Климов И. А., Синилов Г. К. Методология развития теории и совершенствования практики ОРД в условиях современного российского общества: Проблемы теории и практики // Материалы науч.-практ. конф. М., 2002. С. 22–35; Елинский В. И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: Моногр. М., 2001; Маркушин А. Г. Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (правовые, моральные, организационные и тактические аспекты): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.

⁵ Маркушин А. Г. Указ. соч. С. 18.

учных терминов, между тем наличие оперативно-розыскного сленга¹ никто не отрицает. Это своего рода язык профессионалов, потребность в котором выработана в силу ряда обстоятельств, одним из которых следует считать потребность оперативных работников в профессиональном общении, не раскрывая содержания озвученного.

На формирование оперативно-розыскного сленга, с одной стороны, влияют конкретный исторический период (современный сленг отличен от сленга послевоенного времени), территориальные особенности (влияние местного наречия), а с другой стороны, он не восприимчив к изменениям, даже если это происходит на уровне нормативных документов министерств и федеральных служб.

Далее остановимся на некоторых понятиях, используемых в нормативных актах правоохранительных органов. Так, одним из них, имеющих довольно широкое распространение, может служить понятие «справка-меморандум». Для того чтобы понять, насколько такое сочетание слов имеет право на жизнь, обратимся к словарю русского языка.

Справка – сведения, полученные или сообщаемые кем-либо или документ с краткими сведениями, данными о ком-либо, о чем-либо.

Меморандум – документ с изложением взглядов по какому-либо вопросу.

Так что же тогда такое «справка-меморандум»?

Ранее такие понятия, как «справка» и «меморандум» использовались, но независимо друг от друга. Так, Инструкция Внутреннего распорядка работы в органах ВЧК, объявленная приказом ВЧК от 17 июля 1921 г. № 216, устанавливала определенную последовательность осуществления «негласного расследования»:

- агентурные действия (сбор доказательств, изобличающих разрабатываемых);
- оперативные действия (аресты, задержания и т. п.);
- производство дознания.

По каждому из этих этапов Инструкция предусматривала составление или справки,

или меморандума, но указанные документы по своему характеру, полноте сведений имели различное значение.

В справке содержались сведения о результатах проведенной работы. Такой документ существует и в настоящее время – справка о проверке сообщения, проделанной работе и т. п.

Меморандум – документ, который рекомендовалось составлять по окончании определенных этапов проведения негласного розыска с *изложением взглядов на результат проделанной работы*. Он, как правило, составлялся на момент окончания оперативно-розыскного производства по делам оперативного учета.

Представляется, что возродить сейчас традицию составления меморандума было бы целесообразно.

Обратимся к еще одному понятию оперативно-розыскной деятельности, достаточно часто используемому и в теории, и на практике – «оперативное обслуживание».

Такое понятие было введено циркуляром НКВД РСФСР от 29 ноября 1919 г. № 8388 для решения задач обеспечения сохранности государственной собственности. Выполнение этой функции возлагалось на специальные подразделения рабоче-крестьянской милиции (промышленную, железнодорожную, речную и т. п.), которые создавались на договорных началах и содержались за счет тех объектов, на чьей территории выполняли свои функции. То есть термин «оперативное обслуживание» в данном случае полностью соответствует его словарному толкованию.

Так, в экономическом и юридическом словаре содержится 20 различных словосочетаний со словом «обслуживать» и каждое из них *подразумевает заключение соглашения на обслуживание*².

Таким образом:

- *во-первых*, понятие «обслуживать» предусматривает, что имеет место оказание услуг одного субъекта другому;
- *во-вторых*, установление таких отношений предполагает договор, т. е. один субъект обязуется выполнить определенную соглашением услугу, а второй – ее оплатить;

¹ Из приведенных выше терминов автору представляется, что по отношению к рассматриваемой проблеме наиболее подходящим выражением следует считать «оперативно-розыскной сленг».

² См.: Экономический и юридический словарь / Под ред. А. Н. Азриляна. М., 2004. С. 466–469.

– *в-третьих*, договор предусматривает контроль со стороны того, с кем он заключен.

Поэтому наша точка зрения по этой проблеме может быть представлена следующими выводами.

Термин «оперативное обслуживание» является не корректным как в отношении деятельности субъекта, так и объекта. Например, проституция и места, где оказываются интимные услуги, безусловно, находятся под пристальным вниманием оперативных работников, но при этом ими не обслуживаются.

В этом смысле более правильно отражает суть происходящего понятие «контроль и надзор». Действительно, правоохранительные органы наделены *контрольно-надзорной функцией*. По ней мы понимаем систематическое наблюдение за точным исполнением должностными лицами и гражданами законов и иных нормативных актов в целях выявления, предупреждения и раскрытия преступлений.

Следующее понятие, используемое в регулировании оперативно-розыскной деятельности, – это «обеспечение», которое используют в различной интерпретации и прежде всего «оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования», а также обеспечение сопровождения последнего.

Ни Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ¹, ни УПК РФ² это понятие не содержат.

Так, ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть *использованы* для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела и *использоваться* в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Анализ норм УПК 1923 г. и 1960 г. также позволяет утверждать, что по отношению к результатам оперативно-розыскной деятельности законодатель понятие «обес-

печивает» не применял, а ограничивался термином «*использует*».

Следует отметить, что законодатель на протяжении всей истории существования уголовно-процессуального права был весьма осторожен относительно того, чтобы допускать результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве самостоятельного процессуального средства при расследовании преступлений.

В итоге осуществления оперативно-розыскной деятельности накапливаются сведения о признаках подготавливаемых, совершаемых, совершенных преступлений и их участниках. Когда такое накопление сведений оценивается как достаточное, их передают органам предварительного расследования (вот где, на наш взгляд, необходимо составлять меморандум), которыми и принимается решение о производстве по возбужденному уголовному делу и порядке использования представленных оперативно-розыскных сведений. Далее, в процессе проведения следственных действий, оперативный работник выполняет отдельные поручения. Поскольку и следователь, и оперативный работник призваны решать общую задачу, то им необходимо взаимодействовать.

Выскажем свою точку зрения и по следующему поводу. Окончание оперативно-розыскного производства по делам оперативного учета, предусматривается как прекращение или как реализация. Для дел оперативной проверки и оперативных дел – и прекращение, и реализация, а для иных дел – только прекращение. Нам это представляется не совсем оправданным. Термин «реализовано» может быть применен только к материалам дела, но не по отношению к самому делу. В связи с этим наше предложение сводится к следующему. В качестве отчетных для всех дел оперативного учета следует применять только два показателя:

– прекращено по основаниям, достигшим цели (указывается соответствующий пункт прекращения);

– прекращено по иным основаниям (указывается соответствующий пункт прекращения).

К основаниям, достигшим цели, следует отнести: а) лица, подготавливающие, совершающие, совершившие преступление установлены, привлечены к уголовной от-

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2007.

ветственности и в отношении их вступил в силу обвинительный приговор суда; б) уголовное дело прекращено в установленном порядке, в связи с которым заведено дело оперативного учета; в) акт амнистии, если он освобождает проверяемых, разрабатываемых от уголовной ответственности.

К прекращенным по иным основаниям добавим: а) преступление предупреждено, в результате чего группа, сформировавшаяся с преступными целями, разобщена, а ее члены отказались от совершения подготавливаемого преступления; б) неподтверждение данных, на основании которых начата оперативная разработка, или отсутствие в деянии состава преступления; г) смерть разрабатываемого. Таким образом, наше предложение сводится к тому, чтобы унифицировать систему учета исполнения оперативно-розыскного производства по делам учета.

Обозначим свою точку зрения и по поводу того, как писать понятия «оперативно-розыскная» или «оперативно-разыскная» деятельность. Не согласиться с мнением ученого-лингвиста М. Королевой трудно¹. Рассматривая суть проблемы, она отмечает, что по непонятным причинам до 1991 г. было принято написание «розыскной» даже

в словарях, что, с ее точки зрения, противоречило орфографическим нормам. Можно только сожалеть об этом, но подобное написание укоренилось и используется в официальных документах до сих пор (УПК РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и утвержденная приказами восьми министерств и федеральных служб Инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд от 17 апреля 2007 г.²). Поэтому представляется, что правильнее сделать для этого написания исключение и не «ломать копий» по данному поводу.

Таковы наши взгляды, далеко не бесспорные, на содержание некоторых понятий, используемых в теории и практике оперативно-розыскной деятельности.

Библиографический список

1. Маркушин, А. Г. Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (правовые, организационные и тактические аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1994.
2. Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. проф. А. Ю. Шумилов. – М., 2004.

В. В. Богатырев,

*заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

РОЛЬ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

В настоящее время телевидение является одним из самых доступных и востребованных средств массовой информации. Если для входа в Интернет необходимо иметь персональный компьютер и владеть навыками работы с ним, то телевизионные приемники доступны практически всем и их эксплуатация не требует специальной подготовки. Телевидение само по себе, как, впрочем, и любое другое великое изобретение, – обоюдоострое оружие. Оно может

нести в себе как позитивное начало, так и негативное, а его эффективность всецело зависит от того, в чьих руках оно находится и какие цели с помощью его преследуются.

Следует отметить, что телевидение обладает практически неограниченными возможностями в формировании сознания масс³. Данный эффект достигается благодаря манипулированию информационно-эмоциональным зарядом, который содержится благодаря своей наглядности в зрительной телевизионной картинке. Нет лучшего доказательства для человека, чем убедиться воочию о наличии того или иного явления. Неудивительно, что, получив изображение, массы зрителей уже не просто внимают сообщению, а как бы переносятся в особый мир телевидения, претендующий на адекватность реальности.

¹ См.: Королева М. Разыскивается танцовщица // Рос. газ. 2005. 21 янв.

² См.: Рос. газ. 2007. 16 мая.

³ См.: Силин А. Телевидение без берегов? // Новый мир. 1996. № 1. С. 227.

С одной стороны, мир, созданный с помощью электронного изображения, реален, поскольку построен на событиях и фигурах, взятых из жизни. С другой – этот мир определенно являет собой деформированную, искаженную реальность, подделку реальности, но подделку во многом весьма профессиональную, наглядную и впечатляющую, а поэтому действенную. Важно, что действенность этого мира – не только следствие произвола телевизионных работников, выполняющих чей-то социальный заказ, но и действительность, отражающая мировоззрение тележурналистов, формирующих данную реальность. По своей сути, мир, созданный телевидением, всегда субъективен.

Внедряя в сознание людей субъективные иллюзии, телевидение, особенно программы, демонстрирующие негативные модели поведения, оказывает в большинстве случаев неблагоприятный эффект на психические функции человека и его энергетику¹. Дело в том, что сами телепередачи, независимо от своего содержания, оказывают на зрителя выраженное гипнотическое действие, изменяя состояние его психики. Одна из причин гипнотизирующего действия телепередач кроется в том, что восприятие ее материалов приводит к большому расходу энергии. Именно поэтому некоторые авторы именуют телевизор энергетическим вампиром. Человеку кажется, что он сидит и физически отдыхает, однако быстро сменяющиеся на экране зрительные картины непрерывно активизируют в его долговременной памяти множество образов, составляющих опыт его индивидуальной жизни. Сам по себе зрительный ряд телеэкрана требует непрерывного осознания визуального материала, порождаемые им ассоциативные образы порождают определенные интеллектуальные и эмоциональные усилия по их оценке и затормаживанию. Нервная система, особенно у детей, будучи не в силах выдержать такой интенсивный процесс опознавания, уже спустя 15–20 мин формирует защитную тормозную реакцию в виде гипноидного состояния, которое резко ограничивает восприятие и переработку информации, при этом усиливаются процессы ее запечатления и программирования поведения. К сожалению, тематические телевизионные пере-

дачи на фоне развивающегося транса могут формировать у зрителя отрицательные поведенческие программы: прививать дурные привычки, формировать неврозы и даже провоцировать преступные действия.

Телевидение обладает уникальной способностью программировать поведение человека, так как легко создает у него психологические установки, неосознаваемое стремление к повторению однажды пережитых состояний. З. Фрейд такого рода влечения называл «вынужденными повторениями» и побуждающую их силу ставил выше принципа удовольствия. Когда что-то делается легко и приятно, у многих формируется потребность повторять это действие. Даже одиночное переживание определенной цепочки информационно-эстетического воздействия (сюжета) формирует предрасположенность к повторному переживанию идентичного состояния. Так, у зрителя, смотрящего телевизор и испытывающего чувство удовлетворенной справедливости за трудную победу героя, подсознательно возникает потребность к повторению испытанных эмоций. Он с радостью воспримет вторую серию показанной истории, а затем все с большим возбуждением – все остальные. При этом у зрителя, как правило, возникнет желание встать на место телевизионного героя и испытать пережитые состояния, но теперь уже в реальной жизни.

Еще больше проблем в психологическую безопасность личности вносят техники внедрения в подсознание. Средства массовых коммуникаций, пишет У. Ки, применяя специальную технику воздействия на подсознание, «насилуют наши чувства ежедневно в течение многих часов. Это насилие со стороны масс-медиа обладает специфическими свойствами управлять, манипулировать человеческим поведением и контролировать его в интересах многомиллионной национальной экономики. Сама проблема подсознательных воздействий непосредственно связана с вопросом о порогах восприятия органов чувств. Как известно, для того чтобы тот или иной сигнал был воспринят сознанием, его сила должна достигать определенной величины. Сигналы, не воспринимаемые сознанием, оказываются, таким образом, подпороговыми»².

¹ См.: Гримак Л. П. Гипноз и телевидение (источники нашей страсти к телевидению) // Прикладная психология. 1999. № 1. С. 74–79.

² Источник: Гримак Л. П., Кордобовский О. С. Осознанные проблемы бессознательного // Прикладная психология. 1998. № 3. С. 75–85.

Каноническим примером служит 25-й кадр. Обычная скорость киноплёнки, необходимая для порогового восприятия движения составляет 24 кадра в секунду. Прием состоит в том, что в плёнку монтируется еще одна картинка, которая не имеет отношения к сюжету фильма, но ежесекундно мелькает перед зрителем. Зафиксировать ее невооруженным глазом практически невозможно, и человек не замечает и не сознает, что видел что-либо, кроме фильма. Однако частое мелькание перед глазами одного и того же образа возбуждает определенное желание. Например, если была изображена реклама «Кока-Колы», то очередь к киоску из кинозала значительно возрастает. Этот эффект, впервые продемонстрированный в 1957 г. американским психологом Д. Вайнеки, имеет бесчисленное количество технических модификаций. Например, одновременно на один и тот же экран могут быть нацелены два кинопроектора, по одному из которых демонстрируется фильм, а другой, гораздо слабее, ежесекундно «выстреливает» рекламную картинку. Так, в 2000 г. в печати сообщалось о том, что Екатеринбургскую компанию АТН («Авторские телевизионные новости») лишили лицензии за манипуляцию сознанием телезрителей. Было доказано, что в ее передаче вмонтирован 25-й кадр с призывом: «Сиди и смотри только АТН!»¹.

Непосредственным толчком для использования в коммерческих целях методов «внедрения в подсознание» послужило изобретение в 1962 г. специального прибора, представляющего собой своеобразный тахистоскоп – устройство, посылающее на экран во время киносеанса рекламные кадры – импульсы, повторяющиеся каждые 5 с с экспозицией $\frac{1}{3000}$ с.

Сознание человека, его разум не в состоянии воспринимать информацию рекламных импульсов с такой скоростью, и они остаются незамеченными даже для человека, пытающегося их обнаружить. Тщательная работа над рекламным материалом с использованием методов «подсознательного внушения» приводит к тому, что его «убеждающий потенциал» достигает высшей отметки. Это вроде бы неспецифическое действие телепе-

редач проявляется настолько сильно, что некоторые специалисты сравнивают его с влиянием алкоголя и наркотиков.

Американский теоретик информационных систем Мария Винн отмечает: «Совсем не отличаясь от наркотиков или алкоголя, телепереживание позволяет своему участнику вычеркнуть мир реальный и войти в приятное и пассивное состояние. Тревоги и заботы с помощью поглощенности телепрограммой куда-то вдруг исчезают так же, как и при выходе в путешествие, вызванное наркотиками или алкоголем. И точно так же, как алкоголики лишь смутно сознают свое пристрастие, чувствуя, будто контролируют свое состояние больше, чем на самом деле... Телезритель подобным же образом переоценивает свой контроль, свое владение ситуацией во время просмотра телепередачи. В конечном счете, именно это вредное влияние телевидения на жизнь огромного числа людей определяет его как фактор серьезного пристрастия»².

Бурное развитие коммуникационных технологий масс-медиа привело к тому, что сегодня проблема экологии информационной сферы выглядит еще более зловеще, чем экология биологической среды обитания. Знание отрицательных моментов, конечно же, не требует отмены телевидения, но соответствующие «фильтры» просто необходимы.

В связи с вышесказанным необходимо отметить, что исследовательские работы в сфере особенностей воздействия телевидения на людей активно финансируются властью имущими, так как полученные результаты позволят усовершенствовать контроль над созданием населения, позволяющий снизить уровень недовольства социальным неравенством как в отдельно взятых странах, так и во всем мире. При этом необходимо уточнить, что влияние может осуществляться и на индивидуальном, и на массовом уровне.

Современное телевидение активно глобализируется, становясь мировидением благодаря развитию прямого спутникового вещания и кабельного телевидения. Характеризуя данный процесс создания глобального телевидения, профессор С. А. Муратов утверждает, что «сегодняшнее телевидение – предис-

¹ См.: Назаретян А. П. Сублиминальное воздействие // Прикладная психология. 2002. № 1. С. 22–24.

² Источник: Бекетова Е. В. Влияние телевидения на психику человека // <http://www.viu-online.ru/science/publ/bulleten16/page19.html>.

тория. История начинается с мировидения. Когда трансграничное вещание будет означать не только обмен информацией и культурой, но и создание новых ценностей, ориентированных на мировую аудиторию. Субъект телевидения – общество. Субъект мировидения – сообщество. Не государство, а человечество. Мировидение – кратчайшее расстояние между человеком и человечеством»¹.

Однако в формировании глобальных телевизионных сетей, покрывающих всю планету, явно просматривается неравномерное участие в данном процессе как государств, так и транснациональных компаний. Сегодня имеются явные лидеры данного явления, которые при этом определяют формы и методы подачи информации и формируют глобальную идеологию. Кто контролирует основные телевизионные потоки, тот и контролирует формы и методы глобализации человеческого сознания, внедряет в него модели возможного мироустройства и структурирует самого человека по заранее созданному эталону.

Лидерство в обладании телевизионными потоками во многом обусловлено слабым развитием коммуникационных технологий в странах второго и третьего мира, которые оказались за «цифровым» порогом телевизионной реальности. Как правило, в бедных странах не развита технологическая инфраструктура и наблюдается низкий профессиональный уровень журналистов, что и обуславливает доминирование глобальных западных телеканалов.

Данное положение вещей привело к дебатам о «вестернизации» культур и медиаимпериализме. В частности, исследователями телевидения выдвигаются следующие положения медиаимпериализма, спровоцированного эффектами глобализации:

- глобальные телесети способствуют зависимости национальных телевизионных компаний от интернациональных;
- несбалансированный поток информации разрушает культурную автономию или задерживает ее развитие;
- новостной дисбаланс усиливает мировую мощь крупных и процветающих стран-поставщиков новостей и препятствует укреплению национальной идентичности;

¹ Муратов С. А. Телевидение в поисках телевидения. М., 2001. С. 146.

– глобальные медиапотоки ведут к культурной гомогенизации и синхронизации культур, выделяя доминирующую форму культуры, которая не имеет связи с реальной жизнью большинства людей².

На современном этапе можно выделить целый ряд глобальных и крупных региональных телеканалов, являющихся лидерами глобальных и региональных телесетей. К ним относятся:

– глобальные – CNN International; BBC World; CNBC; Bloomberg TV; ESPN International; National Geographic; Discovery; MTV; VH-1; Mezzo; TNT и т. д.;

– региональные – Euronews; Deutsche Welle; Sky News; Al-Jazeera; ANN; Eurosport; Eurosportnews; TV 5; TVE; BBC America; MBC; BBC Prime и т. д.³

При этом общая зрительская аудитория международных каналов в 2000 г. составляла, млн чел.: CNN International – 18,869; Euronews – 14,361; Sky News – 11,366; BBC World – 8,282; Eurosportnews – 6,588; CNBC – 7,126; Bloomberg TV – 3,455⁴.

Суммируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что современное телевидение является активным инструментом формирования глобального человеческого сознания. С его помощью активно ведется вмешательство в личную жизнь людей. Используя возможности телевидения, мировая элита структурирует мир по тем параметрам, которые ее устраивают, внедряя в сознание людей чуждые им ценности и институты. В связи с этим сегодня назрела острая необходимость создания системы глобальной безопасности человечества, которая могла бы защитить его психологическое здоровье от постороннего вмешательства.

Библиографический список

1. Гримак, Л. П. Гипноз и телевидение (истоки нашей страсти к телевидению) / Л. П. Гримак // Прикладная психология. – 1999. – № 1.
2. Назаретян, А. П. Сублимinalное воздействие / А. П. Назаретян // Прикладная психология. – 2002. – № 1.
3. Силин, А. Телевидение без берегов? / А. Силин // Новый мир. – 1996. – № 1.

² См.: Орлова В. В. Глобальные телесети на информационном рынке. М., 2003. С. 25.

³ См.: там же. С. 49–50.

⁴ См.: там же. С. 119.

И. В. Головинская,
заведующий кафедрой
социально-экономических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

СОБЛЮДЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ МИРОВЫМ СУДЬЕЙ

Рассмотрение уголовного дела мировым судьей заканчивается принятием итогового судебного решения в виде постановления или приговора. Правовая природа названных документов так же различна, как и различны последствия их вынесения для участников уголовного судопроизводства.

Так, постановление о прекращении уголовного дела по своей правовой природе является судебным документом – материальным носителем информации¹. Это – юридический акт, фиксирующий любое решение (за исключением приговора), вынесенное судьей единолично².

Представляется, что значимость вынесения постановления о прекращении уголовного дела в аспекте уголовно-процессуальной деятельности мирового судьи чрезвычайно велика и обусловлена тем, что прекращение уголовного дела, как следует из ч. 3 ст. 24 УПК РФ, влечет прекращение уголовного преследования. При этом признаются исчерпанными все уголовно-процессуальные отношения, возникшие в связи с определенным событием преступления³.

Мировой судья в процессе судебного разбирательства уголовного дела руководствуется общими требованиями УПК РФ к постановлению тех или иных судебных документов. Прекращение уголовных дел в судебном заседании им осуществляется в соответствии со ст. 254 и 431 УПК РФ.

Системный анализ оснований прекращения уголовного дела мировым судьей в су-

дебном заседании позволил условно сгруппировать их по соответствующим признакам.

К **первой группе** нами отнесено одно из оснований прекращения уголовного дела, изложенное в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – *истечение сроков давности уголовного преследования*.

УПК РФ, равно как и УК РФ, основан на гуманистических началах, одним из аспектов которых и выступает институт давности. Мы разделяем мнение коллектива авторов учебника «Уголовное право Российской Федерации», которые, исследуя названный институт с точки зрения уголовно-правовой доктрины, отмечают, что, во-первых, угроза уголовной ответственности не может довлеть над человеком в течение всей его жизни, а во-вторых, привлечение к уголовной ответственности по истечении определенного срока превращается в неоправданную месть и поэтому теряет смысл и необходимость с точки зрения общей и специальной превенции, хотя объективно совершенное лицом деяние полностью не утратило своей общественной опасности. Кроме того, совершенное действие или бездействие со временем утрачивает общественный резонанс, оно сглаживается в памяти людей, и вновь вспоминать его бессмысленно с точки зрения гражданского правосознания⁴.

Все вышеизложенное определяет необходимость существования в уголовном законодательстве института давности привлечения к уголовной ответственности⁵.

В ст. 78 УК РФ закреплено правило, в соответствии с которым лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения им преступления прошли установленные законом дифференцированные по степени тяжести деяния сроки⁶. Именно этими сроками руководствуется мировой судья при вынесении постановления о прекращении уголовного дела.

Следует отметить, что первым существенным условием вынесения мировым

¹ См.: Краткий юридический словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 193.

² См.: *Россинский С. Б.* Уголовный процесс России: Курс лекций. М., 2007. С. 87.

³ См.: *Гриненко А. В.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2006. С. 101; *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. С. 39.

⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учеб. / Под ред. А. И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.

⁵ См.: *Наумов А. В.* Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование (постатейный) / Под ред. Г. М. Резника. М., 2005.

⁶ См.: *Фаргиев И. А.* О сроках давности уголовного преследования // Рос. судья. 2006. № 9. С. 23.

судьей постановления о прекращении уголовного дела по данному основанию является согласие подсудимого, на что прямо указано в ч. 2 ст. 27 УПК РФ. Представляется, что для получения такого согласия от подсудимого или отказа от прекращения уголовного дела мировому судье необходимо руководствоваться ч. 1 ст. 11 УПК РФ, предусматривающей обязанность разъяснить участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, а также обеспечить возможность реализации этих прав.

Особенно актуально применение указанной нормы при производстве по уголовным делам частного обвинения. Как показывает практика, сторонами в таких делах, как правило, выступают обыватели, чья осведомленность в тонкостях уголовного процесса слишком низка. Кроме того, представителем обвиняемого (подсудимого) не всегда выступают профессиональные адвокаты, так как в силу ч. 2 ст. 49 УПК РФ при производстве у мирового судьи в качестве защитника как наряду с адвокатом, так и вместо него могут быть допущены один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Именно поэтому роль мирового судьи в разъяснении права на прекращение уголовного дела столь значительна.

Считаем, что отказ подсудимого от прекращения уголовного дела, допускаемый ч. 2 ст. 27 УПК РФ, должен найти отражение в протоколе судебного заседания. При наличии отказа производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

Вторым основанием прекращения уголовного дела в первой группе предложенной нами классификации является *смерть подозреваемого или обвиняемого* (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Полагаем, что прежде чем вынести постановление о прекращении уголовного дела, мировой судья должен установить два обстоятельства: причастность умершего к совершению преступления и факт смерти этого лица. Исключение составляют случаи, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

Третьим основанием вынесения постановления о прекращении уголовного дела мировым судьей, отнесенным нами к первой группе, является ч. 6 ст. 321 УПК РФ – *обнаружение в ходе судебного разбирательства в*

действиях лица, в отношении которого подано заявление, признаков преступления, не предусмотренного ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Допуская возможность прекращения уголовного преследования по указанному основанию, законодатель обуславливает его обязательными действиями мирового судьи: последний обязан вынести постановление о прекращении уголовного преследования по делу и направить материалы руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения, о чем уведомить потерпевшего или его законного представителя. Данная норма весьма значима ввиду недопущения отказа в доступе к правосудию и направлена на скорейшее установление и привлечение к ответственности виновного в совершении преступления лица, при этом обязанность поддержания обвинения возлагается на представителя государственного органа – государственного обвинителя.

Вторая группа оснований для вынесения постановления о прекращении уголовного дела, предусмотренных в ст. 254 УПК РФ, обусловлена отсутствием документов, допускающих возможность возбуждения уголовного дела: пп. 5 и 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Исходя из изложенных правовых норм можно резюмировать, что нарушение порядка возбуждения уголовного дела в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ и ст. 448 УПК РФ неизменно влечет необходимость вынесения постановления о прекращении уголовного дела мировым судьей в судебном заседании.

Третья группа рассматриваемых оснований, предусмотренных в ст. 254 УПК РФ, обусловлена, по нашему мнению, изменениями уголовного закона (ч. 2 ст. 24 УПК РФ) или наличием императивного акта, выражающего волю государственно-властного органа (пп. 1–5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

Практике известны случаи прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом. В соответствии с указанной нормой в данной ситуации дело подлежит прекращению. Недвусмысленное понимание термина «подле-

жит прекращению» обязывает суд и мирового судью, в частности, вынести постановление о прекращении уголовного дела.

Вместе с тем возникает вопрос: вправе ли сторона ходатайствовать о продолжении рассмотрения уголовного дела до его разрешения по существу, если ч. 2 ст. 27 УПК РФ не предусматривает такой возможности. Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, содержится в определении Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 361-О. Поводом к вынесению данного определения послужила жалоба гражданина В. Т. Филиппова на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 24, ч. 4 ст. 133, ст. 239 и п. 1 ст. 254 УПК РФ. Рассмотрев данную жалобу, Конституционный Суд РФ указал, что «часть вторая статьи 24, часть четвертая статьи 133, статья 239 и пункт 1 статьи 254 УПК Российской Федерации не препятствуют суду рассмотреть по существу находящееся в его производстве уголовное дело, если до вынесения приговора новым уголовным законом устраняется преступность и наказуемость инкриминируемого обвиняемому деяния, и не лишают обвиняемого права на доступ к правосудию и права на эффективную судебную защиту»¹.

На наш взгляд, соответствующие изменения должны быть внесены в ч. 2 ст. 27 УПК РФ.

Исследование данной статьи выявило еще одну неточность. Так, согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Поскольку ч. 2 ст. 27 УПК РФ распространяет свое действие не только на случаи прекращения или продолжения производства по уголовному делу в досудебной стадии, но и в процессе судебного разбирательства, то представляется логичным наделить предоставленными в ней правами не только подозреваемого, обвиняемого, но и подсудимого.

К третьей группе оснований прекращения уголовного дела мы отнесли также *акт об амнистии*.

Мировой судья может прекратить уголовное дело или уголовное преследование

по указанным основаниям в отношении лиц, дела о преступлениях которых находятся в его производстве и не рассмотрены до вступления в силу постановления об амнистии, а также в отношении лиц, дела о преступлениях которых рассмотрены, но приговоры не вступили в законную силу.

Как показало исследование, мировой судья вправе прекратить уголовное дело по изложенному основанию только с согласия подозреваемого или обвиняемого, поскольку в этих случаях невиновность лица не констатируется, а лишь достигается компромисс между стороной обвинения и стороной защиты, когда обвиняемый не желает спорить с обвинением, воспользовавшись конституционным правом на судебную защиту своих прав и свобод (ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ)².

Отмечая бесспорные полномочия мирового судьи в вынесении постановления о прекращении уголовного дела вследствие акта об амнистии, небезынтересными представляются правовые последствия такого судебного решения для участников уголовного судопроизводства по делам частного обвинения.

Особенность этой категории дел обусловлена волей частного лица на их возбуждение и дальнейшее производство. По общему правилу прекращение данных дел также зависит от частных обвинителей. Однако применение акта об амнистии в отношении обвиняемого по уголовному делу частного обвинения освобождает последнего не только от уголовной ответственности и наказания, но и от обязанности каким-либо образом загладить вред и возместить ущерб, причиненный преступлением. Получается, что государственный акт полностью нивелирует волю частного обвинителя на продолжение рассмотрения уголовного дела до его разрешения по существу. В таком случае даже в порядке гражданского производства истец (вчерашний частный обвинитель) не сможет доказать свои права и потребовать возмещения вреда, на том основании, что ответчик не был признан виновным, так как прекращение уголовного дела в судебном заседании не устанавливает вины. Все это

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 нояб. 2004 г. № 361-О // Вестн. Конституц. Суда РФ. 2005. № 2.

² См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Под ред. П. А. Лупинской. М., 2005.

привносит дополнительные сложности при доказывании исковых требований в процессе гражданского судопроизводства.

Представляется, что в целях соблюдения диспозитивности уголовного процесса, соблюдения прав его сторон-участников необходимо внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 27 УПК РФ, указав на невозможность прекращения уголовного преследования по уголовным делам частного обвинения в случае возражения частного обвинителя, его представителя или законного представителя.

Таким образом, совокупность сформулированных нами предложений позволяет предложить следующую редакцию ч. 2 ст. 27 УПК РФ: «2. Прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в пунктах 3 и 6 части первой статьи 24, *части второй статьи 24*, статьях 25 и 28 настоящего Кодекса, а также *пункте 3 части первой настоящей статьи*, не допускается, если *против этого возражает подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, частный обвинитель, его представитель или законный представитель*. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке».

Следующие два основания третьей группы нашей классификации также обусловлены наличием актов государственных органов, в частности:

- вступившего в законную силу приговора суда по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению в отношении подсудимого, дело о преступлении которого рассматривает мировой судья;

- неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении подсудимого, дело о преступлении которого рассматривает мировой судья.

Данные основания прекращения уголовного дела воплощают в себе принцип справедливости уголовного наказания, на обязательность применения которого указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами уголовного наказания» от 11 июня 1999 г. № 40¹.

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 1999. № 8.

Считаем, что в силу значимости правовых последствий право принятия мировым судьей постановления о прекращении уголовного дела в соответствии с пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ является бесспорным.

Условием отнесения к **четвертой группе** рассматриваемой классификации оснований прекращения уголовных дел мировым судьей в судебном заседании является волеизъявление стороны обвинения на продолжение рассмотрения уголовного дела. Системный анализ норм УПК РФ позволяет выделить два таких основания:

- а) *отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения в силу ч. 7 ст. 246 УПК РФ;*

- б) *неявка потерпевшего в судебное заседание без уважительных причин в соответствии с ч. 3 ст. 249 УПК РФ.*

Рассмотрим подробнее каждое из указанных оснований.

Как известно, по уголовным делам, подсудным мировому судье, обвинение вправе поддерживать государственный или частный обвинитель. Их участие поставлено в зависимость от категории уголовного дела, и прекращение уголовных дел обусловлено их волей. Обладая государственно-властными полномочиями, государственный обвинитель поддерживает обвинение по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения. Но если в ходе судебного разбирательства он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

В юридической литературе неоднократно высказывались мнения относительно неконституционности ч. 7 ст. 246 УПК РФ².

² См., напр.: Кириллова Н. Правовые последствия отказа от обвинения // Законность. 2006. № 10. С. 50; Леви А. Отказ государственного обвинителя от обвинения // Там же. № 6. С. 43; Бояров С. Отказ прокурора от обвинения // Уголов. право. 2005. № 4. С. 58.

Мы, в свою очередь, также полагаем, что в данную правовую норму должны быть внесены соответствующие изменения, содержащие указание на обязанность суда выяснить позицию потерпевшего по вопросу прекращения уголовного дела.

Однако Конституционный Суд РФ в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П признал ч. 7 ст. 246 УПК РФ не противоречащей Конституции РФ.

Относительно неявки потерпевшего в судебное заседание без уважительных причин как основания вынесения мировым судьей постановления о прекращении уголовного дела считаем возможным сказать, что это положение представляется совершенно оправданным, поскольку определенная уголовно-процессуальным законом возможность поддерживать обвинение в суде является правом потерпевшего, а не обязанностью и инициатива возбуждения уголовного дела частного обвинения, равно как и продолжения его рассмотрения по существу, принадлежит только ему.

По своей природе данная процессуальная норма аналогична предыдущей. Отличие состоит только в форме отказа: неявка в судебное заседание потерпевшего без уважительных причин – это пассивная форма отказа от обвинения, а отказ обвинителя в судебном заседании от обвинения – активная форма процессуальной деятельности обвинителя как участника уголовного судопроизводства.

Пятая группа оснований вынесения мировым судьей постановления о прекращении уголовного дела основана на ч. 2 ст. 20, ст. 25, ч. 1 ст. 28 УПК РФ и зависит от поведения подсудимого после совершения преступления и его намерения загладить причиненный вред.

В данном случае общим условием прекращения уголовного дела являются предпринятые подсудимым меры по заглаживанию вреда, причиненного потерпевшему. Именно поэтому указанные процессуальные нормы объединены нами в одну группу.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ *по уголовным делам частного обвинения допускается примирение сторон* до удаления судьи в совещательную комнату.

Близкой по смыслу к указанной норме является ст. 25 УПК РФ, предусматриваю-

щая прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон.

Принятие такого решения мировым судьей должно иметь следующие основания: совершенное преступление относится к категории небольшой или средней тяжести и к уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения; совершено впервые; подсудимый примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред.

Сходной с названными выше процессуальными нормами является ч. 1 ст. 28 УПК РФ, регламентирующая условия *прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием*.

Аналогичны и признаки такого основания для прекращения уголовного дела мировым судьей: совершенное преступление относится к преступлениям небольшой или средней тяжести и к уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения; совершено впервые; после совершения преступления лицо явилось с повинной; способствовало раскрытию преступления; возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления; деятельно раскаялось и вследствие этого перестало быть общественно опасным.

Только наличие всей совокупности указанных признаков позволяет мировому судье прекратить уголовное дело в связи с деятельным раскаянием подсудимого.

Шестая группа оснований предложенной нами классификации обусловлена особенностью субъекта, в отношении которого уголовное дело может быть прекращено. Таким субъектом выступает несовершеннолетний. Выделение производства по уголовным делам в отношении данной категории лиц в специальную гл. 50 УПК РФ дало нам возможность определить основание прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельную группу.

Так, согласно ст. 431 УПК РФ, если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд прекращает уголовное дело в отношении такого несовершенно-

летнего и применяет к нему принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную ч. 2 ст. 90 УК РФ.

Разумность предоставленного судье права на прекращение уголовного дела не вызывает сомнений. Известно, что осуждение несовершеннолетних редко способствует их исправлению, и, как правило, по окончании отбывания срока наказания эти лица вновь становятся на путь «вне закона» и совершают преступления.

В заключение следует отметить, что все виды постановлений о прекращении уго-

ловного дела по основаниям, рассмотренным нами выше, выносятся в совещательной комнате, после чего оглашаются в зале судебного заседания.

Библиографический список

1. *Гриненко, А. В.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Гриненко. – М., 2006.

2. *Россинский, С. Б.* Уголовный процесс России : курс лекций / С. Б. Россинский. – М., 2007.

Ю. В. Грачева,

*доцент кафедры уголовного права
Московской государственной
юридической академии
кандидат юридических наук*

ПРАВОВЫЕ СВЯЗИ ИЛИ РЕГУЛЯТИВНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ?

В процессе уголовно-правового регулирования, осуществляемого при помощи системы правовых средств, происходит нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочивания и охраны. Эти общественные отношения образуют предмет уголовно-правового регулирования; помимо охранительных уголовно-правовых отношений, некоторые авторы¹ к ним относят и «обычные»² общественные отношения³. Каждая разновидность этих общественных отношений, составляющая предмет уголовно-правового регулирования, имеет свою особенность.

¹ См., напр.: *Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н.* Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989.

² Под ними понимаются общественные отношения, связанные с удержанием лица от преступного посягательства посредством угрозы наказания, содержащейся в регулятивной уголовно-правовой норме – предписании.

³ По нашему мнению, в предмет уголовно-правового регулирования, помимо названных общественных отношений, входят и регулятивные уголовно-правовые отношения, возникающие при реализации гражданами права на причинение вреда при защите от общественно опасных посягательств в состоянии необходимой обороны и т. д.

Регулирование первой группы отношений подчинено одной из задач, стоящей перед уголовно-правовой нормой, – применению в широком смысле санкции к правонарушителю⁴. Регулирование второй группы общественных отношений выполняет иную задачу – заставить лиц, как правило, анти-социально или асоциально настроенных, воздержаться от совершения преступления.

Само существование нормы права оказывает воспитательное воздействие на членов общества. Нормы права, отражая политические, моральные взгляды общества, направляя их развитие, имеют большое идеологическое значение⁵. Р. О. Халфина по этому поводу пишет: «Норма права может оказывать эффективное воздействие на мотивацию поведения именно тем, что препятствует совершению преступления. Таково общепреventивное значение норм, устанавливающих ответственность за правонарушение»⁶.

М. И. Ковалев отмечал: «Норма уголовного права обращена к конкретному гражданину не только санкцией, но и диспозицией, то есть она угрожает и предписывает, говоря гражданину, как надо и как не надо себя вести в определенной ситуации. Тем самым она всем гражданам или определенной категории их вменяет в обязанность конкретное поведение или, наоборот, за-

⁴ См., напр.: *Наумов А. В.* Применение уголовно-правовых норм (По материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Волгоград, 1973. С. 36.

⁵ См.: *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 54.

⁶ Там же.

прещает такое при каких-то условиях под угрозой уголовного наказания»¹.

В этой связи возникает вопрос, связано ли предупредительное воздействие уголовно-правовых норм на поведение людей с возникновением регулятивных уголовно-правовых отношений²?

Среди юристов немало тех, кто признает «обычные» общественные отношения в качестве предмета уголовно-правового регулирования, однако считает, что в этом случае требования норм уголовного права реализуются вне уголовных правоотношений³.

Например, Л. С. Явич полагает, что уголовно-правовое регулирование происходит в двух формах – при помощи правоотношений и вне их⁴. В последнем случае уголовно-правовое регулирование связано с реализацией абсолютных прав и всеобщих юридических обязанностей, предусмотренных уголовным законом⁵. В отличие от Р. О. Халфиной, Л. С. Явич указывает, что реализация правовой нормы (в частности, уголовно-правового запрета) вне правоотношений не отрицает, а наоборот, предполагает *связь* между правами и обязанностями, однако эта правовая связь не тождественна правовому отношению⁶.

Таким образом, в теории права существует мнение, что в результате воздействия

права на общественные отношения может возникнуть: а) правовое отношение или б) общественная правовая связь, причем последняя также включается в предмет правового регулирования⁷. По этой причине теоретиками права были предприняты попытки сформулировать отличия правовых связей от правоотношений.

«Во-первых, если правовые отношения могут иметь лишь конкретный состав своих субъектов, то состав сторон правовых связей не конкретизирован. Во-вторых, если объем и характер субъективных прав и юридических обязанностей субъектов в правовых связях вытекают прямо из закона, то в правовых отношениях объем и характер прав и обязанностей во многом зависят как от юридического факта, так и от волеизъявления сторон, поскольку в правоотношении, в отличие от юридической связи, имеет место поведение взаимодействующих лиц, тесно обусловленная деятельность»⁸.

Проанализируем эти отличия. Сначала остановимся на утверждении, что обязанная сторона не может быть конкретно определена и что «все, как известно, означает – никто»⁹. Однако столь же известно, что «все» означает также «каждый». Действительно библейские заповеди: «не убий», «не укради» и другие, – обращены ко всем, но ко всем субъектам уголовно-правового отношения, сколь бы много их ни было¹⁰.

Далее, конкретность той правовой связи, в которой находится адресат уголовно-правовой нормы, такова, что для практической реализации требования нормы не нужно каких-либо дополнительных обстоятельств, конкретизирующих ее правоотношение¹¹, необходимо только юридический факт, чтобы оно возникло. Справедливо утверждает Е. К. Нурпеисов: «Не все нормы права нуждаются в индивидуализации. Например, для соблюдения уголовно-правовых запретов нет никакой необходимости их индивидуализировать»¹².

¹ Ковалев М. И. Советское уголовное право: Курс лекций. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. Вып. 1. С. 96–97.

² И. С. Ретюнских называет эти общественные отношения – регулятивно-охранительными уголовно-правовыми. В обосновании своей позиции он отмечает, что регулируя в нужном направлении поведение людей, уголовное законодательство тем самым выполняет свои задачи по охране тех или иных общественных отношений от преступных посягательств (см.: Ретюнских И. С. Уголовно-правовые отношения и их реализация. Воронеж, 1997. С. 7–20). Чтобы не вносить дополнительной путаницы по анализируемому вопросу, нами будет использоваться употребляемая терминология, т. е. такие отношения будем называть регулятивными уголовно-правовыми.

³ См., напр.: Данышин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 175.

⁴ См.: Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 223.

⁵ Л. С. Явич отмечает, что о реализации уголовно-правовых запретов можно говорить «вне зависимости от того, соблюдаются ли они в силу нравственных убеждений или из страха наказания» (Явич Л. С. Указ. соч. С. 223; он же. Проблемы правового регулирования общественных отношений. М., 1961. С. 109).

⁶ См.: Явич Л. С. Общая теория права. С. 203–211.

⁷ См.: Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 58.

⁸ Явич Л. С. Общая теория права. С. 210.

⁹ Теория государства и права. Л., 1982. С. 335–336.

¹⁰ См.: Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 64.

¹¹ См.: там же.

¹² Нурпеисов Е. К. Психология правомерного поведения. Алма-Ата, 1984. С. 39.

Уголовно-правовая норма при наличии юридического факта, ею предусмотренного, порождает конкретные правоотношения по соблюдению имеющихся в ней предписаний. Если в качестве юридического факта выступает совершенное лицом преступление, то требование регулятивной уголовно-правовой нормы оказывается нарушенным, что ведет к возникновению охранительного уголовного правоотношения. Таким образом, от юридического факта зависит, какое уголовно-правовое отношение возникнет, а следовательно, объем прав и обязанностей его субъектов.

По мнению Ю. И. Гревцова, «образование правовых связей обусловлено главным образом формированием предпосылок для последующего юридического взаимодействия»¹. На этом этапе правового регулирования правовых общественных отношений еще нет, но создаются необходимые условия для их возникновения.

Однако этот довод, на наш взгляд, достаточно уязвим. Если в процессе соблюдения лицом уголовно-правового запрета возникает правовая связь между ним и государством, то для какого последующего юридического взаимодействия это создает предпосылки? Полагаем, что ни для какого, поскольку при соблюдении подобных запретов прекращается всякое последующее взаимодействие субъектов.

Различие между общественной связью и общественным отношением проявляется, по мнению Л. С. Явича, в особенностях их социального содержания, характере и структуре правового поведения². Такой же позиции придерживается Ю. И. Гревцов, который отмечает, что если реализация конкретных правоотношений в большинстве случаев основана на взаимодействии их субъектов, то деятельность в рамках правовых связей не есть, в строгом смысле, взаимодействие, поскольку правовые связи, «как правило, предоставляют возможность не взаимодействия, а самостоятельного поступка. Таким образом, относительно самостоятельное поведение субъекта общественной правовой связи и составляет ее непосредственное содержание»³.

Однако эти утверждения не бесспорны⁴. При исследовании правовых отношений действительно необходимо учитывать особенности структуры и характера поведения субъектов отношения, но из данного положения не следует, что речь должна идти о разграничении правовых отношений и правовых связей, а не о традиционном делении регулятивных правоотношений на относительные и абсолютные, пассивные и активные и т. д.⁵ Не корректно основывать разграничение правовых отношений и правовых связей на том факте, что какая-то часть правовых норм реализуется посредством активной деятельности лишь одной из сторон правоотношений, а другая – через взаимодействие сторон.

В философской литературе по этому поводу отмечается, что не всякое отношение есть только связь, но всякая связь есть отношение. Так, В. И. Свидерский считает, что понятие «отношение» шире понятия «связь», но поскольку и связь, и отношение выражают взаимосвязь и взаимозависимость объектов, основанные на движении материи и ее атрибутов, то связь всегда есть частный случай отношений⁶.

Правовые связи и правовые отношения в конечном счете всегда опосредуются нормами права. Причем именно постольку, поскольку социальную основу правовых от-

⁴ См.: Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 65.

⁵ По характеру обязанностей правоотношения подразделяются на активные и пассивные. В активных – обязанность заключается в необходимости совершить определенные действия в пользу управомоченного, в пассивных, напротив, она сводится к воздержанию от нежелательного для контрагента поведения. По степени конкретизации и субъектному составу правоотношения подразделяются на абсолютные, относительные и общерегулятивные. В абсолютных точно определена лишь одна сторона. В относительных – строго определены обе стороны; их можно назвать поименно. Общерегулятивные, или просто общие, правоотношения в отличие от конкретных выражают юридические связи более высокого уровня между государством и гражданами, а также последних между собой по поводу гарантирования и осуществления основных прав и свобод личности (право на жизнь, честь, достоинство, безопасность, неприкосновенность жилища, свободу слова и т. п.), а равно обязанностей (соблюдать законы, правопорядок) (подробнее об этом см.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2004).

⁶ См.: Свидерский В. И. О диалектике отношений. Л., 1982. С. 20–23.

¹ Гревцов Ю. И. Указ. соч. С. 54.

² См.: Явич Л. С. Общая теория права. С. 206, 210–211.

³ Гревцов Ю. И. Указ. соч. С. 53–54.

ношений составляют нормы права, эти отношения и являются правовыми¹.

По мнению Б. Л. Назарова, вряд ли можно отрицать «наступление таких связей вместе с установлением государством тех или иных запретов. При этом такие связи являются юридическими, поскольку возникают благодаря правовым нормам и относятся к правовым отношениям, так как в них праву одной стороны соответствует обязанность другой»².

Таким образом, правы те авторы, которые, «не отрицая значения существующих особенностей в характере и структуре поведения участников правовых отношений, в способах индивидуализации сторон правоотношений, в объективности поведения субъектов контроля, в индивидуализации прав и обязанностей участников отношения для характеристики отдельных видов правовых отношений, полагают, что проблема правоотношений, возникающих на основе регулятивных норм уголовного права, не надуманная, а реальная, такая, за которой стоит вполне определенная разновидность правовых связей, ничем существенным – ни по силе воздействия, ни по методам, ни по целям – не отличающаяся от иных правоотношений, участники которых персонально определены»³.

А. А. Пионтковский отмечал: «В реальной действительности действующая правовая норма всегда вместе с тем создает и соответствующие ей правоотношения. Объективное право поэтому существует всегда в единстве с субъективными правами и корреспондирующими им правовыми обязанностями»⁴.

Действительно, всякая правовая связь есть правовое отношение. Субъективное право незащищено, если оно не подкреплено обязанностью «другой стороны», а обязанность утрачивает свой смысл, если никто не правомочен требовать ее выполнения. Все общие и особенные запреты ко всем субъ-

ективным правам или к определенной группе таковых как одинаковые масштабы, применяемые к разным людям, трансформируются в сферу фактических отношений, субъекты которых в связи с этим становятся носителями соответствующих обязанностей не совершать тех или иных действий, поступков. Такой обязанности соответствует субъективное право государства (в лице его соответствующих органов) требовать от обязанных сторон определенного правомерного поведения⁵. В свою очередь, граждане не только должны выполнять возложенные на них уголовно-правовые предписания, но и вправе требовать от государства соблюдения законности при оценке факта правомерности их поведения⁶.

В теории уголовного права наиболее аргументированно концепцию регулятивных уголовно-правовых отношений защищал М. И. Ковалев, по мнению которого «действие уголовного права, т. е. социальная полезность и эффективность его норм, заключается не только в правильном применении их к конкретным случаям жизни. Они гораздо глубже и многообразнее. Применение правовых норм есть лишь одна из форм жизни права... Но, кроме этого, у права есть более сложная и более скрытая форма воздействия на общественную жизнь, которая заключается в организующей, воспитательной и мобилизующей роли, присущей праву самим фактом своего существования. И уже оно порождает определенные правоотношения государства с гражданами и граждан между собой»⁷.

Таким образом, в результате воздействия уголовно-правовых норм на общественные отношения с целью заставить лиц воздержаться от совершения преступлений возникают регулятивные уголовно-правовые отношения между указанными лицами и государством.

Все сказанное в одинаковой мере относится и к отношениям, регулируемым нормами уголовного права, предоставляющими гражданам определенные права: на необходимую оборону, причинение вреда при

¹ См.: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966. С. 89; Общественные отношения. Вопросы общей теории / Под ред. П. А. Рачкова. М., 1981. С. 29.

² Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С. 282–283.

³ Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 66.

⁴ Пионтковский А. А. К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного права // Сов. государство и право. 1958. № 5. С. 28.

⁵ См.: Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 67.

⁶ См.: Ретюнских И. С. Указ. соч. С. 9.

⁷ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 91.

крайней необходимости, при задержании лица, совершившего преступление, и др. (ст. 37–42 УК РФ)¹. По своей социальной функции эти нормы должны быть отнесены к управомочивающим, т. е. позволяющим совершение определенных действий. Следует заметить, что лицо, осуществляющее, например, свое право на необходимую оборону, вступает в правовые отношения с государством, поскольку его поведение признается правомерным не само по себе, а только по признанию этого соответствующими правоприменительными органами². В конкретной ситуации компетентные органы обязаны всесторонне рассматривать событие, связанное с причинением вреда при защите от общественно опасного посягательства, и, в случае признания действий обороняющегося правомерными, констатировать отсутствие оснований для уголовной ответственности за причиненный вред, а при превышении пре-

А. И. Гудков,

*заведующий кафедрой юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

СОДЕРЖАНИЕ АЛИМЕНТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Категория «алименты» в понимании большинства обывателей – это средства, направляемые на содержание несовершеннолетних детей одним из родителей после развода. К сожалению, неосведомленность большинства граждан о таком институте семейного права, как алиментные обязательства, приводит к тому, что люди не пользуются тем, что им положено по закону, не стремятся бороться за свои конституционные права. В результате известны случаи, когда граждане вынуждены владеть жалкое существование из-за того, что близкие люди не обеспечивают их самым необ-

ходовой необходимой обороны – привлечь к ответственности. Таким образом, общественное отношение, возникшее между обороняющимся и государством в лице его правоприменительных органов, основанное на уголовно-правовых нормах, является уголовно-правовым³. Рассматриваемые правоотношения следует отнести к регулятивным, так как они складываются на основе регулятивных (управомочивающих) норм.

Библиографический список

1. *Прохоров, В. С.* Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. – Красноярск, 1989.
2. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. – М., 2007.
3. *Явич, Л. С.* Общая теория права / Л. С. Явич. – Л., 1976.

ходимым, тогда как сами они не могут должным образом о себе позаботиться.

В Семейном кодексе РФ (далее: СК РФ) термин «алименты» употребляется применительно к категориям «помощь», «твердая денежная сумма», «средства на содержание». Представляется, что наиболее верным является определение алиментов как средств на содержание в силу прямого указания закона (п. 2 ст. 80 СК РФ).

Долгое время дискуссионным оставался вопрос, какие средства являются алиментами – только те, которые выплачиваются по решению суда, или же все средства, включая выплачиваемые в добровольном порядке. Действующий СК РФ, на наш взгляд, окончательно поставил точку в данной дискуссии. В частности, нормы СК РФ сконструированы таким образом, что алиментами считаются те средства, которые уплачиваются в добровольном порядке, тем самым закон установил презумпцию добровольности уплаты алиментов, и только в случае, если обязанное лицо уклоняется от их выплаты, алименты взыскиваются в судебном порядке (п. 2 ст. 80 СК РФ).

¹ См.: *Наумов А. В.* Теоретические вопросы применения уголовно-правовых норм: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1975; Российский криминологический взгляд. 2005. № 4. С. 45.

² См.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А. И. Рарога. М., 2007. С. 10.

³ См.: *Тоболкин П. С.* Механизм уголовно-правового регулирования // Гарантия конституционных прав личности при осуществлении правосудия. Пермь, 1980. С. 8.

В Юридическом словаре алименты определяются как средства, выдаваемые на содержание отдельно живущих нетрудоспособных членов настоящей или прежней семьи; средства на содержание, которые обязаны предоставлять по закону одни лица другим¹. В юридической литературе приводятся аналогичные определения алиментов как материального содержания (обеспечения)².

Таким образом, алиментные обязательства следует понимать как обусловленные существующими брачными или другими семейными отношениями имущественные обязательства лиц о предоставлении средств на содержание в случаях, предусмотренных законом.

Ранее действующее семейное законодательство и доктрина семейного права рассматривали алиментное обязательство как «охранительную стадию в динамике регулятивного правоотношения по предоставлению содержания, берущую свое начало не с момента появления у одной из сторон самого субъективного права на получение содержания, а с возникновением у получателя потребности получать содержание принудительно, прибегнув к судебному, гражданско-процессуальному механизму защиты субъективного права на содержание. Алименты соответственно выступали как материальное содержание, предоставляемое по судебному постановлению»³.

В настоящее время такой подход не имеет оснований для существования. Действующее семейное законодательство, как было отмечено выше, закрепляет презумпцию обязанности содержания (оказания материальной поддержки). При этом данная обязанность не связывается с судебным решением, а объективно существует в силу родственных связей и норм закона.

Алиментное обязательство – это правоотношение, возникающее на основании предусмотренных законом юридических фактов – решения суда, судебного приказа или соглашения сторон, в силу которых од-

ни члены семьи обязаны предоставлять содержание другим членам, а последние вправе его требовать. Отсюда основная задача института алиментных обязательств заключается в обеспечении материальной поддержки субъектов семейного права.

В российском законодательстве алиментные обязательства регулируются разд. V СК РФ, согласно которому члены семьи вправе заключить соглашение об уплате алиментов. При его отсутствии применяются положения закона, регулирующие предоставление алиментов в принудительном порядке.

На наш взгляд, соглашение об уплате алиментов делает институт алиментных обязательств более гибким и позволяет «подстроиться» под конкретную жизненную ситуацию, не ущемляя интересов других участников правоотношений, вытекающих из алиментных обязательств.

Общими основаниями возникновения алиментных правоотношений являются: наличие между субъектами родственной или иной семейной связи; наличие предусмотренных законом или соглашением сторон условий (например, нуждаемости, нетрудоспособности получателя алиментов, наличия у плательщика необходимых средств для выплаты алиментов); решение суда о взыскании алиментов, судебный приказ или соглашение сторон об их уплате.

Содержание алиментного обязательства включает обязанность плательщика алиментов по их уплате и право получателя алиментов на их получение. Общие основания прекращения алиментных обязательств предусмотрены ст. 120 СК РФ: если обязательство возникло на основании соглашения между плательщиком и получателем алиментов, оно прекращается смертью одной из сторон, истечением срока действия соглашения или по иным основаниям, предусмотренным этим соглашением. Стороны свободны установить в соглашении любые основания для прекращения алиментного обязательства, в частности, изменение материального положения сторон, восстановление трудоспособности получателя алиментов, окончание учебы, вступление в брак и т. д.

За неисполнение алиментных обязанностей российское законодательство предусматривает юридическую ответственность.

¹ См.: Никитин А. Ф. Юридический словарь. М., 2005. С. 21.

² См., напр.: Тихомирова Л. В. Алименты: Практическое пособие. М., 2006. С. 141.

³ Косова О. Ю. Обязанность содержания и алиментные обязательства // Правоведение. 2003. № 4. С. 63.

1. *Меры ответственности по семейному законодательству.* В том случае, если лицо не уплачивает алименты, которые оно должно уплачивать по решению суда или в соответствии с алиментным соглашением, с него в будущем будет взыскана задолженность по алиментам. Однако взыскание задолженности не является мерой юридической ответственности, так как в данном случае лицо лишь возвращает то, что должно было уплатить, и на него не возлагается никаких дополнительных обременений. Поэтому взыскание задолженности возможно и при отсутствии вины лица, не платившего алименты, например, по причине болезни.

Меры «семейной» ответственности обязательно связаны с применением санкций, выражающихся в дополнительных обременениях алиментоплательщика, которые выступают в качестве наказания. Поэтому применение таких мер возможно только в случае виновного поведения лица, обязанного уплачивать алименты. Семейным законодательством предусмотрены следующие меры ответственности за неисполнение алиментных обязанностей.

Во-первых, при образовании алиментной задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки (ст. 115 СК РФ).

Во-вторых, получатель алиментов вправе взыскать с виновного в несвоевременной уплате алиментов лица, обязанного уплачивать алименты, все причиненные просрочкой исполнения алиментных обязательств убытки в части, не покрытой неустойкой (ст. 115 СК РФ).

В-третьих, лицо, уклоняющееся от уплаты алиментов, несет *имущественную ответственность перед государством*. Дело в том, что последнее выплачивает ежемесячное пособие на ребенка, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов. После того как уклоняющийся родитель будет разыскан, с него полагается взыскать часть суммы этого пособия с начислением 10 % (ст. 113 СК РФ).

В-четвертых, родитель, злостно уклоняющийся от уплаты алиментов, может быть лишен родительских прав (ст. 69 СК РФ).

В-пятых, при неисполнении решения суда на нарушителя могут быть наложены санкции, предусмотренные Федеральным законом «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ¹.

2. *Меры уголовной ответственности.* В гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» содержится статья, предусматривающая ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ).

Согласно ч. 1 данной статьи злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, наказывается обязательными работами на срок от 120 до 180 часов либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев.

Под уклонением от уплаты средств на содержание детей понимается не только прямой отказ от уплаты присужденных судом алиментов, но и сокрытие лицом своего действительного заработка, смена работы или места жительства с целью избежать удержания по исполнительному листу, уклонение с той же целью от работы, сокрытие факта работы по совместительству, иные подобные действия.

Следует отметить, что злостным уклонением от уплаты средств на содержание детей будет лишь в случае продолжительного неисполнения обязанности содержать детей, несмотря на неоднократные предупреждения, розыск лица, обязанного выплачивать алименты и скрывающего свое место нахождения.

За злостное уклонение совершеннолетних трудоспособных детей от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей предусмотрены аналогичные санкции.

Таким образом, алиментные обязательства, как и гражданские, связаны с переходом материальных благ от одних лиц к другим. Однако с помощью семейно-правового института алиментирования в обществе обретает правовую форму особый, отличный от предусмотренных ГК РФ способ перераспределения материальных благ. Его специфика заключается в том, что он предполагает их пе-

¹ См.: Рос. газ. 2007. 6 окт.; 2008. 17 мая.

редачу от трудоспособных граждан в пользу нетрудоспособных и нуждающихся, а также связывает частных физических лиц, имеющих определенный статус членов семьи.

Поскольку алиментные обязательства имеют семейно-правовую отраслевую принадлежность, в ГК РФ не предусматривается их регламентация. Исключением являются, пожалуй, только две нормы, указывающие на недопустимость применения по требованиям о взыскании алиментов, во-первых, зачета (ст. 411 ГК РФ), во-вторых, новации (ст. 414 ГК РФ).

Алиментная обязанность выступает односторонней безвозмездной юридической обязанностью по жизнеобеспечению другого лица. Поэтому она устанавливается императивно и основывается на обстоятельствах, прямо указанных в СК РФ.

Д. В. Дегтева,
*преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МАРГИНАЛЬНОСТИ В РОССИИ

В последнее время все чаще в научной литературе, средствах массовой информации, повседневной жизни употребляется такое понятие, как маргинальность. Впервые в научный оборот данный термин ввел Р. Парк в 1928 г. для обозначения «культурного гибрида», разделяющего «жизнь и традиции двух различных групп». Среди ученых нет единства в определении этого понятия. Так, автор Большого толкового социологического словаря под маргинальностью понимает состояние пребывания частично внутри социальной группы и частично вне ее¹. Другие ученые называют маргинальностью промежуточное, пограничное состояние индивида или группы индивидов, оторванных от привычной среды и образа жизни². Субъектом маргинальности является маргинальная личность. Это

В правовом регулировании алиментных обязательств, безусловно, играют роль и публичные интересы – потребность закрепить в праве этические нормы взаимоотношений в семье, требующие от ее членов оказания друг другу материальной помощи, а также освободить общество от бремени содержания нетрудоспособных нуждающихся сограждан, частично переложив его на супругов, родителей, детей и других лиц.

Библиографический список

1. Косова, О. Ю. Обязанность содержания и алиментные обязательства / О. Ю. Косова // Правоведение. – 2003. – № 4.
2. Никитин, А. Ф. Юридический словарь / А. Ф. Никитин. – М., 2005.
3. Тихомирова, Л. В. Алименты : практ. пособие / Л. В. Тихомирова. – М., 2006.

понятие употребляется в западной социологии для выделения и анализа специфических отношений, противопоставляемых общественно нормальным отношениям в парадигме «социальный субъект – социальная общность». Понятие «маргинал» впервые появилось во Франции в 1972 г. Маргиналами стали называть тех, кто либо сам отвергал общество, либо оказывался им отвергнут.

Современное понятие маргинала, которое отображает его проявляемые качества в настоящем мире, может быть сформулировано следующим образом: маргиналы – это личности или социальные группы, находящиеся на «окраинах» или за рамками характерных для данного общества основных структурных подразделений или господствующих социокультурных норм и традиций.

Сегодня классической, так сказать эталонной, фигурой маргинала является человек, пришедший из села в город в поисках работы: уже не крестьянин, еще не рабочий; нормы деревенской субкультуры уже подорваны, а городская субкультура еще не усвоена. То есть главным признаком маргинальности выступает разрыв социальных связей, причем последовательно рвутся экономические, правовые, социальные и духовные связи. При включении маргинала в новую социальную общность эти связи в той же последовательности устанавливаются

¹ См.: Джери Д. Большой толковый социологический словарь: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 389.

² См.: Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. Ростов н/Д, 2001. С. 460.

ся, причем установление социальных, духовных и правовых связей, как правило, сильно отстает от установления связей экономических. Тот же самый мигрант, став рабочим и приспособившись к новым условиям, еще длительное время не может слиться с новой средой.

Проанализировав данное понятие, можно выявить следующие признаки маргинальности:

- пограничность, промежуточность;
- потеря или отсутствие принадлежности к какому-либо классу или группе;
- утрата субъектом горизонтальных экономических, социальных, правовых и духовных связей;
- разрушение системы ценностных ориентаций;
- деструктуризация (разрушение социальной структуры);
- деморализация общества.

Акцент в исследовании маргинальности в различные годы делался: на различных аспектах структурного неравенства, его углублении, социальной поляризации и маргинализации общества, интеграции и дезинтеграции социального пространства; проблемах формирования среднего класса; властных отношениях; автономии труда в социально-производственных структурах. Чтобы составить достаточно полное представление о процессах, происходящих в социально-структурной сфере российского общества, надо рассмотреть тенденции и масштабы формирования различных социальных элементов, социальных общностей, динамика которых детерминирована качественными изменениями в отношениях собственности, власти, в уровне доходов различных социальных групп и слоев, законами структурной перестройки хозяйства и занятости граждан страны. Известно, что определенная часть занятого населения в результате отраслевых сдвигов в экономике страны, кризиса, затронувшего целые группы производств, осталась вне сферы занятости и приобрела статус безработных. Появление этого слоя существенно влияет вообще на качество жизни всего общества. К тому же, изменив статус занятости, эта часть населения сформировала черты групповой определенности со

своими ценностно-нормативными установками, структурой потребления, качеством и образом жизни, идентификационными предпочтениями и жизненными ценностями. Таким образом, произошла реализация целого комплекса новых социально-групповых процессов, становление феномена группового сознания и групповой консолидации и интеграции.

Специфика российского общества, кроме прочего, состоит и в том, что процесс глобализации накладывается на противоречивый процесс трансформации, сопровождающийся углублением социального неравенства и маргинальности значительной части населения. Трансформация российского общества с неизбежностью повлекла за собой не только изменения в социальной структуре, но и остро поставила перед традиционными общностями вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, интеграции и дезинтеграции, месте в социальной иерархии, солидарности, уровне сплоченности, системе ценностей¹.

Маргинальная ситуация возникает на рубежах несхожих форм социокультурного опыта, всегда бывает весьма напряженной и по-разному реализуется на практике. С одной стороны, она может быть источником нервозности, деморализации, индивидуальных и групповых форм протеста, а с другой – нового восприятия и осмысления вселенной и общества, нетривиальных форм интеллектуального, художественного и религиозного творчества. Ретроспективный взгляд на историю мировой культуры позволяет сделать вывод, что многие обновляющие тенденции в духовной истории человечества (мировые религии, великие философские системы и научные концепции, новые формы художественного отображения мира) во многом обязаны своим возникновением именно маргинальным личностям и социокультурным средам. Технологические, социальные, культурные сдвиги последних десятилетий придали проблеме маргинальности качест-

¹ См.: Социальная стратификация российского общества / Ред. д-р филос. наук, проф. З. Т. Голенкова. М., 2003. С. 9.

венно новые очертания. Урбанизация, массовые миграции, интенсивное взаимодействие носителей разнородных этнокультурных и религиозных традиций, размытие вековых культурных барьеров, влияние на население средств массовой коммуникации – все это привело к тому, что маргинальный статус стал в современном мире не столько исключением, сколько нормой существования миллионов людей. На рубеже 70–80-х гг. XX в. стала очевидной невозможность выражения и отстаивания, используя интересы этих огромных людских масс и вставших на их сторону интеллигентов, привычных форм социального управления (государственные институты, политические партии, традиционные церковные иерархии и т. д.). Именно в этот период в мире начался бурный процесс становления так называемых неформальных общественных движений (просветительских, экологических, правозащитных, культурных, религиозных, земляческих, благотворительных и др.), смысл которых во многом определялся тем временем.

На современном этапе развития общества причиной правовой маргинальности выступает снижение роли правовых предписаний, в основе которых лежат изменения ценностных ориентаций личности. Недостатки законодательства, нарушение прав, свобод и законных интересов граждан, дифференциация российского общества, безработица, экзистенциальный вакуум относятся к негативным сторонам общественной жизни. Все это влияет, во-первых, на сознание граждан, приводя к изменению иерархии приоритетов личности, а во-вторых, способствует формированию неправовых правил поведения, что в конечном итоге приводит к развитию правовой маргинальности личности. Таким образом, правовую маргинальность можно определить как нормативно-правовую неопределенность, основанную на негативном отношении личности к действующему праву, правовым явлениям в жизни общества¹.

Анализируя причину появления человека с маргинальным сознанием, мы пришли к выводу, что указанные социальные обстоятельства, оказывая деструктивное воздействие на личность с устойчивым правовым поведением, постепенно «размывают» принципы законности и правопорядка, на которых это поведение основывается.

С. Ю. Барсукова, А. Нешитова выделяют экономические, социальные и политические условия правовой маргинальности².

Всестороннему развитию личности, обеспечению каждого члена общества возможностью осуществления своих прав и интересов может способствовать только позитивная обстановка в данных сферах общественной жизни, основанная на нормативных правовых актах, которые соответствуют требованиям законности, правопорядка и демократии. Отсутствие грамотного регулирования отношений в правовой, экономической или социальных сферах приводит, как правило, к появлению искажений, которые, в свою очередь, отражаются в сознании граждан.

Для определения условий маргинальности мы рассмотрим более подробно сложившиеся на настоящий момент отношения в основных сферах общества и их влияние на сознание граждан.

В начале 90-х г. XX в. значительная часть трудоспособного населения России оказалась на грани нищеты, оставшись вследствие экономического кризиса без работы и средств к существованию. Сегодня государство не в состоянии в полной мере реализовать права граждан на труд, гарантированные Конституцией РФ, поскольку отсутствие инвестирования приводит к выпуску неконкурентоспособной продукции, а это будет способствовать увеличению безработицы при вступлении России во Всемирную торговую организацию.

По официальным данным, в феврале 2007 г. регистрируемая безработица составила 7,3 % трудоспособного населения³. Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости,

¹ См.: Нечаева О. В. Правовые аспекты маргинальности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 21.

² См.: Нечаева О. В. Указ. соч. С. 87–89.

³ См.: <http://www.petrostimul.ru/news/1518/>.

увеличилось с 2005 по 2006 г. с 63,3 до 63,7 %¹. Из трудовых отношений полностью оказались исключены граждане старше 40 лет, имеющие высшее профессиональное образование и пытающиеся найти работу по специальности. Сегодня предпочтение отдается лицам в возрасте 25–35 лет, с высшим образованием и опытом работы по специальности.

В настоящее время 1/3 россиян живет ниже стандарта, который считается приемлемым уровнем жизни, а средний уровень жизни населения означает малообеспеченную жизнь, при которой большинство населения отрезан путь к удовлетворению своих потребностей законным путем. Вследствие этого при деформировании нравственной планки ценностей многие граждане достаточно часто совершают правонарушения. Основу ценностной базы любого общества составляют мораль и нравственность. В тех случаях, когда представления о должном законодателей и общества различны и право не является основной ценностью общества, на первое место выходит маргинальное поведение. Фиктивное банкротство, уклонение от уплаты налогов, службы в Вооруженных силах Российской Федерации, на наш взгляд, не только не осуждаются обществом, а, наоборот, в ряде случаев и поощряются.

Неконтролируемая рыночная экономика сегодня привела к тому, что медицина, образование, культура становятся доступными только для граждан, чьи доходы значительно превышают прожиточный минимум. Практически исключенными из общественной жизни являются граждане, находящиеся на нижних ступенях социальной лестницы.

Таким образом, неблагоприятная экономическая обстановка, отсутствие надлежащего контроля за целевым расходованием денежных средств влекут за собой низкий материальный уровень жизни населения, в результате складывается критическая ситуация в морально-нравственной, ценностной, правовой сферах общественного сознания.

Социальные условия правовой маргинальности мы считаем целесообразным рассмотреть через призму толерантности. В Декларации принципов терпимости, принятой ЮНЕСКО в 1995 г., толерантность определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении и разнообразии культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям.

Исследования И. М. Батыштовой, О. В. Нечаевой показывают, что сегодня немалая часть российского населения испытывает негативные чувства к представителям различных этносов². Обострение национальных интересов произошло после распада СССР. Нахлынувший поток мигрантов, появившихся после образования СНГ, показал, что российское общество не готово справляться с создавшейся ситуацией. Усугубляется данное положение резкой дифференциацией социальных страт, являющейся результатом нецелесообразной социальной политики государства.

В настоящее время в российском обществе практически отсутствуют социальные ориентиры поведения, поддерживаемого государством. Поэтому в условиях правовой маргинальности, отказа от признания правовых предписаний в качестве основных у граждан порой не остается внутренних мотивов для отказа от совершения правонарушения, и только страх перед юридической ответственностью является основанием для того, чтобы не переступать грань правомерности.

Библиографический список

1. Касьянов, В. В. Социология права / В. В. Касьянов, В. Н. Нечипуренко. – Ростов н/Д, 2001.
2. Социальная стратификация российского общества / ред. д-р филос. наук, проф. З. Т. Голенкова. – М., 2003.

¹ См.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-01.html.

² См.: Нечаева О. В. Указ. соч. С. 90–93.

Д. Н. Зеленин,
*преподаватель кафедры оперативной
работы ОВД
Нижегородской академии МВД России*

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА И СОПРЯЖЕННЫХ С НИМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОТЧУЖДЕНИЯ ЖИЛЬЯ

Современный этап развития российского общества характеризуется стратегическим курсом на создание правового государства. «Если мы хотим стать цивилизованным государством, нам нужно прежде всего стать государством правовым», – подчеркнул будущий Президент РФ Д. А. Медведев в своем выступлении на пленарном заседании второго Общероссийского гражданского форума 2 января 2008 г. в Московском Манеже¹. Одним из условий построения правового государства является борьба с преступностью.

Современное состояние оперативной обстановки в России характеризуется активизацией криминогенных процессов практически по всему спектру противоправных проявлений. Особо значимым элементом национального хозяйства выступает жилищно-коммунальный комплекс, который обеспечивает функционирование государства и создает необходимые условия для проживания и жизнедеятельности человека.

Социально-экономические процессы последних 10–15 лет, обусловленные развитием рыночных отношений, способствовали росту мошенничеств в отношении граждан с целью завладения их жильем. Эта проблема встала особенно остро с началом приватизации жилья граждан, в результате чего частные лица становились собственниками комнат и квартир, могли распоряжаться ими по своему усмотрению (покупать, продавать, дарить, менять, закладывать). Естественный рост приватизированных квартир, их высокая стоимость, несовершенство законодательного регулирования рынка жилья, правовая безграмотность и незащищенность большей части населения привлекли внимание преступников к сделкам с жильем, что серьезно осложнило оперативную обстановку в этом направлении. Таким образом, появился новый объект преступного посягательства – жилье.

Борьба с данной разновидностью мошенничества представляется весьма непростой и актуальной. Это связано, во-первых, с большой латентностью преступлений этого вида, во-вторых, с весьма значительным материальным ущербом, обусловленным высокой стоимостью объекта жилой недвижимости. Моральный ущерб, наносимый жертвам жилищного мошенничества, также крайне высок, поскольку утрата жилья в результате мошеннических действий воспринимается потерпевшим как катастрофа.

Совершение мошеннических действий в сфере жилья является в ряде случаев одним из направлений деятельности преступных сообществ, действующих на рынке недвижимости, наряду с такими преступлениями, как убийство, вымогательство, похищение человека, незаконное лишение свободы, дача взятки, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей и бланков².

Так, сотрудниками Департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД России (далее: ДБОПиТ МВД России) во взаимодействии с Департаментом собственной безопасности МВД России пресечена деятельность организованной группы, преимущественно состоящей из выходцев из Грузии и Абхазии, участники которой занимались совершением заказных убийств, вымогательством, подкупом должностных лиц, а также мошенническими действиями в сфере оборота недвижимости. Было установлено, что в состав группы входили не менее 20 человек, имеющих четко распределенные роли по незаконному завладению квартирами жителей г. Москвы (физическое устранение законных владельцев квартир, последующее переоформление квартир на подставных лиц с целью перепродажи). В качестве «наводчиков» выступали недобросовестные сотрудники учреждений жилищно-коммунального хозяйства и коррумпированные сотрудники органов внутренних дел. Жертвами преступлений, как правило, становились представители социально незащищенных групп населения: престарелые, инва-

¹ Рос. газ. 2008. 24 янв.

² См.: Волков В. Л. Уголовно-правовые меры борьбы с мошенничеством в сфере оборота недвижимости: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 4–5.

лиды, лица, злоупотребляющие спиртными напитками, и др.

В ходе работы с задержанными сотрудниками ДБОП и Т МВД России была получена информация о совершении участниками группы убийств семи жителей г. Москвы с целью завладения их квартирами. В результате дальнейших мероприятий в лесном массиве Калязинского района Тверской области были обнаружены тела убитых. В настоящее время следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия в отношении участников данной группы продолжаются.

Другой пример. Пресс-служба прокуратуры Брянской области сообщила, что 20 апреля 2007 г. в областной суд направлено уголовное дело в отношении организованной преступной группы по обвинению в совершении четырех убийств, трех разбойных нападений и вымогательств денежных средств, связанных с завладением жильем граждан.

Механизм завладения квартирами работал следующим образом: участники группы входили в доверие к лицам, злоупотребляющим спиртными напитками и имевшим крупные задолженности по квартплате и коммунальным платежам, преподносили им подарки, давали денежные средства, угощали спиртными напитками. Затем один из членов преступной группы регистрировался в неприватизированной квартире с правом последующего участия в приватизации жилья. Спустя некоторое время после его регистрации основные наниматели квартир умирали при странных обстоятельствах, при этом устанавливался диагноз «алкогольная кардиомиопатия». Затем квартира оформлялась в собственность члена организованной преступной группы и реализовывалась.

Для лишения жизни преступники вводили своим жертвам токсические дозы препаратов, воздействующих на сердечные мышцы, что вызывало сердечную либо сердечно-сосудистую недостаточность. Причем первоначально эти препараты не были обнаружены, так как они выявляются только при использовании специальных методик. Назначенные и проведенные повторные комиссионные судебные экспертизы по материалам уголовного дела установили непосредственную причину смерти погибших – острая сердечная недостаточность, к которой могло привести отравле-

ние препаратами, воздействующими на сердечные мышцы.

Необходимо отметить, что иногда поведение самих потерпевших провоцирует на совершение мошеннических действий по отчуждению жилья. Виктимность их поведения выражается не только в беспечности и доверчивости в отношениях с другими людьми или же в злоупотреблении алкоголем, но нередко владельцы (наниматели) жилья по собственной инициативе, а чаще по рекомендации злоумышленников, совершают противоправные действия:

- при заключении сделки по купле-продаже жилья в документах значительно занижают действительную продажную стоимость жилья;

- подделывают подписи (иные рукописные тексты) своих временно отсутствующих родственников;

- дают взятку должностному лицу за выписку несовершеннолетних и иных членов семьи и т. д.

Эти факты в дальнейшем используются мошенниками, выступающими в качестве покупателей или доверенных лиц.

Изучение материалов практики, научных и журналистских публикаций позволяет выявить следующее процентное содержание рассматриваемых преступных посягательств: мошенничество – 62 %; вымогательство – 24 %; убийство – 9 %; злоупотребление должностными полномочиями или их превышение – 5 %¹.

Теоретическая модель способов достижения преступного результата (незаконного завладения жильем) может быть представлена следующим образом.

Цель достигается только путем:

- мошенничества;
- вымогательства;
- убийства;
- комбинации: вымогательство–мошенничество (реже: покушение на мошенничество–вымогательство);
- комбинаций: мошенничество–убийство или убийство–мошенничество;
- комбинации: вымогательство–убийство;

¹ См.: Алешин В. В. Теоретические проблемы и практика расследования преступлений, сопряженных с отчуждением жилья граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 12.

– комбинаций: вымогательство–убийство–мошенничество или вымогательство–мошенничество–убийство;

– злоупотребления должностными полномочиями или их превышения;

– комбинации: злоупотребление должностными полномочиями или их превышение–мошенничество;

– комбинации: превышение должностных полномочий–вымогательство;

– комбинации: превышение должностных полномочий–вымогательство–мошенничество.

Конечно, незаконное завладение жильем может осуществляться посредством иных составов преступлений, но вышеперечисленные примеры комбинаций наиболее часто встречаются на практике.

В абсолютном большинстве случаев совершению рассматриваемых преступлений предшествуют подготовительные действия. При этом необходимо отметить, что часто способ подготовки является одновременно и способом сокрытия преступной деятельности.

Типичные способы и признаки действий на подготовительном этапе делятся на две группы. Первая заключается в поиске, выборе жертвы путем:

– завязывания знакомств с неопратно или бедно одетыми людьми на улицах, в барах, закусочных и т. д., где необходимая информация добывается с помощью проявления «участия» к судьбе собеседника;

– по объявлениям;

– по наводке;

– по внешнему виду жилого помещения, так как неухоженное жилье говорит, как правило, о том, что жильцы злоупотребляют алкоголем и испытывают материальные затруднения.

Другая группа подготовительных действий выражается в создании условий для успешного осуществления преступного замысла:

– целенаправленное установление личных связей с работниками нотариата, милиции, жилищно-эксплуатационного управления, бюро технической инвентаризации (далее: БТИ), жилищных отделов администраций и пр.;

– подыскание необходимых технических средств (например, компьютеры, ксероксы и т. п. для подделки документов; автомобиль для облегчения и ускорения процесса отчуждения жилья);

– подбор соучастников, а также иных лиц, которые могут не знать о подлинной сути происходящего (для охраны жертв вымогателей, ремонта жилья, оказания автотранспортных услуг и пр.);

– хищение, подделка необходимых документов, печатей и штампов, а также поиск лиц, обладающих навыками подделки;

– аренда помещений для насильственного удержания жертв вымогательств и обмана лиц, подвергающихся мошенничеству;

– физическое устранение потерпевшего с целью последующих махинаций с его жилым помещением (сюда входят: выбор места, времени и способа убийства; предложения выманивания (заманивания) жертвы);

– соответствующая «обработка» будущей жертвы, состоящая, например, в заключении фиктивного брака с владельцем (нанимателем) жилья; в установлении целенаправленного формально законного опекуна и пр. В то же время сам акт убийства может являться и способом сокрытия мошенничества или вымогательства так же, как и психическое или физическое насилие в отношении потерпевшего, продолжаемое после отчуждения жилья.

Типичными способами сокрытия рассматриваемых преступлений являются следующие: использование поддельных документов, удостоверяющих личность; частичный расчет с потерпевшим как деньгами, так и путем предоставления более худшего жилья, а также взятие путем насилия или обмана расписки о полностью произведенном расчете; распространение ложных слухов; активная наступательная позиция, нередко опережающая инициативу потерпевшего (например, обращение с иском в суд о признании сделки по купле-продаже жилья недействительной и требованием взыскать с ответчика (действительного потерпевшего) уплаченной якобы суммы); хищение из БТИ, бюро обмена и уничтожение документов, которые могли бы навести на след преступников; сокрытие трупа (в том числе обезображивание, расчленение и уничтожение), при этом преступники могут стремиться не только воспрепятствовать обнаружению трупа или установлению личности, но и установлению истинных причин смерти¹.

¹ См.: Алешин В.В. Указ. соч.

При рассмотрении особенностей мошенничества и сопряженных с ним преступлений в сфере отчуждения жилья необходимо учитывать значимость поступающей информации и достаточность данных материалов доследственной проверки.

При сборе материала проверки по факту неправомерного завладения недвижимостью в жилищной сфере, с перспективой принятия решения о возбуждении уголовного дела, необходимо:

1. Установить конкретные обстоятельства, позволяющие сделать вывод о том, что в данном деянии не усматриваются признаки гражданско-правовых отношений, а присутствуют признаки состава преступления, а также, не разрешался ли вопрос о праве собственности на спорный объект недвижимости в порядке гражданского судопроизводства.

2. Определить юридический статус недвижимого имущества, явившегося предметом преступления, и в зависимости от этого установить лицо, которое впоследствии будет признано потерпевшим.

3. Убедиться в наличии в материале проверки всех документов, характеризующих данное жилое помещение и проведение сделок с ним. С учетом изложенного в Главное управление Федеральной регистрационной службы (далее: ГУ Росрегистрации) потребуется справка о содержании правоустанавливающих документов, а также выписка из Единого государственного реестра права (далее: ЕГРП) о регистрации права собственности на спорный объект недвижимого имущества, относящийся к жилищному фонду.

4. Изучить (при необходимости приобрести) нормативные документы, регламентирующие совершение данного вида сделок.

Уголовным законодательством Российской Федерации предусмотрено, что предметом мошенничества может быть как имущество, так и право на него (ст. 159 УК РФ). Однако в настоящее время единая судебная практика в данной области отсутствует, в связи с чем суд, органы прокуратуры и предварительного следствия не могут прийти к единому мнению по данному вопросу. С точки зрения судебных органов и прокуратуры предметом преступления в этом случае должно являться именно имущество, а не право на него, поскольку толь-

ко имущество выступает предметом хищения, одной из разновидностей которого является мошенничество. В то же время следственные органы полагают, что предметом завладения может являться как само имущество, так и имущественные права, поскольку УК РФ прямо предусматривает это. Кроме того, имущество, о котором идет речь, относится к категории недвижимого, т. е. возможность его перемещения в принципе отсутствует, в связи с чем представляется целесообразным мнение о хищении права на него. Таким образом, возникает коллизия, которая в настоящее время не нашла своего разрешения, однако в уголовных делах, направляемых с обвинительными заключениями в суд, следствие в основном квалифицирует действия лица, совершившего мошенничество, как завладение недвижимым имуществом.

Одним из основных вопросов является определение размера ущерба причиненного преступлением. Для этого необходимо определить фактическую стоимость жилого помещения. Поскольку стоимость, приведенная в техническом паспорте на жилое помещение, не соответствует реальной стоимости жилья, необходимо назначать товароведческую экспертизу, которую имеет право проводить следующие организации:

- Городское управление инвентаризации и оценки недвижимости;

- Торгово-промышленная палата Российской Федерации.

Для назначения экспертизы эксперту необходимо предоставить следующие документы (в заверенных следователем копиях):

1. Технический паспорт на жилое помещение.

2. Справки по формам № 7 и № 9.

3. Договор передачи в собственность.

4. Документы по всем проведенным с жилым помещением сделкам (договоры купли-продажи, дарения, мены и др.).

5. Свидетельство о регистрации права собственности по ЕГРП, выдаваемое ГУ Росрегистрации.

Цель товароведческой экспертизы – определение фактической стоимости недвижимого имущества как на момент совершения преступного деяния, так и на текущий момент. В данном случае под моментом совершения преступления понимается дата полу-

чения мошенником свидетельства о регистрации права собственности на объект недвижимости, поскольку именно с этого момента последний в соответствии с законодательством приобретает право собственности. Текущим моментом является дата составления заключения эксперта¹.

Несмотря на актуальность проблемы, в настоящей статье лишь тезисно рассмотрены некоторые особенности мошенничества и сопряженных с ним преступлений в сфере отчуждения жилья. Исследование данного направления показало, что в процессе решения задач, направленных на борьбу с квартирным мошенничеством, необходимо постоянно анализировать и контролировать любые изменения, происходящие на рынке жилой недвижимости, так как именно в этой сфере деятельности все чаще совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления.

С. В. Изосимов,
*начальник кафедры уголовного,
уголовно-исполнительного права
и криминологии
Нижегородской академии МВД России
доктор юридических наук*

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ТРУД И ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Статья 37 Конституции РФ, основываясь на общепризнанных принципах и нормах международных нормативных правовых актов², определяет: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать

¹ См.: *Какошин Д. Н., Охитина С. А.* Методические рекомендации по расследованию уголовных дел, связанных с неправомерным завладением недвижимостью в жилищной сфере. СПб., 2007. С. 15, 16.

² Так, согласно ст. 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (вступил в законную силу 6 января 1976 г.) государством признается право на труд, которое включает право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, а в ст. 7 закреплено право на справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд равной ценности. Право на труд регламентировано также и ст. 23 Декларации прав и свобод человека и гражданина от 21 ноября 1991 г.

Библиографический список

1. *Алешин, В. В.* Теоретические проблемы и практика расследования преступлений, сопряженных с отчуждением жилья граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999.
2. *Арзуманов, С. Ю.* К вопросу об особенностях квалификации преступлений, совершаемых на рынке жилой недвижимости / С. Ю. Арзуманов // Рос. следователь. – 2006. – № 12.
3. *Волков, В. Л.* Уголовно-правовые меры борьбы с мошенничеством в сфере оборота недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2005.
4. *Какошин, Д. Н.* Методические рекомендации по расследованию уголовных дел, связанных с неправомерным завладением недвижимостью в жилищной сфере / Д. Н. Какошин, С. А. Охитина. – СПб., 2007.

род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы».

Реализация трудовых прав для большинства групп населения является одним из наиболее важных средств создания материальных условий жизни.

При этом эффективность осуществления данных прав зависит не столько от гарантированности трудовой занятости, сколько от обеспечения государством нормального экономического благосостояния и формирования цивилизованного рынка труда. Кроме того, государство берет на себя контроль за соблюдением норм законодательства о труде, регламентирующего отношения между работником и работодателем. Так, ст. 419 Трудового кодекса РФ предусматривает, что руководители предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности, виновные в нарушении трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, привлекаются к ответственности (дисциплинарной, гражданско-правовой, администра-

тивной, уголовной) в порядке, установленном федеральными законами.

Функция контроля государства за соблюдением норм законодательства о труде становится особенно значимой в период становления новых экономических отношений, когда в среде появившихся в недавнее время собственников предприятий еще не сформировались неотъемлемые для цивилизованного государства принципы уважительного отношения к необходимости обеспечения нормальных условий труда граждан¹. Как свидетельствует судебная практика, в негосударственных организациях произошло ослабление правовой защищенности субъекта трудовых отношений (работника) по воле работодателя, содержание их отношений стало определяться не трудовым, а гражданским законодательством. Поэтому все более обостряются противоречия между интересами работодателей, стремящихся к увеличению прибыли, и работников, заинтересованных в улучшении условий труда и повышении уровня оплаты за труд². В этой связи особую актуальность приобретают вопросы, связанные с уголовно-правовой охраной конституционного права человека на труд.

К числу норм действующего уголовного законодательства, обеспечивающих защиту данного права, относится ст. 145.1 УК РФ³, устанавливающая ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат.

С одной стороны, введение в УК РФ данной нормы должно только приветствоваться⁴, так как, во-первых, случаи, когда

деньги, предназначенные для заработной платы, пенсий и т. п., либо вообще не выплачиваются или выплачиваются не регулярно, стали достаточно частыми⁵, и, во-вторых, появилось еще одно средство противодействия подобного рода нарушениям, нередко совершаемым отдельными недобросовестными руководителями.

С другой стороны, указанная норма в ее действующей законодательной формулировке далека от совершенства. Правоприменительные органы испытывают значительные трудности при ее реализации⁶. Полагаем, одним из условий недостаточно эффективного применения ст. 145.1 УК РФ является ее неудачная технико-юридическая конструкция. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать объективные и субъективные признаки рассматриваемого деяния.

Объективная сторона преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 145.1 УК РФ, характеризуется длящимся свыше двух месяцев *бездействием* в виде невыплаты альтернативно любого из предусмотренного законом обязательного платежа гражданину, а именно: а) заработной платы; б) пенсии; в) стипендии; г) пособия; д) иной выплаты⁷.

Представляется неверным утверждение Н. И. Ветрова о том, что рассматриваемое преступление может быть совершено как путем бездействия, так и путем действия⁸. Законодатель в данном случае при описании объективной стороны употребляет термин «невыплата», сущностное содержание которого исключает активное поведение субъекта. По нашему мнению, справедливой является точка зрения С. В. Макси-

¹ См.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учеб. / Под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2000. С. 113.

² См.: *Ставцева А. И., Шептулина Н. Н.* Ответственность руководителя организации за нарушение законодательства о труде. М., 2000. С. 4.

³ Введена в действие Федеральным законом от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ (см.: Рос. газ. 1999. 17 марта).

⁴ Однако некоторые ученые полагают, что законодательное решение о введении в УК РФ специальной статьи об ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат при наличии в нем общих норм (ст. 201 и ст. 285 УК РФ), является криминологически необоснованным (см., напр.: *Рарог А. И.* Тенденции и перспективы развития уголовного законодательства России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. С. 4).

⁵ См., напр.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. А. С. Михлина. М., 2000. С. 154.

⁶ См.: подробно: *Изосимов С. В.* Статья 145.1 УК РФ: вопросы квалификации // Следователь. 2002. № 5. С. 3–9; *Каплин М. Н.* Проблемы квалификации преступной невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. ст. / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2005. Вып. 6. С. 62.

⁷ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: Учеб. / Под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. М., 1999. С. 365.

⁸ См.: *Ветров Н. И.* Уголовное право. Особенная часть: Учеб. для вузов. М., 2000. С. 108.

мова, полагающего, что под невыплатой любого из указанных в законе обязательных платежей следует понимать *уклонение* лица, уполномоченного принимать решения об их производстве либо совершать действия, направленные на обеспечение таких выплат, от принятия соответствующих решений или совершения действий, результатом которых является неполучение гражданином выплат, установленных законом¹. При этом следует отметить, что закон имеет в виду именно полную невыплату, поэтому состав рассматриваемого преступления отсутствует, если заработная плата, пенсия, стипендия или иное пособие выплачиваются «в урезанном» виде либо ежемесячно, но со значительным нарушением установленных сроков². Поэтому ошибочна, на наш взгляд, позиция С. В. Максимова, согласно которой состав анализируемого преступления будет иметь место и в случае получения выплаты не в полном объеме³. Факт начисления сумм, подлежащих выдаче, также (по смыслу ст. 145.1 УК РФ) не приравнивается к их реальной выплате.

¹ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: Учеб. / Под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. С. 365.

² См., напр.: Комментарий к УК РФ с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 429; *Гуев А. Н.* Комментарий к УК РФ (для предпринимателей). 2-е изд., доп. и перераб. М., 2000. С. 29.

³ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: Учеб. / Под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. С. 365. Аналогичной позиции придерживаются И. Шишко и Е. Петрова, отмечая, что невыплата явно незначительной части заработной платы может признаваться малозначительным деянием (см.: *Шишко И., Петрова Е.* Уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат // Уголовное право. 2005. № 4. С. 56–57).

М. Н. Каплин считает, что при частичной невыплате заработной платы вопрос об уголовной ответственности необходимо решать исходя из соотношения осуществленных платежей с установленным в Российской Федерации прожиточным минимумом, а также размера невыплаченного остатка и длительности задержки (см.: *Каплин М. Н.* Указ. соч. С. 66). С ним согласна Е. И. Соктоева (см.: *Соктоева Е. И.* Уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (по материалам судебной и прокурорской практики Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 6–7).

Кроме того, неверным является утверждение Б. В. Яцененко о том, что для состава рассматриваемого деяния не имеет значения количество потерпевших — отдельное лицо или трудовой коллектив в целом⁴. По нашему мнению, данное обстоятельство должно в обязательном порядке устанавливаться и учитываться при квалификации по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ.

Обязательным для наступления уголовной ответственности по статье 145.1 УК РФ является условие невыплаты указанных в законе платежей *свыше двух месяцев*.

Так, в соответствии с Трудовым кодексом РФ заработная плата должна выплачиваться не реже, чем каждые полмесяца. Конкретные дни ее выдачи устанавливаются в локальных актах, принимаемых на предприятиях, в организациях, учреждениях (например, в положении об оплате труда, текстах коллективных договоров и т. д.). Сроки выдачи зарплаты доводятся до работников приказами или распоряжениями руководителей соответствующих структур.

Выплата пенсий, пособий родителям, имеющим малолетних детей, а также других платежей согласно действующему законодательству производится ежемесячно. Сроки их выплаты обычно устанавливаются в соответствующих нормативных правовых актах. Учреждения социальной защиты населения, служб занятости населения и т. п. обязаны сообщать получателям о конкретных днях выплаты пенсий и пособий.

Выплата стипендий студентам и аспирантам высших учебных заведений и ряду других категорий учащихся производится один раз в месяц. Администрация образовательных учреждений доводит до студентов и учащихся информацию о днях выплаты стипендий в соответствующих приказах либо путем объявления графиков выдачи стипендий и т. п.

Таким образом, моментом окончания анализируемого преступления является начало суток, следующих после истечения двух календарных месяцев с момента наступления предусмотренной законом, приказом или трудовым договором (коллективным трудовым соглашением) последней

⁴ См.: Комментарий к УК РФ с постатейными материалами и судебной практикой. С. 429.

даты для производства соответствующего платежа¹. Если данный срок истекает в выходной или праздничный день, то моментом окончания преступления следует считать начало суток, следующих за первым рабочим днем после соответствующего выходного или праздничного дня.

По конструкции *объективной стороны* состав анализируемого преступления относится к числу формальных².

Согласно утверждению Н. И. Пикурова, данное преступление признается оконченным после того, как двукратно (в течение двух месяцев) без уважительных причин нарушается право лица на получение заработной платы, пенсии, стипендии или иной выплаты³. Это означает, что деяние будет являться уголовно наказуемым только в том случае, если за каждый из двух месяцев, указанных в законе, не производились соответствующие обязательные выплаты, о чем говорит упоминаемая данным автором двукратность противоправных действий со стороны руководителя государственного либо иной формы собственности предприятия, учреждения или организации. Однако такое понимание положений диспозиции нормы, по нашему мнению, сужает и искажает смысл законодательной формулировки. Полагаем, что по закону уголовная ответственность должна наступать и в случае однократной невыплаты указанных обязательных платежей, длящейся свыше двух месяцев, даже при условии осуществления выплаты данных видов платежей за последующие месяцы.

По нашему мнению, оговоренный в законе срок вообще не следовало формули-

ровать в рассматриваемой уголовно-правовой норме.

Во-первых, неясно, почему в статье говорится именно о двух месяцах, а, например, не об одном⁴, трех или четырех. Складывается впечатление, что выбранная законодателем цифра указана произвольно. Во всяком случае, не возникает каких-либо логичных, веских и убедительных обоснований и аргументов в пользу данного законотворческого решения.

Представляется, что та или иная новелла, предлагаемая законодателем, должна быть, прежде всего, оправданной и понятной правоприменителю. К сожалению, в случае с введением в УК РФ статьи, устанавливающей ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, этого не произошло, поскольку отдельные положения, сформулированные в диспозиции нормы ст. 145.1 УК РФ, не достаточно ясны и понятны, а авторы такого законодательного решения не дали ему какого-либо объяснения.

Во-вторых, неуместность упоминания о каких-либо сроках противоправного поведения в ст. 145.1 УК РФ диктуется также необходимостью учета прав и законных интересов потерпевших. Полагаем, что с точки зрения охраны конституционных прав тех лиц, которым не выплачивается вовремя зарплата, законодательная оговорка о сроках является недопустимой. На наш взгляд, для наступления ответственности руководителя достаточно уже самого факта незаконной невыплаты денежных средств, при этом, разумеется, следует доказать, что в его распоряжении имелись денежные средства, достаточные для выплаты указанных в законе обязательных платежей. В случае необходимости может быть назначена экспертиза, которая даст ответ на вопросы, какие именно суммы, за какой период и какому количеству граждан были не выплачены⁵.

¹ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко; Науч. ред. А. С. Михлин. М., 2000. С. 290; Иванов Н. Г. Уголовное право Российской Федерации: Общая и Особенная части: Учеб. пособие для студ. сред. проф. учеб. заведений. М., 2000. С. 343; Соктеева Е. И. Указ. соч. С. 12.

² Отдельные авторы считают анализируемый состав преступления материальным (см., напр.: Кап-лин М. Н. Указ. соч. С. 66–67; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учеб. / Под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 119). По нашему мнению, законодательное описание данного преступления в диспозиции ст. 145.1 УК РФ не дает оснований для такого утверждения.

³ См.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учеб. / Под ред. М. П. Журавлева и С. И. Никулина. С. 116.

⁴ Профессор П. Н. Панченко предлагает в рассматриваемой норме установить срок невыплаты свыше одного месяца (см.: Панченко П. Н. Принципы права и линия их реализации в правоохранительной деятельности по обеспечению правопорядка в экономике. Н. Новгород, 2004. С. 71).

⁵ См.: Уголовное право России. Часть Особенная: Учеб. для вузов / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999. С. 154.

В-третьих, законодательное определение двухмесячного срока как одного из обязательных условий привлечения к уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ приводит к различному толкованию положений данной нормы в теории и на практике. Так, вполне возможны случаи, когда, зная о том, что меры уголовно-правового воздействия могут быть применены только при условии, если длительность преступного поведения виновного составляет два или более месяца, руководители предприятий, учреждений или организаций (независимо от формы собственности) прекратят свое противоправное поведение раньше этого срока, рассчитывая таким образом уклониться от ответственности. Возникает вопрос, можно ли в данном случае привлечь виновное лицо к уголовной ответственности? Ответ не такой уж и простой, как это может показаться на первый взгляд.

С одной стороны, очевидно, что ст. 145.1 УК РФ применить в таких случаях нельзя, так как нет одного из обязательных признаков объективной стороны этого состава преступления – противоправное поведение осуществлялось менее двух месяцев. С другой стороны, если должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, использует денежные средства, предназначенные для выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий или иных обязательных платежей, в целях извлечения выгод или преимуществ для себя или других лиц и причиняет тем самым существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, то, на наш взгляд, есть все основания для привлечения виновного к уголовной ответственности соответственно либо по ст. 285 УК РФ или по ст. 201 УК РФ.

Согласно правилам квалификации деяний при конкуренции норм ст. 145.1 УК РФ является специальной по отношению к ст. 285 и ст. 201 УК РФ¹. Однако, как отмечалось выше, одним из обязательных условий уголовной ответственности по ст. 145.1 УК РФ является двухмесячный срок проти-

воправного поведения виновного. Значит, до наступления этого момента данная норма конкуренцию ст. 285 и 201 УК РФ составлять не может. Следовательно, нет никаких оснований указанные нормы не применять.

Вместе с тем, если привлекать виновных в невыплате обязательных денежных средств к уголовной ответственности по ст. 285 или ст. 201 УК РФ, может возникнуть вопрос о соразмерности наказания характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, т. е. о противоречии закреплённому ст. 6 УК РФ принципу справедливости.

Так, если деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 145.1 УК РФ, относится к преступлениям небольшой тяжести (а значит, может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет), то деяния, предусмотренные ст. 285 и 201 УК РФ, относятся к преступлениям средней тяжести и за их совершение может быть назначено наказание в виде лишения свободы соответственно на срок до четырех и до трех лет.

Отсюда следует, что, чем дольше руководитель незаконно не выплачивает обязательные платежи, тем менее строгими будут для него меры уголовно-правового воздействия.

Поскольку деяние, предусмотренное ст. 145.1 УК РФ, является одной из форм злоупотребления полномочиями, очевиден вывод, что законодатель относит эту разновидность преступного поведения к привилегированным формам. Однако, на наш взгляд, сегодня необходим иной подход к лицам, пытающимся извлечь какую-либо выгоду для себя за счет других. В этой связи полагаем, что нормы (как общие, так и специальные), предусматривающие ответственность должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, за различные формы злоупотреблений своими полномочиями, должны быть приведены в определенное соответствие друг с другом. К сожалению, приходится констатировать, что в рассматриваемых нормах такого соответствия нет.

В частности, сопоставление иных видов наказаний, предусмотренных в ст. 145.1 УК РФ, с наказаниями, перечисленными в ст. 285 и 201 УК РФ, показывает, что законодатель, по всей видимости, не проводил

¹ См.: Комментарий к УК РФ: Науч.-практ. коммент. / Отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2001. С. 315.

их соотношения друг с другом. Например, предусмотренный в ст. 285 и 201 УК РФ такой вид наказания, как арест, отсутствует в санкции ст. 145.1 УК РФ, наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью отсутствует в ст. 201 УК РФ, хотя необходимость его наличия в санкции указанной нормы представляется очевидной. И наоборот, в ст. 201 УК РФ предусмотрены наказания в виде обязательных и исправительных работ, а в ст. 145.1 и 285 УК РФ они отсутствуют.

Кроме того, сопоставительный анализ норм об ответственности за рассматриваемое деяние по прежнему и ныне действующему уголовному законодательству позволяет отметить также следующее: по сравнению с диспозицией существующей нормы об ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 138 УК РСФСР 1960 г. «Нарушение законодательства о труде», была изложена гораздо шире и предусматривала ответственность не только за незаконную задержку выплаты заработной платы, но и за незаконное увольнение работника с работы, неисполнение решения суда о восстановлении его на работе, а равно иное существенное нарушение законодательства Российской Федерации о труде, совершенное должностным лицом предприятия, учреждения, организации независимо от форм собственности. По непонятным причинам иные формы преступного поведения руководителей предприятий, учреждений и организаций остались без уголовно-правового воздействия в действующей норме. Можно, однако, согласиться с тем, что в данной статье не указывается преступное поведение руководителя, заключающееся в неисполнении виновным решения суда о восстановлении незаконно уволенного им работника, так как в новом УК РФ ответственность за такого рода деяние предусмотрена ст. 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта».

Таким образом, все вышеизложенное подчеркивает недостатки технико-юридической конструкции рассматриваемой нормы, которые нередко отрицательно сказываются на эффективности применения их основных по-

ложений на практике, а иногда вообще исключают возможность привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145.1 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла, конкретизированного корыстной или иной личной заинтересованностью: виновный сознает, что незаконно не выплачивает свыше двух месяцев своим работникам, служащим, пенсионерам, студентам и т. п. заработную плату, пенсии, стипендии, пособия и иные причитающиеся гражданам на законных основаниях денежные средства и желает совершать указанное преступное бездействие.

Представляется ошибочным мнение авторов, полагающих, что совершение рассматриваемого деяния возможно с косвенным умыслом¹. Поскольку косвенный умысел определяется отношением к последствиям, он невозможен в формальных составах, где само деяние образует оконченный состав преступления. Волевое же отношение к совершаемому деянию в преступлениях с формальным составом может быть только в виде прямого умысла².

Мотив – корыстная и иная личная заинтересованность – выступает в качестве обязательного признака субъективной стороны³, подлежащего установлению в каждом конкретном случае. Если невыплата обусловлена иными побуждениями, состав рассматриваемого преступления отсутствует.

¹ См., напр.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. / Под ред. А. С. Михлина. С. 154; Комментарий к УК РФ (для предпринимателей). С. 32.

² См.: Уголовное право. Общая часть: Учеб. / Отв. ред. И. Я. Казаченко и З. А. Незнамова. М., 1997. С. 188; Практикум по уголовному праву / Под ред. Л. Л. Кругликова. М., 1997. С. 82; *Дагель П. С., Котов Д. П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 81; *Назаренко Г. В.* Вина в уголовном праве: Моногр. Орел, 1996. С. 29.

³ Ошибочным является мнение Н. И. Ветрова о том, что указанный в законе мотив корыстной или иной личной заинтересованности должен быть учтен судом какотягчающее обстоятельство при вынесении виновному наказания (см.: *Ветров Н. И.* Указ. соч. С. 109). В ч. 2 ст. 63 УК РФ однозначно определено: «...если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания».

Применительно к анализируемому деянию корыстный мотив может проявляться, например, в незаконном использовании денежных средств на собственные нужды, приобретении недвижимости или иного имущества за счет этих средств и т. д. Иными словами, виновный, не выдавая зарплату, стипендию и т. д., стремится за счет этого незаконно обогатиться. Известны многочисленные случаи «прокрутки» поступивших на счет предприятия или организации определенных сумм через коммерческие банки, а вся «накрутка» (довольно значительная сумма) распределяется соответствующим образом среди круга заинтересованных и приобщенных лиц¹. Вместе с тем необходимо отграничивать рассматриваемое преступление от различных форм хищения, которым также свойственны корыстные побуждения.

Иная личная заинтересованность нередко проявляется в стремлении извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленном такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание скрыть свою некомпетентность и т. п.²

Отсутствие корыстной или иной личной заинтересованности у виновного в задержке соответствующей выплаты на срок свыше двух месяцев не исключает возможности привлечения его к ответственности за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), присвоение полномочий должностного лица (ст. 288 УК РФ) либо за самоуправство (ст. 330 УК РФ) при наличии иных признаков, предусмотренных законом применительно к соответствующим деяниям³.

Говоря о субъективной стороне рассматриваемого состава преступления, необходимо отметить, что указание в законе на мотив корыстной или иной личной заинтересованности представляется недостаточно обоснованным. В частности, в упоминавшейся выше ст. 138 УК РСФСР 1960 г. (в последней редакции данной нормы⁴) мо-

тив совершения данного преступления не был предусмотрен в качестве обязательного признака субъективной стороны. Уголовная ответственность в соответствии с этой нормой наступала без учета каких-либо мотивов преступного поведения виновного. Полагаем, что такой подход к защите конституционных прав и законных интересов граждан является более правильным. Как отмечалось выше, для привлечения к уголовной ответственности достаточно уже самого факта незаконной невыплаты денежных средств независимо ни от времени просрочки, ни от мотивов преступного поведения, которые в этом случае могут быть учтены судом при назначении наказания. Сегодня мы имеем в законе норму, которая практически не может быть реализована на практике, поскольку исходя из содержания ст. 145.1 УК РФ к уголовной ответственности виновного проблематично привлечь даже тогда, когда точно установлено, что незаконная невыплата обязательных денежных средств составляла более двух месяцев, так как, минуя это условие, правоприменитель непременно столкнется с другим поставленным перед ним законодателем препятствием – доказать корыстную или иную личную заинтересованность, преодолеть которое будет весьма затруднительно, а часто – практически невозможно. Например, «прокручивая» свыше двух месяцев указанные средства, руководитель вполне может заявить, что имел намерение использовать их и полученные от них доходы на развитие производства, улучшение условий труда рабочих и т. п., скрывая при этом свои истинные корыстные побуждения. Что тогда делать с таким альтруистом? В соответствии с имеющейся нормой практически никаких мер уголовно-правового воздействия к нему применить нельзя.

Таким образом, учитывая указанные выше недостатки технико-юридической конструкции ст. 145.1 УК РФ, предлагаем следующую редакцию данной нормы:

«Статья 145.1. Нарушение законодательства о труде

1. Незаконное увольнение работника (служащего) с работы (со службы) либо невыплата (полная или частичная) заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат, совершенные должностным лицом либо ли-

¹ См.: *Ветров Н. И.* Указ. соч. С. 109.

² См.: *Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: Учеб.* / Под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. С. 680.

³ См.: там же. С. 367.

⁴ Изменения в статью были внесены Федеральным законом от 18 июля 1995 г. (см.: СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2865).

цом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, – наказывается... (преступление небольшой тяжести)

2. То же деяние, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности, – наказывается... (преступление средней тяжести)

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия, – наказываются...» (тяжкое преступление)

Полагаем, что в представленном виде рассматриваемая норма будет применяться более эффективно.

В. В. Иринчеев,

доцент кафедры

уголовного права и криминологии

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

Д. Н. Никитин,

старший инспектор

организационно-аналитического отдела

Штаба УВД по Владимирской области

И. В. Лагерь,

ассистент кафедры управления и информатики

в технических и экономических системах

Владимирского государственного

университета

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ЧАСТОТНОГО АНАЛИЗА
ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ
РЕГИСТРИРУЕМОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
НА КРАТКОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ
(ПО ДАННЫМ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ
УВД ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Решение задачи эффективного противодействия преступности требует активизации усилий системы ОВД по выполнению как основных функций, связанных с обеспечением охраны общественного порядка и общественной безопасности, предупреждением и пресечением преступлений, своевременным и полным их раскрытием, так и штабных, ориентированных на поиск форм и методов совершенствования управления ОВД.

Значительную роль в реализации последних играет процесс получения новой информации о состоянии криминальной ситуации и деятельности ОВД. На основе

Библиографический список

1. Каплин, М. Н. Проблемы квалификации преступной невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат / М. Н. Каплин // Налоговые и иные экономические преступления : сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2005. – Вып. 6.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. А. С. Михлин. – М., 2000.

3. Ставцева, А. И. Ответственность руководителя организации за нарушение законодательства о труде / А. И. Ставцева, Н. Н. Шептулина. – М., 2000.

данной информации осуществляется перспективное планирование превентивных мер борьбы с преступностью.

В этой связи приобретает актуальность криминологическое прогнозирование оперативной обстановки на территории обслуживания.

С практической точки зрения важнейшим элементом криминологического прогнозирования является проблема идентификации временных рядов показателей уголовной статистики. Содержание этой проблемы состоит в установлении тенденций, характеризующих развитие криминального явления, выраженного последовательностью числовых значений.

Наряду со стандартным статистическим анализом (методы сглаживания временных рядов, статистическое изучение сезонных колебаний и др.) одним из методов исследования количественного изменения изучаемой величины выступает частотный анализ.

Данный метод позволяет переходить от временной формы представления информации к частотной (частотный спектр), тем самым находить присутствующие в ряде периодические компоненты и выявлять сезонные колебания.

Традиционно используемые методы сглаживания временных рядов – скользящей средней, последовательных разностей, наименьших квадратов и т. п. – имеют ограничения в применении, если ряд носит колебательный характер. Эти ограничения связаны с использованием в перечисленных методах процедур фильтрации, которые приводят к

уменьшению амплитуд колебаний ряда и тем самым искажают его реальные значения.

Поэтому частотный анализ является реальным способом, позволяющим преодолеть указанные ограничения и в целом повысить прикладное значение прогнозной информации.

Данный метод применяется, как правило, при сглаживании временного ряда, в поведении которого наблюдается определенная периодичность изменения его уровней. Примером таких рядов служат данные о зарегистрированных преступлениях против собственности: кражах, грабежах, разбоях и т. д.

В связи с тем, что данные уголовной статистики представляются в форме дискретных показателей, для перехода к частотному представлению динамического ряда обычно применяется дискретное преобразование Фурье (комплексная форма записи):

$$X(j\omega) = \Delta t \sum_{i=0}^{N-1} x_i e^{-j\omega t_i} = P(\omega) + jQ(\omega) = A(\omega) e^{j\varphi(\omega)},$$

где $X(j\omega)$ – комплексный частотный спектр (КЧС); x_i – значения изучаемого процесса в i -е моменты времени $t_i = i \cdot \Delta t$ из интервала $0 \leq t_i \leq Tp$; Tp – время, в течение которого проводились наблюдения; Δt – период дискретизации; N – число уровней временного ряда (количество значений x_i); ω – значение частоты;

$$A(\omega) = \sqrt{P^2(\omega) + Q^2(\omega)}; \quad \varphi(\omega) = \arctg\left(\frac{Q(\omega)}{P(\omega)}\right)$$

– амплитудный и фазовый спектры; $P(\omega)$ – вещественная часть КЧС; $Q(\omega)$ – мнимая часть КЧС.

Однако, если учесть, что изучаемый криминальный процесс носит непрерывный характер (с позиции социального явления), наиболее применимы нетрадиционные алгоритмы частотного анализа, основанные на следующих положениях:

- изучаемое явление представлено в виде функциональной зависимости изучаемого процесса от времени;

- по уровням временного ряда формируется вспомогательный процесс, получаемый с помощью кусочной аппроксимации;

- к полученному процессу применяется непрерывное преобразование Фурье, реализованное на основе разложения анализируемой функции в тригонометрический ряд Фурье, коэффициенты которого находятся путем аналитического интегрирования произведений данной функции на $\cos \omega t$, $\sin \omega t$.

Этот способ имеет название дискретно-непрерывного преобразования Фурье¹. Его называют также численно-аналитическим методом частотного анализа.

В простейшем случае дискретно-непрерывного преобразования Фурье нулевого порядка анализируемый временной ряд $x(t)$ на каждом элементарном промежутке времени $t_i \leq t \leq t_i + \Delta t$ заменяется постоянным значением $x_i = \text{const}$. В результате такой замены вместо исходного ряда $x(t)$ получается новый – $\tilde{x}(t)$, имеющий кусочно-постоянный характер (рис. 1).

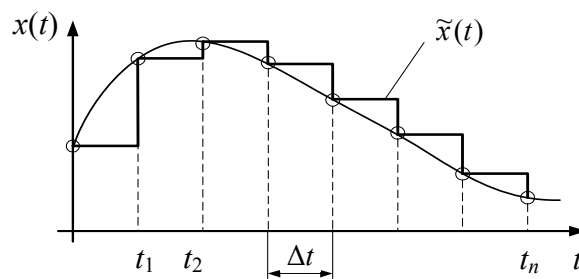

Рис. 1. Вспомогательный ряд, полученный с помощью кусочной аппроксимации нулевого порядка

В этом случае для каждого элементарного промежутка времени можно аналитически вычислить $\int \tilde{x}_i \sin \omega t dt$ и $\int \tilde{x}_i \cos \omega t dt$, а используя свойство аддитивности определенного интеграла, – найти преобразование Фурье на всем промежутке $[0; Tp]$.

Преимущество численно-аналитического метода перед классическим (дискретным) преобразованием Фурье² заключается в том, что спектры, получаемые с помощью первого из указанных методов, не являются периодическими.

Периодичность спектров обеспечивает их достоверность только в достаточно узком диапазоне частот, зависящем от периода дискретизации изучаемого процесса (граничная частота не может быть больше чем $\omega_0 = \frac{\pi}{\Delta t}$), что в конечном счете влияет

на точность сглаживания анализируемого

¹ См.: Галкин А. А. Дискретно-непрерывный метод спектрального анализа сигналов // Приборы и системы управления. 1998. № 7.

² См.: Рабинер П., Голд Б. Теория и применение цифровой обработки сигналов. М., 1978; Сергиенко А. Б. Цифровая обработка сигналов: Учеб. для вузов. 2-е изд. СПб., 2006.

ряда¹, а значит, снижает степень доверия к результатам прогноза.

Для прогнозирования динамики изучаемой величины необходимо провести обратное преобразование Фурье, т. е. вновь перейти к временной форме представления динамического ряда (по аналогичному алгоритму).

В общем случае процедура изучения и прогнозирования криминальных явлений с помощью частотного анализа состоит из следующих этапов:

1) применение дискретно-непрерывного преобразования Фурье к исходному дискретному временному ряду;

2) определение частот, вносящих наибольший вклад в формирование колебательного процесса изучаемого явления (анализ амплитуд периодических составляющих);

3) с помощью обратного преобразования Фурье построение на интервале упреждения временного ряда, отражающего вероятное развитие изучаемого процесса в перспективе.

Действие описанного алгоритма апробировано на примере построения прогноза динамики (вариации) помесичной регистрации грабежей во Владимирской области на 2007 г.

Для решения этой задачи нами был выбран временной ряд, характеризующий помесичное изменение числа регистрируемых на территории Владимирской области грабежей в 2005–2006 гг. Начальные условия: период дискретизации (Δt) – один месяц; $T_p = 24$ месяца (рис. 2).

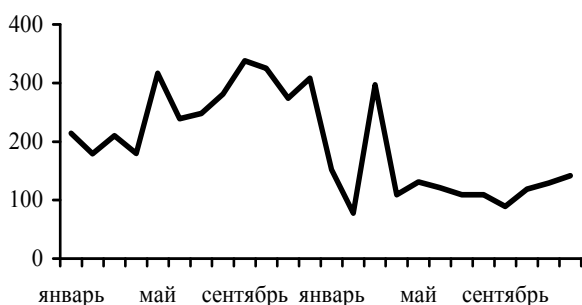

Рис. 2. Динамика числа зарегистрированных грабежей в 2005–2006 гг.

Применяя к исходному временному ряду дискретно-непрерывное преобразование Фурье, мы получили зависимость амплитуды числа регистрируемых на территории области грабежей от их частоты. Таким образом,

¹ См.: Басараб М. А., Зелкин Е. Г., Кравченко Ф. В., Яковлев В. П. Цифровая обработка сигналов на основе теоремы Уиттекера – Котельникова – Шеннона. М., 2004.

определены частоты тех периодических составляющих, которые вносят наибольший вклад в колебательный процесс регистрации грабежей на территории области (рис. 3).

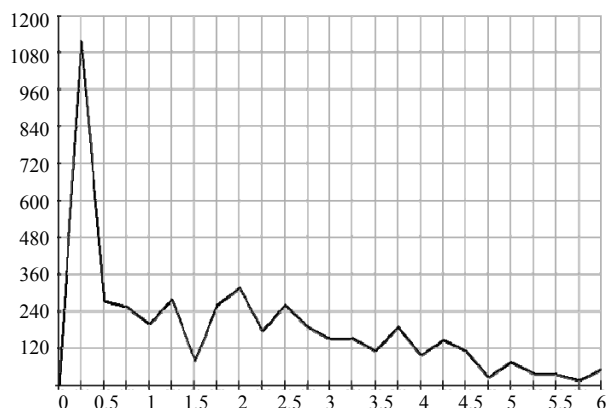

Рис. 3. Амплитудный спектр временного ряда числа зарегистрированных грабежей в 2005–2006 гг.

Для рассматриваемого примера выделена только одна частота ($\omega_1 = 0,25$), которая соответствует периоду времени $T_1 = \frac{\pi}{\omega_1} \approx 12$ месяцев.

Это означает, что в регистрации грабежей на территории области наиболее выраженные изменения (рост их числа) происходят через 12 месяцев. С учетом этого после применения обратного преобразования Фурье получен прогноз динамики помесичной регистрации грабежей на территории области в 2007 г. (рис. 4). Следует отметить, что применение описанного метода прогнозирования не дает ответа на вопрос о количестве зарегистрированных преступлений на интервале упреждения, поскольку решается совсем иная задача – определение характера динамики (т. е. периодов роста и снижения) в регистрации преступлений.

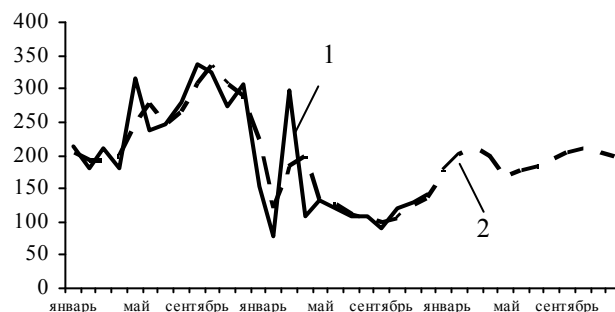

Рис. 4. Прогноз динамики помесичной регистрации грабежей на территории Владимирской области на 2007 г.:

1 – исходный временной ряд числа зарегистрированных грабежей в 2005–2006 гг.;
2 – аппроксимирующий временной ряд и прогноз числа зарегистрированных грабежей на 2007 г.

Сравнительный анализ результатов прогноза (при условии, что они получены только для целей настоящего исследования, а следовательно, не были использованы при планировании конкретных профилактических мероприятий) и фактических изменений в регистрации грабежей на территории области в 2007 г., показал относительную точность прогноза ($R^2 = 0,75$). Это обуславливает приемлемость предложенного метода для оперативного планирования мероприятий правоохранительными органами по превентивному реагированию на осложнения криминальной ситуации (с позиции не допущения прогнозируемого роста преступности). Вместе с тем в ряде случаев применение рассмотренного метода сопровождается ошибкой, связанной либо со смещением прогнозируемых периодов вариации показателей исследуемого криминального явления относительно временной шкалы, либо их симметрией с реальными значениями относительно конкретного момента времени. Данное обстоятельство является следствием влияния случайных (неконтролируемых) факторов и поэтому требует дальнейшей проработки и адаптации метода частотного анализа для изучения как криминальных процессов, так и в целом решения задач в социально-правовой сфере.

О. Н. Коломытцева,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

В настоящее время существенным образом меняется характер информационного взаимодействия общества и государства. Это проявляется в расширении прав граждан путем предоставления им моментального доступа к разнообразной информации, возможности участвовать в процессе принятия политических решений и осуществлять контроль над действиями правительства, активно производить информацию, а не только ее потреблять, а также обеспечении средств защиты частной жизни и анонимности личных посланий и коммуникаций.

В настоящее время имеются работы по использованию возможностей частотного анализа для определения периодичности при изменении регистрации отдельных видов преступлений (А. А. Бок, И. В. Горошко), однако разработок по криминологическому прогнозированию с использованием результатов частотного анализа сегодня пока не найдено. В этом смысле настоящая работа представляется перспективной как в научном, так и в прикладном значении.

Библиографический список

1. *Басараб, М. А.* Цифровая обработка сигналов на основе теоремы Уиттекера – Котельникова – Шеннона / М. А. Басараб [и др.]. – М., 2004.
2. *Бок, А. А.* Спектральные методы идентификации временных рядов / А. А. Бок, И. В. Горошко // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. – М., 2005.
3. *Галкин, А. А.* Дискретно-непрерывный метод спектрального анализа сигналов / А. А. Галкин // Приборы и системы управления. – 1998. – № 7.
4. *Сергиенко, А. Б.* Цифровая обработка сигналов : учеб. для вузов / А. Б. Сергиенко. – 2-е изд. – СПб., 2006.

Данные изменения стали возможны во многом благодаря международной телекоммуникационной сети Интернет, позволяющей организовать прямую и обратную связь между государственными органами и населением на качественно ином уровне, т. е. сблизить государство и граждан, повысить внутреннюю эффективность и сократить затраты на содержание властного аппарата.

Заметим, что с появлением Интернета общественно-политическая деятельность приобрела особую значимость. Так, граждане теперь могут реагировать на текущие события политической жизни, задавать вопросы различным органам государственной власти, принимать участие в анкетировании, голосовании. Это делает общественное мнение более динамичным в характере изменения взглядов на то или иное событие и в скорости такого изменения.

Информационные и коммуникационные технологии идеально подходят для реше-

ния задач децентрализации, сокращения государственного аппарата, обеспечения непрерывности его действия.

Кроме того, сегодня осуществляются переход к «электронной демократии» как форме обеспечения полной прозрачности во взаимоотношениях «гражданин – государство», «избиратель – депутат» и внедрение системы электронного голосования. Применение систем электронного документооборота позволяет добиться огромного экономического эффекта, а применительно к России такое снижение издержек (с учетом территориальной протяженности) может быть просто колоссальным¹.

Таким образом, с одной стороны, Интернет способствует повышению эффективности государственной деятельности, большей открытости политических процессов и формированию широкого общественного согласия благодаря укреплению обратной связи между государственными органами, политической системой и избирателями. С другой стороны, в результате усиления позиций исполнительной власти усиливается контроль административного аппарата и экспертов, бюрократии над гражданами, нарушается баланс различных ветвей власти, коренным образом меняются отношения парламента и правительства.

Ричард Дэвис, исследуя влияние Интернета на американскую политическую систему, отмечает, что политики будут продолжать использовать сеть как инструмент удержания и усиления имеющейся власти наряду с другими механизмами общественного воздействия. В перспективе сеть приспособится и будет поддерживать существующие властные отношения, но не станет революционной силой, создающей прямую демократию².

По мнению Р. Латейна, голосование через Интернет имеет позитивные и негативные стороны. Безусловно, оно способно стимулировать политическое участие граждан в жизни страны: в ходе эксперимента в Орегоне (США) в 2000 г., когда голосование производилось исключительно посредством электронной почты, «явка» избира-

телей превысила 80 %. Однако потенциальная опасность заключается в том, что упрощение процедуры голосования, а также подачи гражданами петиций приведет к множеству политических инициатив, идущих от населения.

Некоторые авторы считают, что «электронные городские собрания» – это и есть демократия в ее лучшем проявлении. Их оппоненты, в свою очередь, настаивают на том, что повседневная вовлеченность граждан в процесс управления не соответствует принятому на Западе идеалу представительской демократии, когда ответственность за принятие решений лежит на избранных народом лидерах³.

Таким образом, «кибердемократия» в сочетании с упрощенной системой электронного голосования может вернуть нас к прямой демократии Древних Афин, переродившейся во власть толпы. Сейчас невозможно с определенностью утверждать, как развитие Интернет-технологий скажется на российском политическом процессе.

Отечественный исследователь Б. П. Пружинин отмечает, что перед СМИ открываются практически неограниченные возможности манипулирования сознанием индивида, создания политических альтернатив и придания им определенной эмоционально-нравственной окраски, в результате становится трудно определить, что такое выборная демократия⁴.

Факторами, способствующими укреплению «информационного превосходства» правительства по отношению к парламенту, являются увеличение числа функций современного государства, рост его благосостояния и процесс автоматизации административной деятельности. Сегодня в условиях усиления специализации политики и взаимопереплетения сфер принятия политических решений центр тяжести в управленческой деятельности смещается от подготовки проектов решений по отдельным вопросам к разработке долгосрочных комплексных программ. Таким образом, депутаты

¹ См.: Терещенко Л. К. и др. Интернет и гласность. М., 1999. С. 37.

² См.: Корявин Л. Выборы в США: возможны ли фальсификации? // Рос. Федерация. 1995. № 20. С. 21.

³ См., напр.: Дмитриев Ю. А., Израелян В. Б. Избирательное право: Учеб. М., 2008. С. 15.

⁴ Подробнее см.: Комментарий к Закону Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (постатейный) / Под ред. В. В. Погуляева. М., 2004. С. 129.

представительных органов власти оказываются все менее полномочны осуществлять контроль над деятельностью государственной администрации во всем ее многообразии. Разрыв между компетенцией последней и парламентом становится центральной структурной проблемой современных демократий.

Характерная черта западного государства с его многообразными функциями и требующимися для этого гигантскими массивами информации заключается в том, что в основу принимаемых решений политики требуют закладывать как можно больше данных, информационное содержание которых они не в состоянии оценить самостоятельно. Вследствие этого возрастает опасность усиления влияния со стороны экспертов, владеющих этими данными и методами их обработки, но не несущих политической ответственности, в то время как политическое руководство в лице парламента и правительства теряет способность самостоятельно ориентироваться.

Пока нельзя с полной уверенностью утверждать, что с помощью Интернета граждане оказываются более вовлеченными в политический процесс, поскольку сегодня эта сеть используется государствами скорее как средство информирования, чем учета общественного мнения.

Тем не менее доступная в электронном виде информация от государства может способствовать развитию его диалога с общественностью¹. Государство как инструмент, призванный служить интересам общества, благодаря внедрению в органы государственной власти информационных и телекоммуникационных технологий получает новые возможности для информирования граждан, учета их мнения по ключевым вопросам, повышения эффективности своей деятельности. Негативные проявления, которые могут иметь место в результате использования сети в качестве средства обеспечения взаимодействия государства и личности, не умаляют указанных преимуществ, тем более что существует ряд мер по их предупреждению.

«Сетевая культура» перестраивает внутренние взаимоотношения, устраняет иерар-

хические барьеры как между подразделениями, так и между различными уровнями управляющих. Если этот процесс тормозится или данные последствия не принимаются в расчет, ценность информационной системы резко снижается, поскольку она не выполняет одной из главных функций по повышению эффективности деятельности всей организации. В целом можно утверждать, что Интернет – это не только средство выполнения государством своих функций, но и способ их преобразования, а следовательно, элемент новой управленческой культуры.

Следует отметить, что в информационном обществе не просто качественно меняется характер организационно-управленческих систем, в нем резко возрастает значимость самого управления². Действительно, в условиях информационных коммуникаций актуальная информация быстро устаревает, все время обновляется, а значит, необходимо принципиально изменить характер принятия решений. В противном случае управленческие решения окажутся неадекватными, не отвечающими текущей ситуации. Иными словами, в современных условиях реально формирующегося информационного общества организационно-управленческие системы, в которых осуществляется управление информацией, приобретают значение основного стратегического общественного ресурса.

Кроме того, влияние Интернета проявляется в изменении характеристики современной демократии. Так, в информационном обществе любой человек де-факто имеет возможность путем использования Интернет-технологии самостоятельно выстраивать приватную организационно-управленческую политику, поскольку существенную, если не решающую, роль здесь начинает играть нестатусная демократия – «нанодемократия» (демократия индивидов, а не традиционная демократия организаций). О реально наступающей, и во многом уже наступившей, эпохе «нанодемократии» как демократии индивидов пишут и российские исследователи. В частности, «демократия равенства», ассоциируемая с «равной доступностью» благ и услуг, насаждением стандартных эталонов и норм,

¹ См.: Моргунов Е. Почему популярен Интернет? // Управление персоналом. 2005. № 14. С. 26.

² См.: Акопян Д., Еляков А. Управление Интернетом // Финансовая газета. 2007. Сент. № 39. С. 7–8.

уступает место новому образу демократии – «демократии свободы»¹, которая предполагает синхронность двух процессов: более свободного осознания специфики различных групповых интересов (вместо «монопольного единства») и интенсивной культурной стратификации населения (вместо «единых образцов поведения»). В числе дефицитных, престижных и социально значимых выступают такие ценности, как автономия, самобытность, самоопределение, самодеятельность.

Вхождение мирового сообщества в XXI в. в координаты «нанодемократии» влечет новые риски для человечества, поскольку всегда будут находиться личности, настроенные решительно осуществлять без всякой на то общественной и официальной санкции свои глобальные проекты, не обязательно безупречные с точки зрения морали.

В настоящее время становится очевидным, что впредь человечеству со всеми его институтами придется считаться с разномасштабными инициативами частных лиц, в том числе претендующих на глобальные эффекты. На наш взгляд, именно этот «нанодемократический» вызов статусному устройству (в рамках государства и права) социальной жизни и побуждает традиционные организационные формы общества и прежде всего структуры государственного управления к соответствующим изменениям. Иными словами, они обязаны становиться эффективными РК²-субъектами, чтобы управлять «нанодемократией», иначе мир ожидает перспектива разрушения самого феномена государства и права.

Полагаем, что современное государственное управление должно осуществляться в корпоративной организационной форме, наиболее приспособленной к ведению эффективной РК-работы. Корпоративные структуры государственного управления представляют собой неотъемлемый элемент

мировой практики, которая получила в 1990-х гг. XX в. мощный импульс для своего развития на уровне правительственных программ демократизации управленческой системы в рамках развития федерализма.

В «нанодемократических» условиях появления нестатусных субъектов социального управления (наряду со статусными: профсоюзами, политическими партиями, общественными объединениями, государством) беспрецедентно возрастает значение РК-функции управления. Это объясняется тем, что у нестатусных субъектов нет иного средства воздействия, кроме РК. Если этой высокой технологией не будут пользоваться статусные субъекты, то их ожидают утрата эффективности и деградация.

Таким образом, согласно экспертным оценкам сегодня к «наиболее статусному» субъекту государственного управления предъявляются два требования: оптимальная организационная структура – корпорация и высокий уровень эффективности.

Объединение данных современных политико-институциональных требований образуют доктрину властного управления при наличии эффективного РК-субъекта. Действительно, в информационном обществе, в любых его секторах, выигрывают организационно-управленческие системы, которые наилучшим образом способны управлять информацией. Кроме того, сама доктрина эффективного государства определено указывает на необходимость информационного обеспечения деятельности государственного аппарата³.

Потребность публичной государственной политики в РК-самообеспечении возрастает в реформационные периоды, когда государственному субъекту приходится принимать «реструктуризационные» решения, непопулярные по определению. На данное обстоятельство – повышение значения государственного «пиара» в обществе в условиях реформ – специально указывают эксперты, подчеркивая, что важнейшим фактором обеспечения успеха преобразований является доверие общества к политическому руково-

¹ См., напр.: Конституционное право государств Европы: Учеб. пособие для студентов юрид. вузов и фак. / Отв. ред. Д. А. Ковачев. М., 2005. С. 45; Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / Под ред. А. А. Вешнякова, В. И. Лысенко. М., 2003. С. 168.

² РК – компьютерные технологии.

³ См.: Кременецкий С. М. Демократизация избирательных систем и порядка проведения выборов в Российской Федерации и зарубежных странах: Сравн.-правовой анализ. М., 1996. С. 39.

дству. Оно особенно необходимо, когда реформа связана с большими добровольными экономическими жертвами. Здесь обществу помимо доверия нужны и определенные гарантии, что жертвенность не будет напрасной. Гарантии эти заключаются не только в принятии определенных правовых предписаний и контроле за их выполнением, но и демократическом характере самого реформаторского действия. Чем сложнее задачи, стоящие перед властными структурами, тем надежнее должен быть механизм прямых и обратных связей между ними и обществом.

Отмечая повышенную востребованность государственного «пиара» именно в периоды реформационных общественных кризисов, исследователи констатируют исторически устойчивое основание, по которому современная цивилизация, называемая индустриальной, является обществом, где публичное поведение субъектов востребовано постоянно. Таким основанием выступает реформационная ментальность индустриального общества – особое состояние общественного сознания, характеризующееся постоянной неудовлетворенностью существующей реальностью, постоянным ощущением ее как кризисной, проблемной, что и оказывается сильной мотивацией к непрерывному реформированию общества в координатах устойчивого развития.

Таким образом, очевидно, что отдельное и ключевое обязательство в этом отношении ложится на российское государственное управление, которое должно быть в

авангарде процесса, демонстрируя сильную и эффективную политику, иначе при отсутствии механизмов прямых и обратных связей между властью и обществом исчезнет сам реформационный импульс.

Для современной России характерна информационная асимметрия, вызываемая дефицитом информационного обеспечения, то есть недостаточной публичностью организационно-управленческих систем. Хотя в настоящее время органы государственной власти стали создавать в Интернете собственные сайты, в структуру которых входят специальные разделы, предназначенные для обратной связи и оперативного обмена информацией с посетителями¹.

Государству необходимо обратить внимание на то, как и с какой целью используются информационные и телекоммуникационные технологии, а также на правовое обучение граждан, правовой механизм предоставления государственных услуг электронным образом, создание равноправия в доступе всех слоев населения к информационной инфраструктуре.

Библиографический список

1. *Терещенко, Л. К.* Интернет и гласность / Л. К. Терещенко [и др.]. – М., 1999.
2. Комментарий к Закону Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (постатейный) / под ред. В. В. Погуляева. – М., 2004.
3. *Моргунов, Е.* Почему популярен Интернет? / Е. Моргунов // Управление персоналом. – 2005. – № 14.

О. Н. Коломытцева,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

Л. Н. Коломытцева,
преподаватель Кировского филиала
Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РФ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Одним из значимых событий в сфере формирования социального контроля над государством стало создание Общественной па-

латы РФ. Концепция образования данного органа построена на закреплённом в ч. 1 ст. 32 Конституции РФ праве граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей².

На Общественную палату РФ возлагаются задачи обеспечения согласования ин-

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ (постатейный) / Под ред. Е. И. Колюшина. М., 2003. С. 74.

² См.: Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 12 мая 2003 г. / Под ред. В. Н. Лопатина. СПб., 2003. С. 100.

тересов граждан, общественных объединений и государственных органов в сфере экономического и социального развития, обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты конституционного строя страны и демократических принципов организации гражданского общества. Указанные задачи решаются Общественной палатой РФ путем проведения общественной экспертизы проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, проектов нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов РФ, а также правовых актов органов местного самоуправления¹.

Общественная экспертиза проводится по решению Совета Общественной палаты РФ или в связи с обращением Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ. В этих целях создается рабочая группа, которая привлекает экспертов, истребует необходимые документы и материалы из органов власти, направляет своих членов для участия в их работе. Заключение носит рекомендательный характер, однако подлежат обязательному рассмотрению.

Общественная палата РФ вправе давать заключения о нарушениях законодательства Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления и направлять указанные заключения в компетентные государственные органы или должностным лицам.

Так, Общественная палата РФ осуществляет сбор и обработку информации об инициативах граждан России и общественных объединений, организует и проводит гражданские форумы и слушания по актуальным вопросам общественной жизни, доводит до сведения населения информацию о подобных инициативах.

Рассматриваемая задача при непосредственном участии Общественной палаты РФ связана с разработкой мер по государст-

венной поддержке тех общественных структур, деятельность которых действительно направлена на развитие гражданского общества в России².

Общественная палата РФ вправе приглашать руководителей федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления принять участие в пленарном заседании Общественной палаты РФ, направлять своих представителей для участия в работе комитетов и комиссий Государственной Думы и Совета Федерации, а также в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти; посылать запросы в органы государственной власти и местного самоуправления; оказывать информационную, методическую и иную поддержку общественным палатам, созданным в регионах.

Законодательством предусмотрены такие формы решений Общественной палаты РФ, как заключения, предложения и обращения. При этом решения Общественной палаты РФ в указанных формах носят рекомендательный характер, однако обязательны к рассмотрению органами государственной власти.

Результаты проведенного нами исследования показали, что 52 % экспертов полностью согласны с тем, что Общественная палата РФ должна стать главным органом, представляющим социальные интересы; не согласны с данным утверждением 25 % респондентов; затруднились ответить – 23 %³.

В настоящее время особо актуальной является проблема статуса Общественной палаты РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (далее: Закон)⁴ Общественная палата РФ обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации с федераль-

² См.: Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (постатейный). М., 2006. С. 73.

³ См.: Коломытцева О. Н. Контроль общества над государством: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 214.

⁴ См.: Об Общественной палате Российской Федерации: Федер. закон от 4 апр. 2005 г. № 32-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

ными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, а согласно ч. 2 ст. 1 Закона Общественная палата РФ формируется на началах добровольного участия в ее деятельности граждан, общественных объединений и объединений некоммерческих организаций. Таким образом, Общественная палата РФ является некоммерческой организацией. Однако финансовое обеспечение данной структуры, возмещение ее членам расходов, связанных с осуществлением ими обязанностей члена Общественной палаты РФ, а также компенсаций в размере, определенном законом, иным правовым актом, осуществляется, согласно ч. 2 ст. 13 Закона, за счет средств федерального бюджета. В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 26 Закона аппарат Общественной палаты является государственным учреждением, а руководитель этого аппарата назначается на должность и освобождается от должности Правительством РФ по представлению совета Общественной палаты.

По нашему мнению, для устранения имеющихся противоречий следует ч. 1 ст. 1 Закона изложить в следующей редакции:

«1. Общественная палата Российской Федерации является совещательным органом и призвана обеспечивать взаимодействие граждан Российской Федерации с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

На наш взгляд, процедура формирования Общественной палаты РФ имеет следующие недостатки: не указан круг общественных объединений, объединений некоммерческих организаций, творческих союзов, с которыми будут проводиться консультации для определения кандидатур 42 граждан РФ, имеющих особые заслуги перед государством и обществом, а также критерии выбора таких объединений и организаций для проведения с ними предварительных консультаций; в ч. 2 ст. 8 Закона не указан срок, в течение которого гражданин России, получивший соответствующее предложение от главы государства, может уведомить его о согласии либо отказе от участия в работе данного органа; из текста ч. 6 ст. 8 неясно, каким образом члены Общественной палаты РФ, кандидатуры которых утверждены Президентом РФ, будут уста-

навливать процедуру конкурсного отбора 42 представителей общероссийских общественных объединений; должна ли эта процедура быть изложена в письменной форме; какие критерии применяются при конкурсном отборе. Если исходить из действующей формулировки, то конкурсный отбор общественных объединений, равно как и их привлечение к работе Общественной палаты РФ, может проводиться абсолютно субъективно.

Кроме того, необходимо законодательное закрепление критериев отбора общественных объединений и их представителей для участия в составе Общественной палаты РФ, механизмов их аккредитации и привлечения к работе Палаты и ее комиссий.

В ч. 3 ст. 9 Закона необходимо более четко определить различия в статусе членов Общественной палаты РФ и представителей общественных объединений, привлеченных к работе Общественной палаты РФ, при функционировании ее комиссий и рабочих групп.

В деятельности Общественной палаты РФ по ограничению государственной власти основное значение имеет такая форма работы, как общественная экспертиза. В связи с этим представляется возможным дать определение основных понятий, не применяющихся в действующем законодательстве Российской Федерации.

По нашему мнению, необходимо ст. 18 Закона изложить в следующей редакции:

«1. Общественная экспертиза – это вид экспертной деятельности, проводимой экспертными комиссиями или общественными экспертными организациями по анализу и оценке воздействия: хозяйственной или иной социально-инновационной деятельности, нормативных и других управленческих актов на условия жизни и реализацию прав и законных интересов граждан.

Общественная палата вправе проводить экспертизу проектов нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, проектов законов субъектов Российской Федерации и нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации, проектов правовых актов органов местного самоуправления.

2. Инициатива проведения общественной экспертизы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Правительству Российской Федерации, совету Общественной палаты, комиссиям Общественной палаты, отдельным членам Общественной палаты.

По решению совета Общественная палата РФ проводит экспертизу проектов законов страны о поправках к Конституции РФ, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, затрагивающих вопросы:

- 1) государственной социальной политики;
- 2) защиты конституционных прав граждан Российской Федерации;
- 3) обеспечения общественной безопасности и правопорядка.

Дополнение существующей нормы, на наш взгляд, позитивно отразится на харак-

тере деятельности Общественной палаты РФ и послужит эффективному процессу социального контроля над государством.

Деятельность Общественной палаты РФ выступает в качестве необходимого условия формирования гражданского общества и правового государства, становится индикатором эффективного функционирования данных институтов, а также выступает гарантией реализации законности и обеспечения правопорядка в стране.

Библиографический список

1. *Борисов, А. Н.* Комментарий к Федеральному закону «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (постатейный) / А. Н. Борисов. – М., 2006.

2. *Права человека в России и правозащитная деятельность государства* : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 12 мая 2003 г. / под ред. В. Н. Лопатина. – СПб., 2003.

А. С. Колосов,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

Т. Е. Колосова,
*адвокат Центральной коллегии
адвокатов г. Владимира*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ (ИМУЩЕСТВЕННАЯ) ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТА ПЕРЕД ДОВЕРИТЕЛЕМ

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ¹ (далее: Закон об адвокатуре) адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Данное соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой пись-

менной форме между доверителем и адвокатом на оказание юридической помощи самому доверителю или указанному им в соглашении лицу.

В соответствии с ч. 4 указанной статьи Закона об адвокатуре одним из существенных условий соглашения между адвокатом и клиентом являются размер и характер ответственности адвоката, принявшего исполнение поручения. Данная ответственность носит гражданско-правовой (имущественный) характер и является одним из важнейших элементов правоотношений, возникающих между адвокатом и клиентом по поводу оказания различных видов юридической помощи.

Имущественная ответственность как один из видов юридической ответственности представляет собой взыскание судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, перелагающих на правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего. Гражданско-правовая ответственность может быть договорной и деликтной (внедоговорной) в зависимости от оснований наступления и способа регулирования правоотношений между сторонами.

¹ См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. Федер. законов от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ, с изм., внесенными Федер. законом от 3 дек. 2007 г. № 320-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

Институт имущественной ответственности адвоката регулируется как законодательством об адвокатуре, так и гражданским законодательством. В связи с этим к отношениям между адвокатом и доверителем применяются нормы Гражданского кодекса РФ (далее: ГК РФ) в той мере, в которой они не противоречат Закону об адвокатуре.

Необходимо отметить, что основания и пределы имущественной ответственности адвоката существенным образом различаются в договорных и деликтных отношениях между адвокатом и клиентом.

В случае, если отношения между адвокатом и доверителем носят договорный характер, основанием ответственности адвоката будет являться нарушение им условий соглашения, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом поручения либо в неоказании или ненадлежащем оказании услуг. Подобная ответственность возлагается на адвоката за причинение в результате оказания юридической помощи убытков доверителю. Кроме того, в соглашении также может быть предусмотрена неустойка, применяемая к адвокату за неисполнение или ненадлежащее исполнение поручения.

В свете рассматриваемой проблемы весьма актуальным становится вопрос об ответственности адвоката за оказание некачественной юридической помощи. Под словом «квалифицированный» понимается лицо, оказывающее помощь, в частности юридическую, (лично или с помощью штатных работников), которое обладает определенной квалификацией (т. е. уровнем подготовленности) в данной области. Такая квалификация может быть подтверждена всевозможными документами о юридическом образовании (дипломы, сертификаты), о прохождении какой-либо стажировки по юридической профессии или наличии соответствующего трудового стажа. Проблема, однако, заключается в том, что российское законодательство крайне редко устанавливает требования к уровню квалификации юристов-советчиков. Это связано с существующей неопределенностью в том, что, собственно, понимать под «квалифицированной юридической помощью»¹.

¹ См.: Кратенко М. В. Проблемы гражданско-правовой (имущественной) ответственности адвоката перед клиентом // http://advocat-otvet.narod.ru/articles/article_1.htm.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении определения категории «некачественная юридическая помощь». Сегодня ни законодатель, ни юридическая доктрина не предлагают участникам гражданского оборота и судам какой-либо концепции оценки качества оказанных услуг, в том числе и юридических².

Ряд авторов в качестве основополагающего критерия качества юридических услуг называют «положительный результат» работы адвоката. Так, по мнению Н. В. Козловой, наиболее простым способом определения надлежащего качества оказания правовых услуг является достижение юристом выгодного для клиента процессуального результата³.

Е. М. Берлин предлагает целый набор критериев качества правовых услуг. Так, с учетом их многообразия, критериями качества могут выступать: отсутствие в тексте составленного юристом документа ошибок и юридических неточностей; наличие в консультации, даваемой клиенту, ссылок на судебную и арбитражную практику; подробное указание всех реквизитов в жалобе или ином документе, составленном для клиента, с тем, чтобы последний смог обратиться в компетентный орган⁴.

Данная позиция заслуживает безусловного внимания, однако при этом необходимо отметить, что «некачественность» юридической помощи, по нашему мнению, не может служить основанием ответственности адвоката перед клиентом. Данная категория может применяться лишь при рассмотрении квалификационной комиссией адвокатской палаты жалобы клиента при дисциплинарном производстве. То есть качество оказанной юридической помощи должен определять не доверитель, а квалификационная комиссия адвокатской палаты с учетом того, насколько действие адвоката подрывает авторитет адвокатуры, порочит честь, достоин-

² См.: Берлин Е. М. Законодательное регулирование качества правовых услуг // Право и экономика. 2002. № 5. С. 44; Шаблова Е. Г. Услуга как объект гражданских прав // Рос. юрид. журн. 2001. № 3. С. 53.

³ См.: Козлова Н. В. Договор возмездного оказания правовых услуг // Законодательство. 2002. № 4. С. 51.

⁴ См.: Берлин Е. М. Законодательное регулирование качества правовых услуг // Право и экономика. 2002. № 5. С. 44.

ство адвоката, причиняет вред доверителю или адвокатской палате. Клиент же может только указать, какие, по его мнению, обязанности, предусмотренные договором, или действия, требуемые от адвоката по обстоятельствам дела, последний не выполнил.

На основании этого представляется возможным сделать вывод о том, что в случае, когда отношения между адвокатом и доверителем носят договорный характер, ответственность адвоката перед доверителем всегда конкретна и вытекает из заключенного соглашения. При рассмотрении в суде гражданского дела о взыскании с адвоката причиненных доверителю убытков в процессе оказания юридической помощи суд всегда исходит из конкретных условий соглашения адвоката с клиентом о размере ответственности адвоката. Поэтому договорная ответственность адвоката перед клиентом может состоять в применении судом восстановительных и, если это предусмотрено соглашением, штрафных санкций.

Размер имущественной ответственности адвоката устанавливается в договоре и выступает его существенным условием. Следовательно, при отсутствии указанного условия в договоре, он считается незаключенным (ч. 1 ст. 432 ГК РФ).

Наиболее общим видом гражданско-правовой ответственности является возмещение убытков потерпевшей стороне, поскольку данный вид ответственности в полной мере восстанавливает имущественный баланс участников гражданского оборота, позволяет восстановить имущественные потери потерпевшей стороны за счет имущества правонарушителя. В то же время возмещение убытков – это не единственный способ защиты гражданских прав. Взыскание неустойки применительно к отношениям адвоката и клиента возможно в том случае, если такая неустойка оговорена сторонами в соглашении. Наиболее приемлемой в этих случаях является неустойка в виде штрафа за неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязательств¹.

Таким образом, адвокат и доверитель в рамках исполнения соглашения об оказа-

нии юридической помощи могут установить в соглашении любой размер имущественной ответственности адвоката и условия ее ограничения.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре адвокат обязан исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия, прокурора или суда, а также в ряде случаев бесплатно оказывать юридическую помощь гражданам Российской Федерации. При этом имущественная ответственность адвокатов является внедоговорной, деликтной, поскольку между клиентом и адвокатом отсутствует соглашение, и юридическая помощь оказывается по постановлению (определению) соответствующего государственного органа (должностного лица). К данным отношениям применяются нормы гл. 59 ГК РФ об обязательствах вследствие причинения вреда.

Основанием ответственности адвоката в таких правоотношениях является причинение личности или имуществу гражданина вреда, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по договору.

В отношении размера имущественной ответственности при внедоговорных отношениях адвоката с клиентом действует правило, предусмотренное ч. 1 ст. 1064 ГК РФ, согласно которому адвокат обязан возместить в полном объеме вред, причиненный личности или имуществу гражданина в результате оказания юридической помощи. Следовательно, имущественная ответственность адвоката во внедоговорных обязательствах не может быть ограничена. При взыскании причиненного вреда с адвоката возможна также ссылка на ч. 2 ст. 1096 ГК РФ, которая говорит об ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков услуги, так как юридическая помощь в целом представляет собой комплекс юридических услуг, оказываемых адвокатом клиенту. При этом ответственность адвоката в рамках деликтного обязательства может выражаться только во взыскании убытков и морального вреда, причиненных подзащитному, в силу того, что неустойка является элементом исключительно договорной ответственности, не применимым к внедоговорным отношениям.

¹ См.: Ревзина Т. В. Гражданско-правовая ответственность адвоката за некачественную юридическую помощь // http://advocat-otvet.narod.ru/articles/article_2.htm.

На основании изложенного мы пришли к следующему выводу: адвокат, участвующий в уголовном процессе по назначению органов дознания, предварительного следствия, прокурора или суда, а также оказывающий бесплатную юридическую помощь гражданам Российской Федерации, находится в более уязвимом положении с точки зрения пределов его имущественной ответственности по сравнению с адвокатом, заключившим с клиентом соглашение, так как по общему правилу он обязан возместить подзащитному в полном объеме вред, причиненный во время оказания юридической помощи.

Библиографический список

1. Берлин, Е. М. Законодательное регулирование качества правовых услуг / Е. М. Берлин // Право и экономика. – 2002. – № 5.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) : [федер. закон : принят Гос. Думой РФ 22 дек. 1995 г. : по состоянию на 6 дек. 2007 г.] // Рос. газ. – 1996. – 6 февр. ; 7 февр. ; 8 февр. ; 10 февр.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) : [федер. закон :

принят Гос. Думой РФ 21 окт. 1994 г. : по состоянию на 6 дек. 2007 г.] // Рос. газ. – 1994. – 8 дек.

4. Козлова, Н. В. Договор возмездного оказания правовых услуг / Н. В. Козлова // Законодательство. – 2002. – № 4.

5. Кратенко, М. В. Проблемы гражданско-правовой (имущественной) ответственности адвоката перед клиентом / М. В. Кратенко // http://advocat-otvet.narod.ru/articles/article_1.htm.

6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон : [от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ : в ред. федер. законов от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ : с изм., внесенными Федер. законом от 3 дек. 2007 г. № 320-ФЗ] // СЗ РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

7. Ревзина, Т. В. Гражданско-правовая ответственность адвоката за некачественную юридическую помощь / Т. В. Ревзина // http://advocat-otvet.narod.ru/articles/article_2.htm.

8. Шаблова, Е. Г. Услуга как объект гражданских прав / Е. Г. Шаблова // Рос. юрид. журн. – 2001. – № 3.

А. В. Красильщиков,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

В России, находящейся в состоянии системных общественно-политических преобразований, в процессе перехода на инновационный путь развития появились принципиально новые для нашего государства субъекты гражданского общества – экономические организации¹. Они обладают большим политическим потенциалом и оказывают влияние на органы государственной власти с целью достижения своего экономического интереса. Вопрос, в каких

формах должно осуществляться политическое влияние данных субъектов гражданского общества в процессе становления демократии, сегодня приобретает особую актуальность для России.

В капиталистических странах, идущих по инновационному пути развития, экономические организации являются не только субъектами гражданского общества, но и фундаментом их общественной системы. Незыблемость принципов свободной рыночной экономики и неприкосновенности частной собственности стали основой для формирования категории граждан, экономически независимых, которые смело предъявляют властям свои требования. Недаром одним из источников концепции гражданского общества выступает континентально-европейская традиция, формировавшаяся под воздействием немецкого культурного пространства, где появлению свободного гражданина во многом способствовала гильдия как одна из первых форм объединения ремесленников, торговцев, ставшая первым видом ассоциаций, защи-

¹ См.: Красильщиков А. В. Экономические организации как субъекты гражданского общества в РФ // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2006. № 1. С. 202–205.

щавших их, и оказывавшая влияние на процесс управления городами¹.

Дело в том, что европейские общество и государства строились по принципу «снизу – вверх». Централизованная государственная власть играла роль надстройки по отношению к предварительно сформировавшемуся среднему слою феодальных землевладельцев (а в дальнейшем – слою буржуазии. – *А. К.*), который, в свою очередь, вырос на нижнем слое оседлого крестьянского населения². В данном случае было возможно органическое поступательное социальное движение, когда цели развития социума соразмерны экономическим интересам и целям хозяйственных субъектов³, что и способствовало инновационному пути развития.

В России сложилась совершенно иная обстановка: скудный экономический базис⁴ и огромные территории явились предпосылками для развития государства по мобилизационному пути. «Наше историческое движение – совершенно обратное с европейским. Последнее началось с блистательного развития индивидуального начала... у нас история началась с совершенного отсутствия личного начала», – писал К. Кавелин⁵.

Мобилизационная модель развития представляет собой инструмент разрешения противоречия между потребностями государства и возможностями населения по их решению. Это противоречие является основой несовпадения политических интересов и целей государства (суть которых – обеспечение безопасности и развития в условиях дефицита ресурсов) с интересами и целями хозяйственных субъектов, возможности которых не соответствуют масштабу

целей государства⁶. Подобное несовпадение интересов является основой противоречия между государством, призванным обеспечить задачи обороны и развития и выступающим в качестве инициатора развития, и гражданами, возможности которых недостаточны для решения поставленных государством задач⁷. Это обуславливает приоритетную роль государства во взаимоотношении с элементами гражданского общества. Всю свою историю, вплоть до 90-х гг. XX в. Россия неуклонно шла по мобилизационному пути развития.

Данные обстоятельства и предопределили сегодняшние сложности перехода на инновационный путь развития страны, хотя многие инициаторы этого перехода поначалу их и не предполагали. В частности, ключевой особенностью взаимоотношений между государством и субъектами бизнеса в посткоммунистической России, по сравнению с другими странами с переходной экономикой, определялось слабостью государства, которая была объективно обусловлена предшествующим этапом развития страны. Период «застоя» привел к глубокому кризису идеологии и деморализации советской элиты, среди представителей которой частные и групповые интересы стали, безусловно, преобладать над общественными.

В результате проводимой реформаторами приватизации к середине 1990-х гг. в России сложилась модель «олигархического капитализма»⁸, основной чертой которого стало обилие неформальных, а часто просто незаконных форм политического влияния организаций бизнеса, их тесное переплетение с властью и т. д.

Данный период в научной литературе принято называть «захватом государства», в результате которого в 1996–1997 гг. сложилась система отношений, когда финансовый капитал, будучи уже частнокапиталистическим, стал играть роль важнейшего звена политической власти. Это был уже не только и не столько лоббизм, а прямое участие во власти, олицетворением которого

¹ См.: *Голенкова З. Т.* Альтернативы и перспективы развития гражданского общества в России // *Гражданское общество: теория, история, современность*. М., 1999.

² См.: *Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Спб., 1909. С. 148.

³ См.: там же.

⁴ По данным ведущего эксперта в области геоэкономики Э. Кочетова, лишь 15 % территории РФ составляют земли, реально пригодные к хозяйственному использованию. Недра, которые на настоящий момент составляют основной экономический ресурс страны, полномасштабно начали осваивать только в XX в.

⁵ *Кавелин К.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 168.

⁶ См.: *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России // <http://gaman1.narod.ru>.

⁷ См.: там же.

⁸ См.: *Инсонг Ли.* Российский капитализм в эпоху глобализации: задачи и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 2. С. 42.

стало сначала понятие «семья», а затем «приватизация государства»¹. Но при этом данный процесс не привел к политической власти весь крупный корпоративный капитал, а включил в нее лишь его финансовую составляющую².

Одним из центральных показателей всевластия финансовых олигархов в тот период явилось ужесточение монетаристской экономической политики, которую с их подачи настойчиво проводили правительство и Центральный банк. Многочисленные попытки видных представителей реального сектора экономики и известных экономистов склонить правительство к более гибкой монетаристской политике и постепенному повышению валютного курса рубля не находили никакого отклика. Этим и был вызван финансовый обвал 1998 г.³

Августовский дефолт 1998 г. имел весьма неоднозначные последствия для экономики страны. С одной стороны, он резко ослабил финансовую составляющую финансовых групп, особенно банков, а с другой – создал более благоприятные условия для отечественного промышленного производства и тем самым способствовал некоторому оздоровлению предприятий⁴, что и способствовало становлению их как самостоятельных экономических организаций.

Этому же способствовало и изменение состава высшего руководства страны, которое начинало вести в корне иную политику в отношении экономических организаций и других субъектов гражданского общества.

Решительный сдвиг в сторону концентрации властных полномочий в правительстве произошел с назначением на пост его председателя (а в последствии выбранного Президентом РФ) В. В. Путина. Он сосредоточил в своих руках основные рычаги политической и экономической власти и с самого начала стал главным ее носителем.

В отношениях с крупными экономическими организациями стал наблюдаться уход от прямых неформальных контактов с крупнейшими предпринимателями путем декларирования принципа «равноудаленно-

сти». При этом активность Б. Березовского и В. Гусинского, которые выступили против такой модели через подконтрольные им средства массовой информации, была достаточно жестко пресечена.

Затем так же жестко была нейтрализована деятельность представителей крупных экономических структур М. Ходорковского и А. Невзлина по приватизации Парламента РФ. Они ставили своей целью изменить Конституцию РФ в сфере ослабления полномочий президента и назначить на должность премьер-министра лицо от подконтрольного им парламентского большинства⁵.

Усилению государства также способствовало кардинальное изменение системы формирования губернаторского корпуса в сентябре 2004 г. Суть изменения – переход от прямых выборов глав региональной исполнительной власти к утверждению местными законодательными собраниями кандидатур, предложенных президентом. Данное изменение существенно ослабило политическое влияние экономических организаций в регионах⁶.

Усиление государственного влияния на многие, ранее не контролируемые, сферы жизни общества, неизбежно привело к качественному и количественному расширению законодательной и административной деятельности. Так как данная деятельность напрямую зависит от государства, то возникла необходимость у экономических организаций поиска новых форм и методов влияния на органы государственной власти для обеспечения собственных интересов⁷. Принцип «равноудаленности» и отказ от неформального общения предпринимателей и власти побудил экономические организации использовать формы политического влияния, основанные на букве закона. К правовым формам влияния экономических организаций на органы власти можно отнести: лоббистскую деятельность; создание и финансирование политических партий и кандидатов; выдвижение своих представителей

⁵ См.: Аргументы и факты. 2004. № 25.

⁶ См. подробнее: Барсукова С. Ю. Власть и бизнес: новые правила игры // Полит. исслед. 2006. № 6. С. 135–144.

⁷ См.: Дмитриева Е. А. Особенности лоббирования корпоративных интересов в органах государственной власти современной России: 1993–2005 гг.: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 81.

¹ См.: Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М., 2003. С. 67.

² См.: там же.

³ См.: Нефть России. 1998. № 1. С. 3.

⁴ См.: Перегудов С. П. Указ. соч. С. 68.

в органы власти; оказание влияния на власть через граждан и общественное мнение.

В западных социальных системах основной правовой формой политического влияния экономических организаций на государства является лоббизм как формализованное (законодательно закрепленное) давление на власть. В России правовая форма данной деятельности, по мнению Е. А. Дмитриевой, отсутствует, так как до сих пор нет законодательной базы данного феномена, что не позволяет говорить о нем как о формальном институте. Сегодня существует лишь практика лоббирования, которая при отсутствии реальных механизмов, каналов, средств продвижения интересов малодоступна для анализа, ибо ее большая часть носит неформальный характер, не фиксируется и не документируется¹.

По нашему мнению, хотя официально политическое влияние и собственно лоббизм как явление законодательно не закреплены, большинство их форм осуществления в России все же находятся в рамках действующего законодательства.

В частности, этому способствуют положения Конституции РФ:

– ч. 2 ст. 3: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»;

– ч. 1 ст. 30: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется»;

– ч. 1 ст. 32: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей»;

– ст. 33: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления».

Таким образом, можно констатировать, во-первых, в РФ существуют определенные конституционные основы для институализации политического влияния, во-вторых, право лоббистской деятельности, по сути, закреплено в Конституции РФ.

¹ См.: Дмитриева Е. А. Лоббирование корпоративных интересов в органах государственной власти России // Власть. 2004. № 4. С. 70.

Кроме того, нормы, регулирующие общие параметры взаимодействия субъектов политического влияния, содержатся в ряде других правовых актов. Среди них: федеральные конституционные законы «О правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ², «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ³; федеральные законы «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ⁴, «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ⁵, «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ⁶, «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ⁷, «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ⁸ и т. д.; регламенты палат Федерального Собрания, указы Президента РФ «О полномочных представителях Президента РФ в палатах Федерального Собрания Российской Федерации» от 10 февраля 1996 г. № 169⁹, постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и т. д.

Отсутствие специального нормативного правового акта, регулирующего основы политического влияния в России, объясняется тем, что институциональная среда в России находится сейчас на стадии формирования. При этом деятельность законодательных и исполнительных органов власти далеко не всегда поспевает за потребностями общества и, в частности, экономических организаций, что вынуждает предпринимателей формировать модели рыночного поведения самостоятельно¹⁰. Как только такие модели будут сформированы, отлажены и станут устраивать экономических агентов, участвующих в финансово-производственной деятельности, организационные бизнес-струк-

² См.: Рос. газ. 1997. 23 дек.

³ См.: СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

⁴ См.: Рос. газ. 1995. 25 мая.

⁵ См.: там же. 2005. 24 мая.

⁶ См.: там же. 2000. 8 авг.

⁷ См.: там же. 2006. 5 мая.

⁸ См.: там же. 2001. 14 июля.

⁹ См.: там же. 1996. 14 февр.

¹⁰ См.: Левина Е. А. Лоббирование интересов интегрированных структур в современной России. М., 2006.

туры сами будут заинтересованы в их формальной легитимации¹.

Однако следует отметить, что уже и на этапе формирования рыночных отношений активно функционируют механизмы лоббирования (в смысле донесения до органов законодательной власти интересов экономических организаций). Лоббизм в данном случае выполняет функцию ускорения легитимации новых моделей рыночного поведения, способствует возникновению новых институтов. Исходя из особенностей лоббистской деятельности в современной России, Е. А. Дмитриева делает вывод о том, что она является необходимым атрибутом становления гражданского общества в современной России². Но при этом лоббистам важно помнить о том, что их деятельность должна быть направлена не только в узкопартийных, узкогрупповых интересах, но и на благо всего общества.

На современном этапе перед российскими экономическими организациями стоит важ-

ная задача формирования цивилизованных рыночных отношений в России и благоприятной среды для ведения бизнеса. Для этого деловое сообщество должно самоорганизоваться для превращения в мощную позитивную силу как на федеральном, так и на региональном уровнях, способную оказать влияние на государство для принятия экономически обоснованных законов и решений.

Библиографический список

1. Барсукова, С. Ю. Власть и бизнес: новые правила игры / С. Ю. Барсукова // Полит. исслед. – 2006. – № 6.

2. Дмитриева, Е. А. Особенности лоббирования корпоративных интересов в органах государственной власти современной России: 1993–2005 гг. : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005.

3. Перегудов, С. П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. – М., 2003.

А. Ю. Кужеков,

преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

НРАВЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как известно, социальная жизнь в любой период существования государства имеет ту или иную форму организации. Большинство ученых признают, что на ранних ступенях развития общества в основе социальной организации лежали нормы, определявшие из поколения в поколение общие правила поведения отдельных индивидов³. Чаще всего подобные нормы называют обычаями⁴. Вместе с тем содержание терми-

на «обычай» включает круг явлений, которые сходны по смыслу, но не тождественны⁵. В связи с этим в отечественной научной литературе можно выделить две господствующие точки зрения.

К первой из них относятся авторы (О. Э. Лейст, И. С. Зыкин, Н. И. Матузов и др.), считающие, что нельзя объединять под понятием «обычай» различного рода традиции, нравы, ритуалы, обыкновения и т. д.⁶

Другой позиции придерживаются В. И. Гойман, Т. Н. Радько, М. А. Супатаев и другие, по мнению которых вышеперечисленные нормативы необходимо относить к обычаям⁷.

в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 98–102.

⁵ См.: Волкер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 83–84.

⁶ См.: Лейст О. Э. Право в системе социальных норм // Общая теория государства и права / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1994. С. 114–116; Зыкин И. С. Обычаи и обыкновения в международной торговле. М., 1983. С. 17; Матузов Н. И. Понятие и классификация социальных норм // Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 291.

⁷ См.: Гойман В. И., Радько Т. Н. Право в системе нормативного регулирования // Общая теория государства и права. М., 1996. С. 113; Супатаев М. А. Право современной Африки. М., 1988. С. 61.

¹ См.: Левина Е. А. Указ. соч.

² См.: Дмитриева Е. А. Особенности лоббирования корпоративных интересов в органах государственной власти современной России: 1993–2005 гг. С. 110.

³ См.: Гофман А. Б., Левкович В. П. Обычай как форма социальной регуляции // Сов. этнография. 1973. № 1. С. 15.

⁴ См.: Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 113; Головкин Р. Б., Мамчун В. В. Теория государства и права: Конспекты лекций. Владимир, 1996. С. 42; Зыкин И. С. Обычай в советской правовой доктрине // Сов. государство и право. 1981. № 3. С. 128; Свечникова Л. Г. Понятие обычая

Вторая позиция, на наш взгляд, более обоснована. Во-первых, основные признаки обычаев присутствуют и в традициях, и нравах, и других выделяемых данным подходом нормах. Во-вторых, такая точка зрения вносит терминологическую ясность, позволяя рассматривать вышеперечисленные явления как видовые изомеры обычаев. Известно, что обычаем в узком, собственном, смысле является правило поведения, соблюдаемое в силу привычки, т. е. обычаями становятся нормы, соблюдение которых стало привычным в результате их длительного существования. Однако данные стереотипы могут складываться и на основе, например, моральных норм, ядром которых выступают нравы.

Термин «нравы», применяемый для обозначения особых правил поведения, которые, как считается, занимают промежуточное положение между обычаем и моральными нормами¹, произведен от термина «нрав». Согласно Толковому словарю В. И. Даля «нрав – это одна половина или одно из двух основных свойств духа человека: *Ум и нрав слитно образуют Дух* (душу, в высш. знач.); ко *нраву* относятся как понятия подчиненные: *воля, любовь, милосердие, страсти* и пр., а к уму: *разум, рассудок, память* и пр. Согласно союз *нрава и ума, сердца и думки* образует стройность, совершенство духа; раздор этих начал ведет к упадку. В животном не может быть такого разлада: там *нрав и ум, воля и рассудок* слиты нераздельно в одно – в *побудки* (инстинкт); и человек должен достигать такого же единства, но высшим путем: убеждением, обузданием страстей и умничания, сознанием долга, общее выражение свойств человека, постоянных стремлений воли и его характер (например, нрав тихий, кроткий, буйный, крутой и пр.). В этом значении *нрав* человека: *прирожденный*, естественный, поскольку любой рождается с известными наклонностями, расположением, и *выработанный*, сознательный и возрожденный, насколько человек успел согласовать в себе сознательное и бессознательное»². Исходя из данного определения можно говорить о

массовых свойствах нрава и его регулятивном значении для общественных отношений. Отсюда нрав – это свойство целого народа, племени, зависящее не столько от личности каждого, сколько от условно принятого: житейских правил, привычек, обычаев, которые в данном случае озвучиваются как *нравы*.

В связи с тем, что нравы имеют глубокие психологические корни, они, в какой-то мере учитывают и иногда содержат религиозные нормы. Например, если проанализировать наиболее значимые религиозные источники (Библию, Коран, Талмуд, Бхагавадгиту и др.), то в них можно обнаружить проявление норм, условно обозначаемых как морализованные обычаи. Последние характеризуют уклад взаимоотношений в обществе, породившем религии, отраженные в названных источниках. С одной стороны, в них описываются сложившиеся стереотипы поведения, с другой, дается моральная оценка и осуществляется сакрализация этих образцов. Например: «Как ты поступаешь, так и тебе будет воздано»³. Полагаем, такие морализованные обычаи можно отнести к нравам.

Итак, нравы содержат в себе элемент моральной либо религиозной оценки поведения человека. По нашему мнению, это объясняется расширенной этимологией термина «нрав», которая, в свою очередь, обусловлена объемностью нравов.

От термина «нрав» произведен термин «нравиться». Так, у В. И. Даля одним из значений данного понятия является все, что нравится, что пришлось по нраву, приятный, угодный, желанный: «*Нравиться* – быть угодну, любу, приятну; прийтись по нраву, по вкусу и по желанию; полюбиться кому, показаться»⁴. Отсюда В. И. Даль выводит, и с этим можно согласиться, что «нравственный – противоположность *телесному, плотскому*: духовный, душевный. *Нравственный быт человека важнее быта вещественного*. Относящийся к одной половине духовного быта, противополож. *умственному*, но составляющий общее с ним духовное начало: *к умственному относятся истина и ложь; к нравственному – добро*

¹ См.: Лейст О. Э. Указ. соч. С. 115.

² Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка: В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 558.

³ Коран. М., 2006. IX, 36, XII, 40, XXX, 29.

⁴ Даль В. И. Указ. соч.

и зло. Добронравный, добродетельный, благонравный; согласный с совестью, с законами правды, с достоинством человека, с долгом честного и чистого сердцем гражданина. *Это человек нравственный, чистой, без укорной нравственности. Всякое самотверждение есть поступок нравственный, доброй нравственности, доблести*¹.

Кроме того, В. И. Даль указывает на связь нравов и религии. Так, по его мнению, христианская вера включает в себе правила самой высокой нравственности: «Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьей совесть и Бога»².

На наш взгляд, с термином «нравы» связан и широко известный термин «нравовучение», который можно определить как целенаправленное воздействие одного субъекта общественных отношений на другого с целью формирования у последнего правильных представлений о нравах и нравственности. Иными словами, это всякое честное поучение, наставление к добру, особенно в качестве заключения, вывода из какого-либо случая, рассказа. Например, общеизвестное окончание народных сказок: «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок!», или из Библии: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали, так и вы поступайте с другими»³.

Таким образом, в результате анализа содержания понятия «нравы» мы можем следующим образом определить их место в системе социального регулирования общественных отношений.

Во-первых, нравы основаны на сложившейся повторяемости процессов и явлений.

Во-вторых, эти нормы закрепляются привычками и стремлением к подражанию, следовательно, они являются своего рода обычаем.

В-третьих, нравы содержат в себе элементы оценивания поведения людей с точки зрения сложившихся стереотипов обычного поведения и служат основой воспитательного воздействия при формировании моделей поведения, принятых в данном

обществе. Отсюда можно заключить, что нравы выступают основой нравственности и являются разновидностью морали.

В-четвертых, нравы помимо моральных и обычных норм содержат в себе еще элемент религиозной оценки поведения человека. Эти морализованные обычаи характеризуют уклад взаимоотношений в обществе, породившем религии, отраженные в различных религиозных источниках. С одной стороны, в них описываются сложившиеся стереотипы поведения, с другой стороны, дается моральная оценка и осуществляется сакрализация этих образцов.

В-пятых, нравы могут опосредовать и опосредоваться средой социальной жизни. Это связано с нравственно-психологическими и инерционными аспектами сознания (самосознания) индивидов, а также трансформацией этих элементов при объединении лиц в микро- и макрогруппы. Например, часто можно услышать о нравах «высшего общества», о нравах, царящих в правоохранительных органах, о «нравах преступного общества» и т. д.

Таким образом, **нравы** — это элемент системы социального регулирования общественных отношений в виде комплексных норм, основанных на инерции сознания при оценивании поведения человека с учетом его микро- и макросреды обитания и регулирующих отношения, складывающиеся в локальных, относительно обособленных общностях людей.

Библиографический список

1. Гойман, В. И. Право в системе нормативного регулирования / В. И. Гойман, Т. Н. Радько // Общая теория государства и права. — М., 1996.

2. Гофман, А. Б. Обычай как форма социальной регуляции / А. Б. Гофман, В. П. Левкович // Сов. этнография. — 1973. — № 1.

3. Матузов, Н. И. Понятие и классификация социальных норм / Н. И. Матузов // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малькова. — М., 1997.

4. Свечникова, Л. Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) / Л. Г. Свечникова // Государство и право. — 1998. — № 9.

¹ Даль В. И. Указ. соч.

² Там же.

³ Библия. М., 1993. С. 1112.

А. В. Кулагин,
*преподаватель кафедры
физической культуры
Ивановского института государственной
противопожарной службы МЧС России*

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Правовое воспитание представляет собой целенаправленную систему мер, просветительских, образовательных и иных, формирующую установки уважения и соблюдения права, цивилизованных способов решения споров, профилактики правонарушений¹. Содержание правового воспитания как процесса формирования правовой культуры личности сотрудников правоохранительных органов включает в себя следующие структурные элементы: 1) информирование о праве (информационный); 2) формирование отношения к праву (оценочный); 3) воспитание установки на правомерное поведение (регулятивный); 4) воспитание чувства необходимости правомерного поведения (когнитивный); 5) организация деятельности субъектов правового воспитания в рамках государственных и общественных институтов (организационный)².

Содержательные особенности определяют инфраструктуру процесса правового воспитания сотрудников правоохранительных органов, включающую несколько несущих элементов. Первым и, на наш взгляд, наиболее важным среди них является так называемая информационная среда (информационный аспект), содержанием которой выступают правовые знания и юридическая технология. Это необходимая составная часть и важнейшее условие, предваряющее любой поведенческий акт личности в правовой сфере, ее приобщенности к правовой жизни общества.

Важнейшим элементом информационной среды правовой культуры личности сотрудников правоохранительных органов выступает социальная память, т. е. ее компоненты,

связанные с правовой информированностью личности. При этом наиболее важным представляется то обстоятельство, что основные традиции, являющиеся основой для формирования правосознания и правовой культуры сотрудников правоохранительных органов, первоначально закладываются в семье, малых социальных группах, где вырабатываются стандарты правового поведения, складывающиеся именно в микросреде личности и оказывающие решающее влияние на правовые ориентации личности и ее правовую культуру.

Правовые знания, которым обучаются в процессе правового воспитания сотрудники правоохранительных органов, отличаются многообразием. Они дифференцированы по степени и глубине развития: систематизированные (знания основных институтов права в сфере правовой деятельности данного субъекта); несистематизированные (отличаются фрагментарностью, не объединяясь общей правовой идеей). Кроме того, правовые знания сотрудников правоохранительных органов могут классифицироваться по назначению. Выделяются знания, необходимые для удовлетворения личного, общественного, профессионального, научного интересов³.

Формирование правовой культуры личности сотрудников правоохранительных органов включает в себя и регулятивный (поведенческий) аспект. Следует отметить существование двух категорий: во-первых, формирование правомерного поведения и его высшего уровня – правовой активности личности; во-вторых, поведения, не предусмотренного нормами права, хотя и не запрещенного ими. Именно поведение, т. е. его правомерность, является основным понятием в формировании правовых ориентаций сотрудников правоохранительных органов, строящих их общественное поведение, отношение к правовой реальности, определяющее в результате возникающие правовые действия.

В настоящее время приобрело большую актуальность исследование проблем правомерного поведения сотрудников правоохранительных органов. Это вызвано рядом причин как объективного, так и субъективного характера.

¹ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учеб. М., 2006. С. 573.

² См.: Юридическая психология / Под ред. В. Л. Васильева. СПб., 2000. С. 36.

³ См.: Нравственно-правовое воспитание учащихся. Из опыта работы: Книга для учителя / Сост. Л. Ф. Никитин. М., 1986. С. 14.

Во-первых, возникла необходимость активизации социальной деятельности и активности граждан в условиях изменившейся правовой ситуации – перехода к новым формам хозяйствования, расширения демократии и т. д. Во-вторых, значительно возросла стимулирующая роль права и, как следствие, его влияние на мотивацию правомерного поведения граждан. При этом решающим фактором, влияющим на поведение человека, т. е. основой для правовой инициативы, является интерес к существованию и реализации гражданских прав, наиболее востребованных в условиях современного государства и составляющих преимущественное большинство из всего имеющегося актива, составляющего правовой статус личности в государстве.

При этом следует учитывать два взаимосвязанных момента, в совокупности составляющих оценочный аспект правового воспитания сотрудников правоохранительных органов: 1) само существование определенных гражданских прав формирует у человека определенный интерес (законный интерес), который становится основанием мотивации поведения человека, заранее стимулируя его, нацеливая на правомерные действия; 2) чем больше объем предоставляемых прав (что само по себе свидетельствует о высоком уровне развития государства, законодательства, а следовательно, состояния правовоспитательной системы), тем больше стимулов для формирования активной жизненной позиции. Это одна из основных задач как правового воспитания, так и правовой культуры сотрудников правоохранительных органов.

Высшим уровнем правомерного поведения, конечной целью правового воспитания сотрудников правоохранительных органов является правовая активность личности. В научной литературе правовая активность личности выступает в качестве важнейшей составной части правосознания, которая обеспечивает и укрепляет правовые основы жизни каждого государства¹. Правовая активность рассматривается как субъективное отношение и психологическая готовность человека к совершению социально полезных действий в сфере правового регулирования.

Она составляет когнитивный аспект правового воспитания и понимается как реализующая способность личности, степень интенсивности ее правовой деятельности, осознанного проявления правовых свойств личности.

На рост правовой активности личности сотрудников правоохранительных органов непосредственно оказывают влияние социальные условия жизни человека. Об этом убедительно свидетельствует современная действительность, характеризующаяся прогрессирующими негативными традициями. Общий глубокий кризис, поразивший все сферы жизни общества, инфляция, низкий жизненный уровень обуславливают низкую политическую и правовую активность населения. Демократизм, насколько бы высокой не была степень его развития, не опирающийся на растущую экономическую самостоятельность людей, сам по себе не может заменить комплекс жизнеобеспечивающих факторов и не стимулирует возрастание политической и правовой активности и культуры личности сотрудников правоохранительных органов. Это важные условия деятельности человека, но не сама деятельность. Поэтому наиболее значимым жизнеобеспечивающим условием становится определенная направленность государственной политики: от того, насколько отвечает эта политика современным требованиям жизни, зависят и порождаемые ею последствия.

Таким образом, в системе детерминант правового воспитания сотрудников правоохранительных органов важное место занимают социально-экономические, политические и духовные детерминанты. Они создают базу правовой активности, обуславливают возрастающие количественные и качественные ее характеристики.

В воспитании правовой активности личности сотрудников правоохранительных органов большое значение имеют юридические средства. Они оказывают позитивное и непосредственное воздействие на развитие активности человека в сфере правового регулирования. Гражданская активность неотделима от меры поведения, обозначенной правовыми нормами. Норма права сама по себе, как регулятор отношений, не может предопределить необходимую волевою активность (правомерную). Она должна проникнуть в сознание человека, опосредоваться в нем, т. е. вес-

¹ См.: Розни В. М. Юридическое мышление // Вопр. методологии. 1996. № 1. С. 5.

ти к определенному положительному результату, выражающемуся в правомерном поведении сотрудников правоохранительных органов. Только таким образом может реализовываться регулятивная функция права. Именно через осознанность нормы права определяются мотивы поведения, побуждающие к действию и в конечном счете определяющие вариант поведения сотрудников правоохранительных органов.

Для оценки правовой культуры личности сотрудников правоохранительных органов как структурирующего элемента общей правовой культуры важно анализировать не только ее поведенческий аспект, но и оценочный и когнитивный аспекты (потребность, интерес, установка, цель и т. д.), лежащие в основе реализации прав и обязанностей личности. В данном случае необходимо обратить внимание на анализ такой правовой категории, как «правовая установка». Именно она в процессе правового воспитания выступает ключевым элементом, определяющим сущность отношения к праву сотрудников правоохранительных органов, и является связующим звеном между правосознанием человека и его социально-правовой активностью, напрямую зависящей от уровня развития его правовой культуры.

В. О. Левит,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Нижегородской академии МВД России*

ДЕФИНИЦИИ В АКТАХ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Интерпретация, или толкование, правовых норм – важный этап в реализации права и особенно в правоприменительных процессах, количество и качество которых существенно влияют на состояние законности и правопорядка в любом государстве. В самом общем понимании толкование правовых норм обычно определяется как уяснение подлинного содержания права, раскрытие его внутреннего смысла¹.

Анализ современных интерпретационных процессов позволяет выявить три ос-

Как со стороны субъекта, так и со стороны объекта в процессе организации правового воспитания сотрудников правоохранительных органов наблюдаются структурные отношения (правовая установка личности, правовая активность личности, детерминанты правового воспитания и др.).

Конкретным проявлением структурности процесса правового воспитания сотрудников правоохранительных органов как субъектно-объектного взаимодействия являются его формы и средства, составляющие организационный и методологический механизм, с помощью которого субъекты правового воспитания воздействуют на общественное и индивидуальное сознание объекта.

Библиографический список

1. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. – М., 2006.
2. Нравственно-правовое воспитание учащихся. Из опыта работы: Книга для учителя / сост. Л. Ф. Никитин. – М., 1986.
3. Розни, В. М. Юридическое мышление / В. М. Розни // Вопр. методологии. – 1996. – № 1.
4. Юридическая психология / под ред. В. Л. Васильева. – СПб., 2000.

новные функции толкования. Взятые в последовательности, они отражают исторические этапы становления данной деятельности: 1) компенсация технических неясностей, неточностей и восполнение пробелов правовых норм; 2) интерпретация обобщенных правовых понятий в целях право-реализации; 3) интерпретация правовых норм с учетом общепризнанных принципов гуманности, уважения прав человека и справедливости.

Первую из указанных функций называют чаще экстраординарной в том смысле, что реализуется она лишь в случаях обнаружения дефектов правовых норм². Однако следует отметить, что в настоящее время необходимость в компенсации технических неясностей, неточностей правовых норм

¹ См.: Смирнов А. В., Манукян А. Г. Толкование норм права. М., 2008. С. 7.

² См., напр.: Смирнов А. В., Манукян А. Г. Указ. соч. С. 11; Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 5–6.

возникает довольно часто. Это объясняется, по нашему мнению, несовершенством юридической техники. В поддержку данного утверждения приведем ряд позиций Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее: ВАС РФ). Так, в постановлении от 13 июля 2004 г. № 4562/04 Президиум ВАС РФ дает толкование понятия «имущественные требования»: это «денежное обязательство как обязанность должника уплатить кредитору определенную сумму по гражданско-правовому и по иным основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации»¹.

В постановлении от 29 июня 2004 г. № 2046/04 Президиум ВАС РФ определяет, что «зачет излишне уплаченной суммы налога, сбора и пеней представляет собой сокращение налогового обязательства плательщика на будущий период и влечет недополучение бюджетом соответствующих сумм налоговых платежей, уплаченных ранее»².

Однако возникает вопрос, возможно ли считать данные Президиумом ВАС РФ формулировки дефинициями.

Как известно, под дефиницией в теории права понимается отвечающее требованиям формальной логики указание на главные, существенные признаки предмета или явления³.

Анализ приведенных выше актов официального толкования позволяет утверждать, что сформулированные в них положения не являются дефинициями, поскольку не содержат соответствующего указания. Не раскрывая содержания понятий непосредственно, данные положения характеризуют их с какой-либо одной стороны, выделяя при этом отдельные черты. Что, в принципе, присуще разъяснениям⁴.

Тем не менее нередко формулировка дефиниций в актах официального толкования объективно необходима в целях пресечения неправильного или бесконтрольного применения правовой нормы. Проиллюстриро-

вать вышеизложенное можно следующим примером.

Председатель Высшего Арбитражного Суда России А. А. Иванов пообещал в ближайшее время опубликовать исчерпывающий список аморальных сделок, который дает право отбирать у бизнесменов имущество.

Причем список обещано сделать максимально коротким, чтобы ограничить произвол чиновников в борьбе за нравственность – в их понимании. Речь в данном случае идет о ст. 169 Гражданского кодекса РФ, предусматривающей конфискацию имущества в случае нарушения норм нравственности.

По словам А. А. Иванова, «данная статья предусмотрена для вопиющих случаев, а не для того, чтобы употреблять ее по всякому нужному и ненужному поводу. Пленум Высшего Арбитражного Суда постановил ограничить сферу ее применения»⁵.

Согласно ст. 169 Гражданского кодекса РФ сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, могут быть признаны ничтожными. Доход по ним можно изъять по суду в пользу государства.

Современные разработчики законов, очевидно, преследовали благую цель – поставить барьер безнравственным людям, которых немало и в бизнесе, и в любой другой сфере. Проблема в том, что представления о нравственности у каждого свои. Так, Федеральная налоговая служба РФ (ФНС России) в последнее время стала привлекать к ответственности за «аморальность» бизнесменов, которые, по ее мнению, уклоняются от налогов. По некоторым данным, только в 2007 г. в судах оказалось 159 дел по «безнравственной» статье. В основном все они возникли по инициативе налоговых органов. Для сравнения: в 2002 г. ст. 169 Гражданского кодекса РФ упоминалась в судебных актах 63 раза, 2003 г. – 103 раза, а за 2006 г. она прозвучала в решениях 143 раза. О чем свидетельствуют эти цифры? Либо мораль в бизнесе стала резко падать, либо налоговая служба нашла удобный инструмент собирания налогов.

Не только бизнесмены, но и члены ВАС РФ недоумевают, почему под сделками,

¹ Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избр. постановления за 2004 г. с коммент. / Под ред. А. А. Иванова. М., 2007. С. 173.

² Там же. С. 333.

³ См.: *Ант Л. Ф.* О системной связи определений понятий российского законодательства // Юрид. техника. 2007. № 1. С. 111.

⁴ См.: там же.

⁵ Цит. по: *Куликов В.* Мораль с конфискацией // Рос. газ. 2008. 16 апр.

противоречащими основам нравственности и правопорядка, стали понимать исключительно налоговые отношения. По мнению ученых-юристов, речь должна идти о другом, например, о сделках по продаже детей. Именно такие, принципиально недопустимые с точки зрения нравственности, действия и должны подпадать под нормы ст. 169 Гражданского кодекса РФ.

Безусловно, некоторые налогоплательщики совершают сделки, обходя законы и уклоняясь от уплаты налогов. В этом случае задача сотрудников ФНС России – раскрыть подобные сделки и через суд наказать предпринимателей, их совершающих. Однако, выполняя свой долг, сотрудники налоговой службы нередко привлекают к ответственности вполне добросовестные компании.

В связи с этим, чтобы ограничить произвольное применение чиновниками понятия «мораль», Пленум ВАС РФ в постановлении «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 10 апреля 2008 г. № 22 дал собственное определение безнравственности в бизнесе. Такими, в частности, могут считаться сделки, направленные на незаконные производство или продажу оружия,

боеприпасов, наркотических средств и другой опасной для жизни и здоровья граждан продукции. Кроме того, караются «аморальной» статьей изготовление и распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую и религиозную вражду, а также сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг¹.

Вместе с тем данное постановление Пленума ВАС РФ не содержит четкой дефиниции сделок, противоречащих требованиям нравственности.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что существует проблема отсутствия необходимых с точки зрения правоприменительной практики определений понятий в актах официального толкования норм права, которая требует скорейшего разрешения.

Библиографический список

1. *Апт, Л. Ф.* О системной связи определений понятий российского законодательства / Л. Ф. Апт // Юрид. техника. – 2007. – № 1.
2. *Куликов, В.* Мораль с конфискацией / В. Куликов // Рос. газ. – 2008. – 16 апр.
3. *Смирнов, А. В.* Толкование норм права / А. В. Смирнов, А. Г. Манукян. – М., 2008.

О. А. Малютина,
*адъюнкт кафедры управления
и информационно-технического обеспечения
Нижегородской академии МВД России*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЯЗЫКА ПРОТОКОЛА СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Развитию криминалистической науки способствует не только научно-технический прогресс, но и научно-исследовательская деятельность ученых-специалистов в данной области. В ходе проводимых исследований совершенствуется теоретическая база науки, что, в свою очередь, позволяет повысить эффективность процесса раскрытия и расследования преступлений. В частности, важную роль в этом играет теория отражения, адаптированная профессором Р. С. Белкиным к положениям криминалистики. Данная теория успешно применяется в самых различных разделах рассматриваемой

науки. Так, на ней основаны криминалистическое учение о следах; учение о криминалистической характеристике преступлений как отражении реальной преступной деятельности² и т. д.

Процесс отражения лежит в основе возникновения доказательств³, а также в последующей передаче информации от субъекта к субъекту. Содержание доказательственной информации – это изменения не только на отражающем, но и на отражаемом объекте как последствия акта отражения⁴. Однако на этом процесс отражения не заканчивается – отражающий объект может

¹ См.: Экономика и жизнь. 2008. № 18.

² См.: *Захаров Г. К.* Три тезиса о криминалистической характеристике преступления // Вестн. криминалистики. 2006. Вып. 3(19). С. 40–41.

³ См.: *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 22.

⁴ См.: там же. С. 23.

стать отражаемым и наоборот. О существовании в криминалистике «отражения отраженного» пишет в своих работах и М. К. Каминский, отмечая, что не все предметы объективной реальности даны нам для непосредственного восприятия. Так, оперируя с объектом познания (след пальца, обуви, шин автомобиля), мы имеем дело с *отражением отраженного*. Это отражение первого порядка, своего рода первоначальное отражение. Если же объект познания – не сам след, а лишь его графическое изображение и описание в протоколе осмотра, то можно говорить об отражении более высокого уровня, или второго порядка, где непосредственное и опосредованное тесно переплетаются друг с другом. Об отражении иного уровня речь идет и при работе с моделью, объектом-заменителем, созданным в результате реконструкции¹.

Однако следует иметь в виду, что представленная интерпретация следа как «отражение отраженного» есть частная, т. е. примененная к криминалистике, трактовка известных философских проблем.

Хотя и в первом, и во втором случаях речь идет об отражении, которое, представляя собой многоступенчатый процесс, является заключительным этапом любого взаимодействия систем. При этом само отражение также выступает некой системой, которая передает отраженный образ посредством взаимосвязей между своими элементами. Например, действия преступника путем многократного их отражения сначала в материальной среде, затем в его сознании, представлениях очевидцев, субъекта расследования в конечном итоге находят свое выражение в протоколах следственных действий, являющихся доказательствами по уголовному делу. Данное положение основано прежде всего на том, что следы, оставленные преступной деятельностью как разновидностью человеческой активности могут быть обнаружены, познаны и отражены в процессуальных актах. По сути, каждый из указанных этапов – это очередной этап познания, предполагающий новое взаимодействие.

¹ См., напр.: Каминский А. М. Теоретические основы криминалистического анализа преступной деятельности и возможности его практического использования: Моногр. Ижевск, 2006. С. 44.

По нашему мнению, в процессах отражения преступной деятельности можно выделить несколько ступеней:

1. Отражение действий преступника в материальной среде (ее изменение) или сознании очевидцев – образование следов преступления.

2. Отражение следа в сознании субъекта, проводящего расследование. «Без адекватного, – как отмечает Р. С. Белкин, – отображения доказательств в сознании субъекта, ведущего расследование, процесс доказывания был бы невозможен»². Факты, имеющие место в преобразованной в ходе осуществления преступной деятельности окружающей действительности или сознании людей, становятся доказательствами по уголовному делу и свидетельствуют о совершении того или иного противоправного деяния только после их обнаружения, распознавания, интерпретации и декодирования субъектом расследования. Следует отметить, что интерпретация и декодирование в данном случае представляют собой практическую деятельность по оперированию не только с отражениями, но и с образами, существующими для субъекта расследования в словесной оболочке.

И первая, и вторая степени отражения основываются на одном из важнейших принципов материалистической диалектики, заключающемся в том, что этот мир обладает свойством отражения, т. е. запечатления в живой и неживой природе в виде материальных следов или идеальных следов в сознании человека. Соответственно нет таких событий в окружающем нас мире, которые проходят бесследно.

3. Отражение познанного посредством фиксации в процессуальных документах – протоколах следственных действий. Нам представляется, что это в первую очередь лингвистическая проблема, которая заключается в адекватном отражении фактических данных в процессуальных документах с помощью средств языка. В целях достижения оптимального результата, выбора наиболее точного, емкого, уместного в конкретном случае языкового средства необходимо, во-первых, выявить соотношение языка науки в целом и языка практики;

² Белкин Р. С. Указ. соч. С. 18.

во-вторых, определить место языка протокола следственного действия в среде искусственного и естественного языков.

Не рассматривая подробно язык науки криминалистики, учение о котором было создано Р. С. Белкиным¹ и получило дальнейшее развитие в работах многих криминалистов, остановимся на языке правоприменительной практики (примером которого и выступает язык процессуального документа) как своего рода прослойке между языком доктрины и «юридическим разговорным» языком. Впервые об этой «разновидности» языка упоминается в работах польских авторов².

Итак, основным содержанием протокола следственного действия является информация о тех или иных событиях и объектах, зафиксированная с использованием метода описания. Относительно криминалистического описания следует отметить, что как метод криминалистики оно развивалось по пути детализации и конкретизации входящих в него элементов. Однако в целом языку протокола следственного действия и языку процессуальных документов должного внимания не уделялось.

Язык протоколов следственных действий представляет собой синтез языка науки уголовного и уголовно-процессуального права, криминалистики, целого ряда специальных отраслей (техники, медицины и т. д.) и обычного языка. От того, насколько точно, логично, грамотно будут подобраны и использованы языковые средства, которыми изложена криминалистически и процессуально значимая информация в каждом документе уголовного дела, зависят эффективность и согласованность дальнейших действий участников уголовного судопроизводства и последующее убеждение следователя и иных участников уголовного судопроизводства в доказанности всех обстоятельств дела и выводов, сделанных в судебном заседании. Записи, содержащиеся в протоколах, призваны:

– обеспечивать возможность участникам уголовного судопроизводства, получившим относящуюся к делу информацию, пользоваться ею на протяжении всего процесса (в этом проявляется удостоверительный характер процесса доказывания);

– предоставлять эту информацию другим участникам (коммуникативный характер доказывания в целом и процессуальных актов в отдельности);

– предоставлять возможность контроля за соблюдением законности в ходе уголовного судопроизводства³.

В соответствии с назначением протоколов процессуальных документов к их языку предъявляют ряд требований, таких как четкость стиля, определенность и постоянство терминологии⁴. Данные требования создают необходимые условия для правильного, полного и точного фиксирования проводимых следственных действий и являются очень важными, поскольку факты приобретают характер доказательственной информации лишь тогда, когда они познаны следователем и результаты познания отражены в материалах дела, а именно в протоколах следственных действий, составляющих подавляющее большинство (70–80 %) всех документов, которые оформляются в ходе расследования.

Кроме того, язык, особенно язык процессуальных документов, – это не только лингвистика, но и логика. В данном случае речь идет о логической последовательности, стройности изложения материала в процессуальных документах (данное требование рассматривают чаще применимо к заключению экспертов, но оно, на наш взгляд, присуще и протокольному языку). Логичность означает, что документ в целом и отдельные его части изложены в строгой последовательности, т. е. каждое последующее положение закономерно вытекает из предыдущего, а содержащиеся в нем выводы разумно и обстоятельно мотивированы⁵ (если наличие выводов предусмотрено данным документом).

¹ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 61; *он же*. Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986. С. 248; *он же*. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 98; *он же*. Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 1: Общая теория криминалистики. С. 265.

² См.: Wroblewski J. Jesik prawny i prawniczy. Krakow, 1948; Mellinkoff D. The language of the law. Boston; Toronto, 1963.

³ См.: Сереброва С. П. Процессуальные документы, сроки, процессуальные издержки // Уголовный процесс России / Науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003. С. 163.

⁴ См.: там же. С. 165.

⁵ См.: Альшевский Т. В. Образцы процессуальных документов по уголовным делам: Практик. пособие. М., 1976. С. 6.

Требования к форме и содержанию документа зафиксированы в УПК РФ. Помимо четкого деления процессуального акта на вводную, описательную и заключительную части¹ законодательством предусмотрены упорядоченность и последовательность описания (ч. 4 ст. 166; ч. 2 ст. 180 УПК РФ), по возможности дословная запись показаний допрашиваемого (ч. 2 ст. 190 УПК РФ), требования, затрагивающие отражение обязательного момента процедуры проведения процессуальных действий – разъяснения прав и обязанностей участников (ч. 10 ст. 166; ч. 2 ст. 218 УПК РФ), указание на использование технических средств (ч. 5 ст. 166 УПК РФ), внесение в содержание протокола уточнений и дополнений после ознакомления с текстом (ч. 6 ст. 166 УПК РФ) и т. д. Логичность процессуального документа достигается также соблюдением требований, предъявляемых к описанию предметов и документов². Кроме требований к форме документа в уголовном процессе есть указание на право составления документа строго определенным участником уголовного судопроизводства³.

Однако, несмотря на законодательное закрепление требований к процессуальным актам и длительную историю применения протоколов следственных действий в качестве доказательств по уголовному делу, до сих пор отмечаются недостатки, встречающиеся при их оформлении. В частности, являясь основными документами, содержащими доказательства преступности того или иного деяния, протоколы порой отличаются отсутствием логики изложения материала, непонятностью языка, повторами, многозначностью слов, используемых составителями, что лишает возможности четко и оперативно извлекать информацию из данных документов.

К тому же в процессе составления рассматриваемых документов и выявления их недостатков не следует исключать роли субъективного фактора, поскольку само отражение, которое впоследствии описывается в протоколе, «переживается субъектом, по особому преломляется в его мыслях и

чувствах»⁴. Подбор языковых средств при оформлении процессуального документа осуществляется нередко в стрессовой ситуации проведения следственного действия. В данном случае содержание протокола, соответствие его всем требованиям, предъявляемым к документам такого рода, напрямую зависит от характеристик субъекта, составляющего документ. При этом следует отметить, что неточное, расплывчатое описательное выражение может повлечь за собой серьезные последствия.

Таким образом, на основании анализа существующих требований к протоколу следственного действия мы вынуждены констатировать, что сегодня все они касаются формы, порядка и последовательности описания проводимых действий, в то время как требования к языку протокола либо не сформулированы, либо заимствованы из требований к языку нормативных актов. В специальной литературе, посвященной данной тематике, мы выявили ряд противоречий в решении данной проблемы. Полагаем, что попытка вскрыть эти противоречия позволит их устранить.

Первое из выявленных противоречий – требование лаконичных формулировок и точности при оформлении протокола.

Данное противоречие по своей природе обусловлено требованием ведения протоколов на естественном русском языке, что нередко интерпретируется как язык обыденного общения. При использовании последнего в протоколе точности в процессе фиксации следственного действия можно достигнуть лишь путем детализации. Следуя указанному требованию использования в процессуальных актах естественного языка, мы приближаемся к неизбежности замены сложных терминов, возможно, неизвестных тому или иному участнику, на длинные описательные конструкции.

Второе противоречие заключается в противопоставлении лаконичности дословной записи показаний. Лаконичность, или, как она называется в некоторых источниках, экономичность⁵, предусматривает отсутствие в тексте документа неоправдан-

¹ См.: Сереброва С. П. Указ. соч. С. 163.

² См., напр.: Топорков А. А. Словесный портрет: Практик. пособие. М., 1999. С. 8–9.

³ См.: Сереброва С. П. Указ. соч. С. 159–160.

⁴ Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 18.

⁵ См.: Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 26.

ных повторов, многословия при описании того или иного предмета, лишние слова и обороты. Чем лаконичнее изложен текст, тем лучше и легче воспринимается он читающим или слушающим. Тогда как требование «по возможности дословной записи показаний», содержащееся в ч. 2 ст. 190 УПК РФ, предполагает запись всех речевых оборотов, используемых допрашиваемым, что не исключает многословия, повторов. Считается, что таким образом достигается точность и соответственно соблюдается принцип законности при составлении процессуальных актов.

К третьему противоречию можно отнести соотношение точности и доступности изложения.

По мнению Е. Е. Подголина и А. И. Михайлова, точность формулировок в свободном тексте протокола достигается правильным применением терминов, использованием языковых средств (слов и словосочетаний), которые соответствуют содержанию полученной следователем информации¹. В то же время точность должна соотноситься с ясностью и простотой изложения, что влечет за собой доступность понимания. Если заменить специальные термины описательными выражениями, это приведет к неопределенности и расплывчатости формулировок.

И, наконец, четвертое противоречие заключается в соотношении доступности и стремления к устоявшимся формам, стабильным оборотам и формулировкам.

Это не все противоречия, которые нам удалось выявить, однако, на наш взгляд, важнее высказать предложения, способствующие их устранению.

Полагаем, что решением проблемы может стать формализация языка протокола. По мнению Р. С. Белкина, формализация – это вторая стадия развития языка². Применительно к языку протокола она означает, что «для выражения одной и той же мысли используется один и тот же ряд слов или приемов, применяемых в определенной последовательности»³. Формализм, присущий юридическому тексту, проявляется в стереотипности, унифицированности, стандарт-

ности стиля изложения информации, в том числе в протоколах следственных действий. Иными словами, в тексте процессуальных документов применяются стандартные термины, стереотипные фразы и выражения, устоявшиеся языковые конструкции. Разумный формализм – несомненно, достоинство языка. В нормативных документах многочисленны внешние формализованные признаки: детально разработана структура таких документов, их текст имеет четкую графически выраженную форму (ч. 2 ст. 166 УПК РФ).

Однако при этом необходимо соблюдать некоторые условия – в первую очередь речь идет об умении оперировать уместными построениями. В данном случае выступать в качестве таковых могут криминалистические категории как пример высшей ступени абстракции в криминалистике. Этот этап развития языковых средств коммуникации не должен стать навязчивым стремлением к созданию полностью формализованного языка, поскольку всегда существует та часть языка, которая не поддается формализации⁴.

Таким образом, в рамках использования формализации для решения указанной проблемы мы предлагаем следующее:

1. Внедрение уже имеющихся (формулирование новых точных) понятий (возможно, фундаментальных категорий), свойственных языку криминалистики как науки, в язык протокола следственных действий.

Проблема доступности понимания должна решаться обычным в таких случаях путем – созданием этимологически точного понятия. Заметим, что за формированием основных понятий криминалистики очень внимательно следил в своих работах Р. С. Белкин, вступая в дискуссии, поправляя, отстаивая свою точку зрения⁵.

2. Составление приложений к протоколам, которые, поясняя, более точно будут отражать проведенное следственное действие.

Рядом авторов отмечаются две самостоятельные тенденции во взаимном влиянии языка доктрины и общеупотребительного языка, в частности, естественного и искусственного языков. С одной стороны, юридические клише и штампы проникают в разговорный язык, с другой – общелитера-

¹ Источник: Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста: Учеб. пособие. М., 1997. С. 5.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. С. 264.

³ Рандау Х. А. ЭВМ и язык правовых актов // Сов. государство и право. 1981. № 1. С. 116.

⁴ См.: Белкин Р. Курс криминалистики. Т. 1. С. 264.

⁵ См.: там же. С. 268–269.

турный язык совершенствуется и обогащается под воздействием языка правовой доктрины, становится более точным¹.

Но есть и еще одна сторона – распространение научного языка на юридическую практику, представляющую собой синтез идеального и обыденного языков. Такое воздействие, по нашему мнению, – это верный путь совершенствования содержания протокола как формы отражения хода и результатов процесса раскрытия и расследования преступной деятельности.

Д. Е. Маслов,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Нижегородской академии МВД России

**НЕКОТОРЫЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОДГОТОВКИ И РЕАЛИЗАЦИИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ
В БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ**

Рекомендательный метод государственного управления до сих пор относится к разряду малоисследованных. В значительной мере это обусловлено тем, что многие правоведы (как ученые, так и практики) не признают существование рекомендательных норм права в качестве особой разновидности юридических предписаний, отрицают властный характер официальных рекомендаций органов государственной власти и управления, общественных объединений.

Если обратиться к истории государства и права советского периода, то становится очевидной определенная закономерность – директивные рекомендации органов государственной власти и управления всегда рассматривались в качестве обязательных. Например, рекомендации по оплате труда в колхозах представляли собой весьма объемный документ, и все хозяйствующие субъекты с учетом функционирования колхозной демократии непременно рассматривали их и решали, в какой степени возможно их использование в том или ином регионе.

¹ См.: Максимов М. Язык судебных документов // Сов. юстиция. 1967. № 16. С. 15.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1 / Р. С. Белкин. – М., 1997.
2. Ивакина, Н. Н. Профессиональная речь юриста : учеб. пособие / Н. Н. Ивакина. – М., 1997.
3. Топорков, А. А. Словесный портрет : практ. пособие / А. А. Топорков. – М., 1999.
4. Уголовный процесс России : учебник / науч. ред. В. Т. Томин. – М., 2003.
5. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 1990.

Велика роль рекомендаций в сфере трудового права, где в качестве своеобразной «надстройки» функционируют рекомендации Международной организации труда.

Криминалистические рекомендации занимают особое место в системе управленческих методов и оказывают мощное воздействие на практику борьбы с преступностью. Криминалистические рекомендации представляют собой закреплённые в нормативных актах органов исполнительной власти научно обоснованные практические советы о применении методов расследования, средств криминалистической техники, тактических приемов собирания, исследования, оценки и использования доказательств. Неприменение в необходимых случаях или неправильное применение их следователем может рассматриваться как нарушение правовых норм². Весьма специфична их функциональная роль в сфере борьбы с экономическими преступлениями.

Мы солидарны с С. Ю. Журавлевым, считающим, что критерии уголовного права, которые авторы многих работ по методике расследования приводят в своих разработках, содержат не сущностную характеристику исследуемого объекта, а лишь его квалификационно-оценочные параметры. Таким образом, «квалификационный диагноз» ставится раньше, чем исследуются и описываются признаки механизма «болезни».

Рекомендациям по методике расследования должны предшествовать не оценочные критерии и квалификационные признаки, указанные в статьях Уголовного кодек-

² См., напр.: Матусовский Г. А. Криминалистика в системе научных знаний. Харьков, 1976. С. 30–31.

са, а максимально приближенное к действительности описание исследуемого механизма преступной деятельности. После того, как механизм преступной деятельности будет детально описан, на него следует «наложить» квалификационные признаки, оценить экономико-криминальный механизм с позиций существующих норм уголовного права, выделить фрагменты криминальной схемы, которые нельзя квалифицировать как преступление по действующему законодательству. Это обстоятельство должно обязательно учитываться учеными для того, чтобы в первую очередь исследованию подвергались реалии жизни, а затем им давалась уголовно-правовая оценка¹.

Проследивание статистически просчитанных закономерностей, например, между личностью субъекта и местом совершения преступления, между способом совершения действий и признаками внешности лица, между отраслевыми особенностями производства и используемыми каналами сбыта – важнейшая задача научных исследований. В настоящее время проблема состоит именно в том, что описания исследуемых механизмов преступной деятельности весьма поверхностны и во многом субъективны.

Например, в рамках рекомендаций по криминалистической диагностике преступлений по данным бухгалтерской информации «забывается», что занижение суммы и количества при приходе и завышение суммы и количества при расходе может быть не только приготовлением к присвоению, но и являться процедурой сокрытия недостачи, которая образовалась в результате противоправного изъятия товарно-материальных ценностей. Когда исследователи ведут речь о бездокументальных записях по расходу как о способе создания неучтенных излишков, они нередко не считают нужным упомянуть о бездокументальных записях по приходу как о процедуре маскировки ранее созданных, в частности технологическим путем, излишков. Приведение приме-

ра пересортицы как способа создания неучтенных излишков, особенно применительно к схеме хищения в автомобильном производстве, вызывает серию отнюдь не риторических вопросов²:

- откуда поступало большее, чем необходимо, количество менее дорогих деталей;
- по каким каналам изымались и каким образом списывались более дорогие детали;
- кто контролировал технологию реализации криминальной схемы;
- как распределялась преступная прибыль.

Очевидно, что возможность просчета корреляционных зависимостей базируется на подробном описании элементов по фазам развития механизма преступной деятельности.

В связи с вышеизложенным считаем преждевременным вывод о том, что криминалистическая характеристика утратила свою актуальность, изжила себя. Настало время перейти от формального повторения и не очень содержательного описания элементов преступной деятельности к их более точному понятийному определению и содержательному изложению. Сведение характеристики преступной деятельности к способам совершения и сокрытия преступления, а также оставляемым следам – это шаг назад в теории и методологии криминалистических исследований.

Детальная характеристика механизма преступной деятельности имеет важное практическое значение. Она позволяет в числе прочего конкретизировать предмет доказывания в рекомендательных методиках расследования, в том числе и по экономическим преступлениям.

Практическая значимость методических рекомендаций по расследованию преступной деятельности в сфере экономики предполагает наличие в содержании методик ряда обязательных элементов. Важнейшее место в их числе занимают обстоятельства, подлежащие доказыванию. Они должны быть сформулированы на основании имеющейся характеристики данного вида преступной деятельности и с учетом вновь разработанной или уже ранее сформулированной системы типовых версий. Но в значительной степени конкре-

¹ См.: Журавлев С. Ю. Методологические подходы к формированию знания о механизме экономических преступлений и его применению в процессе построения методик расследования // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2008. № 8. С. 120–122.

² См.: Тимченко В. А. Криминалистическая диагностика преступлений по данным бухгалтерской информации. Н. Новгород, 2000. С. 58–61.

тизация предмета доказывания связана с тщательным анализом экономико-криминальных схем¹, а также детальной разработкой имеющихся частных версий. Только в этом случае можно говорить о том, что:

- рекомендации по составлению плана расследования имеют методологические основания;
- использование подобных рекомендаций на практике методически обоснованно;
- результаты мероприятий, запланированных субъектом расследования с учетом

Д. А. Матюшенков,
*оперуполномоченный 1-го отдела
оперативно-розыскного бюро по борьбе
с организованной преступностью
Главного управления МВД России
по Центральному федеральному округу*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ ХИЩЕНИЙ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

В последнее десятилетие криминальный автобизнес стал в России неотъемлемой частью корыстно-насильственной преступности и характеризуется сегодня все возрастающей активностью организованных групп, вооруженных, технически оснащенных, с четким распределением ролей, налаженными способами легализации и сбыта похищенных автомашин в различные регионы Российской Федерации и за ее пределы, системой противодействия правоохранительным органам.

Насильственное завладение автотранспортным средством осуществляется, как правило, с помощью грабежа или разбойного нападения, которые относятся к тяжким видам преступления (ст. 161, 162 УК РФ). Совершая грабежи и разбои, преступники

данных рекомендаций, будут достаточно эффективными.

Библиографический список

1. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики : учебник / под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубяна. – Н. Новгород, 1995.
2. Тимченко, В. А. Криминалистическая диагностика преступлений по данным бухгалтерской информации / В. А. Тимченко. – Н. Новгород, 2000.

действуют дерзко, изощренно и с особой жестокостью в отношении владельцев автотранспорта, чем и обусловлен повышенный общественный резонанс преступлений данной категории.

За последние восемь лет (2000–2007 гг.) количество хищений автотранспортных средств, совершенных путем грабежа (ч. 2, 3 ст. 161 УК РФ), несколько сократилось: 2000 г. – 1573, 2001 г. – 1783, 2002 г. – 1853, 2003 г. – 1986, 2004 г. – 1601, 2005 г. – 1505, 2006 г. – 1363, 2007 г. – 1271.

Вместе с тем следует признать, что раскрываемость этих тяжких преступлений по сравнению с 2000 г. значительно снизилась. Так, в целом по России она ежегодно составляла: в 2000 г. – 40,5 %, 2001 г. – 36,2 %, 2002 г. – 27,2 %, 2003 г. – 25,2 %, 2004 г. – 25,4 %, 2005 г. – 26,3 %, 2006 г. – 24,8 %, 2007 г. – 25,5 %².

Почти 40 % нераскрытых хищений автотранспорта, совершенных путем грабежа, приходится на г. Москву, Московскую область, г. Санкт-Петербург, Ленинградскую и Свердловскую области.

Количество хищений автотранспорта, совершенного путем разбоя, также немного сократилось за последние три года: в 2000 г. – 1618, 2001 г. – 1838, 2002 г. – 1932, 2003 г. – 2253, 2004 г. – 2044, 2005 г. – 1673, 2006 г. – 1333 и 2007 г. – 1026. Раскрываемость этих преступлений составила: в 2000 г. – 62 %, 2001 г. – 55,2 %, 2002 г. – 50,7 %, 2003 г. – 47,2 %, 2004 г. – 49,8 %, 2005 г. – 53,2 %, 2006 г. – 52,9 %, 2007 г. – 57,4 %.

¹ См., напр.: Журавлев С. Ю. Механизм анализа криминальных схем в сфере экономики // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2006. № 6. С. 242–246; его же. Криминалистический анализ информации, выдвижение и разработка версий в структуре методики расследования экономических преступлений // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. Актуальные проблемы юридических наук. Тула, 2006. Вып. 15. С. 62–65.

² Сведения представлены ГИАЦ МВД России (2007 г.).

Проведенный анализ совершенных хищений автотранспортных средств свидетельствует о том, что они являются групповыми преступлениями. Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления данного вида, позволяет сделать вывод, что организованные группы для совершения грабежей и разбойных нападений формируются, как правило, по месту жительства участников. Наиболее активной возрастной категорией являются лица 18–24 лет (в частности, их доля от общего числа преступников, совершивших преступления рассматриваемой категории, в Иркутской области составляет 49,9 %, в Свердловской области – 46,3 %).

Значительная часть участников данной криминальной группы – это лица, которые нигде не работают и не учатся (например, в Иркутской области они составляют 64 % от общего числа участников грабежей, 18,5 % – разбоев). Кроме того, группы часто формируются из лиц, находящихся в отношениях родства, близкого знакомства или знавших друг друга по совместной работе или службе, в том числе противозаконной деятельности (большинство последних – ранее судимые за совершение корыстно-насильственных преступлений).

Так, в Нижегородской области из общего числа раскрытых грабежей и разбойных нападений с целью завладения транспортными средствами ранее судимыми совершено 66,7 % и 54,5 % соответственно. Указанные факты свидетельствуют о необходимости усиления профилактической работы в отношении лиц, ранее судимых за совершение имущественных преступлений насильственного характера, а также своевременной постановки данной категории лиц на учет в органах внутренних дел.

Чаще всего, как показывает практика, преступления рассматриваемой категории совершаются в вечернее и ночное время суток в период с 20.00 до 06.00 (до 83,5 % от общего числа). Самое криминальное время суток – с 20.00 до 01.00. В этот промежуток времени совершается 40–45 % таких преступлений. Для сравнения: с 01.00 до 06.00 их количество составляет 13–21 %, в период с 12.00 до 20.00 – 20–21 %. Снижение их интенсивности приходится на период с 06.00 до 12.00 – 12–15 %.

Оценка способов совершения хищений автотранспортных средств позволяет выделить четыре вида организованных групп. В основе классификации лежит общая криминальная направленность этих групп, т. е. их «специализация»¹.

1. Группы, совершающие грабежи и разбойные нападения в отношении лиц, занимающихся частным извозом («ситуативные» преступные группы).

В такую группу обычно объединяются 2–3 человека молодого возраста на почве совместного времяпрепровождения, употребления спиртных напитков, наркотиков, общего места работы, учебы и т. д. В большинстве случаев их основной целью является временное завладение автотранспортом для передвижения из хулиганских побуждений. Однако при этом преступники нередко завладевают деньгами или имуществом, находящимся в автомобиле. Указанные грабители обычно не применяют насилие, опасное для жизни потерпевшего.

Например, за совершение разбойного нападения на лицо, занимающееся частным извозом, с применением оружия сотрудниками ДПС УГИБДД Краснодарского края были задержаны жители г. Абинска Ковбушенко и Кравченко. Установлено, что они похитили автомашину, поскольку у них не было денег для оплаты проезда.

В общей структуре рассматриваемых преступлений такими группами совершено около 15 % посягательств, хотя в отдельных регионах эта цифра значительно выше: в Свердловской области – 25 %, Смоленской области – 34,6 %, Краснодарском крае – 42 %.

2. Группы, специализирующиеся на грабежах и разбойных нападениях с целью завладения дорогих автомобилей престижных иностранных марок.

Такие группы используют отработанные ранее способы совершения нападений, места укрытия, каналы сбыта и т. п. Значительная их часть сформирована по национальному признаку. Как правило, это вы-

¹ См.: Базаров Р. А., Кудряшов А. В. Криминологическая характеристика хищений автотранспорта и меры по их предупреждению: Учеб. пособие. Челябинск, 2004. С. 19.

ходцы из республик Северного Кавказа и Закавказья, которых отличают дерзость, мобильность и вахтовый метод работы. Алгоритм действий организованной группы в столице России определен следующим образом: члены указанной группировки выезжают в город и после обнаружения «подходящей» автомашины вызывают непосредственных исполнителей преступления по мобильной связи.

Исполнители некоторое время следят за потерпевшим, выбирая удобный момент для хищения: при наименьшем скоплении возможных свидетелей, во время парковки автомашины у гаража, дома или магазина. Непосредственно в момент совершения нападения преступники подавляют волю потерпевшего, часто жестоко избивая его и при этом угрожая убийством или причинением тяжкого вреда здоровью близким, нередко преступники применяют огнестрельное или холодное оружие.

Отобрав деньги и документы на автомашину, ценные вещи и средства связи, похитители сажают потерпевшего на заднее сидение автомашины, завязывают ему глаза (или натягивают на глаза шапку), связывают руки и ноги и следуют за пределы города до выхода из зоны оперативного оповещения. В пути следования преступники выясняют у потерпевшего сведения об охранных сигнализациях и запорных устройствах, установленных на автомашине, и одновременно заполняют рукописную доверенность, которую предъявляют сотрудникам ДПС ГИБДД ОВД в случае остановки автомобиля.

В состав такой группы, как правило, входят ранее судимые лица. Обычно группа окончательно формируется после совершения нескольких преступлений. В общей массе преступления данного вида составляют 35 % и в основном характерны для Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов. Так, в 2006 г. сотрудниками УУР ГУВД по г. Москве задержаны три организованные группы, специализирующиеся на завладении дорогостоящими иномарками. Первая группа, состоявшая из трех жителей Грузии, изобличена в совершении 10 грабежей, вторая, также включавшая жителей Грузии, – 4 грабежей, третья группа имела смешанный состав: в нее входили

жители Ивановской области и граждане Грузии.

3. Группы, специализирующиеся на хищениях грузов из большегрузных автомашин.

Данные организованные группы имеют в своем составе разветвленную сеть пособников, скупщиков, сбытчиков похищенного имущества и автотранспорта. Для таких групп характерны устойчивость, сплоченность, четкое разделение ролей между участниками. Например, в организованной группе, состоящей из жителей Республики Татарстан, роли между ее членами распределены следующим образом: один отслеживал предполагаемый для нападения транспорт и передавал по рации о необходимости принудительной его остановки; двое осуществляли остановку автотранспорта с помощью самодельного устройства для прокалывания шин; четверо или пятеро непосредственно нападали на водителя и сопровождающего и отнимали деньги.

Кроме того, сотрудниками УУР Самарской области в ряде совершенных разбойных нападений на водителей-грузоперевозчиков изобличена преступная группа, состоящая из жителей г. Набережные Челны. В результате анализа характеристик личностей участников группы была установлена четкая иерархия, выраженная в распределении ролей, соответствующих их личностным качествам:

- лидер группы – ранее судим (шесть раз), легко входит в доверие, умеет убеждать, владеет блатным жаргоном, может вести переговоры со «смотрящими» и лидерами организованных групп, умеет подчинять людей;

- исполнитель – ранее судим за тяжкое преступление, имеет опыт преступного поведения, в то же время самый молодой и подчиняется блатному авторитету лидера, исполняет роль силовой стороны;

- водитель – служил в армии водителем, имеет опыт управления большегрузным транспортом, вождения по бездорожью. При нападении перегонял захваченные автомашины с грузом.

Наиболее подвержены хищениям транспорта автодороги федерального значения (ФАД «Россия») вне населенных пунктов. Удельный вес таких преступлений по срав-

нению с другими видами относительно небольшой, однако их тяжесть, уровень материального ущерба, причиняемого потерпевшим, все возрастающая дерзость нападающих заставляют уделять все более и более пристальное внимание к таким преступным деяниям. Общественная опасность этих преступлений усугубляется тем, что совершающие их организованные группы часто используют форменное обмундирование сотрудников милиции, регулировочные жезлы ГИБДД, средства радиосвязи, нередко преступники вооружены огнестрельным, в том числе автоматическим, оружием и не пренебрегают его применением. Во всех случаях преступники удерживают водителя от нескольких часов до нескольких суток, перегружая в это время груз в другую автомашину, или похищенную автомашину вместе с грузом перегоняют в соседний регион. После разгрузки преступники нередко бросают автотранспорт (обнаруживается порядка 70 % похищенных ранее автомашин) или продают в другие регионы.

За 2005–2006 гг. на территории Московской, Новгородской, Тверской и Ленинградской областей было совершено 11 разбойных нападений и 17 грабежей. Наиболее сложная обстановка сложилась в Санкт-Петербурге, где зарегистрировано 43 нападения, а раскрыто только одно. Причем в 23 случаях использовалась форма сотрудников ОВД и транспорт с символикой милиции, в 22 случаях нападения происходили на водителей, остановившихся на ремонт или на отдых. Учитывая сложную оперативную обстановку на участке Москва – Санкт-Петербург (ФАД «Россия») распоряжением руководства МВД России в сентябре 2006 г. была создана рабочая группа по организации раскрытия преступлений, совершенных в отношении грузоперевозчиков.

Так, из числа совершенных на ФАД «Россия» в Новгородской области грабежей и разбойных нападений на автотранспорт в 33 % случаев преступники использовали форму сотрудников милиции.

К числу наиболее распространенных способов принудительной остановки автотранспорта следует отнести прокол колеса с помощью специального устройства. Например, участниками организованной

группы Хисамова в Самарской области для остановки автомашин использовалось самодельное устройство в виде веревки с «ежами», которое они укладывали на дороге.

В настоящее время на ФАД «Россия» постоянно действуют от 2 до 4 организованных групп, использующих форму сотрудников ГИБДД и имеющих разветвленную сеть сбыта похищенного. Примером этому может служить установленный следствием факт хранения похищенного на территории Тверской области груза сливочного масла на арендованных складах, расположенных в г. Твери. Похищенный в этом же регионе в результате разбойного нападения груз автомоек «Керхер» был выгружен и хранился на складе в Московской области. Все используемые преступниками склады арендовались на подставные фирмы, зарегистрированные в г. Москве.

В связи с напряженной обстановкой на дорогах России заслуживает внимания и применения в регионах опыт борьбы с корыстно-насильственными посяательствами на водителей в Республике Татарстан. В силу негативного общественного резонанса, вызываемого совершением преступлений на автотрассах республики, распоряжением МВД Республики Татарстан в 2004 г. была создана специализированная оперативная группа по пресечению и раскрытию «трассовых» преступлений, сформированная из сотрудников УУР, УБОП, ГИБДД, ГСУ ОВД.

Проведенный анализ совершенных преступлений показал, что преступники совершают нападения на водителей и пассажиров автомашин, следующих через территорию Республики Татарстан транзитом. В связи с этим потерпевших удастся допросить лишь один раз – на первоначальном этапе следствия. Вместе с тем показания потерпевших являются отправной точкой в раскрытии преступлений. Иными словами, от полноты первоначальных показаний зависит дальнейшее построение работы, направленной на раскрытие преступления. Большинство территориальных ОВД Республики Татарстан не занимаются расследованием данного вида преступлений, поэтому был разработан специальный вопросник, включающий в себя необходимый

перечень получаемой информации у потерпевших. На его основе разработана аналитическая таблица совершенных преступлений, состоящая из 17 позиций. Данная таблица позволяет проследить системность в действиях организованных групп, совершающих повторные преступления на автодороге, прогнозировать место и время совершения других преступлений. Изучение в совокупности имеющейся информации по данным фактам облегчает планирование мероприятий, направленных на изобличение преступников¹.

Кроме того, был разработан порядок выполнения оперативно-розыскных действий при введении плана «Блок-трасса» дежурным МВД по Республике Татарстан, направленного на перекрытие въездов в населенные пункты по вероятному маршруту движения преступников после совершения преступления.

В результате благодаря принятым мерам в 2005 г. по республике зарегистрировано 27 «трассовых» преступлений, из которых раскрыто 21, или 75 %. При этом были раскрыты 2 преступления (грабеж и разбой) прошлых лет. Для сравнения: в 2004 г. было зарегистрировано 24 аналогичных преступления и только 7 (29,2 %) из них были раскрыты.

На основе анализа оперативной обстановки на автодорогах Республики Татарстан по итогам 2005 г. внесены изменения в единую дислокацию постов и маршрутов патрулирования ДПС ГИБДД, которая помимо КПП и стационарных постов ДПС предусматривает выставление дополнительных круглосуточных мобильных экипажей ДПС на наиболее криминогенных участках автодороги Казань – Набережные Челны и Елабуга – Ижевск.

4. Группы, совершающие грабежи и разбойные нападения с целью хищения строительной и специальной техники. Организация их деятельности имеет свою специфику:

– одни группы нападают в ночное время суток на охранников предприятий, где име-

ется техника 2004–2007 гг. выпуска (такие преступления совершались в Тверской области, Санкт-Петербурге, Москве;

– другие группы по телефону, указанному в объявлениях о предоставлении услуг, заказывают необходимую строительную технику для проведения работ вне населенных пунктов. В пути следования высаживают водителя либо вместе с ним выезжают в указанный «нанимателем» район, где остальные участники преступной группы уже ждут данный автотранспорт для совершения нападения. Такой способ хищения характерен для многих регионов России. В частности, в 2006 г. в Тульской области была пресечена деятельность преступной группы, участники которой под предлогом проведения погрузочных работ договаривались с оператором или владельцем автокрана на выезд в отдаленный населенный пункт, причем один из преступников садился в кабину. По дороге в условленном месте он просил остановиться, в это время двое других преступников врывались в кабину, нападали на водителя, связывали его и удерживали в течение нескольких часов. Подобным способом в Тульской области было похищено три крановых установки, в Московской области – девять. О географии деятельности таких преступных групп свидетельствует следующий факт: в 2006 г. сотрудниками УУР УВД по Владимирской области задержан находящийся в федеральном розыске за разбойное нападение с целью завладения автокраном житель этой области. При проведении следственных действий он опознан потерпевшими как участник нападений, совершенных в Тверской, Московской и Рязанской областях.

Следует отметить, что в ряде регионов виды похищаемой техники зависят от того, какая отрасль хозяйства развита на данной территории. Например, в Архангельской области, Республике Коми и других регионах с развитой лесодобывающей отраслью похищаются лесовозы и гидроманипуляторы для погрузки леса. В северных регионах похищают экскаваторы, автодорожную технику. Похищенные в средней полосе России автокрановые установки были обнаружены в различных субъектах, в том числе в районах совершения престу-

¹ См.: Королёв Ю. Ф. Раскрытие подразделениями уголовного розыска органов внутренних дел разбойных нападений на водителей и грабежей, связанных с завладением большегрузными транспортными средствами: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 5, 19.

плений. Часть похищенной техники реализуется в Северо-Кавказский регион, где она эксплуатируется без постановки на учет либо регистрируется с измененными идентификационными номерами узлов и агрегатов.

Изучив материалы ОВД, мы выделили основные факторы, препятствующие раскрытию преступлений рассматриваемой категории:

- большая протяженность и загруженность автотранспортом федеральных автодорог, в том числе ФАД «Россия», не позволяющие раскрыть грабежи и разбойные нападения непосредственно по «горячим следам»;

- недостаточно эффективное проведение мероприятий по плану «Перехват», осуществляемого сотрудниками ДПС на контрольных постах милиции, экипажами ГИБДД, вневедомственной охраной, поскольку:

- а) преступники хорошо знают местность, пути объезда постов ДПС;

- б) организованные группы имеют радиостанции, работающие на частоте ГИБДД, что дает преступникам возможность выбрать наиболее оптимальный маршрут передвижения;

- недостаточное взаимодействие подразделений и служб ОВД в противодействии данному виду преступности. Хищения больших партий грузов свидетельствуют о сложившейся системе складирования и налаженных каналах сбыта похищенного. Реализация добытых преступным путем товаров осуществляется по цене ниже рыночной с предоставлением поддельных документов, налоговыми и таможенными нарушениями. Оперативный контроль за подобной «коммерческой» деятельностью является приоритетом для оперативных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями. Вместе с тем необходимо организовать обмен информацией, полученной различными подразделениями и указывающей на причастность тех или иных лиц к совершению преступлений на автомагистралях.

Таким образом, в целях совершенствования работы ОВД по предупреждению и раскрытию грабежей и разбойных нападений на автомагистралях целесообразно:

- силами ОВД, имеющих общие административные границы, проводить комплексные единовременные оперативно-профилактические мероприятия на «сквозных» автотрассах;

- при создании специализированных оперативных групп по пресечению и раскрытию «трассовых» преступлений закрепить за расследованием указанных преступлений специально выделенного следователя, предоставив в его распоряжение материалы приостановленных уголовных дел данной категории;

- организовать на стационарных постах работу по опросу водителей о состоянии криминогенной обстановки на федеральных дорогах, используя полученные сведения для дальнейшего планирования и проведения целенаправленных оперативно-розыскных мероприятий;

- информировать подразделения ОБЭП о похищенном имуществе с целью проверки ими оптовых складов, коммерческих магазинов, рынков и т. п.;

- осуществлять обязательную оперативную отработку всех лиц, задержанных за корыстные и корыстно-насильственные преступления, по установлению их причастности к нападениям на автомагистралях;

- изучить придорожную инфраструктуру, обеспечить оперативное прикрытие мест отдыха водителей, ремонта и стоянок большегрузного и легкового транспорта;

- проводить скрытое выборочное сопровождение автомашин, перевозящих большие партии товаров, продуктов питания;

- осуществлять оперативно-поисковые мероприятия в местах неорганизованных стоянок автотранспорта.

Библиографический список

1. *Базаров, Р. А.* Криминологическая характеристика хищений автотранспорта и меры по их предупреждению : учеб. пособие / Р. А. Базаров, А. В. Кудряшов. – Челябинск, 2004.

2. *Королёв, Ю. Ф.* Раскрытие подразделениями уголовного розыска органов внутренних дел разбойных нападений на водителей и грабежей, связанных с завладением большегрузными транспортными средствами : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2004.

Н. Н. Невский,
*начальник кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЩЕНИИ С ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина есть обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ).

Поэтому крайне важными для российской государственности являются создание и правовое закрепление системного механизма обеспечения личной безопасности, под которым, на наш взгляд, следует понимать совокупность социальных, правовых и организационных способов, методов и средств, обеспечивающих состояние защищенности жизни, здоровья, иных жизненно важных и социально значимых интересов личности от возможного причинения вреда и его компенсации¹.

Международный опыт свидетельствует, что наиболее совершенное законодательство в области обеспечения компенсации жертвам преступлений предусматривает, как правило, достаточно дифференцированное число просителей (жертвы, родственники, иждивенцы, туристы, граждане, виктимизированные за рубежом), ограниченные основания применения компенсационных программ (распространение компенсации на насильственные преступления против личности и частично имущественные преступления) и строго определенные источники финансирования (издержки и штрафы, накладываемые на преступников, госбюджет)².

Полагаем, что при взвешенном анализе и минимизации предлагаемых политиками популистских норм о защите всех и вся

наше государство может получить достаточно мобильную и эффективную систему законодательного обеспечения виктимологической профилактики преступности.

К числу подобного рода законопроектной деятельности в России могут быть отнесены:

- во-первых, разработка государственной Концепции помощи жертвам преступлений и злоупотреблений властью наряду с введением специального законодательства³, направленного на распространение единых государственных средств социальной, правовой и материальной помощи на всех жертв преступлений и введение особых мер защиты для государственных служащих (это может быть закон прямого действия «О потерпевших от преступления и злоупотребления властью»);

- во-вторых, создание государственно-общественной системы виктимологической помощи гражданам и легализация схем компенсационной поддержки потерпевших за счет средств децентрализованных фондов, которые формируются за счет наложения на преступников дополнительных судебных издержек.

На основании вышеизложенного мы предлагаем следующую схему создания виктимологического законодательства в России:

- разработка и принятие пилотной программной государственной Концепции помощи жертвам преступлений, которая определит основные направления формирования системы государственной и негосударственной помощи жертвам преступлений, а также особенности структурного, ресурсного и материального финансирования системы государственной поддержки жертв с помощью средств, полученных за счет наложения на преступников дополнительных судебных издержек. Например, установление специальной пошлины в фонд помощи потерпевшим в размере трех минимальных размеров оплаты труда (МРОТ = 2300 руб.) при среднестати-

¹ См.: *Невский Н. Н.* Административно-правовое обеспечение личной безопасности // Соблюдение, обеспечение и реализация прав человека как приоритетные направления уголовной и уголовно-исполнительной политики России: отечественный и зарубежный опыт: Сб. материалов науч.-практ. конф. / Владим. юрид. ин-т. Владимир, 2007.

² См.: *Невский Н. Н.* Проблемы определения личной безопасности в системе объектов административно-правовой защиты // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2007. № 1 (2). С. 205–207.

³ В настоящее время действуют только: Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Постановление Правительства РФ от 27 окт. 2006 г. № 630 (см.: СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4708); Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Постановление Правительства РФ от 3 марта 2007 г. № 134 (см.: Рос. газ. 2007. 14 марта).

стическом числе осужденных в России за год 800 тыс. человек только за три года первичного накопления средств даст сумму, равную примерно 460 млн долларов США, что будет достаточно для осуществления поддержки жертв насильственных преступлений;

- создание и принятие основанной на положениях Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью¹ и иных международно-правовых документов Конституционной декларации прав потерпевших от преступлений, отражающей общие принципы правового положения жертв преступлений в национальной правовой системе и служащей ориентиром при формировании специального законодательства;

- разработка и принятие, с учетом анализа действия вышеназванной Декларации и пилотной Государственной программы, закона «О потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью», который наряду с иным специальным виктимологическим законодательством защищал бы определенные категории населения (женщин, детей, престарелых).

Такое законодательство, основанное на принципах субсидиарности и селективности компенсации и реституции, должно определить основы правовой, социальной и материальной помощи жертвам преступлений, их родственникам и иждивенцам.

По нашему мнению, компенсация ущерба жертвам преступлений должна определяться судом в зависимости:

- от характера и тяжести совершенного преступления;

- механизма его совершения (компенсации, как правило, должен подлежать ущерб, причиненный умышленным преступлением);

- финансового положения жертвы (определяемого в соответствии с положениями законодательства о социальном обеспечении и социальном страховании);

- особенностей поведения жертвы (компенсации подлежит ущерб лишь в том случае, если поведение жертвы в конфликте было правомерным. Лица с отклоняющимся, конфликтным поведением не имеют права на компенсацию);

- статусно-ролевого положения жертвы и ее родственников (член организованной

преступной группы, правопослушный гражданин);

- гражданства жертвы (иностранец, местный житель);

- особенностей функционирования системы уголовной и административной юстиции в стране.

В структуре данного закона, по нашему мнению, должны быть отражены также:

- специфика применения правовой, индивидуальной и социальной помощи к отдельным социальным группам (туристы, государственные служащие, дети, престарелые, женщины);

- особенности расчета, условия применения и лимиты компенсации в зависимости от степени тяжести совершенного преступления и значимости причиненного жертве ущерба;

- наконец, генерализованные и локальные схемы компенсации и реституции потерпевшим от преступления.

Разработка подобной системы практической помощи жертвам преступлений должна быть основанной на профилактическом законодательстве партнерского, а не конфронтационного типа. При этом виктимологическое законодательство должно быть согласовано и отражено в нормативных актах, регламентирующих:

- юридические аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (помощь адвокатов, органов системы уголовной и административной юстиции, иных государственных органов);

- социальные аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (социальное и медицинское обеспечение и страхование, иные формы социальной защиты и помощи);

- индивидуальные, психологические аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (смягчение психических, физических и социальных последствий преступления и злоупотребления властью).

Создание такого комплекса виктимологического законодательства – процесс продолжительный, но необходимый, продиктованный требованием времени².

¹ Принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН.

² Рекомендованный ООН срок для имплементации норм Декларации основных принципов правосудия и для жертв преступлений и злоупотреблений властью истек в 2002 г.

Предложенное последовательное решение вопросов организации правовой базы обращения с жертвами преступлений в состоянии, на наш взгляд, при минимальных затратах и максимальной эффективности содействовать снижению уровня напряженности в российском обществе и ограничению преступности.

Библиографический список

1. Невский, Н. Н. Административно-правовое обеспечение личной безопасности /

Н. Н. Невский // Соблюдение, обеспечение и реализация прав человека как приоритетные направления уголовной и уголовно-исполнительной политики России: отечественный и зарубежный опыт : сб. материалов науч.-практ. конф. / Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2007.

2. Невский, Н. Н. Проблемы определения личной безопасности в системе объектов административно-правовой защиты / Н. Н. Невский // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2007. – № 1 (2).

С. М. Никитюк,

соискатель кафедры

государственно-правовых дисциплин

ВЮИ ФСИН России

СТОИМОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром.

Джон Мейнард Кейнс

Общество для сохранения стабильности своего развития всегда заинтересовано в том, чтобы права и интересы людей были защищены во всех сферах жизнедеятельности общества. Правовая система в обществе должна создавать устойчивые и оптимальные условия функционирования субъектов правовой деятельности¹.

Поскольку современная Россия характеризуется своим динамичным экономическим развитием, то как следствие происходит увеличение правовых отношений в сфере экономики. Несмотря на то, что нормы Конституции РФ установили рыночную экономику и невмешательство государства в экономику, для нормального функционирования экономических институтов и взаимодействия экономических субъектов необходима достаточная правовая регламентация данной сферы деятельности.

Одной из важнейших составляющих российской правовой системы является правовая терминология. Как известно, для стран, принадлежащих к романо-германской правовой семье, к которым относится и Россия, понятийный аппарат является краеугольным камнем правового регулирования².

Однако в экономической сфере отечественное законодательство находится в стадии развития (вместе с развитием самой экономики), и пока в нем нашли закрепление не все термины, необходимые для эффективного регулирования экономики, в том числе отсутствует единство в толковании термина «стоимость».

Например, сотрудники правоохранительных органов, которые специализируются на правонарушениях в таможенной сфере, постоянно сталкиваются с проблемой определения *стоимости* контрабандно перемещаемого товара. Такая неопределенность связана с тем, что в действующем УК РФ законодатель не закрепил однозначно, какая именно *стоимость* должна учитываться в случае привлечения лица к ответственности за совершение контрабанды.

Статья 188 УК РФ содержит определение термина «контрабанда», под которым понимается перемещение в крупном размере через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или

¹ См.: Аносова М. М. Правопонимание и правоприменение на современном этапе: некоторые проблемы теории и практики: Моногр. Владимир, 2007. С. 7.

² См.: Васильева Н. М. Электронная коммерция как правовая категория // Юрист. 2006. № 5.

средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием. Примечание к ст. 169 УК РФ предусматривает, что в некоторых статьях гл. 22 УК РФ (куда входит и ст. 188 УК РФ) крупным размером признается *стоимость*, превышающая 250 тыс. рублей.

Законодатель не говорит, какую именно *стоимость* он имеет в виду. Отсутствие единообразного подхода к определению стоимости предмета преступления вызывает ряд вопросов, связанных прежде всего с проведением надлежащей квалификации и определением наличия либо отсутствия состава преступления в действиях виновного лица¹.

Можно выделить две позиции по данному вопросу. При проведении проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ, возбуждении уголовного дела по делам о контрабанде, предварительном следствии и судебном разбирательстве для определения крупного размера перемещаемого через таможенную границу РФ товара требуется:

1) учитывать рыночную стоимость, которая определяется по различным методикам, в том числе в соответствии с Федеральным законом «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ²;

2) учитывать таможенную стоимость, которая определяется в соответствии с Таможенным кодексом РФ³ и Законом РФ «О таможенном тарифе» от 21 мая 1993 г. № 5003-1⁴.

Термин «стоимость» относится к группе специальных неюридических терминов, являясь по своему содержанию категорией в большей степени экономической, что значительно усложняет его нормативное закрепление и понимание. Однако наличие термина «стоимость» в нормативных правовых актах позволяет нам говорить о стоимости как правовой категории, поскольку принципиальной особенностью

юридических категорий, отличающих их от категорий других наук, является нормативное закрепление⁵.

Актуальность исследования и формулирования стоимости как правовой категории объясняется необходимостью формирования единой юридической практики правопонимания и правоприменения в этой сфере.

В словаре русского языка «стоимость» определяется как «денежное выражение ценности вещи, цена»⁶.

Вырабатывая собственную позицию относительно понятия стоимости как правовой (юридической) категории, мы будем опираться на двуединую природу данного термина: с одной стороны, природы экономической, с другой – юридической.

Существенное влияние на формирование взглядов многих представителей экономической науки (впрочем, как и на представителей науки юридической) оказала концепция материалистического понимания истории, основополагающие принципы которой были разработаны К. Марксом.

«Марксово понимание теории стоимости органично связано с определением, как источника цен, так и источников доходов. По Марксу, в основе стоимости лежит только один производственный фактор – труд работников»⁷.

Современные экономисты придерживаются иной позиции, в рамках которой проблема стоимости может и должна решаться не путем противопоставления, а согласования, сочетания подходов. «Трудовая теория стоимости оказывается неподходящей основой для прикладных исследований: на практике цены не просто отклоняются от стоимости, но и формируются вокруг «конструирующего стержня», отличающегося от стоимости»⁸.

С одной стороны, в экономике часто используется понятие альтернативной стоимости (*opportunity cost*), связывающее во едино закон спроса и принципы, управ-

¹ См.: Лавринов В. В. Проблемы определения стоимости предмета уголовно наказуемой контрабанды // Таможенное дело. 2007. № 1.

² См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.

³ См.: там же. 2003. № 22. Ст. 2066.

⁴ См.: Рос. газ. 1993. 5 июня.

⁵ См.: Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976. С. 92.

⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 768.

⁷ Экономика: Учеб. / Под ред. А. С. Булатова. М., 1997. С. 96.

⁸ Там же.

ляющие предложением. «Количество блага, которое человек захочет купить, определяется затратами на это благо для данного человека или ценностью того, чем необходимо пожертвовать для его приобретения. Это и есть определение альтернативной стоимости»¹. Таким образом, выявляется необходимость каких-либо экономических затрат, жертвований для характеристики экономической категории «стоимость».

С другой стороны, с понятием альтернативной стоимости (альтернативных издержек) связано научное понимание феномена цены. Обыденное толкование категории «цена», сводящее цену к определенной сумме денег, неверно, так как цена чего-либо не обязательно выражается в деньгах².

При анализе большого количества нормативных актов, содержащих термин «стоимость», была выявлена следующая тенденция.

Понятие «стоимость» только в кодексах РФ встречается довольно часто. Например, в ч. 1, 2 Налогового кодекса РФ исследуемое понятие употребляется 526 раз; в ч. 1, 2, 3, 4 Гражданского кодекса РФ – 177 раз; Таможенном кодексе РФ – 107 раз. Даже в Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях понятие «стоимость» употребляется 9 и 36 раз соответственно. Причем ни в одном случае законодатель не дает какого-либо четкого определения понятия категории «стоимость», что приводит к проблемам правопонимания и правоприменения данных норм.

Например, в последнее время, в связи с принятием и изменением ряда нормативных правовых актов РФ (гл. 25.3 Налогового кодекса РФ и др.), поднимается вопрос о порядке проведения оценки *стоимости* имущества, переходящего в порядке наследования. Оценка *стоимости* такого имущества является важным этапом по ряду причин:

– наследственные отношения – это имущественные отношения, регулируемые гражданским правом и имеющие *стоимостный* характер;

– *стоимость* наследственного имущества потенциально имеет значение как для самих наследников, так и для кредиторов наследодателя, а также для заинтересованных лиц, в том числе для государства.

Если *стоимость* наследственного имущества будет занижена, то наступают следующие правовые последствия:

– уменьшение суммы при определении обязательной доли в наследстве, которая исчисляется согласно ст. 1149 Гражданского кодекса РФ из общей суммы наследства;

– занижение суммы при определении ответственности по долгам наследодателя, так как согласно ст. 1175 Гражданского кодекса РФ наследники отвечают по долгам наследодателя в пределах *стоимости* перешедшего наследственного имущества;

– занижение сумм, подлежащих выплате в качестве возмещения расходов, вызванных смертью наследодателя, и расходов на охрану наследства и управления им, так как согласно ст. 1174 Гражданского кодекса РФ расходы выплачиваются в пределах *стоимости* перешедшего наследственного имущества;

– уменьшение суммы задолженности наследодателя по имущественным налогам (задолженность погашается в пределах *стоимости* наследственного имущества (п. 3 ст. 44 гл. 8 Налогового кодекса РФ)).

Не следует забывать, что в свидетельствах о праве на наследство, выдаваемых нотариусом в соответствии с формами, утвержденными Приказом Минюста РФ от 10 апреля 2002 г. № 99³, в обязательном порядке должна быть указана *стоимость* наследственного имущества.

Размер государственной пошлины за выдачу свидетельства о праве на наследство, а значит, и валовый доход нотариуса, занимающегося частной практикой, зависит от *стоимости* наследственного имущества.

Однако следует констатировать, что сегодня отсутствует единообразие в вопросах правового регулирования оснований опре-

¹ Хейне П. Экономический образ мышления. М., 1993. С. 73.

² См.: Курс экономической теории: Учеб. Киров, 1997. С. 63.

³ См.: Об утверждении форм реестров для регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств и удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах: Приказ Минюста РФ от 10 апр. 2002 г. № 99 // Рос. газ. 2002. 24 апр.

деления *стоимости* наследственного имущества¹.

В ряде нормативных правовых актов РФ законодатель указывает на понятие категории «стоимость». Например, в ст. 3 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке. Исходя из положений ст. 7 данного Федерального закона, речь может идти и об оценочных понятиях: «действительная стоимость», «разумная стоимость», «реальная стоимость» и т. д., несмотря на это, ключевым понятием для характеристики категории «стоимость» во всех случаях, указанных в данном законе, является «цена».

Закон РФ «О таможенном тарифе» от 21 мая 1993 г. № 5003-1² под таможенной стоимостью (ст. 19) понимает стоимость сделки, т. е. цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за товары при их продаже на экспорт в РФ. Несмотря на наличие в данном законе нескольких методов определения стоимости (метод по стоимости сделки с ввозимыми товарами (ст. 19), метод по стоимости с идентичными товарами (ст. 20), метод по стоимости с однородными товарами (ст. 21) и др.) основой категории «стоимость» снова является категория «цена».

Подтверждение выявленной нами зависимости понятий (выражение категории «стоимость» посредством категории «цена») мы можем обнаружить и в других нормативных правовых актах РФ (например, постановление Правительства РФ «Об утверждении стандартов оценки» от 6 июля 2001 г. № 519³).

Особенностью норм права, а соответственно и особенностью выражения категории «стоимость» в праве, являются материальная и процессуальная составляющие норм права. Выделяя в системе права мате-

риальные и процессуальные нормы, необходимо определиться, к какому виду норм относятся нормы, характеризующие стоимость как правовую категорию.

Таможенная стоимость, стоимость наследуемого имущества являются, несомненно, содержанием материальных норм. Однако стоимость правосудия в целом и уголовного судопроизводства, в частности, также имеет свою стоимость⁴, но в этом случае мы уже должны вести речь о процессуальных нормах.

Таким образом, стоимость фигурирует как в процессуальных, так и в материальных нормах, следовательно, характеризует как объекты (предметы), так и деяния.

Отличием стоимости как категории правовой от стоимости как категории экономической является ее «нормативная характеристика», т. е., с одной стороны, ее закрепление (прямое или косвенное) в нормах права, с другой – наличие правовых последствий.

На основании вышеизложенного мы пришли к выводу, что «стоимость» как правовая категория представляет собой отображение цены в денежном (валютном) выражении объектов (предметов), деяний, явлений, закрепленная в нормах права и (или) порождающая правовые последствия.

Библиографический список

1. Аносова, М. М. Правопонимание и правоприменение на современном этапе: некоторые проблемы теории и практики : монография / М. М. Аносова. – Владимир, 2007.

2. Васильева, Н. М. Электронная коммерция как правовая категория / Н. М. Васильева // Юрист. – 2006. – № 5.

3. Лавринов, В. В. Проблемы определения стоимости предмета уголовно наказуемой контрабанды / В. В. Лавринов // Таможенное дело. – 2007. – № 1.

4. Васильев, А. М. Правовые категории / А. М. Васильев. – М., 1976.

5. Усович, Л. В. Еще раз к вопросу об оценке стоимости наследственного имущества / Л. В. Усович // Налоги. – 2006. – № 2.

¹ См.: Усович Л. В. Еще раз к вопросу об оценке стоимости наследственного имущества // Налоги. 2006. № 2.

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 23. Ст. 821.

³ См.: СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3026.

⁴ Более подробно см.: Бажанов С. В. Стоимость уголовного процесса: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

Г. Г. Омелянюк,
*начальник лаборатории судебно-экологической экспертизы
Российского федерального центра
судебной экспертизы
при Минюсте России*

Т. П. Москвина,
*заместитель директора
Департамента правового регулирования,
анализа и контроля деятельности
подведомственных федеральных служб*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одной из актуальных проблем государства является защита прав и законных интересов граждан в области экологической безопасности.

Негативное антропогенное воздействие на объекты городской среды значительно ухудшило экологическую обстановку в городах и иных населенных пунктах. Несмотря на проводимый уполномоченными органами в области природопользования и охраны окружающей среды комплекс мероприятий, решение данных проблем часто требует обращения в судебные органы, которые, в свою очередь, могут привлекать экспертов и специалистов для получения информации о фактических обстоятельствах экологических правонарушений. В судебные органы часто обращаются физические и юридические лица с исковыми заявлениями, связанными с неблагоприятным экологическим состоянием жилых и производственных помещений, а также функционально связанными с ними территориями.

В последние годы в Российской Федерации активно формируется система нормативных правовых актов по охране окружающей среды, в том числе с учетом выполнения экологических требований при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции объектов городской среды. Среди них следует выделить: Градостроительный кодекс Российской Федерации, федеральные законы «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», «О радиационной безопасности населения».

Возрастание роли судебно-экспертного исследования для установления фактических обстоятельств нарушений экологического законодательства обуславливает актуальность развития судебно-экологической экспертизы в качестве самостоятельного направления судебно-экспертной деятельности.

Судебно-экологическая экспертиза – это практическая деятельность, состоящая в исследовании негативного антропогенного воздействия на конкретные (локальные) объекты окружающей среды и осуществляемая в процессе уголовного, гражданского и административного судопроизводства.

Предметом судебно-экологической экспертизы является установление фактических обстоятельств, свидетельствующих о негативном антропогенном воздействии на окружающую среду.

К общим задачам судебно-экологической экспертизы относятся:

- определение вида и местоположения источника негативного антропогенного воздействия;
- характеристика негативного антропогенного воздействия на окружающую среду во времени и пространстве;
- установление механизма негативного антропогенного воздействия;
- определение масштабов, а также выявление условий и обстоятельств, способствующих усилению негативного антропогенного воздействия;
- установление обстоятельств, связанных с нарушением природоохранного законодательства, условий эксплуатации потенциально опасных объектов и действиями (бездействиями) специально уполномоченных лиц в области охраны окружающей среды и природопользования, которые способствовали причинению вреда здоровью человека (смерти человека) или иных тяжких последствий.

Объектами исследований являются: локальный земельный участок, где обнаружены признаки негативного антропогенного воздействия; пробы атмосферного воздуха, воды, почвы, отобранные в пределах антропогенно-нарушенного объекта окружающей среды; образцы флоры и фауны, в том числе и на микроуровне, подвергшиеся негативному антропогенному воздействию; механизмы, оборудование или узлы, детали с места, где произошло рассматриваемое

событие; сведения из технической документации и актов проверки экологического состояния объектов, результаты обследования объектов окружающей среды санитарно-эпидемиологическими, природоохранными и иными специально уполномоченными органами; другие источники информации о негативном антропогенном воздействии на окружающую среду.

Судебно-экологическая экспертиза, как правило, носит комплексный характер и производится комиссией специалистов (экологов, биологов, почвоведов), формулирующих общий вывод. В ходе производства экспертизы решаются вопросы по установлению последствий загрязнений объектов окружающей среды в результате выбросов экологически опасных веществ, выявления механизма загрязнения; нарушений правил охраны окружающей среды; изучения возможностей предотвращения негативного антропогенного воздействия на окружающую среду.

Государственными судебными экспертами в области судебно-экологической экспертизы могут быть специалисты, имеющие высшее экологическое, биологическое, географическое, почвенно-агрохимическое или техническое образование, прошедшие специальную подготовку, получившие свидетельство о праве самостоятельного производства экспертиз по специальностям, сопряженным с оценкой экологического состояния окружающей среды в целях отправления правосудия.

Действующее законодательство предусматривает производство судебной экспертизы как государственными, так и негосударственными судебно-экспертными учреждениями, специалистами. Судебные экспертизы производятся экспертами соответствующих государственных экспертных учреждений либо иными специалистами, назначенными следователем или дознавателем, прокурором, судом. В настоящее время основная доля экспертиз, связанных с необходимостью установления фактических обстоятельств негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, выполняется сотрудниками негосударственных организаций или негосударственными судебными экспертами.

Часто для производства данных экспертиз привлекаются сотрудники специально

уполномоченных органов в области природопользования и охраны окружающей среды. Следует подчеркнуть, что природоохранные и санитарно-эпидемиологические органы представляют собой специально уполномоченные органы в области охраны и оздоровления окружающей среды, но не являются субъектами судебно-экспертной деятельности. Тем не менее в соответствии с процессуальным законодательством и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ сотрудники указанных органов могут привлекаться в качестве негосударственных судебных экспертов.

Основные отличия между судебно-экологической экспертизой, с одной стороны, и государственной экологической экспертизой – с другой, заключаются в различии объектов, субъектов, предмета и задач. Производство государственной экологической экспертизы в соответствии со ст. 33 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ и ст. 1 Федерального закона «Об экологической экспертизе» от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ устанавливает соответствие планируемой хозяйственной и иной деятельности требованиям экологического законодательства. Порядок проведения государственной экологической экспертизы регламентируется соответствующим положением. Производство судебно-экологической экспертизы осуществляется в соответствии с процессуальным законодательством и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», связано с судопроизводством и требует использования специальных знаний в области экологии и смежных естественных наук для установления фактических обстоятельств рассматриваемого события.

В настоящее время Минюст России имеет во всех федеральных округах Российской Федерации свои судебно-экспертные учреждения (далее: СЭУ), выполняющие судебные экспертизы и экспертные исследования по поручениям судов, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, судебных приставов-исполнителей, нотариусов. Объемы экспертного производства по новым экспертным направлениям постоянно увеличиваются.

Судебно-экспертные учреждения системы Минюста России структурно состоят из 50 федеральных государственных учреждений. Организационная и методическая работа территориальных СЭУ обеспечивается через специализированное подразделение Минюста России. Научно-методическим центром СЭУ является Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России (РФЦСЭ).

В РФЦСЭ уже создан отдел судебно-экологической экспертизы. В соответствии с приказом Минюста России «О внесении дополнений в приказ Минюста России от 14.05.2003 № 114» от 12 сентября 2005 г. № 169 судебно-экологическая экспертиза определена самостоятельным родом судебных экспертиз, который в настоящее время разделен на следующие виды: исследование экологического состояния почвенно-геологических объектов; исследование экологического состояния естественных и искусственных биоценозов и исследование радиационной обстановки. Каждый из указанных видов предусматривает создание соответствующей экспертной специальности.

Для эффективного производства судебно-экологической экспертизы в РФЦСЭ требуется организация специальной подготовки экспертов, а также проведение научно-исследовательских работ для разработки ее научно-методического обеспечения. К производству экспертного исследования данных объектов в рамках комплексной экспертизы (в соответствии со ст. 201 УПК РФ, ст. 82 ГПК РФ, ст. 85 АПК РФ) рекомендуется привлекать экспертов, как отдела судебно-экологической экспертизы, так и других лабораторий (например лаборатории инструментальных методов исследования).

Следует отметить, что государственные судебные эксперты при самостоятельном выполнении судебно-экологической экспертизы должны в обязательном порядке пройти курс специальной подготовки по программе «Основы судебно-экологической экспертизы» (общей для всех судебно-экологических экспертных специальностей) и по соответствующей экспертной специальности, а также аттестацию на право самостоятельного производства судебно-экологических экспертиз.

По нашему мнению, для повышения качества судебных экспертиз, выполняемых негосударственными судебными экспертами,

при специальной подготовке экспертов (независимо от места работы) следует использовать программы, разработанные и утвержденные Минюстом России¹, а при производстве экспертиз применять экспертные методики, внесенные в Единый Реестр методического обеспечения судебной экспертизы² (далее: Реестр). В экспертных заключениях, в том числе выполненных негосударственными судебными экспертами, рекомендуется ссылаться на регистрационный номер экспертной методики в Реестре. Решение данной проблемы весьма актуально в случае возникновения спорных моментов при производстве дополнительных или повторных экспертиз.

Следует остановиться на перспективах развития судебно-экологической экспертизы. В качестве самостоятельного вида экологических экспертиз в настоящее время формируется научно-методическая база судебно-экологической экспертизы объектов городской среды. Причины появления данного направления судебно-экспертной деятельности связаны с превышающим установленные нормы негативным антропогенным воздействием транспорта, промышленных и жилищно-коммунальных предприятий на объекты городской среды; загрязнением населенных пунктов отходами жизнедеятельности и бытовым мусором, а также с наметившейся в последнее время тенденцией роста правонарушений в области обеспечения экологической безопасности при строительстве, эксплуатации и использовании объектов городской среды.

При производстве судебно-экологической экспертизы объектов городской среды осуществляется исследование результативности работы систем, предназначенных для обеспечения экологической безопасности объектов городской среды, в том числе для инженерной защиты окружающей среды и контроля за обращением с отходами жизнедеятельности. В случае необходимости прово-

¹ См.: Об утверждении программ подготовки государственных судебных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации по судебно-экологической экспертизе: Приказ Минюста России от 13 сент. 2005 г. № 170.

² См.: Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы, зарегистрирована Госстандартом России 2 марта 2005 г. (Рег. № РОСС RU.B175.04ОЭ00).

дится изучение результативности работы систем, предназначенных для экологической резервации и хранения, безопасного уничтожения токсичных объектов и рекультивации загрязненных территорий. В ходе исследования следует применять современные методы исследования с использованием лазерной, инфракрасной, радиометрической, электрофизической и других измерительных систем.

В зависимости от поставленных вопросов эксперты могут осуществлять обнаружение и оценку возможных разрушений системы экологической и технологической безопасности жилых и общественных комплексов, строительных, транспортных, энергетических, водообеспечивающих и других объектов; исследование вредного физического воздействия, в том числе установление источника и уровня шумового, вибрационного, электромагнитного и иного физического воздействия. При решении конкретных экспертных задач проводится локализация источника негативного антропогенного воздействия, в том числе промышленных и бытовых канализационных стоков; определение направленности и скорости несанкционированных сбросов и выбросов.

Таким образом, основными проблемами формирования судебно-экологической экспертизы как самостоятельного рода судебных экспертиз являются разработка и утверждение единых экспертных методик для использования государственными и негосударственными судебными экспертами; осуществление аттестации экспертов, прошедших специальную подготовку по стандартным программам, утвержденным Минюстом России, а также использование системы контроля качества производства экспертиз. Развитие судебно-экологической экспертизы объектов городской сре-

ды позволит квалифицированно и на современном уровне решать задачи использования специальных знаний в целях предотвращения угроз экологической безопасности, а также для установления фактических обстоятельств нарушений экологических требований при строительстве, эксплуатации, использовании жилых, производственных комплексов и иных объектов городской среды.

Для повышения эффективности функционирования системы судебно-экспертных учреждений Минюста России планируется работа по обеспечению качества судебной экспертизы путем аккредитации судебно-экспертных учреждений по международным стандартам, систематизированной подготовки, повышения квалификации и аттестации экспертов.

Практическая реализация вышеуказанного комплекса мероприятий по становлению судебно-экологической экспертизы в СЭУ Минюста России позволит в кратчайшие сроки сформировать высокоэффективный самостоятельный институт защиты прав и свобод граждан и интересов государства с помощью проведения научно обоснованных судебных экспертиз и экспертных исследований в области экологии.

Библиографический список

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 5 июня.
2. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Рос. газ. – 2002. – 12 янв.
3. Об экологической экспертизе : федер. закон от 23 нояб. 1995 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 30 нояб.

Е. В. Поводова,

*преподаватель кафедры юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

В современных российских условиях сделки с недвижимым имуществом – явление очень распространенное и необходимое. В

результате заключения таких сделок в гражданский оборот вовлекаются не только такие крупные объекты недвижимости, как предприятия, комплексы зданий, но и жилые дома и квартиры. При заключении сделок с недвижимостью затрагиваются интересы ее участников, и поэтому для них особенно важно провести сделки таким образом, чтобы их права не были нарушены и не возникли неблагоприятные правовые последствия.

Осуществление операций с недвижимостью – процесс трудоемкий, требующий

знания множества нюансов и юридических тонкостей. Кроме того, он всегда связан с определенными рисками: для продавцов это риск потерять право собственности на объект и не получить деньги, а для покупателя – риск отдать деньги и не получить квартиру. В настоящее время эти отношения до конца не урегулированы и часто приводят к неблагоприятным последствиям как для одной, так и для другой стороны.

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним является одним из наиболее существенных элементов правового режима недвижимости.

А. Л. Маковский, В. Ф. Яковлев отмечают, что «крайне важным представляется завершение создания «шлейфа» административных по сути законов, образующих институциональную среду обитания бизнеса... В этой сфере не без труда и помех рождается система регистрации прав на недвижимость...»¹.

Отношения, складывающиеся при проведении государственной регистрации, как и сам акт государственной регистрации, носят административно-правовой, а следовательно, и публично-правовой характер.

Государственная регистрация – это один из способов снижения риска на рынке недвижимости, защиты имущественных прав участников гражданского оборота и как следствие формирования отвечающих требованиям закона отношений на рынке недвижимости и привлечения дополнительных инвестиций в российскую экономику².

Государственная регистрация призвана обеспечить публичность гражданского оборота недвижимых вещей, иными словами, она стремится с помощью правовых и организационных мер упорядочить рынок недвижимого имущества. Этот рынок стал активно развиваться в России последние 15 лет, сконцентрировав все свои функции по инвентаризации, учету, реги-

страции, использованию и налогообложению в системе единого государственного органа – Федеральной регистрационной службы.

Потребность в создании единой системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним была вызвана тем, что предметом договоров, права по которым подлежат обязательной государственной регистрации, являются объекты, представляющие особую ценность для субъектов гражданского оборота. В отсутствии стабильности и прозрачности рынка недвижимости в России высока степень риска несения существенных убытков его участниками. В связи с этим эффективная государственная охрана прав и законных интересов граждан и юридических лиц невозможна без создания и функционирования четкой и понятной системы органов государственной регистрации прав на недвижимое имущество³.

В конечном итоге потребности участников оборота недвижимости определили цели и задачи государственной регистрации прав на недвижимое имущество (в том числе права собственности). При этом государственная регистрация, как справедливо указывает О. М. Козырь, является не самоцелью, а средством введения оборота недвижимости в цивилизованные рамки, осуществления его на принципах гласности и публичности⁴. Большинство же целей самой государственной регистрации были сформулированы еще в XVIII в. вместе с формированием в европейских странах института ипотечных книг.

Современная государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним – это юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с Гражданским

¹ Маковский А. Л., Яковлев В. Ф. К пятилетию Гражданского кодекса России. М., 2002. С. 2.

² См.: Об утверждении Федеральной программы поэтапного развития системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Постановление Правительства РФ от 9 апр. 2001 г. № 273 // СЗ РФ. 2001. № 16. Ст. 1602.

³ См.: Полунеева Е. В. Институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (гражданско-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 152.

⁴ См.: Козырь О. М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России // ГК России. Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С. А. Хохлова / Отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998. С. 292.

кодексом РФ (далее: ГК РФ)¹. Государственная регистрация представляет собой единственное доказательство существования зарегистрированного права. Зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

В подавляющем большинстве случаев государственная регистрация имеет по отношению к зарегистрированному праву правообразующее (правоустанавливающее) значение, и лишь в случаях, специально определенных законом, когда вещное право на недвижимость связано не с регистрацией, а с иным моментом (например, выплатой паевого взноса (п. 4 ст. 218 ГК РФ и др.)), роль регистрации состоит в том, чтобы подтвердить уже возникшее право².

Следует признать, что правовое регулирование отечественной системы регистрации также порождает презумпцию законности прав на недвижимое имущество правообладателя, что, однако, не означает аналогичного по результату решения вопроса о возможности виндикации недвижимого имущества, поскольку при исследовании вопроса о дефектности оснований приобретения права собственности (помимо самой регистрации) во внимание должен приниматься и характер выбытия имущества из владения собственника³.

Концепция бесспорности регистрационной записи вряд ли приемлема в настоящее время для России, поскольку здесь еще недостаточно развита система государственной компенсации за утраченное добросовестным приобретателем имущество, органы регистрации не наделены процессуальными правами по сбору доказательств принадлежности вещи заявителю, а также ослаблена ответственность этих органов за не-

надлежащее исполнение публичных обязанностей.

Таким образом, в российском гражданском праве регистрационная запись, подтверждая в гражданском обороте право собственности зафиксированного в ней лица, порождает презумпцию законности прав на недвижимое имущество указанного в записи лица⁴, однако она может быть опровергнута судебным решением, устанавливающим отсутствие надлежащих оснований возникновения права собственности у ответчика.

Государственная регистрация используется государством в первую очередь в качестве действенного средства (инструмента) обеспечения надежности гражданского оборота недвижимости и гарантирования имущественных прав на зарегистрированное в установленном государством порядке недвижимое имущество граждан и юридических лиц.

Система государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним призвана обеспечить формирование механизмов эффективного государственного воздействия на рынок недвижимости в целях защиты конституционных прав собственников и иных правообладателей на объекты недвижимости. Это достигается путем установления государственного контроля за совершением сделок с недвижимым имуществом (переходом прав на него), и тем самым обеспечивается защита прав и законных интересов граждан, юридических лиц и публичных образований (Российской Федерации в целом, ее субъектов, муниципальных образований).

Как справедливо отмечал Д. И. Мейер, «каждое юридическое отношение может прийти в соприкосновение с общественной властью, может нуждаться в ее охране, а она обещает свое действие к охранению права только тогда, когда существование его представляется несомненным»⁵.

¹ См.: О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.

² См.: Постатейный комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» / Под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2007. С. 54–55.

³ См.: Слесарев В. Л., Якимов А. А. Выбытие имущества из владения собственника помимо его воли // Закон. 2007. № 6. С. 89–102.

⁴ Данный аспект систематически находит свое отражение в судебной практике ВАС РФ (см., напр.: Постановления Президиума ВАС РФ от 15 мая 2007 г. № 15184/06 // Вестн. ВАС РФ. 2007. № 9; от 14 июня 2007 г. № 1857/07. Док. не был опубликован; от 22 мая 2007 г. № 2002/07 // Вестн. ВАС РФ. 2007. № 8).

⁵ Мейер Д. И. Русское гражданское право: В 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 242.

В первую очередь механизм государственной регистрации направлен на защиту прав физических лиц, так как они составляют подавляющее большинство заявителей о регистрации прав на недвижимое имущество (90 %)¹. Однако прозрачность и гласность прав на недвижимое имущество, обеспечиваемые посредством их фиксации в Едином государственном реестре прав (далее: ЕГРП), необходимы и для функционирования государственных органов. С помощью государственной регистрации выполняются и фискальные задачи, в этом смысле механизм государственной регистрации охраняет и интересы государства. Например, службы судебных приставов при реализации своих функций опираются на данные ЕГРП, получая из него необходимые сведения о наличии или отсутствии имущества у конкретного лица, налоговые органы, используя информацию, предоставленную регистрирующими органами, рассчитывают базу по земельному налогу. На основании некоторых исследований, фискальная цель и была главной причиной создания государственной регистрации в зарубежных государствах².

Договоры и другие сделки в отношении недвижимого имущества – это основание регистрации права собственности, которое является одним из наиболее распространенных. Не менее распространены сопутствующие ему проблемы. Так, например, законом предусмотрена обязательная регистрация перехода права собственности по договору, однако в определенных случаях дополнительно регистрируется и сам договор (договор продажи недвижимости жилого помещения ст. 558 ГК РФ и договор продажи предприятия ст. 560 ГК РФ). На практике эти положения приводят к следующим противоречиям. Заявители пытаются оспорить зарегистрированное право собственности на основании того, что договор про-

дажи недвижимости не прошел государственную регистрацию, а следовательно, не был заключен. Однако в данном случае договор является лишь основанием для регистрации перехода права собственности, поскольку законодательством не предусмотрена обязательная регистрация самого договора. Суды не раз указывали на то, что в соответствии с ГК РФ моментом заключения договора является его подписание³.

Для конкретной сделки с недвижимым имуществом (в частности, того или иного договора) государственная регистрация играет большую роль, поскольку сам факт государственной регистрации в одних случаях является условием действительности договора, а в других – обязательным условием признания договора заключенным.

Необходимость четкого разграничения недействительных и незаключенных сделок имеет важное практическое значение и обосновывается наступающими последствиями. В первом случае применяются специальные правила о последствиях, установленные гражданским законодательством для отдельных видов недействительных сделок, а во втором случае возникают обязательства из неосновательного обогащения⁴.

Договор считается заключенным с момента государственной регистрации, а несоблюдение письменной формы договора влечет его недействительность. Однако договоры, не прошедшие государственную регистрацию, являются незаключенными и вследствие этого не могут быть признаны недействительными.

ГК РФ прямо предусматривает недействительность договора вследствие нарушения требования о государственной регистрации (ст. 339 ГК РФ – договор об ипотеке, ст. 1017 ГК РФ – передача недвижимого имущества по договору доверительного управления имуществом).

¹ См.: Карлин А. Б. Актуальные задачи государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2001. № 2–3.

² См.: Дмитриев А. В. Сравнительный анализ систем регистрации прав на недвижимость в России, Германии и Испании // Законодательство. 2000. № 11.

³ См.: Обзор практики разрешения споров, возникающих по договорам купли-продажи недвижимости: Информ. письмо Президиума ВАС РФ от 13 нояб. 1997 г. № 21. П. 3 // Вестн. ВАС РФ. 2003. № 11 (ч. 2).

⁴ См.: Алексеева О. Г. Государственная регистрация прав на недвижимость и добросовестное приобретение недвижимого имущества // Закон. 2006. № 5. С. 48–54.

Если рассматривать вариант, когда в законе содержится требование о государственной регистрации, то из него следует, что любая сделка, в отношении которой закон установил данное требование и оно не было соблюдено, считается ничтожной. Однако в таком случае это противоречило бы норме, в соответствии с которой государственная регистрация является условием признания сделок заключенными.

Если же рассмотреть другой вариант, то можно сделать вывод о ничтожности только определенных видов сделок, в отношении которых не соблюдено требование о государственной регистрации, вследствие чего они являются ничтожными в соответствии с прямым указанием на это закона.

Представляется, что правильным будет второй вариант, когда закон определяет последствия в виде ничтожности сделок, для которых прямо предусмотрены последствия в виде их ничтожности при отсутствии государственной регистрации. А к договорам, подлежащим государственной регистрации и считающимся заключенными с момента государственной регистрации, будет применяться ч. 3 ст. 433 ГК РФ. В связи с этим положения ч. 1 ст. 165 и ч. 3 ст. 433 ГК РФ следует рассматривать не как противоречащие друг другу, а как дополняющие друг друга нормы. Это объясняет, почему законодатель в одних статьях об определенных видах сделок прямо говорит об их ничтожности в случае несоблюдения требования о государственной регистрации, а в других – нет.

Е. И. Афонина, судья Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа, анализируя рассмотренные дела, связанные с несоблюдением требований о государственной регистрации, приходит к выводу, что в судебной практике не изложена позиция по вопросу, в каких случаях подлежат применению нормы ч. 1 ст. 165 и ч. 3 ст. 433 ГК РФ, и обращается к комментариям ученых по данной тематике. Научное толкование ч. 1 ст. 165 и ч. 3 ст. 433 ГК РФ, позволяющее рассматривать их как дополняющие друг друга нормы, по ее мнению, «представляется правильным, поскольку решает вопрос о том, какая из общих норм подлежит применению в случае,

если последствия неосуществления государственной регистрации сделки прямо не указаны в законе, а также позволяет сделать вывод, что отсутствие государственной регистрации договоров, в которых не предусмотрено прямое последствие в виде недействительности либо незаключенности, влечет признание указанных договоров незаключенными на основании ч. 3 ст. 433 ГК РФ»¹.

Кроме того, можно говорить о том, что акт государственной регистрации сделки представляет собой дополнительный юридически значимый элемент, обязательное требование законодательства. Именно с момента государственной регистрации законодательство связывает возникновение и прекращение тех или иных прав на недвижимое имущество².

То есть государственная регистрация имеет не техническое, а юридическое (правообразующее) значение, что чрезвычайно важно в условиях имущественного оборота. Права на землю, жилище, здания и другую недвижимость, переходящие к лицам, возникают на основании юридического состава, включающего в себя два юридических факта: соглашение и акт регистрации (договора и (или) права).

Как уже отмечалось, неверное толкование ст. 433 ГК РФ создает немало проблем как теоретического, так и практического характера. Продавцы и покупатели, ссылаясь на эту статью, стараются убедить друг друга в том, что, подписывая договор, стороны не приняли еще никаких обязательств друг перед другом и до государственной регистрации каждый из них может в одностороннем порядке отказаться от его исполнения. Определение момента заключения сделок особенно важно. В данном случае мы должны различать возникновение обязательственных отношений и вещного права. Обязательственные правоотношения

¹ Афонина Е. И. О некоторых вопросах рассмотрения споров, связанных с применением ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (Из опыта Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа) // Вестн. ВАС РФ. 2007. № 2.

² См.: Юдина Ю. В. Установление факта владения и пользования недвижимым имуществом // Юрист. 2006. № 7. С. 60.

возникают с момента подписания договора, и стороны вправе требовать друг от друга соответствующего поведения, а ч. 3 ст. 165 ГК РФ защищает добросовестного исполнителя. Только после регистрации покупателя, меняющиеся, одаряемые приобретают право собственности и, следовательно, получают возможность по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться недвижимостью, а арендаторы вправе владеть и пользоваться арендованным имуществом и т. д. Одновременно с возникновением права собственности на приобретателя переходит риск случайной гибели или повреждения недвижимого имущества.

Таким образом, можно определить, что целью института государственной регистрации прав на недвижимость является система публичного укрепления прав на недвижимое имущество, которая призвана создать прочную систему оборота недви-

жимости, соответствующую складывающимся общественным отношениям.

Библиографический список

1. *Алексеева О. Г.* Государственная регистрация прав на недвижимость и добросовестное приобретение недвижимого имущества / О. Г. Алексеева // Закон. – 2006. – № 5. – С. 48–52.
2. Гражданский кодекс РФ. Части 1–3 с постатейными материалами / под ред. Е. Л. Забарчука. – М., 2006.
3. *Карлин, А. Б.* Правовые основания государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество / А. Б. Карлин // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 29–39.
4. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : федер. закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3594.

В. С. Савельева,
доцент кафедры уголовного права
Московской государственной
юридической академии
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Согласно Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жизнь (ч. 1 ст. 20). Причем это право является неотчуждаемым и принадлежит человеку от рождения вне зависимости от его личностных характеристик. Умышленное лишение одним человеком жизни другого человека в мирное время является преступлением, не имеющим нравственного оправдания ни при каких обстоятельствах, кроме необходимой обороны. Защита жизни граждан от преступных посягательств на нее – важнейшая обязанность демократического правового государства, его судебных и правоохранительных органов.

Однако, несмотря на все усилия, человечество пока не научилось предупреждать и пресекать убийства настолько эффективно,

чтобы полностью исключить их из общественной жизни. Напротив, в исторически сложное, беспокойное время эта проблема приобретает особую остроту. В нашей стране количество ежегодно совершаемых убийств исчисляется десятками тысяч. Причем число способов совершения и сокрытия этих преступлений постоянно увеличивается, а сами они становятся все более изощренными. Поэтому данный вид преступлений находится в центре неослабевающего внимания практикующих юристов, участвующих в раскрытии и расследовании убийств, судебном рассмотрении уголовных дел о них, а также ученых, в частности специалистов в области уголовного права, исследующих проблемы квалификации умышленного лишения жизни человека.

В ряду таких ученых особое место занимает профессор С. В. Бородин, долгие годы разрабатывавший тему уголовной ответственности за преступления против жизни¹.

В настоящей работе мы остановимся на наиболее острых и относительно новых аспектах практического характера уголовной ответственности за данный вид преступления.

¹ См., напр.: *Бородин С. В.* Преступления против жизни. СПб., 2003.

Действующий УК РФ (ст. 105) определяет убийство как умышленное причинение смерти другому человеку и предусматривает дифференцированное наказание за это преступление без отягчающих вину обстоятельств, т. е. за так называемое простое убийство (ч. 1 ст. 105) и за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, к которым относится убийство: а) двух или более лиц; б) лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга; в) лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника; г) женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; д) совершенное с особой жестокостью; е) совершенное общеопасным способом; е.1) по мотиву кровной мести; ж) совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; з) из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом; и) из хулиганских побуждений; к) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера; л) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; м) в целях использования органов или тканей потерпевшего.

Для квалификации убийства по ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо, чтобы существование сформулированного в соответствующем пункте указанной части данной статьи объективного обстоятельства (например, беременность потерпевшей, особая жестокость или общеопасный способ убийства) *осознавалось* виновным, либо его умышленные действия (бездействие), направленные на лишение жизни другого человека, *диктовались определенными побуждениями (мотивами)* (например, корыстными, хулиганскими, политическими, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и др.), либо *подчинялись*

определенной цели (например, сокрытия другого преступления, использования органов или тканей потерпевшего). *Осознанной* виновным должна быть и связь совершаемого им убийства с другими преступлениями, о которых речь идет в той же ч. 2 ст. 105 УК РФ (похищение человека, разбой, вымогательство, бандитизм, изнасилование и др.).

Обобщив практику первых лет применения УК РФ 1996 г., Пленум Верховного Суда РФ принял постановление «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 г. № 1 (далее: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.)¹, уделив в нем особое внимание именно нормам ч. 2 ст. 105 УК РФ. Тем не менее в следственной, прокурорской и судебной практике постоянно возникают нерешенные вопросы квалификации убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах. Ответы на многие из них содержатся в решениях Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам, но при этом они или не до конца убеждают, или вызывают новые вопросы. Большинство из них касается квалификации убийства, сопряженного с одновременным совершением других преступлений.

Убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). По данной норме УК РФ квалифицируется убийство двух или более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно. Убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление, предусмотренное п. «а» ст. 105 УК РФ. В таких случаях, независимо от последовательности преступных действий, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.), т. е. как «простое» оконченное убийство и покушение на убийство двух человек.

Но в противоположность сказанному закон (ч. 1 ст. 17 УК РФ в редакции федеральных законов «О внесении изменений и

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2000. № 3.

дополнений в УК РФ» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹ и от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ²) больше не признает совокупностью совершение двух или более преступлений, когда данное обстоятельство прямо предусмотрено УК РФ как влекущее более строгое наказание. В силу данного правила убийство двух или более лиц даже при условии, что преступления совершены одновременно и умышленно виновного на лишение жизни каждого всякий раз формировался заново, подлежит квалификации только по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, потому что закон по своей юридической силе при сравнении с разъяснениями по его применению всегда первичен.

Убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ст. 105 УК РФ). Данное преступление совершается с целью воспрепятствования правомерному осуществлению определенным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.). При его квалификации крайне важно не упустить из виду, что в правовом обиходе не существует понятия «близкие» (лица), а используется понятие «близкие родственники», к которым относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушки, бабушки и внуки (п. 4 ст. 5 УПК РФ). В понятие «близкие» (лица по отношению к потерпевшему) Верховный Суд РФ вкладывает гораздо более широкое и, к сожалению, гораздо менее определенное с юридической точки зрения содержание: это – не только близкие родственники, но и иные лица, состоящие с ним (потерпевшим. – В. С.) в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.).

Убийство государственного или общественного деятеля (террористический акт),

судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с профессиональной деятельностью перечисленных лиц, а также убийство сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, равно как и их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности *выделены в самостоятельные составы*, объекты которых вообще находятся за рамками понятия личности (ст. 277, 295 и 317 УК РФ). Квалификация перечисленных деяний по статьям об уголовной ответственности против жизни и здоровья недопустима в принципе, тем более, что преступления, предусмотренные указанными статьями, имеют не материальный, а формальный состав и считаются оконченными с момента самого посягательства на жизнь, независимо от последствий.

Ошибка при разграничении убийства в связи с осуществлением лицом служебной деятельности и посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа влечет отмену приговора с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение.

Пример. К. был признан виновным и осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ за то, что умышленно нанес тяжкий вред здоровью оперативному уполномоченному С., от чего потерпевший скончался. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке по жалобе потерпевших, согласилась с доводами кассаторов, что юридическая оценка судом действий виновного не соответствует фактическим обстоятельствам дела, поскольку, во-первых, посягательство совершено на сотрудника правоохранительного органа, находившегося при исполнении своих служебных обязанностей по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, а во-вторых, «при решении вопроса о содержании умысла виновного суду следовало исходить из всех обстоятельств совершенного преступления: способа его совер-

¹ См.: СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² См.: Рос. газ. 2004. 28 июля.

шения, характера и локализации телесных повреждений, интенсивности действий виновного и их направленности на нарушение функций жизненно важных органов потерпевшего, а также множественности ударов, которые в своей совокупности могут свидетельствовать о намерении виновного добиться смерти. К. наносил потерпевшему удары ногами, обутыми в грубую тяжелую обувь, которая в силу массивности при достаточной силе удара и множественности ударов способна причинить телесные повреждения различной степени тяжести, в том числе и тяжкие... удары наносились по голове и повлекли причинение потерпевшему закрытой черепно-мозговой травмы с переломом основания черепа и размождением вещества головного мозга, кровоизлиянием под твердую и мягкую мозговые оболочки... С. скончался в больнице спустя семь суток после причинения ему телесных повреждений, несмотря на своевременно принятые интенсивные меры по спасению его жизни в условиях стационара». На этом основании приговор был отменен с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение¹.

Данное судебное решение может служить также иллюстрацией еще одного тезиса, имеющего непосредственное отношение к теории и практике квалификации преступлений: признаки субъективной стороны состава преступления всегда выводятся из объективных признаков, а не наоборот. Достоверное суждение о помыслах человека можно составить только на основе его поступков. Поэтому система субъективных признаков преступления не существует обособленно от объективных².

Убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника (п. «в» ч. 2

ст. 105 УК РФ). Верховный Суд РФ разъясняет, что убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, представляет собой умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.).

Несмотря на эти, казалось бы, достаточно четкие разъяснения, судебная практика изобилует примерами необоснованно расширительного понимания беспомощного состояния потерпевшего от убийства в контексте уголовного закона.

Пример. По делу Каншаковой суд счел беспомощным состоянием потерпевшего состояние «сонливости и заторможенности», в которое его умышленно ввела виновная в порядке подготовки к убийству путем добавления в водку снотворного лекарственного средства (а затем удушила полотенцем)³. По делу Павлова⁴ и по делу Шиганова⁵ суд признал беспомощным состоянием потерпевших, находившихся в момент убийства в сильной степени алкогольного опьянения, лишаящего их способности к сопротивлению, а по делу Хамидуллина⁶ – то обстоятельство, что у потерпевшего были связаны руки.

Ни в одном из перечисленных случаев Верховный Суд РФ с квалификацией преступления по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ не согласился и беспомощного состояния потерпевших в смысле этой нормы УК РФ не усмотрел.

Такая позиция Верховного Суда РФ представляется, безусловно, правильной. Понятие беспомощного состояния потерпевшего от убийства в контексте уголовно-

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда. 2005. № 3. С. 25–26.

² Соответственно сказанному в уголовном судопроизводстве господствует вытекающее из презумпции невиновности правило, согласно которому признания обвиняемого относительно своих помыслов, намерений, целей и мотивов преступления не может расцениваться как достаточное основание для обвинения, включающего в себя именно эти компоненты, если такие показания не подтверждаются объективными обстоятельствами уголовного дела.

³ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2007. № 9. С. 9.

⁴ См.: там же. 2006. № 6. С. 6.

⁵ См.: там же. 2002. № 12. С. 5.

⁶ См.: там же. 2007. № 12. С. 21.

го закона следует определять прежде всего с позиций общественной морали. Повышенную общественную опасность имеют не убийство пьяного или спящего, а убийство ребенка, старика или больного, а также раненого и пленного. Именно подобные деяния в общественном сознании ассоциируются с предельной бесчеловечностью убийцы и существенно иначе оцениваются, нежели, например, убийство во сне. С этим считается и законодатель. Поэтому в целях устранения разнобоя в толковании и применении в судебной практике нормы, закрепленной в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, было бы достаточным именно в этом смысле, т. е. более определенно, сформулировать п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.: «...убийство малолетнего, престарелого или больного (раненого) человека, лишенного способности к сопротивлению в силу стабильного физического или психического состояния».

Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Проблемы квалификации этого вида убийства возникают в тех случаях, когда преступление не доведено до конца.

Пример. В связи с тем, что потерпевшая К. сообщила Кайсину о своей беременности и стала требовать денег, угрожая в противном случае заявить о ее изнасиловании, Кайсин задушил ее петлей, накинутой на шею. Экспертным путем было установлено, что беременной потерпевшая не была и Кайсина обманула. Суд первой инстанции квалифицировал действия виновного по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. как покушение на убийство потерпевшей, заведомо для него находившейся в состоянии беременности, и по совокупности как оконченное убийство при отсутствии квалифицирующих признаков. Президиум Верховного Суда РФ, исправляя эту юридическую нелогичность, в результате пересмотра приговора в надзорном порядке, исключил из судебных решений осуждение Кайсина по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, оставив ч. 1 ст. 105 УК РФ, и констатировал, что «умысел Кайсина на лишение жизни потерпевшей был полностью реализован и в

результате его действий наступила смерть потерпевшей»¹.

Таким образом, содеянное осужденным расценено как «простое» убийство, с чем трудно согласиться, потому что при такой квалификации из нее полностью выпадает все то, что отличает подобные общественно опасные посягательства против жизни от других: особая мотивация, придающая противоправному лишению жизни потерпевшей крайнюю бесчеловечность и поэтому повышенную общественную опасность. Поскольку в подобных случаях умысел направлен на лишение жизни женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, содеянное следует квалифицировать как покушение на лишение жизни при отягчающем обстоятельстве (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ)².

Убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При квалификации такого убийства следует исходить из того, что понятие жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами. Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи и т. д.). Особая жестокость может выражаться в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.).

Иногда в судебной практике как убийство с особой жестокостью расценивается нанесение потерпевшему множества ударов и

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2005. № 1. С. 21.

² Такая позиция обстоятельно аргументирована в работе: Парог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 182–183. Здесь же содержится и исчерпывающий обзор иных точек зрения.

ранений в процессе лишения жизни. Однако сама по себе множественность причиненных потерпевшему телесных повреждений не свидетельствует об особой жестокости убийства. Главными отличительными признаками в таких случаях являются способ, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий, и умысел виновного совершить убийство с особой жестокостью¹.

Убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Из содержания ст. 35 УК РФ, определяющей понятие преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, разъяснений, содержащихся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г., а также решений Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам вытекают следующие положения.

Для квалификации убийства как совершенного *группой лиц* необходимо, чтобы два или более лиц, не сговариваясь заранее, но действуя совместно в процессе совершения преступления с умыслом, направленным на убийство, непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего, применяя к нему насилие. Причем необязательно, чтобы телесные повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишая его возможности защищаться, а другой причинял ему смертельные повреждения). Убийство признается совершенным *группой лиц* и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (или другие лица).

Как совершенное *группой лиц по предварительному сговору* убийство квалифицируется в том случае, когда два или более лица в процессе лишения жизни потерпевшего действовали не только совместно и умышленно, но и во исполнение заранее состоявшегося преступного замысла и соглашения. При этом неустановление одного из

двух виновных, а равно отсутствие его на скамье подсудимых по любой другой причине (например смерть) не является препятствием для квалификации действий второго виновного по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ².

Сговор соучастников, состоявшийся после совершения преступления и имеющий целью сокрытие совершенного убийства (или покушения на убийство), квалифицирующего признака, о котором речь идет в данном случае, не образует, потому что такой сговор *не является предварительным*³.

Однако предусмотренный п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицирующий признак убийства отсутствует, если один из двух виновных в умышленном убийстве не обладает признаками субъекта преступления (не достиг возраста уголовной ответственности или является невменяемым).

Объединяющим признаком убийства, совершенного группой лиц, а равно группой лиц по предварительному сговору является наличие факта соисполнительства, когда каждый из соучастников выполняет полностью или частично объективную сторону состава убийства⁴. Отсутствует этот признак и в том случае, когда виновный, не участвуя в предварительном сговоре, присоединился к действиям, направленным на лишение жизни потерпевшего, совершаемым лицами, в таком сговоре уже состоящими⁵.

Если убийство совершено *устойчивой группой лиц*, заранее объединившихся для совершения убийств, такое преступление подлежит квалификации как убийство, совершенное *организованной группой*. Причем для такой квалификации необязательно, чтобы в умышленном лишении жизни человека непосредственно участвовала вся названная группа; достаточно и вместе с тем необходимо, чтобы убийца-исполнитель был членом этой группы и действовал хотя и в одиночку, но по ее плану – замыслу и заданию, осознавая себя элементом общего преступного механизма.

Объединение в одной норме (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ) всех трех форм соучастия в качестве единого квалифицирующего при-

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2002. № 11. С. 15.

² См.: там же. 2007. № 7. С. 7–8.

³ См.: там же. 2002. № 9. С. 21.

⁴ См.: там же. 2004. № 9. С. 28.

⁵ См.: там же. 2002. № 11. С. 15.

знака убийства представляется не вполне удачным законодательным решением. Оно не согласуется со ст. 35 УК РФ, в которой все эти формы (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору и организованная группа) строго разделены, потому что каждая из них отличается от другой степенью общественной опасности. И когда законодатель придает той или иной форме значение квалифицирующего признака, он называет ее отдельно, строго обособленно, например: кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ), кража, совершенная организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ). По такому же принципу сформулированы и большинство других норм Особенной части УК РФ.

Без обособления друг от друга совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой имеет только одно общее для всех преступлений юридическое значение: оно влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК РФ (ч. 7 ст. 35 УК РФ).

Квалифицирующим признаком убийства в таком обобщенном виде данное обстоятельство служить не должно, потому что нормы Общей части УК РФ по отношению к нормам Особенной части имеют приоритетное значение.

Убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Согласно ч. 1 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. как убийство из корыстных побуждений квалифицируется такое умышленное лишение жизни человека, которое совершается в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

Как убийство по найму надлежит квалифицировать убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения

(ч. 2 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.). В случае квалификации действий осужденного как убийства по найму квалифицирующий признак убийства «из корыстных побуждений» является излишним¹.

Несмотря на то, что следственной и судебной практикой накоплен огромный практический опыт квалификации заказных убийств, а также получены значительные достижения научной мысли, проблему нельзя признать полностью решенной. По некоторым уголовным делам все еще принимаются судебные решения, которые не убеждают в своей правильности и вызывают дискуссии специалистов.

Пример. Предприниматель Пендюрин, желая избавиться от своего компаньона по бизнесу, обратился к Староцуку с просьбой найти того, кто за вознаграждение убил бы его компаньона – Белошейкина, и передал на указанные цели 6 тысяч долларов США. Староцук уговорил совершить преступление за 3 тысячи долларов Григорьева, передал ему фотографии потерпевшего и снабдил необходимыми сведениями, а Григорьев привлек к делу Мелкумяна, пообещав простить ему долг в 1 тысячу долларов. Вдвоем Григорьев и Мелкумян убили Белошейкина. Суд первой инстанции осудил: Пендюрина за подстрекательство к убийству по найму группой лиц по предварительному сговору (ч. 5 ст. 33 и пп. «ж» и «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а Староцука – за подстрекательство к совершению данного преступления и в пособничестве ему (ч. 4 и 5 ст. 33 и пп. «ж» и «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Рассмотрев данное уголовное дело в кассационном порядке, Военная коллегия Верховного Суда РФ исключила из приговора в отношении обоих осужденных квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», потому что каждый из осужденных подстрекал к убийству только одного человека. Таким образом, приговором, вступившим в законную силу, Пендюрин признан виновным в подстрекательстве к убийству по найму при отсутствии иных квалифицирующих обстоятельств, а Староцук – в

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2002. № 9. С. 21.

*подстрекательстве к этому преступлению и пособничестве его совершению*¹.

Такая квалификация представляется спорной, не отражающей высокой степени общественной опасности содеянного осужденными. Устранение конкурента по бизнесу, т. е. лишение жизни взрослого, дееспособного, активного человека – акция, немыслимая без тщательной организации, а организация предприятия не бывает без организатора, который является генератором самой идеи, вдохновителем и наладчиком ее практического осуществления². С учетом этих соображений роль Пендюрина и Старошука неизбежно ассоциируется с ролью организаторов убийства по найму.

Проблемным оказалось и содержащееся в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ указание наотягчающее обстоятельство в виде сопряженности с разбоем, вымогательством и бандитизмом.

В ч. 3 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. говорится: «Как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК в совокупности со статьями УК, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм»³.

Лишение жизни потерпевшего в процессе разбойного или бандитского нападения, вымогательства с применением насилия, в частности пытки, настолько органично «сопряжено» с нападением и насилием, что различить фактические обстоятельства, образующие объективные стороны двух различных составов преступлений, практически невозможно. Поскольку сама связь («сопряженность») убийства с разбоем,

бандитизмом и вымогательством законом расценивается как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность виновного, причем в виде наказания за данное преступление предусмотрены не только лишение свободы на определенный срок, но и пожизненное лишение свободы либо смертная казнь, то выделять из конкретных обстоятельств убийства отдельные признаки разбоя, бандитизма и вымогательства, формулировать составы этих преступлений, вменять их наряду с убийством, судить за них, назначая наказание по совокупности преступлений, представляется делом, лишенным юридической логики, потому что дважды при назначении наказания не может учитываться ничто и ни в какой мере.

Не случайно в УК РФ теперь введено уже упоминавшееся правило, согласно которому, если совершение двух и более преступлений образует специально предусмотренное законом обстоятельство, влекущее более строгое наказание, понятие совокупности преступлений отсутствует (ч. 1 ст. 17 УК РФ).

Сказанное не исключает необходимости квалификации убийства по совокупности с разбоем, бандитизмом и вымогательством, равно как и с любым другим преступлением (например, кража, грабеж), когда фактические обстоятельства лишения жизни человека и другого преступного деяния действительно, а не умозрительно разведены во времени и пространстве, т. е. когда имеется реальная совокупность двух преступлений.

Убийство их хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Как убийство из хулиганских побуждений квалифицируется умышленное причинение смерти человеку на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительно го повода как предлога для убийства).

Пример. Булатов и Константинов, встретив на улице незнакомого им Онежкова, в ответ на отказ дать им сигарет, принялись вдвоем избивать его, а затем

¹ Процессуалисты комментируют эту истину по-своему: никакие признания обвиняемого относительно своих намерений, целей, мотивов преступления не могут расцениваться как достаточное доказательство и в любую минуту готовы «рассыпаться в прах», если они не подтверждены установленными по делу объективными обстоятельствами.

² Организовать значит подготовить, наладить (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 403).

³ См., напр.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2007. № 2. С. 22–23.

*Булатов подобранным на месте обломком шлакоблока убил потерпевшего, ударив 11 раз по голове*¹.

Если виновный, помимо убийства из хулиганских побуждений, совершил иные умышленные действия, грубо нарушившие общественный порядок, выражавшие явное неуважение к обществу и сопровождавшиеся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, то содеянное им надлежит квалифицировать по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующей части ст. 213 УК РФ (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.)².

Эти разъяснения сами по себе представляются правильными. Однако они возвращают мысль к тому, что уже было сказано по поводу убийства, сопряженного с разбоем, бандитизмом и вымогательством, и подтверждают следующий тезис: когда разбойное или бандитское нападение, а также насилие, применяемое при вымогательстве, плавно перерастают в действие, причиняющее смерть потерпевшему, совокупности преступлений нет, так же, как ее нет и в случае убийства в процессе хулиганства.

Убийство, совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Верховный Суд РФ разъясняет, что квалификация убийства как совершенного с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Например, если установлено, что убийство совершено из корыстных или хулиганских побуждений, оно не

может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.).

Как совершенное с целью сокрытия другого преступления убийство может быть квалифицировано лишь в том случае, если факт совершения скрываемого преступления установлен ранее вступившим в законную силу приговором суда или установлен в данном судебном процессе по уголовному делу, по которому подсудимому вменяется в вину и убийство, и преступление, с целью сокрытия которого оно совершено (таким также может быть убийство)³.

По одному из конкретных уголовных дел Верховный Суд РФ, изменив приговор, указал, что убийство, сопряженное с разбоем, также не нуждается в дополнительной квалификации по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ⁴, и причинение смерти в подобных случаях нельзя рассматривать как способ сокрытия разбоя. Данное обстоятельство также говорит в пользу того, что при убийстве, совершенном в процессе разбойного нападения, реальной совокупности преступления в виде разбоя и убийства не существует. Как не существует такой совокупности и во всех других случаях, когда причинение смерти потерпевшему происходит в неразрывной связи с фактическими обстоятельствами другого преступления, с которыми убийство сопряжено. Поэтому следует признать актуальными и обоснованными позиции тех ученых, которые считают, что в этом отношении нормы ч. 2 ст. 105 УК РФ нуждаются в дальнейшем совершенствовании⁵.

Библиографический список

1. *Бородин, С. В.* Преступления против жизни / С. В. Бородин. – СПб., 2003.
2. *Рарог, А. И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – СПб., 2003.

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2002. № 9. С. 12–13.

² Уже после принятия Верховным Судом РФ неоднократно упоминавшегося постановления «О судебной практике по делам об убийстве» в статью 213 УК РФ о хулиганстве внесены существенные редакционные изменения (см.: федеральные законы от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ и от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ).

³ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2007. № 8. С. 36–37.

⁴ См.: там же. 2005. № 9. С. 30.

⁵ См.: *Иногамова-Хегай Л. В.* Конкуренция норм уголовного права. М., 1999. С. 148–159; *Питецкий В. В.* Составные нормы в уголовном праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 8, 12.

А. А. Савин,
соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
ОБ ОХРАНЕ МОРСКИХ ЖИВЫХ РЕСУРСОВ
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Главным звеном проблемы отношений человека с окружающей природной средой выступает «право» последней на свое естественное существование. Долгое время в России вопросам охраны природы и отдельных природных объектов не уделялось должного внимания ввиду обширности территорий, разнообразия физико-географических и биологических условий, небольшой плотности населения и обилия мест, вовсе не тронутых человеком. Однако в начале XX в. в Российском государстве предпринимались меры по защите природной среды, которая сохранялась еще в значительно большей степени, чем в Западной Европе, а хищническое отношение к природе началось значительно позднее¹.

Призывы пионеров-природозащитников – ученых и писателей: М. В. Ломоносова, С. П. Крашенинникова, А. Т. Болотова, И. Т. Посошкова – к бережному отношению к природе находили отклик среди представителей всех сословий. Практическая научная работа академика П. С. Паласа, а позже академика К. М. Бэра и других ученых в составлении природоохранного законодательства положила начало конкретной деятельности академической общности в данном направлении, в частности, в организации первых заповедных территорий в России. Плодотворная деятельность русских естествоиспытателей Д. Н. Анучина, И. П. Бородина, Г. А. Кожевникова, В. И. Талиева и других не осталась безрезультатной. В России стали создаваться заповедники как научные учреждения, в отличие от зарубежных парков-заповедников, предназначенных для

«любования», иногда не бесплатно, природой, отдыха на ее лоне².

Кроме того, мировая научная общественность, выражая опасение за будущее животного мира планеты, уже в начале XX в. начала разработку научно обоснованного подхода к использованию богатств природы³.

Так, на Восьмом международном зоологическом конгрессе в Граце (1910 г.) (далее: Конгресс) директор Поль Саразен, сделавший доклад о мировой охране природы, подчеркнул: «Комитет, которому поручено основать международную или всемирную комиссию для охраны природы, соберется немедленно. Эта комиссия будет состоять из представителей всех наций, и в ее обязанности будет входить распространение охраны природы на всю Землю, от северного полюса до южного, как на континенты, так и на моря. Для этого комитет предлагает установить международное соглашение по поводу охраны природы во всех странах земного шара»⁴. Поль Саразен передал пожелания министерствам иностранных дел всех государств: поощрять охрану природы на их территории, обращаясь в случае необходимости к уже существующим организациям для сохранения фауны, флоры и ландшафтов.

На Конгрессе также было отмечено, что истребление ценных видов растений и животных приняло такие размеры, когда уже все благоразумные люди должны «сойтись в твердом решении положить конец этому истребительному неистовству и сохранить, насколько возможно, что еще можно спасти». Задача заключается в том, чтобы развивать частную инициативу и формировать общественное мнение, активизировать деятельность обществ в пределах государств, совместную работу всех цивилизованных наций в этом направлении.

Созданный по поручению Конгресса Временный комитет с участием России по международной охране природы принял следующую резолюцию: «Организовать международное соглашение об охране при-

¹ См.: *Бородин И. П.* Охрана памятников природы // *Тр. Ботан. сада император. Юрьев. ун-та.* Спб., 1910. С. 309.

² См.: *Булгаков М. Б., Ялбулганов А. А.* Российское природоохранное законодательство X – начала XX веков. М., 1997. С. 48–49.

³ См.: *АВП РФ*, ф. 0116, оп. 23, д. 6, л. 23.

⁴ *Мировая охрана природы: Отчет акад. И. П. Бородина о командировке в Берн на Конф. по междунар. охране природы.* Пг., 1915. С. 8.

роды во всех государствах мира. Для этого следует обратиться в министерства иностранных дел всех государств с просьбой указать делегатов для международной комиссии по отбору представителей и сообщить их имена Швейцарскому Союзному Совету. Последнему предоставлялось право созвать этих делегатов для учреждения международного природного комитета»¹.

Союзный Совет решил созвать 3 сентября 1913 г. в Берне конференцию, в процессе которой можно было бы обсудить наиболее важные вопросы и принять по ним решения. В объяснительной записке, приложенной к приглашению, говорилось: «Охрана природы стремится сохранить представителей животного и растительного мира, особенно тех, которым грозит уничтожение. Такие стремления, по-видимому, совершенно справедливы. И флора, и фауна представляют собой связанные системы, и исчезновение какого-либо звена в общей цепи живых существ составляет всегда препятствие для последователей.

Все эти рассуждения особенно относятся к видам, отличающимся своей красотой, вызывающим удивление своими странными формами или полезным каким-либо образом человеку: это и райская птица островов тропических морей, цапля наших озер и наших рек, орхидеи Центральной Америки, эдельвейс наших гор, цейлонский слон, антилопы африканских равнин и т. д.»².

Первая конференция по международной охране природы в Берне (1913 г.) собрала представителей 17 государств, в том числе России, владения которых занимают более половины суши Земного шара. С докладом «О задачах мировой охраны природы» выступил представитель Швейцарии Поль Саразен. Он подчеркнул: «... вся высшая фауна, живущая на земном шаре в диком состоянии, может совершенно погибнуть, если не постараться приложить деяния к тому, чтобы предотвратить это несчастье. Нам хорошо известны цели предстоящей работы, но менее ясны те пути, которые могут вести к достижению этих целей. Природа не знает политических и административных границ, и ее охрана не может ограничиваться какими-либо отдельными

государствами. Охранить живую красоту всего живого Земного шара от грозящего ей уничтожения является задачей столько же национальной, сколько и международной охраны природы»³.

Докладчик отметил, что в задачи охраны природы входит, прежде всего, защита тех животных, которым грозит уничтожение. Наибольшему преследованию подвергаются киты, тюлени и морские котики. Факты массового истребления названных животных имеют место в Норвегии. Торговля китовой и тюленьей ворванью находится, главным образом, в руках норвежцев, а известно, что, если торговлю не ограничивать законами, она сама себя стеснять не станет. Поэтому норвежцы более чем другие народы содействовали уничтожению этих морских животных.

«Окончательное истребление гренландского кита, этого царя океанов, вероятно, уже совершилось или, во всяком случае, до него недалеко. В области северных морей, прилегающих к Европе, он уже истреблен. Остается надеяться, что отдельные стада или семейства его спаслись от уничтожения за баррикадами ледяных гор или в арктических водах Америки или в Ледовитом океане около Сибири. Во всяком случае, гренландский кит требует полной охраны. Охота на него должна быть совершенно запрещена международными постановлениями в первую очередь и притом на много лет», – подчеркнул Поль Саразен.

Кроме гренландского кита, по словам докладчика, в охотничьих отчетах особенно часто упоминаются большой синий кит, родственный ему финвал, малый полосатик, горбач, из зубатых китов – кашалот, который, как и гренландский кит, близок к исчезновению.

Статистические данные о ловле китов свидетельствуют, как быстро исчезают эти животные: в 1911 г. добыча ворвани в северном полушарии достигала 38 000 т, а в южном – 30 600 т (в 1906 г. добыча ограничивалась 40 000 т). В 1906 г. капитан Ларсен устроил китоловную станцию в южной Георгии, и с тех пор началось уничтожение антарктических китов, стада которых встречались в огромных количествах. Уже через 6 лет появилось печальное известие, что эти стада исчезли из вод южной Георгии.

¹ Мировая охрана природы. С. 9.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 15.

Докладчик привел отрывок из отчета за 1912 г.: «В антарктических водах употребляются в дело лишь самые ценные части китов, а остальное выбрасывается в море. Если учесть, что общая стоимость расходов по устройству и снаряжению китоловных предприятий может оправдаться лишь при массовой добыче, то станет ясно, до каких размеров должно доходить хищничество. В 1911 г. в южных китобойных областях было убито не менее 11 000 китов. При таких условиях, принимая во внимание, что киты размножаются медленно, скоро, несомненно, наступит уменьшение добычи»¹.

В другом отчете за 1912 г. отмечено: «Время покажет, долго ли еще продержатся киты около южной Георгии при теперешнем массовом истреблении больших морских млекопитающих. Весьма возможно, что через несколько лет те местности, где в настоящее время на фабриках Гуано и на салотопных заводах перерабатывают туши китов, зарабатывая этим миллионы, превратятся в пустыни, какими они были и раньше»².

В XIX столетии, отметил докладчик, когда не осознавали необходимость охраны природы, была истреблена морская корова. Крупные тюлени, морские слоны также находятся под угрозой истребления. Так, одно норвежское общество в 1910 г. выслало два паровых судна с плавучими заводами к Кергуэланским островам для ловли этих животных, во множестве водившихся там. Тот факт, что перетопленный жир убитых морских слонов дал 4 500 т масла, свидетельствует о том, как беспощадно расправлялись с ними.

О сокращении численности моржей можно судить по статистическим данным Китобойных флотилий из Норде и Тромсе, ведущих промысел в водах Шпицбергена. Оказалось, что в 1908 г. было добыто 166 моржей, а 3 года спустя, в 1911 г., – лишь 16. Арктические стада моржей быстро исчезали. В частности, профессор Меркантон указывал, что он видел в Хольстенберге (Гренландия), как однажды норвежское судно привезло 85 моржей, убитых у берегов Кумберланда (65° с. ш.), из которых многие имели еще совсем маленькие бивни.

¹ Мировая охрана природы. С. 21.

² Там же.

Международной природоохранной комиссии следовало сделать многое. Прежде всего, установить международные правила защиты самок и молодых животных. Позднее экспертами Лиги Наций по проблемам кодификации международного права были выработаны рекомендации по упорядочению промысла китов и частично тюленей, а также заложены основы охранительных мероприятий, послуживших формированию принципиально нового подхода к использованию морских ресурсов. Рекомендовалось, в частности, провести исследование с целью установления видов китов, которые эксплуатируются с наибольшей интенсивностью и которым угрожает уничтожение, и, возможно, объявить мораторий на их промысел.

Выдвигалась идея создания «резервных зон» и эксплуатации запасов китов в них по кругу, т. е. предлагалось установить в Мировом океане определенное число промысловых районов и вести в них добычу китов через специально оговоренные промежутки времени. Комитет экспертов рекомендовал также учредить статистический орган, аккумулирующий информацию, касающуюся промысла китов. Все это требовало созыва новой конференции с участием большинства государств для решения вопросов охраны флоры и фауны, в том числе китов и других млекопитающих.

Кроме того, 15 декабря 1911 г. Россия, США, Япония и Великобритания подписали в Вашингтоне Конвенцию об охране китов в северной части Тихого океана сроком на 15 лет³. Данной Конвенцией запрещался пелагический промысел китов в водах северной части Тихого океана к северу от 300° с. ш. Предусматривалась сложная система распределения между сторонами – участниками Конвенции шкурок китов, добытых на лежбищах этих государств. Расчет долей зависел от уровня численности популяций, находящихся под юрисдикцией данной страны (в каждый отдельный сезон). Также были определены условия, при которых запрещалось принимать шкурки, добы-

³ В порядке правопреемства справедливых международных договоров СССР подтвердил свое участие в Конвенции изданием Постановления СНК СССР «Об организации промысла морских китов и морских бобров» от 2 февраля 1926 г. (см.: СЗ СССР. 1926. № 24. Ст. 154–155).

тые неправомерным путем. Кроме того, в Конвенции резервировалось право промысла для нужд коренного населения побережья северной части Тихого океана.

Следует отметить, что в период действия рассматриваемой Конвенции были решены вопросы промысла, районов и периодов его ведения, она внесла ощутимый вклад в упорядочение промысла китиков, но не предусматривала координации научных исследований этого вида млекопитающих.

Конвенция 1911 г. стала одним из первых международных договоров, закрепивших принцип охраны живых морских ресурсов. Именно эта Конвенция положила начало осуществлению согласованных мер по рациональному использованию морских ресурсов, наглядно продемонстрировала перспективы международного сотрудничества в решении природоохранных задач. В результате за 30-летний период действия Конвенции численность популяции китиков в северной части Тихого океана возросла со 100 тысяч до 1,5 млн голов.

Таким образом, развитие морского промысла, его социально-экономическая значимость способствовали становлению международно-правового режима регулирования в использовании морских биоресурсов, означающего, что законодательство прибрежных государств в этой области должно

исходить из норм международного права, а формируемые системы национальных норм – конкретизировать и развивать нормы соответствующих международных договоров.

Вместе с тем законодательные акты заинтересованных прибрежных государств, гибко реагирующие на изменение состояния запасов тех или иных видов морских млекопитающих, в свою очередь, оказывают определенное воздействие на содержание международно-правовых норм в области охраны природной среды и тем самым повышают их эффективность. Объявление биоресурсов Мирового океана объектом специального правового статуса исключает монопольное право какого-либо государства определять правовой режим их использования.

Библиографический список

1. Булгаков, М. Б. Российское природоохранное законодательство X – начала XX веков / М. Б. Булгаков, А. А. Ялбулганов. – М., 1997.
2. Колбасов, О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды / О. С. Колбасов. – М., 1982.
3. Мировая охрана природы : отчет акад. И. П. Бородин о командировке в Берн на Конф. по междунар. охране природы. – Пг., 1915.

М. Ш. Сеидов,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПОДЗАКОННЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Преобразования, происходящие в современном российском обществе, затрагивают все сферы политико-правовой жизни. В связи с этими изменениями в процессе научного познания государственно-правовой действительности происходит не только фиксация знаний о ней, но и постоянное «приращение» этого знания. На данном этапе развитие отечественной теории государства и права характеризуется как период переосмысления и

обновления понятийно-категориального аппарата. Формирование гражданского общества и правового государства ставит ученых перед необходимостью пересмотреть многие привычные юридические понятия с точки зрения их соответствия настоящему этапу развития нашего общества, государства и права. Весьма значимым это является в отношении понятия «источник права», которое принадлежит к числу наиболее спорных и одновременно активно употребляемых в отечественном правоведении.

Еще в начале XX в. И. В. Михайловский писал, что термин «источник права» «до сих пор понимается различно, и по поводу его ведутся споры... между тем споры основаны на недоразумении: нет ничего проще устранить эти недоразумения и согласиться насчет общего понимания термина,

которым столь часто пользуется наука»¹. Автор полагает, что «в сущности почти все ученые одинаково понимают *источники права* как *факторы, творящие право*, а разногласия начинаются только при решении вопроса, что должно считаться правотворящими факторами: ...одни говорят, что это — объективные условия данной среды, другие, что это высший этический закон, третьи, что это психические переживания личности, четвертые, что это те формы (обычай, закон и т. д.), в которых облекается высшим внешним авторитетом известное содержание»². По мнению И. В. Михайловского, споры в отношении понятия «*источник права*» неизбежны и довольно скоро будут успешно разрешены. Однако история распорядилась иначе.

Споры о понятии источника права периодически возникали во все последующие годы. Так, в 40-е гг. XX в. С. Ф. Кечекьян писал о том, что данное понятие «принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Нет не только общепринятого определения этого понятия, но даже спорным является самый смысл, в котором определяются слова "*источник права*"»³.

И в настоящее время в отечественной юридической науке «отсутствует общепринятое понятие источника права. Вместе с тем реализация концепции правового государства в целях обеспечения устойчивого развития российского общества в целом предполагает наличие научно обоснованной концепции источников права»⁴.

В современной зарубежной литературе также имеют место подобные утверждения. Так, известный французский теоретик права Ж.-Л. Бержель говорит о том, что неопределенность понятия и термина «*источник права*» возникает потому, что им (этим термином) «принято одновременно обозначать и содержательные, и формальные источники права»⁵, однако в целом он опре-

деляет содержание данного понятия как основу и причину, созидательную силу права.

Существование разнообразных констатаций, относящихся к спорности и неопределенности понятия и термина «*источник права*» свидетельствует, по словам М. Н. Марченко, о том, что «мы имеем дело со сложным, многосторонним и весьма неоднозначным явлением, обозначаемым термином "*источник права*"»⁶. Поэтому естественным для научного анализа в этом случае становится рассмотрение явления с разных сторон и в разных аспектах. Применительно к нашему понятию можно выявить как минимум четыре аспекта: этимологический, естественный, социальный и материальный. Не останавливаясь подробно на каждом из них, отметим, что в настоящее время применительно к позитивному праву и, отчасти, к естественному предпринимаются различные попытки (впрочем, как и раньше) не только многоаспектного рассмотрения источников права, но и их классификации по самым разным критериям. Вместе с тем, независимо от критериев классификации, видов, понятия и содержания источников права «все они выступают в рамках той или иной правовой системы как некое единое целое, формирующее данную правовую систему и наполняющее ее конкретным нормативным содержанием»⁷.

В этом едином целом выделяется значительный пласт формальных, или формально-юридических, источников права — исторически сложившихся форм внешнего выражения права, который является необходимым элементом общей системы его источников, наряду со способом бытия людей (генетическим источником) и государством (политическим источником позитивного права)⁸. В русле коммуникативной теории права этот пласт, по определению В. Н. Карташова, относится к *текстуальным источникам права*⁹.

Вся совокупность текстуальных источников права (так же, как и внетекстуаль-

¹ Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 237.

² Там же.

³ Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Учен. зап. Моск. гос. ун-та; Вып. 116. М., 1946. Кн. 2. С. 3.

⁴ Гурова Т. В. Источники российского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 5.

⁵ Бержель Жан-Луи. Общая теория права. М., 2000. С. 97.

⁶ Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 45.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ См.: Гурова Т. В. Актуальные проблемы теории источников права: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 130.

⁹ См.: Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: В 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 151–152.

ных) представляет собой систему, одним из признаков которой является иерархичность. В силу этого системный характер всех источников права проявляется, во-первых, в субординационных взаимоотношениях между материальными, социальными и другими первичными (внетекстуальными) источниками права, с одной стороны, и вторичными (текстуальными), формально-юридическими источниками – с другой. Во-вторых, формально-юридические источники в виде законов, исходящих от высших законодательных органов, постановлений правительства, приказов министров и других нормативных правовых актов также располагаются по отношению друг к другу в строго иерархическом порядке в зависимости от юридической силы и социальной значимости каждого из них. При этом именно в текстуальных источниках права иерархический характер этой системы проявляется особенно четко и прежде всего – в системе (подсистеме) нормативных правовых актов. Однако сама категория «*иерархия нормативных правовых актов*» на современном этапе требует более углубленной разработки, поскольку «вследствие расширения сферы правового регулирования и увеличения общего массива действующих нормативно-правовых актов возникает острая потребность в правовых исследованиях, направленных на анализ свойств и содержания иерархии нормативных правовых актов, существующих в законодательстве противоречий вследствие ее нарушения и выявления путей их разрешения»¹.

Следовательно, в системе формальных (текстуальных) источников права *нормативный правовой акт* занимает ведущее положение. Это одна из наиболее распространенных и совершенных форм внешнего выражения современного права.

Само понятие «*акт*» (лат. *actus* – «поступок, действие») имело и имеет различные смысловые значения.

В Древнем Риме под *актом* понимался период судебной деятельности в противовес каникулярному времени – нечто совершаемое, обсуждаемое, а также деяния су-

дей, позднее – императоров: законы, эдикты, распоряжения. В Англии понятие «*акт*» имело значение «решение, принятое парламентом и одобренное королем». Во Франции под *актом* понимался прежде всего документ: частный, нуждавшийся в признании сторон для получения законной силы, и публично признаваемый, имевший силу до тех пор, пока не доказана его порочность. В Германии слово «*акт*» употребляли только в отношении документов, являвшихся результатом дипломатических конференций.

Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона дает такое определение данного понятия: «Объективно принято подразумевать под этим словом [*акт*] собрание всех письменных документов, относящихся к одному и тому же имеющему юридическое значение предмету. Смотря по тому, исходят ли акты от частного лица или от властей, их называют частными актами, например, документы адвоката – или же публичными, например, судебными актами. Публичные акты в настоящее время ведутся властями по поводу всех входящих в круг их обязанностей дел. Власти обязаны наблюдать за их целостностью и сохранностью, а в случае утраты заботиться о восстановлении утраченного (реинтеграция актов). Актом называется ныне каждое публичное торжественное и преимущественно судебное действие»².

В России конца XIX – начала XX вв. понятие *юридического акта* отождествляли с понятием *сделки*: «Под именем юридической сделки понимается такое выражение воли, которое непосредственно направлено на юридические последствия, т. е. на установление, изменение или прекращение юридических отношений. Юридическая сделка иначе называется юридическим актом»³.

В начале XX в. Леон Дюги, одним из первых рассматривавший признаки административных и юрисдикционных актов в качестве правовых, писал следующее: «Я определяю юридический акт как объявление воли, исходящее от правоспособного лица, имеющее объектом то, что может быть желаемо, определенное легальной це-

¹ Тлембаева Ж. У. Проблемы иерархии нормативных правовых актов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2001. С. 3.

² Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского; Изд.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 1. С. 313.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. СПб., 1907. С. 153.

лью и призванное с намерением создать юридическое положение»¹.

На современном этапе развития теории государства и права нет однозначного определения понятия «*правовой акт*». Например, С. С. Алексеев понимает правовой акт как «внешнее выражение воли государства, его органов, отдельных лиц, выступающее в качестве носителя содержательных элементов правовой системы – юридических норм, правоположений практики, индивидуальных предписаний, автономных решений лиц»². Р. Ф. Васильев определяет правовой акт как «волеизъявление управомоченного субъекта права, регулирующее общественные отношения путем установления (изменения, отмены, изменения сферы действия) правовых норм, а также установления (изменения, прекращения) конкретных правоотношений, результаты которых в виде велений, обращений соглашений и т. п. в установленных законом случаях фиксируются в документальной форме (акте-документе)»³. Одно из наиболее полных определений правового акта дает Д. Милкова: «Юридические акты – это своеобразное бытие правовой нормативности (общей, индивидуальной), по своей сущности они представляют собой объективированную надлежащим способом (чаще всего особым – словесно-документальным) государственную волю, направленную на достижение определенного юридического эффекта посредством конституирования и закрепления в данных актах основных содержательных элементов правовой системы»⁴.

Как и многие юридические термины, понятие «*правовой акт*» многозначно: это и юридический факт, т. е. действие или поведение, являющееся основанием для правовых последствий; это и результат как правомерного, так и неправомерного действия, т. е. юридически значимый содержательный элемент, включающийся в правовую

реальность; наконец, это и юридический документ, т. е. словесно-документально оформленное выражение воли, закрепляющее либо правомерное, либо противоправное поведение и соответствующий такому поведению результат. Именно в этом, последнем, значении мы и будем рассматривать нормативный правовой акт.

Под юридическим документом понимается «официальная письменная форма внешнего выражения разнообразных средств правового регулирования (норм права, индивидуальных правовых решений, соглашений и т. п.), с помощью которой достигается определенность правового регулирования, независимость от произвола отдельных лиц и устойчивость общественных отношений, стабильность правового и в целом социального положения личности»⁵. Поэтому А. Ф. Черданцев, с мнением которого нельзя не согласиться, все нормативные правовые акты относит к юридическим документам⁶.

С нормативными правовыми актами-документами тесно связано понятие *законодательства*, которым широко оперирует юридическая наука и правоприменительная практика и которое, вместе с тем, трактуется весьма неоднозначно.

Нередко к законодательству относят все без исключения нормативные акты, т. е. и акты высших органов государственной власти, и ведомственные, и акты местных органов самоуправления. Однако наиболее соответствующим современной юридической действительности представляется такое понимание законодательства, когда к нему относят акты высших органов государственной власти и управления. В этом случае общедولة российское законодательство являет собой совокупность законов и иных нормативных правовых актов Федерального собрания РФ, указов Президента РФ, нормативных правовых актов Правительства РФ. Причем закон как важнейший источник права находится на высшей ступени иерархической лестницы, все остальные нормативные правовые акты, включая акты органов государственной

¹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 244–245.

² Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 192–193.

³ Васильев Р. Ф. О понятии правового акта // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. 1998. № 5. С. 25.

⁴ Милкова Д. Юридические акты в социалистическом праве: понятие и система. София, 1984. С. 47.

⁵ Ягофаров Д. А. Теория государства и права: Слов.-справ. пособие. Екатеринбург, 1997. С. 108.

⁶ См. подробнее: Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 362.

власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, являются подзаконными.

В соответствии с общим представлением (есть и другие типы иерархических систем) об иерархии как о «принципе структурной организации сложных многоуровневых систем, состоящем в упорядочении взаимодействий между уровнями в порядке от высшего к низшему»¹, в отношении нормативных правовых актов следует отметить:

1) что юридическая сила и социальная значимость каждого нормативного правового акта зависит от места, которое занимает в системе государственных органов орган, издающий этот акт, т. е. от иерархии соответствующих государственных органов;

2) акты нижестоящих органов находятся (точнее — должны находиться) в строгом соответствии с актами вышестоящих органов и не противоречат (не должны противоречить) им, и вместе взятые эти акты должны соответствовать Конституции РФ и не противоречить ей;

3) акты вышестоящих и нижестоящих органов не должны подменять друг друга (например, «вышестоящий орган не вправе брать на себя разрешение вопросов, которые входят в компетенцию нижестоящих органов»²);

4) наиболее важные общественные отношения, подлежащие правовому регулированию, должны быть опосредованы только законом;

5) акты нижестоящих органов могут быть изменены или отменены только издавшими их органами либо вышестоящими органами.

Таким образом, в самом общем виде иерархия нормативных правовых актов такова: закон — подзаконный акт. При этом в научной литературе верно отмечается, что «величина правовой силы или положения» формы права «на иерархической лестнице правовой системы принципиально соответствуют соотношениям абстрактности—конкретности и обобщенности и индивидуальности»³. В силу

этого закон имеет более абстрактный характер по сравнению с подзаконными актами (хотя и они в отдельных случаях могут носить концептуальный характер).

В свете современной теории решений законы и подзаконные акты, принимаемые высшими органами государственной власти, можно отнести к государственным управленческим решениям стратегического типа, поскольку они, как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, «обеспечивают стратегическое направление во всех процессах общественных преобразований»⁴. Действительно, государство как всеобъемлющая политико-территориальная организация уполномочено управлять всеми общественными процессами, в том числе и с помощью различных управленческих решений. В большинстве случаев государство доводит до общества свои решения в форме законов и подзаконных актов. Поэтому в соответствии с теорией современного менеджмента о стратегическом управлении можно говорить о законе как управленческом решении стратегического типа.

Стратегическое управление в самом общем виде определяется как «деятельность, которая состоит в выборе сферы и системы действий по достижению долгосрочных целей организации в постоянно меняющихся условиях внешней среды»⁵. Именно в законах отражаются долгосрочные цели, основные направления развития общества, которые формулируются носителями высшей государственной власти с учетом закономерностей исторического, экономического и культурного развития. Однако стратегическое управление по своей природе таково, что не дает и не может дать четкой, развернутой и подробной картины желаемого будущего. Это желаемое будущее состояние организации, скорее всего, можно рассматривать в качестве «пожелания» того, какой должна быть картина завтрашнего дня организации. Так, например, в ст. 1 Основного закона Российской Федерации провозглашено: «Российская Федерация — Россия — есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления».

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 201.

² Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1986. С. 198.

³ Мицайков М. Иерархия в праве // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. № 6. С. 70.

⁴ Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С. 163.

⁵ Уткин Э. А. Курс менеджмента. М., 1998. С. 189—190.

Заявленное здесь определение России как демократического правового государства и является качественной характеристикой организации, на формирование и обеспечение которой направлены усилия всего населения страны, прежде всего, разумеется, ее политически дееспособных граждан.

Таким образом, законы содержат абстрактные предписания, определяют принципы и модели социально значимого поведения, которые обращены ко всем субъектам права и рассчитаны на многократное применение. Основная масса фундаментальных, базовых законов имеет бессрочный характер. Подзаконные акты тоже являются управленческими решениями. Как и законы, они могут быть концептуального характера, а могут (в большинстве случаев в действительности так оно и есть) содержать конкретные предписания, различные цифровые данные, которые призваны обеспечить реализацию абстрактных предписаний законов как нормативных актов высшего уровня, высшей юридической силы.

Несмотря на то, что система нормативных правовых актов федерального уровня довольно подробно и конкретно представлена в Конституции РФ, в настоящее время проблема официальной иерархической классификации правовых актов Российской Федерации во многом остается нерешенной. Основное внимание в этой классификации традиционно уделено соотношению законов и подзаконных актов, по-прежнему являющихся основными формальными источниками позитивного права в России, что, разумеется, не умаляет актуальности других источников права: правовой обычай, судебный прецедент, нормативный договор, принципы права рассматриваются отечественными юристами в качестве значимых дополнительных источников позитивного права. Так, С. В. Поленина пишет: «Признание закона в качестве приоритетной формы права отнюдь не исключает других его источников: обычаев, прецедентов, договоров. Все они реально существуют и будут развиваться вместе с обществом. Важно, чтобы они дополняли, а не подменяли его, чтобы они были связаны с ним»¹.

¹ Поленина С. В. Законодательство в Российской Федерации. М., 1995. С. 65.

В самом общем виде система федерального законодательства, выстраиваемая с учетом юридической силы и социальной значимости правового акта, представляется таким образом: Конституция РФ, федеральные законы (федеральные конституционные и федеральные законы), указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты федеральных органов исполнительной власти РФ².

Однако при всей важности закона в системе текстуальных источников права он, как уже говорилось выше, содержит предписания общего, неперсонифицированного характера, потому что рассчитан на неоднократное применение в типичных ситуациях, оказывающихся в сфере правового регулирования. В силу этого абстрактные предписания законов нередко оказываются недостаточными для реальной эффективности процесса нормативного регулирования. Поэтому возникает необходимость конкретизации предписаний закона в целях обеспечения его реализации. Для этого и принимаются подзаконные акты, назначение которых – «приблизить» закон к реалиям общественной жизни, попадающей в область правового регулирования. По словам В. Н. Синюкова, «подзаконные акты всегда ближе к непосредственной социальной практике, тоньше ее чувствуют, локализуясь в сфере профессиональной (ведомственной), региональной или иной специфической деятельности. Поэтому подзаконное регулирование общественных отношений и поведения субъектов права должно получить государственную поддержку»³.

Подзаконный нормативный акт – собирательное понятие: оно включает в себя различные правовые предписания – от актов высших представительных и исполнительных органов, Президента РФ до актов местных органов власти и управления.

Важное значение в системе подзаконных актов имеют федеральные ведомственные акты. Под этим обобщающим названием имеются в виду приказы министров, инструкции, инструктивные письма, наставления,

² См.: Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. проф. М. Н. Марченко. М., 1988. Т. 2. С. 414–449.

³ Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 359.

правила, уставы, положения, разъяснения о порядке применения того или иного положения в сфере деятельности различных министерств и ведомств. Эти нормативные правовые акты разрабатываются и издаются федеральными органами (на основе Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ, положений о министерствах и иных федеральных органах исполнительной власти) для руководства той или иной отраслью управления либо сферой деятельности, для реализации специальных исполнительных, контрольных, разрешительных или надзорных функций. При этом, с одной стороны, если нормативные приказы посвящены наиболее важным вопросам работы федеральных органов исполнительной власти (структуре, задачам, функциям), то инструкции (от лат. *instructio* – «наставление») регулируют основные виды служебной деятельности, функциональные обязанности определенной категории работников. С другой стороны, если приказы могут быть и нормативными, и ненормативными, т. е. индивидуальными, то инструкции всегда нормативны.

Значительное место в системе подзаконных правовых актов современной России занимают *«локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, принимаемые работодателем»*¹, или *корпоративные нормативные правовые акты* (так они именуются в зарубежной юридической литературе). К их числу относятся уставы, положения или другие учредительные документы государственных и негосударственных предприятий, учреждений, организаций, правила внутреннего распорядка на предприятиях, в учреждениях и акционерных обществах, с помощью которых определяется распорядок работы указанных общественных институтов, права и обязанности работников и представителей администрации; некоторые другие нормативные акты. Появление такого рода актов отражает социально-экономические изменения, происходящие в Российской Федерации. Являясь нередко незаменимыми звеньями в механизме правового регулирования общественных отношений, локальные норма-

тивные акты играют отнюдь не одинаковую социальную роль. Так, далеко не однозначными представляются локальные правовые акты, которые принимаются единолично «работодателем»², если в качестве такового выступает крупный (а фактически – полукриминальный) бизнес. Как справедливо и с сожалением отмечает М. Н. Марченко, «в условиях массовой нищеты и безработицы в современной "демократической" России предоставление права такому "работодателю" единолично устанавливать подобного рода общеобязательные акты... в практическом плане означает официальное освящение и законодательное закрепление полной трудовой, финансовой и обусловленной ими социально-политической зависимости от него как одной из сторон – "партнера" в трудовых отношениях другой стороны – "работника"»³. В таких условиях становится особенно очевидной значимость института контроля за конституционностью подзаконных актов.

Институт указанного контроля необходим и в отношении другого пласта в системе подзаконных нормативных актов – актов органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, которым, в соответствии с ч. 4 ст. 76 Конституции РФ, дано право ведения собственного правового регулирования, включая принятие законов и иных нормативных актов. Получив такое право, активно реализуя его, многие субъекты РФ и органы местного самоуправления порождают массу проблем, когда вопреки общероссийским правовым принципам вводят свои принципы построения правовой системы. Есть уже немало примеров того, как субъекты Федерации принимали правовые акты по вопросам, находящимся в ведении федеральных органов, или же прямо игнорировали их решения. Например, только одна Тульская областная прокуратура опротестовала свыше 1600 незаконных правовых актов, изданных органами местной власти за 2000 г.⁴

² Согласно ст. 8 Трудового кодекса Российской Федерации работодатель принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, в пределах своей компетенции в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями.

³ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 264.

⁴ См.: Свой карман ближе // Рос. газ. 2001. 8 февр.

¹ См.: Тихомиров Ю. А., Талатина Э. В. Введение в российское право. М., 2003. С. 450–451.

По общему правилу, подзаконные нормативные правовые акты принимаются во исполнение предписаний закона и не должны противоречить его содержанию. К сожалению, Парламентом РФ до сих пор не принят закон, содержащий официальную классификацию и основные правила построения иерархической системы правовых актов. Это, конечно, наносит значительный урон процессу становления системы законодательства и на федеральном уровне, и на уровне субъектов РФ.

Как видно из краткого обзора подзаконных правовых актов, они играют важнейшую роль в нормативном регулировании общественных отношений. Будучи конкретными, приближенными к реальной правовой действительности, разъясняющими абстрактные предписания законов, подзаконные акты являются своеобразным посредником, связующим звеном между нормативными правовыми актами высшей юридической силы и субъектами права.

И. А. Тараканов,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ ОТ ГРУППОВОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Государство, выполняя охранительную и предупредительную функции посредством установленных юридических норм, стремится защитить права и свободы своих граждан в целом и каждого в отдельности, но оно не в состоянии предотвратить все правонарушения, взять под охрану каждого человека в любой момент его жизни. Поэтому государство в Основном законе (детализируя затем это положение в отдельных отраслях права) закрепило право частных лиц защищать самостоятельно свои права и свободы. Этим государство признает данную защиту необходимым дополнением к своей охранительной и предупредительной деятельности. Следует подчеркнуть, что данное право не создается государством, а лишь признается.

В связи с происходящими переменами в государстве и обществе меняется и система формальных источников права. Все более очевидным становится тот факт, что российская правовая система имеет интегративный характер. Поэтому, на наш взгляд, вопрос об источниках права должен разрабатываться и далее не только в интересах теории государства и права, т. е. науки, но и в целях эффективной практики реформирования социально-политических институтов современной России.

Библиографический список

1. *Гурова, Т. В.* Актуальные проблемы теории источников права : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
2. *Карташов, В. Н.* Теория правовой системы общества. В 2 т. Т. 1 / В. Н. Карташов. – Ярославль, 2005.
3. *Марченко, М. Н.* Источники права / М. Н. Марченко. – М., 2005.

Одним из наиболее важных и распространенных на практике обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, является необходимая оборона.

Защита охраняемых интересов может быть осуществлена различными способами и действиями. Необходимую оборону составляет, однако, только такая защита, которая осуществляется путем причинения посягающему вреда. При этом лицо, причинившее вред, не несет за него ответственности, поскольку его действия являются общественно полезными и правомерными¹.

Необходимая оборона как институт уголовного права предоставляет личности возможность, отражая общественно опасное посягательство, действовать, формально нарушая установленные уголовным законом нормы, т. е. совершать деяние, которое в обычных условиях признается общественно опасным.

Таким образом, необходимая оборона – государственно-правовой институт, гарантии реализации которого зависят от уста-

¹ См.: *Турецкий Н. Н.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния по уголовному законодательству Казахстана: Монография. 2-е изд., доп. и перераб. Алматы, 2005. С. 49.

новленной государством подробной регламентации юридических предписаний в данной сфере.

Одним из условий правомерности необходимой обороны является соблюдение требования уголовного закона – не допустить превышения ее пределов. Как известно, под таким превышением понимается явное, т. е. чрезмерное, несоответствие средств защиты характеру и опасности посягательства¹.

При решении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны судебная практика учитывает соответствие или несоответствие средств защиты и нападения, характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, его силы и возможности по отражению посягательства, а также все иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося (количество посягавших и оборонявшихся, их возраст, физическое развитие, наличие оружия, место и время посягательства и т. д.). Поэтому при совершении посягательства группой лиц обороняющийся вправе применить к любому из нападавших такие меры защиты, которые определяются опасностью и характером действий всей группы². Несомненно, что посягательство приобретает большую опасность в том случае, если оно совершается группой лиц.

Однако, даже когда посягательство осуществляет одно лицо, а другие сообщники не проявляют активности и поддерживают его лишь своим присутствием, опасность посягательства возрастает. Обороняющийся в этом случае осознает, что в любую минуту в результате вмешательства других лиц соотношение сил может резко измениться в сторону нападающего. И, наоборот, лица, сочувствующие обороняющемуся, но не пришедшие к нему на помощь, не должны рассматриваться как находящиеся на его стороне³.

Следует учитывать, что при совершении нападения в безлюдном месте, вдали от жилых домов и транспортных магистралей, особенно в условиях недостаточной освещенности, лицо, подвергнувшееся внезапному

нападению, может не рассмотреть количества нападавших, предметы, находящиеся у них в руках, и при отсутствии возможности скрыться или позвать на помощь, оценить сложившуюся ситуацию как безвыходную, опасную для жизни и здоровья. В результате возможно, что обороняющийся изберет на первый взгляд несоразмерные средства и способы защиты, которые не могут быть признаны таковыми, если оценивать сложившуюся ситуацию с точки зрения подвергнувшегося нападению лица. Кроме того, последний может иметь слабое зрение или слух, недостаточную физическую подготовку и т. п.⁴

Отсюда следует, что в случае группового посягательства оборонявшийся практически не ограничен пределами обороны. Однако расследование ситуаций, связанных с оборонительными действиями, представляется весьма сложным.

Прежде всего, неминуемо обращает на себя внимание причиненный вред как очевидный, а предотвращенный вред является абстрагированной категорией.

В ситуации, когда оборонявшийся причиняет смерть всем посягавшим, прибывшие на место происшествия сотрудники следственно-оперативной группы изначально могут ошибочно квалифицировать его деяния как преступные. Это особенно вероятно в тех случаях, если оборонявшийся после совершения оборонительных действий, причинивших смерть нападавшим, покинул место происшествия, не уведомив правоохранительные органы о совершенном на него нападении.

Разумеется, что не исключена ситуация, когда один или несколько лиц из числа посягавших останутся в живых и после оказания им медицинской помощи будут способны дать показания. Однако не следует особо рассчитывать на их искренность. Показания о том, что они намеревались совершить преступление в отношении оборонявшегося, являются для посягавших крайне невыгодными, поскольку это равносильно признанию ими своей вины, а значит, в рамках уголовного дела они обретут статус

¹ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 337.

² См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. 1984. № 5. С. 14.

³ См.: Молчанов Б. А., Гартфельд Е. Б., Скрипченко Н. Ю. Проблемы квалификации преступлений (теоретические и практические аспекты). Владимир, 2001. С. 178.

⁴ См.: Сергеева О. Н. Теория и практика криминалистического обеспечения проверки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 57.

участников уголовного процесса со стороны обвинения, а оборонявшийся, безусловно, будет признан потерпевшим.

В связи с этим с наибольшей вероятностью следует ожидать, что лица, которым в результате оборонительных действий причинен вред здоровью, будут заявлять о преступном поведении оборонявшегося.

Отсюда возникает проблема, заключающаяся в том, что показания правомерно оборонявшегося лица будут противопоставлены неискренние показания посягавших. Она осложняется еще и тем, что при расследовании деяний, связанных с необходимой обороной, личные доказательства играют весьма важную роль и представляются более информативными, чем вещественные. Поэтому, скорее всего, оборонявшемуся будет предъявлено обвинение в совершении насильственного преступления, причем основанием его выступят показания тех, чье поведение действительно было преступным и собственно вызвало правомерное причинение вреда.

Чтобы не допустить такого обвинительного уклона в расследовании, следователь должен избежать формализма, т. е. показания как оборонявшегося, так и посягавших необходимо тщательно проверить.

Прежде всего, рекомендуется в ходе допросов указанных лиц большое внимание уделять детализации как самого процесса нанесения и получения телесных повреждений, так и предшествующих ему событий. Полученные таким образом показания оборонявшегося и нападавших следует сравнить, особенно показания последних между собой. Без сомнения, посягавшие способны договориться о совместном предоставлении неискренних сведений, однако, как правило, они не способны заранее оговорить каждую деталь своего рассказа.

Выявленные противоречия являются основанием для повторного допроса, в рамках которого показания подлежат еще большей детализации. Следователю (дознавателю) необходимо выяснить, в чем заключалась причина этих противоречий. Представляется очевидным, что противоречия в показаниях относительно причин конфликта, механизма причинения повреждений, а также собственных действий посягавших должны оцениваться весьма критично и ставить под сомнение искренность допрашиваемых.

Оценке достоверности показаний каждого участника конфликта во многом будет способствовать предварительное изучение его личности. Как правило, к насильственному посягательству имеют склонность лица с повышенной криминальной готовностью, антисоциальной направленности, выражающейся в пренебрежительном отношении как к личности, так и общественным нормам поведения. Поэтому от гражданина, склонного к антиобщественному образу жизни, применению насилия как средству разрешения любой проблемы, следует ожидать скорее общественно опасного посягательства, чем оборонительных действий.

Согласно ч. 1 ст. 192 УПК РФ, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку между ними. Очевидно, что в рассматриваемой ситуации существует необходимость проведения очных ставок между оборонявшимся и посягавшими. Особое внимание при этом следует уделить тем деталям, в отношении которых в процессе допроса посягавших были выявлены противоречия.

Информативными могут стать также допросы лиц, ставших очевидцами произошедшего конфликта, наблюдавшими за ним со стороны. Однако следует учитывать, что под личностью такого очевидца может скрываться лицо, которое непосредственно в посягательстве участия не принимало, но находилось поблизости и отвечало за то, чтобы в случае появления посторонних граждан или сотрудников милиции подать сигнал посягавшим. Следовательно, показания очевидцев должны также оцениваться объективно и проверяться с позиций искренности и достоверности.

Таким образом, объективное расследование деяний, связанных с необходимой обороной, является залогом достижения целей уголовного судопроизводства: виновные лица (посягавшие) понесут справедливое наказание, тогда как в отношении правомерно действовавшего лица уголовное преследование будет прекращено.

Библиографический список

1. Молчанов, Б. А. Проблемы квалификации преступлений (теоретические и

практические аспекты) / Б. А. Молчанов, Е. Б. Гартфельд, Н. Ю. Скрипченко. – Владимир, 2001.

2. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М., 1996.

3. Сергеева, О. Н. Теория и практика криминалистического обеспечения провер-

ки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999.

4. Турецкий, Н. Н. Обстоятельства, исключющие преступность деяния по уголовному законодательству Казахстана : монография / Н. Н. Турецкий. – 2-е изд., доп. и перераб. – Алматы, 2005.

Т. А. Ткачук,

доцент кафедры криминалистики

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Розыскная деятельность, представляя собой функцию органов дознания и предварительного следствия, традиционно определяется как обнаружение замышляемых, готовящихся и совершенных преступлений, установление и обнаружение объектов (лиц и предметов): носителей доказательственной информации, предметов преступного посяательства и иных объектов, значимых для установления истины по уголовному делу. Получение указанной информации требует разработки и внедрения доступных приемов и методов криминалистического анализа как мест происшествий, так и отдельных следов. Результаты такого анализа, безусловно, должны использоваться для получения совокупных знаний о механизме события и признаках предполагаемого преступника¹.

Реконструкция, являясь общенаучным методом, широко применяется для воссоздания объектов по их материальным отображениям. При этом объектами реконструкции могут выступать предметы, события, ситуации и т. д. В процессе расследования и раскрытия преступлений реконструкция используется для воссоздания каких-либо объектов с целью наиболее полного исследования обстоятельств расследуемого события.

Как разновидность моделирования реконструкция, используемая в криминали-

стике, воспринимается как мысленное воссоздание картины события². При этом задача следователя при осуществлении реконструкции состоит не только в мысленном воссоздании картины события, но и в обнаружении, исследовании и оценке информационно ценных следов и отображений, имеющих поисково-розыскное и доказательственное значение. По мнению автора, сводить поисково-розыскную деятельность следователя только к созданию мысленной реконструкции – значит упрощать содержание и задачи самого расследования.

В то же время реконструкция, как и любой метод познания, не должна являться самоцелью, а применяться как одно из средств разрешения возникающих перед следователем проблем, в частности, при осуществлении розыскной деятельности по установлению лица, совершившего преступление. В подобной ситуации применение реконструкции, с точки зрения автора, является целесообразным, так как объективно возникает необходимость в получении розыскной информации опосредованным путем³.

Под розыскной информацией в криминалистике понимают любые сведения, которые можно использовать для раскрытия преступления, т. е. установления лица, его совершившего⁴. Они касаются личности преступника: черт его характера (особая жестокость, наличие профессиональных либо преступных умений и навыков и др.); примет (отсутствие ногтевой фаланги пальца, хромота и т. д.); привычек (особый способ гасить сигарету и т. п.); его одежды, обуви, носи-

² См.: Лузгин И. М. Реконструкция в расследовании преступлений. Волгоград, 1981. С. 4–6.

³ См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2003. С. 108.

⁴ См.: Ищенко П. П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. М., 1994. С. 6–7.

¹ См.: Хазиев Ш. Н. Техничко-криминалистические методы установления признаков неизвестного преступника по его следам. М., 1986. С. 3–7.

мых предметов; использованных для совершения преступления орудий и т. д.

Предполагая, что лицо, совершившее преступление, существует реально, но недоступно для непосредственного изучения (неизвестно), следователь использует реконструкцию для охвата различных уровней познания с целью выявления связей между эмпирическим и рациональным. Сам процесс реконструирования, как правило, обусловливается проблемной ситуацией, т. е. таким положением, когда для решения возникающих задач недостаточно имеющихся сведений¹. Проблемная ситуация порождает постановку перед следователем ряда вопросов, в поисках ответа на которые им выстраивается гипотеза-версия, предположительно отвечающая на некоторые из них. Вслед за построением гипотезы-версии следователь, выбирая реконструкцию как эффективный метод разрешения подобной проблемной ситуации, благополучно справляется с задачей установления лица, совершившего преступление. Именно этот метод соединяет в себе чувственно-наглядный образ с рациональными элементами, выраженными в системе понятий, суждений, умозаключений следователя о личности преступника. По мере получения новой информации о преступлении и преступнике в ходе реконструирования при осуществлении деятельности по раскрытию и расследованию преступления создаются модели события и лица, совершившего преступление, которые выглядят уже более полными и менее схематичными.

Таким образом, информационная модель потенциального преступника представляет собой динамическую систему в силу того, что ее построение осуществляется параллельно с ходом самого расследования, к тому же, оцениваемая первоначально как вероятностная вследствие неполноты информационного насыщения, по мере получения новых и отработки имеющихся данных о признаках и свойствах искомого лица модель приобретает достоверное значение. В ходе розыскной деятельности следователь, опираясь на подобные информационные модели, может определить направление

поиска новой информации, сочетая при этом логически-оценочную деятельность всего поступающего информационного массива с методом преобразования и замены связей². В криминалистике указанный метод воспринимается как своеобразный фильтр, через который можно пропустить исследуемое явление (тактический прием, метод, ситуацию) таким образом, чтобы сквозь фильтр прошли элементы объекта³, а на фильтре остались связи, скрепляющие эти элементы. В результате следователь имеет возможность рассмотреть связи отдельно от элементов какой-либо структуры, что, в свою очередь, позволяет определить характер, силу и прочность связи, ее генетическое происхождение, возможности замены или преобразования связи.

Необходимым условием при осуществлении указанных логических операций, на взгляд автора, является уровень компетентности и мышления следователя и привлекаемых им к реконструированию специалистов. Как правило, в качестве исходной информации для создания модели предполагаемого преступника активно используются материалы уголовных дел; оперативные данные о лицах, отбывающих наказания; бежавших и скрывшихся преступниках; ориентировки о совершенных преступлениях. Реконструкция при этом должна выглядеть как логическое действие, учитывающее информационную ценность следов, возможности поисковых систем и индивидуальность каждой конкретной следственной ситуации. Однако, как уже отмечалось ранее, в процессе осуществления розыскной деятельности следователя значимость какого-либо признака, используемого для создания модели преступника, может измениться при поступлении новой информации, так как раскрытие, расследование, как и реконструирование, реализуются динамично. Так, например, при реконструкции события и облика преступника, один из анализируемых признаков (наличие необоснованно разрушенных предметов на месте происшествия) может оказаться бо-

² См.: Зорин Г. А. Криминалистическая методология. Минск, 2000. С. 467.

³ В рассматриваемом аспекте это информация о признаках и свойствах лица, совершившего преступление, полученная из материальных и идеальных источников.

¹ См.: Криминалистика: Учеб. / Под ред. Н. П. Яблокова. М., 2005. С. 399–400.

лее значимым, если он будет оцениваться в совокупности с информацией о том, что преступление совершило лицо, страдающее психическим заболеванием.

По мнению автора, подобные знания о преступлениях и преступниках, накопленные криминалистикой, криминологией, уголовным правом и другими науками, а также практикой раскрытия и расследования, в исследуемом аспекте выступают в форме своеобразной универсальной динамичной модели преступника, преступной деятельности и самого события с его криминалистической характеристикой. Нет сомнений в том, что такое моделирование позволит в дальнейшем рассматривать реконструкцию не только как самостоятельный объект криминалистического познания, но и как инструмент в профессиональной подготовке следователя, способствующий грамотной организации, управлению расследованием, осуществлению эффективной розыскной деятельности.

Безусловно, для производства розыскной деятельности следователь должен активно применять, кроме традиционных криминалистических методов, данные естественных и технических наук, которые используются в следственной практике в преобразованном виде. Делая акцент именно на раскрытии неочевидных преступлений, нельзя не заметить, что основная трудность при этом проявляется в подборе методов установления признаков и свойств лица, совершившего преступление. В рамках обозначенной проблемы автором был проведен опрос 72 следователей, специализирующихся на расследовании преступлений «без личности» в различных регионах страны, из них 45 % были готовы обсудить проблемы реконструкции в раскрытии и расследовании преступлений, сообщили, что метод заслуживает внимания и вполне эффективен при умелом использовании информационного массива, однако его применение затруднительно без взаимодействия с экспертно-криминалистическими подразделениями. Около 30 % респондентов указали, что к данному методу прибегают крайне редко, так как они не всегда представляют реальные возможности реконструкции, а повышать профессиональный уровень и обращаться за помощью к специалистам порой нет времени. Оставшиеся 25 %

опрошенных следователей вообще затруднились ответить на вопросы анкеты, касающиеся применения реконструкции в раскрытии и расследовании преступлений.

Можно сказать, что основные трудности, возникающие в ходе розыскной деятельности следователя по установлению лица, совершившего преступление, носят объективный характер, обусловленный, с одной стороны, высокой степенью сложности и индивидуальности объекта (человека), с другой – неадекватностью отображения большинства его признаков и свойств в следах, доступных к изучению современными методами. К тому же большинство данных о преступнике и событии, которыми располагает следствие к моменту осуществления розыскной деятельности, носит вероятностный, расплывчатый характер, что требует высокого уровня профессиональной подготовки следователя, наличия и теоретических знаний, и практических навыков работы с подобной информацией. Кроме того, неоценимую помощь следователю в раскрытии преступления уже на первоначальном этапе его расследования может оказать не только умелое применение рассматриваемых приемов и методов, но и активное использование информационных резервов криминалистических учетов и коллекций, аккумулирующих в себе необходимые данные для установления и розыска лица, совершившего преступление.

Нет сомнений, что, являясь важнейшим элементом процесса раскрытия преступления, розыскная деятельность следователя заслуживает более пристального внимания как со стороны руководителей следственных подразделений, самих следователей, так и со стороны криминалистики, способной дать соответствующие методические рекомендации в данной области с учетом новейших достижений науки.

Библиографический список

1. *Закатов, А. А.* Криминалистическое учение о розыске / А. А. Закатов. – Волгоград, 1988.
2. *Закатов, А. А.* Розыскная деятельность / А. А. Закатов. – Волгоград, 1988.
3. *Крылов, И. Ф.* Розыск, дознание, следствие / И. Ф. Крылов, А. И. Бастрыкин. – Л., 1984.

Л. К. Фортова,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор педагогических наук, профессор

А. Н. Барина,
преподаватель-методист учебного отдела
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук

ПРИЧИНЫ АГРЕССИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Динамические преобразования российского общества на рубеже XX–XXI вв. породили ряд социально-экономических и социально-психологических изменений, актуализирующих общий индекс агрессивности общественного и индивидуального бытия человека. Отражением этого явления выступает подростковая агрессия, тенденция к росту которой наметилась в последнее десятилетие. Подростковый возраст рассматривается в психологии как наиболее сензитивный, уязвимый, стремящийся к поиску индивидуального стиля взаимодействия с самим собой и миром¹.

Исследования показывают, что в настоящее время достаточно большой процент подростков демонстрируют аутоагрессию, а также проявляют агрессивность в отношениях «Я – Мир».

На современном этапе развития психолого-педагогического знания в исследованиях агрессии применяются комплексный и системный подходы. Они позволяют рассматривать данный феномен в совокупности амбивалентных характеристик и форм проявления.

Агрессия – это сложный, многомерный психический феномен, развитие которого определяется психологическими и нейропсихологическими особенностями индивида; характером индивидуального опыта взаимоотношений и решения проблем бытия; особенностями психологической «тональ-

ности» социальной ситуации развития; спецификой раннего опыта детства, полученного в родительской семье; содержательным своеобразием стереотипов, социальных установок, ментальных характеристик в разных социокультурных и исторических контекстах, содержанием транслируемых и осваиваемых моделей допустимого, престижного, одобряемого социального поведения, а также системой поощрения и наказания, принятой в данном обществе.

Наиболее ярко агрессия проявляется в подростковом возрасте. Это обусловлено неуравновешенностью, несбалансированностью физического, психофизиологического и психического развития подростков, маргинальностью их психологического статуса «ребенок-взрослый», специфическим желанием самоутверждения, высокой чувствительностью личности подростка к воздействиям, затрагивающим его самость и сферу личностно-значимых потребностей.

На высокую агрессивность подростков достаточно часто влияет семья. Прежде всего, это авторитарный стиль воспитания, родительская, особенно материнская, депривация, физическое и психологическое насилие; фрустрация социогенных потребностей, игнорирование интересов ребенка, жесткий тотальный контроль, бесконтрольность, самоисключение родителей из процесса воспитания и педагогического руководства поведением ребенка. Кроме того, негативное влияние оказывают наличие психологических барьеров эмоционального, оценочного, смыслового характера, обилие деструктивных конфликтов, дистрессов, агрессивных моделей поведения.

Т. Г. Румянцева, А. А. Реон и другие ученые выявили, что агрессия выполняет различные функции в жизнедеятельности субъекта: защитную, адаптивную, компенсаторную, разрушительную, манипулятивную, сигнальную².

Другими словами, агрессивность может иметь два вектора развития – позитивный и негативный. В истории развития человечества и в индивидуальной истории субъекта однозначно негативную окраску имеет не сама

¹ См.: Кон И. С. Ребенок и общество. М., 2002. С. 82; Личко А. Е. Подростковая наркология. М., 2001. С. 72; Мудрик А. В. Теория и методика создания условий развития личности в воспитательных организациях: Моногр. М., 2007. С. 35–40; Кириленко И. Н. Агрессивность подростка как результат социально-психологических воздействий // Развитие личности в образовательных системах южнороссийского региона: Тез. док. Ростов н/Д, 2006.

² См.: Румянцева Т. Г. Дети и агрессия. М., 2000. С. 47; Реон А. А. Психологические аспекты детской агрессивности. СПб., 2002. С. 112.

по себе агрессия, а ее целевое назначение, поставленное в аксиологический контекст.

В современной психолого-педагогической науке агрессия рассматривается как следствие неадекватного процесса социализации, результат некомпетентных действий взрослых, особенностей индивидуального анамнеза развития подростка. Агрессия, как и многие другие психолого-педагогические феномены, детерминирована комплексом макросоциальных, микро-социальных и субъективных факторов.

Агрессия в подростковом возрасте не возникает неожиданно. Р. Картфилд и Н. Левинсон считают, что в становлении агрессии значимую роль играет характер воспитания и обучения¹. Мы разделяем точку зрения М. Раттера, который полагает, что причина подростковой агрессии заключается прежде всего в социальной дезадаптации². Последняя порождает ситуации, когда проявляются социально неприемлемые и неодобряемые формы поведения субъекта, среди которых выделяются негативные отношения с другими, демонстративное неповиновение, деструктивные действия, лживость, деструктивные конфликты, ссоры и драки.

Р. С. Сирс, Е. Е. Маккоти, К. Левин доказали, что наиболее важными факторами, определяющими возможность развития агрессивного поведения подростков, являются попустительство взрослых, готовность все простить и оправдать, с одной стороны, и строгость наказания, с другой³.

С точки зрения Г. Эбергейна, агрессивность ребенка – это его отчаяние в поисках любви и признания⁴.

А. К. Осницкий квалифицирует агрессивные проявления как защитные реакции в конфликтных ситуациях и стремление утвердиться любой ценой⁵.

Мы солидарны с мнением И. С. Кона, В. Н. Мясищева, Д. И. Фельдштейна о том,

что ребенок получает первоначальные знания о моделях агрессивного поведения в семье⁶. Действует механизм идентификации ребенка с родителями, который в дальнейшем оценивается им как определенный нравственный идеал, ориентир развития.

Нравственная и эмоциональная обстановка большинства неблагополучных родительских семей не обеспечивает ребенку ровного, спокойного воспитания, формирование защищенности и собственного достоинства, веру в жизненные перспективы⁷.

Благополучные отношения в семье характеризуются высокой эмоциональной теплотой, принятием, поддержкой, доверием, рациональностью контроля, возможностью сотрудничества, верой в способности, успех детей, уважением их интересов, потребностей, обеспечением защиты и безопасности в пространстве общения «родитель–подросток».

Психологическая помощь агрессивным детям и подросткам основана на комплексном подходе и включает адресные мероприятия для субъектов детско-родительских отношений.

Эффективность программ психолого-педагогической помощи агрессивным подросткам определяется возможностью повышения, психологической компетентности родителей, системой мероприятий, направленных на оптимизацию детско-родительских отношений.

Библиографический список

1. Кириленко, И. Н. Агрессивность подростка как результат социально-психологических воздействий / И. Н. Кириленко // Развитие личности в образовательных системах южнороссийского региона : тез. докл. – Ростов н/Д, 2006.
2. Кон, И. С. Ребенок и общество / И. С. Кон. – М., 2002.
3. Личко, А. Е. Подростковая наркология / А. Е. Личко. – М., 2001.
4. Мудрик, А. В. Теория и методика создания условий развития личности в воспитательных организациях : монография / А. В. Мудрик. – М., 2007.

⁶ См.: Кон И. С. Указ. соч.; Мясищев В. Н. Избранное. СПб., 2000. Т. 1. С. 63; Фельдштейн Д. И. Подростковая психология. М., 2002.

⁷ См.: Сатир В. Конфликты в семье: в помощь родителям. М., 1998. С. 13.

¹ См.: Картфилд Р. Агрессия в обществе. М., 1998. С. 15; Левинсон Н. Родителям об агрессии. СПб., 2001. С. 22.

² См.: Раттер М. Трудные дети. М., 1997. С. 38.

³ См.: Сирс Р. С., Маккоти Е. Е., Левин К. Психологические основы детской агрессивности. М., 2002. С. 47.

⁴ См.: Эбергейн Г. Трудные дети – трудные родители. М., 2003. С. 138.

⁵ См.: Осницкий А. К. Методологические основы подростковой агрессии. М., 2001. С. 18.

К. В. Хартанович,
*профессор кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор экономических наук*

ЭКОНОМИКА И ПРАВО: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ

Человеческое общество представляет собой многовариативную совокупность индивидуумов и их социальных институтов, которые связаны между собой обширной сетью взаимоотношений. Эти социальные отношения являются общим объектом исследования всех социально-гуманитарных наук – философии, истории, социологии, политологии, экономики, права, психологии и др. Однако каждая из общественных наук (наук об отношениях между людьми) имеет свой предмет, свой интерес, свою научную нишу.

Вместе с тем все эти научные направления взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. Они развиваются в диалектическом единстве.

Как разнообразны в своих проявлениях социальные отношения, так же разнообразны и научные интерпретации. Любая наука имеет дело с жизненными фактами, на основе которых вырастают теоретические построения, обобщающие накопленный людьми опыт социальных взаимодействий.

Исследование социальных отношений является очень сложным интеллектуальным процессом. Ученому необходимо подняться над субъективными суждениями и попытаться вывести объективные законы социальной динамики.

Однако законы общественных наук не всегда и далеко не всеми людьми воспринимаются адекватно. Иногда бытует мнение о том, что законы естественных наук являются безукоризненно правильными и серьезными, а науки об общественных отношениях представляются некоторой части граждан малопонятными абстрактными умозаключениями философствующих субъектов, которые далеки от настоящей жизни.

В общественном сознании господствуют настроения конкретики и эмпиризма. Иначе говоря, психика человека требует немедленного подтверждения истинности научных знаний.

Безусловно, естественные науки обладают целостной системой практических доказа-

тельств, привести которые на глазах «изумленной публики» во многих случаях можно быстро и наглядно. Например, условно говоря, сунул два пальца в розетку – больно, т. е. «не нарушай законы физики», они наказывают сразу же за их незнание. Выпил или съел что-нибудь вредного – организму плохо, т. е. «не нарушай законы химии» и т. д.

Разумеется, данные рассуждения являются несколько утрированными и ни в коей мере не умаляют роли и значения естественных наук.

В рамках настоящей статьи, не принимая прошлых и будущих заслуг наук о природе, тем более, что человек является ее составной частью, мы постараемся акцентировать внимание сограждан на важности более внимательного и ответственного отношения к законам совместного общежития.

Глубинный смысл человеческого бытия можно выразить емкой фразой: «Жизнь – это искусство жить среди людей». Иначе говоря, в процессе жизни люди вступают во множество взаимоотношений друг с другом, конфликтуют и находят компромиссы.

Общественные науки как раз и помогают человеческому сообществу сохранить свое существование через выстраивание компромиссов толерантных отношений в различных сферах его жизнедеятельности. Они призваны воспитывать людей в духе терпимости и взаимопомощи. Социальные науки дают опору во взаимоотношениях людей, помогают избежать прошлых ошибок, показывают перспективы развития общества.

Люди объективно вынуждены жить и работать в общественных организациях, где они проявляют свою двойственную сущность – как биологическое существо и как социальное явление. Другими словами, чтобы жить, людям необходимо общаться. Только с помощью общения (взаимоотношений) люди могут удовлетворить свои биолого-социальные потребности.

Таким образом, человек – это сложнейшее в объективном мире явление, которое воплощает все проявления материи и духа.

Человек – «венец природы», высшее и сложное природное образование. Следовательно, и отношения между людьми – сложные социальные явление и процесс. Отсюда вытекает много архиважных вопросов, которые жизнь ставит перед гуманитарной наукой: что хорошо, а что плохо в отношениях людей? Как их упорядочить и управлять

этими отношениями? Кто и на каком основании (по какому праву) устанавливает порядки в социальных отношениях?

Предлагаем свои варианты ответов на приведенные вопросы, используя в качестве примера важнейшие социально-гуманитарные науки – экономику и право.

И та, и другая наука изучает отношения в обществе. Экономика сосредоточивает свои усилия на хозяйственных отношениях, а право курирует юридическое оформление практически всех общественных отношений, в том числе и экономических.

Законы экономической теории (экономики) в большинстве своем имеют объективный характер и не закреплены в официальных нормативных актах государства. В их основе лежат традиции, мораль, менталитет, культура и т. п.

Сам первоначальный смысл понятия «экономика» позволяет подтвердить вышесказанное. Его истоки лежат в Древней Греции. Древнегреческий философ Ксенофонт считается одним из создателей данного термина – «эко» означало дом (домашнее хозяйство), а «номос» – законы, нормативы.

Таким образом, экономика первоначально изучала законы ведения домашнего хозяйства.

В дальнейшем первоначальный смысл отошел на второй план, уступив место законам государства и бизнеса.

В современном обществе экономические отношения все в большей степени нуждаются в юридической базе. Во многих странах экономическая проблематика преобладает в законотворческом процессе.

Однако практически все официальные юридические документы содержат экономическую составляющую. Так, например:

- Гражданский кодекс – базовый документ, регулирующий экономические отношения в предпринимательской деятельности;
- Трудовой кодекс регулирует трудовые отношения;
- Семейный кодекс регулирует отношения в семье в процессе совместного ведения домашнего хозяйства и др.

Об этом же свидетельствуют названия отраслей права, например, финансовое и банковское право.

Даже понятия Уголовного кодекса имеют множество выходов на экономические категории. При совершении кражи, грабежа или разбоя объектом преступления стано-

вится собственность. А собственность имеет глубинный экономический смысл, и ее формы изучаются и экономистами, и юристами (право владения, право пользования, право распоряжения).

При совершении преступлений против личности страдает человек. А человек с точки зрения экономики – рабочая сила, основной производственный фактор, потребитель экономического продукта, управленец, который устанавливает определенные порядки, вводит нормы в хозяйственные отношения.

Во многих хозяйственных отношениях разобраться невозможно без подключения правовых механизмов. Обратимся опять к проблеме собственности.

Чьи в лесу грибы и ягоды? Наши общие. Значит, ничьи. Кто быстрее нашел, тот и завладел правом собственности.

В многоэтажных домах право на квартиры как собственность граждан закрепляется юридическими документами. Подтверждаются экономические права на средства транспорта, дачи, другое движимое и недвижимое имущество. Закрепляется юридически и собственность на средства производства.

Сложнее обстоит дело с индивидуальной собственностью граждан. Она, как правило, не имеет нормативного закрепления. А надо ли это делать? Например, чей носовой платок или зубная щетка? Наверное, данный вопрос можно решить, не подключая правовых механизмов. Вполне достаточно простых хозяйственных договоренностей внутри семейных отношений.

Таким образом, и в праве, и в экономике переплетаются писанные и неписанные законы.

Сложнейшим является вопрос о субъекте установления экономического правопорядка. Действительно, трудно, а в большинстве случаев и невозможно, найти творцов неписанных законов, устанавливающих морально-традиционные постулаты экономических отношений. С авторством правовых актов дело обстоит гораздо проще. Некоторые из них даже имеют конкретные фамилии создателей, а также утверждаются конкретными политическими лидерами.

Закон суров, но он закон. Нарушение его карается либо правоохранительными органами, либо морально-нравственными действиями человеческого сообщества.

Другой вопрос, что правовая ответственность имеет конкретные формы и содержа-

ние. Она наступает неотвратимо. Конкретное преступление – конкретное наказание. В данном случае можно провести аналогию с законами естественных наук. Но такая аналогия будет условна, так как все разнообразные социально-правовые отношения нельзя, да и не нужно, законодательно регламентировать.

Однако никто не может сказать, каким должно быть количество правовых актов, регулирующих экономические отношения? Каким будет содержание этих нормативов?

Каждый народ и каждое государство имеют свои специфические варианты ответов на данные вопросы. Безусловно, есть общепризнанные или общечеловеческие аксиоматические законы и в праве, и в экономике. Так, воровство наказывается и по закону, и осуждается человеческой моралью, ибо экономическая суть данного явления сводится к хищению собственности, т. е. нарушению отношений собственности.

Диалектика взаимосвязи между правовыми и экономическими науками такова, что ее можно свести к аксиоме – «Юрист без экономических знаний, как и Экономист без солидного правового багажа не могут быть профессионалами в своей области деятельности».

Очевидно, неслучайно поиск путей решения проблем межпредметных взаимосвязей в

процессе подготовки юридических кадров привел к образованию в структуре Владимирского юридического института кафедры экономических и финансово-правовых дисциплин. Само название кафедры и содержание ее учебно-педагогической и воспитательной работы подразумевает дальнейшее движение по пути научного и образовательного взаимодействия права и экономики.

Таким образом, диалектическая взаимосвязь рассматриваемых наук находит свое отражение в теории, преподавании, повседневной практике развития экономических отношений.

Безусловно, срабатывает закон синергетики. Ибо, взаимодействуя, право и экономика усиливают свои значение и влияние во всех сферах жизнедеятельности современного общества. Развитие наук социально-гуманитарного цикла подтверждают наметившиеся тенденции к усилению их взаимосвязи.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : по состоянию на 28 февр. 2008 г. // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : по состоянию на 8 апр. 2008 г. – М., 2008.

В. В. Шаханов,

*старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук

В. А. Лавров,

*преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности
ВЮИ ФСИН России*

М. С. Пахомов,

*командир отдельного батальона ДПС
ГИБДД УВД по Владимирской области*

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЕ МОЛЧАНИЕ И КОНКЛЮДЕНТНОСТЬ В ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В последние годы терминология, употребляемая правоведами, значительно обогатилась. То, что раньше казалось экзотикой, теперь воспринимается как должное. Становится мод-

ным разрабатывать новые правовые категории и на монографическом уровне. Безусловно, все это следует считать положительным моментом, лишним раз свидетельствующим о наличии научного плюрализма. Вместе с тем в юриспруденции еще остались категории и правовые явления, не получившие достаточного научного осмысления. К их числу можно отнести «молчание» (имеется в виду юридически значимое молчание) и «конклюдентность».

Последняя проявляется в праве в основном в конклюдентных действиях (от лат. *concludo* – заключаю, делаю вывод). Данный термин обозначает действия лица, выражающие его волю установить правоотношение (например, совершить сделку), но не в форме устного или письменного волеизъявления, а поведением, по которому можно сделать заключение о таком намерении¹.

¹ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 267.

О. А. Красавчиков отмечает, что под конклюдентными действиями обычно понимают действия лица, в которых воля субъекта находит свое косвенное (опосредованное) выражение¹. Однако, по его мнению, это не совсем верно: «В действительности косвенным является не волеизъявление, но наше заключение относительно содержания воли лица, которая нашла свое выражение в его действиях»².

В условиях развитого экономического оборота и распространения автоматических средств, облегчающих процедуру приобретения товаров и услуг (использование автоматов для покупки билетов на транспорт пригородного сообщения, газет, знаков почтовой оплаты, сдача багажа в автоматические камеры хранения и др.), конклюдентные действия как юридический факт, порождающий гражданские правоотношения, получают все большее распространение³.

Вместе с тем сферой реализации конклюдентных действий наряду с гражданским правом являются и другие отрасли российского права. Так, в уголовном праве в конклюдентных действиях могут выражаться, например: мошенничество, склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ и т. п.; в административном праве в качестве конклюдентных действий следует рассматривать регулирование уличного движения милиционером при помощи жезла; в международном гуманитарном праве по конклюдентным действиям можно сделать вывод о добровольной сдаче в плен (оставление оружия, поднятые вверх руки, выбрасывание белого флага и др.); в трудовом праве о согласии работать у нового собственника свидетельствует конклюдентное действие в виде фактического продолжения работы в организации; в современной таможенной практике используется понятие конклюдентной формы декларации.

¹ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права: Избр. тр.: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 155.

² Там же.

³ См.: Большой юридический словарь. С. 267.

В последнее время категория «конклюдентные действия» помимо сугубо теоретического приобретает практическое значение, найдя свое закрепление в ряде правовых актов. Однако содержание данной категории остается достаточно размытым и неопределенным, что подтверждается практикой его доктринального употребления. Возможно, решение данной проблемы кроется в изучении проявления конклюдентности сквозь призму юридических действий, которые следует рассматривать как родовую категорию по отношению к конклюдентным действиям.

Констатация того, что конклюдентное действие представляет собой форму выражения юридического действия, не имеет никакой познавательной ценности. Это объясняется тем, что проблема соотношения понятий «активность – деятельность – поведение – деяние – действие» до сих пор не нашла четких доктринальных очертаний. Очевидно только, что применительно к сфере права все перечисленные понятия можно отнести к формам проявления юридического поведения. Между тем исследовательский интерес представляет правовая природа юридического действия, так как, разрабатывая именно это направление можно проводить параллели в изучении природы конклюдентных действий.

Как известно, в юридической науке действием называется внешнее проявление воли. При этом не всякое действие является юридическим. Правовая наука не рассматривает такие действия, которые не имеют отношения к праву. Совершение юридических действий влечет прекращение прежних или установление новых правоотношений, возникновение новых правомочий и обязанностей, которые обуславливают возможность или необходимость совершения новых юридических действий. «Действие, следовательно, составляет условие возникновения права, но оно же является и результатом права», – отмечает О. С. Иоффе⁴.

⁴ Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. СПб., 2003. Т. 1: Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 163.

Д. И. Мейер, в свою очередь, подразделял юридические действия на положительные и отрицательные. Первые он охватывал формулой: «я хочу и показываю на деле, что я хочу», вторые: «я не хочу и показываю на деле, что я не хочу». О существовании отрицательного действия мы судим по несуществованию действия положительного¹. По сути, отрицательное юридическое действие означает отсутствие определенного обстоятельства, с которым закон связывает конкретные юридические последствия. Таким образом, конклюдентные действия могут возникать только на базе положительных юридических действий, ибо нельзя рассматривать в качестве действия бездействие. Однако конклюдентность в иных ипостасях помимо действий может охватывать и терминологическое поле бездействия, что будет обосновано ниже.

Наиболее разработана теория юридического действия в гражданском праве в рамках теории юридических фактов и обязательственных правоотношений. Хотя здесь есть проблемы. Например, в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие либо воздержаться от его совершения. Разнообразные юридические действия в этой связи составляют объект обязательства. Однако до сих пор отсутствуют критерии разграничения конклюдентного действия от иного юридического действия. На наш взгляд, это обусловлено отсутствием легальной дефиниции категории «конклюдентные действия», что приводит на практике к не всегда уместному ее применению. Так, А. Д. Корецкий отмечает: «Особенности заключения договоров посредством обмена конклюдентными офертой и акцептом часть первая ГК РФ не устанавливает. Примеры данного порядка можно обнаружить в части второй ГК РФ. По нашему мнению, к ним относятся публичное обещание награды (глава 56 ГК РФ), публичный конкурс (глава 57 ГК РФ), игры

и пари (глава 58 ГК РФ)»². Полагаем, автор заблуждается относительно не только конклюдентной природы оферты и акцепта в рассматриваемых правовых институтах, но и наличия в этих институтах оферты и акцепта вообще, ведь данные обязательства вытекают не из договорных отношений, а из односторонних действий.

На монографическом уровне исследование конклюдентных действий было осуществлено Д. И. Мейером в работе «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях»³. При этом следует отметить, что термином «конклюдентные действия» известный цивилист не оперирует, а использует словосочетание «скрытые действия». Кроме того, понимание Д. И. Мейером содержания рассматриваемой категории несколько отличается от современного. В частности, к числу конклюдентных действий ученый причисляет и молчание как выражение намерения совершить сделку или не совершать таковой, что несколько не соответствует как современной научной доктрине, так и правотворческой практике.

Вместе с тем позиция ряда исследователей позволяет сделать вывод о возможности совпадения содержательного аспекта категорий «молчание» и «конклюдентное действие» при разности правовых форм. Например, Е. В. Блинкова считает не совсем обоснованным подведение под конклюдентные действия исключительно действий, так как в п. 2 ст. 158 ГК РФ, являющейся законодательной базой для выделения конклюдентного действия в качестве одной из форм сделок, слово «действие» отсутствует и говорится только о поведении лица, из которого явствует его воля совершить сделку. «Поведение же нельзя сводить только к действиям, поскольку оно представляет собой систему взаимосвязанных реакций на окружающую среду, может быть активным или пассивным, но все же поведением. Поэтому, на наш взгляд, конк-

¹ См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право: В 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 153, 154.

² Корецкий А. Д. Договорное право России. Основы теории и практика реализации. М., 2004. С. 103.

³ См.: Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 53–162.

людентными необходимо считать не действия, а деяния, которые включают в себя как действия, так и бездействие», – отмечает Е. В. Блинкова¹.

Более радикально в отношении конклюдентных действий ранее высказался О. А. Красавчиков. Он предлагал вообще «опустить прилагательное "конклюдентное" и говорить просто об изъявлении воли посредством действий, противопоставляя его изъявлению воли посредством языка»².

Мы, в свою очередь, не согласны с данным утверждением и считаем, что от прилагательного «конклюдентное» отказываться не стоит, поскольку оно имеет свою практическую и познавательную ценность³. Следует лишь внести ясность в отграничение категории «конклюдентное действие» от других смежных категорий, и в частности, молчания.

Молчание является одной из форм выражения человеком своих мыслей или своего отношения к окружающему миру. Редкий философ позволил себе высказаться относительно данного феномена, чего нель-

зя сказать, например, о языке. Безусловно, язык является более привлекательным для исследователей своей красотой, содержательностью, информативностью. Молчание же на первый взгляд может показаться не достойным внимания, безжизненным и бессодержательным. Но это далеко не так. Не зря говорят: «Молчание – золото». Именно умение молчать всегда ценилось в окружающих нас людях и прежде всего – в друзьях. Доверяя им самые сокровенные тайны, мы должны быть уверены, что последние не станут достоянием общности. При этом под молчанием подразумевается способность удерживаться от соблазна показать собственную осведомленность, завоевывая «дешевый» авторитет. Молчать не значит не говорить вообще. Молчать означает сохранять доверенную информацию.

Молчание не является языковой (речевой) формой выражения воли, а относится к «действенным» способам. Конечно, когда воля выражается в языковой форме (устно или письменно), легче судить об интересующем явлении, поскольку языковая форма до минимума сокращает «разночтение» содержания изъявляемого⁴. Однако данное обстоятельство несколько не снижает ценности молчания, и прежде всего юридически значимого.

В праве молчание выступает формой бездействия. Правовое бездействие уже подвергалось научному осмыслению И. Есиповой в рамках одноименного диссертационного исследования⁵. Однако отдельные формы правового бездействия, каковыми наряду с молчанием являются невмешательство, уклонение, упущение, попустительство и другие, в данной работе не рассматривались.

Следует отметить, что исследовательский интерес для юриста, безусловно, представляет не просто молчание, а юридически значимое молчание. В этой связи возникает вопрос: в каких формах оно проявляется в праве? В качестве таковых можно назвать умолчание законодателя как прием юриди-

¹ Блинкова Е. В. Конклюдентные деяния как форма заключения договоров снабжения товарами через присоединительную сеть // СПС «Гарант».

² Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 157.

³ Инструментальная ценность права заключается в том, что оно может быть использовано как средство решения задач, относимых к различным сторонам жизни общества – экономической, политической, культурной (см.: Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 344). Полагаем, что ценность юридической конструкции «конклюдентные действия» носит прежде всего инструментальный характер. Она предоставляет новые инструментальные возможности для выражения субъектом права своего волеизъявления. На наш взгляд, необходимость развития данной формы волеизъявления очевидна и в связи с усилением в последнее время борьбы с коррупцией во всех ее проявлениях, поскольку при конклюдентном волеизъявлении минимизируются контакты контрагентов или вообще исключаются их визуальное и вербальное взаимодействие. Уменьшается и объем делопроизводства. Наглядный пример этому присутствует в современном таможенном законодательстве, где введена процедура конклюдентной формы декларирования товаров.

Наличие самостоятельной ценности у данной категории говорит о необходимости ее присутствия в юридической науке. В этой связи считаем неприемлемым приведенное выше предложение О. А. Красавчикова исключить прилагательное «конклюдентное».

⁴ См.: Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 156.

⁵ См.: Есипова И. Правовое бездействие: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.

ческой техники¹, выражение воли при совершении сделки (п. 3 ст. 158 ГК РФ), форма защиты (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), способ совершения уголовного правонарушения (обмана или хищения).

Безусловно, формы проявления молчания в праве не исчерпываются приведенными выше. Сталкиваются с проблемой умалчивания и адвокаты, принявшие поручение на ведение уголовных и гражданских дел. В ходе беседы с доверителем адвокату необходимо выяснить его намерения, требования и возможность их достижения. Причем сделать это надо очень подробно, поскольку подавляющая часть клиентов представляют обстоятельства дела в выгодном для себя свете, умалчивая о неблагоприятных фактах или не придавая им значения. Следовательно, можно выделить еще одну форму молчания в праве – умолчание доверителя. Оно, несомненно, будет иметь юридическое значение, так как повлияет на правильность юридической квалификации содеянного.

Вызывает сомнение указание на молчание как не имеющее юридического значения в п. 6 ч. 3 ст. 340 УПК РФ. На наш взгляд, в данной ситуации молчание как раз имеет юридическое значение, поскольку свидетельствует о выбранном способе защиты. Если бы молчание не имело здесь юридического значения, то подобный вариант поведения следовало бы расценивать как препятствие в осуществлении уголовного судопроизводства с вытекающей отсюда необходимостью адекватного реагирования на нарушителя. Таким образом, если действующее законодательство допускает молчание в качестве формы защиты, то оно, несомненно, в данном контексте будет иметь именно юридическое значение.

На основании вышеизложенного далее целесообразно рассмотреть сферу применения категорий «молчание» и «конклюдентные действия». В частности, мы не согласны с обозначенной выше позицией Е. В. Блинковой относительно возможности рассматривать бездействие в качестве одной из форм проявления конклюдентных

действий. Полагаем, не следует нагромождать одно явление на другое, действия на деяния, фактически пытаясь поставить между ними знак равенства. Это не согласуется с философским учением о том, что каждому предмету или явлению должны соответствовать свои форма и содержание. Иными словами, конклюдентность в праве проявляется не только в действиях, но и в других формах. Поэтому правоведам не следует употреблять исключительно словосочетание «конклюдентное действие», а использовать и иные словесные формы. Например, достаточно удачно оперировал категорией «конклюдентный факт» М. Шаргородский. Анализируя признание лица виновным в преступном бездействии, он пишет: «Обязанность виновного совершить действие может вытекать: а) из его служебного положения (врач скорой помощи, пожарный), б) его личных отношений к погибшему (родители, дети, супруги, опекуны и т. д.) и в) из предыдущей его деятельности – *конклюдентных фактов (курсив наш. – В. Ш., В. Л., М. П.)* (лицо, поставившее кого-либо в опасность, обязано принять меры для спасения)»².

Таким образом, считаем возможным пересечение конклюдентности и молчания в сфере бездействия. В связи с тем, что универсальные методики по их разграничению до настоящего времени не разработаны ввиду отсутствия законодательных дефиниций обоих явлений, необходимо каждый раз путем толкования уяснять значение юридических конструкций с целью их отнесения к тому или иному правовому феномену.

Библиографический список

1. Есипова, И. Правовое бездействие / И. Есипова. – Волгоград, 1998.
2. Красавчиков, О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права : избр. тр. : в 2 т. – М., 2005. – Т. 2.
3. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1 / Д. И. Мейер. – М., 1997.

¹ Об этом см., напр.: Лазарев В. В. Техничко-юридические приемы сокрытия законодательной воли // Юрид. техника. 2007. № 1. С. 24.

² Шаргородский М. Вопросы Общей части уголовного права (Законодательная и судебная практика). Л., 1955. С. 28.

Д. Г. Шашин,
*адъюнкт кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ**

Регулирование оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) в Республике Казахстан несколько отличается от российского. Однако в правотворческой деятельности этой страны прослеживается влияние на нее России. Как и в нашей стране, в Казахстане имеется законодательство об ОРД¹, уголовно-процессуальное законодательство, немаловажное значение имеют и нормативные постановления Верховного Суда Казахстана. В отличие от Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, в Законе Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 г. (далее: Закон РК об ОРД) содержится не 14, а 26 оперативно-розыскных мероприятий, причем они подразделяются на общие и специальные.

Использование результатов ОРД в Казахстане регулируется как Законом РК об ОРД, так и Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан (далее: УПК РК).

В соответствии с ч. 1 ст. 14 Закона РК об ОРД «материалы, полученные в процессе ОРД, могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством».

Так, ч. 1 ст. 130 УПК РК гласит: «Результаты ОРД, полученные при соблюдении требований закона, могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями настоящего Кодекса, регламентирующими собирание, исследование и оценку доказательств...».

Таким образом, УПК РК регламентирует порядок использования результатов ОРД, при этом только после их проверки уголовно-процессуальными средствами.

Государственная, военная и служебная тайна, тайна ОРД, дознания и предварительного следствия в Казахстане являются государственными секретами (ч. 1 ст. 53 УПК РК)².

Доказательства, содержащие сведения, составляющие государственные секреты, исследуются в закрытом заседании суда.

Начальник органа дознания, принимая решение о представлении материалов ОРД по требованию органа, ведущего уголовный процесс, либо по собственной инициативе выносит соответствующее постановление. Содержание и форма указанного постановления на территории Республики Казахстан содержатся в ст. 202 УПК РК, а в России – в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд³.

В постановлении указываются: орган, ведущий уголовный процесс, по требованию которого представляются результаты ОРД; какие результаты, в каком объеме и какого оперативно-розыскного мероприятия представляются; технические средства, использованные для получения указанных результатов; предметы и документы, направляемые для приобщения к материалам уголовного дела; рекомендуемые меры по обеспечению безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе, а также охране государственных секретов. В случае представления начальником органа дознания органу, ведущему уголовный процесс, материалов ОРД по собственной инициативе в постановлении также приводится обоснование необходимости использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу. Материалы ОРД должны быть представлены в объеме и форме, позволяющими оценить содержащиеся в них

¹ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Казахстан от 15 сент. 1994 г. // ВВС Казахстана. 1994. № 13. Ст. 199.

² См.: О государственных секретах: Закон Республики Казахстан от 15 марта 1999 г. № 349-І // <http://www.pavlodar.com>.

³ См.: Рос. газ. 2007. 16 мая.

фактические данные с точки зрения их относимости к расследуемому (рассматриваемому) уголовному делу, допустимости и достоверности.

Фактические данные, непосредственно воспринятые при проведении оперативно-розыскных мероприятий сотрудником органа, осуществляющего ОРД, могут быть использованы в качестве доказательств после допроса указанного сотрудника в качестве свидетеля. Фактические данные, непосредственно воспринятые лицом, оказывающим на конфиденциальной основе содействие органам, осуществляющим ОРД, могут быть использованы в качестве доказательств после допроса указанного лица в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого).

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан не содержит норм о том, что результаты ОРД могут представляться в суд, но в законе это подразумевается фразами: «к расследуемому (рассматриваемому) уголовному делу» (ч. 5 ст. 130 УПК РК).

Использование предметов и документов, полученных в ходе ОРД, в качестве вещественных доказательств и документов осуществляется в соответствии с правилами, установленными процессуальным законодательством, в частности ст. 121, 123 УПК РК, если есть основания полагать, что они служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности, или изложенные в документах, или удостоверенные в них сведения организациями, должностными лицами и гражданами, имеют значение для уголовного дела.

Приобщение материалов ОРД в качестве вещественных доказательств и документов производится только при наличии достоверных данных об их происхождении, а также с сохранением конфиденциальности (ст. 53 УПК РК) и обеспечением мер безопасности потерпевших, свидетелей, подозреваемых,

обвиняемых и других лиц, участвующих в уголовном процессе (ст. 100 УПК РК).

Надзор за соблюдением законности при выполнении ОРД осуществляют Генеральный прокурор Республики Казахстан и подчиненные ему прокуроры. При этом, в отличие от российского законодательства, прокуроры, осуществляя надзор, имеют более широкие полномочия, нежели в нашей стране.

Так, надзирающий прокурор, кроме сходных полномочий, имеет право:

- прекратить своим постановлением оперативно-розыскное мероприятие в случае выявления нарушений закона, прав человека и гражданина при осуществлении ОРД;

- вынести в отношении сотрудников, допустивших противоправные действия при проведении оперативно-розыскного мероприятия, не только постановление о возбуждении уголовного дела, но и постановление о возбуждении дисциплинарного производства, права на возбуждение которого у российских прокуроров нет;

- в случаях, установленных законодательством Республики Казахстан, дает санкцию на проведение оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих охраняемые законом неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища, проводимые исключительно для выявления, предупреждения и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений.

Примечательно, что арест как мера пресечения применяется к подозреваемому, обвиняемому только с санкции прокурора либо по решению суда в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Казахстана, а не на основании решения суда, как в России.

Согласно ст. 29 Закона Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и употреблению ими» от 10 июля 1998 г. № 279-І¹ порядок проведения *оперативной закупки* (в Законе РК об ОРД указано «контрольные закупки» – Д. Г.) определяется

¹ См.: <http://www.pavlodar.com>.

нормативными правовыми актами Республики Казахстан.

В законодательных актах Казахстана наблюдается различное название, как мы полагаем, одного и того же оперативно-розыскного мероприятия. Так, в ст. 29 данного Закона указано: «для получения доказательств преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, работникам уполномоченных органов, которым предоставлено право осуществлять оперативно-розыскную деятельность, разрешается проведение оперативной закупки наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров», т. е. приведенная статья отсылает правоприменителя к Закону РК об ОРД.

Вместе с тем контрольные (оперативные) закупки в деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан яв-

ляются основным средством борьбы со сбытом наркотиков, как и в России. Однако порядок их проведения и определения оперативно-розыскных мероприятий в законодательстве Казахстана не дается, что, по нашему мнению, так же, как и в России, в Казахстане является недостатком законодательного регулирования ОРД и законодательства по борьбе с наркотиками.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Казахстан от 15 сент. 1994 г. // ВВС Казахстана. – 1994. – № 13. – Ст. 199.

2. О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими : закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 г. № 279-І. – Режим доступа : <http://www.pavlodar.com>.

М. М. Эндреев,
адъюнкт Академии управления МВД России

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время развитие научно-технического прогресса (далее: НТП) ускоряется необычайными темпами. При этом буквально революционными признаются достижения в области современных информационных технологий и компьютерной техники. Соответственно коренным образом изменяется система организации труда во всех сферах жизни общества.

Правоохранительные органы, деятельность которых по борьбе с преступностью представляет собой процесс выявления, фиксации, накопления, систематизации, обработки и применения информации о преступлениях и лицах, их совершивших, активно используют современные достижения НТП. При этом определяющее значение имеет информация именно о лицах, поскольку в конечном итоге конкретное лицо является субъектом преступления или потерпевшим, свидетелем. Раскрывая и расследуя преступление, как правило, при на-

личии очевидных последствий, а порой и обстоятельств его совершения, правоохранительные органы вынуждены сосредоточивать свои усилия на установлении и розыске лица, его совершившего.

Именно эта задача в свое время обусловила возникновение системы так называемой уголовной регистрации как предшественницы криминалистической регистрации в ее современном представлении в виде своеобразной информационно-поисковой системы с множеством банков данных, в качестве которых выступают криминалистические учеты¹.

Изначально такие учеты: по признакам внешности, отпечаткам и следам пальцев рук, способу преступления – описательно или с использованием изобразительных средств (например, опознавательной фотографии) создавались с целью регистрации лица, совершившего преступление. В одних случаях такое лицо было задержано и привлекалось к уголовной ответственности; в других – было осуждено и отбывало наказание; в третьих – не было установлено и

¹ См.: *Волинский В. А.* Криминалистическая регистрация: от учета преступников к современным информационно-поисковым системам // Вопросы совершенствования деятельности милиции в современных условиях. М., 1990. С. 31–39.

осуществлялся его поиск; наконец, в четвертых – было установлено, доказана его вина, но оно скрывалось от органов следствия и суда, поэтому осуществлялся его розыск. В первых двух случаях криминалистическая регистрация служила «на перспективу», т. е. если лицо, например, повторно совершит преступление или сбежит из мест лишения свободы, соответственно возникнет необходимость его поиска или розыска.

По мере развития науки и техники совершенствовались методы и средства криминалистической регистрации, расширялся перечень регистрируемых объектов. В их числе оказались орудия преступления, предметы преступного посягательства, «плоды» преступной деятельности (например, фальшивые денежные знаки, документы). Иными словами, регистрировалось все то, что характеризовало не только и не столько вообще обстоятельства преступления, сколько такой его элемент, как способ, или «преступный почерк», а в конечном итоге – преступника, его профессиональные навыки, физические данные, психологические качества и т. д.

Расширение перечня криминалистических учетов и возрастающего объема сосредоточиваемой в них информации привело к их функциональной и организационной разобщенности и резко усложнило возможности их целевого использования и обеспечения функционирования, на что обращают внимание многие исследователи данной проблемы¹.

Перспективы ее решения вполне обоснованно связываются с автоматизацией процесса передачи, накопления, обработки учетной информации, созданием автоматизированной информационно-поисковой системы криминалистической регистрации на базе современных информационных технологий.

В настоящее время насчитывается более трех десятков различных видов криминалистических учетов, составляющих содержание АИПС и определяемых как ее банки данных.

Вместе с тем не остается инертной в своем развитии и преступность. В условиях

рыночных социально-экономических отношений она стала не только более организованной, вооруженной, но и более мобильной, технически оснащенной. Расширились сфера и география деятельности организованных преступных групп, т. е. организованная преступность приобретает международный характер. Новые вызовы преступности, ее возрастающая общественная опасность существенно повысили требования к научно-техническому обеспечению деятельности правоохранительных органов, организации и правовому регулированию использования технико-криминалистических методов и средств в борьбе с этим негативным социальным явлением.

Между тем сегодня более чем очевидно, что уровень развития, в частности, компьютерной техники и информационных технологий, реализуемых в криминалистической регистрации, оказался в явном противоречии с системой ее организации и правового регулирования, сложившейся более полувека назад и остающейся практически неизменной до настоящего времени.

Конкретно это выражается в архаичности подходов к определению правовых оснований постановки соответствующих объектов на криминалистический учет. Данные основания жестко связаны с фактом возбуждения уголовного дела, во всяком случае, что касается конкретных лиц (подозреваемых и обвиняемых). Это означает, что криминалистический учет пригодится только при повторном совершении преступления тем же лицом. Но, как известно, ранее судимыми совершается примерно одно из трех преступлений, т. е. две трети лиц, совершающих преступления впервые, остаются вне сферы действия рассматриваемой системы.

Данное положение, в свою очередь, усугубляется исключительно высокой латентностью преступности в нашей стране. По мнению различных исследователей этой проблемы (К. К. Горяинова, В. А. Жбанкова, С. Я. Лебедева), латентных преступлений намного больше, чем регистрируемых, потому что фактически регистрируются только те преступления, по которым возбуждаются уголовные дела. Следовательно, вне сферы криминалистической регистрации остается значительный объем реально

¹ См., напр.: *Беляков А. А., Усманов Р. А.* Состояние, проблемы и перспективы развития криминалистической регистрации в России. Красноярск, 2001.

и объективно существующей информации, которая нередко касается не только отдельно взятого преступления и совершившего его лица, но и деятельности организованных преступных групп и их членов.

Особо следует отметить, что современная система криминалистической регистрации изначально создавалась с ориентацией на борьбу с общеуголовной преступностью, раскрытие и расследование преступлений по принципу «от преступления к преступнику». Между тем в последнее время заметно выросла преступность в сфере экономической деятельности. Причем, будучи в основе своей организованной, она в определенной мере интегрирует общеуголовную преступность (совершение заказных убийств, похищений людей, террористических актов, квалифицированных вымогательств (рэкет, рейдерство), преступлений, связанных с коррупцией, и т. д.).

Однако преступления в сфере экономической деятельности в отличие от сопутствующих им общеуголовных преступлений совершаются, как правило, внешне законопослушными, не вступавшими в открытый конфликт с законом лицами, а потому не оказывавшихся в системе криминалистической регистрации.

Анализ развития криминалистической регистрации с исторической точки зрения показывает, что потребности правоохранительных органов в совершенствовании данной системы возрастают адекватно росту угроз обществу и государству со стороны преступности.

Наглядных примеров тому в истории борьбы с преступностью довольно много. Последние из них связаны с актами терроризма (например, самолетная атака на башни Всемирного торгового центра (США, 2001 г.); попытка пронести в самолет жидкое взрывное вещество (Великобритания, 2007 г.). Реакция законодателя и общества на эти преступления приобрела международный характер. В данном контексте, по нашему мнению, следует рассматривать не только ужесточение визуального и инструментального контроля за пассажирскими потоками, в том числе на железнодорожном и водном транспорте, но и совершенствование учетно-регистрационной деятельности правоохранитель-

ных органов. Так, в ряде стран начали осуществлять дактилоскопическую регистрацию мигрантов (иностранцев и лиц без гражданства); в международных паспортах граждан стали отражать биоидентификационные данные их владельцев, что предполагает создание соответствующих регистрационных систем.

С учетом опыта и тенденций развития указанных систем очевидны определенные, хотя и крайне ограниченные перспективы их совершенствования. Они, в частности, заключаются в дальнейшей автоматизации, расширении перечня регистрируемых объектов и упрощении правовых оснований их постановки на учет, в том числе не связанных с фактом возбуждения уголовного дела. В ряде зарубежных стран к таким объектам относятся: лица из «группы риска» (дети – по желанию родителей), потерпевшие, свидетели, дорогие произведения искусства, антиквариат из частных коллекций и т. п. Наконец, очевидна необходимость повышения статуса правового регулирования данной системы. Уже сейчас ее функционирование затрагивает права и свободы значительной части граждан страны, а в случае предлагаемого расширения перечня регистрируемых объектов их число еще вырастет. Значит, в основе своей она должна регламентироваться федеральным законодательством, а не нормативно-правовыми актами органов исполнительной власти.

Рассуждая о перспективах совершенствования криминалистической регистрации, особенно возможности ее использования в раскрытии и расследовании экономических преступлений, следует обратить внимание на уже описанный в криминалистической литературе опыт ряда зарубежных стран по созданию и обеспечению функционирования государственной кодовой регистрации всего населения.

Например, в Швеции при регистрации новорожденного ребенка в магистратуре ему присваивается цифровой код, в котором зашифрованы его установочные данные. В дальнейшем на основе такого кода формируется своеобразное «биографическое досье» с указанием важнейших в жизни человека событий и явлений, в частности, касающихся учебы, профессии, трудовой деятельности,

службы в армии, состояния здоровья, серьезных конфликтов с законом и т. д.¹

Однако противники данной системы считают, что такой способ регистрации приведет к тотальному контролю за населением со стороны правоохранительных органов и спецслужб². Конечно, нельзя не замечать или игнорировать эту опасность, тем более что она проявляется как одна из общих закономерностей развития НТП. Его достижения несут человечеству не только блага, но и реальные угрозы. В конечном итоге все зависит от того, в чьих руках окажутся эти достижения и с какой целью они будут использованы.

Возможности и действия преступников в этом отношении практически не ограничены ни правом, ни моралью. Причем они довольно легко преодолевают и материальные затруднения. Именно поэтому достижения НТП используются в преступной деятельности одновременно, а нередко и раньше, чем они становятся доступными правоохранительным органам и спецслужбам. Иными словами, преступность вынуждает общество адекватно реагировать на ее вызовы, в том числе предоставлять в распоряжение соответствующих служб современные достижения НТП. Их неправомерное, т. е. без законодательной регламентации, использование в цивилизованном обществе, в том числе в рамках рассматриваемых регистрационных систем, исключается.

Кроме того, указанные системы государственной регистрации граждан создаются не только и не столько в целях борьбы с преступностью, сколько для решения множества иных социальных проблем (здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, страхования, обороны и т. п.). Не случайно в США такая система называется «Social Securite» (социальная защита). Хотя, по оценкам самих американцев, как отмечает В. Шмаков, «ни в одном, самом тоталитарном, государстве нет такой системы контроля за деятельностью и любым перемещением населения, как в США, но

они к ней привыкли и считают безусловно нужной»³.

По нашему мнению, это один из наглядных примеров адекватного восприятия обществом угроз преступности и мер по борьбе с ней, а вместе с тем доверия, заметим, не к власти, а к определенным законом формам контроля за деятельностью ее представителей, исключаящим злоупотребления с их стороны.

Такие системы, информационный массив которых персонифицируется и формируется усилиями практически всех правоприменительных государственных органов, а не только правоохранительных, самим фактом своего существования обеспечивают профилактику преступлений. «Вряд ли кто-то, – пишет О. С. Карпушкин, – зная об их возможностях... решится подделывать документы, например, удостоверяющие личность, и использовать их для получения кредита в банке»⁴.

Наконец, рассматривая возможность и необходимость создания единой государственной системы регистрации населения, следует учитывать, что в настоящее время в нашей стране помимо регистрационных систем правоохранительных органов, порядок создания и ведения которых регламентируется подзаконными нормативно-правовыми актами, существует множество так называемых корпоративных АИПС регистрации граждан. Эти системы создаются и функционируют в соответствии с требованиями их пользователей и, как правило, произвольно. Своих клиентов учитывают строительные фирмы, торговые сети, банки, транспортные предприятия, учреждения телерадиосвязи и др. С целью упорядочения создания таких систем законодатель издал Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ⁵. Однако нет никаких гарантий, что при существующем «разбросе» указанных систем по органам государственной власти, организациям и учреждениям будет обеспечена

¹ См.: Боляков А. А., Усманов Р. А. Указ. соч.

² См.: Черкесов В. Н. Современные компьютерные технологии и права человека // Милиция – полиция третьего тысячелетия. Совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию с населением. Смоленск, 2001. С. 45.

³ Шмаков В. Беседы о криминалистике. Челябинск, 1997. С. 44–45.

⁴ См.: Карпушкин О. С. Взаимодействие органов внутренних дел и органов таможенной службы в раскрытии и расследовании преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 83.

⁵ См.: Рос. газ. 2006. 29 июля.

законность их использования и, что не менее важно, информационная безопасность граждан, данные о которых оказались в подобных системах. Во всяком случае, и сегодня практически свободно на рынке можно купить банки данных о налогоплательщиках, владельцах автомашин, недвижимости, мобильных телефонов и др. Иными словами, эти сведения остаются легко доступными посторонним, в том числе незаконопослушным гражданам.

Вместе с тем создание таких систем, как и НТП, нельзя запретить. Они представляют собой важнейший элемент научной организации труда и нагляднейший пример продуктивного использования современных достижений науки и техники в интересах человека. При этом государство обязано создать законодательную базу для функционирования указанных систем и, в частности, обеспечить безопасность граждан, данные о которых в них сосредоточены. Соответственно оно вправе использовать такие системы для решения не только корпоративных, но и общесоциальных проблем, в том числе борьбы с преступностью. Кстати, на практике уже отмечаются далеко не единичные случаи использования корпоративных АИПС регистрации граждан, в частности, пассажиров транспортных компаний, для раскрытия преступлений и розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда.

Сосредоточение возможностей множества указанных АИПС регистрации граждан (не исключая их автономного существования) в единой государственной системе представляет собой всего лишь более высокий уровень организации использования уже имеющейся соответствующей информации в целях решения социальных проблем. Как определенные шаги в данном направлении можно рассматривать введение идентификационного номера налогоплательщика, добровольной дактилоскопической регистрации граждан, отражение в паспортах (пока только в международных) биоидентификационных признаков их владельцев. Однако это первые и все еще бессистемные практические шаги, требующие серьезного теоретического осмысления.

Библиографический список

1. *Беляков, А. А.* Состояние, проблемы и перспективы развития криминалистической регистрации в России / А. А. Беляков, Р. А. Усманов. – Красноярск, 2001.
2. *Волынский, В. А.* Криминалистическая регистрация: от учета преступников к современным информационно-поисковым системам / В. А. Волынский // Вопросы совершенствования деятельности милиции в современных условиях. – М., 1990.
3. *Шмаков, В.* Беседы о криминалистике / В. Шмаков. – Челябинск, 1997.

А. В. Агарков,
*старший преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОВОКАЦИИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО
СЫСКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Несмотря на то, что деятельность органов политического сыска Российской империи изучена отечественными учеными достаточно детально, до сих пор остается актуальной проблема *использования провокации в оперативной работе*. Данный вопрос был предметом исследования таких авторов, как: А. Ф. Возный, Ф. М. Лурье, С. Н. Жаров, А. Е. Скрипилев¹, и ряда других ученых, однако мы считаем целесообразным высказать свою точку зрения.

В советскую эпоху сложился определенный стереотип, согласно которому всех секретных сотрудников Российской империи называли «провокаторы». Упоминание о провокаторах – тайных сотрудниках охранного отделения часто встречалось в художественных и научных публикациях того периода. Так, в частности, изданный в 1964 г. Словарь иностранных слов следующим образом определяет провокацию: «...предательские действия агентов тайной полиции, проникших в революционные организации с целью информирования политической полиции о деятельности революционеров, выдачи полиции лучших работников, а также с целью вызова революционных организаций на такие действия, ко-

торые ведут к их разгрому»². Согласно Большой советской энциклопедии провокация (от лат. *provocatio* – вызов) – 1) подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций к действиям, которые повлекут за собой тяжелые, иногда гибельные последствия; 2) предательские действия, совершаемые частными агентами полиции и реакционных партий (провокаторами), направленные на разоблачение, дискредитацию и в конечном счете на разгром прогрессивных, революционных организаций³. Словарь русского языка толкует это понятие как «предательские действия тайных агентов полиции с целью шпионажа и подстрекательства революционных организаций к таким действиям, которые должны привести к ослаблению, к разгрому этих организаций»⁴.

Подобный подход существует и в настоящее время. Так, В. Г. Джанибекян использовал понятие «провокация» в названии своего исследования «Провокаторы и охранка»⁵. Причем провокаторами и предателями он именует всех конфиденентов, оказывавших помощь в борьбе с политическими преступлениями: «...хранились секретные документы, скрывавшие имена провокаторов, состоявших на довольствии в охранке и полиции»; «...изобличила предателя». Признавая право данного автора на самостоятельный взгляд на оценку морально-правовых аспектов негласного содействия, мы считаем необходимым уточнить обоснованность употребления терминов «провокатор» и «провокация».

Ф. М. Лурье предлагает следующие определения этих понятий. Провокация есть подстрекательство к действию, направленному на достижение целей подстрекателя вопреки

¹ См.: *Возный А. Ф.* Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976. С. 38; *Лурье Ф. М.* Политический сыск в России. 1649–1917. М., 2006. С. 5–12; *Жаров С. Н.* Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи // Правоведение. 2001. № 5; *Скрипилев А. Е.* Об одной стороне судебной контрреформы в России // Сов. государство и право. 1983. № 9. С. 122.

² Словарь иностранных слов. М., 1964.

³ См.: Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1975. Т. 21. С. 15.

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. II. С. 472.

⁵ См.: *Джанибекян В. Г.* Провокаторы и охранка. М., 2005.

интересам подстрекаемого, а провокатор есть подстрекающий к действию, направленному вопреки интересам подстрекаемого¹. Полицейская политическая провокация заключалась в том, что полицейский агент, находящийся в рядах противоправительственного сообщества, информирует о деятельности сообщества полицейское начальство, разрабатывает с ним планы действий и в соответствии с этими планами подстрекает членов сообщества к противоправительственным поступкам (выступлениям).

Соглашаясь в целом с указанной точкой зрения, отметим, что и сотрудники охранного отделения рассуждали подобным образом. Так, П. Г. Курлов, командующий Отдельным корпусом жандармов и товарищ (заместитель) министра внутренних дел, писал: «Под словом "провокация" нельзя понимать необходимость осведомленности о готовящемся преступлении, а нужно раз и навсегда установить, что *провокация есть организация или пособничество к преступлению в целях личного успеха и выслуги перед начальством* (выделено нами — А. А.)»². Жандармский генерал А. И. Спиридович четко говорит о недопустимости провокации: «...нам категорически воспрещалось иметь сотрудников на ролях активных деятелей... Руководящие указания, предостерегавшие от провокации, даже неумышленной, были весьма строги»³. Говоря о руководящих указаниях, А. И. Спиридович имел в виду упомянутую выше Инструкцию по организации и ведению внутренней агентуры, которая в разд. III содержала однозначные требования к деятельности конфиденентов: «...сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и, таким образом, подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению»⁴.

¹ См.: Лурье Ф. М. Указ. соч. С. 8–9.

² Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 120.

³ Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 154.

⁴ Тайны политического сыска: Инструкция о работе с секретными сотрудниками / Публ. З. И. Перегудовой. СПб., 1992. С. 7–8.

Однако, полностью устранившись от революционной работы, негласным сотрудникам невозможно было достичь высоких партийных должностей и получить доступ к важной информации. Некоторые конфидененты весьма преуспели в своей партийной карьере. Среди них: эсер Е. Ф. Азеф, чье имя стало нарицательным; большевики А. С. Романов, М. И. Бряндинский, А. И. Лобов, Р. В. Малиновский. До сих пор неоднозначно оценивается поступок командира Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанта В. Ф. Джунковского. Он, узнав в мае 1914 г. о том, что член ЦК РСДРП депутат Государственной Думы Р. В. Малиновский конфиденциально сотрудничает с директором департамента полиции С. П. Белецким, вынудил его сложить свои депутатские полномочия, чем его практически раскрыл. Осуждая поступок В. Ф. Джунковского, А. И. Спиридович писал: он «провалил самого главного информатора, сотрудника департамента полиции большевика Малиновского, который под руководством Белецкого вел подрывную деятельность среди большевиков и доносил информацию о центре большевизма — о Ленине и его окружении. Это было... должностным преступлением»⁵.

В упоминавшейся выше книге В. Г. Джанибека «Провокаторы и охранка» имеются многочисленные цитаты из воспоминаний Зиновьева, Бурцева, Ленина, где Малиновского называют провокатором⁶. Сам же автор называет его не только провокатором, но и «стукачом»⁷. Какие же обвинения выдвигаются в его адрес?

Дело Малиновского получило широкую огласку и расследовалось тремя комиссиями: партийной комиссией для расследования подозрений (Зиновьев, Ганецкий, Ленин) в 1914 г., Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в апреле–мае 1917 г. и Верховным революционным трибуналом при ВЦИК осенью 1918 г. В ходе расследований часто упот-

⁵ Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 345.

⁶ См.: Джанибекян В. Г. Указ. соч. С. 223, 225, 227, 232–233 и т. д.

⁷ См.: там же. С. 234.

реблялось слово «provokator», однако даже в обвинениях Верховного революционного трибунала не приводились факты провокации. В частности, там говорилось: «...сообщил Московскому охранному отделению массу необходимых для последнего сведений... давал необходимые для охраны сведения... давал Департаменту полиции детальную информацию о партийных организациях Думы, сообщал подробные данные о заграничных партийных центрах...»¹.

Каким же образом разграничить провокацию и обычную работу конфиденнта, направленную на предупреждение и раскрытие преступлений? Полагаем, что добросовестное выполнение поручений (без проявления особой инициативы), в том числе и совместно с другими членами незаконной группы, в результате чего происходило продвижение по карьерной лестнице (повышался официальный или неофициальный статус), является для конфиденнта негласной работой, тогда как организация или активное подталкивание окружающих к запретным действиям – провокация. Мы считаем, что указанная позиция может быть применена и на настоящем этапе, при рассмотрении законности действий современных негласных сотрудников.

Таким образом, по нашему мнению, провокации в ее современном понимании – подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т. д. к действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия² – конфиденнты не допускали или не должны были допускать. Вместе с тем в целях осуществления сыска они были вынуждены совершать активные действия, причиняющие ущерб охраняемым законом интересам государства. Однако некоторые негласные сотрудники (например, Е. Ф. Азеф), выходя за рамки своих полномочий, активно склоняли разрабатываемых к противоправным действиям, получая по реализации предоставленной ими оперативной информации денежное вознаграждение или действуя в иных корыстных це-

лях. Подтверждением этому служат слова А. Даллеса о деятельности органов политического сыска Российской империи: «Агент, вступив в какой-нибудь революционный кружок, не только шпионил за его участниками и передавал сведения о них полиции, но и подстрекал к таким действиям, которые давали бы повод для ареста отдельных или всех членов кружка»³.

Многочисленные вопросы в теории и практике оперативно-розыскной деятельности, возникающие при разграничении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» и провокации; при рассмотрении законности действий оперативных работников и негласных сотрудников, внедренных в преступные группы, свидетельствуют о том, что данная тема не потеряла своей актуальности и в настоящее время. Поэтому мы считаем, что при исследованиях в этом направлении необходимо не только учитывать позиции различных юридических школ, но и имеющийся исторический опыт функционирования отечественных органов сыска. Очевидно, что приведенные в статье положения далеко не бесспорны и не включают в себя все вопросы рассматриваемой проблематики, однако, по нашему мнению, они могут служить отправной точкой как для научной дискуссии, так и для проведения более глубокого исследования.

Библиографический список

1. *Возный, А. Ф.* Полицейский сыск и кружок петрашевцев / А. Ф. Ввозный. – Киев, 1976.
2. *Даллес, А.* Искусство разведки / А. Даллес. – М., 1992.
3. *Джанибекий, В. Г.* Провокаторы и охранка / В. Г. Джанибекий. – М., 2005.
4. *Жаров, С. Н.* Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи / С. Н. Жаров // Правоведение. – 2001. – № 5.
5. *Лурье, Ф. М.* Политический сыск в России. 1649–1917 / Ф. М. Лурье. – М., 2006.

¹ Цит. по: *Джанибекий В. Г.* Указ. соч. С. 288–289.

² Большой энциклопедический словарь // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/39022>.

³ *Даллес А.* Искусство разведки. М., 1992. С. 131–132.

О. С. Амосова,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

Из истории городского сословия в России

Русский город, в отличие от европейского вследствие медленного развития торгово-промышленной жизни не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны. За некоторым исключением, русский город не являлся результатом скопления в одном месте населения, занятого промыслами и торговлей. Последние в России развивались и без строительства городов, поскольку имели прочные связи с сельским хозяйством. Раньше, чем населению, город стал необходим правительству.

Само название «город» согласно словарию В. И. Даля обозначает ограду около жилья, населения¹. Это было «огороженное», укрепленное место, военный оборонительный пункт. Естественно, что среди населения преобладали служилые люди. Очень долго, вплоть до XVIII в., слово «город» означало то же, что и «кремль» – внутренняя крепость; стена, ограждающая важнейшую часть города².

В городе жили приказные люди, выполняющие функции управления, и ратные люди для обороны. Настоящее городское население (т. е. торгово-промышленное) жило вне города – на посаде, почему и называлось посадскими людьми. Чем моложе был город, тем больше в нем было военных людей и тем меньше посадских. Например, в середине XVII в. в Серпухове число посадских составляло 74 % всего населения, в Курске – 43 %. А из 24 городов, образовавшихся южнее Курска и Белгорода, только в пяти проживали посадские люди, причем в очень небольшом количестве – 2–6 %.

Москва как самый значительный город России XVI–XVIII вв. не составляла исключения из общего правила. Это была ог-

ромная царская усадьба, значительная часть населения которой служила во дворце в качестве свиты, гвардии или дворни. Из более чем 16 тысяч дворов, насчитывавшихся в Москве по переписи 1701 г., на долю посадских и ремесленников не приходилось и 7 тысяч (44 %). Остальные 9 тысяч дворов принадлежали духовенству и правящему сословию³. В экономическом плане Москва была развита очень слабо, по сути, оставаясь деревней огромных размеров. Относительно размеров торговых оборотов Москвы еще в конце XVI в. один иностранец заметил, что во всех лавках московских рядов не найдется столько товаров, сколько есть в одном венецианском магазине.

С течением времени экономическая жизнь русского города развивалась, тем не менее все равно не отвечала потребностям государственного управления. В период правления Петра I в России насчитывалось уже более 250 городов. А когда в результате реформ Екатерины II были введены областные учреждения, понадобилось для управления новыми уездами возвести в ранг города еще такое же количество. Поскольку государственная потребность в городах опережала естественное развитие городской жизни, то городское сословие правительству приходилось создавать насильно.

Городское население России XVI в. делилось на людей торговых и пашенных. К пашенным людям относились крестьяне. Каждый обыватель города имел свои пашню и покос на городской земле. Правительство выделило население посада в особую группу исключительно из финансовых соображений. В финансовой организации Московского государства посадские миры составили такую же тягловую группу, как и миры сельские. Первым обстоятельством, которое легло в основу различия между городом и деревней, стала перемена характера самого тягла. Торгово-промышленное население города могло платить больше, чем чисто пашенные крестьяне. Поэтому правительство, бравшее крестьянские подати первоначально с земельного участка («сохи») в городе стало брать подати с «двора». Позднее в XVII в. правительство

¹ См.: *Даль В. И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2007. С. 48.

² См.: там же. С. 113.

³ См.: *Чечулин Н.* Города России в XVI веке. Спб., 1889.

пыталось даже обложить город налогом с дохода. Однако эта попытка не удалась, тем не менее налоги с городского населения в XVII в. брали уже по особому окладу, более тяжелому, нежели с деревни. Разница в характере тягла и свойстве податей, прежде всего, отделила формально город от деревни. Но это не означало, что и городское население отделилось от других сословий. Оно находилось в таком же подвижном, бродячем состоянии, как и вся остальная Россия. Городской житель мог уйти с тяглового участка, перейти в другой город или в другое сословие. При этом состав городского тяглого общества был довольно пестрым. Члены других сословий также допускались нести городское тягло. Однако представители разных сословий и профессий могли жить в городе, заниматься городскими промыслами, но не платить налогов государству. Таким образом, выделение городской тягловой земли не препятствовало смешению городского сословия с другими общественными группами и сохранению полной сословной бесформенности. От такого смешения, прежде всего, страдала казна, что и заставило правительство принять решительные меры.

Таковыми мерами стали распоряжения, согласно которым в XVII в. все посадские люди прикреплялись к тому месту и занятию, где их застали эти правительственные мероприятия. Не только переход между городом и деревней, но даже переходы посадского населения из города в город строго запрещались. Закрепленная подобным образом на месте посадская община тщательно очищалась от посторонних элементов и в нее возвращались ранее вышедшие. Известно, что за три года было возвращено в посадское тягло до 10 000 дворов и 21 000 торговых, промышленных и ремесленных людей¹. Таким образом, в середине XVII в. городское сословие впервые в России юридически выделилось из других сословий, но это произошло в результате насильственных, правительственных мер и сопровождалось закрепощением всего сословия на правительственную службу.

¹ См.: Багалый Д. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Спб., 1894.

Эта служба для торгово-промышленного сословия заключалась в отбывании городского тягла. Но по отношению к высшей части сословия она приняла иной и очень своеобразный характер. В этот период в России насчитывалось небольшое количество богатых купцов. Именно богатствами этой группы и воспользовалось правительство, чтобы наложить на нее особого рода казенную службу. Группа богатейшего купечества называлась «гостями». Как только провинциальный купец богател, правительство сейчас же переводило его в Москву и брало в свою службу. Служба, которую навязывали «гостям», была тяжела и ответственна. В их обязанности входил сбор таможенных и кабацких пошлин – важнейших доходов государства. За свою службу купцы отвечали собственным имуществом. Ни при Петре I, ни при Екатерине II характер и сущность службы не менялись. Она продолжала оставаться такой же тяжелой и неприятной. Петр I видоизменил только названия старых должностей и учреждений, но суть их осталась прежней. Екатерина II предприняла попытку ввести выборное устройство в городах. Однако всесословный характер екатерининской жалованной грамоты, объединявшей всех собственников города в одно целое «общество», был чужд духу времени. Вся деятельность созданных «общей» и «шестигласной» дум сводилась к взиманию налогов, которых они не могли назначать сами и которыми соответственно не могли распоряжаться. Участие в таком самоуправлении не могло никого заинтересовать. Поэтому на выборы из ста избирателей являлось не больше десяти. В результате «общая» дума, т. е. собрание всех гласных, постепенно прекратила свое существование, а «шестигласная» дума, т. е. управа предыдущей, превратилась в правительственную канцелярию. Таким образом, надежда Екатерины II на то, что ее учреждения приведут к созданию третьего сословия, не осуществилась.

Библиографический список

1. Багалый, Д. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства / Д. Багалый. – Спб., 1894.
2. Чечулин, Н. Города России в XVI веке / Н. Чечулин. – Спб., 1889.

А. В. Глухова,
*преподаватель кафедры ресоциализации
и трудовой адаптации осужденных
Псковского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний*

ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I

Институты уголовно-исполнительного права России, начавшие формироваться в XVI–XVII вв., расширяются и совершенствуются в законотворческой деятельности Петра I. В определенной степени это было обусловлено расширением целей наказания. К ранее сложившимся – возмещению ущерба, устрашению окружающих (дабы другим неповадно было), визуальному обозначению (в виде клеймения, отсечения или повреждения различных частей тела) и изоляции преступников – добавились использование труда осужденных (на галерах, ка-торге, постройке гаваней, крепостей, заводов и других «государевых» работах) и заселение новых, осваиваемых территорий.

Данные цели нашли отражение в значительном количестве нормативных документов уголовной и уголовно-процессуальной направленности, появившихся в российском правовом пространстве периода становления абсолютизма. При этом, по мнению С. В. Жильцова, «каждый издаваемый Петром I или от его имени Сенатом указ предполагал точное его исполнение. В противном случае грозила смертная казнь»¹. Однако для нас особый интерес представляют нормативные акты непосредственно уголовно-исполнительной направленности, поскольку именно по ним можно проследить развитие пенитенциарного законодательства. Так, 15 октября 1692 г. издается Именной указ, объявленный Стрелецкому приказу боярином Троекуровым, «О порядке препровождения колодников в ссылку и о наказании проводников, если умышленно или по небрежению дадут случай колодникам к побегу», в котором устанавливаются правила этапирования заключенных². Согласно этому указу преступников (колодников) за совершенные преступления (за во-

ровство свое) надлежало ссылатъ в различные города в сопровождении нарочных посыльщиков, заковав в кандалы и в ручные железа, а буде кандалов не достанет, и тех ковать в ножные железа, залив. При этом следовало колодников вести с великим бережением и довести их в целости. Указ также санкционировал наказание сопровождающим (посыльщикам) за утерю конвоируемых: «А будет посыльщики воровством своим или пьянством, или каким иным небрежением, тех колодников, взяв скуп, отпустят, или какими мерами нибуду у них те колодники уйдут и в целости их до тех их городов не приведут, и в тех городах воеводам тем посыльщикам за то чинить жестокое наказание, бить кнутом и ссылатъ их вместо тех ссыльных людей самих, куда велено ково посылать тех ссыльных людей, а о женах их и о детях воеводам писать к Москве, и тех их жен и детей ссылатъ с ними ж; а для провозу таких ссыльных людей в Стрелецком приказе сделать десятеры ручныя железа, и те железа держать в Стрелецком приказе, а посыльщикам на ссыльных людей те железа или кандалы отдавать с росписками; а будет который посыльщик железа и кандалы потеряет, и за те железа и кандалы править цену против покупки вдвое и о том в города, <...> куда сослатъ будет указано, к боярам и воеводам посылать свои великих государей грамоты».

Таким образом, за должностные преступления наказанию подвергались не только лица, сопровождающие заключенных, но и их семьи – жены и дети, независимо от возраста последних, что являлось двойным сдерживающим фактором. При этом следующее за телесным наказанием занятие виновным места отсутствующего по его вине этапиремого определенно указывало на экономическую значимость бесплатной рабочей силы. Целевое назначение Именного указа Стрелецкому приказу дает основание предположить возможность сохранения в этот период исполнения пенитенциарных функций за стрельцами. Однако стрелецкое восстание 1698 г. (с последовавшими следом за ним казнями стрельцов, в которых принимал участие непосредственно монарх со своим ближайшим окружением³) вывело из доверия стрелецкое

¹ Жильцов С. В. Смертная казнь в России. М., 2002. С. 137.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Собр. 1 (далее: ПСЗ). Т. 3, № 1449.

³ См.: Все монархи мира. Россия. М., 199. С. 491.

войско. Двадцать четвертого мая 1700 г. издается Именной указ, объявленный боярином Салтыковым Московскому Судному приказу, «О посылке солдат Дворцового караула для сыска и представления в Судный приказ ответчиков и для взыскания от них пошлинных денег и истцовых исков»¹. Из чего можно предположить, что с этого момента пенитенциарные функции были отобраны Петром I у стрельцов и возложены на армию.

В соответствии с Именным указом «О починке и постройке вновь во всех городах тюрем на счет казны» от 26 февраля 1702 г. земским бурмистрам поручалось из *«государевой казны из сборных денег, которые у них бурмистров в сборе бывают, прямою ценою без передачи, на Каломне и в Дмитрове, и во всех городах тюрьмы чинить и вновь строить»*².

Именным указом «Об означении в памятях о ссыльных на каторгу их преступлений и сроков, на которые они приговорены к каторжной работе и о ведении ссыльных в Адмиралтейском приказе» от 14 апреля 1703 г.³ монарх устанавливает введение учетной и сопроводительной документации в отношении лиц, отбывающих наказания. При этом учетная документация должна была содержаться в приказе Адмиралтейских дел, а сопроводительная – передаваться при переводе каторжников в приказы по месту их дислокации и содержать сведения о вине и времени предыдущего нахождения на каторге.

Кроме того, законодатель допустил возможность облегченной формы исполнения наказаний для лиц, осужденных на каторжные работы, но в силу старости и увечий не способных их исполнять. Так, Именным указом, объявленным Судному приказу боярином Салтыковым, «Об отсылке преступников в Монастырский приказ на работу, которых за старостию и увечьем ссылать на каторгу невозможно» от 19 декабря 1707 г.⁴, на примере двух человек – дворянина Луки Ростопчина, обвиненного в лже-свидетельствовании, и дворового человека Никифора Богданова, обвиненного в *воровском* (т. е. преступном) составлении крепости, – приговоренных к каторжным работам *на вечное житие*, но не принятых для ссылки

на каторгу в Преображенском по причине старости и увечьем, Петр I установил: *«Тех вышеписанных двух человек за вышеписанные их вины отослать в Монастырской приказ к боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину и велеть их заковать в кандалах, держать в монастыре в вечной работе, в какой они чин годятся. Также же буде и впредь такие люди явятся в таких воровствах, а за старостью их и за увечьем на каторгу ссылать будет невозможно: и таких людей отсылать потомуж в Монастырской приказ в работу»*. Но при этом каторжные должны были выполнять исключительно тяжелые работы в соответствии с Именным указом «О неупотреблении каторжных в мелочные работы» от 14 октября 1715 г.: *«Каторжных не употреблять в мелкие и разные работы, но на те кои на одном месте, а именно: сваивать и прочия тому подобныя»*⁵.

Указ Петра I «О ссылке преступников в Дауры на серебряные заводы и о переводе 300 семейств туда же для поселения на удобных к хлебопашеству землях» от 10 апреля 1722 г. устанавливал освобожденных от каторжных работ с последующим отбыванием ссылки в Сибири *«посылать с женами и детьми в Дауры на серебряные заводы»*. Кроме того, этот Указ предусматривал предотвращение сосредоточения государственных преступников в одном месте.

Таким образом, в период становления абсолютизма в России, который принято связывать с правлением Петра I, российское уголовно-исполнительное право, отражая пенитенциарную политику государства, пополняется новыми существенными институтами, такими как этапирование заключенных, финансирование тюрем (в частности, по вопросам ремонта и строительства), ведение учетной и сопроводительной документации в отношении лиц, отбывающих наказания, облегченная форма исполнения наказаний, многие из которых надолго войдут в последующую правоприменительную деятельность.

Библиографический список

1. Жильцов, С. В. Смертная казнь в истории России / С. В. Жильцов. – М., 2002.
2. Рыжов, К. Все монархи мира. Россия / К. Рыжов. – М., 1999.

⁵ Там же. Т. 5, № 2939.

¹ См.: ПСЗ. Т. 4, № 1790.

² Там же. № 1895.

³ См.: там же. № 1930.

⁴ См.: там же. № 2179.

Д. А. Ерин,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
Ю. Г. Бубнова,
старший преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ МИЛИЦИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920–1921 гг.)

Победа Октябрьской революции 1917 г. привела к коренным изменениям в развитии Российского государства. Создание принципиально нового государственного аппарата, призванного обеспечить эффективное строительство социалистического общества, стало одной из первоочередных задач руководства РСФСР. Важным звеном аппарата принуждения Советского государства была советская рабоче-крестьянская милиция, организация которой осуществлялась на основании известных нормативно-правовых актов, а именно: постановление НКВД «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября) 1917 г.¹, инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» от 12 октября 1918 г.², декрет СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции» от 3 апреля 1919 г.³, декрет ВЦИК и СНК «Положение о рабоче-крестьянской милиции» от 10 июля 1920 г.⁴, – а также ведомственных приказов, распоряжений и инструкций НКВД РСФСР.

В структуре системы советской милиции наряду с такими элементами, как общая (уездно-городская), железнодорожная, уголовно-розыскная, водная (речная) милиция, в 1920 г. была организована промышленная милиция. Ее основная функция заключалась в охране «экономического достояния Республики... – фабрик, складов, учреждений, лесов, совхозов, горных промыслов и

т. п.»⁵, т. е. предотвращении хищений социалистической собственности на национализированных промышленных объектах.

Следует отметить, что промышленная милиция создавалась в сложных условиях гражданской войны, иностранной интервенции и порожденных ими нестабильности и хаосе как в политическом, так и экономическом состоянии молодого Советского государства.

Одной из важнейших задач, которую следовало решить в кратчайшие сроки руководству Советского государства, в частности, НКВД и Главному управлению милиции, стало комплектование кадрами всех видов советской рабоче-крестьянской милиции. В нормативно-правовых актах, регулирующих организацию и деятельность последней, этому вопросу уделялось особое внимание. В основе кадровой политики лежал классовый подход, и главный акцент делался на формировании классово однородного состава милиции из представителей трудящихся слоев и групп населения РСФСР.

Так, например, согласно Инструкции от 12 октября 1918 г. право поступления на службу в милицию (в том числе и промышленную) имели только трудящиеся, граждане РСФСР, достигшие 21 года, вполне грамотные, пользовавшиеся активным и пассивным избирательным правом по Конституции 1918 г. и признававшие советскую власть⁶.

Создание промышленной милиции как в центре, так и на местах началось с комплектования руководящих звеньев аппарата (начальников промышленной милиции в губерниях и уездах). Согласно приказу Главного управления милиции от 15 августа 1920 г. № 7 во главе губернских и уездных отделений промышленной милиции предписывалось поставить наиболее опытных работников из числа командного состава милиции⁷. Кроме того, с целью усиления влияния партии коммунистов в органах милиции на руководящие должности следовало в первую очередь назначать членов РКП(б). Однако ввиду общей малочисленности партии большевиков на командные должности могли назначаться люди, «преданные в лице совет-

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства (далее: СУ РСФСР). 1917. № 1. Ст. 15.

² См.: там же. 1918. № 75. Ст. 813.

³ См.: там же. 1919. № 13. Ст. 133.

⁴ См.: там же. 1920. № 79. Ст. 371.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ), ф. 393, оп. 23, д. 28, л. 42.

⁶ См.: СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813, п. 18.

⁷ См.: ГАРФ, ф. 393, оп. 23, д. 7, л. 60(об).

ской власти интересам рабочего класса и беднейшего крестьянства... по рекомендации социалистических партий, стоящих на платформе советской власти, профессиональных союзов и местных Советов депутатов».

Фактическое становление промышленной милиции Владимирской губернии началось с августа 1920 г. и продолжалось в течение двух месяцев – до октября, когда начальник промышленной милиции губернии Глазунов отчитался о деятельности губернского и районных отделений промышленной милиции. Как следует из текста доклада, положения приказа № 7 и партийный принцип комплектования командного состава промышленной милиции во Владимирской губернии были соблюдены полностью. В частности, начальник губернского отделения Глазунов и 10 начальников промышленных районов, на которые была разбита губерния, являлись «старыми работниками милиции – коммунистами»¹. Вместе с тем во многих уездных отделениях промышленной милиции среди рядовых милиционеров прослойка коммунистов была минимальной. Например, в ноябре 1920 г. в Переславльском уездном отделении промышленной милиции из 40 милиционеров только двое являлись членами партии (включая начальника)². Как правило, подавляющее число рядовых милиционеров промышленной милиции Владимирской губернии либо относились к сочувствующим советской власти, либо поддерживали ее.

Название советской милиции определялось как «рабоче-крестьянская» и соответственно предполагало, что она не только будет стоять на страже интересов рабочих и крестьян, но и комплектоваться из числа представителей этих классов. Однако на практике, как показывают исследования отечественных юристов³ и анализ архивных материалов, советская милиция по своему социальному составу в основном была крестьянской, что вполне соответствовало социальному составу населения Советской Рос-

сии, где крестьянство являлось преобладающей социальной группой. Так, на 1 ноября 1920 г. из 800 милиционеров промышленной милиции Владимирской губернии около 70 % происходили из числа крестьян⁴.

Особенностью комплектования подразделений промышленной милиции в отличие от общей (уездно-городской), уголовно-розыскной, железнодорожной и водной (речной) милиции было наличие среди сотрудников женщин-милиционеров. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, согласно Конституции 1918 г. мужчины и женщины в Советском государстве обладали равными правами, следовательно, теоретически имели право наравне с мужчинами поступать на службу в милицию, а с другой стороны, специфика службы промышленной милиции на некоторых предприятиях требовала привлечения к несению караульной службы именно женщин. Не случайно в приказе Главного управления милиции НКВД РСФСР от 1 октября 1920 г. № 9 указывалось, что принятые в милицию женщины должны «...направляться главным образом на фабрики и заводы для осмотра выходящих с работы женщин в целях борьбы с хищениями казенных товаров в больших размерах»⁵. Однако в промышленной милиции Владимирской губернии женщины-милиционеры принимались на службу не везде, а только в тех уездах, где осуществлялась охрана заводов и фабрик, на которых работало значительное количество лиц женского пола. Кроме того, во многих случаях либо субъективный подход начальников отделений милиции, либо объективные причины не позволяли осуществить набор женщин в ряды промышленной милиции. Так, согласно данным о состоянии промышленной милиции в 10 уездах губернии на ноябрь 1920 г. только в Ковровском отделении из 86 милиционеров 11 были женщинами, которых набрали для «производства обысков рабочих-женщин»⁶. В этот же период начальник Александровского отделения промышленной милиции ходатайствовал перед руководством губернского управления милиции о необходимости привлечения в ряды его отделения женщин для проведения осмотров женщин-работниц на фабрике бывшей Бе-

¹ Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО), ф. Р-310, оп. 1, д. 42, л. 2.

² См.: там же, л. 10.

³ См.: Мулукаев Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920 гг.). М., 1975; Органы и войска МВД России. М., 1996; Органы внутренних дел России 1802–2002: В 2 т. М., 2002. Т. 2 и др.

⁴ См.: ГАВО, ф. Р-310, оп. 1, д. 13, л. 110.

⁵ ГАРФ, ф. 393, оп. 23, д. 7, л. 69(об).

⁶ ГАВО, ф. Р-310, оп. 1, д. 42, л. 24.

ляева, однако точно не установлено, было ли удовлетворено это ходатайство.

Инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» 1918 г. и все последующие нормативно-правовые акты устанавливали исчерпывающий перечень лиц, которые не имели права служить в органах охраны общественного порядка. Так, не могли назначаться на милицмейские должности: «1) состоящие под следствием и судом по обвинению в преступных деяниях; 2) подвергшиеся по суду лишению и ограничению в правах или же осужденные за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного... подлог, лихоимство, взяточничество, ростовщичество, спекуляцию, сокрытие предметов, подлежащих государственному учету и распределению; 3) все вообще лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; 4) все живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, поступления с имущества и т. д.; 5) все частные торговцы и торговые посредники; 6) служители различных культов; 7) служители и агенты бывших жандармских отделений и чины бывшей полиции, а также члены бывшего царствующего дома; 8) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными, глухонемыми и находящиеся под опекой»¹.

Следует отметить, что относительно состава в общей и уголовно-розыскной милиции Владимирской губернии положения данной Инструкции выполнялись не всегда точно и на службу принимались бывшие полицейские, в то время как в промышленной милиции губернии в течение всего периода ее существования никогда не было бывших сотрудников царской полиции или милиции Временного правительства.

Как было отмечено выше, формирование промышленной милиции в стране и во Владимирской губернии, в частности, происходило в весьма сложных условиях. Наибольшую трудность вызвало комплектование ее кадрами в соответствии со штатами, установленными в июле 1920 г. отделом промышленной милиции Главного управления милиции НКВД РСФСР. Штаты промышленной милиции Владимирской

губернии определялись в 2025 человек, однако к 1 ноября 1920 г. в рядах промышленной милиции губернии насчитывалось только 800 милиционеров². Таким образом, некомплект составлял 1225 человек, что в среднем составляло более 60 %. В частности, во Владимирском отделении по штату было положено 266 человек – милиционеров и лиц командного состава, а в действительности насчитывалось только 106, в Александровском отделении из 168 штатных единиц было заполнено только 87, Вязниковском – из 158 – 67, Ковровском – из 157 – 57, Муромском – из 390 – 112, Переславльском – из 184 – 62, Покровском – из 157 – 77, Судогодском – из 148 – 66, Юрьевском – из 235 – 90 и Гусевском – из 162 – 76³.

Причины некомплекта промышленной милиции Владимирской губернии в целом соответствовали общей тенденции комплектования всех видов милиции в Советском государстве в период начала 20-х гг. XX в.

Основная проблема была связана с отсутствием желающих поступить на службу в промышленную милицию. По нашему мнению, это объясняется спецификой ее деятельности, которая в основном заключалась в несении караульной службы в любое время суток и при любой погоде, а также явным несоответствием материального вознаграждения тяжелым условиям. Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать словами начальника Владимирского отделения промышленной милиции: «...если в уезде этот вопрос (комплектование. – Д. Е.) стоит еще не так остро, там можно еще набрать хоть бы с трудом нужное число людей, ...в городе Владимире дело обстоит очень плачевно, люди совершенно не идут...»⁴.

Кроме того, комплектование промышленной милиции осуществлялось в период гражданской войны, а значит, в первую очередь следовало обеспечить людскими ресурсами Красную армию, причем мобилизации подвергались не только гражданские лица, но и милиционеры. Начальник Александровского отделения прямо указывал на этот факт в качестве причины некомплекта кадров: «...трудностью в организации промышленной милиции является

² См.: ГАВО, ф. Р-310, оп. 1, д. 13, л. 97.

³ См.: там же, л. 110.

⁴ Там же, д. 42, л. 21(об).

¹ СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813, п. 19.

недостаток лиц, соответствующих назначению проммилиции, из-за мобилизации в Красную армию»¹.

Немаловажное значение имел так называемый человеческий фактор. Он проявлялся в том, что отдельные руководители местных органов управления в силу отсутствия нормативно-правовой базы, регулирующей порядок организации и функционирования промышленной милиции, препятствовали подбору кандидатов на службу в промышленную милицию. Так, начальник губернского отделения промышленной милиции Глазунов отмечал, что в Юрьевском уезде «...уездный военный комиссар не разрешает начальнику промышленной милиции проводить наборы людей в ряды промышленной милиции... так как это имеет право осуществлять только начальник уездной милиции»², в силу чего в Юрьевском районе с 15 сентября по 12 октября 1920 г. на службу в промышленную милицию было принято всего 55 человек.

М. В. Захаров,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых и специальных
дисциплин Краснодарского филиала
ВЮИ ФСИН России*

кандидат исторических наук

С. В. Непсо,

*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА КУБАНИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В середине XIX в. в Российской империи на повестку дня встал вопрос о реформировании переживавшей глубокий кризис пенитенциарной системы страны. Возникла необходимость в создании эффективного механизма исправления преступников, закладке основ приобщения заключенных к производительному труду, профессиональному и общеобразовательному обучению и духовно-нравственному совершенствованию. Серьезную роль в этом процессе были приз-

Таким образом, комплектование промышленной милиции Владимирской губернии происходило в сложных условиях, что негативно отражалось на эффективности ее деятельности.

Вместе с тем, несмотря на указанные трудности в кадровом обеспечении, промышленная милиция Владимирской губернии в целом смогла добросовестно и качественно решать поставленные перед ней задачи по охране социалистической собственности на территории Владимирской губернии в течение 1920–1921 гг.

Библиографический список

1. Мулукаев, Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920 гг.) / Р. С. Мулукаев. – М., 1975.
2. Органы и войска МВД России : крат. ист. очерк. – М., 1996.
3. Органы внутренних дел России. 1802–2002. В. 2 т. Т. 2. – М., 2002.

ваны сыграть благотворительно-тюремные общества, ставшие, по сути, одним из важнейших компонентов зарождавшейся системы социальной реабилитации заключенных.

Среди крупнейших общеимперских благотворительных учреждений, выполнявших во второй половине XIX в. исправительно-трудовую функцию, выделялись Общество попечительное о тюрьмах, учрежденное 19 июля 1819 г., и Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, созданное в сентябре 1895 г. Рассмотрим подробнее их деятельность на территории Кубани во второй половине XIX в.

Активизация либеральных устремлений высшего слоя российского дворянства в начале XIX столетия, а также личная благосклонность Александра I подготовили почву для появления благотворительной организации не правительственного характера – Общества попечительного о тюрьмах. Следует отметить, что верховная власть, с одной стороны, была заинтересована в привлечении благотворительных средств к участию в финансировании тюремной системы, а с другой – опасалась роста влияния неправительственных учреждений на сферу функционирования мест заключения. Поэтому практически сразу же после своего

¹ ГАВО, ф. Р-310, оп. 1, д. 42, л. 15.

² Там же, л. 5.

возникновения Общество попечительное о тюрьмах приобрело характер общественно-государственной структуры.

Однако в период правления Николая I бюрократизация всех сторон жизни привела к сковыванию инициативы филантропов, росту недоверия правительства к любым формам гражданской самодеятельности, что явилось причиной падения эффективности работы благотворительно-тюремных организаций, формализации их деятельности, появления злоупотреблений, дискредитировавших саму идею участия общественности в решении проблем тюремной системы страны.

Изменить сложившуюся ситуацию стало возможным лишь в период проведения буржуазных реформ, т. е. во второй половине XIX в. Решением проблем снижения финансирования тюремной системы, ухудшения организации арестантских работ, медицинского обслуживания заключенных предстояло заняться все тому же Обществу попечительному о тюрьмах. Из всей совокупности мер, входивших в круг его деятельности, особое внимание уделялось решению хозяйственных задач тюремного содержания.

Правом назначения президента Общества попечительного о тюрьмах обладал сам император, являясь одновременно и покровителем данного Общества. Им же утверждались и все члены комитета, избранные общим собранием. На региональном уровне Общество попечительное о тюрьмах было представлено губернскими или областными попечительными комитетами о тюрьмах и их уездными отделениями. Учреждение в Российской империи подобных организаций в определенной степени снижало затраты государственных органов призрения на содержание уголовно-исправительных заведений, так как первостепенной задачей местных комитетов являлось увеличение собственных капиталов.

В журналах Кавказского комитета от 21 марта 1867 г. был утвержден Кубанский областной комитет Общества попечительного о тюрьмах. В этом же году 29 октября в г. Екатеринодаре было постановлено учредить Войсковой тюремный комитет на основании Правил о губернских тюремных комитетах с рядом изменений, суть которых затрагивала сословный состав членов Комитета, отличавшегося от других вследствие специфики социальной структуры области. В

члены Войскового тюремного комитета помимо лиц дворянского, духовного и купеческого сословий допускались казаки торгового общества¹. В последующем были открыты отделения в Темрюке, Ейске (1874 г.), Майкопе (1874 г.), станицах Лабинской (1889 г.) и Баталпашинской (1894 г.).

В соответствии с внесенными в Правила изменениями увеличивалось и общее количество директоров Кубанского областного комитета. Звание вице-президента присваивалось начальнику области атаману Кубанского войска. Функциями вице-президента наделялся также епархиальный архиерей во время пребывания в Екатеринодаре. В отличие от губернских комитетов с гражданским управлением обязательными директорами в Кубанской области были: помощник начальника области, начальник штаба, старший член войскового правления, войсковой прокурор, обер-аудитор, а также старший врач области. Если на должность директора или казначея избирались казаки торгового общества, то они, как и купцы, считались состоявшими на службе «по выборам».

Значительные усилия тюремных отделений в плане выполнения благотворительной функции сосредоточивались на улучшении условий содержания арестантов. Единственным учреждением, существовавшим при Екатеринодарской войсковой тюрьме, являлся приемный покой, где оказывалась первая медицинская помощь арестантам. Лечение больных заключенных осуществлялось в местных войсковых лазаретах, в которых область не испытывала нужды. Все религиозные потребности справлялись церковнослужителями по выходным дням и праздникам. В Екатеринодарской и Ейской тюрьмах имелись библиотеки, а в Майкопской и Усть-Лабинской – действовала мастерская, производившая ремонт одежды и обуви.

Содержание арестантов осуществлялось за счет ведомства, к которому они были приписаны. Гражданские лица содержались за счет средств государственной казны, казаки – Кубанского войска, военные – военного интендантства. Финансовые средства Кубанского областного комитета и его отделений, как правило, направлялись на улучшение питания арестантов.

¹ См.: Благотворительные учреждения Российской Империи: В 3 т. СПб., 1900. Т. 3. С. 221, 230.

О нестабильности финансового положения данного Комитета, одним из основных источников которого являлись членские взносы, свидетельствовало обращение начальника области от 11 февраля 1883 г. к его директорам: «На основании 42 статьи XIV т. св. Зак. изд. 1857 г. уст. "О содержании под стражею" с директоров губернских комитетов определены ежегодные пожертвования, именуемые членским взносом, не менее 10 рублей в год с каждого директора. Пожертвования эти должны быть вносимы ежегодно в декабре за год вперед. Несмотря на это, до настоящего времени ни от одного из директоров не поступало в тюремный Комитет никакого членского взноса. Ввиду скудности средств состоящего под моим председательством Тюремного комитета приглашаю директоров озаботиться взносом причитающихся с них членских сборов как на нынешний год, так и за прошедшие годы, с кого сколько будет причитаться и о том расписываться собственноручно в списке»¹.

Следует отметить, что благотворительная деятельность Кубанского областного комитета Общества попечительного о тюрьмах проявлялась не только в улучшении арестантского быта. Одно из важных ее направлений заключалось в сборе средств, выделяемых в помощь на воспитание детей. В качестве примера можно привести дело данного Комитета 1889 г. о выделении смотрителю Екатеринодарской войсковой тюрьмы коллежскому советнику Кичу за добросовестную службу единовременного денежного пособия в размере 300 руб. на воспитание восьми детей от двух браков². Другим свидетельством благотворительной деятельности Кубанского областного комитета Общества попечительного о тюрьмах является дело о деньгах, пожертвованных разными лицами в пользу Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных в Санкт-Петербурге. Главный акцент в обращении министра внутренних дел статс-секретаря Дурново, содержащемся в указанном деле, к начальнику Кубанской области от 15 апреля 1893 г., был сделан на том, что «учреждение Санкт-Петербургского Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных в 1891 году, имевшего целью

приходить на помощь семьям преступников и в особенности их детям, нуждавшимся в нравственном и духовном воспитании, встретило повсеместное сочувственное отношение, побудившее многих людей прийти на помощь новому делу посильными материальными пожертвованиями»³.

Предполагая, что наибольшее число таких благотворителей выявится в среде членов Общества попечительного о тюрьмах, задачи которого тесно переплетаются с целью Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных, министр внутренних дел в адресованном на имя начальника Кубанской области циркуляре отметил: «Я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не оставить сообщением содержания настоящего циркуляра как председателствуемому Вами Тюремному Комитету, так и всем уездным тюремным отделениям вверенной Вам области»⁴. Предположение министра внутренних дел о проявлении интереса к целям вышеупомянутого Общества оказалось не без почвенным. Одним из подтверждений тому стал доклад директора Темрюкского отделения Попечительного комитета о тюрьмах генерал-майора Родзевича от 19 февраля 1894 г., в котором сообщалось, что представленные в Кубанский областной комитет Общества попечительного о тюрьмах 69 руб. 11 коп.⁵ были пожертвованы разными лицами в пользу Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных и выписаны в расход по принадлежности.

Не менее важным направлением благотворительной деятельности Кубанского областного комитета Общества попечительного о тюрьмах, сформировавшимся в результате реализации основных положений судебной реформы 1864 г., стала профилактика правонарушений несовершеннолетних, осуществляемая в форме их призрения и исправления поведения. Показательным примером решения данных задач служит деятельность Кубанского исправительного приюта для несовершеннолетних, состоявшего из двух отделений и находившегося в ведении Общества исправительных приютов, образованного в 1898 г.

¹ ГАКК, ф. 461, оп. 1, д. 615, л. 5.

² См.: там же, д. 957, л. 1.

³ Там же, д. 788, л. 1–2 об.

⁴ Там же, д. 957, л. 31.

⁵ См.: там же, л. 19.

Помощью Общества исправительных приютов в виде помещения на полное содержание в отделение приюта могли воспользоваться несовершеннолетние обоих полов, среди которых были как бесприютные сироты и нищие, так и подростки, совершившие преступление. По окончании срока пребывания в приюте перечисленным категориям несовершеннолетних предоставлялась возможность трудоустройства в соответствии с избранной специальностью, их возрастом и способностями.

К началу XX в. в мужском отделении исправительного приюта, рассчитанного на 60 человек, призревались несовершеннолетние преступники по приговорам окружного суда и мировых учреждений, а также бесприютные и нищие подростки по постановлению правления приюта. Призреваемые в отделении обучались грамоте по программе начальных народных училищ и сапожному, столярно-токарному и слесарному ремеслам. В женском отделении, рассчитанном на 10 человек, наряду с заботами о правильном физическом, религиозно-нравственном и умственном развитии несовершеннолетних преступниц, обучением их предметам по программе начальных народных училищ воспитанницам предоставлялась возможность ознакомления с каким-либо ремеслом, способным в будущем обеспечить им более или менее стабильный заработок.

Главным распорядительным органом исправительного приюта являлось правление, председателем которого был представитель духовного сословия. В число членов правления входили депутаты от Кубанского казачьего войска, Екатеринодарского окружного суда, Екатеринодарского съезда мировых судей, Екатеринодарской городской думы, Екатеринодарских медицинского, купеческого и мещанского обществ, священно-церковно служители, а также члены Кубанского областного комитета Общества попечительного о тюрьмах. Указанное многообразие состава правления объяснялось тем, что сословными учреждениями в стенах приюта содержались подростки, не имеющие права призреваться в каких-либо других благотворительных заведениях.

Учитывая размеры затрат, произведенных к началу XX в. Обществом исправительных приютов на содержание их заведений и чис-

ло призреваемых ими воспитанников, можно заключить, что Кубанским исправительным приютом на содержание каждого из подростков тратилось в среднем 244 руб.

Вместе с тем, несмотря на традиционно высокую роль всех вышеперечисленных благотворительных учреждений в деле обеспечения мест заключения, оказания постпенитенциарной помощи и осуществления патроната над исправительными заведениями для малолетних правонарушителей, с середины 90-х гг. XIX в. государство постепенно начинает сокращать права подобных организаций. Кроме того, практически непреодолимым препятствием на пути повышения эффективности работы данных учреждений становится резкое ограничение финансирования их деятельности со стороны государства, обусловившее постепенное превращение подобных структур в придаток бюрократического аппарата.

Проблема безработицы, усугублявшая во второй половине XIX в. положение лиц, покинувших исправительные заведения по истечении срока наказания, в большинстве случаев вынуждала их пополнять ряды профессиональных нищих. Согласно первой всероссийской переписи 1897 г. их количество достигло полумиллиона¹. В целях ликвидации последствий подобного негативного явления в конце XIX в. была разработана программа устройства домов трудолюбия, которые должны были охватить различные сферы деятельности – от предоставления работы нуждавшимся до создания сети институтов призрения (сиротских домов, столовых, убежищ и дешевых квартир). В ведении Попечительства о домах трудолюбия и работных домах находилось 66 % всех учреждений трудовой помощи, общее количество которых к 1898 г. составляло 187².

Попечительство о домах трудолюбия и работных домах являлось одним из крупнейших благотворительных ведомств на рубеже XIX–XX вв. Созданное в 1895 г., оно уже к 1902 г. располагало 135 домами трудолюбия с капиталом в 1 млн 126 тыс. руб.³

¹ См.: История социальной работы в России: Учеб. пособие / Под ред. М. В. Фирсова. М., 1998. С. 169.

² См.: Вестн. благотворительности. 1901. № 7–8. С. 98.

³ См.: Социальная работа / Под ред. В. И. Курбатова. Ростов н/Д, 1999. С. 24.

Данное Попечительство находилось под покровительством императрицы Александры Федоровны и имело целью содействовать устройству домов трудолюбия, а также оказывать поддержку к дальнейшему развитию существовавших благотворительных заведений подобного рода. В круг задач домов трудолюбия входило оказание помощи бывшим заключенным, бездомным, выписанным из больниц и не имеющим средств к существованию, и вообще всем впавшим в крайнюю нужду людям посредством представления им приюта и возможности честным путем заработать деньги на пропитание.

Средства Попечительства складывались:

а) из сумм, имевшихся в распоряжении Министерства внутренних дел, в размере 500 тыс. руб.¹; б) доходов из других источников и с недвижимых имуществ попечительства; в) единовременных и ежегодных членских взносов; г) денежных и материальных пожертвований как членов попечительства, так и посторонних лиц; д) сборов с концертов, спектаклей и т. п. Выделенные из сумм общественного призрения средства, а также единовременные членские взносы образовывали неприкосновенный капитал Попечительства, в который поступали, кроме того, пожертвования по назначению самих жертвователей и определенная часть от всех доходов Попечительства.

Ввиду того что в Кубанской области позднее, чем в центре России, появились крупные торгово-промышленные города, выступавшие в качестве мест концентрации социально незащищенных слоев населения, на этой территории долго не создавались учреждения трудовой помощи, в результате чего названные органы не смогли значительно сократить масштабы нищеты (по данным всероссийской переписи 1897 г. на территории Кубанской области насчитывалось 0,14 % от общего числа жителей империи)².

Общее число лиц, нуждавшихся в благотворительной помощи, по России к 1908 г. составило 5,4 % от всего населения империи (для сравнения: в США – 0,58 %, Вели-

кобритании – 1,6 %, Италии – 2,6 %, Германии – 3,4 %, Франции – 4 %, Швейцарии – 4,5 %, Норвегии – 7,6 %)³.

Особого внимания в общей массе нуждавшихся заслуживали такие категории лиц, как душевно-больные, слепые и глухонемые, престарелые и дряхлые, немощные и калеки. В частности, в 1908 г. в России насчитывалось: слепых – 0,2 % населения страны, калек – 0,55 %, старых и дряхлых – 0,14 %, немощных – 0,2 %, глухонемых – 0,12 % и душевно-больных – 0,25 %, что составило в совокупности 1,46 % населения всей страны, или 27 % от общей массы нуждавшихся в помощи людей⁴.

Еще одной эффективной формой оказания социальной помощи нуждавшимся во второй половине XIX в. являлись заведения, выполнявшие трудовую функцию и осуществлявшие профилактические меры по предотвращению нищеты посредством обучения ремеслам и приобщения к труду. Данные учреждения выступали существенным подспорьем в облегчении деятельности общества и государства по призрению социально незащищенных слоев населения.

Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод, что благотворительная деятельность, имевшая государственно-общественный характер, выразилась в наиболее эффективных формах организации оказания социальной помощи нуждавшимся и проявлялась в воспитательно-образовательной, амбулаторной, врачебно-санитарной и исправительно-трудовой деятельности благотворительных учреждений. Выражением государственного начала в деятельности последних стала значительная финансовая поддержка государства, а также «высочайшее покровительство» их практики со стороны членов императорской фамилии, участие которых проявлялось в осуществлении общего надзора за функционированием данных учреждений, утверждении их отчетности, а также производстве кадровых назначений.

¹ См.: Фальворк Г., Чарнолуский В. Внешкольное образование. СПб., 1905. С. 256.

² См.: Благотворительность в России: В 2 т. СПб., 1904. Т. 1. С. 15, 71.

³ См.: Ильинский В. Л. Благотворительность в России. История, настоящее положение и задачи // Библиотека церковного реформатора на 1908 год: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 19.

⁴ См.: там же. С. 18.

Общественное участие в деятельности благотворительных учреждений заключалось в привлечении существенных членских взносов, материальных и денежных пожертвований, проявлении значительного интереса общественности к проведению большинства благотворительных акций на местном уровне. Стимулированием данной деятельности в определенной степени служила организационная структура этих учреждений, предполагавшая существование местных отделений как на губернском, областном, так и на уездном уровнях. Условия для активизации общественной инициативы создавало и наличие у ряда учреждений собственных печатных органов, занимавшихся освещением деятельности благотворительных заведений и литературных дискуссий по проблемам оказания социальной поддержки нуждавшимся.

Профильный характер благотворительных учреждений обуславливал как предоставление помощи определенного вида, так и осуществление призрения в отношении различных категорий нуждавшихся. Способствуя концентрации усилий общественности на конкретных направлениях социальной деятельности, подобная дифференциация в оказании помощи отчасти компенсировала неспособность государственных органов управления проводить действенную социальную

политику в отношении незащищенных категорий населения. Однако в силу консервативно-бюрократического характера государственных институтов и отсутствия развитых форм правосознания в дореволюционной России учреждения общественной благотворительности второй половины XIX в. оказались не в состоянии обеспечить социальную стабильность в российском обществе.

Вместе с тем опыт, накопленный данными организациями, обретает особую актуальность и ценность именно сегодня, когда реформирование пенитенциарной системы требует активного участия общественности. Полагаем, одним из его направлений должно стать создание общественных попечительских советов при учреждениях и органах, исполняющих наказания.

Библиографический список

1. Благотворительность в России. В 2 т. Т. 1. – СПб., 1904.
2. Ильинский, В. Л. Благотворительность в России. История, настоящее положение и задачи / В. Л. Ильинский // Библиотека церковного реформатора на 1908 год. В 2 т. Т. 1. – СПб., 1908.
3. История социальной работы в России : учеб. пособие / под ред. М. В. Фирсова. – М., 1998.

М. И. Ключников,
*старший преподаватель кафедры
боевой и тактико-специальной подготовки
ВЮИ ФСИН России*

И. Я. Фойницкий о праве и неизбежности наказания

Известный русский правовед Иван Яковлевич Фойницкий (1847–1913 гг.) является одним из ведущих представителей отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX в., чьи общетеоретические работы, касающиеся различных областей уголовного права, не теряют своей актуальности. Не случайно его называют «учителем русских криминалистов»¹.

И. Я. Фойницкий является автором целого ряда фундаментальных трудов по уголовному праву, тюремоведению и уголовному процессу: «Курс уголовного судопроизводства», «Учение о наказании в связи с тюремоведением», «Уголовное право, его предмет и задачи», «Тюремная реформа и тюремоведение», «Русская карательная система» и др.

Особое место в творчестве И. Я. Фойницкого занимает учение о наказании, или пенология².

Согласно И. Я. Фойницкому, содержание учения о наказании образуют три вопроса: 1) о праве наказания; 2) применении наказания; 3) мерах наказания. При этом важнейшим из них является первый, поскольку заставляет задуматься о том, насколько необходимо наказание и нет ли

¹ Смирнов А. В. «Учитель русских криминалистов» (К 85-летию со дня смерти И. Я. Фойницкого) // Рос. юстиция. 1998. № 10. С. 59.

² См.: Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 7.

возможности достигнуть тех целей, которые оно преследует, другими мерами, более производительными и полезными.

Наказание, по мнению И. Я. Фойницкого, – это принуждение, применяемое к лицу, совершившему преступное деяние, представляющее собой нарушение, отрицание порядка жизни, сложившегося между людьми.

Право наказания означает «власть запрещения известных действий под угрозой наказания, преследования нарушителей таких запретов и применения к ним уголовной угрозы»¹. Важное значение в решении вопроса о праве наказания имеет определение субъекта и объекта наказания.

Единственным субъектом наказания выступает государство, карательная деятельность которого носит не личный, а публичный характер. При этом формальным основанием наказания является воля государственной власти.

И. Я. Фойницкий допускал, что государственная власть может передавать право наказания другим органам (городским, земским учреждениям) и общественным образованиям (семье, роду, общине, церкви), которые он называл производными субъектами карательной деятельности. Но при этом ученый подчеркивал, что наказание всегда применяется не в интересах отдельных лиц, а в интересах всего общества и представляет собой не столько право, сколько обязанность государства, от которой оно не может воздержаться.

Характеризуя государственность наказания, И. Я. Фойницкий сформулировал целый ряд отрицательных и положительных выводов, касающихся природы этого института.

Отрицательные выводы сводились к тому, что наказание как государственный институт нельзя смешивать:

- с возмездием за грехи;
- невыгодными последствиями, наступающими по законам природы вследствие их пренебрежения;
- угрызениями совести и внутренним беспокойством, следующим за дурными поступками;
- мерами необходимой обороны;
- общественным порицанием и др.²

Положительные выводы, вытекающие из государственности наказания, И. Я. Фойницкий сводил к следующему:

- наказание назначается и выполняется ради удовлетворения общих государственных интересов;
- применение наказания создает между наказывающим государством и наказываемым определенные отношения, регулируемые нормами публичного права;
- наказание должно быть равным для всех;
- мерами наказания могут быть только те, которые находятся в зависимости от государства³.

По мнению ученого, наказание как правовой институт основывается на разнообразных потребностях человека, ради удовлетворения которых оно назначается. Данные потребности И. Я. Фойницкий классифицировал следующим образом:

- 1) потребности материального существования;
- 2) чувственные, или сенсуальные, потребности;
- 3) умственные, или интеллектуальные, потребности.

«Потребности материального существования вызывают реакцию, отпор против всего, что вредит такому существованию личности и государства; потребности чувственные сообщают этой реакции характер нравственной необходимости; потребности умственные выдвигают требование о соответствии между вредом и репрессией»⁴. При этом интересной представляется аллегория, которую приводит ученый: Фемида – богиня юстиции выражает охарактеризованные потребности в символической форме: меч является эмблемой потребностей материального существования, женская фигура с повязкой на глазах – эмблема сенсуальных потребностей, весы – эмблема интеллектуальных потребностей.

Основная характеристика наказания заключается в его индивидуальности, означающей, что наказание всегда ограничивается личностью, совершившей преступное деяние, прекращается со смертью виновного и не переходит на третьих лиц ни по порядку представительства, ни по наследованию.

¹ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 8.

² См.: там же. С. 30–31.

³ См.: там же. С. 31–32.

⁴ Там же. С. 29.

Личная природа наказания проявляется и в том, что оно обращается на личные блага – жизнь, здоровье, свободу, честь или полнoprавность наказываемого. Следовательно, по мнению И. Я. Фойницкого, любое наказание представляет собой «личное страдание или лишение, чувствительное для наказываемого»¹.

Сущность лишения состоит в подчинении наказываемого индивида наказывающему его государству, т. е. наказание носит принудительный характер. При этом принуждение может быть непосредственным (физическим) или посредственным (психическим или духовным). В обоих случаях наказание является мерой общественного самосохранения и назначается в целях безопасности, устрашения, исправления.

На основании характеристики природы и целей наказания И. Я. Фойницкий выделяет следующие свойства наказания:

1) справедливость – должно применяться только к виновному лицу, соответствовать как объективной тяжести посягательства, так и субъективной виновности, т. е. обладать гибкостью и делимостью;

2) восстановимость – при его назначении следует избегать лишения таких благ (например, жизни), которые государство не в состоянии вернуть в случае обнаружения судебной ошибки;

3) целесообразность – должно достигать тех целей, которые им преследуются;

Д. Н. Краев,

*адъюнкт Нижегородской академии
МВД России*

ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ И УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В 1932–1945 гг. (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В 1920-х гг. в СССР существовала легитимационная система, т. е. документом, удостоверяющим личность, признавались не только выписки из домовых книг, различные справки, но и студенческие либо читательские билеты и т. д. При этом не требовалось наличия каких-либо специальных служб. Однако к началу 1930-х гг. на-

4) экономичность – необходимо выбирать такой его вид, который будет способствовать достижению цели с наименьшей затратой для общества сил и средств;

5) чувствительность – должно быть неизбежным и неминуемым для виновного.

Таким образом, И. Я. Фойницкий приходит к выводу, что порядок жизни, установившийся между людьми, может существовать только при условии его охранения от нарушения и последующего восстановления. В этой связи необходимость наказания, которое представляет собой меру охранения против преступных деяний системы правопорядка, неизбежна.

Библиографический список

1. *Бородинова, А. С.* Встреча с Фойницким / А. С. Бородинова // Рос. юстиция. – 2007. – № 10.

2. *Смирнов, А. В.* «Стратегии уголовного судопроизводства». К 160-летней годовщине со дня рождения профессора И. Я. Фойницкого / А. В. Смирнов // Рос. правосудие. – 2008. – № 3.

3. *Смирнов, А. В.* «Учитель русских криминалистов». (К 85-летию со дня смерти И. Я. Фойницкого) / А. В. Смирнов // Рос. юстиция. – 1998. – № 10.

4. *Фойницкий, И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – М., 2000.

зрела острая необходимость очистить населенные места от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов. Решить данную проблему можно было только посредством введения паспортного режима. Согласно Положению о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР (1932 г.) «работа, связанная с организацией и проведением паспортной системы и пропиской паспортов», возлагалась на органы милиции².

Их задачи, функции и полномочия конкретизировались в постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов»³.

² См.: *Андрюшин Е.* 1932 год и осколок будущей теории // http://www.situation.ru/app/j_art_345.htm.

³ См.: Собр. законов и распоряжений. 1932. № 84.

¹ *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. С. 53.

Следует отметить, что паспортизация населения в этот период и последующие годы, с одной стороны, несомненно, способствовала повышению эффективности работы милиции по выявлению уголовных элементов и борьбы с ними, но, с другой стороны, явилась очередным ограничением личных прав и свобод граждан сталинской авторитарной системы руководства и управления страной. Именно «... к началу 1930-х годов повсеместно происходят переход от диктатуры пролетариата к диктатуре партии и сращивание последней с аппаратом ОГПУ»¹.

К июлю 1937 г. паспортизация населения была закончена. Паспортные службы, выполнив возложенные на них задачи, влились в отделы и отделения служб в Управлении милиции НКВД, на сотрудников которых была возложена обязанность повсеместного поддержания паспортного режима в стране².

Восьмого июля 1939 г. НКВД СССР направил на места циркулярное письмо № 129 с требованием организовать контроль за своевременным и полным охватом регистрации населения. Однако в Кировской области данному вопросу не уделялось должного внимания.

Так, непосредственно перед началом войны работа паспортно-регистрационного отдела Управления милиции УНКВД Кировской области в докладе «Об итогах социалистического соревнования областного Управления милиции за 1-й квартал 1941 года» была подвергнута критике. Достаточно привести лишь две цифры: если в 1-м квартале 1940 г. выявлен 1 нарушитель паспортного закона на 8 проверяемых объектах, то в 1-м квартале 1941 г. – 1 нарушитель на 30 объектах.

Определенные недостатки отмечались и в работе оагс Управления милиции и органов загс области по выполнению постановления ЦИК и СНК СССР «О порядке и сроках регистрации рождений и смертей» от 27 июля 1936 г. Только за 5 месяцев 1941 г. в Кировской области было выявлено 584 случая неправильного оформления документов³.

¹ Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. М., 1979. С. 345.

² См.: История советской милиции: В 6 т. М., 1977. Т. 2. С. 20.

³ См.: ГАРФ, ф. 27, оп. 1, д. 40, т. 1, л. 207.

В условиях военного времени работа по поддержанию паспортного режима должна была проводиться в соответствии с новыми требованиями. В первую очередь Главное управление милиции НКВД СССР предписывало организовать следующие специальные мероприятия:

- установление порядка передвижения, документирования, проживания и прописки в военный период граждан, прибывших без паспортов в тыл в связи с военными событиями, и лиц, проживавших на временно оккупированной врагом территории;

- усиление паспортного режима в городах, населенных пунктах и на территории железнодорожных узлов оборонного и оборонно-хозяйственного значения; отнесение отдельных городов и промышленных центров к режимным местностям 1 и 2-й категории; перерегистрация паспортов у граждан, проживающих в режимных местностях, запретных зонах и пограничной полосе СССР;

- использование паспортной системы и регистрации военнообязанных в борьбе с дезертирством из Красной Армии и лицами, уклоняющимися от воинского учета, призыва и мобилизации.

Впоследствии в результате успехов Красной Армии на фронтах возникла необходимость восстановления паспортной системы в местностях, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. В связи с появлением большого количества эвакуированного населения новыми задачами для сотрудников паспортного аппарата явились своевременный учет и справочная работа с данной категорией граждан.

Кроме того, условия военного времени требовали ограничения на проезд населения железнодорожным и водным транспортом, поэтому сотрудники паспортных аппаратов должны были организовать выдачу специальных пропусков.

Указанная работа проводилась в целях оказания помощи фронту, укрепления тыла и недопущения в промышленные центры, пограничную полосу и запретные зоны страны вражеского и уголовно-преступного элемента. А такие случаи были. Вот что сообщалось, например, на страницах «Кировской правды» в ноябре 1941 г.: «Недавно органы милиции задержали гражданина Б. На руках у него имелся паспорт, но нет

прописки. Отсутствие прописки в паспорте вызвало подозрение. На допросе Б. признался, что он заслан в г. Киров для проведения диверсионной работы».

Другой эпизод: «...в одном из домов был задержан некто К., который жил здесь без прописки. В результате проверки оказалось, что это матерый преступник, имеющий несколько судимостей. В Киров он приехал с целью организации преступной деятельности»¹.

Советское правительство с первых дней войны потребовало от органов милиции предпринять самые решительные меры, направленные на строгое соблюдение правил прописки и выписки граждан, запрещалась замена старых паспортов на новые, также предписывалось проведение тщательных проверок в случаях утраты гражданами паспортов.

Плакаты военного времени призывали население к повышенной бдительности. «Каждый гражданин города и населенных пунктов, прилегающих к городу, должен беспрекословно соблюдать установленные в городе правила прописки. Жильцы квартир, общежитий, домов, должны следить за тем, чтобы ни один посторонний человек не мог укрыться, спрятаться в их доме».

В интересах соблюдения паспортного режима всем начальникам органов милиции следовало выдавать разрешения на прописку граждан только при личной их явке и требовать от военнообязанных обязательного представления наряду с паспортом военного билета или других заменяющих его документов. С лицами, не имевшими военных билетов, подтверждавших снятие их владельцев с воинского учета, предписывалось тщательно разбираться.

Для выявления граждан, которые не имели права проживать в г. Кирове либо прибыли из западных областей неорганизованным порядком, производились проверки общежитий, гостиниц города, в каждом домоуправлении выделялись ответственные лица для надзора за своевременной пропиской и выпиской таких граждан.

Органы милиции строго контролировали ведение домовых книг в домоуправлениях. В случаях нарушений виновные привлекались к административной ответственности.

Во время войны паспортный режим был серьезно нарушен, особенно в связи с эвакуацией населения. Большинство эвакуированных из прифронтовой полосы не имели при себе никаких документов и стремились расселяться в городах, крупных промышленных центрах восточных областей.

С целью исправить сложившуюся ситуацию, на основании постановления СНК СССР «Об утверждении Положения о прописке эвакуированных» был издан приказ НКВД СССР от 15 августа 1941 г. о выдаче специальных удостоверений всем гражданам, которые не имели документов, дающих право на выдачу паспортов. Данный приказ в дальнейшем сыграл большую роль в обеспечении граждан документами и сокращении излишних переездов эвакуированных с места на место².

Первого сентября 1941 г. НКВД СССР принимает циркуляр № 226 о максимальном усилении работы по проверке домоуправлений, бараков, общежитий, предприятий и учреждений и проведении ряда других мероприятий по поддержанию паспортного режима.

В условиях военного времени возросло политико-экономическое значение ряда городов. Это было обусловлено тем, что по ходатайству ряда местных партийно-советских органов решением правительства государства расширился список режимных городов.

В целях недопущения вражеского и преступного элементов в крупные промышленные центры и очистки последних от данных элементов в 1942–1943 гг. вновь были отнесены к числу режимных местностей 1-й категории 16 городов и ко 2-й категории – 15 городов и 2 района. Кроме того, из числа режимных городов 2-й категории 10 городов было отнесено к режимным 1-й категории.

Это потребовало от органов милиции проведения особых дополнительных мероприятий, в результате которых из режимных городов было удалено 15 553 человека.

В конце января 1943 г. к числу городов 2-й режимной категории был отнесен и г. Киров.

Восемнадцатого января 1943 г. первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) И. О. Лукьянов отправил письмо на имя

¹ Наймушин В. Что скрывается за правонарушением правил паспортной системы? // Кир. правда. 1941. 14 нояб.

² См.: ГАРФ, ф. 27, оп. 1, д. 40, л. 105.

Г. М. Маленкова и Л. П. Берия следующего содержания: «В связи с войной и эвакуацией в Киров целого ряда крупных оборонных заводов город превратился сейчас в крупный центр оборонной промышленности. В городе расположены заводы № 33 Наркомтанкопрома, заводы № 32, 266 Наркомавиапрома, № 57 Наркомвооружения, № 768 Наркомминметного вооружения, в области вступает в строй завод № 324 Наркомата боеприпасов. Большое количество старых предприятий г. Кирова в настоящее время заняты также выпуском боеприпасов, вооружения и снаряжения для Красной Армии. Так, целиком или в большей степени переведены на выпуск боеприпасов и вооружения заводы «Физприбор № 2» Наркомпроса РСФСР, «МСЗ им. 1 мая», Фабрика металлоизделий, Механический завод Облместпрома. В самом городе и вблизи его расположены сейчас ТЭЦ-1, ГЭС-1, 2, К-4, ТЭЦ предприятий. Население города за 1942 год выросло на 45690 человек и составляет сейчас более 185 тыс. человек.

Вместе с тем Киров является железнодорожным узлом, через который проходит основная железнодорожная магистраль страны Москва–Владивосток, а также линии: Киров–Котлас, Киров–Горький, Киров–Слободской. <...>

Ссылка на протяжении ряда лет в Киров антисоветских элементов, оседание в городе освобождающихся из Вятлага заключенных засоряют город контрреволюционным и уголовным элементом, вызывая этим увеличение числа грабежей, воровства, убийств, и создают угрозу промышленным предприятиям. В 1942 году по линии уголовного розыска арестовано 2614 человек, причем подавляющее большинство их – рецидивисты и уголовники. По сравнению с прошлым годом (1941) преступность в городе увеличилась более чем в 1,2 раза.

В целях обеспечения безопасности промышленных предприятий и железнодорожного транспорта, ограждения трудящихся города от действий уголовно-бандитских элементов Обком ВКП(б) просит ЦК ВКП(б) отнести г. Киров к режимным городам 2-й категории.

Проведение этого мероприятия даст возможность выселить из Кирова более 3000 человек контрреволюционеров и уголовников и прекратить дальнейшее оседа-

ние их в городе»¹. Характерно, что данный вопрос был решен в очень сжатые сроки, о чем свидетельствует виза И. О. Лукьянова на обороте копии письма: «... 26.01 тов. Берия сообщено, что Киров отнесен к числу режимных городов 2-й категории». Бесспорно, проведенные органами милиции мероприятия и положительное решение данного вопроса позволили оздоровить оперативную обстановку в городе. Кроме того, посредством высылки из города лиц указанных категорий предполагалось в какой-то мере разрешить остро стоящую в городе жилищную проблему.

В связи с тем, что в оккупированных областях врагу удалось захватить большое количество бланков паспортов, экземпляров Положения о паспортах, инструкций по его применению, печатей и штампов, специальным постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 21 февраля 1942 г. предписывалось провести перерегистрацию паспортов с обязательной вклейкой в них контрольных листов в режимных местностях, запретных зонах, пограничных полосах Союза СССР. В контрольном листке, изготовленном по заказу Главного управления милиции НКВД СССР, указывались номер и серия паспорта, фамилия, имя, отчество гражданина и время вклейки данного листка. Эти сведения скреплялись гербовой печатью органа милиции и подписывались начальником милиции и паспортного стола.

Данная работа, как показали дальнейшие события, потребовала больших подготовительных мероприятий и была проведена удовлетворительно. Всего было перерегистрировано 12 795 928 паспортов и выявлено 18 007 чел., подпадающих под паспортные ограничения, из которых 12 929 чел. были удалены из режимных областей, 460 – арестованы, а остальные оставлены для работы на промышленных предприятиях.

В рассматриваемый период выявлялись также поддельные и подложные паспорта, в связи с чем в режимных местностях были введены должности инспекторов-экспертов, с которыми в августе 1942 г. в Москве провели специальные двухнедельные курсы. Эти должностные лица проверяли паспорта рабочих и служащих оборонных предприятий.

¹ ЦДНИ, ф. 1290, оп. 8, д. 70, л. 116.

Кроме того, была усилена работа с негласным аппаратом. Участковым уполномоченным во всех домовладениях и городах, населенных пунктах сельской местности вменялось в обязанность иметь доверенных лиц. В результате этих мероприятий только за 1942 г. количество проверяемых объектов, как и число выявленных нарушителей значительно увеличилось. В частности, в 1942 г. было выявлено 13 300 418 нарушителей паспортного режима, а за 1-й квартал 1943 г. – 225 729 чел. В их числе: проживающих без паспортов – 129 586 чел., с просроченными паспортами – 178 635 чел., без прописки – 493 095 чел.

К административной ответственности в 1942 г. было привлечено 900 255 чел., наложено штрафов на сумму 50 221 514 руб., взыскано штрафов на сумму 34 395 313 руб., осуждено 34 847 нарушителей¹.

По указанию НКВД СССР органы милиции страны в период до 1 марта 1943 г. провели тщательную проверку граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы.

Так, в Кировской области на места было направлено письмо обкома ВКП(б), в котором, в частности, говорилось: «Учитывая важность этого мероприятия, обком обязывает райкомы партии оказать милиции практическую помощь в проведении учета эвакуированных путем выделения необходимого количества партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников.

Через районную печать, радио и в беседах с самими эвакуированными широко разъяснять цели и задачи проводимой работы».

В результате перерегистрации эвакуированных граждан было принято на учет 6 383 359 чел.

В течение 1942 г. и января–апреля 1943 г. в Центральное справочное бюро поступило 3 458 248 запросов об установлении местожительства эвакуированных.

К середине войны, как было отмечено в докладе начальника паспортной службы Главного управления милиции НКВД СССР, работа паспортных аппаратов на местах значительно усилилась благодаря следующим мероприятиям:

– планы работы паспортных аппаратов стали согласовываться с отделами уголовного розыска;

– оперативно использовались компрометирующие данные во время прописки граждан;

– изучались причины проживания граждан без паспортов, анализировался состав лиц этой категории и информировались аппараты уголовного розыска;

– регулярно проводились совместные рейды оперативных работников уголовного розыска с участковыми уполномоченными по подвалам и чердакам;

– удалялись из режимных местностей лица, не работавшие более 3 месяцев, согласно п. «д» Положения о паспортах².

Большую работу по восстановлению утраченных паспортов проводили паспортные подразделения на освобожденной от врага территории. Только в 1944–1945 гг. получили документы 37 млн чел. В ходе этой кампании было выявлено: пособников фашистов – 8 187 чел., бывших полицейев – 10 727 чел., служащих немецких учреждений – 73 269 чел., граждан, имевших судимость – 2 221 чел.

Работу сотрудников паспортных аппаратов Кировской области в 1-м квартале 1945 г. характеризуют следующие цифры: «...был выявлен 3 791 нарушитель паспортного режима. Всего привлечено к уголовной ответственности, оштрафовано и предупреждено 2 768 человек. Наложено штрафов на сумму 160 710 рублей. Выявлено военнообязанных, нарушивших военно-учетные правила, 505 человек. Продолжалась работа по розыску родителей потерявшихся детей»³.

Таким образом, как показывает анализ правоприменительной практики органов внутренних дел в очень сложный для нашей страны период, меры, принятые правительством, были беспрецедентными, жесткими, но необходимыми для защиты интересов общества и сохранения государства.

Библиографический список

1. Иванов, В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг. / В. А. Иванов. – М., 1979.

2. История советской милиции. В 6 т. Т. 2. Советская милиция в период социализма (1931–1947 гг.). – М., 1977.

3. Наймушин, В. Что скрывается за нарушением правил паспортной системы? // Кир. правда. – 1941. – 14 нояб.

¹ См.: ГАРФ, ф. 9415. оп. 3, ед. хр. 1405, л. 6.

² См.: ЦДНИ, ф. 1290, оп. 9, д. 32, л. 3.

³ ГАРФ, ф. 9415, оп. 3, ед. хр. 1405, л. 10.

М. В. Лукашин,
*преподаватель кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности
Академии управления МВД России*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С момента окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. прошло уже более 60 лет, однако до сих пор в результате раскопок в местах бывших боев обнаруживаются не захороненные останки павших воинов. Проведение таких мероприятий на территории Российской Федерации регламентируется Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ¹, чьи положения определяют статус данных объектов, направлены на их защиту, в том числе и воинских захоронений (мемориалов или отдельных могил), зарегистрированных в органах государственной власти.

Однако к этой категории закон не отнес территории, где проводились боевые действия. Поэтому каждый желающий может, по сути, осуществлять там поиск и раскопки останков погибших в годы войны и принадлежащих когда-то им вещей, предметов, в том числе и оружия².

Как правило, такого рода мероприятия осуществляются так называемыми следопытами на территориях Ленинградской, Новгородской, Псковской и Смоленской областях, где шли наиболее тяжелые и затяжные бои. Проведенный анализ уголовных дел и дел оперативного учета показал, что 73,2 % задержанных лиц, считающих себя следопытами, нигде не работали, осуществляли поиск и реставрацию оружия с целью сбыта. Это оружие поступает в незаконный оборот и используется в 10 % случаев при совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Только 5,4 % из числа задержанных искали оружие для пополнения личных коллекций. За последнее время

участились случаи продажи такого оружия лицами, употребляющими наркотические средства³. Все это свидетельствует о том, что в сферу данного вида «бизнеса» попадают не случайные лица, а те, кто рассматривает преступную деятельность в качестве одного из источников своих доходов.

Одним из направлений совершенствования организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с незаконным оборотом оружия времен Великой Отечественной войны является своевременное выявление ранее неизвестных лиц (следопытов), представляющих оперативный интерес, фактов их противоправного поведения, а также причин и условий, способствующих их преступной деятельности. Результаты интервьюирования сотрудников криминальной милиции по проблемным вопросам раскрытия преступлений, связанных с раскопками оружия, показали, что наиболее эффективным для решения этой задачи является использование конфиденциального содействия (78,7 %).

Таким образом, располагая сведениями о лицах, склонных к совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, и учитывая оперативную обстановку на обслуживаемой территории, можно достаточно четко определить круг лиц, среди которых необходимо проводить сбор первичной оперативной информации для последующей ее реализации по делам оперативного учета. Так, в августе 2005 г. в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий недалеко от пос. Налючи Новгородской области были задержаны семь человек в возрасте от 27 до 47 лет, которые пытались продать пулемет Дегтярева. В дальнейшем у них были изъяты: 1 пулемет «максим», 8 винтовок системы Мосина, 7 стволов от пистолета «парабеллум», четыре рюкзака с деталями и частями стрелкового оружия времен войны⁴.

В декабре 2006 г. в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий были задержаны жители с. Первомайское Брянской области. В ходе обыска у них было изъято 5 стволов с затворами винтовок

¹ См.: Рос. газ. 2002. 29 июня.

² См.: Об оружии: Федер. закон от 13 нояб. 1996 г. № 150-ФЗ. Ст. 1, пп. 2, 3 // Оружие: закон, лицензирование, правила. М., 1997. С. 3–25.

³ См.: Детективные истории: «Что скрывает лес» // <http://www.REN.TV>. 6 февр. 2008 г.

⁴ Источник: РИА Новости – Северо-Запад. 2005. 28 авг.

системы Мосина, 17 гранат РГ-42 и свыше 500 патронов различного калибра, которые они намеревались продать.

Положительным примером по организации выявления и раскрытия преступлений в рассматриваемой сфере может служить опыт, накопленный УВД по Новгородской области. В период с 1941 по 1942 г. на территории Холмского и Демянского районов области проходили ожесточенные бои по уничтожению немецкой группировки вермахта, взятой в так называемый Демянский котел. В результате с обеих сторон погибли свыше 100 тыс. солдат и офицеров, в том числе практически вся дивизия СС «Мертвая голова»¹.

Особенностью данной местности являются большие лесные массивы и обширные торфяные болота, в которых при отсутствии доступа кислорода процессы коррозии протекают медленно и таким образом создаются отличные условия для сохранения оружия. Во второй половине 40 – начале 50-х гг. XX в. силами Министерства обороны СССР и МВД СССР были осуществлены поисковые мероприятия по сбору и уничтожению оставшихся со времен войны боевой техники и оружия, захоронению останков павших воинов. Однако большая их часть осталась в окопах, в воронках от разорвавшихся снарядов, блиндажах, сохранившихся в лесных массивах и болотистых местностях.

В соответствии с постановлением администрации Новгородской области «Об областной целевой программе “Увековечивание памяти погибших при защите Отечества на территории области на 2005–2008 гг.”» от 15 февраля 2005 г. № 36² и при ее финансовой поддержке на территории области ежегодно проводится поисковая экспедиция «Долина», цель которой – поиск останков погибших и их перезахоронение. Работы в данном направлении проводятся в основном в весенне-осенней период и в среднем в них принимают участие до 1000 человек (примерно 80 поисковых отрядов), которые прибывают из различных регионов Российской Федерации (Центральная Россия, Сибирь, Поволжье, Урал, Татарстан, Чувашия). Все прибывающие для участия в мероприятии

обязаны зарегистрироваться в штабе экспедиции «Долина». Работа поисковых отрядов тщательно планируется штабом экспедиции на основе изучения архивных документов, карт, воспоминаний местных жителей. Только после этого каждому отряду следопытов определяется район поиска.

С целью выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с поступлением оружия, обнаруженного в районе поиска, в незаконный оборот, УВД по Новгородской области осуществляет оперативное сопровождение поисковой экспедиции «Долина» – проводит оперативно-профилактическое мероприятие под условным наименованием «Трофей». В соответствии с п. 2.4 областной целевой программы приказом начальника УВД по Новгородской области для координации действий служб и подразделений органов внутренних дел создается оперативный штаб, составляется и утверждается план проведения оперативно-розыскных мероприятий, определяется система отчетности. Руководителем штаба назначается первый заместитель начальника УВД – начальник криминальной милиции.

Существенную сложность в выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, найденного в местах бывших боев, вносит и географическое положение районов поиска: большие лесные массивы, близость к крупным населенным пунктам, автомобильным трассам и железнодорожным узлам. Указанные факторы не позволяют надежно локализовать «расползание» обнаруженного оружия и осуществить полный контроль деятельности следопытов только силами подразделений милиции общественной безопасности УВД по Новгородской области.

Оперативное сопровождение проводится гласными и негласными методами. В первом случае в поисковые отряды направляются мобильные группы, созданные из числа сотрудников МВД России (патрульно-постовая служба, участковые уполномоченные милиции и МЧС России, которые определяют порядок изъятия, транспортировки, уничтожения найденного оружия и боеприпасов. На дорогах, ведущих к населенным пунктам и автотрассам, выставляются дополнительные посты дорожно-постовой службы ГИБДД. Кроме того,

¹ См.: Залесский К. СС. Охранные отряды НСДАП. М., 2004. С. 347.

² См.: Новгород. ведомости. 2005. № 31–32.

практикуется проведение внезапных проверок в местах дислокации поисковых отрядов с целью обнаружения оружия и боеприпасов, не сданных в установленном порядке. На основании полученной из конфиденциальных источников оперативной информации в отношении участников экспедиции проводится их досмотр перед отъездом к месту жительства в соответствии с действующим законодательством¹.

В 2007 г. только за весенний период проведения экспедиции, в ходе оперативно-розыскных мероприятий было обнаружено и изъято 235 единиц оружия, свыше 8000 патронов различного калибра, 35 гранат, 4 мины и 18 снарядов времен войны. Возбуждено 22 уголовных дела по ст. 222 УК РФ. Досмотрено свыше 5 тыс. транспортных средств.

Одной из задач, стоящих перед конфиденциальными источниками по выявлению «черных» следопытов, осуществляющих несанкционированные раскопки в районе проведения поиска, а также лиц, не сдавших в установленном порядке оружие, является обнаружение тайников с оружием. В большинстве случаев такие места складирования используются местными жителями, проживающими в районе проведения поисковых работ. Они извлекают оружие уже после окончания экспедиции с целью его реставрации и сбыта. Так, в ходе реализации материалов по делам оперативного учета, заведенных в отношении лиц, занимающихся приобретением оружия,

был задержан сотрудник ОАО «Акрон». По месту работы у него были изъяты 2 отстрелянных пулемета Дегтярева и автоматы «ППШ», большое количество запасных частей к различным видам оружия времен Великой Отечественной войны.

Таким образом, опыт организации и проведения УВД по Новгородской области оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия времен Великой Отечественной войны, необходимо изучать и распространять в органах внутренних дел тех регионов, где во время войны велись боевые действия. Это не только повысит эффективность проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению лиц, занимающихся поиском и раскопками останков погибших солдат в годы войны, но и обеспечит высокое качество документирования и раскрываемость совершаемых «черными» следопытами преступлений в сфере незаконного оборота оружия.

Библиографический список

1. Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Рос. газ. – 2002. – 29 июня.
2. Об оружии : федер. закон от 13 нояб. 1996 г. № 150-ФЗ // Оружие: закон, лицензирование, правила. – М., 1997.

А. В. Попович,
*аспирант кафедры теории и истории
государства и права Московского
гуманитарно-экономического института*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА КАТОРГИ И ССЫЛКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Коренные государственные преобразования, произошедшие в России в XIX в., были связаны с созданием министерств и систематизацией законодательства. Затронули они и область исполнения наказаний.

¹ См.: Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации. Ст. 27.7 // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

В рассматриваемый период появились первые отраслевые законодательные акты, регулирующие основные вопросы уголовно-исполнительного характера, а правовая регламентация системы мест лишения свободы обрела логическую завершенность. Ранее разрозненные пенитенциарные документы были объединены в Уставе о ссыльных 1822 г. и Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1832 г. Постепенно усиливалась степень законности при исполнении наказаний в виде лишения свободы. Так, например, в 1822 г. было законодательно закреплено решение о том, что ссылка назначалась строго по приговорам судебных установлений.

Первым общегосударственным законодательным актом, целиком посвященным

вопросам каторги и ссылки, стал принятый в 1822 г. Устав о ссыльных (далее: Устав). Данный нормативный акт, внесший значительные изменения в порядок отбывания наказания в виде ссылки и каторжных работ наряду с Уставом о содержащихся под стражей вошел в т. XIV Свода законов Российской империи 1832 г.

Институту наказания в виде лишения свободы в этом томе отводилось 832 статьи, из которых 661 статья была посвящена ссылке и каторге, а 171 – тюремному заключению¹. Такое соотношение статей о ссылке и тюрьме свидетельствовало о той роли, которую последняя играла в истории России. Начиная с Соборного уложения 1649 г., ссылка в различных ее проявлениях интересовала законодателя гораздо больше, чем тюремное заключение.

Все ссыльные по Уставу, в разработке которого принимал самое активное участие М. М. Сперанский, делились на приговоренных к каторге и приговоренных к ссылке на поселение, что во многом способствовало сближению ссылки и каторги как видов наказания.

Каторга была срочной и бессрочной, однако и для последней законодательно был установлен предельный срок отбывания – 20 лет, по истечении которого осужденный освобождался и получал право либо остаться работать на том же предприятии, либо «поступить на вольное пропитание в ближайшие к этому предприятию казенные волости». Лиц, приговоренных к срочной каторге, после отбывания наказания закон предписывал «обращать согласно приговору», а в случае, если приговором ничего не определено, направлять на поселение вместе со ссыльными. Военнослужащие, находившиеся в ссылке, поступали в распоряжение военного ведомства.

Приговоренные к каторге содержались в специальных тюрьмах на общем заключении. Свободное от работы время, а также праздничные дни каторжные также проводили в остроге. Каких-либо мер нравственного воздействия на осужденных Устав не содержал: «...они рассматривались дейст-

вительно как отпетые люди, ни для какого влияния непригодные».

Однако Устав достаточно подробно останавливался на ответственности каторжных за их проступки, система наказаний за которые была крайне сурова (тюремное заключение, различные виды телесных наказаний, содержание в оковах, содержание в карцере на хлебе и воде). Некоторое смягчение было сделано лишь в виде отмены шпицрутен в 1871 г.²

Для сосланных на поселение Устав определял порядок отбывания наказания, основанный на принципе постепенности. В течение срока заключения, указанного в приговоре суда, преступник оставался в распоряжении местной администрации, которая помещала его в один из 6 установленных законом разрядов: временные заводские работники, дорожные работники, ремесленники, цеховые слуги, поселенцы, способные к сельскохозяйственным работам, а также лица, не способные к работе. Затем осужденный получал свободу и мог «записываться и водворяться, где пожелает, по всем сибирским губерниям и областям».

Несмотря на то, что Устав регламентировал лишь два вида ссылки (каторга и поселение), практика исполнения наказания в виде лишения свободы в России в первой половине XIX в. знала и другие формы ссылки, а именно: ссылку на жительство и административную ссылку³. Ссылка на жительство применялась как административная мера за незначительные преступления (например первую кражу) или в качестве помилования. Она делилась на срочную и бессрочную; однако законодатель не указывал конкретных сроков заключения, их назначение относилось к компетенции суда. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 4 января 1839 г. «сосланные на жительство сохраняли все гражданские права, кроме выезда из Сибири, подлежали обязательной приписке к сословию крестьян или

¹ См.: Свод законов Российской империи. Спб., 1833. Т. 14.

² См.: Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / Сост. Т. М. Лопато. Пермь, 1903. С. 231.

³ Ссылка на жительство, по мнению некоторых исследователей, является прообразом института колоний-поселений (см., напр.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. СПб., 2004. С. 140).

мещан с правом по истечении 3 лет вступать в купеческое общество»¹.

Устав, несмотря на свои очевидные достоинства, не мог предусмотреть всех без исключения аспектов исполнения наказания в виде ссылки и каторжных работ. Одной из главных забот правительства императора Николая I было быстрое увеличение контингента сосланных в Сибирь, что вызывало трудности в управлении и надзоре за осужденными. По этой же причине попытки властей привлечь наибольшее число ссыльных к труду на практике очень часто терпели неудачу. Заводы и фабрики, переполненные каторжными, были не в состоянии принять огромное число ссыльных². Как отмечает в одной из своих работ известный исследователь института ссылки Е. Н. Анучин, «число ссыльных с 3000 человек в 1822 году возросло до 11 500 человек в 1827 году, и вплоть до принятия в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных составляло 7000 человек ежегодно»³. Сибирская администрация неоднократно поднимала вопрос о необходимости ограничения количества лиц, направляемых в ссылку в Сибирь.

Следует отметить, что власти не оставили без внимания данный вопрос. Сокращение числа арестантов было решено осуществлять двумя путями: во-первых, ссылать некоторые категории преступников в европейскую часть России, во-вторых, отдавать их в арестантские роты. Последние были созданы в 1827 г. в 33 губернских городах по инициативе императора Николая I, считавшего, что «чрез сформирование сих рот приобретены будут две главные выгоды: дешевый способ к устройству губернских городов и к производству разных городских работ и отмена издержек на отправление арестантов в Сибирь и продовольствие их в

пути»⁴. Таким образом, к середине XIX в. сибирские губернии были несколько разгружены от ссыльных, а основным местом отбывания наказания в виде ссылки стали в рассматриваемый период Европейская Россия и Кавказ.

По Своду законов Российской империи, изданному в 1842 г., ссылка занимала весьма значительное место: из 272 статей Свода, посвященных уголовным наказаниям, ссылка на каторгу упоминалась в 82 статьях, а ссылка на поселение (или простая ссылка) – в 124⁵. Ссылка на каторгу назначалась, как правило, за тяжкие уголовные преступления или в качестве замены смертной казни. В свою очередь, ссылка на поселение имела следующие виды:

- ссылка на поселение с лишением всех прав и наказанием плетьюми для лиц непривileгированных сословий;

- ссылка на поселение с лишением всех прав, но без наказания плетьюми для лиц привилегированных сословий;

- ссылка на поселение без лишения прав, но с наказанием плетьюми или с работами на казенных заводах для лиц непривileгированных сословий;

- ссылка на поселение без лишения прав и телесных наказаний, применявшаяся в основном за ереси и расколы и получившая название ссылка на жительство, или водворение.

Исполнение наказания в виде каторги и ссылки получило дальнейшее развитие с принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее: Уложение)⁶. Указанный правовой акт содержал довольно громоздкую систему наказаний, среди которых ссылка и каторжные работы занимали не последнее место. Сложность применения наказаний усугублялась сословным подходом, неопределенностью многих санкций, наличием большого числа отсылочных диспозиций. Многие дореволюционные исследователи отмечали несоответствие наказания тяжести совершенного преступления, а также невозможность

¹ Источник: *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 263.

² Проблема трудовой занятости осужденных актуальна и в наши дни. Согласно статистическим данным за 2006–2007 гг., трудовая занятость осужденных в среднем по России едва ли достигает 70 %.

³ *Анучин Е. Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь за период времени 1827–1846 гг. СПб., 1873. С. 22.

⁴ См.: Журнал Министерства внутренних дел. 1843. № 9. С. 57–59.

⁵ См.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1951. Т. 2. С. 38.

⁶ См.: Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1988. Т. 6. С. 160–173.

суда назначить меру наказания, выходящую за низший предел¹.

Сохраняя ссылку на каторгу и ссылку на поселение, Уложение добавило к ним ссылку на жительство (ст. 34), которая в рассматриваемом законе получила совершенно иное толкование. Этот вид ссылки относился к исправительным наказаниям, устанавливался пожизненно и назначался независимо от сословных различий (однако применение ссылки к осужденным низших сословий сопровождалось, как правило, телесными наказаниями). Сроки применения ссылки на жительство колебались от трех месяцев до десяти лет (ст. 35, 36). Как отмечал известный русский исследователь Н. С. Таганцев, «редакторы Уложения ввели это наказание для лиц привилегированных для того, чтобы продолжительностью этого наказания уравновесить соответствующие наказания для непривилегированных, всегда соединявшиеся с телесным наказанием розгами»².

Согласно ст. 19 Уложения ссылка на каторгу и ссылка на поселение относились к уголовным наказаниям и назначались за наиболее тяжкие преступления: отцеубийство (ст. 1920), повторное убийство или убийство близких родственников (ст. 1921, 1922), оскорбление святыни действием (ст. 223), поджог (ст. 2108) и др. Анализируя статьи Уложения, можно сделать вывод о взаимосвязи всех видов ссылки, что объяснялось двумя обстоятельствами: во-первых, ссылка на поселение начиналась, как правило, с заводских, т. е. каторжных работ, во-вторых, по окончании каторжных работ осужденные поступали на поселение.

В основном при ссылке на поселение осужденные отправлялись в Сибирь; лишь за совершение незначительных преступлений предусматривалась ссылка на Кавказ, например, за неисполнение судебного решения (ст. 291), некоторые должностные преступления, укрывательство преступников (ст. 345) и др.

Согласно Уложению оба вида ссылки являлись пожизненными и сопровождалась лишением всех прав – лишь по истечении

10 лет поселения осужденный переводился в разряд государственных крестьян и поступал под общий земский надзор (десятилетний срок мог быть сокращен лишь ввиду особых заслуг арестанта). С переходом в государственные крестьяне ссыльнопоселенцы получали право выезда во все сибирские губернии и области.

Имущественные права ссыльных с переходом в государственные крестьяне вполне можно было сравнить с положением свободных людей, с одним лишь исключением: они не имели права на имущество, поступившее к их наследникам. В случае смерти осужденного все его имущество переходило к жене и детям, а если их не было – в распоряжение Экспедиции о ссыльных (ст. 29–33 Уложения). Кроме того, ст. 47, 51, 52 Уложения устанавливали особый полицейский надзор за лицами, отбывающими наказание в виде ссылки, а также за освобожденными из мест лишения свободы.

В 1845 г. одновременно с изданием Уложения были приняты дополнительные правила к уставам о содержащихся под стражею и о ссыльных, часть которых касалась лиц, приговоренных к каторжным работам. Согласно правилам все каторжные в течение всего периода заключения проходили три разряда: сначала – разряд испытываемых (время пребывания там зависело от размера наказания); затем лица, подававшие надежду, переводились в разряд исправляющихся и получали определенные льготы (более легкую работу, содержание без оков, большее количество праздничных дней и право вступать в брак); и, наконец, по окончании срока наказания такие арестанты освобождались от работ и переходили в разряд поселенцев.

Срок каторги в рассматриваемый период исчислялся со дня поступления туда, а после принятия закона 1876 г. – со дня вступления приговора в законную силу. В случае, если приговор не был обжалован подсудимым, то срок каторги начинался со дня провозглашения приговора; для лиц же, не состоявших под следственным арестом, – со дня задержания для исполнения приговора.

При размещении каторжных и при употреблении их на работы местное начальство обязано было наблюдать, чтобы «каторж-

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. М., 1994. С. 187, 189, 190.

² Там же. С. 125.

ные разделялись на отделения, по возможности, по свойству учиненных ими преступных деяний и по срокам присужденного им наказания и чтобы в особенности бессрочные каторжные удалялись от всякого с другими сообщения. Женщины и несовершеннолетние должны были всегда содержаться в особых помещениях».

Как указывает в своей работе Б. Н. Миронов, «за свой труд заключенные получали небольшое вознаграждение, которое обычно составляло 10 % от дохода от произведенной работы»¹. Однако в течение срока отбывания наказания осужденные не получали заработанных денег на руки: согласно закону 1881 г. одна половина заработка шла на пособия семьям каторжных, другая – выдавалась им по окончании срока заключения.

Брачно-семейные права ссыльных и каторжан определялись следующими положениями. Юридическая сила предыдущего брака целиком зависела от воли супруга арестанта. Если он был расторгнут или его совсем не существовало, то право вступления в брак предоставлялось: каторжным со времени перехода в разряд исправляющихся, а ссыльным с момента их распределения по местам заключения. Осужденные могли вступать в брак с лицами всех сословий, однако относительно ссыльных женщин существовала одна оговорка: они не должны были путем заключения брака уклоняться от отбывания наказания.

Крайне трудным для официальных властей стало решение вопроса о неравном соотношении полов ссыльных, а точнее – о недостатке женщин, препятствующем правильной колонизации. Указанная проблема появилась еще в XVI в., когда московское правительство предписывало «даже под строгим наказанием сибирским крестьянам выдавать своих дочерей замуж за ссыльных». По замечанию Е. Н. Анучина, в первой половине XIX в. «между ссыльными была одна женщина на шесть мужчин, а из добровольно следовавших за мужьями приходилась одна на 30 мужчин». С 30-х гг.

XIX в. царское правительство в целях поощрения стало выдавать денежные награды за брак со ссыльными, на что ежегодно выделялись специальные кредиты: так, в 1842 г. этот кредит составил 5 600 руб., в 1850-м – около 7 000 руб.²

Распределением ссыльных по сибирским областям и губерниям ведал Тюменский приказ, который руководствовался соответствующими статьями Уложения о наказаниях 1845 г. и Устава о ссыльных 1822 г. Передвижение осужденных в Сибирь в середине XIX в. в зависимости от направления осуществлялось несколькими путями: по железным дорогам, на баржах, на подводах и пешеходным способом. Стоимость пересылки арестантов, с учетом издержек на продовольствие и лечение заболевших в пути, в среднем составляла 1 млн 250 тыс. руб. в год, из расчета 125 руб. – на человека³. В рассматриваемый период было проведено строгое разделение ссыльно-каторжных по местам заключения: ссылаемые на жительство направлялись в Западную Сибирь (в основном в Томскую и Тобольскую губернии), ссылаемые на поселение – в Восточную Сибирь, ссылаемые на каторгу – на Сахалин и в Забайкалье.

Следует отметить, что к 60-м гг. XIX в. институт ссылки и каторги приостановился в своем развитии. Это было связано в первую очередь с отсутствием достаточного количества рабочих мест, вызванного истощением золотых приисков, где работали заключенные, а также ухудшением надзора за ними. Под влиянием данных обстоятельств в 1869 г. был принят закон, по которому часть каторжных задерживали в так называемых центральных каторжных тюрьмах, где они содержались в праздности в общих камерах. Смертность в таких местах порой достигала 25 %. Довольно высокой была в рассматриваемый период и преступность среди ссыльных, носившая в основном насильственный характер.

Таким образом, более трехсот лет, с конца XVI в. и до революции 1917 г., насильственное переселение в Сибирь явля-

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX вв.): В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 33.

² См.: Анучин Е. Н. Указ. соч. С. 68.

³ См.: Отчет Главного тюремного управления за 1884 год. СПб., 1885. С. 117.

лось одной из основных карательных мер Российского государства. Однако, применяя ссылку за большое количество составов преступлений, царское правительство преследовало не только карательную, но и колонизационную цели. Общий кризис самодержавия во второй половине XIX в. нашел свое проявление и в полном упадке общегосударственной системы ссылки. Быстрый рост числа ссылаемых в Сибирь привел к невозможности центральной власти обеспечить водворение и надзор за огромной массой осужденных, которых к 1898 г. насчитывалось более 300 тыс. человек, не считая членов их семей. Это обстоятельство главным образом и предопределило постановку вопроса об отмене общеуголовной ссылки в Сибирь¹.

Вопрос об отмене ссылки не раз поднимался на правительственном уровне. В середине 90-х гг. XIX в. было проведено несколько обследований состояния ссылки и каторги в Сибири: в 1894 и 1898 гг. Сибирь посетили начальники Главного тюремного управления М. Н. Галкин-Враский и А. П. Саломон, а в 1897 г. – министр юстиции Н. В. Муравьев². Результатами этих поездок стали подробные доклады императору, из которых следовало, что «ссылка не имеет ни одного из элементов уголовного наказания: ни исправления, ни возмездия за преступление». Было предложено исключить ссылку из числа репрессий за общеуголовные преступления, оставив ее в качестве наказания за политические и религиозные преступления³.

Разработкой специального закона занималась утвержденная Высочайшим повелением от 16 мая 1899 г. Комиссия для разработки мероприятий по отмене ссылки под председательством министра юстиции Н. В. Муравьева. За год ее работы состоялось пять заседаний, в ходе которых были выработаны основные положения законопроекта об отмене ссылки. В мае–июне

1900 г. данный законопроект был сначала одобрен Государственным советом, а потом подписан императором Николаем II⁴.

Значение закона от 12 июня 1900 г. состояло прежде всего в том, что была полностью прекращена судебная ссылка в Сибирь, а также существенно ограничена ссылка по приговорам сельских и мещанских обществ. Фактическое сокращение ссылки за общеуголовные преступления привело к расширению применения в качестве наказания тюремного заключения. Однако за государственные и религиозные преступления была сохранена ссылка на каторгу и судебная ссылка на поселение. Административная политическая ссылка вплоть до 1917 г. оставалась основным средством борьбы с революционным движением.

Таким образом, к моменту свержения самодержавия в Российской империи сложилась определенная система уголовных наказаний, среди которых политическая ссылка и каторжные работы занимали не последнее место. В рассматриваемый период основной целью применения данных видов наказаний являлась кара за совершенное преступление, а не прагматическое желание государства использовать дешевый труд заключенных для решения экономических и колонизационных задач. Дальнейшее развитие России в корне перестроило пенитенциарную систему государства, практически сразу же исключив из нее ссылку и каторгу.

Библиографический список

1. *Анучин, Е. Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь за период времени 1827–1846 гг. / Е. Н. Анучин. – СПб., 1873.
2. *Марголис, А. Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки / А. Д. Марголис. – М., 1995.
3. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX вв.). В 2 т. Т. 2 / Б. Н. Миронов. – СПб., 1999.
4. *Упоров, И. В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. / И. В. Упоров. – СПб., 2004.
5. *Фойницкий, И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – М., 2000.

¹ См.: *Марголис А. Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки. М., 1995. С. 41.

² См.: К закону об отмене ссылки // Тюрем. вестн. 1900. № 6, 7. С. 333.

³ См.: Российский государственный исторический архив (далее: РГИА), ф. 1405, оп. 72, д. 3073, л. 64.

⁴ См.: РГИА, ф. 1405, оп. 88, д. 10216.

И. Н. Федотова,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук

ТЮРЕМНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВО ВЛАДИМИРСКОМ КРАЕ В 50–70-Е ГГ. XIX В.

Оказание помощи узникам тюрем с давних времен считалось в России богоугодным делом. Однако такого рода благотворительная деятельность осуществлялась сугубо частным образом в виде пожертвований продуктами питания, одеждой и другими предметами первой необходимости. Организованные формы русская тюремная благотворительность стала приобретать с 1819 г., когда по указу императора Александра I в стране было учреждено Общество попечительное о тюрьмах. Оно представляло собой централизованное учреждение, управление которым осуществлялось из Петербурга. Местными структурами Общества являлись комитеты и отделения, функционировавшие соответственно на губернском и уездном уровнях. Состав Общества и порядок его работы регулировались Уставом. Его первая редакция, носившая название «Правила», была принята в 1819 г., а вторая – в 1851 г. Второй Устав Общества действовал вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Настоящая статья посвящена изучению деятельности Общества на примере Владимирской губернии¹. В данной работе рассматривается период, охватывающий 50–70-е гг. XIX в. Нижней хронологической границей исследования служит 1851 г., т. е. момент обновления нормативной базы Общества, а верхней – 1879 г., когда в стране началось проведение тюремной реформы.

Автор настоящей публикации поставил перед собой цель изучить подразделения Общества попечительного о тюрьмах, существовавшие во Владимирском крае в обозначенных временных рамках, и эффективность их практической деятельности.

¹ Этап, предшествовавший принятию второго Устава Общества, на владимирском материале уже изучен (см.: *Федотова И. Н.* Комитеты Общества попечительного о тюрьмах: задачи, состав, практическая деятельность (на материалах Владимирской губернии первой половины XIX в.) // *Вестн. Владим. юрид. ин-та.* 2006. № 1. С. 146–151).

Для достижения поставленной цели необходимо ответить на вопросы о социальном облике этих структур и о том, какое влияние они оказали на материально-техническую и духовную стороны тюремного быта.

Источники, положенные в основу работы, делятся на две группы: нормативные акты и делопроизводственные документы. К числу использованных нормативных актов относятся: 1) Правила для Общества попечительного о тюрьмах, действовавшие в качестве уставного документа в 1819–1851 гг.; 2) Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое в 1845 г.; 3) Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею в редакции 1857 г. Последний представляет интерес не только как законодательный акт, комплексно регулировавший уголовно-исполнительную сферу, но и как документ, одним из разделов которого являлся Устав Общества попечительного о тюрьмах, утвержденный в 1851 г. Делопроизводственные материалы хранятся в фондах Государственного архива Владимирской области. Это отчеты губернского попечительного комитета и уездных отделений, их переписка между собой и с руководством Общества, журналы заседаний, ведомости о приходе и расходе денежных средств и другие документы.

В первую очередь следует установить мотивы, которыми было обусловлено принятие в 1851 г. нового Устава Общества попечительного о тюрьмах. К этому времени стало очевидно, что Общество может выполнять свои обязанности лишь при самом серьезном отношении к делу со стороны его членов. Как отмечает один из исследователей истории русских тюрем А. П. Печников, «пришло осознание того, что мало одной лишь филантропии, необходим профессионализм, поскольку попечение о тюрьмах связано с различными ежедневными и многосложными обязанностями»².

В отличие от Правил 1819 г., в Уставе 1851 г. прямо указано на то, что Общество «получает в свое распоряжение отпускаемые на содержание заключенных и тюрем деньги». Перечисленные в новом Уставе предметы ведения Общества охватывают по сути

² *Печников А. П.* Тюремные учреждения Российского государства (1649–1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004. С. 244.

все аспекты тюремного дела: продовольственное снабжение арестантов, обеспечение их одеждой и обувью, лечение, раздельное размещение различных категорий заключенных, ремонт тюремных зданий и поддержание в них благополучной санитарно-гигиенической обстановки, попечение о нуждах пересыльных арестантов. Отдельно упоминается о том, что на Общество возложена задача «исправления нравственности», т. е. перевоспитания заключенных.

Столь широкая компетенция уже сама по себе показывала, что Общество утрачивает характер благотворительного учреждения и становится механизмом управления в уголовно-исполнительной сфере. Закрепляя этот новый статус организации, Устав предусматривал, что она причислена к Министерству внутренних дел, а министр по должности является Президентом Общества. Для сравнения следует заметить, что до 1851 г. Обществу предоставлялись полномочия по расходованию казенных средств, выделяемых на лечение арестантов, снабжение их продовольствием и одеждой. Однако вопрос о присоединении Общества к Министерству внутренних дел и установлении прямого контроля над ним со стороны этого ведомства не ставился.

В Правилах 1819 г. отмечалось, что все члены попечительных органов утверждаются лично государем императором. Новый Устав не просто сохранял данное положение, но и включал в себя перечень должностных лиц, которые в обязательном порядке входили бы в местные подразделения Общества. Так, вице-президентами, т. е. руководителями губернского комитета, становились губернатор и епархиальный архиерей. Рядовые члены комитетов и отделений в Уставе именовались директорами. Среди директоров губернского комитета упомянуты губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, совестный судья, председатели губернских присутственных мест, губернский прокурор, инспектор врачебной управы и городской голова губернского центра. В уездные отделения входили уездный предводитель дворянства, судья, стряпчий, окружной начальник палаты государственных имуществ, уездный врач, благочинный священник и городской голова. Это были так называемые директора по званию,

т. е. те, кто являлся членом губернского попечительного комитета или уездного отделения в силу занимаемой должности.

В комитеты и отделения входили также так называемые директора по выбору – те, кто изъявлял желание заниматься благотворительной деятельностью в местах лишения свободы. При этом Устав предписывал, что принимаются не все желающие, а только представители привилегированных сословий: дворянства, духовенства и купечества. Было регламентировано также общее количество директоров. В губернском комитете и уездном отделении их могло быть не более 20 и 10 человек соответственно. Кроме того, Устав определял размеры уплачиваемых членских взносов. В уездном отделении ежегодный взнос каждого директора составлял не менее 5 руб. серебром, а в губернском комитете – вдвое больше¹.

Таким образом, Устав 1851 г. свидетельствовал о том, что Общество попечительное о тюрьмах из благотворительного учреждения фактически превратилось в бюрократическую структуру. С одной стороны, это было вполне созвучно интересам правительства, которое стремилось к установлению максимально жесткого контроля над деятельностью Общества. Однако, с другой стороны, предшествующий период показал, что чиновники, как правило, состояли в попечительных организациях из соображений престижа, не принимая почти никакого участия в практической работе. Поэтому можно предположить, что принятие нового Устава не создало предпосылок к активизации тюремной благотворительности на местах.

Согласно сохранившимся архивным данным личный состав Владимирского губернского попечительного комитета и уездных отделений в полной мере соответствовал нормативным требованиям. Вице-президентами губернского комитета были губернатор и епископ Владимирский и Суздальский, а уездные отделения неизменно возглавлялись местными предводителями дворянства. Кроме перечисленных в Уставе директоров по званию в указанные органы всегда входили несколько директоров по

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 36. № 27895; Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857.

выбору (в среднем по три-четыре человека). В основном это были купцы, которых включали в попечительные структуры с расчетом на щедрые членские взносы¹.

Списки директоров не дают возможности судить о подлинных мотивах представителей купечества, вступавших в губернский комитет и уездные отделения. Однако стабильность их преобладания среди директоров по выбору приводит к мысли, что здесь имел место административный нажим. Не случайно современник происходивших событий профессор Н. С. Таганцев отмечал, что после принятия в 1851 г. нового Устава Общества попечительного о тюрьмах благотворительность «приняла совершенно своеобразную форму пожертвований по приказу власти имеющих членов комитета в заглажение грешков, а всего чаще за служебные отличия, сделавшиеся в комитетах предметом прямого торга»². Аналогичные выводы сделал в своем исследовании и М. Н. Гернет: «за “честь” состоять членами Общества купцы должны были расплачиваться своим кошельком, а “честь” эта им навязывалась. Купцы вступали в Общество постольку, поскольку не выдерживали напора губернатора, предводителя дворянства, архиерея...»³.

Перейдем к анализу практической деятельности губернского комитета и уездных отделений. Одной из важнейших задач Общества попечительного о тюрьмах провозглашалось раздельное размещение разных категорий заключенных. Согласно Своду учреждений и уставов о содержащихся под стражею арестантов следовало разделять по полу, возрасту, сословной принадлежности и характеру совершенных преступлений; осужденные, приговоренные к лишению свободы, должны были размещаться отдельно от подсудимых и подсудимых⁴.

В действительности, как свидетельствуют архивные документы, законодательным

требованиям, касающимся размещения арестантов, удовлетворял только губернский тюремный замок. Однако к числу заслуг губернского попечительного комитета это явно не относится, поскольку уже к 1833 г., т. е. к моменту создания комитета, во Владимирском тюремном замке разные категории заключенных размещались отдельно. Возможности для этого были обеспечены благодаря планировке замка, который представлял собой каменное трехэтажное здание с большим количеством камер и необходимыми подсобными помещениями⁵.

В тюрьмах уездных городов обстановка была значительно хуже. На протяжении рассматриваемого периода новых тюремных помещений ни в одном уезде не появилось, несмотря на то, что численность арестантов неуклонно возрастала. Лимит наполнения тюрем повсеместно превышался в 1,5–2, а кое-где и в 3 раза. Поэтому заключенным приходилось размещаться в крайней тесноте. В полной мере соблюдался только принцип раздельного размещения представителей привилегированных и непривилегированных сословий. В большинстве случаев, хотя и не всегда, женщины содержались отдельно от мужчин. Как правило, не было возможности размещать арестантов раздельно по возрасту и роду преступлений. Особенно тяжело приходилось тем, кого пересылали по этапу. Часто из-за нехватки мест в камерах пересыльных приходилось размещать в тюремных коридорах, банях, сараях или прямо на дворе⁶.

Уездные попечительные отделения не были обеспокоены проблемой размещения арестантов: ни на строительство новых тюремных зданий, ни на аренду каких-либо помещений для заключенных отделения не расходовали собственных средств. Если же ситуация становилась критической, средства изыскивались из других источников. Так, например, произошло в г. Гороховце, где каждую неделю около сотни пересыльных оставались без крыши над головой. Уездное отделение сообщило об этом в губернский по-

¹ См.: Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО), ф. 90, оп. 10, д. 99, л. 2–2 об., 21, 42–44, 60–62, 69–69 об., 71–72, 115, 124, 128–128 об., 132–133, 170–170 об., 190–191; д. 110, л. 14 об. – 15, 24; д. 150, л. 127.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 132.

³ Гернет М. Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т. 2. С. 60.

⁴ См.: Свод законов Российской империи. Т. 14.

⁵ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 15, л. 9; д. 25, л. 2–2 об.; д. 53, л. 55 об.; д. 109, л. 8–9; д. 111, л. 2 об.

⁶ См.: там же, д. 99, л. 84; д. 109, л. 8–9; д. 110, л. 2, 41, 55; д. 150, л. 120; д. 210, л. 1–2; д. 233, л. 13–13 об.; д. 239, л. 2, 6–12; д. 261, л. 1–1 об.; д. 269, л. 4–10; д. 340, л. 1–4, 12–13, 18–19; д. 506, л. 6–9, 36–41.

печительный комитет, а он в лице своего вице-президента, владимирского губернатора, распорядился, чтобы гороховецкий городничий нанял для пересыльных арестантов здание, оплата аренды которого должна была производиться из городской казны¹.

Таким образом, тюремных помещений катастрофически не хватало. Однако и те, которые имелись в наличии, представляли собой в буквальном смысле картину разрушения. В качестве наглядного примера можно привести Покровскую уездную тюрьму. Печи во всем здании были ветхие и дымили, потолок верхнего этажа имел проломы, через которые вполне можно было выбраться на крышу, в камерах и коридорах обваливалась штукатурка, из стен выпадали кирпичи, решетки на окнах прожгавели и еле держались. Стена, примыкающая к туалетам, отсырела настолько, что в любой момент могла рухнуть, а во время мытья полов из верхнего этажа в нижний просачивалась вода².

Похожая ситуация была и в других уездных тюрьмах, где наблюдались грязь и сырость, холод и зловоние. Так, Гороховецкую тюрьму из соображений экономии средств освещали лампами с постным маслом, из-за чего арестанты постоянно жаловались на головную боль. От копоти, которая образовывалась в результате горения масла, стали черными не только стены камер, но даже белье и лица самих арестантов. Заключение, по свидетельству городского врача, поголовно страдали легочными заболеваниями³.

Невзирая на это ужасающее положение, попечительные организации по сути не прилагали усилий к тому, чтобы провести в тюрьмах ремонтные работы или хотя бы улучшить санитарно-гигиеническую обстановку. В отчетах отделений, как правило, указывалось, что здания тюрем находятся в хорошем состоянии⁴. Соответствующие меры принимались обычно лишь после того, как с проверкой приезжал кто-либо из высокопоставленных должностных лиц, например губернатор. Обещая устранить выявленные недостатки, уездные отделения на-

правляли запросы в губернскую строительную и дорожную комиссию, которой поручалось расходование казенных средств, выделяемых на ремонт тюремных зданий. Однако в распоряжении комиссии было недостаточно средств для того, чтобы должным образом финансировать все тюремные учреждения губернии. Основное внимание комиссия обращала на Владимирский тюремный замок, поскольку он располагался в губернском центре; на ремонт тюремных зданий в уездных городах средств всегда не хватало. В самых экстренных случаях, например, когда дело доходило до того, что из оконных проемов начинали выпадать рамы, уездные попечительные отделения могли пойти на некоторые расходы, но при условии компенсации этих затрат из казны⁵.

Теснота и антисанитарное состояние тюремных помещений истощали физические силы заключенных. Несоблюдение элементарных правил гигиены также губительно сказывалось на их здоровье. Из-за того, что многие камеры не были оборудованы умывальниками, арестантам часто было негде даже вымыть руки. Согласно Инструкции, разработанной в Министерстве внутренних дел для чинов тюремной администрации, раз в неделю заключенные должны были посещать баню и менять нательное белье. На практике это требование выполнялось только в губернском тюремном замке. В уездных тюрьмах банный день устраивался раз в две недели, а иногда и реже⁶.

Перечисленные факторы в совокупности неизбежно приводили к высокому уровню заболеваемости в тюрьмах. При этом отсутствовали необходимые условия для лечения больных. Лучше других дело обстояло во Владимирском тюремном замке, где насчитывалось три больничных палаты: две мужских на 6 человек каждая и одна женская на 4 человека. Была также приемная, предназначенная для медицинского осмотра вновь прибывающих. Однако с учетом реального количества больных этого оказывалось крайне недостаточно, особенно

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 126, л. 21–24, 49.

² См.: там же, д. 239, л. 13–14.

³ См.: там же, д. 210, л. 1–2.

⁴ См.: там же, д. 99, л. 84–84 об.; д. 110, л. 2–3, 26, 32, 41, 55, 90; д. 111, л. 2; д. 150, л. 120.

⁵ См.: там же, д. 194, л. 1–3 об., 7–7 об.; д. 195, л. 17–18; д. 238, л. 1–2; д. 239, л. 1–2, 4, 6–9, 15; д. 261, л. 1–2; д. 269, л. 4–5; д. 296, л. 1–43; д. 506, л. 49; д. 507, л. 1, 4–7, 10–14.

⁶ См.: Свод законов Российской империи. Т. 14; ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 109, л. 11 об.; д. 340, л. 1–4, 14–17.

если принять во внимание, что помимо 300–400 арестантов, находившихся в губернской тюрьме постоянно, в течение года через нее проходили тысячи пересыльных. Кроме того, своего врача в тюрьме не было, и больницей заведовал городской врач, который в силу занятости не мог ежедневно осматривать больных арестантов¹.

В уездных тюрьмах для больных отводилась в лучшем случае одна палата, куда помещали заболевших арестантов-мужчин; для больных женщин не выделялось отдельного помещения, поэтому они оставались в своих камерах среди здоровых. В некоторых тюрьмах превышение лимита наполнения не позволяло отвести под больницу ни одной арестантской камеры. Это способствовало распространению опасных инфекционных заболеваний. Например, в 1860 г. в Гороховецкой тюрьме из-за невозможности изолировать больных тифом вспыхнула эпидемия, продолжавшаяся несколько месяцев².

Средствами, выделяемыми на лечение заключенных, распоряжались местные попечительные органы. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею предписывал отпускать из казны на медикаменты для каждого больного арестанта по 3 копейки в сутки. Этих денег не хватало даже на самые дешевые лекарства, не говоря уже о медицинском инвентаре и других необходимых принадлежностях. Однако тратить на лечение арестантов свои собственные средства губернский попечительный комитет и уездные отделения не спешили. А после земской реформы, проведенной в середине 60-х гг. XIX в., они и вовсе стали перекладывать функцию медицинского обслуживания арестантов на земские больницы, где заключенных принимали на лечение за казенный счет³.

В число первостепенных задач Общества попечительного о тюрьмах входила организация питания заключенных. Согласно нормам уголовно-исполнительного законодательства арестанты снабжались продо-

вольствием из казны, причем размер денежной суммы, выделяемой на питание, напрямую зависел от сословной принадлежности заключенного. Рацион питания определялся Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка, которая была опубликована в качестве приложения к Своду учреждений и уставов о содержащихся под стражею. Инструкция предусматривала, что кормить арестантов следует три раза в день. Необходимый минимум продуктов, на обеспечение которого выделялись казенные средства, был следующим. Дворяне и чиновники ежедневно должны были получать 2,5 фунта черного хлеба (примерно 1 кг), щи или суп (в скоромные дни – с говядиной, а в постные – с рыбой) и кашу. В большие праздники также выдавалась говядина. Простолюдинам, т. е. крестьянам и мещанам, полагались 2,5 фунта черного хлеба в сутки, а также похлебка, в скоромные дни приправленная салом, а в постные – растительным маслом. Все продукты питания, пожертвованные благотворителями, должны были включаться в рацион сверх этого⁴.

Архивные документы свидетельствуют, что продовольственное снабжение заключенных во Владимирской губернии не соответствовало нормативным требованиям. Губернский комитет и уездные отделения, получая на питание арестантов государственные деньги, почти ежемесячно их экономии. Сделать это удавалось следующим образом: продукты, поступавшие в тюрьмы в качестве пожертвований, засчитывались как выдаваемые арестантам от казны. Размер экономии в зависимости от объема благотворительной помощи колебался от 5–7 % до 50 %.

Очевидно, что в данном случае имело место грубое нарушение законодательства. Кроме того, расчеты показали, что экономия превышала денежный эквивалент пожертвованных продуктов, следовательно, заключенные недополучали продовольствия. Например, за период с января по октябрь 1855 г. на питание арестантов Владимирского тюремного замка было выделено из казны 2402 руб., из них губернский попечительный комитет сэкономил 870 руб., или 36 %. За то же самое время благотворители пожертвовали продуктов на 357 руб.,

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 109, л. 8 об., 11 об., 12 об., 13; д. 269, л. 11–11 об.; д. 506, л. 28–29.

² См.: там же, д. 99, л. 84 об.; д. 110, л. 2–3, 13 об. – 14, 34, 41 об., 55 об., 63; д. 210, л. 1–2; д. 458, л. 1–3.

³ См.: Свод законов Российской империи. Т. 14; ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 161, л. 1–6; д. 458, л. 4; д. 506, л. 14–15, 19–20, 28–29.

⁴ См.: Свод законов Российской империи. Т. 14.

т. е. на сумму, которая составляла менее половины от сэкономленного. Похожая ситуация сложилась и на местах. Так, на продовольственное снабжение заключенных Шуйской уездной тюрьмы в августе–ноябре 1855 г. из казны полагалось 335 руб., из них попечительным отделением было сэкономлено 166 руб., или 50 %, тогда как пожертвованных продуктов в тюрьму поступило на 48 руб., т. е. на сумму, которая была в 3,5 раза меньше сэкономленной¹.

В итоге продовольственное снабжение арестантов оказывалось неудовлетворительным как в количественном, так и в качественном отношении. Должным образом было организовано только питание заключенных из привилегированных сословий. Всем остальным приходилось влачить полуголодное существование. Кормили арестантов не три, а два раза в день: днем и вечером, – причем выдавалось, как правило, одно блюдо. Это были либо щи, либо похлебка, сваренная из гороха или чечевицы. Так называемая «улучшенная пища» полагалась лишь в воскресенье и по праздникам. В такие дни щи или похлебку варили на мясном бульоне, а в качестве второго блюда давали кашу. При столь скудном рационе основу питания составлял черный хлеб, но он, как и другая еда, был очень низкого качества, а в ряде случаев и вовсе не годился к употреблению либо из-за того, что его не пропекали, либо из-за добавления в муку разного рода несъедобных примесей².

Подобная организация питания неизбежно приводила к волнениям среди заключенных. Например, в 1866 г. в Судогодской уездной тюрьме арестанты подняли бунт, требуя, чтобы пожертвованное продовольствие выдавалось им помимо казенного пайка, т. е. именно так, как положено по закону. Вместе с тем губернатор поддерживал местное попечительное отделение и санкционировал практику экономии казен-

ных средств, о которой говорилось выше. Официальное обоснование состояло в том, что сэкономленные деньги будут потрачены на другие нужды тюремных учреждений. Однако такого рода аргументация не выдерживает критики. Во-первых, попечительные органы явно злоупотребляли своими полномочиями. Во-вторых, финансовая документация губернского комитета и уездных отделений показывает, что сэкономленные суммы не расходовались, а оседали на их банковских счетах³. Разумеется, поступить так было гораздо легче, чем тратить время и силы на закупку продуктов, контроль за качеством приготовленной пищи и решение других вопросов, касающихся продовольственного обеспечения заключенных.

Аналогично обстояло дело со снабжением арестантов одеждой и обувью. В Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею указывалось, что на эти цели выделяются средства из казны и всем вновь прибывающим в тюрьмы должна предоставляться арестантская одежда. В действительности казенных денег не хватало, так что многие арестанты годами не получали не только одежды и обуви, но даже нижнего белья. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты проверки, проведенной в тюрьмах председателем губернской казенной палаты Казаченко в 1859 г. Он обнаружил, что среди арестантов есть такие, которые, «имея на себе одну только рубашку и нижнее платье, остаются все время своего заключения без перемены белья и обуви». По инициативе Казаченко губернский попечительный комитет обратился к уездным отделениям, предложив им снабдить арестантов недостающей одеждой и обувью за свой счет. Однако все отделения, за исключением одного, отказались это сделать, ссылаясь на недостаток средств. Иными словами, попечительные органы заняли типичную для них пассивную позицию, несмотря на то, что у каждого из них имелся банковский капитал, ежегодно прираставший процентами⁴.

В некоторой мере исправить сложившееся положение удавалось с помощью ча-

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 99, л. 84 об.; д. 109, л. 1–6; д. 110, л. 13; д. 150, л. 4 об., 5 об., 12–14, 21–23, 79–81, 96–98, 104–106, 120–121, 145–147, 177–180 об., 202–205, 211–213, 258–261, 266–269, 276–278, 287–290; д. 306, л. 1–3.

² См.: там же, д. 150, л. 5 об.–7, 15–16, 24–25, 82–83, 99–100, 107–108, 131–134, 148–151, 155–156, 177–180 об., 202–205, 214–215, 258–261, 270–271, 279–280, 287–290; д. 241, л. 1–2; д. 507, л. 1, 5.

³ См.: там же, д. 195, л. 10–10 об.; д. 306, л. 1–5.

⁴ См.: Свод законов Российской империи. Т. 14; ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 195, л. 1–2, 6–6 об., 8–13, 16–20, 22.

стных пожертвований. В тюрьмах было несколько человек арестантов, которые из материалов, пожертвованных благотворителями, шили одежду, белье, а при наличии необходимых сапожных инструментов – обувь. Однако, поскольку такого рода подаяния были незначительными по объему, сшитой одеждой и обувью можно было обеспечить только наиболее нуждающихся¹.

Проблема состояла также в том, что переполненность тюрем не позволяла выделять помещения для устройства каких-либо мастерских, в том числе швейных. Из-за систематического перелимита арестанты в основном оставались без работы, так как организовать ее было попросту негде. Кроме того, существовавшая потребность в рабочей силе вполне покрывалась вольнонаемным трудом, поэтому спроса на арестантский труд во Владимирской губернии почти не было. В итоге трудовая занятость заключенных ограничивалась повседневными хозяйственными работами, такими как уборка помещений, приготовление пищи, стирка, шитье новой и починка старой одежды и обуви; все эти работы выполнялись бесплатно. К обслуживанию тюрьмы привлекалось в общей сложности 5–7 человек; еще 2–3 человека во время сельскохозяйственного сезона обрабатывали огород, выращивая для внутреннего потребления картофель, капусту и другие овощи. Однако следует оговориться, что огороды на территории тюрем существовали не всегда. Более или менее распространенным явлением они стали только к концу 70-х гг. XIX в.²

Поскольку другой работы в тюрьме не было, арестанты, не задействованные в хозяйственном обслуживании, оказывались не заняты трудом вообще. Эпизодически их привлекали к поденным работам по городскому благоустройству, в основном по уборке улиц. Однако для тюремной администрации это было хлопотное и невыгодное дело, поскольку, во-первых, такой труд оплачивал-

ся по низким расценкам; во-вторых, его организация требовала конвоирования заключенных, а следовательно, соответствующих материальных затрат. Арестантские заработки за вычетом издержек можно с полным основанием назвать чисто символическими, но и эти деньги доставались заключенным лишь в половинном размере. Согласно Своду учреждений и уставов о содержащихся под стражею другая половина суммы, начисленной за поденную работу, поступала в бюджет тюрьмы. На практике доход от арестантского труда пополнял собой банковские счета губернского попечительного комитета и уездных отделений, которые, как уже было отмечено, не стремились использовать получаемые средства на нужды тюремных учреждений³.

В отчетах попечительных органов открыто признается, что основная масса заключенных не имеет никаких полезных занятий, так что «арестанты, пребывая в праздности, впадают в совершенную безнравственность»⁴. Вместе с тем Устав Общества попечительного о тюрьмах в качестве одной из основных задач этого объединения определял исправление личности преступника. Средства воспитательного воздействия обозначались в Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею и приложенной к нему Инструкции смотрителю губернского тюремного замка. В нормативных актах подчеркивалось, что перевоспитание заключенных должно осуществляться через приобщение к религии. Попечительным комитетам и отделениям было предписано заботиться о сооружении церквей на территории тюрем и о том, чтобы в воскресные и праздничные дни все арестанты православного вероисповедания присутствовали на богослужениях. Помимо обязательного посещения божественной литургии от заключенных требовалось соблюдать посты, регулярно исповедоваться и причащаться. Наряду с религиозными способами исправления Инструкция смотрителю губернского тюремного замка содержит также указание на то, что несовершеннолетних арестантов необходимо обучать грамоте⁵.

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 150, л. 120–121; д. 245, л. 5–7, 9–12, 15–15 об.; д. 309, л. 3–3 об., 5–9, 12–17.

² См.: там же, д. 99, л. 84 об.; д. 109, л. 9–10 об., 51; д. 110, л. 2 об., 26 об., 32–32 об., 41 об., 55 об., 77 об., 90 об.; д. 111, л. 3; д. 150, л. 120 об.; д. 195, л. 16–16 об.; д. 233, л. 25–26; д. 269, л. 4–5; д. 340, л. 1–4, 14–17.

³ См.: Свод законов Российской империи. Т. 14; ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 495, л. 69–71, 80; д. 506, л. 6–9, 36–41; д. 511, л. 6–7, 11–26.

⁴ ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 340, л. 14–17.

⁵ См.: Свод законов Российской империи. Т. 14.

Строительство тюремных церквей можно было вести только на деньги, пожертвованные благотворителями, но не за казенный счет. Поэтому большинство попечительных организаций даже не пытались заниматься решением данного вопроса, чтобы оградить себя от лишних хлопот. Церкви при тюремных замках были построены лишь в двух городах: Владимире и Муроме. Во всех остальных тюрьмах губернии богослужения проводились прямо в арестантских камерах. Материальное вознаграждение священники получали из средств попечительных органов. Как правило, оно было скудным, поэтому священнослужители выполняли свою миссию без особого желания. Общение священника с заключенными ограничивалось воскресной божественной литургией; даже таинства исповеди и причастия совершались не регулярно, а 2–3 раза в год во время Великого поста¹.

Разумеется, формальное отношение к делу со стороны попечителей и духовных наставников не могло дать никакого положительного результата. «Плоды» воспитательной работы заметны лишь в отчетах попечительных органов, где указывалось точное число исповедовавшихся и причащавшихся арестантов, а также говорилось, что заключенные снабжались книгами Священного Писания и другими религиозными сочинениями².

При этом в отчетах не упоминалось о том, находила ли литература своего читателя. На практике же часто оказывалось, что читать ее просто некому. Среди арестантов, в основном крестьян и мещан, грамотных было мало, а возможностей для обучения в тюрьмах, за редким исключением, не предоставлялось. Архивные документы свидетельствуют, что к концу рассматриваемого периода обучение грамоте было организовано только в трех тюрьмах губернии: Владимирской, Вязниковской и Покровской. Из-за нехватки помещений занятия приходилось проводить в камерах. В роли учителей выступали священнослужители, оплата труда которых производилась попечительными учреждениями. Губернский комитет и уездные отделения оплачивали учитель-

скую работу так же скупно, как и церковную службу, поэтому уроки проводились не постоянно, а время от времени, т. е. тогда, когда выделялись деньги. Кроме того, никакой системы в преподавании не существовало, и каждый ученик по своему желанию осваивал либо чтение, либо письмо, либо арифметику. В итоге тюремное обучение грамоте было малоэффективным³.

На наш взгляд, интересными являются некоторые вопросы, касающиеся материального положения попечительных органов. Согласно Уставу Общества его местные структуры распоряжались двумя категориями средств. Первую составляли казенные суммы, выделяемые из общегосударственной казны на продовольственное снабжение и лечение арестантов, обеспечение их одеждой и обувью, а также отчисления из городских доходов на отопление и освещение тюремных зданий. Эти деньги должны были использоваться в строгом соответствии со своим целевым назначением. Вторая категория средств складывалась из ежегодных членских взносов директоров губернского комитета и уездных отделений, пожертвований благотворителей; доходов от арестантских заработков и сэкономленных остатков вышеперечисленных казенных сумм. Такого рода средства попечительные органы могли расходовать по своему усмотрению⁴.

Анализ финансовой документации показал, что практика экономии казенных средств была систематической, причем суммы, сэкономленные на продуктах питания, лекарствах, одежде и обуви, частично возмещались, но уже в качестве расходов комитета и отделений. Например, в 1877 г. Гороховецкое уездное отделение сэкономило и получило в приход казенных денег 445 руб., из них 302 руб. были потрачены, как указано в отчете, на «улучшение пищи для арестантов», покупку медикаментов, одежды и обуви. В том же году на аналогичные цели Вязниковское уездное отделение израсходовало 286 руб., тогда как остаток казенных сумм, поступивший на его счета, составил 454 руб.⁵

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 109, л. 10; д. 110, л. 32, 55 об., 90; д. 111, л. 2; д. 233, л. 26, 28–29; д. 340, л. 18–19.

² См.: там же, д. 99, л. 84 об.; д. 110, л. 2 об., 13 об., 26; д. 150, л. 120.

³ См.: там же, д. 340, л. 14–17; д. 495, л. 53, 57, 60; д. 506, л. 28–29, 33, 36–41.

⁴ См.: Свод законов Российской империи. Т. 14.

⁵ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 495, л. 39–41, 48–50.

Благодаря такому обороту казенных денег попечительные органы могли создавать иллюзию заботы о нуждах заключенных за счет элементарного перевода средств из одной статьи бюджета в другую. Кроме того, приведенные примеры свидетельствуют, что экономия была солиднее последующих затрат, а следовательно, позволяла полностью или частично покрывать и иные расходы. К их числу относились: надбавка к жалованью тюремных смотрителей и надзирателей, суммы, выделяемые на мелкий ремонт, оплату услуг священнослужителей, канцелярские расходы.

Следует отметить, что финансовых злоупотреблений в данном случае не было, так как по закону сэкономленными средствами попечительные органы распоряжались свободно. Вместе с тем совершенно очевидно, что казенными деньгами компенсировались те траты, для которых они не предназначались. Из отчетов становится понятно, что таким способом попечительные структуры возмещали недополученные членские взносы. Уклонение от их уплаты было почти повсеместным, а нередко и настолько зловещим, что подавляющее большинство директоров того или иного отделения оказывались неплательщиками. Выше отмечалось, что минимальный ежегодный членский взнос каждого директора уездного отделения составлял 5 руб. серебром. Однако в действительности получалось, что либо взносы платили 2–3 человека, либо вносимые суммы были меньше 5 руб.¹ Это вполне естественно, учитывая, что членство в попечительных организациях фактически являлось принудительным, т. е. вступавшие туда люди не испытывали внутренней потребности в том, чтобы заниматься благотворительной деятельностью.

Обостряло ситуацию и то, что со стороны некоторых директоров имели место откровенные махинации. Так, в 1878 г. при проверке работы Меленковского уездного отделения выяснилось, что все хозяйственные вопросы отданы на откуп директору Добротворскому, который выполнял обязанности казначея. Пользуясь попустительством остальных членов отделения, он присваивал

себе часть пожертвований, а также казенных денег, выделяемых на закупку продовольствия для арестантов. Кроме того, Добротворский поручил обработку тюремного огорода одному желающему из числа городских мещан вместо того, чтобы занять этой работой заключенных, и в качестве вознаграждения за труд разрешил ему выращивать на огороде овощи для себя при условии, что доля урожая достанется Добротворскому².

Завершая характеристику финансового аспекта рассматриваемой темы, следует остановиться на том, какими средствами в целом располагали попечительные органы. Наибольшим был капитал губернского комитета, составлявший около 10 тыс. руб. уже в первой половине 50-х гг. В распоряжении уездных отделений находились в то время суммы в пределах от 500 до 800 руб. Как уже было показано, на нужды заключенных деньги почти не расходовались, поэтому с каждым годом банковские вклады пополнялись новыми поступлениями и процентами. В 60–70-е гг. XIX в. на счетах уездных отделений имелось в среднем по 1,5–2 тыс. руб., а в некоторых случаях – 5 тыс. руб. и более³.

О том, значительны ли эти суммы, можно судить в сравнении со стоимостью содержания одного заключенного. По подсчетам М. Н. Гернета, она не превышала 40 руб. в год. «За эти четыре десятка рублей в год – или за три рубля с полтиной в месяц – арестантов морили голодом, морозили, гноили и душили в ужасных тюремных помещениях, развращали до мозга костей, заковывали и перековывали, секли розгами, били плетью и клеймили на эшафоте, исповедовали и причащали, лечили и заражали в переполненных тюремных больницах или просто на грязном полу камеры»⁴.

Подводя итоги, приходится констатировать, что подразделения Общества попечительного о тюрьмах во Владимирской губернии в 50–70-е гг. XIX в. не выполняли своей благотворительной миссии. Общественными эти органы были только формально; факти-

² См.: там же, д. 496, л. 5–6.

³ См.: там же, д. 102, л. 15–16 об., 19–19 об., 23; д. 109, л. 54; д. 110, л. 2–3, 7 об.–8, 18–19, 27–29, 35–35 об., 47–47 об., 52–53, 60–60 об., 79–79 об., 85–86; д. 150, л. 125–125 об., 127, 177–179; д. 340, л. 18–19; д. 495, л. 9–11, 26–28, 39–41, 48–50.

⁴ Гернет М. Н. Указ. соч. С. 521.

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 110, л. 38; д. 495, л. 21, 37, 39–41, 47.

чески они состояли главным образом из чиновников местной администрации, включенных туда в соответствии с занимаемой должностью. Члены губернского комитета и уездных отделений, как правило, не имели ни времени, ни желания, ни профессиональных навыков, необходимых для решения вопросов тюремного хозяйства. В результате попечительные структуры по большей части бездействовали; денежные средства, пожертвованные на нужды арестантов, оседали на банковских счетах комитета и отделений вместо того, чтобы использоваться по назначению. Вместе с тем условия содержания

Л. Е. Филиппова,
*преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

СТАНОВЛЕНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1924 гг.)

Формирование системы исполнения наказаний в целом и кадрового потенциала, в частности, всегда неразрывно связано с социально-политическими процессами, происходящими в обществе, и изменениями представлений о характере исполнения наказаний. Очевидно, что любая реформа является не только результатом назревших противоречий, но и следствием преемственности предыдущего общественного развития¹.

Как свидетельствуют архивные материалы, в дореволюционной России уже в 1889 г., пусть и не на государственном уровне, силами московского дамского благотворительного комитета была открыта школа для тюремных надзирательниц, которая просуществовала до 1900 г. Позднее, 13 июля 1913 г., в Петрограде была учреждена школа, где в течение четырех месяцев осуществлялась подготовка кандидатов на должность тюремной надзирательницы².

¹ См.: Павлушков А. Р. Особенности развития пенитенциарной системы дореволюционной России: гуманизация наказания и тюремная реформа // История и перспективы уголовно-исполнительной системы России. Вологда, 2002. С. 45.

² См.: Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 13.

продолжали оставаться крайне тяжелыми, и пребывание в тюрьме по-прежнему не исправляло заключенных, а, напротив, калечило их физически и нравственно.

Библиографический список

1. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2 / М. Н. Гернет. – М., 1961.
2. Печников, А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649–1917 гг.): Историческая хроника / А. П. Печников. – М., 2004.
3. Свод законов Российской империи. Т. 14. – СПб., 1857.

Организационно-правовой основой кадровой политики советской пенитенциарной системы стало циркулярное письмо Народного комиссариата юстиции (далее: НКЮ) о перестройке органов управления местами заключения, организации труда осужденных, направленное в адрес местных комиссаров юстиции. В соответствии с данным письмом Главное управление местами заключения (далее: ГУМЗ), образованное в апреле 1917 г., было реорганизовано в апреле следующего года в Центральный карательный отдел (далее: ЦКО) НКЮ. На местах тюремная инспекция упразднялась, а ее функции передавались особым органам местных комиссаров юстиции.

Первым правовым актом большевиков, касающимся системы исполнения наказаний, стала Временная инструкция НКЮ, которая была опубликована в июле 1918 г. Согласно данному документу необходимо было создать сложную систему мест заключения, основами формирования которой должны были стать самоокупаемость мест лишения свободы и полное перевоспитание заключенных.

Для сравнения отметим, что царское правительство субсидировало тюремную систему, не пытаясь сделать ее самоокупаемой, и не рассчитывало на исправление всех заключенных.

С образованием ЦКО была упразднена прежняя тюремная инспекция и ее функции перешли к особым органам местных комиссаров юстиции. Целью образования новых органов стал перелом во всей системе управления. Особо уделялось внимание взаимодействию центральных и местных

органов управления НКЮ. Реорганизации подлежала администрация мест заключения, «исходя из простых соображений и сбережения сил и народных денег»¹.

Правовые основания и меры по реорганизации кадров территориальных мест заключения были обозначены в циркуляре НКЮ от 24 мая 1918 г. Основными мерами были названы следующие:

- сокращение штата служащих путем увольнения и закрытия излишних мест заключения;

- упрощение структуры администрации, «ибо для места заключения с небольшим количеством заключенных вполне достаточно сокращенного состава администрации, например, из трех надзирателей, без начальников, помощников начальников и т. д.»²;

- обновление администрации³.

Реорганизация мест заключения требовала не только существенных финансовых затрат, но и обеспечения учреждений новым подготовленным идеологически и профессионально кадровым составом. В условиях нового государственного устройства, после революции и постановки задач на перевоспитание осужденных, прежний тюремный состав был признан непригодным для работы с осужденными. По идеологическим соображениям становилось невозможным использовать кадры царской системы исполнения наказаний. Неизбежно встал вопрос: где взять сотрудников для мест лишения свободы с новым мышлением? Путь был единственный – готовить новых работников на специальных курсах.

Опыт реорганизации первых пенитенциарных курсов в России в 1913–1917 гг. послужил основой для создания подобных курсов в Москве. Централизованно были созданы курсы при ЦКО, начавшие функционировать с 1 декабря 1919 г.⁴, значение которых для того периода было велико.

Безусловно, через шестимесячные курсы, организованные в центре, невозможно было пропустить значительное число сотрудников. И хотя такая краткосрочная подготовка без соответствующей базы вряд

ли могла в полном объеме достигнуть поставленной цели, тем не менее уже сам факт их образования свидетельствовал о действительном стремлении новой власти идти по пути намеченных преобразований в системе мест лишения свободы.

Заслуживает внимания тот факт, что новое правительство старалось использовать уже обученных сотрудников, учитывая их идеологическое соответствие новому политическому строю. Примером могут служить поступившие в начале 1918 г. на имя комиссара по тюремному ведомству Владимирской губернии несколько прошений о поступлении на должность начальников тюрем. Так, гражданин В. И. Куликов в своем заявлении указал стаж работы в должности начальника Эриванской губернской тюрьмы, «откуда был командирован и слушал лекции по тюремоведению на пенитенциарных (воспитательно-тюремных) курсах. Ознакомлен с конторским, счетным и канцелярским делом...»⁵. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что указанные курсы были созданы при ГУМЗ Министерства юстиции и функционировали весь 1917 г.⁶

Однако, несмотря на определенные успехи, кадровая политика мест лишения свободы исследуемого периода не была лишена недостатков. Так, принятая Временная инструкция НКЮ не соответствовала положению дел в стране. Во-первых, ЦКО не мог ни обеспечить заключенных работой (в 1918 г. было занято трудом 2 % заключенных), ни заставить местную администрацию следовать своим указаниям. Во-вторых, ЦКО почти не имел связи с территориальными органами. Работники местных тюрем, не получая материальной поддержки от ЦКО, подрабатывали как могли. «Окарауливания» практически не было. Нарком юстиции П. И. Стучка позднее писал, что не бежали с работы в тюрьмах только те, кому было лень. А одну из действующих петроградских тюрем бездомные использовали как ночлежный дом, при этом караул не замечал или не хотел замечать этих посещений⁷.

¹ ГАВО, ф. 379, оп. 1, д. 1, л. 13.

² См.: там же, л. 12 об.

³ Там же.

⁴ См.: ГАРФ, ф. 353, оп. 3, д. 636, лл. 6, 12, 16.

⁵ См.: ГАВО, ф. 379, оп. 1, д. 18, л. 6.

⁶ См.: там же, л. 7.

⁷ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справ. / Сост. М. Б. Смирнов; Под ред. Н. Г. Охотина. М., 1980. С. 11.

Смена политической власти в стране привела к большому количеству арестов лиц, не согласных принимать условия нового правительства. Возникла необходимость создания мест заключения для политических преступников. Вскоре после Октября 1917 г. параллельно с деятельностью НКЮ начала складываться система мест заключения при Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее: ВЧК), предназначенная для содержания активных политических противников новой власти. Отдельного руководящего органа эта система не имела, поэтому до 1921 г. руководство ею осуществляла непосредственно Коллегия ВЧК (высший орган всей организации), позднее — Спецотдел, который имел и другие функции¹. На местах были созданы комендатуры при губернских Чрезвычайных комиссиях (далее: ЧК)².

Роль мест заключения системы ВЧК существенно возросла с началом Гражданской войны в мае 1918 г. Содержать своих врагов в неохраяемых тюрьмах системы НКЮ большевистское правительство не могло. Решено было использовать военизированные организации: ВЧК и Центральную коллегия по делам пленных и беженцев (далее: Центропленбеж) Наркомата по военным делам РСФСР, образованную 27 апреля 1918 г.³ Последняя имела в своем распоряжении широкую сеть концентрационных лагерей, в которых содержались военнопленные Первой мировой войны (в начале 1918 г. — 2 200 000 чел.)⁴. После заключения Брестского мирного договора начался активный обмен военнопленными. В связи с чем к лету 1918 г. некоторые концлагеря Центропленбежа освободились, и их начали использовать для содержания военнопленных Гражданской войны⁵.

В первые месяцы побеги из концлагерей Центропленбежа были почти столь же частыми, как из мест заключения ЦКО НКЮ. В течение лета Наркомат по военным делам

прилагал усилия, чтобы улучшить службу охраны. Помощь Центропленбежу в этом вопросе оказывали находившиеся под контролем НКВД местные Советы. В результате осенью 1918 г. ЧК, до тех пор содержавшие арестованных в собственных тюрьмах, стали направлять их и в концлагеря системы Центропленбежа. В это же время начали организовываться и трудовые концентрационные лагеря, непосредственно подведомственные губернским ЧК⁶.

Таким образом, результатом организационно-правовых усилий Центропленбежа, ВЧК и НКВД Постановлением ВЦИК РСФСР от 15 апреля 1919 г. было создано новое учреждение в составе НКВД, которое с 17 мая 1919 г. стало функционировать под названием «Отдел принудительных работ» (далее: ОПР)⁷. Через неделю, 24 мая, декретом СНК РСФСР в НКВД был передан Центропленбеж. ВЧК было поручено организовать лагеря принудительных работ в каждой губернии (при необходимости — и в уездах) и затем передать их ОПР. Данные мероприятия привели к усилению исполнительной власти, централизации управления в местах лишения свободы, координации усилий центральных и местных органов власти.

В данном документе была сделана попытка скоординировать действия трех ведомств: НКВД, ВЧК и Центропленбежа. Четкое разделение функций подразделов позволило сконцентрировать усилия на развитии данного вида учреждений. Повысились требования как к организации лагерей, так и должностным обязанностям сотрудников⁸. Более того, концентрация мест заключения под руководством НКВД позволила начать разработку учебных программ для милиционеров, находящихся на службе в учреждениях. Возникла реальная необходимость подготовки милицеских кадров для системы исправительно-трудовых учреждений.

Официально существовало пять типов лагерей принудительных работ: лагеря особого назначения, концентрационные лагеря общего типа, производственные лагеря, лагеря для военнопленных и лагеря-распре-

¹ См.: Агабеков Г. С. Записки чекиста. Берлин, 1925. С. 14–15.

² См.: там же.

³ См.: СУ РСФСР. 1918. № 34. С. 451.

⁴ См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 1, д. 3, л. 35.

⁵ См.: там же, оп. 23, д. 1, л. 20.

⁶ См.: там же, оп. 1, д. 3, лл. 38, 44.

⁷ См.: там же, ф. Р-393, оп. 89, д. 6, лл. 18–20.

⁸ См.: там же.

делители. Однако в документах НКВД термины «лагерь принудительных работ» и «концентрационный лагерь» использовали часто как синонимы, кроме того, встречается и название «концентрационные трудовые лагеря»¹. То есть это разделение на типы во многом было формальным. Кроме того, при необходимости (например, при подавлении Тамбовского восстания) организовывались временные полевые лагеря².

Приказом начальника милиции Республики «Об охране концентрационных лагерей силами милиции» от 17 мая 1921 г. устанавливалась передача из состава стрелковых частей милиции строевых единиц в целях усиления охраны концентрационных лагерей. При этом выдвигались жесткие требования: милиционеры должны быть 1896 или 1897 года рождения; «все указанные части выделять без пулеметов»; «комсостав назначить из числа тех, кто не может находиться в строю»³. Так, в соответствии с данным приказом в Петроград были командированы 800 чел., Томск, Алтайский край и Тулу – по 600 чел., Екатеринбург – 300, Воронеж и Ярославль – по 200 чел.⁴ Подобные организационные мероприятия позволили еще более сконцентрировать места лишения свободы в ведении НКВД и поставили личный состав мест заключения в зависимость от развивающегося ведомства. Подготовка сотрудников милиции велась без различий в специализации сотрудников⁵.

Несмотря на усилия Главмилиции по активизации профессиональной подготовки, уровень значительной части сотрудников оставался крайне низким. В связи с этим основная часть учебного времени на курсах и в школах отводилась на освоение общеобразовательных предметов. Незрелость сети учебных заведений и необходимость более широкого охвата сотрудников различными формами обучения привели к развитию внешкольной подготовки как самостоятельного вида профессионального обучения.

Несмотря на то, что системой исправительно-трудовых учреждений руководило Главное управление принудительных работ (далее: ГУПР)⁶, ей приходилось контактировать с ВЧК (имевшей и свои места заключения) и Центропленбежем. Тесное взаимодействие облегчалось тем, что в 1919–1922 гг. НКВД и ВЧК возглавлял Ф. Э. Дзержинский. Он осуществлял руководство НКВД и ВЧК как единой организацией⁷. Ведущие чекисты одновременно являлись руководителями и ГУПРа, и Центропленбежа (И. С. Уншлихт, А. В. Эйдук)⁸. Расходы на содержание арестованных в местах заключения ВЧК проходили по смете НКВД. Именно тесным сотрудничеством НКВД и ВЧК, по-видимому, объясняется тот факт, что в нарушение постановления ВЦИК РСФСР от 17 мая 1919 г. лагеря Архангельской области, организованные вскоре после установления в Архангельске власти большевиков, не были переданы в ГУПР, а остались в ведении ВЧК в дополнение к другим местам заключения этого ведомства⁹.

В связи со значительным увеличением численности милицейского состава, привлекаемого к охране мест лишения свободы, возникла необходимость открытия губернских курсов подготовки начальствующего и среднего составов. В рамках действующей нормативной правовой базы исполкомы местных органов имели право открывать как новые учреждения в случае необходимости, так и учебные заведения, направленные на первичную подготовку сотрудников для правоохранительной системы.

Двадцать пятого марта 1920 г. в Пензенской губернии открылись милицейские курсы, значительное место в программе которых занимали темы, связанные со спецификой милицейского дела: «Места заключения», «Судебная медицина», «Наружная милиция» и т. д.¹⁰

¹ См.: ГАРФ, ф. 4042, оп. 8, д. 12, л. 37.

² Там же, оп. 2, д. 1, лл. 71–75.

³ Там же, ф. Р-393, оп. 89, д. 162, лл. 29–30.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: там же.

⁶ ОПР был переименован в ГУПР в мае 1920 г. Вообще до момента ликвидации в 1922 г. система мест заключения переименовывалась несколько раз.

⁷ См.: Кизилев И. И. НКВД РСФСР (1917–1930). М., 1969. С. 52–55.

⁸ См.: ГАРФ, ф. 3333, оп. 1, д. 3, л. 67.

⁹ См.: там же, ф. А-353, оп. 5, д. 331, л. 78.

¹⁰ См.: там же, ф. 393, оп. 31, д. 334-а, л. 185.

Весной 1920 г. опыт Пензенской губмилиции был реализован в Москве и Омске, где курсы открылись соответственно 15 и 17 мая. 1 июня 1920 г. начали свою работу милицмейские курсы в Орловской губернии, 21 декабря 1920 г. – в Новгородской, в первой половине 1921 г. – еще в трех губерниях: Гомельской, Пермской и Кубань-Черноморской¹.

Относительно кадров в документах ГУПРа постоянно отмечается среди сотрудников мест заключения высокий процент коммунистов и выходцев из пролетарской среды, и наоборот, значительная доля старых судейских и тюремных кадров – в системе НКЮ².

Началом нового этапа в деле подготовки кадров для правоохранительной системы, в том числе и для исправительно-трудовых учреждений, стал приказ Главного управления милиции НКВД РСФСР от 17 апреля 1921 г. № 69, которым «был положен твердый фундамент для дальнейшего развития сети школ»³.

Пятнадцатого апреля 1921 г. начальник милиции Республики утвердил Положение и Программу курсов командного состава при губернских и областных управлениях милиции⁴. Это были первые правовые документы организационного характера, внесшие единообразие в систему подготовки кадров. По Положению курсы должны были осуществить теоретическую и практическую подготовку командного состава и иметь «своим назначением всесторонне подготовить своих слушателей к занятию должностей до начальника уездной милиции»⁵.

Дальнейшие организационно-правовые мероприятия наметили перспективные направления кадровой политики исправительно-трудовых учреждений. Определяющей в этом процессе стала передача всех мест заключения в рамки одного ведомства. К началу 1923 г. в РСФСР все места заключения находились в ведении НКВД. Основная часть срочных и немалая доля подследственных заключенных (всего на конец

1922 г.⁶ – 80 559, на сентябрь 1923 г. – 79 947⁷) содержалась в учреждениях ГУМЗа НКВД. Незначительное количество тюрем и лагерей подчинялось Государственному политическому управлению (далее: ГПУ) НКВД РСФСР, которое было образовано в 1922 г. вместо ВЧК⁸. Часть подследственных находилась в арестных помещениях Главного управления рабочекрестьянской милиции НКВД⁹.

Шестого июля 1923 г., через полгода после образования СССР, ГПУ союзных республик были изъяты из ведения республиканских НКВД и слиты в Объединенное государственное политическое управление (далее: ОГПУ), подчиненное непосредственно СНК СССР¹⁰. В ведение ОГПУ были переданы и места заключения ГПУ РСФСР.

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо отметить, что на реализацию кадровой политики исправительно-трудовой системы оказывали серьезное влияние идеологические факторы, характерные для формирования новой государственности.

Сложность реализации кадровых установок в исправительно-трудовых учреждениях на местах в основном была связана с невозможностью привлечения к службе квалифицированных сотрудников. Отсутствие связи центрального аппарата с губернскими исполнительными комитетами вызывало несогласованность кадровой политики в местах лишения свободы. Основной проблемой являлась безграмотность не только надзирателей и их помощников, но и руководителей мест заключения.

Библиографический список

1. Кизилов, И. И. НКВД РСФСР (1917–1930) / И. И. Кизилов. – М., 1969.
2. Познышев, С. В. Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – М., 1923.
3. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов ; под ред. Н. Г. Охотина. – М., 1980.

¹ См.: ГАРФ, ф. 393, оп. 31, д. 330-б, л. 12.

² См.: там же, лл. 60–61.

³ См.: там же, д. 330-б, л. 13.

⁴ См.: там же, д. 330-а, лл. 1, 2, 3.

⁵ Там же, л. 1.

⁶ Там же, оп. 2, д. 8, л. 67.

⁷ Там же, ф. 393, оп. 39, д. 48, л. 13.

⁸ Там же, ф. А-353, оп. 5, д. 331, л. 78.

⁹ Там же, ф. 4042, оп. 2, д. 8, л. 64.

¹⁰ СУ СССР. 1923. № 12. С. 105.

А. А. Чучаев,
*следователь следственного отдела УФСБ
по Ульяновской области*

Г. И. Солнцев: имя в истории

Гавриил Ильич Солнцев родился 22 марта 1786 г. в селе Радогощи Дмитровского уезда Орловской губернии в вотчине князей Голицыных. Отец его был священником в соборной церкви г. Дмитрова.

Г. И. Солнцев окончил сначала Орловское народное училище, а затем духовную семинарию г. Орла. Однако церковный сан не привлекал молодого Солнцева, ввиду этого он начинает активный поиск путей своего становления на поприще гражданской службы. По увольнении из духовного звания Г. И. Солнцев 24 мая 1807 г. поступил на работу в Орловское губернское правление, однако в скором времени переехал из провинции в Москву.

Биографы расходятся во мнении, было ли у профессора Г. И. Солнцева университетское образование. Так, И. А. Емельянова пишет, что «университетского образования Солнцев не имел, но служба в Сенате обеспечила ему знание практического законоведения»¹.

Напротив, Г. С. Фельдштейн писал, что Гавриил Ильич в 1808 г., «как можно видеть из его послужного списка, зачисляется слушателем Московского университета по отделению нравственно-политических наук»².

Так или иначе, но назвать будущего ректора Казанского университета необразованным было нельзя – Г. И. Солнцев знал несколько иностранных языков, в частности: латынь, немецкий, французский, польский, итальянский, греческий и татарский. Причем знание последнего языка имело немаловажное значение, поскольку Казань, где Гавриил Ильич будет работать до конца жизни, находилась на восточных рубежах России XIX в.

Кроме того, имеются сведения, что профессор Г. И. Солнцев также свободно изъ-

яснялся еще на английском и испанском языках³.

Девятого сентября 1811 г. Г. И. Солнцев поступил на службу в канцелярию 7-го департамента Правительствующего Сената в Москве. Но уже в 1812 г., перед тем, как Москву заняли войска наполеоновской Франции, 6, 7 и 8-й департаменты Сената вместе со всем штатом и архивами под наблюдением обер-прокурора П. А. Столыпина были переведены в отдаленные губернии Российской империи. Таким образом Г. И. Солнцев попал в Казань. Здесь, по словам самого Гавриила Ильича, пользуясь служебным положением, он прослушал курс юридическо-политических и философских наук.

В первый год пребывания в Казани Г. И. Солнцев занимался переводами немецкой литературы. Так, в 1813 г. на русском языке выходят в свет «Важнейшие истины для прекрасного пола» и «Мечтание холостого о будущей его супруге» писателя Гейденрейха. По мнению профессора Н. П. Загоскина, к тому же времени относится и перевод произведения этого же автора «Приданое моей дочери», хотя сама книга вышла из типографии намного позже, примерно в 1836–1838 гг.⁴

Десятого февраля 1814 г. Г. И. Солнцев уволился из канцелярии 7-го департамента Сената, а уже к апрелю 1814 г. от будущего ученого в адрес Казанского Императорского университета приходит прошение об «определении его в ученые чиновники» и назначении ему аттестации на степень магистра правоведения.

Магистерский экзамен Г. И. Солнцев держал 29 апреля 1814 г. на отделении нравственно-политических наук (юридическом факультете). Каких-либо официальных данных о том, как проходил экзамен, не сохранилось. Но вот что пишет сам Гавриил Ильич в своих дневниках: «Как в оном испытании показал я гораздо больше сведений, нежели какие требуются для магистра, то и допущен я был, в дополнение магистерского экзамена, и к испытанию

¹ Емельянова И. А. Гавриил Ильич Солнцев, 1786–1866. Казань, 2003. С. 3.

² Фельдштейн Г. С. Русский криминалист 20-х годов XIX века Гавриил Ильич Солнцев // Журн. М-ва юстиции. 1906. № 4. С. 136.

³ См.: *Архимандрит Гавриил*. История философии. Казань, 1840. Ч. VI. С. 99; *Фельдштейн Г. С.* Указ. соч. С. 139.

⁴ См. об этом подробно: *Фельдштейн Г. С.* Указ. соч.

докторскому, согласно поданному мной в совете прошению»¹.

В октябре 1814 г. Г. И. Солнцевым были успешно пройдены все испытания, после которых он прочитал три требуемые уставом публичные лекции по римскому и отечественному праву на латинском языке. Уже 19 ноября того же года отделение нравственно-политических наук представило в Совет Казанского университета данные об успешно выдержанных докторских экзаменах и прочитанных лекциях с приложением текста докторской диссертации «*De successionе ab intestate secundum principia juris Rossici, respectu quoque non minus ad jus Justinianеum habito*» (Наследование при отсутствии завещания согласно основам российского законодательства, принимая во внимание также, в не меньшей степени, право Юстиниана) и тезисов к ней.

Доподлинно не известно ни точной даты защиты, ни того, как она проходила, однако все данные свидетельствуют о том, что скорее всего она состоялась в конце ноября 1814 г. Из представления профессоров Врангеля, Лубкина и Кондырева в Совет университета известно «о совершенном успехе публичного защищения положений из диссертации, выбранных экзаменующимся на степень доктора губернским секретарем Солнцевым»². На это представление 2 декабря 1814 г. Совет ответил возведением Г. И. Солнцева в степень «доктора обоих прав».

Тезисы к защите и сама докторская диссертация были напечатаны на латыни в 1814 г. в Казани, но даже «летописцы» Казанского университета профессора Н. Булич и Н. Загоскин не смогли их отыскать. На данный момент эти труды считаются утерянными.

С момента успешной защиты связь доктора Г. И. Солнцева с академической корпорацией и университетскими кругами стала более тесной. В том же 1814 г. его приняли в общество любителей отечественной словесности при Казанском университете, а уже в следующем, 1815, году он начал принимать деятельное участие в жизни Казанского университета.

Двадцать третьего февраля 1815 г. Г. И. Солнцев подает ходатайство о допуске его к «частным упражнениям» на русском и латинском языках, в котором ссылается на ученую степень, знание многих языков и на «опытность, приобретенную его прежней службой в канцеляриях»³. Судя по всему, он получил разрешение, так как согласно сохранившимся данным уже в первой половине 1815 г. Г. И. Солнцев приступил к занятиям со студентами по практическому судопроизводству, а также занимался рассмотрением дипломатической корреспонденции на польском языке и латыни, направляемой в Совет университета генералом Рослейном.

Вслед за первым ходатайством следует новое: 6 мая 1815 г. Г. И. Солнцев просит Совет об избрании его экстраординарным профессором «прав древних и новых знатнейших народов». К своему заявлению он приложил собственные сочинения по римскому гражданскому праву, общему уголовному германскому праву, теории уголовного права, истории российского законодательства, а также историко-юридический трактат о возникновении и развитии науки и правоведении, праве древних и современных народов. Все научно-методические работы были написаны на латыни. Девятого июня прошение было удовлетворено: Совет университета избрал и утвердил Г. И. Солнцева в должности экстраординарного профессора по указанной им кафедре.

К тому же времени относится перевод на русский язык сочинения профессора И. А. Финке «Естественное частное, публичное и народное право». Биографы и историки едины во мнении, что вклад Г. И. Солнцева в перевод книги был весьма скромным — профессор ограничился лишь переводом примечаний, правкой текста и подготовкой издания к печати. Профессор Н. Булич писал, что, скорее всего, перевод основного текста принадлежал Срезневскому и Алахину — ученикам Солнцева.

Временем всеобщего признания дарования и работоспособности Г. И. Солнцева стали 1815 г. и последующие годы. Его избирали членом «высших комитетов судей в делах, где требуется быстрота и энергия»,

¹ Источник: Загоскин Н. П. История Казанского Императорского университета за первые сто лет. Казань, 1840. Т. II. С. 24.

² Там же.

³ Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 139.

перед ним открылись широкие возможности для общественной деятельности. В декабре 1815 – январе 1816 гг. Г. И. Солнцев принял активное участие по делам о противозаконных деяниях директоров гимназий. С 22 мая 1816 г. Гавриил Ильич вошел в специально созданный училищный комитет, рассматривавший дела по жалобам граждан на действия должностных лиц. Причем его ежегодно переизбирали на эту должность вплоть до 1818 г.

Практически во всех доступных историко-биографических работах профессор Г. И. Солнцев предстает как человек крайне энергичный, прекрасный преподаватель и талантливый лектор. Он считал, что процесс обучения юриспруденции будет более эффективным, если на лекциях отказаться от незамысловатой диктовки и монотонного чтения, а подавать материал в форме живой беседы с широким использованием сравнений, исторических экскурсов.

В 1816 г. для получения звания ординарного профессора Гавриил Ильич представляет в Совет университета еще две рукописные работы по римскому праву, как обычно написанные на латыни. И Совет университета единодушно избрал Г. И. Солнцева на указанную должность. Однако при движении дела о назначении его ординарным профессором появились некоторые препятствия. Видимо, деятельность и большие успехи Г. И. Солнцева вызвали в некоторых кругах сомнение в его благонадежности. Так, 27 июня 1816 г. попечитель Казанского округа Салтыков отказался подписать документы о назначении Г. И. Солнцева. Звание ординарного профессора по «кафедре прав знатнейших как древних, так и нынешних народов» ученый получил только на следующий год – 23 июля 1817 г.

Как видно из расписания курсов, в 1816/1817 учебном году Г. И. Солнцев преподавал римское и общее уголовное германское право. За 1817/1818 учебный год расписание в архивах не сохранилось, однако точно известно, что, оставляя за собой уже имеющиеся курсы, Гавриил Ильич начал читать лекции по праву народов Востока, евреев и египтян. Об этом периоде с достоверностью можно сказать еще и то, что профессор Г. И. Солнцев по поручению

Совета университета выступил с речью на латинском языке на тему о необходимых качествах практического юриста¹.

В 1819 г. в Казань в качестве лица, ревизующего Казанский учебный округ, прибыл Михаил Леонтьевич Магницкий – человек, сыгравший в судьбе ученого роковую роль. Ревизору необходимы были консультации действующего члена академической коллегии, и его выбор пал на Г. И. Солнцева как на одного из наиболее способных членов университетской корпорации. Впоследствии М. Л. Магницкий оказал немалое влияние на жизнь Г. И. Солнцева – и как покровитель, и как «палач».

Гавриил Ильич стремительно двигался вверх по академической и карьерной лестнице. Уже 3 июня 1818 г. Г. И. Солнцев был избран и утвержден деканом отделения нравственно-политических наук. Позднее, 30 декабря, вследствие болезни ректора Казанского императорского университета И. Э. Брауна профессор Г. И. Солнцев был избран проректором для «исправления деятельности» (исполнения обязанностей) ректора университета. Эту должность Гавриил Ильич сохранил и после смерти Брауна 8 января 1819 г.

Спустя десять месяцев, 29 октября 1819 г., М. Л. Магницким было составлено представление о назначении Г. И. Солнцева на должность ректора Казанского университета, а уже 10 декабря того же года Гавриил Ильич возглавил учебное заведение. Это стало высшим достижением в карьере тридцатитрехлетнего ученого. Вступив в новую должность, Г. И. Солнцев не оставил, а наоборот, расширил свою преподавательскую деятельность. С 11 февраля 1819 г. он начал читать «изъяснение институций» римского права, а немного позднее подготовил курс лекций по «изъяснению конституций представительных правительств» и «праву естественному, частному, публичному и народному российскому».

В апреле того же года Г. И. Солнцев вошел в Совет университета с проектом реформирования методов преподавания юриспруденции. Интересно при этом отметить, что расширение влияния молодого

¹ См.: Oratio de necessariis benemeriti jurisconsulti requisites: Акт. речь. Казань, 1819.

ученого на университетские и общественные круги происходило при деятельном участии М. Л. Магницкого, который полностью поддержал проект преобразований, задуманных Г. И. Солнцевым.

Об отношении самого М. Л. Магницкого к Г. И. Солнцеву говорит следующее донесение ревизора министру просвещения: «Во всем факультете (нравственно-политических наук) один проф. Солнцев преподает лекции на латинском языке... один он занимается своей частью с прилежанием, имеет собрание нужных для нея авторов, составляет записки, и принял деятельные меры к тому, чтобы студенты ходили на лекции»¹.

Профессор Г. И. Солнцев в тот период читал большое количество лекционных курсов. По этому поводу профессор Н. Булич иронично заметил, что «со времени основания университета никогда не преподавалось на юридическом факультете столько разнообразных дисциплин в отдельности, сколько их насчитал для себя один Солнцев»².

Седьмого января 1820 г. Гавриил Ильич подал ходатайство, в котором ректор заявил о своей болезни и просил назначить выборы нового проректора. Спустя 2 дня, 9 января, на эту должность был избран профессор Г. Городчанинов. Причиной такого поступка Г. И. Солнцева, вероятно, стал разлад отношений между ним и М. Л. Магницким. Возможно, доверие к Солнцеву было подорвано довольно уклончивым отзывом последнего на сочинение Г. Городчанинова «Мнение христианина о естественном праве». Так или иначе, но между профессором Г. И. Солнцевым и ревизором М. Л. Магницким возникли разногласия. Высказывается мнение, что конфликт стал нарастать, с одной стороны, из-за чрезмерного увлечения Г. И. Солнцева естественным правом, а с другой – из-за ревностной защиты М. Л. Магницким православной веры. Инструкции ревизора преподавателям отделения политических наук гласили, что курс естественного права нужно излагать максимально коротко, больше останавливаясь на законодательстве российском, не-

прерывно развивая мысль о том, что основа всякого общежития лежит в покорности и почитании монархической власти.

В результате проведения своей «реформы» М. Л. Магницкий по результатам ревизии 1819 г. уволил из университета одиннадцать профессоров. Но этим он не ограничился и начал гонение на профессию, отличавшуюся либеральными взглядами. Первой жертвой пал преподаватель немецкого языка и содержатель весьма популярного в Казани в то время частного пансиона Лейтер, а за ним последовал и сам Г. И. Солнцев. Всесильный М. Л. Магницкий пришел к заключению, что в лекциях Гавриила Ильича по курсу естественного права содержатся «дух вольнодумства и лже мудрия» и «опровержение всех оснований общества и церкви»³.

Тринадцатого ноября 1820 г. ученого вынудили подать прошение об освобождении его от должностей ректора и декана. Освободившиеся места занял профессор Г. Б. Никольский. Одновременно с этим Гавриил Ильич прекратил свое членство в училищном комитете, а вскоре новый ректор приостановил преподавание Г. И. Солнцевым курса естественного права, внушавшего столько опасений М. Л. Магницкому.

На заседании главного правления училищ 10 февраля 1821 г. М. Л. Магницкий настаивал на полном исключении науки естественного права из числа университетских дисциплин. Однако его инициатива не встретила должной поддержки, было лишь принято решение ограничить преподавание естественного права «уважением к религии и существующему порядку»⁴.

Восьмого февраля 1821 г. М. Л. Магницкий потребовал у Г. И. Солнцева тетради, по которым он читал курс под заглавием «Начальные основания естественного, частного, публичного и народного права». Но профессор не спешил выполнить данное требование и отдал эти тетради только 22 апреля. Параллельно с этим ректор изъял у студентов конспекты лекций для сравнения их с тетрадями самого профессора. Заручившись доказательствами в виде конспектов и тетрадей, М. Л. Магницкий приступил к решительным действиям: органи-

¹ Источник: *Фельдштейн Г. С.* Указ. соч. С. 144.

² *Булич Н.* Университетский суд над профессором Солнцевым во время попечительства Магницкого // Уч. зап. Казан. ун-та. Казань, 1864. Вып. 1. С. 256.

³ См. об этом подробно: *Фельдштейн Г. С.* Указ. соч.

⁴ *Загоскин Н. П.* Указ. соч. Т. II. С. 507.

зовал суд над Г. И. Солнцевым, где роль судей была отведена коллегам ученого.

Попечитель учебного округа М. Л. Магницкий старался придать личной ссоре с Г. И. Солнцевым официальный характер и для этого 10 августа 1821 г. инспирировал университетский суд над доктором права.

Восьмого июля 1821 г. М. Л. Магницкий направляет прошение князю А. Н. Голицыну на «воспреещение профессору Солнцеву, вообще, преподавать в университете до окончания зачавшегося о нем дела»¹. Уже 20 июля А. Н. Голицын уведомил М. Л. Магницкого о своей согласии как на полное воспреещение Г. И. Солнцеву дальнейшего преподавания в университете, так и на проведение над ним университетского суда.

Настаивая именно на таком решении, М. Л. Магницкий аргументировал это, во-первых, тем, что университетская корпорация, не разделявшая взглядов Г. И. Солнцева и не допускавшая нарушений инструкций, в случае участия в суде со стороны обвинения не понесла бы наказания вообще; во-вторых, осуждение профессора его товарищами-учеными не имело бы характера притеснения и насильственных действий; в-третьих, данная форма суда предоставила бы обвиняемому максимум возможностей для своей защиты. М. Л. Магницкий также считал, что такой процесс послужил бы примером для других ученых-юристов.

В предложении № 748 от 29 июля 1821 г. на имя ректора университета М. Л. Магницкий уже официально поставил университет в известность относительно дальнейшей судьбы профессора Г. И. Солнцева и установил порядок и формы суда.

Университетский суд обладал такими внешними гарантиями правосудия, каких в то время не знал суд официальный: имелись стороны обвинения и защиты, предусматривались состязательность и открытый характер процесса и т. д.

Сторона обвинения занималась подготовкой доказательств для будущего суда. Роль «kozyрной карты» была отведена копии конспектов лекций, которая представляла собой согласно архивным данным «переплетенную книгу в 156 четвертушек писчей бумаги, переписанную собственноручно

Солнцевым и скрепленную по листам как самим автором ее, так и секретарем совета проф. Пальминым, и имеющую следующее заглавие: "Начальные основания естественного, частного, публичного и народного права, соч. Гавриила Солнцева"»². В материалах университетского архива сохранились указания и на то, что также более или менее полные экземпляры лекций были изъяты у студентов Красницкого, Дмитриевского, Пото, Лопатина и Попова³.

Попечительское предложение от 29 июля 1821 г. было получено в Казани только 9 августа, но самого Г. И. Солнцева оно здесь не застало – ученый в это время находился на Сергиевских минеральных водах. Отсутствие подсудимого, впрочем, никаких затруднений не вызвало, так как открытие университетского суда по ряду причин состоялось только в середине марта 1822 г.

Все в том же предложении М. Л. Магницкий возлагал на ректора Казанского университета обязанность найти профессору Г. И. Солнцеву замену. В связи с отсутствием подходящих специалистов Совет университета остановил свой выбор на кандидате правоведения Протасове, окончившем университет только 1820 г. и в тот момент преподававшим латынь в гимназии и готовившемся к магистерскому экзамену. Уже 26 сентября его кандидатура была утверждена министром просвещения, и в 1821/1822 учебном году Протасов был единственным преподавателем частноюридических наук.

День открытия суда был определен на заседании Совета университета, который постановил «собратся на 14 марта в первое заседание суда в мундирах для предъявления Солнцеву предложения попечителя от 29 июля 1821 года о предании его суду»⁴.

Заседание чрезвычайного университетского суда под председательством А. П. Владимирского по делу профессора Г. И. Солнцева открылось 14 марта 1822 г. Прокурорские обязанности выполнял профессор В. И. Тимьянский, секретарем заседания был назначен профессор М. А. Пальмин. По утверждению Н. П. Загоскина, все ак-

² Там же. С. 517.

³ См. об этом подробнее: там же.

⁴ Там же. С. 520.

¹ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 513.

тивные участники «судебной арлекинады» сильно побаивались Солнцева, не без основания слывшего великим законником и казуистом, перехитрить которого на почве разного рода процессуальных уловок и крючков старого доброго времени представлялось делом далеко не легким»¹.

М. А. Пальмин хорошо понимал это и еще до начала процесса сделал Г. И. Солнцеву внушение, что «если он будет при сем деле употреблять тонкости, то сие для него будет хуже»².

Процесс, как пишет Н. П. Загоскин, нельзя было назвать ни справедливым, ни милостивым, ни уж тем более скорым. Начавшись 14 марта 1822 г., закончился он только 17 марта 1823 г. Было проведено двенадцать судебных заседаний: в 1822 г. состоялось девять заседаний (14 марта, 29 апреля, 3 и 17 июня, 29 июля, 13 октября, 4 и 11 ноября и 16 декабря); оставшиеся три прошли 13, 14 и 17 марта 1823 г. За это время сменился председатель суда: в связи с размолвкой М. Л. Магницкого и А. П. Владимирского, а также уходом последнего в отставку обязанности председательствующего взял на себя ректор университета Г. Б. Никольский.

Из протокола первого заседания следует, что Г. И. Солнцев не относился ко всему происходящему серьезно, отвечал на вопросы председательствующего с тонким юмором, хотя и сделал заявление относительно угрозы М. А. Пальмина.

Начало судебного заседания было ознаменовано небольшим инцидентом. Профессор П. С. Кондырев, не желая участвовать в фарсе и незаслуженной травле своего друга, добился освобождения от явки на заседания суда по причине большой загруженности занятиями. Он упорно уклонялся от явки и на первое чрезвычайное заседание; за ним неоднократно посылали нарочных и пытались объяснить ему, что освобожден он был лишь от обычных заседаний, но не от чрезвычайных. В итоге упорство П. С. Кондырева стало предметом обсуждения уже на втором чрезвычайном заседании, состоявшемся 29 апреля 1822 г. Причины неявки были признаны неуважительными, о чем и было доведено до сведения

попечителя. М. Л. Магницкий в этом конфликте принял сторону Совета. Но, несмотря на это, П. С. Кондыреву все же удалось уклониться от заседаний суда и его фамилия не фигурирует ни в одном протоколе.

Сам же Г. И. Солнцев стремился показать бессмысленность всего процесса. И на первом, и на втором заседаниях он отказывался отвечать на вопрос, доволен ли он судом. Причем если на первом заседании ученый мотивировал свой отказ необходимостью подумать, то на втором заседании заявил, что времени подготовить ответ не имел, так как постился и готовился к святому причастию. В связи с этим потребовал еще времени для подготовки, сославшись при этом на Указ от 11 ноября 1685 г., но суд отказался удовлетворить его ходатайство.

Только на третьем заседании суда было заслушано «донесение профессоров Г. Городчанинова и В. Тимьянского, с отзывом относительно подлинной рукописи лекций Солнцева по естественному праву»³.

Необходимо заметить, что рецензенты, скорее всего, были подобраны не случайно. Первый из них был личным врагом Гавриила Ильича, а второй – профессором естественной истории и ботаники⁴.

Отзыв получился довольно суровым: оба критика ставили в вину Солнцеву то, что он выводил положения естественного права, основываясь не только на Евангелие от Матфея и Луки, но и из «какого-то практического разума»⁵. Г. Городчанинов и В. Тимьянский считали, что «право естественное должно быть простым изложением обязанностей человека, указанных в десятислове, еще более в Евангелие»⁶.

Следующим этапом процесса должно было стать сравнение подлинной рукописи Г. И. Солнцева с изъятymi у студентов конспектами лекций. Судьи хотели удостовериться, не распространял ли подсудимый «вредных идей, которым побоялся он дать место в рукописном курсе своем»⁷.

³ Там же. С. 524.

⁴ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. Казань, 1904. Ч. 1. С. 509 и др.

⁵ Там же. С. 524.

⁶ Источник: *Фельдштейн Г. С.* Указ. соч. С. 148.

⁷ *Загоскин Н. П.* Указ. соч. С. 526.

¹ *Загоскин Н. П.* Указ. соч. С. 519.

² Там же.

Решение этого вопроса было возложено в том же заседании 3 июня 1822 г. на особую комиссию, в которую входили профессор Н. И. Лобачевский и адъюнкты Булыгин, Баженов и Васильев. Доклад комиссии был обнародован 29 июля 1822 г., на пятом по счету судебном заседании, но и он не внес ничего существенного в «дело Г. И. Солнцева». Докладчики заявили, что ими «сличены были все тетради студентов, одна с другой, и по сличении нашлось, что все тетради не противоречат между собою, но не все одинаково полны», хотя «при сличении тетрадей с рукописью открылись большие различия»¹.

Эти различия носили формальный характер, поэтому суд вынужден был признать, что в целом студенческие конспекты были схожи с рукописью Г. И. Солнцева.

В. Тимьянский, как уже говорилось, натуралист по образованию, перестал справляться с обязанностями прокурора. В связи с этим роль обвинителя перешла к профессору М. А. Пальмину, который должен был «изложить статьи обвинения согласно выписке из предписания г. попечителя»².

Доклад М. А. Пальмина был заслушан на шестом заседании суда, проходившем 13 октября. Оказалось, что секретарь суда столкнулся с большими трудностями при составлении обвинения, обусловленными самим характером труда «подсудимого». Докладчик жаловался на то, что многие понятия выражены неконкретно, некоторые вообще не имеют определений; цель понятия естественного права не истолкована; невозможно понять, какие места в тексте были написаны самим Г. И. Солнцевым, а какие заимствованы им у других авторов. «Ясно, что во всех этих сетованиях сквозит сознание бессилия проф. Пальмина разобраться в курсе Солнцева и указать в нем на такие «разрушительные» положения, которые могли бы быть выдвинуты неоспоримыми доводами в пользу обвинения»³.

Дальнейшее поведение профессора М. А. Пальмина, как утверждает Н. П. Загоскин, больше напоминало работу инквизитора, нежели участника товарище-

ского суда. Так, М. А. Пальмин составил 217 вопросов с использованием софистических приемов; их цель была одна – сбить на допросе Г. И. Солнцева с толку. В протоколах суда сохранился их полный перечень и сформулированы они были «изобретательной фантазией университетского инквизитора»⁴.

Обстоятельное письменное объяснение по данным вопросам могло затянуть и так продолжавшийся уже семь месяцев суд. Профессоров Городчанинова и Дунаева обязали «выбрать из сих вопросов для предложения г. профессору Солнцеву те, которые они сочтут существенными»⁵. Из всего перечня было исключено лишь 42 вопроса, 175 же сочли важными. Они и были вручены «подсудимому» с рекомендацией дать удовлетворительные ответы в непродолжительное время.

Надо заметить, что Г. И. Солнцев намеренно тянул время, понимая, что давать ответы правдивые и искренние было делом опасным – можно было легко угодить в ловушку. Между тем такая длительная процедура суда обратила на себя внимание министра просвещения, который 28 сентября 1822 г. потребовал от М. Л. Магницкого скорейшего окончания дела.

М. Л. Магницкий, в свою очередь, обязал участников суда вынести приговор не позднее конца октября. Но и к ноябрю 1822 г. Г. И. Солнцев не представил ответов. На запрос суда от 4 ноября Солнцев 12 ноября заявил: «Время предоставления оных ответов зависеть будет от изготовления оных решений, времени же для таковых решений определительно назначить не могу, ибо сие зависит не только от состояния моего здоровья, трудами моими много расшатанного, но и от самого образа изготовления оных ответов, требующих со стороны моей возможной осмотрительности и точности, в чем мне, как обвиняемому и к оправданию все возможные средства употребить право имеющему, отказать не можно»⁶.

Ответы на вопросы, которые затормозили весь процесс, не были даны и к середине декабря. Восемнадцатого декабря суд был

¹ Загоскин Н. П. Указ. соч.

² Там же. С. 527.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 528.

⁵ Там же. С. 530.

⁶ Там же. С. 531.

вынужден сделать новый запрос. Ответ на него был получен только 23 февраля следующего, 1823, года. В нем Г. И. Солнцев отмечал, что ответы на вопросы даны, но он хочет их перепроверить, найти нужные цитаты, в связи с этим затрудняется сообщить время их представления.

Неизвестно, сколько бы длился этот судебный фарс, явившийся лишь отражением всей судебной системы дореформенной России, если бы точку в этом деле не поставил сам М. Л. Магницкий. Скорее всего, он был уже и сам не рад решению о проведении университетского судилища, на которое обратило внимание пол-Европы.

Шестого марта 1823 г. попечитель Казанского учебного округа потребовал от подсудимого представить ответы к 12 марта, указав, что в противном случае суд будет продолжаться без них. Было определено: «Как назначенный господином попечителем срок окончится 12-го числа сего месяца, то, для приступления к заключению о виновности г. Солнцева, или противном, назначить заседание 13-го числа, то есть во вторник, в 12 часов пополудни»¹.

На заседании 13 марта была произведена выборка обвинительных статей из книги профессора. Во всей рукописи было найдено лишь двенадцать пунктов, способных лечь в основу обвинения. Казалось бы, что этого было бы более чем достаточно, «чтобы с миром отпустить обвиняемого из зала заседаний», но покорный М. Л. Магницкому суд решил перенести дело на следующий день. Однако и 14 марта суд не вынес адекватного решения, а перенес заседание на 17 марта.

Любопытно, что именно на последнем заседании, где должен был быть вынесен «приговор», Г. И. Солнцев, наконец, предъявил суду на сорока листах «как черновые рукописи, так и продолжаемую набело переписку» своих ответов на вопросы М. А. Пальмина² и ходатайствовал о доведении этого до сведения попечителя.

Данный ход «подсудимого» грозил новым, вопреки предписанию М. Л. Магницкого, затягиванием процесса. Вероятно, именно этого и добивался Г. И. Солнцев,

желая привести участников процесса к пониманию того, что судилище является фарсом и продолжение его бессмысленно. Однако суд объявил Г. И. Солнцеву, что тот пропустил отведенный ему для предоставления ответов недельный срок (6 марта), поэтому заявление его было лишь принято к сведению, а сами ответы не прилагались к «делу». В архивах Казанского университета они, к сожалению, не сохранились.

Заседание 17 марта открылось чтением послужного списка «подсудимого», справки об исповеди и святом причастии и изложением всех обстоятельств, повлекших привлечение его к суду. Далее присутствующим была зачитана краткая характеристика курса естественного права, который, по мнению суда, есть не что иное, как «краткая выписка из разных иностранных сего рода книг»³, при этом сочинение изобилует непонятными терминами и определениями и, главное, оно противоречит Священному Писанию.

В судебном заседании были сформулированы и пункты обвинения. Их было три: во-первых, суд считал, что многие положения курса естественного права, преподаваемого профессором, противоречат духу Священного Писания; во-вторых, ему вменялось в вину, что он не предоставил рукопись своего курса вовремя на рассмотрение суда; в-третьих, то, что без должных оснований изменил учебный план, увеличив количество часов, отведенных для преподавания естественного права.

Суд признал ученого виновным, хотя и счел возможным дать ему снисхождение, что и было сформулировано в приговоре:

«Общее собрание совета признает г. Солнцева виновным.

Сия виновность г. Солнцева, выводимая из разрушительности начал преподаваемого им естественного права, по мнению общего собрания, умеряется прежними его заслугами и тем, что он, проходя многотрудную должность ректора, не имел довольно времени основательно вникнуть в хитросплетенную ложь тех начал естественного права, которые, по большей части, заимствовал из иностранных писателей.

¹ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 532.

² См.: там же. С. 533.

³ Там же. С. 535.

А как он, г. Солнцев, разрушительными началами, несообразными с гражданским порядком и явно противными Священному Писанию, оскорбил Духа Святого Господня, которым он знаменован и запечатлен в день избавления или крещения, и власть общественную, — то общее присутствие мнением полагает:

Удалить его навсегда от профессорского звания и впредь никогда ни в какие должности во всех учебных заведениях не определять»¹.

«Приговор» этот определено было представить на усмотрение попечителя, а само же производство по делу, «запечатав, хранить секретно»².

На основании этого «приговора» 2 июня 1823 г. Гавриил Ильич Солнцев был окончательно уволен из учебного ведомства.

Любопытно заметить, что еще до вынесения приговора Г. И. Солнцев, заручившись поддержкой управляющего на правах генерал-губернатора Казанской губернии В. Ю. Соймонова, изъявил желание покинуть университет и перейти на службу в Казанскую палату уголовного суда в качестве ее председателя, о чем они известили М. Л. Магницкого. Возможно, если бы эти письма дошли до адресата до завершения «суда», М. Л. Магницкий не стал бы настаивать на вынесении приговора — не мог же попечитель учебного округа спорить с генерал-губернатором, но письма эти были им получены уже после окончания «судебного разбирательства».

Вся история с университетским судом фактически не имела для Г. И. Солнцева никаких последствий. Несмотря на то, что он не был допущен к службе в уголовном суде, уже 24 июня 1824 г. Г. И. Солнцев получил, пусть более скромное и более зависимое ввиду обширных полномочий Казанского военного губернатора, назначение на должность казанского губернского прокурора. На этой должности бывший профессор прослужил до середины 1844 г. По иронии судьбы, почти через четыре года после вынесения «приговора», на долю губернского прокурора Г. И. Солнцева выпала обязанность выдворить из Казани ока-

завшегося в опале у государя снятого с должности попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого на место жительства в Ревель (Таллин).

Несмотря на увольнение из университета, Г. И. Солнцев продолжал заниматься научной деятельностью. Так, в 1823–1824 гг. он завершил работу над двумя рукописными трудами на латинском языке: «О правах знатнейших древних и новейших народов» и «Систематическое начертание римского права», а также над учебником «Российское уголовное право».

Практически не сохранилось никаких данных о деятельности Г. И. Солнцева в чине прокурора губернии. Однако известно, что за двадцать лет службы в этой должности он приобрел большую известность как неподкупный, честный и хорошо образованный человек.

«Его обширный ум, — писал Г. С. Фельдштейн, — охотно сосредоточивавшийся не только на теоретических, но и на практических проблемах, давал Солнцеву возможность находить выход в большинстве тогдашних дел, опутанных канцелярской паутиной и загрязненных не только невежеством участвующих, но и хитросплетениями сутяг той эпохи»³.

Однако одного «обширного ума» и практических знаний в условиях того времени Г. И. Солнцеву было недостаточно для того, чтобы заниматься всеми делами, где нарушался закон. Если бы он и ставил перед собой столь идеальную для того времени цель, как борьбу со всеми нарушениями закона, то не остался бы так долго в должности прокурора. Вероятно, действительность научила ученого усмирять свои амбиции. Так, Г. С. Фельдштейн, ссылаясь на казанского старожила И. И. Михайлова, перечислил несколько случаев вопиющего нарушения закона представителями власти, оставшихся без прокурорского внимания Гавриила Ильича. Хотя сам же Г. С. Фельдштейн оправдывал Солнцева-прокурора, говоря, что, «если он в деятельности прокурора не проявлял гражданского мужества в той мере, в какой это можно было ожидать по его прежней деятельности, то по-

¹ Загоскин Н. П. Указ. соч. С. 537.

² Там же.

³ Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 152.

ложительные черты его в новом его положении, несомненно, перевешивают»¹.

Неподкупность и честность Г. И. Солнцева как государственного и общественно-го деятеля были вне всякого сомнения. Существует мнение, что якобы даже сам император Николай I во время пребывания в Казани в 1836 г. приветствовал Гавриила Ильича такими словами: «У меня в России два солнца: одно на небе, другое – ты»².

В бытность свою прокурором Г. И. Солнцев старался приходить на помощь всякому доброму начинанию. Так, из найденных П. А. Понамаревым материалов стало известно, что ученый всеми своими силами, влиянием и знанием помогал госпоже Родионовой в открытии ею института³.

Личность Г. И. Солнцева всегда окружали легенды, народная молва приписывала ему великолепное владение практически всеми европейскими и восточными языками. О феноменальной памяти Гавриила Ильича рассказывали чудеса. Так, например, в 1836 г. во время посещения казанской тюрьмы Николай I вызывал заключенных по списку, в котором содержалось 306 фамилий. Г. И. Солнцев сказал императору, что список излишен, он может вызывать заключенных, называя фамилии по памяти. Очевидцы утверждают, что губернский прокурор, к великому удивлению присутствующих, именно так и сделал⁴.

Популярности Г. И. Солнцева как юриста в немалой степени способствовало то, что даже после скандального увольнения из университета и запрета заниматься научной деятельностью, Гавриил Ильич постоянно посещал юридические диспуты на факультете нравственно-политических наук, где своим красноречием, знаниями и феноменальной памятью, откуда легко черпал аргументы и цитаты в течение спора, приводил в восторг не только своих сторонников, но и оппонентов. Присутствовавшая публика, которая вряд ли могла быть компетентным судьей в юридических спорах, преклонялась, главным образом, перед плавным, спокойным и уверенным ходом речи Г. И. Солнцева.

¹ Фельдштейн Г. С. Указ. соч.

² Понамарев П. А. Одна из замечательных русских женщин // Ист. вестн. 1867. Т. 28. С. 115.

³ См.: Понамарев П. А. Указ. соч. С. 91 и др.

⁴ Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 154.

Участие в диспутах свидетельствует о том, что даже в свободное от службы на посту губернского прокурора время, Гавриил Ильич посвящал «работе мысли». О том, насколько это был активный человек, говорит следующий факт: будучи уже в пятидесятилетнем возрасте, он занимался переводом «Жития святого Николая» с испанского языка. Эта работа была преподнесена в дар императору Николаю I в 1836 г. во время посещения государем Казани.

Прокурорскую должность Г. И. Солнцев занимал до 1844 г., когда был уволен с нее и назначен на почетную должность в департаменте Министерства юстиции. Фактически с этого времени Солнцев отходит от активной творческой и практической деятельности.

Умер Гавриил Ильич Солнцев в Казани 26 ноября 1866 г. в возрасте восьмидесяти лет.

Уже после смерти, в 1880-х гг., профессор юридического факультета Казанского университета С. М. Шпилевский приобрел у букиниста груду рукописного хлама, в которой совершенно случайно удалось обнаружить рукопись ученого, подготовленную к печати. Преподаватель Военно-юридической академии известный криминалист того времени Г. С. Фельдштейн раскрыл тайну рукописи – это был учебник по уголовному праву Гавриила Ильича Солнцева.

В 1907 г. Г. С. Фельдштейн подготовил к печати и издал рукопись, написав вступительную статью, однако фактически эту книгу можно считать неоконченной, так как учебник не содержал Особенной части уголовного права. Тем не менее содержание книги ясно показывает, каких высот достигла в то время в своем развитии русская научная юриспруденция, и позволяет отнести ее автора к числу ведущих русских правоведов первой трети XIX в.

Библиографический список

1. Емельянова, И. А. Гавриил Ильич Солнцев, 1786–1866 / И. А. Емельянова. – Казань, 2003.

2. Михайлов, И. Казанская старина / И. Михайлов // Русская старина. – 1899. – № 10.

3. Фельдштейн, Г. С. Русский криминалист 20-х годов XIX века Гавриил Ильич Солнцев / Г. С. Фельдштейн // Журн. М-ва юстиции. – 1906. – № 4.

М. А. Горячев,
*соискатель кафедры уголовного права
и организации профилактики преступлений
Академии управления МВД России*

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ФОРМУЛЫ
ПОСРЕДСТВЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ**

Посредственное исполнение является одной из самостоятельных опасных форм преступной деятельности. В доктрине уголовного права неоднократно отмечалось, что указание на «непосредственное» совершение преступления в прежнем уголовном законодательстве (ст. 17 УК РСФСР) не охватывало посредственного исполнения, так как УК РСФСР 1960 г. не устанавливал ответственность за него. Поэтому правоприменительные при оценке посредственного исполнения органы либо прибегали к расширительному толкованию ст. 17 УК РСФСР, либо не придавали значения его установлению, так как правовая неурегулированность этого вопроса в законе при разрешении дел о преступлении, совершенном в соучастии, создавала для них дополнительные трудности.

Поэтому в доктрине уголовного права справедливо обращалось внимание на то, что в условиях роста групповой и организованной преступности возникла практическая необходимость в урегулировании законодателем посредственного исполнения в полном объеме за использование малолетних, невменяемых и других «живых орудий» исполнителем в преступных целях. По мнению Р. Галиакбарова и Е. Петрова, данный вопрос необходимо решить путем внесения соответствующих дополнений и уточнений в законодательство, регулирующее институт соучастия и смежные с ним вопросы.

В теории уголовного права лицо, использующее для реализации своих преступных планов невиновные либо неосторожные действия других, всегда признавалось исполнителем. Действия лиц, используемых исполнителем для совершения преступного деяния, при всей их фактической

связи с замыслами исполнителя не образуют совместной преступной деятельности ввиду того, что эти лица, оказавшиеся орудием совершения преступлений, не сознают общественной опасности своего поведения, не желают (и не допускают) наступления преступных последствий.

Понятие посредственного исполнения известно практически всем правовым системам. В уголовных кодексах государств посредственному исполнению посвящены специальные нормы. Например, положение о посредственном исполнении было закреплено в первом абзаце § 22 УК ФРГ, в котором указывалось: «Как исполнитель подлежит уголовной ответственности тот, кто сам осуществляет преступное деяние или осуществляет его через другое лицо, которое само не подлежит за это уголовной ответственности»¹.

В ст. 16 УК ПНР к исполнению преступного деяния были отнесены также действия лица, которое «руководит исполнением запрещенного деяния иными лицами»².

В соответствии с УК Кубы 1979 г. к исполнителям относятся «те, кто выполняют преступление посредством другого лица, не являющегося исполнителем или не могущего нести наказание, или не подлежащего уголовной ответственности за преступление, поскольку оно действовало под влиянием насилия или принуждения либо в силу ошибки, возникшей в результате введения его в заблуждение»³.

В уголовном законодательстве ряда зарубежных государств для обозначения фигуры посредственного виновника используют термин «невиновный агент».

В итальянском уголовном законодательстве речь идет о лице, не подлежащем наказанию «вследствие личных условий или

¹ Источник: Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974. С. 26.

² Уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы Народной Республики Польской. М., 1973. С. 33.

³ Уголовный кодекс Кубы 1979 г. М., 1980.

свойств»¹. В соответствии со ст. 111 УК Италии виновный в таких действиях не только признается исполнителем, но и подлежит повышенному наказанию.

На наш взгляд, выделение в УК РФ специальной нормы о посредственном исполнении и его видах подчеркнет необходимость в каждом случае соучастия точно оценить характер действий исполнителя, степень его вины и ответственности. По нашему мнению, дополнительная ссылка на норму Общей части о посредственном исполнении и его виде особенно важна при квалификации деяний, совершенных группой (соисполнителями). Кроме того, закрепление в УК РФ положения о посредственном исполнении повысило бы эффективность правоприменения не только в борьбе с посредственным исполнением, но прежде всего с групповой и организованной преступностью.

В доктрине уголовного права в 70-е гг. XX в. высказывалось предложение ввести в УК РСФСР самостоятельную норму, регламентирующую вопрос о посредственном исполнении. Такую уголовно-правовую норму предлагалось поместить в главе «О преступлениях» в качестве самостоятельной статьи – ст. 17¹ УК РСФСР «Ответственность за использование другого лица в преступных целях (посредственное исполнение)».

Такое предложение на законодательном уровне впервые было реализовано в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик от 2 июля 1991 г. (ст. 19)². В последующие годы оно учитывалось при разработке каждого нового проекта Уголовного кодекса до принятия УК РФ 1996 г. (ч. 2 ст. 33).

В теоретической модели уголовного кодекса предложение Р. И. Михеева было реализовано в самостоятельной ст. 36 УК РСФСР «Исполнитель преступления», изложенной в следующей редакции:

«Статья 36. Исполнитель преступления

1. Исполнителем признается лицо, которое полностью или частично выполняет деяние, предусмотренное уголовным законом.

¹ Итальянский уголовный кодекс 1930 г. / Пер. с ит. М. М. Исаева. М., 1941.

² См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

2. Исполнителем признается также лицо, полностью или частично выполняющее деяние, предусмотренное уголовным законом, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или действовавших невиновно либо по неосторожности»³.

В 1995 г. в юридической литературе редакция предлагаемой законодателю нормы была сформулирована *de lege ferenda* следующим образом:

«Статья... Уголовная ответственность за использование другого лица в преступных целях (посредственное исполнение)

(1) Кто умышленно использовал в качестве орудия для совершения преступления малолетнего, психически больного или невиновно действующее лицо, находящееся в ситуации казуса или крайней необходимости, искусственно созданной виновным, а равно лицо, обязанное по закону или специальному постановлению выполнять приказы или распоряжения виновного, либо лицо, действующее по неосторожности, подлежит уголовной ответственности как исполнитель за фактически совершенное лицом, которое было использовано в качестве орудия преступления.

(2) Согласие малолетнего, невменяемого, а равно иного ненадлежащего лица, использованного другим лицом в качестве орудия при совершении преступления, не имеет уголовно-правового значения в смысле любой статьи УК. К малолетнему или невменяемому лицу, использованному виновным в качестве орудия преступления, суд вправе применить принудительные меры медицинского, воспитательного или иного реабилитационного характера, установленные в законе.

(3) Кто приведет другое лицо в состояние, исключаяющее его вменяемость, с целью совершения этим лицом преступления, подлежит уголовной ответственности за фактически содеянное лицом, оказавшимся неспособным сознавать фактический характер либо общественную опасность своего деяния или руководить им.

(4) Суд вправе учесть при индивидуализации уголовной ответственности в качест-

³ Теоретическая модель УК. Общая часть. М., 1985.

ве обстоятельства, отягчающего ответственность, использование исполнителем другого лица, указанного в части первой и третьей настоящей статьи, в качестве орудия преступления»¹.

В науке уголовного права, в частности В. С. Прохоровым, обращается внимание на использование для совершения преступления отсутствия специального свойства у лица, выполняющего объективную сторону состава преступления при наличии этого свойства у лица, склонившего к совершению общественно опасных действий или содействовавшего их совершению при посредственном исполнении². В отличие от вышерассмотренной формулы А. В. Ушаков предложил дополнить Общую часть УК РФ специальной статьей, где бы регулировалась ответственность лиц за посредственное исполнение и закреплялось бы его отличие от соучастия в преступлении. При этом он предложил прямо указать, что посредственные исполнители несут ответственность за индивидуально совершенное преступление без ссылки на статьи о соучастии. В таком же порядке отвечают и лица, действующие виновно под влиянием заблуждения или принуждения, при отсутствии на их стороне обстоятельств, исключающих ответственность³.

С нашей точки зрения, излишне в статье закреплять отличие посредственного исполнения от соучастия, так как это приведет к загромождению уголовного кодекса. Посредственные исполнители используют для совершения преступления другое физическое лицо, при этом индивидуально не совершают никаких преступлений. Поэтому мы не разделяем мнение А. В. Ушакова и считаем его предложение нецелесообразным.

В юридической литературе существует предложение ввести в законодательную формулу соучастия такой признак, как «вменяемость», предусмотрев, что соучастием в преступлении признается участие двух или

более вменяемых лиц в совместном совершении умышленного преступления⁴.

Это позволит повысить эффективность мер борьбы с особыми формами преступной деятельности (посредственным исполнением, групповым способом осуществления посягательства). Кроме того, для предупреждения общественно опасных деяний невменяемых целесообразно установить в УК РФ повышенную санкцию за использование преступниками невменяемых и малолетних в преступных целях: а) при посредственном исполнении; б) групповом способе осуществления посягательства с использованием физических усилий невменяемого или малолетнего⁵.

По мнению А. С. Фролова, следует дополнить диспозиции составов преступлений, содержащих групповые квалифицирующие признаки указанием на то, что повышенную уголовную ответственность также влечет совершение преступления с использованием малолетнего⁶.

В юридической литературе обращалось внимание на то, что по ранее действовавшему законодательству уголовная санкция была одинаковой при подстрекательстве и посредственном исполнении. Последнее не рассматривалось и как общее отягчающее обстоятельство в отличие, например, от несовершеннолетия, которое в качестве такового было предусмотрено п. 6 ст. 39 УК РСФСР 1960 г.

Следовательно, санкция соответствующей статьи по УК РСФСР 1960 г. была одинакова и не зависела от того, будет ли иметь место склонение психически больного или малолетнего к совершению опасных действий, привлечение его к участию в групповом преступлении или посредственному исполнению, когда невменяемый или малолетний используются в качестве орудия, несмотря на то, что последнее не вызывает сомнений в повышенной общественной опасности как самого посредственного исполнения, так и личности посредственного исполнителя⁷.

¹ Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 59–60.

² См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая: В 5 т. М., 1968. Т. 1. С. 612.

³ См.: Ушаков А. В. Групповое преступление и смежные с ним формы преступной деятельности. Калинин, 1978. С. 12–13.

⁴ См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983. С. 266.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: Фролов А. С. Соучастие в преступлениях несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 6.

⁷ См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 266–267.

Поэтому, на наш взгляд, правильнее, если указанное обстоятельство отразить в законе в одних случаях как квалифицирующее, а в других как отягчающее обстоятельство. Это повысит эффективность борьбы с посредственным исполнением.

Мы полагаем, что не может служить убедительным аргументом ссылка на то, что посредственное исполнение возможно при совершении лишь 1/5 деяний, предусмотренных действующим УК РФ, и встречается не часто. В данном случае важна не столько количественная, сколько качественная сторона рассматриваемой особой формы преступной деятельности¹.

В юридической литературе при подготовке УК РФ 1996 г. были высказаны предложения о законодательном урегулировании посредственного исполнения путем:

- а) принятия специальной нормы о посредственном исполнении;
- б) внесения уточнений в статью об исполнителе преступления;
- в) внесения уточнений в институт соучастия;
- г) отражения повышенной общественной опасности посредственного исполнения при дифференциации уголовной ответственности как квалифицирующего и как отягчающего обстоятельства при индивидуализации наказания.

Мы солидарны с авторами, которые в конце 70-х гг. XX в. обратили внимание на возможность использования посредственного исполнения в механизме средств борьбы с организованной и групповой преступностью. По понятным причинам в то время данная точка зрения не получила развития. Однако в 80–90-е гг. эта идея нашла поддержку.

Преступные группы часто используют в своих преступных целях лиц, не входящих в нее, а иногда даже не подозревающих, что своими действиями они реализуют преступный замысел организованной группы. Организаторы используют складывающиеся внутри группы корпоративные нормы поведения, обязывающие членов преступной группы подчиняться воле организатора.

Используя в преступных целях «живое орудие», организаторы преступных групп, лидеры преступного мира, как правило, уходят от уголовной ответственности, а несут ее посредственные исполнители. Поэтому в механизме борьбы с организованной преступностью возникла острая необходимость в новых средствах. Таким средством может стать посредственное исполнение. Законодательное решение здесь может быть следующим.

Посредственное исполнение будет иметь место:

- 1) при использовании членом преступной группы для совершения в интересах преступной группы преступления умышленно действующего лица, которое не осознавало или не могло и не должно было по обстоятельствам дела осознавать, что своими действиями реализует преступный умысел организованной группы либо ее организатора (ошибка в уголовно-правовом запрете);
- 2) при использовании членом преступной группы для совершения в интересах преступной группы преступления умышленно действующего лица, не входящего в преступную группу (отсутствие специального свойства);
- 3) при использовании организатором преступной группы для совершения в интересах преступной группы преступления особых обязывающих отношений, в силу которых член преступной группы был обязан исполнять приказы организатора (крайняя необходимость);
- 4) при использовании организатором преступной группы для совершения в интересах преступной группы преступления умышленно действующего лица при отсутствии у организатора преступной группы и непосредственного исполнителя преступления соучастия.

Уголовный кодекс Российской Федерации в ч. 2 ст. 33 воспринял концепцию и предложения ученых. Однако, на наш взгляд, разрешил этот вопрос не в полном объеме, что порождает трудности в судебной практике при разрешении дел, совершенных в соучастии и при групповых эксцессах.

В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно включить в главу 7 УК РФ «Соучастие в преступлении», самостоятельную ст. 36.1 в следующей редакции:

¹ См.: Мухеев Р. И. Посредственное исполнение и посредственный исполнитель в уголовном праве. М.; Смоленск, 2001.

«Статья 36.1. Посредственное исполнение преступления»

1. Посредственным исполнением преступления признается общественно опасная деятельность субъекта, при которой он умышленно побуждает другое физическое лицо, не обладающее общими или специальными признаками субъекта преступления и действующее невиновно или по неосторожности, совершить общественно опасное деяние в своих интересах или содействовать реализации общественно опасных тенденций, возникших у надлежащего субъекта, с целью достижения преступного результата.

2. Посредственное исполнение не является соучастием. Посредственный исполнитель несет ответственность по соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса как за совершение преступления одним лицом, но с учетом обстоятельства, отягчающего ответственность».

Таким образом, из ч. 2 ст. 33 УК РФ следует исключить слова «а также лицо,

совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом».

В целях повышения эффективности мер борьбы с особыми формами преступной деятельности целесообразно п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ изложить в следующей редакции: «привлечение к совершению преступления лиц, не обладающих общими или специальными признаками преступления, а также лиц, действующих невиновно или по неосторожности».

Библиографический список

1. Курс советского уголовного права. Часть Общая. В 5 т. Т. 1. – М., 1968.

2. *Михеев, Р. И.* Посредственное исполнение и посредственный исполнитель в уголовном праве / Р. И. Михеев. – М. ; Смоленск, 2001.

А. Ю. Пхитиков,

*адъюнкт кафедры уголовного права
и организации профилактики преступлений
Академии управления МВД России*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Проблема личности преступника является одной из основных при выработке мер борьбы с преступностью и вместе с тем наиболее сложной областью криминологического познания.

Личность преступника вызывает интерес со стороны представителей разных наук, как то: криминалистика, уголовное право, уголовный процесс, социология, психология, судебная психиатрия и другие.

При этом мы солидарны с утверждением, что не может быть «криминологической, уголовно-правовой, процессуальной, исправительно-трудовой, психологической,

криминалистической личности преступника»¹.

Личность преступника отличается от личности законопослушного гражданина негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично только для преступников, либо содержанием антиобщественной направленности взглядов, интересов, потребностей, наклонностей, привычек².

Преступник имеет определенные отличительные черты и особенности личности с присущими антиобщественными взглядами, отрицательным отношением к нравст-

¹ Миньковский Г. М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // *Вопр. борьбы с преступностью*. М., 1977. Вып. 27. С. 19.

² См.: *Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н., Бовин В. Г.* Некоторые отличительные психологические черты личности преступника // *Личность преступника и предупреждение преступлений*. М., 1987. С. 26; *Антонян Ю. М.* Системный подход к изучению личности преступника // *Сов. государство и право*. М., 1974. № 4. С. 88.

венным ценностям и склонностью к выбору общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявлению необходимой активности в предотвращении отрицательного результата¹.

Важную роль при изучении личности преступника играет определение ее структуры, которая помогает понять механизм антиобщественного поведения, раскрыть ее черты, круг обстоятельств, характеризующих личность преступника, социальных и антисоциальных связей в различных областях жизни, нравственно-психологическую и психологическую сторону личности и ее физические (биологические) свойства².

В структуру личности преступника должно быть включено в первую очередь проведение системного анализа таких социально-демографических признаков, как: социальные происхождение и положение, семейное и должностное положение, национальная и профессиональная принадлежность, а также уровень материальной обеспеченности, образовательный, культурный уровни, нравственные качества, ценностные ориентации и стремления личности, ее социальные позиции и интересы, потребности, наклонности, привычки, происходящие психические процессы, свойства и состояние личности, пол, возраст, состояние здоровья³.

Доля лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом спиртных напитков, не очень велика, однако вред, причиняемый данным видом преступной деятельности, как отношениям в сфере экономической деятельности, так и здоровью населения, заставляет обратить на них пристальное внимание.

Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой изучение преступника необхо-

димо начинать с изучения лица, не совершившего преступлений, ведущего себя устойчиво правомерно⁴.

Проведем подобный анализ на примере Кабардино-Балкарской Республики, где рост преступлений экономической направленности вызывает справедливую озабоченность.

В Кабардино-Балкарской Республике (далее: КБР) численность постоянного населения составляет 890,8 тыс. чел.⁵ По плотности населения КБР занимает восьмое место в Российской Федерации (72 чел. на кв. км).

Одним из приоритетных направлений социальной политики государства, влияющих на преступность, является политика занятости, в частности, политика, связанная с ликвидацией безработицы и созданием рабочих мест.

Так, численность населения в КБР в трудоспособном возрасте составляет 540,7 тыс. чел. (60,7 %), моложе трудоспособного возраста – 211,1 тыс. чел. (23,7 %) и старше трудоспособного возраста – 139,0 тыс. чел. (15,6 %)⁶.

Кабардино-Балкария – многонациональная республика. В национально-этнической структуре населения наибольший удельный вес имеют кабардинцы – 492,6 тыс. чел. (55,3 %), русские – 223,6 тыс. чел. (25,1 %), балкарцы – 103,3 тыс. чел. (11,6 %), осетины – 9,8 тыс. чел. (1,1 %), украинцы – 7,1 тыс. чел. (0,8 %), другие национальности – 54,4 тыс. чел. (6,1 %).

Среди населения преобладает городское – 504,2 тыс. чел. (56,6 %), сельское население составляет 386,6 тыс. чел. (43,4 %). Средний возраст населения – 33,5 года (мужчин – 31,7; женщин – 35)⁷.

Демографическая ситуация в КБР характеризуется превышением числа родившихся над количеством умерших на 21,8 %. В целом количество родившихся возросло на 14,1. По причинам смертности по-преж-

¹ См.: *Антонян Ю. М.* Криминология. Избр. лекции. М., 2004. С. 75–76.

² См.: Криминология / Под ред. Г. А. Аванесова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 264; *Дагель П. С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 48.

³ См.: *Антонян Ю. М.* Системный подход к изучению личности. С. 88; *он же.* Изучение личности преступника. М., 1982. С. 47–46; Криминология / Под общ. ред. И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, А. Б. Сахарова. Изд. 3-е доп. и перераб. М., 1976. С. 158–164.

⁴ См.: Криминология: Учеб. для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 339.

⁵ Данные демографического и социально-экономического характера приводятся по состоянию на 01.10.2007.

⁶ См.: Социально-экономическое положение КБР: Ежегод. стат. сб. М., 2007.

⁷ См.: там же.

нему основную долю составляет смертность в результате болезней системы кровообращения (61,7 %). В числе случаев смертности от внешних причин, которые составляют 8,3 % от общего числа умерших, доминируют самоубийства (16,0 %), случайные отравления алкоголем (4,6 %), убийства (4,2 %)¹.

Миграционная убыль составила 1750 чел., что на 202 чел. (10,3 %) меньше, чем за аналогичный период прошлого года (далее: АППГ). Это в основном обусловлено увеличением числа прибывших в КБР на 269 чел. (18,8 %). Число выбывших из КБР увеличилось на 67 чел. (2,0 %)².

Криминологический анализ структуры личности преступника, совершившего преступление, связанное с незаконным оборотом спиртных напитков в ликероводочной отрасли народного хозяйства в 2003–2007 гг. показал, что в 2007 г. общее количество подобных лиц по сравнению с 2003 г. возросло на 172,2 % (АППГ – 84,9 %).

При этом количество выявленных лиц достигло пикового значения в 2006 г., составив 4414 чел. (АППГ – 3225). Из них в 2007 г. по РФ привлечено к уголовной ответственности на 198 % больше, чем в 2003 г. Удельный вес лиц, привлеченных к уголовной ответственности, к общему числу выявленных лиц в данной отрасли в 2007 г. составил 97,2 % (2003 г. – 88,7 %, 2004 г. – 93,2 %, 2005 г. – 96,4 %, 2006 г. – 88,4 %).

В 2007 г. в КБР был зафиксирован рост на 50 % числа выявленных лиц, совершивших преступление в данной отрасли, по сравнению с 2003 г., при этом уровень удельного веса привлеченных к уголовной ответственности равен количеству выявленных лиц (100 %).

Структура личности тех, кто совершил преступления, связанные с незаконным оборотом спиртных напитков, показывает, что в основной массе преступления совершают лица, имеющих постоянный источник дохода (служащие, руководители, частные предприниматели), с высоким образовательным уровнем.

Социально-должностное положение таких лиц различно. В 2005 г. был отмечен

прирост: на 72,2 % лиц из числа «служащих», совершивших преступление анализируемой категории, «иностранных граждан и лиц без гражданства» на 161 %, «собственников и совладельцев» на 400 %, «работников кредитно-банковской системы» на 359 %, «руководителей» на 0,4 %, а также снижение преступной активности на 28,2 % среди представителей категории «частные предприниматели».

Согласно данным ГИАЦ МВД России в КБР в 2004 г. совершили преступления анализируемой категории: в 2003 г. 1 «частный предприниматель», в 2004 г. 4 «руководителя» и 5 «служащих», в 2005 г. 1 «руководитель» и 1 «служащий»³.

Одной из опасных тенденций современной преступности является дальнейшее усиление активности ее организованности и профессиональной части и процессов ее самодетерминации.

Так, из числа выявленных в ликероводочной отрасли промышленности в РФ в 2003 г. преступлений, по которым предварительное следствие обязательно, в группе совершено 78 преступлений в 2004 г. – 104 (+33,3 %), в 2005 г. – 224 (+187,4 %).

В составе организованных групп совершено анализируемых преступлений: в 2003 г. – 30 (удельный вес от общего числа выявленных лиц 4,5 %), в 2004 г. – 44 (3,7 %), в 2005 г. – 75 (2,4 %)⁴.

В КБР в 2004 г. было совершено в группе 2 преступления анализируемой категории, в 2005 г. – 5, в том числе в составе организованных преступных групп в 2004 г. – 2; 2005 г. – 3.

Кроме того, за анализируемый период (2003–2007 гг.) было выявлено лиц, совершивших правонарушения, связанные с незаконным производством и оборотом спиртных напитков в РФ (КБР) в 2003 г. 217283 (724), 2004 г. – 234982 (332), 2005 г. – 206561 (118), 2006 г. – 194554 (486), 2007 г. – 183748 (433). Из них в составе организованных групп в РФ (КБР) в 2003 г. – 108 (1), в 2004 г. – 911 (1), в 2005 г. – 114 (2), в 2006 г. – 0 (0), в 2007 г. – 35 (1). Основная масса данных правонарушений выявлена в организациях, занимающихся розничной тор-

¹ Социально-экономическое положение КБР.

² Там же.

³ См.: Стат. отчеты ГИАЦ МВД РФ за 2003–2007 гг.

⁴ См.: там же.

говлей спиртных напитков (55 %), что свидетельствует о большой степени криминализованности этой стадии¹.

Анализ изученных 150 уголовных дел, возбужденных по фактам незаконного оборота спиртных напитков, позволил составить криминологическую характеристику личности преступника: в 80 % случаев преступления совершаются мужчинами в возрасте от 30 до 45 лет (90 %).

Кроме того, данная категория преступников характеризуется более высоким образовательным уровнем, чем лица, совершающие другие категории преступлений, в том числе корыстной направленности: 50 % имеют высшее образование, 40 % – среднее специальное образование, 10 % – среднее (полное) общее образование.

По социально-должностному статусу данную категорию преступников составляют: руководители предприятий (60 %), частные предприниматели (20 %), продавцы в магазинах (13 %) и служащие (7 %). Это обстоятельство обуславливает и более высокий уровень образованности данной категории. В качестве мотива преступления в основном выступает корыстная направленность.

Таким образом, изучив личность преступника, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом спиртных напитков, мы пришли к следующим выводам:

- динамика выявления лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом спиртных напитков, имеет тенденцию к росту как по РФ, так и по КБР;
- наиболее криминализированным периодом, на который приходится рост числа выявленных лиц, совершивших преступле-

ния анализируемой категории, следует считать 2004–2006 гг.;

– за анализируемый период отмечено незначительное увеличение в целом по РФ удельного веса лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом спиртных напитков, по отношению к общему числу выявленных лиц;

– наблюдается интенсивный прирост по социально-должностному положению категории «собственников, совладельцев», «работников кредитно-банковской системы», и снижение преступной активности «руководителей» и «частных предпринимателей» в РФ и КБР;

– общественная опасность данного вида преступлений заключается в интенсивном росте числа выявленных лиц, совершивших преступления анализируемой категории в составе группы, в том числе в составе организованной преступной группы по РФ и КБР.

Лица, совершающие преступления, связанные с незаконным оборотом спиртных напитков, обладают специфическими особенностями, наличие которых обуславливает необходимость дальнейшего их изучения в целях индивидуализации профилактических мер.

Библиографический список

1. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
2. Миньковский, Г. М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии / Г. М. Миньковский // Вопр. борьбы с преступностью. – М., 1977. – Вып. 27.

¹ См.: Стат. отчеты ГИАЦ МВД РФ за 2003–2007 гг.

